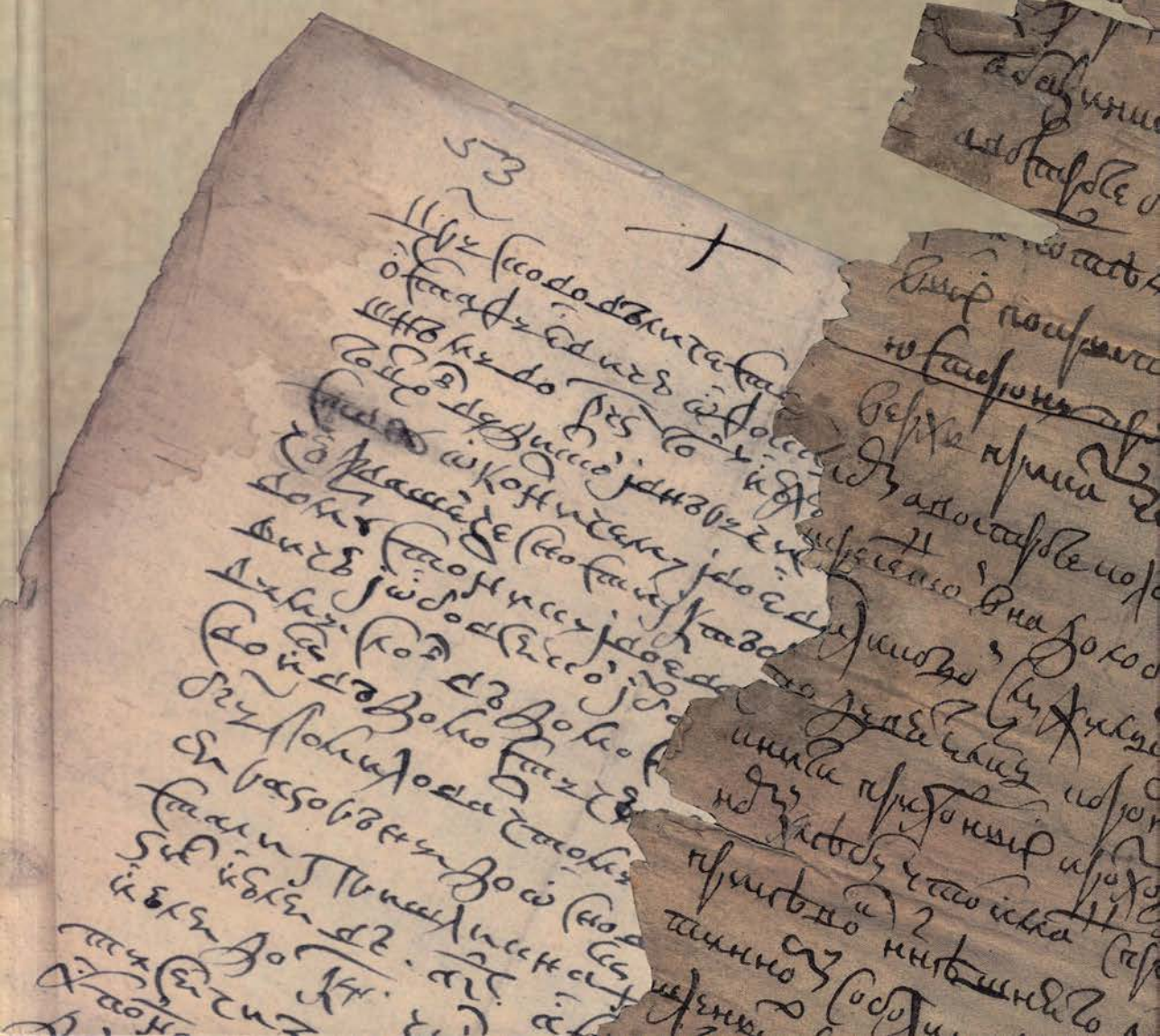

АЛБАЗИНСКОЕ ВОЕВОДСТВО.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ.

Албазинское воеводство

Сборник документов

Хабаровск
2019

УДК 908:325.52(571.61/.64)(093.2)
ББК 63.3(2)46-3я43 + 63.3(255)я43
А 454

А 454 **АЛБАЗИНСКОЕ ВОЕВОДСТВО (сборник документов)/Трухин В.И., Крюков В.В. - Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Хабаровск, 2019. – 628 с., ил. Библиотека дальневосточного казачества.**

ISBN 978-5-9906090-9-9

Авторы-составители:

Трухин В.И.

(сотрудник Амурского научного центра ДВО РАН)

Крюков В.В.

(член-корреспондент РАЕН)

Координатор проекта и автор идеи

Трухин В.И.

Разработка дизайна, верстка

Кодякова Е.В.

В оформлении разделов книги использован эскизный рисунок Н.П. Крадина
«Албазинский острог. Реконструкция».

Предисловие ко второму изданию

Предваряя второе, расширенное издание книги, хотелось бы отметить, что работа по выявлению документов относящихся к истории Албазинского острога продолжается. Во второе издание дополнительно включено еще двадцать два документа.

Пятнадцать из них уже были опубликованы в следующих изданиях:

Воробьев П.И. К истории русско-китайских отношений в XVII в. Труды ИВ АН СССР. Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935г. 1936. Т. 17. М.–Л. С. 167–183.

Дополнения к актам историческим, 1869г, т. XI, СПб.

Исторические воспоминания о реке Амуре. Москвитянин, № 7. 1843, с. 108–112, 116–117, док. № 2, 6.

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: «Репроцентр А1», 2008.

Лыхин Ю.П. Лыхины на реке Илим. Сборник статей «Не забывайте рода своего...». Иркут. о-во «Родословие» Иркутск : Репроцентр А1, 2015. С. 243–244.

Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке. Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. Том XXI. Вып. 2–3. СПб. 1912 с. 86–91.

Русско-монгольские отношения 1686–1691. Сборник документов. Составитель Г.И. Слесарчук. Ответственный редактор Н.Ф.Демидова. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва 2000г.

Трухин В.И. Письмо «немецкого офицера» из книги французского миссионера и иезуита Филиппа Авриля «Voyage en divers États d'Europe et d'Asie». Религиоведение. – 2017. – № 1. – С. 12–13.

Трухин В.И. ««Росписной список» Албазинского острога (1674)». Президентская библиотека (Санкт-Петербург). Сборники Президентской библиотеки. Вып. 3: К 200-летию императора Александра II: Архивные документы по российской истории в научных исследованиях и публикациях: сб. науч. тр. [науч. ред.: Н.В. Дунаева, С. Г. Кащенко].–2018. С. 178–188

Remezov, SemënUl'ianovich, 1642-ca. 1720. Khorograficheskayakniga [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Кроме того в это издание включены семь ранее непубликовавшихся или изданных частично документа. В настоящее время они хранятся в Государственном архиве древних актов в фондах: 214 (оп. 3, ст. 973); 1177 (оп. 1 ед.хр. 124) и 1142, (оп. 1, д. 43).

Содержание пяти документов, включенных в первое издание сборника выверено по архивным копиям и в этот сборник включены их уточненные тексты.

Принципы публикации документов, использовавшиеся в первом издании сохранены.

В. Трухин

Предисловие

Настоящий сборник включает в себя тексты исторических документов, относящихся к истории Албазинского острога. Всего в сборник включено сто двадцать шесть документов. Некоторые из них, в свою очередь, включают в себя еще ряд документов объединенных общим названием и тематикой, а так же разные редакции одного и того же документа сохранившиеся в различных архивах и фондах. Хронологически коллекция охватывает период с 1651 по 1755 г. Основной массив грамот относится к 70—90-м годам XVII века.

Большинство документов уже были ранее опубликованы в следующих изданиях:

1684—1685 гг. - Дела из Албазинского архива. Русская вивлиофика или собрание материалов для отечественной истории географии, статистики и древней русской литературы издаваемое Николаем Полевым. Москва 1833г.

Акты Исторические, т. IV, Спб 1842г.

Акты Исторические, т. V, Спб 1842г.

Артемов А.Р. *Явление албазинским казакам исковских святых. Вестник ДВО РАН №6 1990г.*

Берх В.Н. *Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян на берегах Амура //Сын отечества – М. – 1821. – Т. 68.*

Бродников А.А. *Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. Красноярск, 1994г.*

Вестник Императорского русского географического общества СПб, 1853г.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией., т. III, СПб., 1848г.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией., т. IV. СПб. 1851г.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией., т. VI, СПб., 1857г.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией., т. VII, СПб., 1859г.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией., т. VIII, СПб., 1862 г

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией., т. IX, СПб., 1875 г.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией., т. X, Спб.1867г.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией., т. XI, СПб.1869г.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией., т. XII, СПб.1872г.

Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653— 1726) и сведения о Даурской миссии. Собранные миссионером архим. Мелетием. Казань, 1875г.

Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова, на Амуре, в 1649—1651 гг.«Сын Отечества», 1840, кн. 1, С.-Петербург.

Леонтьева Г.А. *Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. — Москва, 1991г.*

Н.П. Крадин *«Роспись Албазинского острога 1684 г.». Научный журнал «Россия и АТР» 1992г.№ 2.*

Красноштанов Г.Б. *Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. — Иркутск: «Репроцентр А1», 2008г.*

Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XXI. Т. 2-3. СПб. 1912г.

Паришин В.П. *Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина.*

Полевой Б.П. *Известная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (Историко-археологические исследования) т.2 с. 7—30.*

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608—1683. М. Наука. 1969г.

Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы .Т. 2. 1686—1691. М., 1972г.

Русско-китайские отношения в XVIII веке т.2 Москва «Наука» 1990г.

Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы, Том 3. 1727—1729. М. Памятники исторической мысли. 2006г.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI: Русско-китайские отношения. 1752—1765/ Отв. ред. С.Л. Тихвинский М.: Памятники исторической мысли. 2011г.

Русско-монгольские отношения 1685—1691.Сборник документов. Составитель Г.И. Слесарчук. Ответственный редактор Н.Ф.Демидова. издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва 2000г.

Сборник документов по истории Бурятии XVII век, Улан-Удэ, Выпуск 1. 1960г.

Чтения в императорском обществе истории древностей российских при московском университете. 1861г.

Пять документов никогда ранее не публиковались. В настоящее время они хранятся в Государственном архиве древних актов в фондах: 1121 и 1142, оп. 1, д. 43. Тексты этих документов переданы буквами гражданского алфавита, с заменой, вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами. В конце каждого документа об этих заменах имеется указание.

Все остальные тексты воспроизведены как есть, то есть в редакции издания, на основании которого они были опубликованы. Если документы прошли через ряд публикаций, предпочтение отдавалось последнему по времени. Обо всех известных на момент републикациях, в конце документа имеется указание. Все сведения об архивах, из которых эти документы извлечены, даны в редакции изданий, на основании которой они были опубликованы. Часть из них к настоящему моменту устарели, однако поскольку мы не располагаем полными сведениями о том в каких архивах и фондах в настоящее время эти документы хранятся, было принято решение имеющиеся сведения сохранить, и они размещены в конце каждого документа.

Если использовались издания в старорусской редакции, их стиль, пунктуация и орфография сохранялись, а буквы старого русского алфавита были заменены современными. Если такая замена производилась, о ней в конце документа имеется указание.

Все примечания, сделанные к документам в изданиях, на основании которых они опубликованы, сохранены. К ряду документов были сделаны примечания сайтом «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelis.ucoz.ru/>). В этом случае в конце документа сделано специальное указание.

Датировка документа дается в современном летосчислении. В целом акты размещены в хронологическом порядке.

В квадратных жирных скобках указаны страницы издания, по которому производилась републикация. В квадратных тонких и полукруглых

скобках приводится текст, восстановленный по смыслу, или даны иные пометки, которых в оригинале документа нет. При наличии сведений об оригинальной нумерации листов, их номера указаны и выделены двумя косыми чертами.

В отдельный раздел выделены картографические и иные вещественные свидетельства истории Албазинского острога.

Русские картографические документы в которых нашла отражение история Албазинского острога это прежде всего рукописные карты С.У. Ремезова и его сыновей.

Единственный известный на сегодняшний день русский документ, на котором помещено изображение Албазинского острога, соответствующее его состоянию перед осадой 1685 года, это листы главы 52 «Река Амур с урочищи» из картографического рукописного атласа С.У. Ремезова «Хорографическая чертежная книга» начала XVIII в. На этой карте Албазинский острог изображен схематично. Тем не менее, на рисунке острога отражены все его основные строения, что позволяет составить общее представление об объемно-планировочной структуре острога. Все эти строения подробно описаны и соответствуют «Росписи Албазинского острога» 1684 года. В настоящее время атлас хранится в Соединенных штатах Америки в библиотеке Гарвардского университета. Растровое изображение карт доступно на сайте библиотеки. Факсимильная черно-белая копия этой карты вошла во второй том сборника «Русско-китайские отношения в XVII веке».

Еще один чертеж из этой книги, имеющий отношение к Албазинскому острогу это: «Свидетельство Даурского полковника Афонасья Иванова сына Байдона» (лист 147), составленное уже после падения Албазинского острога в 1689—1690 годах.

Источник изображений: Remezov, Semën Ul'ianovich, 1642-ca. 1720. Khorograficheskaya kniga [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>

Еще два картографических рисунка С.У. Ремезова это «Чертеж земли Нерчинского города» из «Чертежной книги Сибири» (Лист 19) и чертеж с аналогичным названием из «Служебной чертежной книги» (Лист 65). Не смотря на одинаковое название чертежи имеют разную степень детализации и информационную насыщенность

Источники изображений:

Чертежная книга Сибири С.У. Ремезова, составленная в 1701г. (факсимильное издание) Том I. Москва 2003

Служебная чертежная книга: Текст. Комментарии. Тобольск; Верона (Италия), 2006 (в соавт. с В.Н. Алексеевым).

Маньчжурские картографические документы представлены картографическим рисунком «Luosha» из рукописного атласа 17 века библиотеки Конгресса США Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖). Этот рисунок является очень информативным памятником истории русско-китайских отношений XVII века, его сопоставление с письменными источниками может помочь уточнить численный и качественный состав маньчжурских войск принимавших участие в осаде Албазинского острога, и установить ранее не известные детали маньчжурской компании по вытеснению русских из Приамурья.

Черно-белая фотокопия этого рисунка вошла во второй том сборника «Русско-китайские отношения в XVII веке», под названием «Китайский рисунок, изображающий оборону Албазина (Библиотека американского Конгресса)»

Атлас датируется периодом с 1697 по 1722 годы, состоит из четырех рукописных карт и хранится в отделе географии и картографии (Geography & Map Division) библиотеки Конгресса США (Library of Congress) в Вашингтоне. Это собрание карт охватывает четыре приграничные области Китайского государства XVII – XVIII веков: Айгун – военная колония середины 17-го века на берегу реки Амур, Лоча – русский лагерь в Восточной Сибири, Тайвань и Пескадорские острова, и Внутренняя Монголия. По технике исполнения — это рукопись на шелке. Все четыре карты находятся в свитке размером 55×585 см. Растровое изображение карт доступно на сайте библиотеки.

Источник изображения: Library of Congress // Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.loc.gov/item/gm71005078/> (дата обращения 17.01.2016)

Европейские картографические материалы представлены гравюрой конца XVII века из книги Н. Витсена «Северная и восточная Татария. На нем изображена ограда крепости маньчжурами в 1686-1687 годах.

Источник изображения: N. Witsen, Noord en Oost Tartarye, Ofte Bondig Ontwerp Van eenig dier Landen en Volken Welke voormaels bekend zijn geweest. Benoeffens verscheide tot noch toe onbekende, en meest nooit voorheen beschreve Tartersche en Nabuurige Gewesten, Landstreeken, Steden, Rivieren, en Plaetzen,

in de Noorder en Oosterlykste Gedeelten Van Asia En Europa Verdeelt in twee Stukken, Met der zelviger Land-kaarten: mitsgaders, onderscheide Afbeeldingen van Steden, Drachten, enz. Zedert naeuwkeurig onderzoek van veele Jaren, door eigen ondervondinge ontworpen, beschreven, geteekent, en in 't licht gegeven (Amsterdam MDCCV. First print: Amsterdam, 1692; Second edition: Amsterdam, 1705. Reprint in 1785)

Другие вещественные памятники истории Албазинского острога представлены их фотографическими изображениями

До настоящего времени в Оружейной палате Московского кремля сохранилось знамя Албазинского острога. В издании «Русские старинные знамена» 1865 года об этом знамени имеется следующая информация: «3699. Знамя Албазинское 1649 — 1689.

Середина из толстой, красной крашенины, четырехугольная, длиною 2 арш. шириною 1 аршин 14 верш. на ней с одной стороны написан, масляными красками, в облаце образ Спаса Вседержителя со Ангели, в молении св. преподобные Антоний и Феодосий печерские, св. Никита мученик и св. Иоанн воинственник; на другой стороне написано, в кругу, Знамение Пречистая Богородицы, и в молении св. преподобные Сергей игумен Родонежский, и ученик его Никон. Середина во многих местах пробита и порвана; краски осыпались; середина со всех сторон опушена коймою из голубой китайской, травной, камки, местами украшенной шитыми китайскими цветами; к голубой койме пришита другая койма из бледножелтой, китайской же, травной, камки, в эту койму были вишиты наугольники из зеленой камки; вследствие этих пришивок размеры знамени были громадные: в ширину оно простиралась до 4 арш. 14 верш. а в длину до 5 арш. с половиной; теперь коймы уцелели только местами, и в одном углу сохранился остаток зеленого наугольника; древко крашеное, красное; навершие гладкое железное копьё.

Это знамя поступило в Оружейную палату из московского Арсенала в 1863 году.

В передаточной описи под № 10 оно описано так:

«Знамя более всего замечательное по своей древности, сделанное из красной толстой крашенины, длина его 2 арш. и ширина 1 арш. 12 вершк. нет никакого сомнения что это знамя прислано из Москвы Царем Алексеем Михайловичем вместе с грамотою письменному Голове Ерофею Хабарову, для водружения на землях покоренных им русской Державе; в одном из свитков Архива видно что оно принадлежало Албазинскому

острогу, а потому в Якутске справедливо называют его сим именем; наименование это особенно поясняют трех цветов полосы, сделанные казаками, в разное время из китайской материи, и пришитыя с краям; знамя это чрезвычайно ветхо, на одной стороне его вверху написан масляными красками Спаситель, внизу с левой стороны Архангел Михаил и Иоанн Богослов, с правой имена святых совершенно стерлись; а на другой стороне сохранился образ Знамения Божией Матери, а посторонам его святые Сергей Чудотворец и преподобный Никон».

В настоящее время знамя со всех сторон обшито голубой и желтой китайской камкой, вследствие чего нынешние размеры его - 3,91х3,46 м.

В отделе нумизматики Государственного Эрмитажа сохранилась уникальная печать острога. Как отмечал в своей статье известный исследователь Албазинского острога А.Р. Артемьев «...Между тем это единственная сохранившаяся до наших дней печать сибирского острога XVII в. Остальные печати городов и острогов Сибири известны только по описаниям и редким оттискам с них на грамотах.

Албазинская печать изготовлена из серебра. Она имеет круглую плоскую форму с граненым, орнаментированным спереди ушком, отчего напоминает медаль. Диаметр печати 3 см, толщина 0,3 см, масса 23,95 г. На ее аверсе, в центре, находится углубленное изображение орла, держащего в левой лапе лук, а в правой - оперенную стрелу острием вниз. Изображение окружено двойным линейным ободком, с внешней стороны которого расположена круговая надпись: «ПЕЧАТ[Ь] ВЕЛИКИХ Г[ОСУ]Д[А]РЕЙ СИБИРСКИЕ ЗЕМЛИ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГУ». Реверс печати гладкий.

Композиция на печати Албазинского острога является естественным развитием эмблематики сибирских городов.

Нет сомнений, что печать у Албазинского острога появилась в 1682 г., когда государевым указом был учрежден отдельный Албазинский уезд с назначением туда воеводы. В надписи на печати есть указание на «великих государей», т.е. речь идет об Иване и Петре Алексеевичах, посаженных на совместное царствование в 1682 г.

Печать пережила вместе с албазинцами все превратности судьбы пограничного острога. После первого взятия Албазина маньчжурами в июне 1685 г. подъячий П.Хмелев передал печать воеводе А.Л. Толбузину, который отвез ее в Нерчинск. Затем печать вернули во вновь отстроенный город, но во время второй осады острога печать вновь была вы-

везена в Нерчинск. Это сделал уже казачий голова А.И. Бейтон. Позднее печать попала в Государственный эрмитаж». (Артемьев А. Р. «Печать Албазинского острога» Вестник ДВО АН СССР №1 1993г.).

Завершает графическую часть сборника художественные портреты участников тех событий:

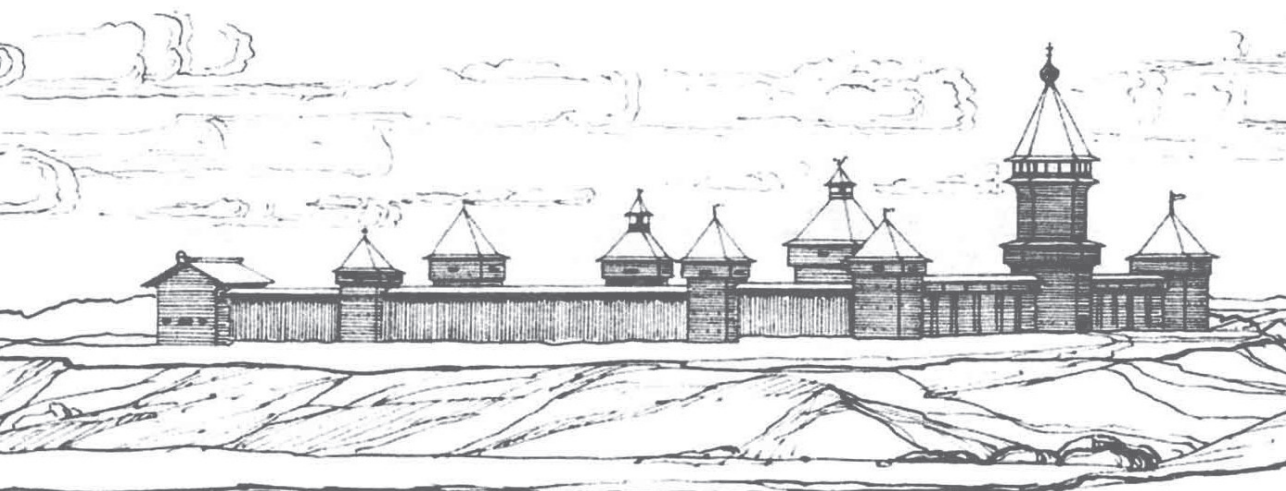
Парсуна Г. Н. Адольского (Одольского). «Портрет воеводы И. Е. Власова. 1695 г.» (Холст, масло. В настоящее время хранится в Нижегородском государственном художественном музее).

Икона «Преподобный Гермоген». На иконе основатель Албазинской Спасской пустыни иеромонах Гермоген изображается на фоне им сооруженных церкви и келлий, держащим на персях Нерукотворенный образ Спасителя или с крестом (распятием) в деснице, в епитрахили и клобуке.

В. Трухин

Раздел I.

Городок Албазин во время похода на Амур Е. Хабарова

№ 1

**1651 г. – Донос дьяка Петра Стеншина на Е. П. Хабарова
и воеводу Д. А. Францбекова.**

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу Всеа Руссии холоп твой Петрушка Стеншин челом бьет. В прошлом, государь, во 157-м году писали к тебе, государю, с Лены из Якутцкого острогу воеводы Василий Пушкин да Кирило Супонев да я, холоп твой, что в прошлом же, государь, во 155 году и во 156 году посылали мы, холопы твои, из Якутцкого острогу вверх по Лене-реке до Олекмы, а с Олекмы Олекмою-рекою до Тугирия-реки и Тугирем-рекою до камня, который камень промеж твоей, государевой, земли и Даурской, твоих, государевых, служилых людей ленских казаков Березовского города пятидесятника Василия Юрьева да енисейского казачья десятника Алексея Оленя с служилыми людьми. А велели им про ту Даурскую землю проведать подлинно и в Даурскую землю иттить. И те, государь, служилые люди Василий Юрьев с товарищи тою Олекмою и Тугирем реками под Даурскую землю ходили и с камня через хребет в Дауры на Амур большую реку служилых людей посылали и про Даурскую землю и про Амур великую реку проведали подлинно. А сами они в Даурскую землю зачем будет не хо-

дили и тебе, государю, не служили, и того мы, холопы твои, не ведаем потому, что в том же во 157 году с весны по первой полой воде с Ленского волоку по твоему, государеву, указу плыл в Якутцкой острог воеводам Василию Пушкину да Кирилу Супоневу на перемену воевода Дмитрей Францбеков, а мне, холопу твоему, дьяк Осип Степанов. А пловучи, государь, тот воевода Дмитрей Францбеков и дьяк Осип Степанов Ленского ж уезду с хлебных заимок с Киренги послал по той нашей дороге в Даурскую землю пашенного крестьянина Ярофейка Павлова сына Хабарова устюжанина да с ним промышленных гулящих людей, не доехав к нам в Якутцкой и не переменя нас. А тот Василий Юрьев с товарищи дождались ево, Дмитрея Францбекова, на дороге, на Олекме и с ним поехали вместе в Якутцкой острог. И в Якутцком, государь, остроге он, Дмитрей, и дьяк Осип, приняв у нас, холопей твоих, твою, государеву, ясачную и десятинную и соболиную казну, послали их, Василия Юрьева, за той твоею, государевою, соболиною казною к тебе, государь, к Москве.

И в прошлом, государь, во 158 году весною тот Ярофейко Хаба-

ров из Даурской земли в Якутцкой острог к воеводе Дмитрею Францбекову и к дьяку Осипу Степанову приплыли. И воевода Дмитрий и дьяк Осип по твоему, государеву, указу дали ему наказную память, а в той наказной памяти без твоего, государева, указу написали ему, Ярофейку, целым именем с «вичом»—«Ярофею Павловичу», посольскую речь ис своего наказа, как он, Дмитрий, по указу блаженные отца твоего великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси с Москвы послан был в немцы в Стеколну (Стокгольм.—Г. Леонтьева), а в той посольской речи писал ему, Ярофейку, как ему к даурским князьцом послов посылать и речи от тебя, государя, говорить без твоего ж, государева, указу. А по том, государь, пашенном крестьянине, Ярофейке Павлове сыне Хабарове устюжанине, взята в твою государеву казну поручная запись. И та по нем запись воеводе Дмитрею Францбекову и дьяку Осипу Степанову отдана. А в той ево, Ярофейковой, поручной записи написано, что ему, Ярофейку, на Лене-реке на Усть-Киренги-реки после урочных годов на тебя, государя, пашня пахать от девяти десятую десятину по вся годы без переводно, чтоб год от году пашня пространилась и не запустела, и хитрости и порухи никакой не чинить и пашни не покинуть. А будет пахать пашни не

станет и пашню покинет, и на тех порутчиках взяти твоя, государева, пеня и их порутчиковы головы в его Ярофейковы головы место. И твоя государева пашня, а не токмо, государь, что ему такая твоя государева даурская служба и посольская речь, за обычай. Нигде тот Ярофейко на твоей государеве службе преж сего, ни в посольстве не бывал и ничего, опрично пашни, тот Ярофейко не знает. Да с ним же, Ярофейком, в те поры воевода Дмитрий Францбеков из Якутцкого острогу отпустил твой государев наряд три пушки, которые у нас приняли, да твоих государевых служилых людей Тобольского города казаков Третьяка Ермолина сына Чечигина с товарищи дватцать человек. А послал, государь, он, Дмитрий, того Ярофейка Павлова в Даурскую землю не для твоей государевой службы, а для своей бездельной корысти и нажитку, дав ему, Ярофейку, своих денег две тысячи девятьсот рублей. В том к его Ярофейковой записной для смертного часу духовной изустной памяти он, Дмитрий, велел отцу своему духовному Якутцкого острогу Троецкому черному попу Перфилю и белому попу Стефану и руки свои приложить. И та ево Ярофейкова духовная у него, Дмитрея. И про то ево даурскую посылку, что он с Ярофейком для своего нажитку послал свои деньги, ведомо многим Якутцкого острогу служилым

и торговым человеком. Да Дмитрий же Францбеков в те ж поры для той же даурской службы своего нажитку дал промышленному человеку Соли Вычеготцкой Дружинке Васильеву сыну Попову шестьсот рублей. А тот Дружинка до тех мест был промышленным, во 157-м году из Енисейска шел на судне устюжанина у Павла Фотиева сына Бизимова в наемщиках и в Якутцкой острог пришел без товару ж. А к тебе, государю, он, Дмитрий, про ту Даурскую землю писал с сыльным иноземцом, которого по твоей государевой грамоте из Якутцкого острогу в сибирские и русские города никуда выпускать не велено, с Матюшкою Сосновским, свою службу с прикраскою, чего там не бывало. Что будто Ярофейко в Даурской земле поймал пять городков. И тот ссыльный Матюшка Сосновский ехал сибирскими городами в русские города к тебе, государю, к Москве обманом, пролышкою. В первом в Ленском острожке, которой по твоему государеву указу на Ленскому волоку, на Илеме-реке, мы, холопы твои, поставили, в том острожке (Илимском.–Г. Леонтьева) твоему государеву воеводе Тимофею Шушерину при Ленском Илимского волоку... при попе Обросиме Толстоухове и при енисейском сыне боярском при Парфене Ходыреве и при игумене Варламе, которой в те поры из Тобольска ехал, в Ленском сказывал..., что будто он, Матюшка,

от него, Дмитрея, везет к тебе, государю, из Даур узорочья–камень дорогой–жемчугу самого большого крупного. Про то, приехав, в Якутском остроге сказывал енисейской сын боярской Парфен Ходырев. А что твоего государева наряду из Якуцкого с тем Ярофейком послано и что ему Дмитрий в Даурскую землю денег своих дал, и как, едучи из Якуцкого острогу с новоприборными промышленными людьми и с тем Дружинкою Васильевым на Усть-Олекмы-реки твоих государевых ясачных якутов грабили и испищали по ним стреляли, их переранили, и грабежом у них коров и быков поймали и с собою взяли, и что Матюшко Сосновской, едучи к тебе государю к Москве, на Ленском волоку даурскому дорогому камению цену сказывал и жемчугу с собою вес, о том писал к тебе, государю, я, холоп твой, во 158 году.

И в нынешнем, государь, во 159-м году июня в 1 день прислал из Даурской земли в Якутцкой острог с отписки к воеводе к Дмитрею Францбекову и к дьяку к Осипу Степанову тот пашенной крестьянин Ярофейко Хабаров служилого человека Третьяка Чечигина да с ним новопроборных промышленных людей племянника своего родного Артюшку Филипова сына да того прежнего промышленного Дружинку Васильева сына Попова у Соли Вычеготцкого. И тот, госу-

дарь, служилой человек Третьяк Чечигин мне, холопу твоему, рассказывал про Даурскую землю. Что они в прошлом во 158 году из Якутцкого острогу в Даурскую землю пошли после Прокопиева дни устюжского чудотворца. И идучи дорогою Леною и Олекмою и Тугирем реками до камня мешкотно, запасы уметывали и стоянки были. А шли до Даурского камня два месяца, а за камень летним же осенним путем на Амур-реку вышли в восемь дней и пришли под Олбазин-город за неделю до Покрова святой Богородицы нынешнего 159-го году. Под тем Олбазиным-городком нашли они прежних охотчих, которые наперед сего с тем Ярофейком Хабаровым пошли в Дауры во 157-м году. Застали их в даурских юртах. Сидят в осаде чуть живы человек с пятьдесят, а иные с половину тех людей даурские люди побиили. Да у них же даурские ж люди взяли живых березовского Ваську Рашиева да промышленного человека... А твоего государева ясаку они ныне з Даурской земли привезли всего только четыре сорока соболей и те соболи обышные... А подлинные де роспросные речи даурских князьцей, ясырей у него, Третьяка Чечигина, есть записаны и к воеводе де о том к Дмитрею Францбекову и к дьяку Осипу Степанову тот Ярофейко Хабаров писал же.

Да я ж, государь, слышал от промышленных людей, которые

пришли с промыслу с Олекмы, да от торгового человека Соль Вычегодцкой от Павла Бизимова, в нынешнем во 159-м году посылал он с мезенцом с Петрушкою Савельевым по Олекме-реке на соболиной промысел своих шесть ужин да его, Петрушкиных, были две ужины. И тот де пашенной Ярофейко Хабаров те ужины и покручеников, их товары и хлебные запасы и всякие соболиные заводы пограбили все без остатку и покручеников с собою поймал. А на сколько рублей того их промыслу и запасу пограбил, и о том тебе... тот торговой человек сам учнет бити челом.

Да в нынешнем же, государь, во 159-м году июня в 29 день сказывал мне, холопу твоему, ленской казак, а хто, государь, тот служилой человек имянем, и того ныне я, холоп твой, к тебе, государю, имени ево от ево Дмитреева, заказу и заставы, что он отписки и всякие письма обыскивает и к себе переимает, написать не смею. Что он, Дмитрий, у себя на дворе при людех говорил такие речи, что та даурская служба стала ему недешева [Текст утрачен] слова, что он с ними служилых и промышленных людей. .. [Текст утрачен] им и платья им покупал и запасы своими ссужал, и животы де все он свои в том истерял. А стала де ему та даурская служба в тридцать тысяч рублей с лишком, в том числе за одним Ярофейком Хаба-

ровым в семь тысяч рублей, за Дружинкою Васильевым Поповым, что он ныне к тебе, государю, к Москве з даурскими отписки от него, Дмитрея, отпущен, на нем, Дружинке, шестьсот рублей. А на иных по сту и по пятидесяти и по сороку рублей и по тритцати, а менши того, кому он ссуду давал, тритцати рублей в дачах нет. А которых служилых отпущал и ныне ссыльных служилых же людей посылает, он у них оклады их твоего государева денежное и хлебное жалованье все себе емлет, а им дает, покупая пищаля и свинец и зелье и платье. В том на них сверх их окладов емлет кабалы, и в те кабалы сверх займов треть денег невзятых, вместо росту, лишку приписывает. Кому дать десять рублей, а кабалу на него пишет в пятнатцати рублей, а кому даст дватцать рублей, а кабалу пишет в тритцати рублех, а кому даст болше, и те кабалы пишет по тому ж розчету. И с теми де он приписными денгами тое даурскую службу почитает в тритцать тысяч рублей слишком.

И только ты, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, про ту Даурскую землю во што тебе, государю, по Дмитреву отпуску Францбекова ныне в трех посылках стало и в его, Дмитревых, в денгах якутцкого посульного ево нажитку, что он пашенному Ярофейку Павлову сыну Хабарову и ему, Дружинке, для своего нажит-

ку денег и иным промышленным людям и платья и ружья покупает и своих запасов давал, а на их в том имал кабалы, и как Ярофейко во 158-м году из Якутцкого острогу в Дауры шел и на Олекме твоих государевых ясачных якутов грабил, и по ним стрелял и дву человек ранил, и быков и коров побив с собою поймал, и что ныне тому Дружинке, как ево ныне из Якутцкого острогу отпустил к тебе, государю, к Москве, для вывозу денег своих дал, укажешь того Дружинку спросить с пристраскою для того, что тот Дружинка в те поры ехал с ним же Ярофейком и в Даурской земли был зиму, зимовал. А ныне из Якутцкого отпущен к тебе, государю, к Москве з Дмитриевыми отписки и с его, Дмитриевыми, нажитки. И тем Дружинкою, по твоему государеву указу, мошно будет в той даурской службы в его Дмитриевых и посульных деньгах и что он Ярофейку и ему, Дружинке, и иным служилым людям, промышленным, охочим людям и ему, Дружинке, для вывозу денег дал, ыскать. Да сверх того и твоих государевых служилых старых ленских казаков, которые ныне к тебе, государю, с твоею государевою ленскою соболиного казною посланы, распроеить же. И в Якутцкой остроге без него, Дмитрея, попы и дьяконом и служилыми и торговыми и промышленными людьми всеми сыскати. И по тому распросу

и сыску, та даурская служба и его, деньги тебе ведомо будет все.
Дмитриевы, нажитки, посульные

ЦГАДА: СП. Стб. 338. Л. 262–265

Воспроизводится по:

Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. – Москва, 1991.

№ 2

1651 г. март – Допросы, сделанные Хабаровым Даурцам, взятым в плен в 1651 г. (драгоценный географический материал для познания Амура и тамошних отношений Китая, в половине XVII-го века).

159 года Марта в ... день, я в новой Даурской земле Князя Лавкаева, во Албазине городе, приказной человек Ярофей Хабаров Даурских языков, которые взяты на боях, Князьковых Шилчинковых детей Араула Дамазигу, да егож Шилчинизива сына Агантимураулана, Князя Шурина Тычигея спрашивал, какие люди живут на Амуре и по иным посторонним рекам, какие у них города и теми городами кто у них владеет, и какия у них узорочья живут? И в распросе Даурские языки, Князевские дети Шилгинеевы Араул Дамазева Даган Тимра, Князя шурина Тычигея сказали: сверх до Шилки реки и по Амуру вниз

живут городами Даурские Князья, Князь Лавкай, да Князь Шилгиней, да Князь Албаза, да Князь Ату, да Князь Десаул, да Князь Балбулай, да Князь Гогудан, да Князь Якорея, да Князь Шочканы, и те де все Даурские Князья с себя и своих улусных людей платят ясак по все годы Богдайскому своему Царю Шамшакану; Царь же Шамшакан посаженик Царя Алакабатуракана, а тот де у них Царь Алакабатуракан Царю Шамшакану и Даурским Князьям Даурской области велик и грозен, а которой де ясак Царь Шамшакан емлет с Даурских Князей, и с их улусных людей, и тот де ясак отсылает он, Царь Шамшакан к Царю Алакаба-

туракану, а Шамшакан де Царь живет на Ноне реке, а Нона река пала в море, а которые де Дауры и Жулеры и Натки ходят к нему, Шамшакану, с ясаком через хребет конем с Амура напрямую две недели, а водяным путем с Амура реки по рекам [113] же, которые пали в Амур, по Науну и Посилиму, в по Илиму водяным путем в судах четыре недели, а с Илиму реки через хребет на Кону реку волоку пешего хода четыре дни, а по тем де рекам стоят у них города, деревянные и каменные, и у Царя де Шамшакана на городах пушки есть, а как де на въезде случится на боях, и он де бьется на боях лучшим боем и саблями и копьями, да у них де на Шулиме реке гора, а в той горе руда серебрянная, в с той де руды они плавят серебро, и стоять де у той горы, для обережения оных земель, на карауле Богдайские люди же по пяти сот человек днем и ночью, все в куяках по переменам беспрестанно, а которые де люди приходят к той горе сведома Шамшаканова по серебрянную руду, и те де люди копают из той горы серебрянную руду в меру, а на Шамшакана де Царя выделают меру; а ходу де до той горы от Албазина города сухим путем через гору конем ехать две недели, а выше де того города, с Шилки реки, есть де другой прямой путь до той серебрянной горы, ехать конем семь дней, и про тот де у них путь заказ всяким людям положен жестокой,

чтоб тем путем никак люди не ездили, а кто де будет тем путем поедет, Царь Шамшакан тех людей поймав и велит казнить смертною казнью; да тут же де на Шилиме живут люди Арары, и те де люди делают золото и серебро, да у них же родится жемчуг и камень драгое, иныя всякия краски и шелки, теми красками крашены всякими разноразными цветы и всякие дорогие товары, атласы и бархаты, и каем, и тафты, и кивдяки, и кумачи, а иныя де люди у них слынут чинные, и те де люди у них мудры гораздо, делают де они на своего Царя Алакабатуракана и на Багдацкаго Царя Шамшакана, всякия дорогия узорочья; да иных де всяких людей под их областью, и всяких дорожих узорочных товаров многое множество, да в на Великой де реке Амуре, и по иным сторонним рекам, живут многие люди Дауры и Жюгеры городами и улусами, и пашни пашут большия, и родится де у них железо, и медь, и олово, и свинец, а все де те люди платят с себя ясак Багдадскому Царю Шамшакану соболями. Того с них ясаку идет Шамшакану Царю против Государевы казны, почему посылается на год к Государю к Москве [114] из Ленскаго Якутскаго острога; а ниже к морю, по Амуру, и на море по губам, и по островам, живут люди, ясаку де с себя никому не платят, и с натками приезжают и торгуют, и на устье де Ноны и Надна реки от Багдацкаго

Царя Шамшакана Князя во место, и хоть де Князь Гипа водит на Царя своего Шамшакана гуси и лебеди и куры, и ловит всякую добрую рыбу на негожь; Шилки реки есть неясачной Князь Гаутимур Улан, и про того Князя шурин его Тычилай, в роспросе сказал : под тем де Князем Гантимуром живут люди Шарадувы и Шлюды и Ночега многие и большие, и тот де Князь Гантимур Улан с Рускими людьми драться не станет, и ясак де с себя и с улусных людей платит. Да в верхужь по Амуру реке живут люди Таргачины, и против,

их иноземцы, и Государским счастием тою новою Даурскою землею обовладеть будет можно и под Государскую Царскую Высокую руку привести, и та новая Даурская земля будет Государю второе Сибирское царство, и вперед будет та Даурская земля прочна и постоянственна; да онижь Даурские языки в приспросе сказали, что де Даурские Князья сверх Амуры бежат все на низ к большим людям и близко де Руских людей жить не смеют, а ждут к себе, оборони от Багдатскаго Царя Шамшакана и Алакабатуракана Царя.

Воспроизводится по:

Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова, на Амуре, в 1649-1651 гг. «Сын Отечества», 1840, кн. 1, С.-Петербург.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

◆

№ 3

1651 г. – Донесение Царю А.М. из Якутска, о подвигах, Хабарова на Амуре, в 1651 г.

Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу Всея Руси, холопи Твои Митька Францбеков, Оська Степанов челом бьют: в

нынешнем Государь во 159 году Мая в 29-й день, писал Государь к нам холопям Твоим из новой Даурской земли приказной человек Ярофей

Хабаров, что в прошлом Государь 158 году по Твоему Цареву указу послали мы холопи Твои его Ярофея с служилыми и с охочими промышленными людьми, на твою Государеву службу, в новую Даурскую землю, на Твоих Государевых непослушников, на Даурских людей, на Князя Лавкая с товарищи для приводу под Твою Государеву Царскую высокую руку, и для твоего царства ясачнаго сбора, и для Государь проведывания серебрянных руды, и он де Ярофей с служилыми и охочими, с промышленными людьми, в прошлом во 158 году, на ту Твою Государеву службу шел и пришел в новую Даурскую землю, на великую на Амур реку, в Князя Лавкаево княжение, и к Даурскому городу, и они де Государь Даурские люди подсмотря их и не допустя до того их Даурскаго города вышли на вылазку, и в том месте с ними бой поставили, и бились де с ними с половина дни до вечера, и на том де Государь бою их Даурских людей многих побили, а у него де Государь Ярофея в полку ни одного человека до смерти не убили, только де Государь переранили двадцать человек, и те де Государь Даурские Князя, и с своими улусными людьми, против того их бою стоять не могли, и покиня тот свой город, и с хлебными запасы; пометався на кони, все побежали в низ по Амуру реке, к конным большим людям, и он де Ярофей, с тем войском, тот

Албазин Даурской город и засел, и того жь Государь дня он же де Ярофей послал служилых людей, Дунай Трофимова, Тренку Ермолина, да с ними охочих промышленных людей сто тридцать пять человек в легких стругах, за теми за Даурскими людьми в погоню и под город Князя Атуя, и те де Государь [117] служилые люди до того города Князя Атуя плыли ночь, и на утро де, Государь, те Даурские Князя с своими людьми, увидя тот их служилых людей приплав и полчаса страхом одержимы, я тот свой город зажгли, и зажегши на кони пометались, и от того города все побежали на низ по Амуру реке, и служилые де, Государь, люди, увидя над собою Божию помощь, что те Даурские люди от них побежали, и бою с ними не поставили, и они де Государь за теми Даурскими людьми от того места гнались, с утра до половины дни, и в половину дни тех Даурских людей ностигли, и с ними де Государь, бой учинили, и Божиею де милостию, и твоим Государским счастием, на том бою многих Даурских людей побили, и рогатаго скота у них отбили сто семнадцать скотин, а у них де у служилых людей на том бою переранили девять человек, и с тем де Государь, скотом служилые люди пришли все в Албазин город 11 Ноября; да Государь, в 29 день он же де Ярофей, с служилыми людьми, в поход ходил на нартах, с Твоим Государе-

вым большим ружьем, с двумя пушками, а в городе де Государь, оставлял не с больших людей, и шли де они, Государь, от своего, от Албазина города, вниз по Амуру реке, девять дней, а в десятой де Государь день встретили де их конные Даурские Князья с большим де своим войском, и в том де Государь, месте с ними бой поставили и билися де Государь, с ними день весь, с утра и до вечера, и многих де Государь, Даурских людей побили и те де Государь, Даурские люди против того их бою и пушек стоять не могли и от них все побежали, и он де Ярофей на усть Шилки реки, на великой реке Амур, для Государь поселения пашенново, и для приходу Русских людей новый поставил острог, в угожем, в крепком месте под волоком, где Государь переходить будет Руским людям пешею ногою, сухим путем только в два дни, и в том де Государь, остроге для пашни оставил он, Ярофей, на своих проторях и с своими подъемы двадцать человек. А для Государь службы и для приводу под Твою Государеву Царскую высокую руку Князя Гантимураулаха и Таргачина для ясачнаго сбора служилых людей тридцать человек; и будет де тебе Государю в произвол послать [118] на великую на Амур реку ссыльных или иных каких людей для пашеннова поселения, и на Амуре де, Государь, реке пашенных угожих мест, и сенных

покосов, и рыбных ловель и всяких угодей гораздо много. Да Божиею де милостию и Твоим Царевым счастьем, поймали де они на боях Даурских языков, Князевых Шилгиневых детей, Араулядама, да Гартиму Раулана, Князя шурина, его тыгиня, и тех де Государь языков он, Ярофей, спрашивал, какие люди живут на Амуре и по сторонным рекам, и какие у них города, и теми городами кто у них владеет, и какия у них узорочья живут, и что Государь те Даурские языки в распросе сказывали, и те Государь их распросныя речи он, Ярофей, под отпискою прислал в Якутской острог к нам холопам твоим в съезжую избу. Да в прошлом же де Государь, во 158 году, июня в 8 день, прислал де Князь Шилгинай Тебе, Государю, ясаку тридцать соболей в казках по одной задней лапе, с полухвостами; да с тогож Государь де Князя Шилгинай взято на Тебя Государя ясаку, на тот же на 158 год, девяносто один соболя, и у тех, Государь, соболей по одной лапе с полухвосты; да тебе же де, Государю, прислал в ясак Князь Лавкай, с зятем своим, с Тунгусом Ганькашою шубу соболюю пластинную, да двенатцать соболей, в казках, по одной же задней лапе с полухвосты, да соболя битой; да тебе де, Государю, прислал в ясак Князь Албазегин, Дегипа сын, тридцать два соболя, спупки поротые, и у тех соболей по одной же задней лапе с

полухвосты , а в перед де он, Ярофей, приказал им, Даурским Князьям, чтоб, Государь, они у соболей лапы прочь не отнимали и хвостов не пороли, а привозили бы соболи тебе, Государю, в ясак целыми соболями, а прочь бы у них ничего не отнимали и всего, Государь, того ясаку, с Даурских Князей, взято на Тебя, Государя , четыре сорока, шесть соболей , в том числе соболь битой, да шуба соболя пластинная, и ту же, Государь, всю мягкую рухлядь он, Ярофей, из новой Даурской земли, из Албазина города прислал в Якутской острог к нам холопам Твоим в съезжую избу служилым человеком, с Тренкою Ермолиным, да с охочими служилыми людьми с Дружинкою Васильевым, да Сентюшкою [119] Филиповым Петриловских, и мы, Государь, холопи Твои ту Твою Государеву ясачную мягкую рухлядь велели в Якутском остроге торговым людям разобрать, и споря оценить врознь сороками Ленскою прямою ценою, и оценив, Государь, ту Твою Государеву ясачную мягкую рухлядь, соболи и пупки, и шубу соболю пластинную, и Даурских языков допросныя речи, и той Твой Государев ясачной мягкой рухляди ценовную роспись за оценщиков руками под сею отпискою послали мы, холопи Твои, из Якутского острога к Тебе, Государю , Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Руси к Москве, с

Амурским с охочим , с служилым человеком , с Дружинкою Васильевым Поповым, а которые де, Государь, Даурские Князья, Князь Лавкай, и Князь Шингалей, и Князь Албаза Тебе, Государю, ясак дали, и те де, Государь, Князья и вперед под Твоею Государевою, Царскою высокою рукою быть в вечном холопстве, и ясак с себя, и с улусными людьми Тебе, Государю, платить хотят, а что, Государь, в прошлом во 158 году писали, Государь, мы холопи Твои, к Тебе, Государю, к Москве про Князя Богдая, и в тепоры, Государь, у Ярофея Хабарова, на великой реке Амуре, изымана была на погроме только одна Даурская баба, и в распросе рассказать про то, про все подлинно не умела, а по нынешним по подлинным, Государь, Даурским распросным речам , Князя Богдая у них нет, а слово де у них земля Богдайская, а Царь де в той земле именем Шамшакан, а посаженик де он Царя Алакабатуракана, и ныне де, Государь, Даурские Князья живут вскопе на низу Амура реки, а ждут де, Государь, оборони к себе от Царя своего, Шамшакана, Котисака, Батуракана Царя, а Ярофей де Хабаров служилыми, и с охочими, с промышленными людьми в их Даурской земле на великой реке Амуре живут в Албазине городе, в самом крепком месте, и за помощью де, Государь, Божиею чают милости Божией, что им, Даурским людям, из

того места выжить будет ничем не можно; а хлеба де, Государь, у них служилых людей, хотя на пять лет, и то будет запаснаго , что взято в городе у Даурских людей, а будет Тебе, Государю, в произвол тою новою Даурскою землею , и теми Царями Шамшаканом и Алакабатурушканом [120] и серебрянную горою обовладать, и послать в ту Даурскую землю больших ратных людей, и тем, Государь, ратным людям из Якутского острога только надобно хлебных запасов до Волоку, на чело века по семи пуд, а за Волоком де, Государь, на великой реке Амуре, по сказке Амурских служилых людей можно хлеба взять у Даурских людей, хотя на дватцать тысяч человек, или побольше, а которые де, Государь, люди во 158 году, прежняго его Ярофея , на великой реке Амуре, без него, Ярофея, теловали пятьдесят человек в городе, и Даурские де люди с ними, по многая времена бывали под их городом, а города де, Государь, они взять не могли, и их де,

Даурских людей, на тех боях они служилые люди многих побили, а иных переранили, а сами де они служилые все прожили до него Ярофея здоровыми, а нынече, Государь, мы холопи Твои, послали на прибавку в новую Даурскую землю, для той Твоей, Государь, службы из Якутского острога служилых людей дватцать семь человек, да охочих, Государь, промышленных людей сто десять человек, а которым, Государь, промышленным людям за скудостию, и в нынешнем 159 году, на ту Твою Государеву службу в новую Даурскую землю своим подняться было нечем, и я холоп твой, Митька, тех промышленных людей, для той Твоей Государевой службы своими хлебными запасы, и ружьем, и порохом, и свинцом, и на платье деньгами, а вперед, Государь, нам, холопам Твоим, о той Даурской службе, что Ты, Государь, Царь и Великий Князь Алексей Мнхайлоаичь, всея Руси, прикажешь.

Воспроизводится по:

Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова, на Амуре, в 1649-1651 гг. «Сын Отечества», 1840, кн. 1, С.-Петербург, № 10, с. 116–120.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 4

1652 г. мая 22. – Роспросныя речи служивых людей Постника Володимерова, Петра Герасимова и Тунгузской женщины Даманзи, о пребывании приказнаго человека Ерофея Хабарова на реке Амуре и о проч.

160 году, мая в 22 день, в Якутском остроге в съезжей избе столнику Ивану Павловичю Акинфому да диаку Осипу Степанову новоприборные служилые люди Посничко Володимеров да Петрушка Гарасимов подали отписку с Тугиря реки от служилого человека от Ивашка Артемьева да от новоприборного Никифорка Хабарова.

А в роспросе новоприборной служилой человек Посничко Володимеров и промышленной человек Петрушка Гарасимов сказали: в прошлом де во 159 году, в августе месяце, шли они из Якутского острогу с служилыми людьми с Тренкою Чечигиным с товарищи в Дауры Тугирем рекою, и встретили де они служилые люди Тренка Чечигин с товарищи из Даур от Ярки Хабарова новоприборных служилых людей дву человек Томилка Васильева да Стенку Горохова, и служилым де человеком Тренке Чечигину с товарищи те Томилко и Стенка сказывали, что де из Даур под Тугирской волок пришло их служилых людей в дощанике с запасом сорок человек на встречу, а запасу привезли 200 пуд; а про Ярка

де Хабарова сказывали они Томилка и Стенка Тренке Чечигину при них, что де у него Ярка под острожком, где он Ярко зимовал, сделаны суды 4 дощаника, а хотели де служилые люди и новоприборные плыть вниз по Амуру реке; а сам ли де он Ярко со всеми служилыми людьми плыть или служилых людей послать хочет, того [347] де они Томилко и Стенка не ведают; а Даурские де люди вниз по Амуру реке в городе стоят большие люди тысяч с семь кучных конных людей, а ожидают де они к себе его Ярка Хабарова с ратными людьми, а кто им служилым человеком Томилку про то сказывал и от кого такая весть учинилась, и про то де они Посничко и Петрушка не ведают; да они ж Посничко и Петрушка сказали: в нынешнем де во 160 году зимовали на Тугирском волоку охочих новоприборных служилых людей, которых оставил служилой человек Ивашко Артемьев да Ярков брат Хабарова Никифорко Хабаров, и весною де пошли они за волок на Амур реку, а зимовье покинули пусто, а взяли де они с собою государевы пушечные запасы 24

пуда с полупудом зелья да 29 пуд с полупудом свинцу, а на Тугирском де волоку острожку никакого нет и не бывало, а стоят де толко два зимовья, одно де зимовье поставлено в прошлом во 157 году, а поставили де Ярослаца Ивашка Беляши покрученики Ивашко Квашнин с товарищи, а другое зимовье в прошлом 158 году поставил Ондрюшка Ворыпаев с покрученики своими, а в зимовьях де толко по одной избе, да против изб по сеням, а около де зимовей острожку никакого нет и не бывало; а пашни де на Тугирском волоку устроить нельзя, потому что места каменные, а за волоком де на другой стороне пашенные места есть ли или нет, того де они не ведают, потому что сами не бывали. А Тунгуская баба Даманзя, которую привезли в Якутцкой острог новоприборные служилые люди Посничко Володимеров да Петрушка Гарасимов в роспросе сказала: в прошлом де во 159 году была она с мужем своим в Даурах в Лавкаеве улусе, и как де пошла она с мужем своим из Лавкаевых улусов, и ее де Даманзю изымали служилые люди, которые с Ярком Хабаровым, а мужа де ее убили, и привели де ее в Чипин острожек и Албазин к Ярку Хабарову, и жила де она в острожке у Ярка Хабарова два месяца, и послал де ее Ярко к брату своему к Никифорку с служилыми людьми, и Никифорко де ее взял и прислал в Якутцкой острог; а как де

она была в Даурех, и она де видела, что Лавкаев острожек выжжен, а выжгли де его служилые люди Ярко Хабаров с товарищи, а стоял де тот Лавкаев острожек усть Уры реки на Шилке, а от того де Лавкаева городища до князца Чипы наниз Шилкою рекою два дни, а Лавкаево городище и Чипин острожек стоит на Шилке реке, а про Амур де реку она Даманзя не знает, где Амур река, а называют де Руские люди Ярко с товарищи Амуром рекою Шилку реку, а Дауры, де и Тунгусы тое реку зовут Шилкою, а не Амуром, а под Лавкаем де и под Чипою улусных Даурских людей не много, а сколько де числом, того де она не ведает, а пашни де Даурские люди под Лавкаевым и под Чипиным острожками пахали, и побежали де они Лавкай и Чипа наниз по Шилке реке к князцу Дашаулю; а у Дашауля де сбежались и иные князцы с улусными людьми, и поставил де он Дашауль новой городок как послышал государевых служилых людей, и крепит де он осаду, а про то де она Даманзя слышала у Даурских аманатов, которые у Ярка Хабарова изыманы; а в аманатах де у Ярка сидят Даурские аманаты четыре человека, да у него ж де у Ярка ушло Даурских же аманатов два человека, да у него ж де Ярка сидят в аманатах Акчигарского роду Тунгусы; а ясак де они все Даурские князцы платят Богдою, а тот де Богдои князец или кан, и того де она не ве-

дает, а походу де с Шилки реки от Лавкая и от Чипы до Богдоя четыре месяца, степью, а наспех ли де ездят в че-[348]тыре месяца или мешкотно, про то она не ведает, а сама де она у Богдоя не бывала, а слыхала де она что он Богдой живет в степи, дров де у них никаких нет, есть де варят пометом конским, а царя де Шамшакана и царя Алакабатура она не знает и не слыхала; а серебро де идет на Шилку реку к тем князцом от того Богдоя, меняют на соболи, а соболи де он Богдой покупает и ясак емлет, и поход де с Шилки реки соболям к Богдою есть, а серебро де у Богдоя родитца или откуль приходит того де она не ведает, а про

золото она не ведает и не видала, а камки де и тафты и атласы золотые есть в Даурех, а ходят де те товары от Богдоя, а к Богдою де сказывают приходят с товаром из Китайского царства; а как де послал ее Ярко в прошлом 159 году с Шилки реки к брату своему Никифорку, и у Ярка де втепоры были суды готовы под Чипипым острожком, и хотел де он Ярко плыть со всеми служилыми людьми к Дашаулю вскоре после их, а от Чипина де острожку, где стоит Ярко наниз Шилкою рекою до Дашауля плыть четыре днища.

А толмачил те ее Даманзины речи Тунгуской толмачь служилои человек Устинко Панфилов.

Из рукописи под заглавием: Списки Якутской архивы, (часть 1, в лист, на 382 л.). писанной с подлинных столбцев для академика Миллера, во время путешествия его по Сибири. – Принадлежит Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, т. III, СПб., 1848, № 95, стр. 346–348.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 5

**1652 г. июня 30. – Наказная память Якутского воеводы
Ивана Акинфова служивому человеку Никите Прокофьеву,
об отправлении его на реку Амур, принятии от приказного
человека Ерофея Хабарова собранного им ясака и о взятии
по нем поручных записей в долговом иске.**

Лета 7160, июня в 30 день, по государеву царёву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу и по приказу столника и воеводы Ивана Павловича Акинфова да диака Осипа Степанова, память Якутцкого острогу служивому человеку десятнику Никитке Прокопьеву. Ехав ему в Даурские земли да с ним служилым человеком, и идучи из Якутцкого, острогу вверх Леною рекою до усть Олекмы, и вверх Олекмою до усть Тугиря, и вверх по Тугирю до Тугирского волоку, и через Тугирской волок, а от волока речками вниз до Шилки реки, и Шилкою рекою до Албазина и до Чипина острожку, где стоит Ярко Хабаров с служилыми людьми, итти наспех днем и ночью, чтоб нынешним летом дойти в Даурские земли, и по тем рекам и через волок велеть писать; идучи, сколько которою рекою и через волок пойдут, дней, урочище от урочища и место от места, чтоб подлинно про все было ведомо; и как пойдут от Тугирского волоку речками до Шилки реки и Шилкою рекою до Амура реки, и ему Никитке

где сойдется с Даурскими людьми, и тех Даурских людей спрашивать, как [353] мочно, всякими мерами, в Даурских землях много ли городов, и какие города, и на каких местах и реках которой город стоит? и кто у них над Даурскими землями владеет царь ли или князь какой, и под одною областю все Даурские земли и города или под разными владетели? и какие узорочные товары у них в Даурских землях есть ли? и золото и серебро у них родится, и тут ли родится, или из иных земель каких ходит? и сколько у них в Даурских землях ратных людей и огненной бой у них есть ли? и те все их иноземские речи велеть записывать на роспись подлинно. И приехав ему Никитке в Албазинской острожек, где стоит Ярко Хабаров, и его Ерофейка спросить, бывал ли он Ерофейко или товарищи его из Албазина острожку вниз по Амуру реке и по иным сторонним рекам и Даурские городки видали ль? и с Даурскими людьми у них Ерофейка с товарищи бой бывал ли, и многие ль люди Даурские на боях бывали,

и огненной бой у них есть ли или иной какой бой у Даурских людей? и узорочные какие товары у Даурских людей они Ерофейко с товарищи видали ль? и золото и серебро у них в Даурех родитца ль или откуда к ним золото и серебро из иных земель приходят? и что Ерофейка скажет про Даурские земли, и то велеть записывать подлинно на роспись; а самому ему Никитке итти Даурскими землями, будет мочно, до Богдоя князца и до иных Даурских городов, до которых итти мочно, оберегаячи себя, чтоб Даурские люди и иные иноземцы над ним Никиткою с товарищи какого дурна не учинили; а идучи ему Никитке теми Даурскими, землями, розсматривать городов, и людей и всякого узорочья против сей наказной памяти подлинно, и то все велеть писать на роспись, и Даурским городкам и рекам, что он Никитка с товарищи наедет, велеть чертеж на бумаге начертить подлинно справчиво; а будет ему Никитке итти будет не мочно Даурскими землями дале Ерофейка Хабарова, и ему Никитке взять у Ерофейка Хабарова товарищей его трех человек, которые Даурские земли знают и про все вдают подлинно, и привести тех его Ерофейковых товарищей ему Никитке в Якутцкой острог к столнику и воеводе Ивану Павловичю Акинфову да к диаку Осипу Степанову для подлинных вестей; а будет он

Никитка Ерофейка Хабарова в Албазине не заедет, толко он Ерофейко с товарищи до него Никитки пошел вниз по Амуру реке или по сторонным рекам, и ему Никитке итти к нему Ерофейку и его Ерофейка потомуж спросить, и будет итти дале того ему Никитке не можно, и ему Никитке, взяв товарищей его Ерофейковых трех человек, и с ними итти в Якутцкой острог. А едучи ему Никитке с товарищи по рекам и по волокам, где попадутся неясачные иноземцы, и тех иноземцов ему Никитке с товарищи иметь в аманаты, и ясак будет успеет собрать, и тех аманатов и ясак привезти, потомуже в Якутцкой острог. А однолично ему Никитке с товарищи, о том о всем против сей наказной памяти порадеть, и служба своя ко государю объявить, чтобы нынешним летом в Дауры поспеть и назад из Даур на весну за льдом в Якутцкой острог поспеть. Да ему же Никитке взять у Ерофейка Хабарова государеву казну ясачной сбор, соболи и всякую мягкую рухлядь, что у него Ерофейка будет собрано до его Никиткина приезде, и ясачные книги, и привезть с собою ту государеву казну в Якутцкой острог, а за тою государевою казною взять ему Никитке у Ерофейка Хабарова в провозатых служилых людей, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу, от иноземцов везть безстрашно было. Да ему ж Никит-

ке по государеву указу и по грамоте, за [354]приписью диака Григорья Протопопова, велеть Ярка Хабарова да брата его Никифорка Хабарова дать на поруки в иску околничего Прокопья Федоровича Соковнина в займех его Ярковых и брата его Никифорка в 2100 рублех, что им Ярку

стать в Якутцкой острог, как, минется Даурская служба, а Никифорка Хабарова привезть за приставы ему Никитке с собою вместе в Якутцкой острог,– На подлинном пишет тако: Диак Осип Степанов.

Из рукописи под заглавием: Списки Якутской архивы, (часть I, в лист, на 382 л.), писанной с подлинных столбцев для академика Миллера, во время путешествия его по Сибири. – Принадлежит Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, т. III, СПб., 1848, № 99, стр. 352–354.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 6

1652 г. в августе. – Отписка Якутскому воеводе Димитрию Францбекову служиваго человека Ерофея Хабарова; о военных действиях его на реке Амуре и о проч.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси воеводе Дмитрею Андреевичю Францбекову да дьяку Осипу Стефановичю бьет челом холоп государев с Великие реки Амура с усть Зии реки и с Кокориева улусу приказной

человек Ерофейко Павлов Хабаров с служилыми и с волными охочими людьми с новоприборными Даурскими служилыми людьми. Жил я холоп государев с служилыми и охочими волными людьми на Великой реке Амуре в Албазине городе, и что у

нас похождения нашего было и о том обо всем государю было писано в отписках к тебе Дмитрею Андреевичю и Осипу Стефановичю. И июня в 2 день, поделав суды болшие и малые, и прося у Бога милости и у Всемилоственного Спаса, из того города Албазина поплыли, и плыли мы два дни и доплыли на другой день Дасаулов, был город князя Дасаула, и тот город сожжен и юрты сожжены же, лише всего осталось две юртишка, а людей тут не изъехали; и мы от того городка плыли до полудни, и в половине дня наплыли юрты, и в тех юртах людей не изъехали, и те люди на кони пометались и они Даурские люди у нас все уехали, лише только схватили ясыря Даурскую бабу, и тот ясырь сказал, что де по улусам Даурские люди все живут; и мы того же часу в Ленских стругах наскоро наниз побежали и нагребали двои юрты, и в тех юртах все люди Даурские, подсмотря нас, на кони помечутся; и убежат, лише ясырь похватали, и сами они: стали в иной улус и к городу ясак подавать стали, юрты сожгли и. дым пустили. И мы тогож дни набежали на тот Гуйгударов город о закате солнца в Ленских стругах.... под тот Гуйгударов город, и тот Гуйгудар князь да с ним два князя и Богдоевы люди улусные, мужики все, выехали против нас на берег, и нас не стали к берегу припускать; и мы по них, из стругов из оружия ударили, и тут у

них Даурских людей побии человек с двадцать, и они князя Гуйгудар, и Олгемза и Лотодий и с улусными людьми государские грозы убоялись и с бере-[360]гу отъехали; и мы наскоре из стругов своих пометались на берег и за ними побежали, и они князя Гуйгудар, и Олгемза и Лотодийс улусными людьми в те свои города засели; а dospety у них три города новые и землю обсыпаны, а кверху обмазано, а те города все стоят рядом, лише стены промеж, и под те стены у них подлазы, а ворот нет, и в тех городах поделаны глубокие ямы, а скот у них и ясырь в тех рвах стоял, а около тех городов кругом обведено два рва в сажень печатную глубота, и в те рвы и города привожены под стену подлазы, а кругом тех городов стояли улусы и те они улусы сожгли. И как те князя в город засели, а Богдоевы люди с ними с Даурскими людьми в города не засели и выехали на поле далече, и Божиею милостию, и государским счастием, и радением твоим, Дмитрий Андреевич и Осип Стефановичь, и промыслом приказного человека Ярофийка Павлова и служилых волных и охочих людей, тот город наскоре обсадили, и они Даурские люди с башен почали нас стреляти стрелами; и яз приказной человек велел толмачам говорить про государское величество, что наш государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси

страшен и грозен и всем царствам обладатель, и никакие орды не могут стоять против нашего государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси и против нашего бою, и вы, князь Гойгудар, да князь Олгодий да князь Лотодий, будте нашему царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси послушны и покорны, без драки сдайтесь, и нашему государю ясак давайте по своей мочи, и велит государь вас оберегать от иных орд, кто вам силен. И тот Гуйгудар то стал говорить: даем де мы ясак Богдойскому царю Шамшакану, а вам де се какой ясак у нас, как де мы бросим последним своим робенком, дитятем, то де мы вам с себя ясак дадим. И мы, прося у Бога милости и государю радеючи, государеве службе поиск чинили ратным обычаем войною, крепь учинили болшему оружию пушкам и стали бить по башням с нижнюю сторону у того города, и из мелкого оружия, из мушкетов, из пищалей, били по ним в город, и они Даурские люди стреляли к нам из города и от них стрел к нам летело из города от Даурских людей безпрестанно, и настреляли они Дауры из города к нам на поле стрел как нива стоит насеяна, и дрались мы с ними Дауры всю ночь до схожева солнца, и у башни стену проббили, и мы и куячные люди, а иные служилые люди за щитами, стену отняли, и в город во-

шли, в один и по государскому счастью тот нижней город взяли; и они Дауры собрались в два города, и половина дни из того из другого города мы служилые люди били ж их Даур, и они все собрались Дауры свирепые в один город, и мы били по ним безпрестани из болшого оружия и из малого, и на тех приступах побили их Дауров двести четырнадцать человек; и те свирепые Дауры не могли стоять против государьской грозы и нашего бою, и из того города напролом они Дауры побежали человек десятка полтора, лише те, и ушли из города, а досталь всех, которых в городе захватили Дауров, со все стороны их Дауров в город сжали, и драка была съемная и копейная у нас казаков, и Божиею милостию и государским счастьем, тех Дауров в пень порубили всех с головы на голову и тут на съемном бою тех Даур побили четыреста двадцать семь человек болших и малых, и всех их побито Дауров, которые на съезд и которые на приступе и на съемном бою, болших и малых шестьсот шестдесят один человек, а наших казаков убили они Дауры четырех человек, да наших же казаков переранили они [361] Дауры тут у городка сорок пять человек; и те все от тех ран казаки оздоровели; и тот город, государским счастьем, взят с скотом и с ясырем, и числом ясырю взято бабья поголовно старых и молодых и девок двести сорок три че-

ловека, да мелкого ясырю робенков сто осмнадцать человек, да коневья поголовья взяли мы у них Дауров болших и малых двести тридцать семь лошадей, да у них же взяли рогатого скота сто тринадцать скотин. И в кои поры у нас драка была, и те Богдоевы люди по полю все ездили, и бою нашего с Дауры смотрели и к нам казаком не стреляли, и мы у тех ясырей про тех Богдоевых людей спрашивали: для чего де они Богдоевы люди те приехали к вам, и много ли их Богдоевых людей? и тот ясырь сказал нам, то: живут де у нас Богдоевы люди по пятидесят человек безпрестани для ясаку и с товары, до иных людей своих до перемены; и мы у тех баб спрашивали: для чего де они с вами в городе не сидели, и за вас они не приставали? и тот ясырь то рассказывает: Даурские де люди наши князя Гуйгудар с товарищи взял их в город к себе на подсоб, и они Богдоевы люди то им сказали: Гуйгудар! нам де царь наш Шамшакан не велел с Рускими людьми драться; и назавтрее тое драки те Богдоевы люди послали к нам в город из поля своего человека Богдойского, и тот мужик пришел к нам в город к государскому величеству честно, и стал говорить своим языком Китайским, и у нас того языка не знают, тех толмачей нет, лише переводом Даурские бабы рассказывают: что де наш царь Шамшакан нам с вами драться не велел, наш царь

Шамшакан нам с вами с казаками свидеться честно; а у того мужика Богдойского платье на нем камчатное, все, и на голове у него малахай соболей, а про иное у него мужика Богдойского у нас ростолмачить некому, а тот мужик говорил с нами долго, и яз Ярофейко, тому Богдойскому мужику честь воздал и подарки государевы давал и отпустил его Богдойского мужика честно в свою Богдойскую землю. И в тех мы, городах жили шесть недель, и к тем к Даурским князьям к Дасаулу, и к Байбулаю, и к Шилгинею, и Албазе языков посылали в города к ним, были у нас изыманы в Албазине городе Даурские боканы, и мы мужика с ними отпустили и велели им боканам тем князьям наговаривать, чтоб они Даурские князья покорились и поклонились нашему государю, и за тем мужиком и баб старых отпускали с теми ж речми, и от них Даурских мужиков ни один человек не бывал к нам, а всего; от нас плыть до тех людёй день, а людей де у них гораздо многое множество; и на той драке под Гуйгударовым городом из большого оружия ростреляли с трех пушек ночью и днем государева пороку пуда с три, а свинцу против пороку ростреляли; и яз Ярофийко жил в тех городах с служилыми и с волными охочими людьми семь недель, и те Даурские князья государскому величеству.... не бывали, и яз Ярофейко из того города поплыли,

и кони выбрали, на суды поставили и с собою взяли, и из того города поплыли и плыли до Банбулаева города два дни. И в тот город приплыли Князя Банбулая и в улус его, и тот город пуст, людей в нем нет, все выбежали; и после того неделю спустя за ними ходили, искали, и мы холопи твои Приказной человек Ярофейко Павлов и служилые и волные казаки того Банбулая призывали и ясаку с него прошали; и тот Банбулай то говорил: какой де вам от меня ясак; и после того отпускал я приказной человек служилых и волных казаков в поход из того города Банбулаева на его Банбулаевых людей вниз, и плыли день и на-[362]плыли улус и в том улусе языки похватили и два ясыря, и тех языков расспрашивал я накрепко толмачами, и они сказали в роспросе, что де плыть от сего места до усть Зеи реки полторы сутки, и тут де стоит против Зеи реки на другой стороне, направо пловучи, улус князя Кокорея, и ниже де того улуса проплыть по ряду три улуса, и ниже де того стоит город крепкой и укреплен накрепко, а крепили де тот город всею нашею Даурскою землею, и в том де город живет князь Туронча Богдоева князя Балдачи зять, да другой князь Толга да Омутей два брата; и мы холопи государевы служилые люди и волные казаки с теми языки приехали в тот в Банбулаев город к приказному человеку Ярофею Павлову Ха-

барову. И яз Ярофейко у тех языков расспрашивал и огнем жег, и они сказали теж речи слово в слово против прежних речей, и яз Ярофейко, посоветовав с ратными людьми служилыми и с волными казаки, и прося у Бога милости, из того города Банбулаева поиск чинили вниз по той реке, к тому городу поплыли, и плыли мы из того города Банбулаева до усть Зеи реки два дни да ночь, и тут река пала великая с левую сторону зов той реке Зия; и языки сказывают, что де по той реке Зее живут Дауры, и есть де по той реке город, и в том де городе живет Даурской, князь, Олпелда и многие Дауры, и на усть той реки на правой стороне немного пониже устья Зейского стоит улус князя Кокорея двадцать четыре юрты и людей в нем нет; и мы наскоре погребли вниз, и того дни в обед набежали юрты в легких стругах на улус, и тут языков похватили и наскоре расспрашивали, и те языки сказали, что де внизу до города еще два улуса отсель недалече, а люди де живут, и мы наскоре те улусы мимо прогребли и под город подгребли того дни под вечер, и из легких стругов на берег выскакали, и к городу прибежали, в город выскакали в том городе люди невеликие, а животы их Даурских князей и их людей, все в городе, и мы на башни высочили. И ниже того города в перестреле стоит улус велик, и те Даурские князья князь

Туронча и с братьями, да князь Толга, и князь Омутей с своими людьми в том улусе пьют все, и они втепоры нас осмотрели, и князь Омутей скочил на коня, и закричал и погонил; и служилые и волные казаки, прося у Бога милости, к тому улусу бросились, государю радеючи и не щадя лица своего, и того князя Турончу, и с братьями и с жонами и с детми, и князя Толгу и с ними иных лутчих людей, Божиею милостию и государским счастьем, обсадили, а иные мужики и ясырь с нижнего конца побежали, и служилые и волные казаки, прося у Бога милости, за ними в поле побежали, и многих людей; и ясырь поимали, а иных мужиков на побеге многих побили; в втепоры наскоре слышали стрельбу с больших судов, и наскоре нагребали, и кони с судов похватили, и за ними погонили, и достальных в поле мужиков и ясырь переимали и в город привели. И те князья князь Туронча и Толга стали из юрты стрелять, и яз приказной человек Ярофейко велел толмачам своим тех князей разговаривать и под царскую высокую руку призывать, что де дайте государю нашему, ясак и будьте во всем послушны и покорны, и мы, вас не убьем, и станем вас оберегать, кто вам силен; и тот князь Туронча Балдачин, и с братьями своими, и князь Толга то стали говорить: за ясак де нам что стоять, лише бы де было постоянно, мы де ясак дадим,

нонеche де у нас соболей нет, были де у нас Богдоевы люди, и ясак де дали Богдоевым людям, а досталь все испродали, а что де есть соболей, то де мы дадим; и из юрт к вам вышли, и мы их взяли и в город: привели, всех их мужиков в город пе-[363]реимали сто человек, да ясырю переимали сто семдесят, окроме малых робят и те князья князь Туронча, с братьями своими, и князь Толга и их улусные лутчие люди стали нам то говорить, что де мы Дауры, что есть нас здесь и род наш и которые под нами живут луков с тысячу и болши, и мы де топере вашему государю все послушны будеме покорны, и ясак с себя станем давать по вся годы, пожалуйста де отпустите наших людей и боканов и жен наших и детей, а мы де князья у вас седим верьте де нашим головам; и яз им говорил толмачом, что де призовите вы своих всех людей и что де промеж нами вера; и они князья князь Туронча и князь Толга велели им князю Омутею и всем лутчим людям быть к нам, и они тотчас к нам приехали человек ста с три; и яз приказной человек, по государеву указу, того Турончу и с братьями, и Толгу, и Омутея с братьями, их князей и лутчих людей Балуню, и Аная, и Евлогоя и всех улусных их людей и весь род их к шерти привели на том, что быть им под государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси высокою ру-

кою в вечном ясачном холопстве на веки, и ясак с себя.... по вся годы безпереводно, и из них выбрали в аманаты лутчих людей князя Турончу Балдачина зятя, да брат его...., да князя Толгу с братом, да Омутеева брата да трех улусных лутчих мужиков; и; они ясаку с себя принесли всего шестдесят соболей: «нонечи де у нас соболей нет, на осень де дадим вам полной ясак»; и яз приказной Ярофейко, посветовав с ратными людьми служилыми и с волными казаки, их мужиков всех. улусных и боканов отпустили, и велели жить на прежних их кочевьях без боязни; и стали они ясырю своего прошать на выкуп и сулили животов, давали под ясыря выкупу по сороку рублей и по штидесят, а за иной и по сту рублей, и яз приказной Ярофейко и служилые люди и волные казаки промеж собою посветовали, и государю радеючи, своих зипунов не порадели, и для постоянья и утверженья земли тот ясырь отдали без выкупа, и велели им жить без боязни, и они жили в тех своих улусах у города с наши за един человек, и корм нам привозили и они к нам в город ходили безпрестанно, и мы к ним тож: ходили. И 160 году, сентября в 3 день, ходил от вас из города Енисейской казачей десятник толмачь Костка Иванов что с Байкалова приехал во 158 году от сына боярского Ивана Галкина, к ним в юрты, и час времени в юртах

жил, и к нам в город прибежал и нам сказал, что де меня в юртах имали, и яз де у них одва ушел; и в кою пору он бежал к нам, а они на кони свои высели все, и с ясырями из улуса, все побежали, и яз Ярофейко послал ратных людей в улус их розговаривать, и они все выбежали, лише схватали две бабы старых; и яз Ярофейко стал говорить тем аманатом, что де вы нашему государю изменили и шертованье свое порудили, и людей де своих прочь отослали; и они то говорят: мы де не отсылали, мы де сидим у вас, а у них де своя дума, и втапору говорил князь Толга: чем де нам всем помереть, и мы де помрем за свою землю одни, коли де к вам в руки попали; и яз Ярофейко всяко их розговаривал, и они свирепые Дауры и Бога незнающие шертованье свое порудили и говорят то: ведайтесь де вы с нами, однажды, де вам в руки попали; и яз Ярофейко тех аманатов пытал и жог, и они одно говорят, что де отсеките наши головы, уже де однако мы к вам насмерть достались; а те иноверцы кругом ездят далече, и яз Ярофейко к государскому величеству призывал, и они не прикликаются. И яз Ярофейко подумал, [364] что тут зимовать не на чем, хлеба близко города нет, а время испустим, и велел служилым и волным казаком на суды собираться, и сентября в 7 день, собрався на суды, велел я Ярофейко волному охочему

казаку Петрушке Оксенову, устьем поплыв вниз по Амуру реке, тот Толгин город зажегчи весь, а жил в том городе полчетверты недели, а плыл из того города до Каменю, четыре дни; а на другой день что был из того города князь Толга, и тот Толга скрал нож, сам себя поколол; а тут все улусы частые невеликие юрты, по десяти юрт в улусе..... сто двадцать; а Каменем плыли два дни да ночь и, Каменем все улусы невеликие, а людем выше Камени и в Каменю зов им Гогулы, и тут людей нет; а за Каменем первого дни проплыли улусов двадцать один улус, и того дня в последних улусах языков иных имали, а иных рубили, и ясырь похватали, а на другой день плыли все улусами же, и с правую сторону выпала река зов ей Шингал, и по той реке сказывают, что живут многие люди, да и города де у них есть; и на усть той реки Шингала стоят на той же стране два улуса великие, в тех улусах юрт шестдесят и болши, и яз Ярофейко с того у них улусу с мужиков ясак прошали, и они мужики нам отказали, и ясаку государю не отдают, и ясырь, тот их мужиков похватали мы казаки и многих людей побили и порубили, и под тем улусом ночевали; и поплыли вниз по Амуру и плыли два дни да ночь, и улусы громили, все улусы, а юрт по штидесят и по семидесят в улусе, и мы в тех улусах многих людей побивали и ясырь имали, и плы-

ли семь дней от Шингалу Дючерами, все улусы болшие юрт по семидесят и по осмидесят, и тут все живут Дючеры, а все то место пахотное и скотное, и мы их в пень рубили, а жен их и детей имали и скот; и в осмой день поплыли... стоит на правой стороне на Каменю улус велик горазно, и с того места люди пошли имя Ачань, и с того места и до моря место не пашено и скота нет, а живут все рыбоу; и от того улуса плыли двое сутки, в тут стали проходить улусы юрт по сту, в как к улусу в стругах приедем, и они на берег вскочили и из за стругов с нами дерутся, и Божиею милостию и государским счастьем, тех многих людей побивали. И сентября в 29 день наплыли улус на левой стороне, улус велик, и яз приказной Ярофейко и служилые и волные казаки посоветовали, и в том улусе усоветовали зимовать, и тут город поставили, и с судов выбрались в город, и которых имали пловучи мужиков. оттуду, и те Ачань и ясак к нам привозили. И октября в 5 день оснастили мы два судна, и парусы вверх бегали сто человек для корму по рыбу, и ходили в тот в поход пять дней, и те свои суды в тех улусех в двух нагрузили, и втапоры, собрався, те Дючеры и Ачань человек с тысячу октября в 8 день, на утренной зоре, на тот наш город из прикрыта напустили, со все стороны тот город зажигали, а нас втапоры в городе было сто шесть чело-

век, и Божию милостию и государским счастьем, холопи государевы служилые люди и волные казаки справились, и в кюаки изоболочены были, и молились Спасу и Пречистой Богородице и Николе Чудотворцу, и радеючи государю и помираяючи за веру крещеную и не щадя лица своего, против государева недруга и на вылазку семдесят человек выскочили, а тридцать шесть человек в городе осталось, и дрались с ними часа с два боевых, и с башен по них Ачан и Дючер из пушек били и из мелкого оружия, и тут Божию милостию в Пречистые Богородицы и государским счастьем, тех иноверцов многих побили, и нападе на них [365] собак иноверцов страх Божий, и против царской грозы и нашего бою стоять не могли и побежали врознь, и мы за ними побежали, и в тыл их многих побили, и языков многих перехватили и в струги они иноверцы побросались и на Великую реку Амур отгребали, а струги у них большие и с выходами, и краски навожены, а в один струг садятся человек по пятидесят и по штидесят; и мы холопи государевы служилые и волные казаки в город собрались, и яз Ярофейко у языков спрашивал про то войско, и языки нам в роспросе винулись, что де собирались наша Дючерская земля и Ачанская вся, а войска де нашего, было восьмьсот, и вы де побили у нас многих лю-

дей; и мы круг города их иноверцов побитых считали, и всех их побили сто семнадцать человек, и у нас на том бою одного, человека до смерти убили именем Никифора Ермолаева, а изранили нас пять человек; и с рыбою на судах после той драки на другой день приплыли, и тот город накрепко укрепили, и в том городе зимовать стали, и те иноверцы не появляются к нам. И ноября в 28 день подсмотрили холопи государевы служилые люди и волные охочие казаки иноверские дороги санные, и ездят на собаках, и подсмотря те дороги, и мне Ярофейку сказали; и яз Ярофейко посылал служилых и волных охочих людей сто двадцать человек, шли день и подошли сакму. и тут Божию милостию и, государским счастьем. добрых людей Ачанского князя Кечи двух братьев и ясырь, а иных улусных мужиков многих побили, и из того походу в город с теми мужиками и с ясырем пришли на третей день, и тот Кеча под братьей своих ясак, поминочные соболи. . . . и то все писано в книгах ясачных, и что ясачной, казны собрано и поминочной, и то все будет писано перечнем в сем отпуске. И жили холопи государевы служилые и волные охочие казаки в том городе зиму, а кормились мы, казаки во всю зиму в Ачанском городе рыбою, а рыбу ловили крюки железным и свою голову тою рыбою кормили; и марта в 24 день, на

утренней зоре, сверх Амура реки славные ударила сила из прикрыта, на город Ачанской на нас казаков, сила Богдойская; все люди конные и куячные, и наш казачей ясаул закричал в городе Андрей Иванов служилой человек: братцы казаки, ставайте наскоре и оболокайтесь в куяки крепкие, и метались казаки на город в единых рубашках на стену городовую, и мы казаки чаяли из пушек из оружия бьют казаки из города, ажно бьет из оружия и из пушек по нашему городу казачью войско Богдойское, и мы казаки с ними с Богдойскими людьми, войском их, дрались из за стены с зори и до схода солнца; и то войско Богдойское на юрты казачьи пометались, и не дадут нам казаком.; втепоры протти через город, а Богдойские люди знаменами стену городовую укрывали, и у тога нашего города вырубили они Богдойские люди три звена стены сверху до земли; и из того их великого войска Богдойского кличет князь Исиной царя Богдойского и все войско Богдойское; не жгите и не рубите казаков, емлите их казаков живьем, и толмачи наши те речи князя Исенея слышали и мне Ярофийку сказали; и услыша те речи у князя Исенея, оболокали мы казаки все на ся куяки, и яз Ярофейко и служилые люди и волные казаки, помолясь Спасу и Пречистой Владычице нашей Богородице и угоднику Христову Николе Чудотворцу, промеж собою про-

щались и говорили то слово яз Ярофейко, и ясаул Андрей Иванов и все наше войско казачье: умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную, и постоим за дом Спаса и Пречистые и Николы Чудотворца, и порадеем мы казаки государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [366] всеа Руси и помрем мы казаки все за один человек против государева недруга, а живы мы казаки в руки им Богдойским людям не дадимся; и в те стены проломные стали скакать те люди Богдоевы, и мы казаки прикатили тут на городовое проломное место пушку болшую медную, и почали из пушки по Богдойскому войску бити и из мелкого оружия учили стрелять из города и из иных пушек железных бити ж стали по них Богдойских людях, тут в Богдойских людей и силу их всю, Божиею милостию и государским счастьем и нашим радением, их собак побии многих; и как они Богдой от того нашего пушечного бою и от пролomu отшатились прочь, и втапоры выходили служилые и волные охочие казаки сто пятьдесят шесть человек в куяках на вылазку Богдойским людям за город, а пятьдесят человек осталось в городе, и как мы к ним Богдоем на вылазку вышли из города, и у них Богдоев тут под городом приведены были две пушки железные, и Божиею милостию и государским счастьем, те две пушки мы казаки у них Богдой-

ских людей и у войска отшибли, и у которых у них Богдойских людей у лутчих воитинов огненно оружие было, и тех людей мы побили и оружие у них взяли, а которые на вылазке . . . казаки сто пятьдесят шесть человек, и радеючи государю и помня крестное целование, не щадя лица своего против государевых недругов дрались с ними Богдойскими людьми мы казаки саблями, и Божиею милостию в государским счастьем и радением и промыслом твоим, Дмитрий Андреевич да Осип Степанович, мы казаки Богдойских людей на вылазке многих побили; и нападе на них Богдоев страх великий и, Божиею милостию . . . и Пречистыя Владычицы Богородицы и святого угодника Христова Николы Чудотворца, покажися им сила наша несчетная, и все досталные Богдоевы люди прочь от города и от нашего бою побежали врознь; и мы казаки у них Богдоев языков переимали, да у них же Богдоев отбили мы казаки восьмьсот тридцать лошадей с запасы хлебными, да у них же Богдоев отбили семнадцать пищалей скорострельных, а те их пищали по три ствола четыре ствола вместе, а замков у тех скорострельных пищалей нет, да у них же отбили две пушки железные, да восм знамен Богдойских. И тех языков яз Ярофейко расспрашивал накрепко, и те языки в роспросе мялися, и стал говорить язык царя Богдойского, служилой

человек Нюлгуцкого города, именем Кабышейка, и тот стал говорить: яз де вам скажу всю казаком свою правду, чего де таить, про вас пришла де к нам весть осенесь, с усть Шингалу реки приехали де Дючерские мужики в Нюлгуцкой город, и пришед де те Дючерские мужики к нам ко князю Исенею, да к Иведакамахе, да Тамфимафе, что де сядят в том Нюлгуцком городе посланы от царя Богдойского посаженника от Учурвы, и те Дючерские мужики расплакались и говорят де, что де приехали Русские люди, и нашу де землю всю вывоевали и вырубили, и жен наших и детей в полон взяли, и мы де своими людьми Дючерскими и Дючерскою землею собирались, и на них ходили, на город напускали не на великие люди, да тут де нас мало не всех побили, и нам де против их стоять не можно, и вы нас обороняйте, а не станете нас оборонять, и мы им станем ясак давать; и князь Исеней с товарищи об том отписывал в Надымны в город к царю Учурве и посылали с отписками Богдойского служилого человека, и ходил де месяц наскоре; а ходить из Нюлгуцкого города в тот город в Надымны степью в правую сторону, и на дороге, идучи мимо, два города, город первой Лабей, а другой город Тюмень, и те города все каменные [367], а юрт в тех городех по тысяче и по две и по три, а иные юрты каменные и в том городе в Надымнах

седит царь Учурва, а посаженник тот царь Учурва царя Богдойского Шамшакана; и как тот служилой человек приехал от царя Учурвы, и прислал он грамоту: и велено де итти князю Исинею с товарищи, и велено де собрать войско великое, и велел итти на вас казаков, и вас казаков велел иных побити, а иных велел живых казаков взяти и к себе поставити в землю с оружием вашим казачьим; а князь Исинею с товарищи собирал войско свое наскоре из Нюлгуцкого города, и пошло нас из Нюлгуцкого города шестьсот, а с нами было пушек шесть, да тридцать пищалей да двенадцать пинард, а пинарды глиняные, а в тех пинардах порох кладен, а кладено пороху в тех пинардах по пуду, и те де пинарды подносим под стены городовые, и стены городовые и башни ломаем, да. . . . с нами было пятьсот, да из Манзанского улуса людей было с нами четыреста двадцать человек, да Дючеров было с нами со всей реки сот с пять и болши; а тот де улус Манзанской стоит от нас на полудне от. . . . , и тот де улус на одной стороне реки, а юрт в улусе с тысячу, а на другой стороне Шингалу против того улус стоит таков же; а ехали де мы из Нулгуцкого города досямест три месяца на конех, а коней было у нас имано съ собою на двух человек три лошади, а от нашего де города стоит. Нюлгуцкого города больше, а около де того города живут Мовгена

сведенцы Даурские люди и Тунгусы, и те мужики хлеб пашут на царя Шамшакана и овощи водят, и от того города Мовгена дорога в Богдойскую землю к царю Шамшакану; а яз де мужик родом Никанской земли, а наша де земля Никанская от Богдойской земли стоит на востоке, река де есть в нашей земли Бучун порубежная, а пала та река своим устьем в море, а людей по той реке много, а людям тем зов Никаны, лица у них черные, бородаты, а другая де река есть неподалеку имя ей Шунгуй, а по той де реке живут, Никаны ж многие люди да город де на той реке стоит, а в том де городе живет царь Никанской Зюлзей, да иные де города по той реке есть многие, все каменные, а бережемся де мы от Богдойского царя, что де нас Богдойской царь Шамшакан Никанских людей; в пределех, воюет, а всей земли овладеть не может, потому что та Никанская земля несказанно велика, а Никанской де царь ясаку никому не дает; да в той же земли Никанской в нашей родится золото и серебро, и жемчуг в раковинах находят в реке и камень дорогое, да в нашей де в Никанской земле родятся шелка розные, а делают из шелков из тех камки и отласы и бархоты, а бумагу де хлопчатую сеют, а из той бумаги делают кумачи. И яз Ярофейко того мужика спрашивал: при какове де то золото и серебро месте родятся? И тот мужик

сказал: родится де то золото и серебро: есть де река пала из болот, а впала устьем в море, а та река невелика, на той реке есть Камень, и в том де Каменю та золотая гора, а ломают ту руду золоту ломами железными, и у той де золотой руды стоит город каменной да и служилые люди живут многие на той же реке пониже того Камени, и в той реке находят в раковинах жемчуг, да и серебро на той реке родится; да и в иных местах в той Никанской земли серебро родится во многих местах, а золото родится в одном месте, и из той де Никанской земли во всей орде в Богдоеве земле золото и серебро, и шелк и камки и всякие узорочья, а в иных землях яз де не слыхал про золото и про серебро что родится, опроче Никанские земли. И роспрося тех языков, круг того Ачанского города [368] смекали, что побито? Богдоевых людей и силы их шестьсот семдесят шесть человек наповал, а нашии силы казачьи от них легло от Богдоев десять человек, служилых двое да волных казаков восм человек, да переранили нас казаков на той драке семдесят восм человек, и те от ран оздоровили, и кого убили у нас казаков и кого переранили, тому роспись под сею отпискою; и после той драки тех иноверцов не видали у города ни одного человека, где мы зимовали; и от того места сказывают до Гиляк поплаву десять дней, а Гиляки живут до моря и круг моря.

И апреля в 22 день, оснастя свои суды шесть дощаников, пошли мы яз Ярофейко с казаками на тех судах вверх, и канун Троицына дни по верхнюю сторону Камени сошлись тут яз Ярофейко и с своим войском с ратными людьми, что прислал ты, Дмитрий Андреевич да Осип Стефановичь, служилых людей Тренку Ермолина да Артюшку Филипова и с ними служилых новоприборных Даурских казаков послал ко мне, и яз Ярофейко против наказной памяти у них служилых людей у Третьяка да у Ортемия казну принял, государеву пушку и порох и свинец, и людей приняв, отпись им дал приемную, и аманата взял именем Тоенчу; а что их было Третьяковы да Артюшкины и служилых новоприборных Даурских казаков; и об том он Третьяк с служилыми людьми с новоприборными казаками отпись в своей отписке писал обо всей своей службе; и с тех мест стали служить общую службу за един человек. И стояли под улусом неделю, и те мужики ездят далече, и мы им говорили, и под государское величество призывали и ясаку с них прошали, и они близко не едут; и июня в 13 день, били челом государю и по государеву указу мне Ерофейку десятники и рядовые служилые и волные казаки и все войско итти на тех государевых непослушников ратным обычаем войною, и я Ярофейко отпускал их в поход сто сорок чело-

век, и Божиею милостию и государским счастьем и раденьем и промыслом ратных людей служилых и волных казаков, поймали доброго мужика Дючерского; и на другой день приехали братья того мужика, и ясак со своего роду привезли сто соболей, и того мужика и в аманаты посадили. И июня в 15 день сказал тот мужик аманат, что де пониже сего места улус есть, и против того улуса в горе живут иные мужики, и яз Ярофейко послал служилых и волных казаков сто сорок человек, и в том походе поймали пять человек все боканы, и с ними поймали Дючерского мужика с Шингалу, и ко мне Ярофейку привели; и яз их роспрашивал, и они в роспросе винились, что де наши люди не хотят вам ясаку давать, хотят де с вами дратца; и тот мужик сказал, что с Шингалу: есть де войско, многие люди Богдоевы и с Шингалу и наша Дючерская земля, на усть Шингалу в скопе тысячь с шесть и болши, а вас де тут ждали «как де поплвуют казаки сверху или снизу придут, и мы де их приманим к берегу да тут де их побьем», и сверху казаков де не дождались, а вы де с ними то место пробежали парусами, и меня де за вами послали для того что де «они станут зимовать, и каков де город поставят, и мы де соберем войска тысячь десять или болши, и их де давом задавим»: и яз его Ярофейко огнем жег, и он те же речи сказал, что де будет

к вам войско тысячь десять и с пушками с болшими и с мелким огненным оружием. И апреля в день отпустил служилой человек Третьяк Ермолин да Ортюшка Филипов сверху, из Банбулаева города, ко мне Ярофейку и ко всему войску служилых шесть человек да волных казаков двадцать один человек и всех двадцать семь человек, а отпустил [369] их с вестью и с отписками, радуячи государю и его государеве службе, и Божиим судом, яз Ярофейко и с ратными людми и с ними расплылись, друг друга не видали, и не ведомо они живы и не ведомо мертвы; и те служилые и волные казаки, что с Третьяком и Ортюшкою приплыли, челобитную государю подавали, что плыть вниз искать тех двадцати семи человек; и яз Ярофейко их не отпустил потому что невеликих людей отпустить, ино на усть Шингалу войско велико, вся де земля в скопе, а всем нам плыть, ино вверх сего году не взойтить и с отписками не поспеть, государю про нашу службу вестно учинить и тебе, Дмитрей Андреевичь да Осип Степановичь; и под тем улусом стояли две недели. И как мы пришли близко Турончина и Толгина города, и к тем Даурским людям с иноземцы весть посылали, и Турочины дети и его боканы приехали и государю ясаку привезли тридцать семь соболей да девять быков, а те соболи и быки послали с боканами, а лутчие

люди не приезжали к нам на суды; и говорил яз Ярофейко толмачем, что де дайте государю нашему ясак полной с своего роду, и живите де без боязни на прежних своих кочевьях; и как добежали до города Турончина и Толгина; и по тем городом и улусом тех иноземцов призывали, и они близко не ездят. И. . . . тех улусов дорога в Богдоеву зѣмлю . . . царю Шамшакану, . . . что, Дмитрий Андреевич и Осип Степановичъ, велено, по государеву указу и по наказной грамоте, выбрать из войска десять человек и отдать служилому человеку Третьяку Ермолину, кто ему люб, и он Третьяк излюбил и выбрал и роспись подал, и яз Ярофейко против росписи ему Третьяку из войска людей тех дал десять человек; и выбрав велено ему Третьяку итти в Богдойскую землю в посланниках, и яз Ярофейко тех Даурских людей призывал и того Третьяка им давали , и они близко не едут и его Третьяка с товарищи не емлют, и яз ровно тут стоял четыре недели, и те иноверцы и близко не едут; а что у нас есть аманаты их, и яз тем аманатам Туронче с братом говорил: для чего де того Третьяка твои люди не возмут и к царю к Шамшакану не везут? он то говорил как де им взять, де земля с вами топере задралася, и вы де многих Богдоевых людей побили, да и нонече де к вам будет войско Богдоево большое тысячь десять и болше, и как де взять нашим

людем того Третьяка с товарищи, их де к вам не отпустят, и вы де нас побьете. И как будем мы в улусе Кокориеве на усть Зеи реки, и августа в 1 день вышел яз Ярофейко на берег, и стал говорити ратным и служилым людем и волным казаком: где бы нам город поставить? и служилые люди и волные казаки двести двенадцать человек то сказали: где де будет; годно и где бы де государю прибыль учинить, тут де и город станем делать; а которые воры, государю не радеючи и порудя крестное целованье , не радели тое земли постоянство и порадели своим зипунам и нажиткам: Стенка Поляков волной казак, да Енисейского города казачей десятник, что с Байкалова приплыл, Костка Иванов , Коземка Федоров, Андрюшка Степанов Петров, Байкаловские, да с ними служилой человек Иван Васильев Пан, Ивашко Артемьев, Гаврилко да Гришко да Ивашко Щипуновы, Петрушка Оксенов, Логинко Васильев, Федка Петров, Иванов, Онтонко Павлов, Онтонко Панкратьев, Семейка Сажин служилой, и всех их в том воровском совете человек сто; и тот Стенка Поляков с судном отвалил, да Костка Иванов с судном, да Логинко Васильев с судном , и всех их отвалило три судна, и на тех судах была государева казна, пушки и свинец и порох, [370] и куяки государевы, и тот Стенка Поляков, да Костка Иванов да Логинко Васильев

те пушки одну прямо с судна на берег бросили, а другую в воду сбросили; и которые служилые люди и волные казаки у той царской казны со мною Ярофейком остались, и втепору они расплакались, смотрячи на государеву казну и на тех воров, что они порудили крестное целованье и государеву казну покинули и побежали воровски, и ту царскую казну с воды и с берегу имали, и понесли на свои суды и поставили честно; да они же воры Стенка Поляков, да Костка Иванов да Логинко Васильев с товарищи что было у них на судах государева пороху, и свинцу и куяков и они воры иное сбросали, а иное с собою повозили, . . . якори, отвалили, и яз Ярофейко и служилые люди и волные казаки ездили к ним, и говорили и розговаривали и звали их слушати государева указу и наказных памятей и по чему мы на Великой реке Амуре служим, и они говорят: не слушаем де мы наказных памятей, да и близко де к вам нейдём, однажды де мы от вас отехали; да они ж Стенка Поляков, да Костка Иванов да Логинко Васильев с товарищи воровали и человек с тридцать волных казаков похватили, которые на тех судах были и вверх шли, и перехватили, и перевязали и поплыли, и волные казаки Стенка Вахромеев да Семейка Михайлов и иные казаки, не хотя порудить крестного, целования и царской казны покинуть,

и они с судна бросились в воду в одних рубашках, и что у них было оружие и порх и свинец, и ясырь и животы все повозили; да они ж Стенка Поляков с товарищи войскового живота, свезли на две тысячи рублей да знамя увезли войсковое ж, а цена, пятьдесят рублей; и поплыв тот Стенка Поляков с товарищи, и тех иноземцов громил, и всех их поплыло с тем Стенкою Поляковым, да с Косткою Ивановым да с Логинком, и которых и сильно увезли, и всех их сто тридцать шесть человек, а со мною Ярофейком осталось у государевы казны двести двенадцать человек, и из тех, четверых отпустил к тебе, Дмитрий Андреевич да Осип Степановичь, двух служилых, служилого человека Богдашку Габышева да Сергушку Андреева, да волных казаков Филку Самсонова да Ивашка Гаврилова. И после того Стенки Полякова, на другой день после поплаву тех воров, приехали к нам те Даурские люди князя Турончи дети, и Омутей и Кокурей, и стали далече на поле и близко к нам не едут, и под тех аманатов, которые у нас сидят князь Туронча с братом Балдачин зять да Омутеев брат, и прислали с боканы ясаку государю сто соболей и яз Ярофейко велел толмачом призывать к государскому величеству и посланника Третьяка Ермолина на руки давал вести к царю Шамшакану; и они то говорят: как де нам к вам ехать, что де вы обманываете,

сказывал де нам толмачь Костка, что де вы хотите нас переимать, и нам он правду сказал, велел отехать Дючерам, да и нонече де те ваши люди поплыли вниз и нашу землю громят, какие де от вас послы, отнюдь де мы к вам нейдём да послов де ваших не возмем; и яз тут стоял ровно шесть недель и тех иноверцов призывали и они близко к нам не едут. А аманатов у нас Даурских мужиков четыре: князь Туронча, да брат его Анай, да Мокалей, да князя Шилгиния сын Тогочей, да Дючерской аманат Тоенча; а ясачной казны государевы в сборе собрано с Даурских людей с Дючерских моего Ярофейкова и розных людей: соболей четырнадцать сороков, да четыре лисицы чернобурых, да две красных, да семь пластин лисьих в одеяле, да в двух шубах тридцать пластин соболевых; да что, по го-[371]сударскому счастью Дючерского князя Тоенча изымали служилые люди: и волные казаки, что отпущены из Якутцкого острогу с служилым человеком с Третьяком Ермолиным да с Артемкем Филиповым, и под того мужика государю ясаку взял тот Третьяк до меня тридцать соболей и два соболя да под тогож Дючерского мужика яз Ярофейко взял государева ясаку семдесят соболей да поминочных восм соболей, да в шубе семнадцать пластин соболевых, да он же Третьяк взял с Чурунчи под сына его Икуля

поминочных пять соболей. А того мы, Дмитрий Андреевич да Осип Степанович не знаем, где мы зазимуемся, а в Даурской земли на усть Зеи и на усть Шингалу теми людьми сесть не смеем, потому что тут Богдоева земля близко, и войско приходит на нас большое с огненным оружием и с пушками и с мелким оружием огненным, чтоб государеве казне порухи не учинить и голов казачьих напрасно не потерять; и летом по той реке Амуру ходим, и тех иноземцов под государское величество призываем, а которые непослушны и непокорны, и тех громим, а, к зиме сплываем вниз; а теми людьми, Дмитрий Андреевич да Осип Степанович, той земли овладать не можно, потому что та земля многлюдна и бой огненной, а из той земли и с той реки Амура без государева указу сойти на иные реки не смеем. А что, Дмитрий Андреевич и Осип Степанович, писал яз, что вверху о поселеньи, и яз было отрядил двадцать человек с хлебными запасы и с пришли ко мне Стенка Васильев Поляков, да Костянтинко Иванов, да Коземка да Ондрюшка Степановы Байкаловские, да Ванька Парфенов, и мне тех людей послать в верх для поселя не дали, отняли, и во всей службе тот Стенка Поляков да Костка Иванов с товарищи государеве иноверцов отгнали, и землю смяли, и посолство от них же Стенки и Костки с товарищи стало;

а буде иноверцы того Третьяка на оных походах убито 20 человек ра-
поруки возмут, и где годно будет, и неных 59 человек.
яз его в посланники отпущу. А во

Из рукописи под заглавием: Списки Якутской архивы, (часть I, в лист, на 382 л.), писанной с подлинных столбцев для академика Миллера, во время путешествия его по Сибири, – Принадлежит Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, т. III, СПб., 1848, стр. 359–371.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

◆

№ 7

***1652 г. сентября 24. – Распросныя речи служиваго человека
Сергея Андреева и его товарищей, о Даурской земле и о вестях
про Богдойского царя.***

161, сентября в 24 день, приехали в Якутцкой острог из новой из Даурской земли Якутцкого острогу служилые люди и охочие Сергушка Андреев, Богдашка, Габышев, Ивашко Телятев, Ефимка Самсонов, и в съезжей избе перед столником перед Иваном Павловичем Акинфовым да перед дьяком Осипом Степановым в роспросе сказали: в прошлом де во 160 году августа в 9 день, послал де их с Амура реки приказной человек Ярко Хабаров с усть Зии реки с Кокорева улусу с отписками, да с ними же де послал в провожатых служилых и охочих казаков тридцать шесть человек вверх Амуром рекою до усть Урки

речки до Тугирского волоку. И как они Сергушка с товарищи пошли от Ярка Хабарова, и шли де они Сергушка с товарищи, с служилыми людьми по ночам, а в день итти не смели, потому что де Даурские люди под ними служилыми людьми стояли безпрестанно и их служилых людей стерегли, куды служилые люди пойдут, и они де служилые люди Даурские караулы скрадывали, и шли три ночи, и дошли на четвертой ночи до реки до усть Комары и тут нашли на Даурский улус князца Емарды; и на [372] тот де они Сергушка с товарищи улус, прося у Бога милости, напустили, и с ними Даурскими людьми бились и многих Даурских людей на том бою побили, и у них де служилых людей на том бою ранили дву человек Сергушку Андреева да охочего Ивашка Телятева, и языков на том бою Даурских четырех человек изымали, и их спрашивали и пытали, и те де языки в роспросе и с пытки им служилым людям сказывали, что де где будет Русские люди в Даурской земли город поставят, и Богдойской де царь хочет послать наынешние зимы своих Даурских многих людей тысяч с сорок и больше с огненным боем и с пушками; и от той де Комары реки шли вверх по Амуру реке день да ночь, и дошли до Даурского же улуса князца Шангамона, и тот де улус они служилые люди Сергушка Андреев с товарищи повоевали же, и Даурских людей

многих побили и языков поймали ж, и их спрашивали и пытали, и в роспросе и с пытки сказывали те же вести, что де от Богдойского царя будет под город к казакам большое войско с огненным со многим боем и с пушки; да по Амуру ж идучи от того улуса день же да ночь, и дошли до третьяго улуса Ундая, и тот улус погромили же, и Даурских людей побили, и языков поймали, и их спрашивали и пытали в роспросе и с пытки сказали те же вести, что де от Богдойского царя будет к казакам большое же войско; и они де Сергушка с товарищи, роспрося, тех языков побивали, для того чтоб в Даурскую землю вести те Дауры не подали и их бы на дороге не побили; и всего де они Сергушка с товарищи шли с усть Зии до усть Урки реки до Тугирского волоку полтретьи недели и провожатые де служилые тридцать шесть человек поплыли наниз к Ярку Хабарову; а с усть Урки шли пеши, через волок горами двенадцать ден, а борошнишко свое на себе несли в ношах, а шли стороною, не дорогою, для того чтобы их Сергушку с товарищи Даурские люди не поймали; а из Тугирского де зимовья Тугирем рекою, и Олекмою, и Леною до Якутцкого острогу плыли Сергушка с товарищи самчетверт две недели со днем; всего их ходу от Ярка Хабарова с Амура с усть Зии реки до Якутцкого острогу полсеми недели. А про всю де Даур-

скую землю про соболи, и про узорочья, какие в той земли есть, и как у них служилых людей у Ярки Хабарова бои с Даурскими людьми многие были и про города, и про реки, и про урочища, и про то де про все подлинно писал из Даурской земли служилой человек Ярко Хабаров в отписке своей; а хлеба де в Даурской земли родитца много, кроме ржи; а малыми де людьми в Даурскую землю итти нельзя, не пройтить; а Ярко де Хабаров с усть Зии реки хотел плыть наниз Амуром рекою к морю зимовать. А на всех де Даурских боях и на приступах были с Ярком Хабаровым он Сергушка Андреев да Филка Самсонов и про все ведают подлинно, а Богдашко де Габышев пришел на Амур в прошлом во 160 году в осень, а на первых боях он Богдашка не был и не ведаёт; а только де государь изволит послать в Даурскую землю своих государевых ратных людей против больших Даурских людей, которые будут от Богдойского царя сорок тысяч, и против тех людей надобно государевых служилых людей с огненным боем и с пушки шесть тысяч человек, и теми людьми тех Даурских людей войною mocno смирить. А ходу в ту Даурскую землю из Якутцкого острогу в малых дощаниках, по тридцати человек в судне, до Олекмы восьм дней, да Олекмою и Тугирем реками до волоку ходу полпята недели, а через волок с ношами пеше-

го ходу на Амур реку восьм ден, и на той на Омуре реке усть Урки реки сделать [373] суды, большие дощаники, чтобы поднял дощаник по сороку и по пятидесят человек, а поплаву Амуром рекою до Албазина города сутки, а из Олбазина города до Гуйгударова города поплаву трои сутки, и из Гуйгударова города да Банбулаева города сутки, и из Банбулаева города до усть Зии реки до Кокориева улусу двои сутки, а с усть Зии до Толгина города сутки, а от Толгина города до Камня четверы сутки, а по Шингалу де в тех судах вверх итти mocno ж; а от усть Шингалу плавал Ярофейко вниз Амуром же до Наток четверы сутки, тут и зимовал и острог поставил; и из того острожку в прошлом во 160 году вверх Амуром рекою воротились назад к усть Зии реки, а ходу де парусным погодьем и с простым было шесть недель; а от Наток де до Шингалу бечевника нет, а от Шингалу и до волоку бечевник есть; а в Богдойскую де землю ходят степью недель в шесть, а какими местами ходят и каков ход. . . . они Сергушка с товарищи не ведают. А позади подлинных речей написано: к сим роспросным речам Богдашко Кузмин и вместо товарища своего Сергушки Андреева руку приложил. К сим роспросным речам Ивашко Гаврилов Телятев и вместо товарища своего Филки Самсонова руку приложил.

Из рукописи под заглавием: Списки Якутской архивы, (часть I, в лист, на, 382 л.), писанной с подлинных столбцев, для академика Миллера; во время путешествия его по Сибири. – Принадлежит Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, т. III, СПб., 1848, стр. 371–373.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 8

1653 г. сентября 6. – Челобитная С. В. Полякова и его спутников о поведении Я. П. Хабарова на Амуре в 1650-1653 гг.

(на обороте четвертого листа помета: «162 (1653 г.) сентября в 6-й день подали изветную челобитную Стенька Поляков с товарищи»)¹.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичи) всеа Руси бьют челом извещают тебя государя служилые люди и охочие вольные казаки, которых прибрал в Якуцком остроге твой, государь, воевода Дмитрий Андреевич Франсцбеков² да дьяк Осиф Стефанов³ в новую Даурскую землю в 158 (1650) году на твою государеву службу десятники и рядовые Стенька Васильев

Поляков, Никитка Федоров, Осипко Трофимов, Илимко Никитин Корела, Посничко Меркурьев, Нефедко Ермолин, Тимошка Федотов, Никитка Амосов Пестов, Ивашко Андреев Улыба, Семейка Прокопьев, Лучка Кондратьев Оморен, Ивашко Дмитриев, Ивашко Парфенов, Гаврилко Герасимов и с товарищи, да енисеиского острогу служилые люди десятник казачей Костька Иванов да Коземка Федоров, да Енисейского ж острогу охочей служилой человек Ондрешка Стефанов да Якуцково

ж острогу, которых прибрал твой, государь, воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осиф Стефанов во 159 году служилые люди Ивашко Ортемьев, Семейко Артемьев Сажин, да вольные казаки Фетька Петров, Ивашко Васильев Пан, Гришка Володимиров, Гаврилко Богданов Шипунов, Петрушка Савин Скоблевской, Логинко Васильев Мазало, Ивашко Евсеев Долгой, Васька Ивойлов с товарищи, да которых он, Ярофей, имал, идучи по Олекме реке с соболиных промыслов на твою государеву службу в новую Даурскую землю во 147-м году Харька Федосиев, Савка Григорьев, Ондрешка Петров Старик, Сеслушка Киприянов, Семейка Панкратьев, а иным, государь, охочим служилым людям именам будет роспись под сею изветною челобитною⁴ на приказново на амурсково на Ярофея Павлова Хабарова в том, что, будучи на твоей государеве службе, он приказной человек Ярофей Хабаров, тебе государю не радеет и твоей государеве службе постоянства не делает.

Первое ево нерадение как он отпущен из Якутцкого острогу от оеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да дьяка Осифа Стефанова на твою государеву службу на великую реку Амур во 158 году, идучи по Лене реке до усть Олекмы реки не дошед июля в 15 день на Лене реке ниже Тавды реки грабил он, приказ-

ной человек, Ярофей Хабаров, твоих государевых ж ясачных людей вилюйских тынгусов⁵ Того же мисеца в 21 день у усть Олекмы реки грабил он же, приказной человек Хабаров, твоих государевых ясачных людей якутов устьолекминских и на погроме взял двенатцеть быков да трех якутов убил до смерти⁶ и в тех ясачных зимовьях на Вилую и на Олекме в ево Ярофеевых разгроме в те годы учинилась тебе государю в ясачном зборе большая поруха и в августе в 29 день оставил он, приказной человек Ярофей Хабаров, на Олекме реке Стеньку Полякова да Микулайка Юрьева сорокью человеки на трех дощаниках за камнем выше Нюкзи реки с твоей государевой казной с пушками и с пищальми, и с порохом, а он, Ярофей, пошел налегке на Амур реку, а нам холопям твоим государевым, он, Ярофей, велел итти позаде себя за собою с твоей государевой казной до Амура реки в Лавкаево княжение⁷. И как он, Ярофей, перешел за волок к служилым людям, к Рашмаку с товарищи, а у тех служилых людей седела в аманатах князева жена князца даурского Шилгиня, да сын ево меньшей шилгинеев. И он, Шилгиней князец, тебе, государь, ясак дал с себя и с роду своего прежним казакам, Рашмаку⁸ с товарищи, до ево, Ярофееву приходу И он, Ярофей, тою князцеву жену и сына ево шилгинеева принял в аманаты. И, приняв, государь,

он, Ярофей, тех аманатов, князцеву жену и сына ево шигинева, захотел он, Ярофей, ту князцеву жену взять себе на постелю и та шилгинева жена не пошла к нему, Ярофею, на постелю безчестья ради и он, Ярофей, рьяся на нее тое ночи удавил для ради своей бездельной глупости и после того времени, государь, в великом посту за три дни до светлого христово воскресенья в великой четверг приезжал тот, Шилгинец князец, к жене своей, говорил так: «... жива ли де моя жена у вас и покажите де мне жену мою и яз де государю ясак дам со ста человек, яз де приехал ныне с полным ясаком». И ему, Ярофею, показать стало нечево, потому что удавил и оне, дауры, ездили по полю крутом города с утра до половины дни и прочь отъехали и тут он, Ярофей, тебе, государю, в ясачном сборе поруху учинил, а твоей государевой службе непостоянство, а ево, Ярофеево, нерадение. И мы, государь, холопи твои, которые, государь, оставлены были на Олекме у твоей государевой казны на трех дощанниках, недошед усть Тугиря⁹ реки за десять ден и тут нас, государь, холопей твоих, нял замороз и мы, государь, холопи твои, лыжи, нарты поделали сорокью человеки, пушки и пищали, порох и свинец и всю казну твою, государеву положили на нарты и всей было клади по десяти пуд и больше. И шел я, Стенька Поляков с товарищи

по Олекме реке на лыжах с нартами, а твою государеву казну на нартах волокли до Тугиря, десять дни ходу было нашево, а по Тугирю две недели до волоку, а с Тугиря через камень де волок за волок до Лавкаева княженья две недели, где было велено, государь, нам твою государеву казну поставить. И как пришли в Лавкаево княжение и Лавкаев город сожжен, разорен и посад сожжен и разорен, а ево, Ярофея, тут нет, ни вести нет, где он, Ярофей. И мы, холопи твои государевы, видячи того места разоренье и пошли на низ по Амуру с твоей государевой казной искать ево, Ярофея, ниже Лавкаева княженья взял нас, холопей твоих, голод и от тово голоду мало не померли мы, холопи твои государевы. И тут мы, холопи твои государевы, казны не покинули, нужу и бедность принимали, голод терпели. И тово, мы, ево, Ярофея, нашли ноября в 21 день в Албазине городке. А из Лавкаева княженья до Албазина городка ходу нашево было даурскою землею две недели. И он, Ярофей, твою государеву казну у нас, холопей твоих, всю сполна здраво принял. И, приняв, он, Ярофей, учал называть своим животом, а не твоей государевой казной. «Пушки и пищали, и порох, в свинец, и куяки, и сукна, котлы, косы и серпы и уклад взял де яз из государевы казны только по обценке в долг и в той де казне дал на себя запись в казну в Якутском

остроге воеводе Дмитрею Андреевичу Францбекову да дьяку Осифу Стефанову». Словет: «то декупил яз ту казну государеву». И учал продавать пищали и порох, и сукна, и котлы, и серпы, и косы - все продавать дорогою ценою: пищаль да два фунта пороху, да два фунта свинцу, да котел фунтов с четыре - по штии-десять рублей и по семидесят рублей и больше.

И декабря в 18 день из Албазина города он, приказной человек Ярофей Хабаров, учинил поход на Даурских людей, на Дасауля князца и на иных улусных людей, на даурских. И, не дошед Дасауля князца за два дни, тут он, Ярофей, послал по реке Ширилке¹⁰ служилого человека Третьяка Ермолаева Чечигина¹¹ да ясаула Стеньку Полякова, да толмача Костьку Иванова, да с ними шездесять человек служилых и охочих казаков на сторонних мужиков, на лаурских и на тингуских мужиков. И те мужики стояли нат сторонною рекою с пяти юртах. И мы, государь, холопи твои государевы, тех даурских и тынгуских мужиков взяли на роте без бою, а рота¹² наша была на том, что их. мужиков, не убить, ни жен их, ни детей их, а им мужикам быть под твоею государскою высокою рукою в вечном ясачном холопстве навеки неотступны и ясак тебе государев давать по вся годы и с роду своего, а Дасаула де мы призовем, иных многих даурских мужи-

ков и тыгуских многих подзовем де под царскую высокую руку и ясак де государю давать станут и сверх того де, сверх Шилки гантимурския будут же давать ясак государю с нелюдов, своих родников, а он де нам, Гантимур¹³ зять, мы де ево призовем Гантимура, а в том де наши головы будут сидеть у вас в аманатах. И мы, холопи твои государевы, на том их взяли с женами и з детьми и з...¹⁴ их и привели тех мужиков к приказному человеку Ярофею Хабарову. И он, Ярофей, тех мужиков у нас, холопей твоих, принял и велел посадити в воду, а жены и дети и их шубы, соболи подуванить велел, утекаючи, он, Ярофей, на свой бездельной нажиток а тебе государю большую поруху учинил в ясачном зборе, а в земле Даурской - шатость, а твоей государственной службе непостоянство а те государь, мужики даурские были добрые, мошно было тебе, государь, с них ясак взять, а ево Ярофеево нераденье.

И во 159 году марта 25 писал он, приказной человек, Ярофей Хабаров, к тебе государю в Якуцкой острог к воеводе Дмитрсю Андреевичу Францбекову, да дьяку Осифу Стефанову из Албазина городка, что де яз, Ярофей, постоянство учинил, в Албазине городке поселился, двадцать семей на пашне посадил и в том тебе государь оболгал, а тово, государь, ничево не бывало, а писал к тебе, государь ложно, а с

отписками посылан был Якуцкого острогу служилой человек Третьяк Ермолаев Чечигин, да в товарищах Дружинко Васильев, да племянник, да племянник ево Ярофеев Ортюшко Филиппов Петриловской¹⁵ для ради обмана посылал племянника своево Ортюшко Петриловского, чтобы обмануть твоево государева воеводу в Якуцком остроге Дмитрея Андреевича Франсцбскова, да дьяка Осифа Стсфанова и обманом взять твоя государева казна. И, опустя отписки, велел он, Ярофей, всему войску дощанники делать и струги легкие и на дощанниках велел кузнецам ковать якори. а он, Ярофей, почал в те поры пива и вина курить и продавать тем вином и пивом, да сам то вино продавал в чарки, а пиво продавал в ведра служилым людям и охочьим вольным казакам дорогою ценою. И в напойных деньгах кабалы имал и оттово продажного питья ево Ярофеева вконец задолжали. И тут он, Ярофей, хлеб двух городов, Албазина и Атуева¹⁶, в пиво и вины переварил. И в мае 29 дня из Албазина же городка посылал он, Ярофей, в поход служилых людей, вольных и охочих казаков на даурских людей для ради аманатов и языков. И мы, государь, холопи твои государевы, в поход ходили и в походе, государь, поймали восьм человек даурских людей и привели к приказному Ярофею Хабарову и он, Ярофей, взял к себе

на двор, а иных аманатов и языков роздал советникам своим та (...)х. И заставил их толочь и молоть солоду. Из-за моло(тбы)х, из-за толчея те аманаты разбегались, а (остальных) х прирубить велел. И тут ево, Ярофесво нерадение, а твоей, государь, службе непостоянство, а в Даурской земле шатость. И как суды поделали июня в 5 день из Албазина городка, поплыл он, приказной Ярофей Хабаров, на низ по Амуре реке, а Албазин городок покинул пуст. И доплыл до Гайгударова города¹⁷ и божею милостию и твоим, государь, счастьем. Гайгударов город взяли и многия языки поймали. И тут он, Ярофей, стоял семь недель в своих судах на якорях, а твоему государеву делу не радел, а радел своим нажиткам, шубам собольим. И от Гайгударова города поплыли вниз по Амуру. И как доплыл до Банбуласва города¹⁸, а тот, Банбулаев город стоит пуст, а мужики выбежали, а хлеб стоит по полям, не жат. И тут он, Ярофей, захотел жить и жеребий метал и, государь, бог изволил жити. И по жеребью было изволил, государь, бог жить тут, в Банбулаеве городе. И он, Ярофей, учал продавать косы и серпы твои государевы дорогою ценою: косу по два рубли, а серпы по рублю, а мы, холопи твои государевы, покупали косы и серпы, потому что хотели с поля хлеб жать, а тебе, государю, служить и поселитца, непостоянство зделать. А он, Ярофей,

продавал косы и серпы не для ради поселения, а продавал он, Ярофей для ради долга, корысти своей. И жил он, Ярофей, в Банбулаевом городе три недели. И как распродал косы и серпы и захотел он, Ярофей, плыть на низ. И августа в 5 день поплыл на низ, а то место покинул пусто. И плыл он, Ярофей, от Банбулаева города три дни. И как доплыл он, Ярофей, до Толгина города¹⁹ - и божию милостью и твоим государским счастьем и казачими головами Толгин город взяли. И сорок пять человек даурских мужиков поймали. Да в них восемь человек князей даурских даурской земле державцы, именем Толга, да Балуня, да Торончай з братом да Омантю, ево брат. И те были, государь, князцы даурские лутчие державцы. И оне, князцы, тебе, государю, шерствовали по своей вере. И ясаку, государь, с собя и с своего роду дали два сорока соболей. А говорили те князцы так:»...дадим де мы и на осень государю ясак со всей Даурской земли по камень». А тот камень рубеж з Дючерской земель. Шертованье²⁰ сих даурских князей было на том, чтоб им, даурским князцам, со всей Даурскою землею под государскою высокую рукою в вечном ясачном холопстве навеки неотступным. И бил челом тебе, государю, а по твоему государеву указу, приказному человеку, ему, Ярофею Хабарову, князец Толга с товарищи, чтобы ты государь, дал

бы им сроку до осени в нынешнем де во 159 году: дали де мы ясак царю богдойскому, потому ныне у нас соболей нет вашему государю царю Алексею Михайловичу всея Руси и дадим де мы ясак на 160 год со всей Даурской земли весь сполна. А тот Толгина город крепок был выше меры в две стены рублен в целом древе, а промежу стенами был сыбан хрящ. И кругом города было копано три рва, по три сажени глубины, а широта по четыре сажени. И велел он, Ярофей, нам, холопам твоим государевым, тот город строить и укрепить на городе тройной чеснок, и аманацкой двор поставить. И мы, холопи твои государевы, по ево ярофееву приказу так мы зделали чеснок на стене и аманацкой двор поставили, а кругом аманацкого двора поставили тын стоячий, да нарубили на городе четыре башни и на башни поставили пушки. И велел он, приказной Ярофей, жеребовать в городе места, где кому ставить избы. И он же, приказной человек Ярофей Хабаров, умысля как бы и тут постоянства не взделать тебе, государю, сентября во второй день выпустил лутчево князца Балуню без войскового ведома и совета на волю. И от тово Балуня, а ево ярофеевым наученьем начала быть в Даурской земле шатость. И того же месяца в 4 день даурского князца Толгу с товарищи, ево, приказной Ярофей Хабаров, бил кнутом на-

смерть нещадно. Того же месяца в 5 день велел он, приказной Ярофей Хабаров, нам, холопям твоим государевым, из города хлебные запасы вынести и пушки выкатить на суды, а город зажечь, и около города посад весь зажечь же. И как разорил Толгино княжение и от того места поплавав учинил вниз. А Толгу князца потерял своим небрежением и нерадением, а тот Толга был державец всей Даурской земле, а держание его было дано ему, Толге, от богдойского царя кабы что воевода. И как выплыл из даурской земли в Дючерскую землю и плыл дючерами три недели. И как доплыл до Ачанского улуса и тут в улусе стал и почал он, Ярофей, зимовать, не поставя ни острогу, ни крепости. И тут мало наших голов не потерял и твою государевы казны, а пушкам ни роскатов, ни быков не поставил, а поставил среди улицы просто. И на приезде, государь, как мы, холопы твои государевы, приехали сперва во Очанский улус и поймали князцева сына Жакшурова, а тот Жакшур князец над тремя улусами большей, а в тех улусах больше трехсот человек. И тот князец Жакшур с осени ясак дал под сына своего тебе, государя, два сорока соболей. И с сентября дючерские мужики тебе, государю, ясак не почали давать и почали быть в откладе и до мисяца февраля. И мы, государевы холопы твои, видя их иноземцев от-

клад и непокорение тебе, государю, и мы, государевы, били челом тебе, государю, а челобитную подавали ему, приказному человеку, Ярофею Павлову Хабарову, Дунай Трофимов да Стенька Поляков с товарищи, которые зимовали в Очанском и тому, государь, имена наши в челобитной девяносто пять человек на твою государеву службу в охочей поход на твоих государевых непослушников, на дючерских мужиков, неясачных людей. И как мы в охочей поход, холопы твои государевы, ходили и божию милостию Кечигин улус разгромили и кечигиных братьей поймали трех, да улусных мужиков четырех и приказному привели. И приказной Ярофей Хабаров под тех кечиных братьей ясак взял тебе, государю пять сороков соболей, а тот Кеча у дючер большей. Как он, Ярофей, ясак взял тебе, государю, с Кечи под его кечиных братьей и после ясаку он, приказной Ярофей Хабаров, руки посек да и повесил. И у жакшурова сына руку отсек да и того повесил, а иных аманатов порубил. И пошел он, Ярофей Хабаров, из Очанского вверх по Амуру в Даурскую землю в Толгино княжение. И как пришел в Даурскую землю в Толгино княжение и тут он, Ярофей, промыслу учинить не учал, а твоей государеве службе не радел и постоянства не делал.

И мы, государевы холопы твои, которые прибраны на твою госуда-

реву службу в новую Даурскую землю в Якуцком остроге во 159-м году и посланы холопи твои на твою государеву службу в новую Даурскую землю из Якуцкого острогу с служилым человеком, с Третьяком Ермолаевым Чечигиным, да с Ортемием Филипповичем Петриловским к нему, Ярофею Хабарову, в полк, и как мы, холопи твои, за волок на великую реку Амур перешли во 160-м году и перешед суды поделали и на низ поплыли искать ево, Ярофея Хабарова, и доплыли до Албазина городка, ис которого города он, Ярофей, писал тебе, государю, отписки, в Якуцкой острог к воеводе Дмитрею Андрееву Францбекову, да к дьяку Осифу Стефанову и в том Албазине городке нет ево, приказново человека Ярофея Хабарова с войском, лишь место знатимо городища и от тово места мы плыли на низ по Амуру. И пловучи имали мы языки и языков служилой человек Третьяк Ермолаев толмачем роспрашивал про нево, Ярофея, и на роспросе языки сказать не умели, потому что он, Ярофей, уплыл далече не для ради твоей государевой службы и прибыли, плыл он, Я(ро)фейка для ради своей бездельной корысти и нажитку. И мы, холопи твои государевы, доплыли до Банбулаева городка и тут нас, холопей твоих, нял замороз. И тут мы зимовали в Банбулаевом городке и зимою приезжали к нам, холопам твоим государе-

вым, даурские люди немногие. И служилой человек Третьяк Ермолаев с толмачем с Ильюшкой выходил к ним, даурским людям, и говорил им, даурским людям, и призывал даурских людей к твоему государскому величеству и принял у них ясаку тебе, государю царю великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси и будете де под ево государственной высокой рукой и живите безпечально. И оне, даурские люди, говорили так: «рады де мы вашему государю ясак давать только де вы люди лукавы, правды де в вас нет: прежде де сего в Лавкаевом городке ясак дали Ярофею Лавкай, дал ясак и Шилгиней и другие мужики хотели давать ясак все. Была у него, Ярофея, князцева жена шилгинеева в ама(на)тех и он, Ярофей, хотел де к себе на постелю взять ту князцеву жену и она де не пошла к нему на постелю и он, Ярофей, ея удавил. И зимою де ходил он, Ярофей, в поход и поймал де добрых мужиков семь человек даурских и тынгуских, и те де были мужики добрые улусные и он, Ярофей, суды поделал из Албазина городка пловучи на низ наши жилишка жег и пустошил, нас, даурских людей, рубил в пень и жены наши и дети в полон имал, лучших наших князцев, Толгу и Толончея, иных князцев кнутом забил, а иных огнем зажег, а иных с собою увез и наши жены и дети на низ уплавил, не ведаем - живы, не ведаем - мертвы, пот ково

де нам ныне стало ясак дать и мы де ныне не ведаем как к вам умы применить и весною служилой человек Третьяк Ермолаев Чечигин, да Ортемий Филипов Петриловский послали на низ служилых людей и охочих казаков двадцать семь человек для ради проведывания, чтобы ево, Ярофея, проведать, где он, Ярофей, живет с войском. И он, Ярофей, слышал от дючерских людей, что пловут де казаки сверху, блиско, севодними будут или завтра. И он, Ярофей, проведывать в стругах не посылал и караулить их не велел тех казаков, потому что тебе, государю, не радеючи и твоей государеве службе не проча и теряючи твоих государевых холопей нарочно. И мы, достальные, остались в Банбулаевом городке дожидались твоя государевы казны из-за волочья. И как мы дождались казны и мы поплыли на низ. И как доплыли до Толгина княженья и тут выезжали даурские люди. Служилой человек Третьяк Ермолаев Чичегин посылал в стругу толмача Ильюшку, да служилых людей призывать к твоему государскому величеству, велел с них прошать ясак и те даурские мужики говорили: «как де нам дать ясак вашему государю, лиха де ваша неправда: в прошлом де году ясак де мы дали Ярофею в Толгине городке и сами де наши князцы Толга да Торончей были у нево, Ярофея, в аманатах и с иными князцами и мы де с

ним, Ярофеем, по своей вере шерстовали, что было нам ясак дать вам по вся годы и он де, Ярофей, правды не помня, Толгу князца нашево замучил и иных князцев наших и он де, Ярофей, на низ уплыл без вести и жены наши и дети с собою на низ уплавил, под ково де нам ясак давать. И мы, холопи твои государевы, от тово места плыли на низ и доплыли до дючерских улусов. И поймали мы, холопи твои государевы, дючерсково языка. И тот язык стал нас звати в поход и мы, холопи твои, ходили в поход в лес и божиею милостью дючерских мужиков нашли дючерсково князца Тоенчени жены и дети поймали и судом привели. И тово же дни князей Тоенча з братьями приехал и твоему государскому величеству поклонился и шерстовал по своей вере и ясак дал тебе, государю, и сам в аманаты сел и что ясак дал и тому следуют ясач(ные к) ниги у Третьяка Ермолаева Чечигина (...)»^x вместе плыли недалеко на низ в каменю стретили ево, Ярофея Хабарова, с войском, вверх идучи. И мы, холопи твои, били челом тебе, государю, а челобитную подавали ему, Ярофею Хабарову, чтобы он, Ярофей, нас, холопей твоих, отпустил на низ для ради проведывания тех дватцати семи человек служилых людей и охочих казаков, которые посланы из Банбулаева города на низ. И он, Ярофей, не радеючи тебе, государю и твоей государеве

службе, теряючи твоих государевых холопей, нас, холопей твоих, проводить не отпустил тех казаков и, радея, он, Ярофей, своему нажитку соболиному промыслу. И шли мы, холопи твои, с ним. Ярофеем, вверх до Кукорева улуса²¹. И остается он, Ярофей, в Даурской земле лето и весну, а промыслу он, Ярофей ник(а) кова не чинит, а твоей государеве службе не прочит и постоянства не делает. И мы, государь, холопи твои государевы, служилые люди и охочие вольные казаки, били челом тебе, государю, а в Даурской земле ему, приказному человеку Ярофею Хабарову, в Кокореве улусе имянным челобитьем, что он, Яро, твоей государеве службе не радеет и поселения не делает ни в Даурской земле ни в Дючерской земле города не ставит и аманатов теряет, даурских и дючерских князей, небрежением и нерадением, а государеву казну продает и от тово себе, ты, приказной человек Ярофей Хабаров, корысть получаешь велику, а мы, государевы холопи твои, подымались из Якуцкого острогу и с промыслов своих на своих подъемах и будучи мы, холопи твои государевы, с ним, Ярофеем, на твоей государеве службе задолжали вконец. И мы, холопи твои государевы, подымались для ради твоей государевы службы, а не для ради своей бездельной корысти с соболиново промыслу, а хотели мы быть от тебя го-

сударя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, в твоём царском жалованье. И мы, холопи твои, почали ему, Ярофею, говорить: «от твоего, Ярофеева, непостоянства и нерадения нам, холопам государевым, не бывать в царском жалованье». И он, Ярофей Хабаров, почал нам, холопам твоим государевым, говорить тако: « (...)»^x чи, что де вам, мужики, дело до государевы казны, хотя де яз и продаю государеву казну, взял де государеву казну тут я в Якуцком остроге из государевы казны у воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова, да у дьяка Осифа Стефанова только де по оценке, в долх и в той де я казне на себя запись дал и словом де то купил, что куды де яз с тою казною хочу туды де яз пойду, хотя де и на промысел, а вы де мне не указывайте и не бейте челом и подите де вы куда хотите, вам де что будет от государя какое жалованье, а у меня де писано к государю моими подъемами, а вы де на моих подъемах», а мы, государь, холопи твои государевы, многие на своих подъемах²², а не на его, Ярофеевых, и служим мы, холопи твои, тебе, государю, своими головами в новой Даурской земле бес твоего государева жалованья, с воды и с травы, а он, Ярофей, наши подъемы и пишет к тебе, государю, ложно, а нам, холопам твоим, учал он, Ярофей, грозить: «вы де у меня съели запас на Тутире и на Урке и за

всякой де пуд вы мне заплатите де по десяти рублей» и хотел на нас править правежами немерными, а нас, холопей твоих государевых, мучить, изгонять и обижать всякими налогами и правежи немерными и впредь учал грозить кабальными правежами немерными. И нам, холопям твоим государевым, с ним, Ярофеем, служить стало незаможно, тебе, государю. И от таковых обит и изгони и от непостоянства ево, Ярофеева, Стенька Васильев Поляков да Костька Иванов с товарищи сто тритцетъ два человека поплыли на низ тебе, государю, служить своими головами оприченно ево, Ярофея, с травы и с воды. И ково он, Ярофей, нас, холопей твоих, обижал напрасно и продавал всякими налогами и тому, государь, у нас будет особ тебе, государю, челобитные подавать. А на низ мы, холопи твои государевы,плыли для ради твоей государевой прибыли тебе, государь, служить и своя служба тебе, государю, явить. И как мы, холопи твои государевы, доплыли до Гиляцкия земли²³ и божией милостью и твоим государским счастьем из девяти гиляцких родов в Гиляцкой земле девять добрых гиляцких князцев поймали и в аманаты посадили и середе Гиляцкой земли острог поставили тебе, государю, з башнями и тарасы зарубили и хрящем насыбали для ради иноземского приступу и ясаку к тебе, государь,

взяли до ево, Ярофеева, приплыва и что взято ясаку и тому следуют ясашные книги²⁴. А приплыл он, Ярофей, к нам, холопям твоим, сентября 30 дня, учал нас, холопей твоих, называть, он, Ярофей, ворами и хотел нас грабить. И мы ево, Ярофеево, озорнячество видячи, жили збережением. И он, Ярофей, и зимовье поставил на одну улицу и октября в 6 день приехали нижние мужики с моря в пяти стругах с твоим государевым ясаком под аманаты, которые аманаты сидели у нас, холопей твоих государевых. И он, Ярофей, послал в стругу ясавула Василья Панфилова с толмачем и служилыми людьми и велел толмачем говорить: «что де вы, мужики, ездите к ворам и ясак даете, мы де их побьем воров и ваших князцев повесим». И тех гиляцких мужиков отогнал и к родникам не пустил. И тот ясак к тебе, государю, не взят и тово ж мисяца в 9 день приезжали в сороки стругах сверху Амура гиляки и порубежные дючеры с твоим государевым ясаком. И он же, Ярофей, послал того же ясавула Василья Панфилова с толмачем и велел он, Ярофей Хабаров, отгонити гиляков и дючер также: «к ворам де вы не ездите и под аманаты ясаку не давайте». И тут он, Ярофей, тебе, государю, не радеет и твоему государеву ясашному збору учинил великую поруху. И как он, Ярофей, поставил зимовье и учинил роскаты и на ро-

скаты вскатил пушки и велел стрелять ис пушек служилому человеку Онофрею Стефанову Кузнецу, да охочему служилому человеку Титу Левонтьеву Осташковцу и иным служилым людям велел стрелять по аманатному двору и по твоему государевому острогу ипо нас, холопям твоим государевым, велел стрелять из мелково ружья с ранново обеда задовечерья. И мы, холопи твои государевы, не стреляли по ним против бояся твоей государственной грозы. И видит он, Ярофей, что нас, холопей твоих, в остроге неймет и он учал, Ярофей, умышлять как холопей твоих побить всех наголову до единово и статки наши подуванить. И учал щиты делать и умышлять своими потаковщики и судьяники своими, служилыми людьми, нас, холопей твоих государевых, побить и поймал нас, двенатцать человек и велел палками на смерть прибить он, Ярофей, и мы, холопи твои государевы видячи ево, Ярофеева, воровство и непостоянство, что он, Ярофей учиняет позор твоему царскому величеству и славу недобрую и укор от иноземцев и в понос князям иноземским. И мы, холопи твои по совету промежу собою били челом ему, Ярофею Хабарову, чтобы он Ярофей, не стрелял по твоему государеву острогу и нас, холопей твоих государевых, не побил и твоему государеву имени позору не учинил. И ведаючи мы, холопи твои госуда-

ревы, ево, Ярофеево лукавство, за ротою мы ему, Ярофею, отдали(сь) и в тех аманатах мы у нево, Ярофея, отпись взяли, а рота была ево, Ярофеева, на том что нас было, холопей государевых, не убить, ни твоих государевых ясачных аманатов не терять, ни наших стаков не грабить. И он, Ярофей, не помня бога и не бояся твоей государственной грозы, нас, холопей твоих четверых, Стеньку Полякова да Костьку Иванова, да Фетьку Петрова, да Гаврилка Шипунова посадил в железа, а иных всех, холопей твоих государевых, батогами бил вместо кнута, без рубах на смерть, а иных давал за приставов и прставы их мучили из живота. И от ево, Ярофеевых, побой и мук умирало много. И всех нас, холопей твоих государевых, он, Ярофей, изувечил и статки наши и животишка вымучил и пограбил. И что, государь, от ково он, Ярофей, вымучил и в том у нас будут челобитные к тебе, государю, особ подавать. И февраля в 7 день он, Ярофей, велел острог сломать и сожечь кузнецам на уголье и на дрова, которой мы, холопи твои, острог поставили и ясак, тебе государю, збирали под аманаты, которых аманатов мы, государь, поймали. И марта в 3 день взял он, Ярофей, лутчево аманата гиляцково князца Мингалчю с собою вожем на гиляцкие улусы. И ходил он, Ярофей, в поход на ясачных мужиков для ради своей бездельной корысти,

а не ради твоей государевой прибыли и тово аманата Мингалчю убил, а тот аманат Мингалча гиляцкой князец тебе, государю, ясаку дал три сорока соболей. И, убив тово аманата Мингалчю, он, Ярофей, говоил то де какие аманаты, воры де их поймали, что де их беречь и возитца, а с осени, государь, гиляцкие люди к нам, холопям твоим, приезжали и ясак под те аманаты тебе, государю, давали и достальной ясак ходили дать под те аманаты, которые аманаты сидели у нас, холопей твоих государевых, ходили давать и сулили тебе, государю, ясак с полуторых тысяч луков (дать и со своих р)ходников: «и мы увидим царское жалованье и вашу казачью правду и доброту, и постоянство, то будут по нас и всей Гиляцкой землю государю ясак платить, а у нас в Гиляцкой земле будет ясашных людей, которые государю могут ясачным (платежом) промыслять и тех четыре тысячи луков добрых надежных бойцев опроче стара и мала и все мы будем государю послушны и покорны быть в вечном ясачном холпъстве навеки неотступными, ясак давать по вся годы». И он, Ярофей Хабаров, у нас, холопей твоих, аманатов принял и ясак збирал в Гиляцкой земле под те аманаты. И рньясь на холопей твоих государевых, он, Ярофей, в зависти к нашей службе, что тебе, государю, служим на Амуре реке в Гиляцкой земле без твоего

государева жалования с воды и с травы тебе, государю, ясак збирали соболями и шубами соболями и лисицами дорогими. И он, Ярофей, без твоего государева ведома нас, холопей твоих, с своими потаковщиками умыслил погубить всех нас, холопей твоих государевых, и нашу службу отнял и твою государеву казну ясачной зборе соболиную и лисицы дорогие. И он, Ярофей, хотя быть нашею службою от тебя, государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси быть в жалованье, а нас, холопей твоих государевых, он, Ярофей, своим злым умышлением и небылым составом, хотя видеть от тебя, государя, нас, холопей твоих, в казне и в опале, а тебе, государю, пишет на нас, составляет на нас всяко воровство ложно и, будучи он, приказной человек Ярофей Хабаров, в Гиляцкой земле в Мингальском зимовье, пива варил и вина курил и продавал служилым людям дорогою ценою, пива продавал в ведра, а вино продавал в чарки (...) ево, ярофеева продажно-во питья и хлебной скудости, что он, Ярофей, с войском хлеб выкупил и в пиве и вине переварил, и от тово он, Ярофей, в Гиляцкой земле постоянства не учинил, и аманатов из Гиляцкой земли вывез, а твоей государевых службе не радеет и не прочит он, Ярофей. И майя в 16 день приезжали гиляцкие мужики восемнадцать человек в одном стругу

Махонсково улусу к Сергунче и Богданке с товарищи к аманатам, которые аманатов мы, государь, поймали то Сергунчю и Богданчю. И те, государь, мужики гиляцкие, под те аманаты привезли ясаку тритцетъ соболей тебе, государь, на 162 (1654) год...^x и били челом те, гиляцкие мужики, тебе, государю, по твоему государеву, ему приказному человеку Ярофею Хабарову, чтобы де наших князцев из Гиляцкой земли не вывез и не убил также как нашево же князца Мингалчю, а ходил де, Ярофей, в поход на ясашных людей, а тово Мингалчю, имал с собою вожем, а он, Мингалча, тебя, Ярофея, вел прямо на улус, а ты, Ярофей, тово улуса взять не мог, а тово Мингалча, князца нашево, наподелу пересек на двое по серетке пополам, да с войским ты, Ярофей, прошел и то де веть негорасно, словом то де наругался ты, Ярофей, а у нас де тот Мингалча, был старой князец, а слушали де ево у нас в Гиляцкой земле многие улусные мужики и молодые князцы, а он де их Мингалча от дурна унимал, а с тое де поры как ево, Мингалчи, не стало, ты, Ярофей, засек у нас в Гиляцкой земле многие улусные мужики и молодые князцы поколыбались и потом к вам (с яском)^x не бывали и ехать не смеют. И мы их разговаривали с той поры и п(о сее вре)хмя и по твоему, Ярофеву...^x Ярофей объявил и сказал царское слово, жить велел ты нам, Яро-

фей, по... (своей вере)^x в улусах без печали опять по старому и громить не хотел, потому что мы дали царю ясак на 162(год) де сполна и со всево роду своево и впредь государю ясак будем платить, которые у нас писаны в ясачных книгах и будем в вечном ясачном холопстве навек неотступными. Мы здесь по улусам и по волостям разговаривали гиляцких мужиков по твоему, Ярофей, приказу и у нас ныне гиляцкие мужики, которые государю ясак платили живут по своим житьям бес печали и безовсяковы сумнения и не бояся и оплошно и отпустя он, Ярофей, тех гиляцких мужиков и слыша в их оплошное время что оне живут без боязни и он, Ярофей, тотчас не мешкая сказал служилым людям и охочим вольным казакам твою государеву службу в поход на гиляцких мужиков и по ево, Ярофея, приказу жеребеи метали по пяти человек з десяти, а не ради твоей государевы службы он, Ярофей, так умыслил - для ради разоренья Гиляцкой земли и непостоянства. И божиею милостию и (...) ^x и ветер в парусную погоду того ж (...) ^x Ярофей посылал в поход. И побежал он, Ярофей, вверх по Амуру из Гиляцкой земли от своего зимовья, а зимовье свое зажег также, как он, Ярофей, жег и разорял и в Даурской земле и в Дючерской земле. И тут он, Ярофей, твоей государевой службе не радел и постоянного не учинил, аманатов ги-

ляцких из гиляцкой земли вон вывез и, идучи, он, Ярофей, Гиляцкою землею майя в 19 день твоих государевых ясачных людей гиляцких мужиков их житья пустошил и ловушки рыбные ловли грабил и уди и переметы поснимал, а иные, государь, велел ясаулу Василею Панфилову переметы перерезать и на низ упустить, а в те поры Якуцкого острогу служилой человек Козьма Терентьсв и гиляцкой толмач во все войское являл и говорил те речи; грабит де приказной человек Ярофей Хабаров, да ясаул Василей Панфилов государевых ясачных людей гиляцких мужиков, а мне де он, Ярофей, велел иноземцев призывать под государеву царскую руку ласкотою (...)хю, а велел он, Ярофей, жить им (по своим)х житьям и по рыбным ловл(ям), а те мужики поверили ему, Ярофею, и (...)х вели те, гиляцкие мужики моево, Кузькина, призову, почали жить по своим житьям и по рыбным ловлям. И промышляют оне, гиляки, себе корм, а из-за тово корму государю ясак промышляют чтобы быть им, гилякам, в ясачном платежу, а он, Ярофей Хабаров, да ясаул Василей Панфилов, зделали обманом над гиляцкими мужиками и надо мною, Кузькою. И велел он, Ярофей, говорить и призывать ложно тех иноземцев. И тот, Ярофей Хабаров, иноземцев грабил и в Гиляцкой земле делает шатость и непостоянство, а мне, Кузьке толма-

чу, оне. гиляки, впредь веры нять не будут, а развие ему, Ярофею, та гиляцкая земля покинуть или впредь призывать под государскую высокую руку снова и аманаты имать новые, да таких де аманатов новых не будет, потому что лутче тех в Гиляцкой земле князцей нет, а ныне де вам мощно, служилым людям и охочим казакам их ведеть: оне гиляцкою землею своих князцей гиляцких Сергуню (же с)^х Богданчей с товарищи провожают с криком и с плачем (...)хоне. гиляки, своих князцей (...)х земли и гонялись оне, гиляки (...)х свой страх (...)х по вся дни Гиляцкою землею. Да того же числа мая в 19 день являл во все войское охочей вольной кеазак Дмитрий Назаров Тютя на приказнова человека, на Ярофея Хабарова: грабит де он, Ярофей, государевых ясачных людей, гиляцких мужиков и ловли рыбные, переметы и уды и поснимал и пустошит он, Ярофей. Гиляцкую землю. И будучи он, Ярофей, в Гиляцкой земле, твоей государевой, казной, хмелем дорговал в пезмены (безмены - Б.П.) и в фунть продавал, безмен продавал хмелю по пяти рублей, а фунт по два рубля и от тово он, Ярофей, корысть себе великую получал. Да в Гиляцкой земле он, Ярофей, будучи у ясачного збору тебе, государю, в ясачном зборе полную поруху учинил, добрые соболи и лисицы обводом у иноземцев покупал, а от твоей государевой казны

отводил, а от того он, Ярофей, себе корысть великую получал, а тебе государю, тут ево нерадение. А нас, государь, холопей твоих государевых (...)х луч, без вины бил и мучил в (...)х ками со своими потаковщики (...)х и охочими вольными казаками, потому чтобы твое государево дело было тайно, а служилым людям и вольным казакам будет у нас роспись, с которые, государь, служилые люди и вольные казаки твоей государеве службе не радели, а его, Ярофсева, потаковщики, а нас, холопей твоих, из живота за приставы мучили. И мы, холопи твои государевы, от нево, Ярофея, от ево потаковщиков и бояся их видя смерть свою, от них живот свои и дни окупали до твоего государева указу. И нас, холопей твоих, он, Ярофей, к себе закабалил и в веки поработил и до конца разорил. И во 160-м году как мы, холопи твои государевы, поплыли из Кукорева улусу на низ и плывучи дючерскою землею и проплыв Шингал реку августа в 9 день ходили мы, холопи твои государевы, на улус Чиндария князца, да на свата ево Чекуная князца дючерского. Божию милостью и твоим государским счастьем и поймали тут, в улусе, князцеву жену, того князца Чиндария женку, а чекунаеву сестру. И после того, государь, зимою в марте месяце приезжали было те князцы дючерские в Гиляцкую землю к тебе, государь, с полным яса-

ком. Тот Чиндарей князец (...)х под жену свою приехал, а те князцы в Дючерской земле, в Косогорном улусе. И в то же время Косогорнова улуса приехал гиляцкий мужик к нему, Ярофею, и привез тебе, государь, дорогова зверя черную лисицу в ясак и почал просить тот, гиляцкой мужик, того князца Чиндарся жену ево и тот, приказной человек Ярофей Хабаров, тебе, государю, у того гиляцкого мужика в ясак черную лисицу взял, а ту князцеву жену выдал. И тот гиляцкий мужик тому князцу Чиндарею жену ево отдал и те князцы дючерские поехали в свою землю, не платя ясаку тебе, государю, а под теми, государь, князцами дючерскими Чиндареем и Чекунаем семьсот луков. Да он же, (Ярофей...в Ги)хляцкой земле нас, холопей твоих государевых, (...), ро(...)хм (у)мышлением своими потаковщи(ками), а как де вы, мужики, поплыли и куды побежали, ево? И мы, государь, холопи твои государевы, в роспросе ему, Ярофею, говорили, а поплыли де мы, Ярофей, от твоего, Ярофей, нерадения и непостоянства, что ты царю не радеешь и постоянства нигде не де(лаешь)х, а нас, холопей государевых, ты, Ярофей, изгон..., де холопи государевы не пожалованы в (...)х нерадение и поплыли служить, государь (...)х тебя, Ярофея, своими головами. И он нас, Ярофей, за те речи бил на смерть и от ево, Ярофеевых,

пыткок многие умирали, а писал рос-
просные речи потаковщик ево, Яро-
феев, Ивашко Прокопьев Посохов²⁵
по ево, Ярофееву, научению и как
им надобед и тем составошном сво-
им оне письмом хотят нас, государе-
вых холопей, твоих государевых, в
конец погубить. И впредь нам, холо-
пям твоим государевым, с ним, Яро-
феем, твоей государевой службы
служить невозможно, потому что
он, Ярофей, тебе, государю, не раде-
ет. Милосердливый государь царь и
великий князь Алексей Михайло-
вич всеа Руси, пожалуй нас, холо-
пей твоих государевых, вели, госу-
дарь, сию нашу (...)»^x.

*Конец челобитной С.В.Поляко-
ва и его товарищей оторван. Но
от конца сохранился отрывок с пе-
речислением участников похода на
Амур, которые подписали эту чело-
битную.*

*По этим данным, а также по
многочисленным подписям на оборо-
те челобитной удалось составить
следующий неполный список участ-
ников похода на Амур, поставивших
свою подпись под челобитной С.В.
Полякова, осуждавшей поведение
Ярофея Хабарова на Амуре.*

Список дан по алфавиту:

*Ананьин Григорий
Ананьин Семен*

*Андреев Семен
Андреев «Улусотка»
Аниксимов «Аришка»
Аниксимов Григорий
Артемьев (Ортемьев) Иван
Артемьев Савелий+
Афанасьев Шестак+
Васильев Александр
Васильев Аника
Васильев Иван
Васильев Исай
Васильев Прокопий
Васильев «Пятулька»
Володимеров Григорий
Герасимов Гавриил Кайгород+
Гнутой Лука Кондратьев
Годосков Иван Терентьев
Григорьев Никита+
Григорьев Николай
Григорьев Яков+
Дмитриев Василий
Дмитриев Иван
Долгой Иван Евсеев+
Евсеев Иван
Екимов Владимир
Екимов Влас
Екимов Трофим
Ермолаев Иван
Ермолаев Клим
Ермолин Нефед+
Ермолин Трофим
Еунтропьев (Еустропьев)
Еунтропьев Трофим
Земиров Григорий Аникеев
Земиров Андрей Аникеев
Зотиев Дмитрий
Иванов Василий
Иванов Иван*

Иванов Константин Москвитин	Панкратов Сергей
Иванов Федор	Парфеньев Иван
Ивойлов Василий	Пестов Никита Амосов+
Игнатъев Илизар	Петров Федор
Карпов Филипп	Поляков Степан (Стефан) Васильев
Киприянов Сергей	Прокопъев Семен+
Кирилов Александр	Рощин Прокопий
Кнедзимирьев Григорьев	Рыта «Сивостько» Мезенец
Крашенинников Прокопий Петров+	Сажин Семен Артемьев+
Кыргыз «Панафейка»	Селиванов Дмитрий
Кыргыз Федор	Семенов Лука+
Левонтъев Епифан	Семенов Тимофей Старик+
Левонтъев Яким	Сергеев «Пятунька»
Мазало Логин Васильев	Скоблевский Иван
Марков Алексей	Скоблевский (Скоблецкий) Петр Са- вин
Марков Богдан	Старик Андрей Петров
Мартемьянов Алфер («Алафейка»)	Стернов Александр Остафьев
Мартемьянов Евтей	Стефанов Андрей Петров
Мартемьянов Юрий	Стефанов Ларион
Меркурьев Исай	Трофимов Огапий Солдат+
Меркурьев Михаил	Трофимов Осип
Меркурьев Посник	Улыбка Иван Андреев
Михайлов Афанасий	Федоров Андрей+
Никитин Корела Клим («Илимка»)	Федоров Богдан+
Никитин Федот	Федоров Василий Федоров Козьма
Никонов Василий	Федоров Константин
Оморен (Омырен) Лука Кондратьев	Федоров Никита
Онтреньев Трофим	Федорьев Харитон+
Орефьев «Гостька»	Федотов Тимофей
Орефьев Дементий	Харитонов Иван («Харламптиев»)
Орефьев «Земка»	Харламов «Якунька»
Орефьев Гартюшка («Гордюшка», «Гастюка»)	Шипунов Гавриил Богданов «Шипу- ня»
Остафьев Петр	Юрьев «Аришка»
Остафьев Федор	Юрьев Григорий
Пан Иван Васильев	Яковлев «Артюшка» («Аришка»)
Панкратов Афанасий	Яковлев Гавриил
Панкратов Семен+	

Яковлев Иван
Яковлев «Ортюшка»+
Яковлев Ярофей
Яков Сергей

них были забиты досмерти Хабаровым и его приспешниками, другие - после многих истязаний побоялись ставить свою подпись²⁶.

Из 132 человек, ушедших от Хабарова, здесь нет 12 имен: одни из

Примечания:

¹ В подлиннике в некоторых местах повреждена бумага: знаком (х) отмечены дыры, повредившие текст. В скобках даются предполагаемые утраченные слова.

² Францбеков Дмитрий Андреевич был воеводой Якутска с 19 марта 1649 г. до конца 1651 г. Познакомился с Я.П. Хабаровым еще до вступления и должность воеводы. В прошлом был русским дипломатом в Швеции. Как мы уже знаем (см. ссылку N 10 к вводной статье) именно Францбеков внес наиболее крупную сумму для организации похода Хабарова. К сожалению, один из дилетантов в Хабаровске этот общеизвестный факт пытался опровергнуть.

³ Дьяк Осип Степанов начал служить в Якутске вместе с Францбековым и остался при стольнике И.П. Акинфове до августа 1654 г.

⁴ Особой росписи жалобщиков в изветной челобитной в документе нет. В конце изветной челобитной нами дан список жалобщиков по их автографам на обороте изветной.

⁵ Факт этот подтверждается и жалобами самих вилуйских эвенков.

⁶ Еще в 1651 г. ленский дьяк Петр Стенишин писал, что Хабаров и его спутники «на усть Олеекмы реки твоих государевых ясачных якутов грабили и ис пищалей по ним стреляли, их переранили и грабежом у них коров и быков поймали и с собою взяли...» (ЦГАДА, СП, стлб. 338, л. 264).

⁷ «Лавкаево княженъе» - владение верхнеамурского даура Лавкая, жившего вблизи устья р. Урки.

⁸ Роман Рошмак был еще в 1649 г. отправлен Хабаровым для взятия острожка даурского князя Албазы.

⁹ р. Тугирь - современная Тунгирь.

¹⁰ «Ширилка» - современная Шилка.

¹¹ Третьяк Ермолин Чечигин - один из наиболее грамотных приближен-

ных Хабарова. Сперва он возглавил поход на Шилку, потом - доставлял в Якутск отписки Хабарова весной 1651 г., но наиболее широкую известность ему принесла отправка его в Китай для дипломатических переговоров с маньчжурскими управителями. Но в дороге он был убит нанайцами в отместку за насильственные действия Хабарова.

¹² «Рота» - здесь договоренность устная.

¹³ Гантимур - известный эвенкийский нойон, живший на Шилке. С 1651 г. он стал данником России, но позже ушел к маньчжурам. Однако уже вскоре он вернулся в Забайкалье. Поскольку Гантимур давал клятву верности и «богдойцам» (маньчжурам) последние в течение многих лет настойчиво требовали от России выдачи Гантимура. Но русские власти отказались выполнять это унижительное требование. Подробности нашумевшего «дела Гантимара» см.: РКО, 1969, т. 1, с. 14-21 а также там же опубликованные документы: №№ 132, 135, 183, с.380-385, 411-416, 441-449, 456 и др., № 192, с.203-204, 207; Мясникова В.С., 1980; 1987; Артемьев А.Р., 1990; 1992;

¹⁴ Слово осталось непрочитанным: «бореруишем»?

¹⁵ Петриловский Артемий Филиппович, сын сестры Ярофея Хабарова, пользовался у него особым доверием. Возил в 1651 г. отписку Хабарова из Албазина. После гибели Онуфрия Степанова Кузнеца в 1658 г. возглавил амурских казаков, бежавших в низовья Амура. Затем руководил новым походом вверх Амура в надежде на встречу с казаками Афанасия Пашкова. Неоднократно в Якутске, Енисейске и в Москве докладывал о трагической гибели Онуфрия Степанова Кузнеца и его спутников. Позже вместе с Ярофеем Хабаровым ведал верхоленскими паинями. Во втором десятилетии XVIII в. его сын Алексей был приказным на Камчатке.

¹⁶ Атуев городок - селение, в которой жил даур Атуй,- во втором десятилетии XVIII в. находился ниже Албазина на расстоянии «половина дни» или «одной ночи». Атуев городок» был также сожжен Хабаровым.

¹⁷ «Гайгударов городок», По мнению Г.С. Новикова-Даурского (1961, с. 19, 20) находился на месте поселка Усть-Берея.

¹⁸ Банбулаев или Бамбулаев городок - единственный даурский городок, который не был полностью разрушен Хабаровым. Это и позволило в нем перезимовать отряду Т.Е. Чечигина в 1651 - 1652 гг.

¹⁹ Толгин город - городок даурского князя Толги был поставлен на правом берегу Амура в районе Нового Айгуна.

²⁰ Шертовать - приносить присягу (шерть)

²¹ «Кокорев улус» - селение даурского князя Кокорея. Как сообщал сам Ярофей Хабаров, он находился «против Зеи на другой стороне, направо пло-

вучи...» (ДАИ, 1848, т. 3, с. 362).

²² «многие на своих подъемах» - это пояснение опровергает распространенное мнение, что все участники Амурского похода субсидировались или Хабаровым или Францбековым.

²³ «Гиляцкая земля» - район обитания нивхов, которых тунгусы называли «гиляками». Подробности о пребывании русских в «земле гиляков» в середине XVII в. см. Полевой Б.П., Таксами Ч.М., 1975, с. 138 - 157.

²⁴ Все эти ясачные и другие книги были увезены Д.И. Зиновьевым в Москву и до сих пор не найдены.

²⁵ Посохов Иван Прокопьевич был в Амурском войске писцом и главным составителем отписок от имени Я.П. Хабарова. Сам же приказной умел лишь подписывать документы: «Ярофей Хабаров».

²⁶ + - отмечены лица, которые отличились в 1655 г. при обороне Кумарского острога на Амуре (ЦГАДА, СП, стлб.556, л. 53 - 69).

Воспроизводится по:

Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (Историко-археологические исследования) т.2 с. 7-30.

№ 9

1657 г. после 17 мая. – Челобитная служиваго человека Федора Максимова о службе его на реке Амуре.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Руси самодержцу, бьет челом холоп твой Государев, Великия реки Амуре	охочей служилой человек Федко Максимов сын Коркин. В прошлом, государь, во 158 году был я холоп твой на соболином промыслу на Олекме реке; и пришел с Амуре реки
---	--

от Амурского приказного человека от Ярофея Хабарова Якутцкого острогу служилой человек Михайло Артемьев сын Кашинец, с товарищи 40 человек, и меня, государь, холопа твоего с товарищи моими, с промышленными людьми всего 12 человек, совсеми нашими промышленными заводы с Олекмы реки из зимовья взяли в Даурскую землю, для твоей государевы службы. И я холоп твой Государев с товарищи своими с девятью человеки твою государеву казну, которую оставил на Олекме реке, идучи в Даурскую землю, Ярофей Хабаров, оружие и порох и свинец, и хлебные, запасы, и судовые всякие снасти и якоря влочили зимним лыжным Путем на нартах до Тугирского острожку и за Тугйрской волок до Амазару реки, и шли мы с тою твоею государевою казною до Амазару реки 7 недель; и пришед на Амазар реку сделали под твою государеву казну дощаник девяти сажен, и в том дощанике по той Амазару реке на Амур выплыть не могли, потому, государь, что втепору вода была мала; и мы, государь, не хотя твоей государевы службы поставить, сделали барку пяти сажен, и в той барке с твоею государевою казною плыли вниз до Амура реки, и пловучи пороги и шиверы, на той реке разбирали и твою государеву казну обносили на себе; и приплыли с тою твоею государевою казною, которая оставлена была на Олекме

реке, на Великую Амур реку, в Албазин городок, к приказному человеку к Ярофею Хабарову, и тое твою государеву казну отдали ему Ярофею. И приняв твою государеву казну, он Ярофей велел мне, холопу твоему, служить тебе государю на Амуре всякие твои государевы службы; и я холоп твой, будучи на твоей государеве службе на Амуре реке, служил тебе государю шесть лет, с приказными людьми с Ярофеем Хабаровым и с Онофреем Степановым, всякие твои государевы службы, без твоего государева жалованья, подымался собою в походы на твоих государевых непослушников, на Богдойских и на Даурских и Дючерских и на Гиляцких людей ходил, и на боях их побивал, и языков и аманатов многих имал, и ясак тебе государю с них сбирал, и на той твоей государеве службе я холоп твой ранен в четырех местех. Да в прошлом, государь, во 163 году, на тойже твоей государеве службе в Комарском остроге убили Богдойские [95] люди братьей моих сродных 2 человек Илью Максимова да Обросима Федосеева, а те мои братья служили тебе государю, на той на Амуре реке 4 годы без твоего государева жалованья, подымались своими подъемами и проторми и одолжали многими долгами; и после их смерти за них долгов платил я, холоп твой, по кабалам и безкабално рублей с 60. Да в прошлом, государь, во 164 году, летом, посылал

с усть Шингалу реки меня холопа твоего приказной человек Онофрей Стефанов со 100 человеки на сторонную речку, для прииску и приводу неясачных людей под твою государеву царскую высокую руку; и я холоп твой по той сторонней речке ходил и сыскали неясачных людей Жючер, и с теми Жючерскими людьми билися, и многих людей побили, и в аманаты лутчего мужика взяли; и того аманата, взяв, привезли и отдали приказному человеку Онофрею Степанову; и под того, государь, аманата привезли те Жючеры ясаку 30 соболей. И июля в 20 день с Амура реки он же ОноФрей послал меня, холопа твоего, за твоею государевою казною соболиною в целовалниках, а за тою твоею государевою было послано в провожатых к тебе государю, к Москве, служилых людей Михайло Кашинец с товарищи 50 человек; и с тою твоею государевою казною идучи, служилых

людей и с нужи и с голоду померло на Тугирском волоку и на Олекме реке 27 человек, и я холоп твой Государев, идучи с тою твоею государевою соболиною казною, всякое свое борошнишко пометал, нес ту твою государеву казну на себе, и всякую нужу принимал и голод терпел, и покупали хлебные запасы пуд по 2 и по 3 рубля и одолжали великими долгами, и тое твою государеву казну до Якутца допровадил всю целу. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Русии самодержец! пожалуй меня холопа своего, вели, государь, сию мою челобитную в Якутцком остроге, в приказной избе, своим государевым столнику и воеводе Михаилу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору Тонково принять, и подклея под отпискою, послать к тебе государю к Москве. Царь государь, смилуйся!

Из рукописи, под заглавием: Списки Якутской Архивы (часть 2, в лист, на 344 л.), писанной с подлинных столбцев для академика Миллера, во время путешествия его по Сибири. – Принадлежит Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб. 1851г., № 40, С. 94–95.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 10

1659 г. октября 3. – Расспросные речи в Енисейской приказной избе даурского войскового атамана А. Ф. Петриловского с товарищами о столкновении маньчжурских войск с русским отрядом на Амуре¹.

/л. 63/ 168 года октября в 3 день.

В Енисейском в съезжей избе воеводе Ивану Ивановичю Ржевскому да подъячему Викуле Панову амурские служилые люди выборной войсковой атаман Артюшка Филипов, да рядовые служилые люди Ивашко Герасимов сын Чебычаков, Сидорко Тимофеев, Сидорко Дементьев, Исачко Кирилов, Ивашко Григорьев по допросу сказали:

В прошлом де во 166 году июня в 30 день на великой реке Амуре ниже Шингалу-реки пришли на них богдойские люди с великим войском на сороке на семи бусах с большим /л. 63 об./ огненным нарядом, с пушками и с мелким оружием, и на них де, амурских служилых людей, напустили, и ис пушек с судов их збили, и государеву ясачную соболиную казну прежнево збору приказново человека Онофрея Стефанова с товарищи отбили (а государевы де ясашной казны было в тое пору в зборе 87 сороков в шубах и в лисицах красных, а от того погрому осталось 4 лисицы черных анофреева збору на Спаском судне, в котором судне служилые люди ушли на море), и

государев наряд (пушки и порох и свинец) и их казачьи хлебные запасы и платье и всякой борошен взяли, и приказново де человека Онофрея Стефанова да служилых людей 270 человек на том бою убили; а от того де погрому живых служилых людей в гору ушли и на Спаском судне ушли и с теми, что и в походе были, 227 человек. И после де того розгрому собрались и их, служилых людей, в одно место в прошлом же во 167 году всего 180 человек.

И собрали де государева ясаку з дючерских и з гиляцких людей осьмнатцать сороков соболей, и в шубах пластин соболевых, и за соболя лисицами, да остальных от погрому 4 лисицы черных; да с моря идучи, взяли государев ясак /л. 64/ з гиляцких людей 3 лисицы черные же. И с тою государевою казною пошли вверх по Амуру-реке к воеводе Афонасью Пашкову. И дошли они до Комарского острогу, и тут де их взяла хлебная нужда и изнял голод. А всех де их собралось в тое пору 227 человек, и они разделились надвое: половина служилых людей осталась в Комарском остроге и пошла в поход

по Зие-реке кормитца, а другая де половина служилых людей 107 человек пошли вверх по Амуру-реке к воеводе Афонасью Пашкову, а чаяли его, Афонасья, дойти в Албазине в старом городище. И они де до Албазина дошли, а Офонасья Пашкова в Албазине нет. А сверху де по Амуру-реке, встретили оне, несет водою городской и острожной и башенной рубленной лес (В тексте ошибочно: лет.) в плотях и врознь, и на плотех судовые снасти, шеймы. И от Олбазина они шли до Тугирского волоку до реки Урки. И Афонасья де Пашкова не сыскали и признак никаких Афонасьевых полчан не видали.

И тут де изняла их хлебная нужда и голод. И за тем выше Тугирского волоку вверх по Шилке-реке к Офонасью Пашкову не пошли, и пошли за Тугирской волок на Олекму-реку. А государеву ясачную соболиную казну за Тугирской волок перенесли на себе. А волоком идучи, ели губу, и траву, /л. 64 об./ и ягоды, и коренье.

А от иноземцов де оне слышали и языки, которые в походех на боях иманы, им, служилым людей, сказывали: богдойское де войско, которое в прошлом во 166 году на них, служилых людей, шло, отделилась того войска треть, и пошла вверх по Амуру на Афонасья Пашкова и на

государевых ратных людей. А живли де Афонасей Пашков в вершине Шилки-реки с своими полчаны с ратными людьми, и того оне, амурские служилые люди Артюшка Филипов с товарищи, впрямь подлинно не ведают.

И с Тугирского де волоку с государевою ясачною соболиною казною дошли до Илимского острогу. И в Илимском де остроге стряпчей и воевода Петр Бунаков тое государеву соболиную казну велел торговым людем разобрать и оценить, и оценя тое государеву казну, послал к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, к Москве с ними, служилыми людьми с Ортюшкою Филиповым с товарищи, с шестью человеки. И в Енисейской де оне приплыли поздно, в самой замороз. А из Енисейского де им с тою государевою соболиною казною осенью и зимою на нартах итить не мочно.

ЛОА АН СССР, ф. Портфели Миллера, оп. 4, кн. 23, № 43, лл. 63–64 об. Копия XVIII в. с подлинника.

Опубл.: «Дополнения к Актам историческим», т. 4, СПб., 1851, № 64, стр. 176–177.

Примечания:

¹ В фонде Сибирского приказа сохранился следующий обрывок других допросных речей А. Ф. Петриловского:

«...людей только 140 человек. И те де остальные служилые люди, идучи вниз по Амуру, нашли служилых же людей, которые от богдойских людей з бою ушли ранены, ево Ортюшку Петриловского с товырыщи 45 человек. И собрався все вместе пошли на них к морю, и пришли к Гиляцкой земле, и поставили острог промеж Гиляцкой и Жучерской земли во 167 году, и в том остроге зимовали, и на великого государя ясак збирали. И к ним де гиляцкие люди к острогу приступали, и острог в трех местех зажигали, и убили у них 3 человек казаков, а иных многих ранили. А на весне де ис того острожка пошли они, служилые люди Ортюшка с товарищи, вверх по Амуру-реке к Офонасью же Пашкову всех 180 человек, и нашли они на Омуре ж служилых людей 40 человек которые з богдойского ж бою ушли на спасском дощенике. И собралось их всех служилых людей 220 человек. И в Ачаньском улусе сказывали им многие языки, что де идут на них богдойского царя ратные люди 20 бус и хотят достальных всех побить. И они де, служилые люди...» (ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стлб. 1572, л. 15).

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969.

№ 11

1661 г. в декабре. – Отписка Афанасья Пашкова Енисейскому воеводе Ивану Ржевскому, о разбитии Китайцами Русского отряда на реке Шилке, и о произведенных служивыми людьми грабежах под Нелюцким острогом, и проч.

Господину Ивану Ивановичю Афанасей Пашков челом бьет. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу, велено мне итти на его великого государя службу в Даурскую землю, и поставить его государев острог, где пригоже; а Даурским служилым человеком Онофрейку Степанову с товарищи велено быть со мною ж, а наперед мне своего приходу в Даурскую землю велено от себя послать к ним Даурским служилым человеком Онофрейку Степанову с товарищи служилых людей, сколько человек пригоже, а велено им меня встретить в Даурской земле на устье речки Урки, а не дождав мне их Даурских служилых людей себе на встречу, в Даурскую землю плыть и без них острога ставить не велено. И в прошлом, господине, во 166 году, по его великого государя указу, с его великого государя грамотою посылал я с верху Великие реки Шилки из Нелюцкого и из Тунгуского острога полку своего служилых людей пятидесятника казачья Андрея Потапова с товари-

щи 30 человек, в легких стругах, к ним к Даурским служилым людям к Онофрейку Степанову с товарищи, а велел ему пятидесятнику и служилым людям плыть вниз к Даурским служилым людям до моря, где их сыскать мочно; и по его великого государя указу, велел им себя встретить сту человеком в Нелюцком и Тунгуском остроге, а досталным велел себя дожидатца ниже Урки в Албазине городище. И их Даурских служилых людей Онофрейка Степанова с товарищи на Великой реке Шилке ниже Шингалу реки Богдойские люди побии до моей посылки, а его Онофрейка жива взяли, а иные Даурские служилые люди великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, изменили, не бився с Богдойскими людьми им сдались. [261] А которые Даурские служилые люди на том побое не были, а ходили вверх по Великой реке Шилке воевать великого государя ясачных людей, Климко Иванов с товарищи 180 человек встретились на Великой реке Шилке, не доплыв Шинга-

ла реки, полку моего с служилыми людьми с пятидесятником казачьим с Андреем с Потаповым с товарищи; и те воры его великого государя указу и грамоты не послушали, ко мне на встречу не пошли, и поймав хлебные запасы у пятидесятника казачья у Андрея Потапова с товарищи, поплыли по прежнему своему воровству и непослушанью для своего шарпанья к морю; и о том их непослушанье я к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к Москве в прошлом же во 166 году писал; и тех воров и непослушников, Даурских служилых людей, дошед на море Богдойские люди побили, а от того побою остались немногие люди, и после того побою с моря побежали Великою рекою Шилкою на реку Зию, и зимовав побежали мимо Тургирской и Илимской остроги в Енисейской острог, а ко мне, по его великого государя указу, все не пошли ж. А в прошлом во 169 году, на Великой реке Шилке от тех беглых Даурских воров остались их товарищи, Енисейского острогу служилые люди, Обращко Парфенов, Ивашко Никитин, Кузка Филипов, Кузка Иванов, Логинко Никитин, да разных Сибирских городов Левка Ярофеев Булуй с товарищи 17 человек, и пришли ко мне в Иргенской острог, будто ему великому государю служить, умысля воровски, хотя на его

великого государя службе в полку моем поруху учинить: ходили от меня из Иргенского острогу с сыном моим с Еремеем на его великого государя непослушников на Тунгуские улусы в поход, и в нынешнем во 170 году, сентября в 4 день, как будут на Ингоде реке, ночью покрадчи у сына моего Еремеем и у служилых людей ружье и многую всякую у служилых людей рухлядь, побежали на плотях вниз по Ингоде и по Шилке рекам, и доплыв по Великой реке Шилке до Нелютцкого и Тунгуского Острогу, что было его великого государя казенных стругов все грабежем поимали, и того острогу приказного человека пятидесятника казачья Ондreja Васильева хотели убить, и казну его великого государя пороховую и свинцовую грабежем взяти; а в то время в его великого государя в остроге служилых людей было мало, расходились на рыбные свои промыслы кормитца, и пятидесятник казачей Андрей Васильев с небольшими служилыми людьми от тех воров и изменников его великого государя острог одва отстоял, и от того их изменничья воровства в том в Нелкщком и в Тунгуском остроге без его великого государя судов учинилась поруха большая, для его великого государя ясачного сбора служилым людям в ясачные волости ходить не в чем; и взяв грабежем те его великого государя струги, поплыли вниз по Шилке реке, а чаят их

воровского побегу мимо Тугирской и Илимской остроги в Енисейской острог. И будет, господине, те воры и государевы изменники Обращко Парфенов с товарищи обявятца в Енисейском остроге или в уезде: и тебе б, господине, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу, тех воров и изменников Обращка Парфенова с товарищи велеть их сыскав и роспрося пытать накрепко, где оне его великого государя струги дели, что взяли грабежем в Нелютцком и Тунгуском остроге, и ружье и всякую служилую рухлядь, что покрали у сына моего и у служилых людей в походе, с собою ли принесли в Енисейской острог или дорогою пловучи иноземцом [262] розпродали? а после пытки, господине, велеть их вкинуть в тюрьму в Енисейском остроге до его великого государя указу, а к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к Москве на тех я изменников писал. А в прошлом, господине, во 163 году теж воры и изменники Енисейские служилые люди Обращко Парфенов, Ивашко Никитан, Кузка Филипов, Кузка Иванов, Логинка Никитин при мне посланы были из Енисейского острогу с сыном боярским с

Васильем Колесниковым на его великого государя службу на Великую реку Шилку, для острожной поставки и для его великого государя ясачного сбору, и идучи дорогою, перешед Байкал озеро, на реке Прорве своровали, в прошлом во 164 году, детей боярских Василья Колесникова с товарищи ограбили, и государеву казну грабежем поимали, и учинили в его великого государя казне многие убытки, и выбрав себе в атаманы ссыльного вора Филку Полетая и своровав побежали в Даурскую землю: и про то их воровство и измену великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, известно. А кто имяны с теми изменники с его великого государя службы от меня сбежали в нынешнем во 170 году, и у сына моего и у служилых людей оружие и всякую рухлядь покрали, и у острогу его великого государя струги грабежем взяли, и пятидесятника казачья Андрея Васильева с товарищи хотели убить и его великого государя пороховую и свинцовую казну пограбить, и тем ворах роспись под сею отпискою послал я к тебе, господине, полку своего с служилым человеком Томского города с десятником с казачьим с Федкою с Прокопьевым в нынешнем во 170 году, декабря в . . . день.

Из рукописи под заглавием: Списки Енисейской Архивы (часть 2, в лист, на 370 л.), писанной с подлинных столбцев для академика Миллера, во время путешествия его по Сибири. – Принадлежит Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

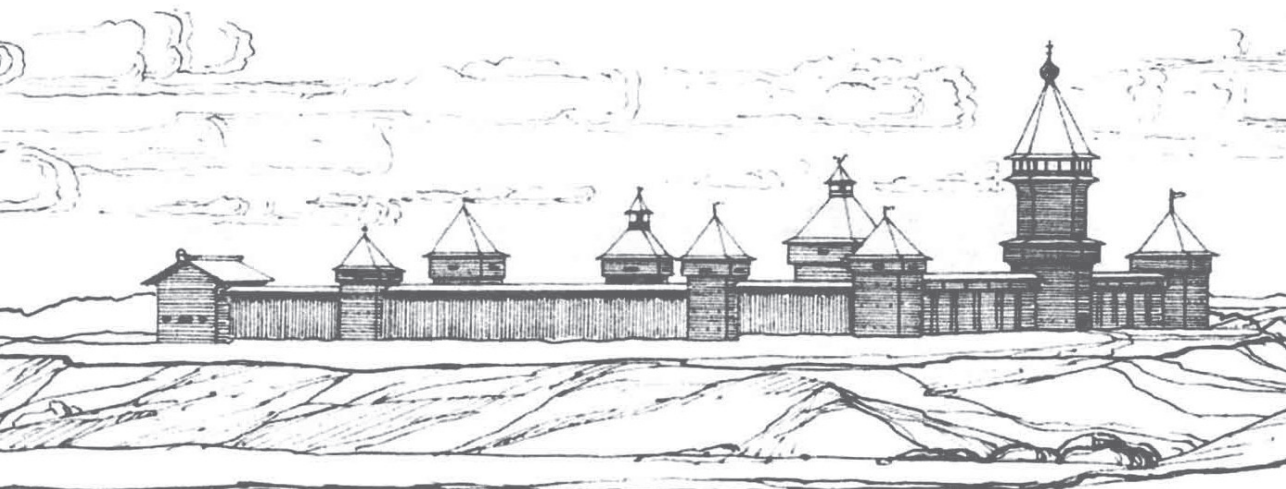
Дополнения к актам историческим, 1851г, т. 4, СПб. стр. 260–262.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

Раздел II.

Албазинский острог Никифора Черниговского

№ 12

1667–1668 гг. – Из отписки Нерчинского воеводы Илариона Толбузина в Сибирский приказ.

В прошлом, великие государи, во 175 [1666] году, сентября в 28 день, писал ко мне из Албазинского острогу приказной человек Микифорко Черниговской: поимали де оне в Олбазинском остроге тунгуса оленного Контагирского роду и взяли де у нево сына в оманаты, и ясака на вас, великих государей, взяли девятнадцать недособолей летних.

И хлеб де в Олбазинском остроге, рожь и ячмень, и пшеница, родился добр. А каков хлеб родился, и я, холоп ваш, великих государей, тому хлебу роспись послал к вам, великим государем, к Москве.

А в нынешнем, великии государи, во 176 [1667–1668] году в Олбазинском остроге собрано на вас, великих государей, ясачные соболиные казны сорок пять соболей.

А кругом де Олбазинского острогу оленных тунгусов много и даурские люди живут блиско. А в Олбазинском остроге служилых людей мало, пороху и свинцу, и пу-

шек нет. А ясачные люди сказывают велят жить с великим береженьем, что будут де богдойские и даурские люди в Олбазинской острог войной да и под нерчинские остроги войною. <...>

А как по вашему великих государей указу в Нерчинском и в Лавкаеве построетца пашенные крестьяне и семенной хлеб пришлетца, и на оклады служилым людям хлеба напахать мощно. А в Олбазинском и в Лавкаеве пашенных мест много, и земли добры и хлебородные. <...>

Да в нынешнем же, великии государи, во 176 [1667–1668] году били челом вам, великим государем, Олбазинского острогу служилые люди, а мне, холопу вашему, великих государей, в Росправной избе подали челобитную, что де у них в Олбазинском остроге кузнецов нет, послать неково, чтоб вы, великие государи, их, холопей своих, пожаловали: велели в Олбазинской острог прислать кузнеца.

РГАДА Ф. 214, ст. 1659, л. 23–24, 26.

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 144.

№ 13

1670 г. – Отписка Царю сына боярского Данила Аршинского, о нападении Тунгусов на Албазинский острог, и о посольстве из Китая, с жалобою на Албазинских служилых людей за набеги их на Даурскую землю.

Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу, и Государю благоверному Царевичу и Великому Князю Алексею Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и Государю благоверному Царевичу и Великому Князю Федору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и Государю благоверному Царевичу и Великому Князю Симеону Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и Государю благоверному Царевичу и Великому Князю Иоанну Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, холоп ваш Великих Государей Данилко Аршинской челом бьет. В нынешнем во 178 году писал ко мне, в Нерчинской острог, из Албазинского острогу приказной человек Микифорко Черниговской: в пришлом де во 177 году, Июня во 2 числе, посылал он Микифорко (без моего холопа вашего ведома) из Албазинского острогу Албазинских служилых людей шестьдесят человек, вниз, по Амуру реке, в поход, на Даурских и на Чючерских людей¹, а он де Микифорко оставался в остро-

ге с неболшими людьми; и приходили де под Албазинской острог Оленные Тунгусы, Контагирского роду, те, которые Тунгусы в прошлых во 176 и во 177 годах платили вам Великим Государем ясак в Албазинском, под аманатов; и те де Тунгусы под Албазинским острогом, на пашне, побили служилых людей, трех человек, и отогнали у них от острогу коней² и рогатой скот; и в нынешнем во 178 году те Тунгусы в Албазинской с ясачным платежом под аманатов не бывали, а сбиралось де с тех Тунгусов, под аманатов, на вас Великих Государей ясаку по пятидесят соболей. Да в нынешнем во 178 году взяли те Албазинские казаки, на Зее реке, с Даурских людей на вас Великих Государей ясаку сорок три соболишка, без лап и без хвостов. Да в нынешнем же во 178 году приезжали в Нерчинской острог Богдойские люди, Шаралдай с товарищи, в посланцах, и били. челом вам Великим Государем на Албазинских служилых людей, что ходят де они в походы и громят Даурских и Чючерских людей и промеж де землями чинят ссору, и чтоб вы Великие Государи

тех Богдойских людей пожаловали, из Албазинского острогу в походы ходить и воевать их не велели. – И я холоп ваш Великих Государей, по [455] вашему Великих Государей указу, писал в Албазинской к Микифорку Черниговскому, и в походы ходить не велел, и чтоб они промеж землями ссоры не чинили.

Черновой подлинник писан столбцем на двух листках, с поправками. – Из архива Нерчинского Городового Управления.

Примечания:

¹ В подл. вычеркнуто: «для вашего Великих Государей ясачного сбора.»

² Там же зачеркнуто: «сорок лошадей» и т. д.

Воспроизводится по:

Акты Исторические, т. IV, с. 454–455, Спб 1842 г.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 14

1670 г. апреля 13. – Наказная память нерчинского воеводы Д. Д. Аршинского нерчинским служилым людям И. Милованову с товарищами о поездке в Цинскую империю.

/л. 1/ Лета 7178 году апреля в 13 день.

По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Ро-

сии самодержца, указу и по приказу Данила Даниловича Аршинского память нерчинским служилым людям десятником казачьим Игнатью Милованову, Василью Захарову, по-

дьячему Василью Милованову, Онтону Хилеву, Григорью Кобякову, толмачю Офонасью Федорову.

Ехать им из Нерчинского острогу на Шингал-реку к богдойскому кану. Прислан он, Данило, от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, от его царского величества и многих государств государя обладателя, на великую реку Шилку в Нерчинские остроги. А ему, богдокану, говорить, что:

У великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и многих государств царя обладателя, под его царского величества высокою рукою цари и короли и [с] своими государствами, а великий государь, /л. 2/ их царское величество, жалует и держит их в своем царском милостивом призренье. А он бы, богдокан, также поискал великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, его царского величества милости и жалованья, и учинился под его царского величества высокою рукою, а великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец и многих государств государь и облааатель, учнет богдокана жаловать и держать в своем [271] царском милостивом призре-

нии и от недругов ево в оборони и в защищение, и он бы, богдокан, одлично у него, великого государя, был под его царского величества высокою рукою навеки неотступно, и дань бы великому государю давал, и великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, людем с их людьми в ево государстве и на обе стороны торговать повольною торговлею. И на чем он, богдокан, положит, с тем бы царского величества посланцов отпустило безо/л. 3/всяково задержания и к великому государю, к его царскому величеству, отписал, а буде у них грамот нет, и он бы, богдокан, и речью приказал.

А буде богдокан учнет про Гантимура¹ спрашивать—зачем де воевода Гантимура не послал, и вам бы, Игнатью с товарищи, говорить, что воеводы Гантимура без государева указу послать не смел, потому что он, Гантимур, стар и неможет, а писал воевода к великому государю, к его царскому величеству к Москве, и буде великий государь укажет Гантимура послать, и воевода по указу великого государя Гантимура пришет тотчас.

Да он же, богдокан, учнет спрашивать про прежних государевых послов, которые послы были посланы от великого государя, от его царского величества, и вам бы говорить: были от великого государя посыланы послы при нем, воеводе,

посол был Федор Байков, а после тово был Петр Ярышкин да бухаретин Сеткул Аблин² и те великого государя послы при воеводе от богдокана вышли здоровы.

А вам же, Игнатю с товарищи, ехать дорогою, друг друга слушать. А буде из вас хто будет непослушен и станет озорничать, и вам бы, Игнатю с товарищи, тому непослушнику и озарнику по указу великого государя чинить наказанья без пощады.

К сей наказной памяти по указу великого государя царя и великого князя /л. 4/ Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, воевода Данило Данилович Аршинский печать свою приложил.

А буде у вас станут спрашивать про албазинских казаков, и вам бы, посланцом, говорить: учинилось де

воеводе нашему ведомо от казаков, что приходили де под Олбазинской острог войною дауры и чючара и под Олбазинским де острогом служилых людей убили 12 человек и кони же и рогатой скот у них отогнали, а им, де, служилым людям, сказывали (Слова: а им де служилым людям, сказывали в тексте повторены второй раз и вычеркнуты.) ясачные оленные тунгусы, что впрямь де приходили под острог дауры и чючара, и казаки де потому их задору ходили на них в поход, и воевода по казаков посылал и велел взять албазинских казаков 10 человек в Нерчинской острог и держит их о себя, чтоб оне впредь без указу великих государей в походы не ходили и задору б не чинили. И об указе воевода писал к великому государю к Москве.

Центральный государственный архив КНР, Отдел Минской и Цинской династий, ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений, подлинные документы периода Канси Цяньлун, 1670, № 1, лл. 1–4. Подлинник. Имеется черная мастичная печать Д. Д. Аршинского³.

Опубл.: «Архивные материалы на русском языке из бывшего Пекинского императорского дворца», Бейпин, 1936, стр. 3–6–фотокопия, стр. 121–123 (на русском яз.); стр. 267–269 (на кит. яз.).

Пересказ наказной памяти имеется в выписке 1675 г. – ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн. 3, лл. 161 об. –163 об.

Опубл.: J. F. Baddeley, Russia, Mongolia, China, vol. I, London, 1919, p. CCXI

Примечания:

¹ Эвенкийский князь Гантимур впервые уплатил ясак московскому царю в 1651 г. Однако до 1667 г. он, стараясь не ссориться с Цинами, считался также и их подданным. Когда же ему было приказано воевать против русских у Кумарского острога, он порвал свои связи с Цинской империей и перешел на сторону России. Опасаясь претензий Гантимура на его владения в районе реки Нонницзян и влияния его на племена, переселенные в глубь Маньчжурии, цинские власти вплоть до заключения Нерчинского договора требовали выдать Гантимура. Со стороны России не было попыток использовать Гантимура для территориальных претензий (см. П. Т. Яковлева, *Первый русско-китайский договор 1689 г.*, М., 1958, стр. 32–37, 109–111).

² Здесь в документе явная ошибка: П. Ярыжкин и С. Аблин были посланы в Пекин раньше Ф.И. Байкова.

³ Подлинник этой наказной памяти был насильно взят у И. Милованова цинскими чиновниками и сохранился в пекинских архивах (см. «Архивные материалы на русском языке из бывшего Пекинского императорского дворца», Бейпин, 1936, стр. 3–6, 121–123).

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969.

№ 15

1670 г. июня не ранее 28¹. – Грамота цинского императора Шэньцзу, посланная из Лифаньюаня, царю Алексею Михайловичу о приезде в Пекин И. Милованова.

/л. 294 об./ Список с богдойского листу.

От богдойского царя послан лист великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу.

По твоему великого государя указу присыланы были ко мне из Нерчинского острогу от Данила Аршинского послы нерчинские служивые люди Игнатей Милованов с товарищи, чтобы нам с тобою, великим государем, посольство сводить, и с торгами к вам и к нам ездили безо всякие помешки безпрестанно. А надежно, буде с коих земель сторонних под нерчинские остроги и к нам каких воинских людей, и нам друг другу помогать. А грамота, цинский для ради де Гантемира Данило Аршинский к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, писал в отписке.

Да были мои промышленные люди на Шилке-реке для соболиново промыслу, а приехав те мои промышленные люди сказали мне: по

Шилке де реке в Олбазинском живут русские небольшие люди Микифорко Черниговской с служилыми людьми, и воюют де наших украинских людей даур и чючар. И я, богдан, хотел послать на русских людей войною. И мне сказали, что живут твои великого государя люди. И я воевать не велел. И послал я своих людей проведывать: впрямь ли в Нерчинском остроге живут твои великого государя люди? И воевода из Нерчинского острогу по твоему великого государя указу Данило Аршинский /л. 295/ присылал ко мне послов и письмо, и я ныне узнал, что впрямь в Нерчинском остроге воевода и служилые люди живут по твоему великого государя указу. И впредь бы наших украинских земель людей не воевали и худа б никакого не чинили. А что на этом слове положено, станем жить в миру и в радости.

И для того я, богдокан, к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, послал лист.

ЛОА АН СССР, ф. Портфели Миллера, оп. 4, кн. 11, № 181, лл. 294 об.–295. Копия XVIII в. со списка.²

Опубл.: «Дополнения к Актам историческим», т. VI, СПб., 1857, № 6/IV, стр. 43–44.

Пересказ грамоты включен в выписку 1675 г. (ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн. 3, лл. 164 об–166).

Опубл.: Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, Казань, 1882, стр. 20.

Примечания:

¹ Датируется по времени отъезда посольства И. Милованова из Пекина, когда ему было объявлено о посылке грамоты китайского императора.

² В статье В.Л. Успенского «Из истории русско-китайских отношений в XVII в. (по новым документам на монгольском языке)» опубликован перевод с недавно обнаруженного монгольского текста этой грамоты:

Отправлено лочам.

Повеление императора Белому царю Русского государства.

Находящийся в Нерчинске Данила доложил [нам следующее], говоря, что это твое слово. «Пусть отношения между двумя странами будут хорошими, а послов и торговцев, покупающих и продающих, беспрепятственно в обе стороны будем направлять и всегда будем дружить. Если объявится враг, то поможем друг другу [военной] силой. Что же касается Гантимура, то я, Данила, доложил Белому царю. После того, как услышу слово Белого царя «Выдать!» - сразу же [его] пришлю».

Он же доложил [нам], что находящийся в Албазине Микифор напал на чжучаров и дауров и, чтобы [их] удержать, захватил десятерых [их] предводителей. Сказал, что ожидает царского слова.

Ранее начальник наших собольщиков доложил, что в районе реки Амур мелкие разбойники из народа, называемого «лочами», напали на наших охотников на соболя чжучаров и дауров. Также и наш [подданный] Гантемур, бежав, нашел прибежище у лочей. На это мы сказали: «Вообще

пошлем [туда] войско и установим мир [и порядок]! » Когда же мы еще слышали, что эти «лочи» есть подданные Белого царя, то мы отправили [туда] людей, сказав [им]: «Выясните, что [здесь] правда, а что - ложь! » [В ответ] на [это] посольство начальник Нерчинска Данила отправил посольство из десяти человек [в составе] Игнатия и прочих. После того, как [он] представил нам [официальную] бумагу, сказав, что это твое [царское] слово, мы сразу доподлинно узнали, что действительно [лочи] являются твоими подданными. Таким же изначально был и твой посол. Хотя теперь [дела обстоят подобным образом], если [поступать] по твоему слову: «Пусть всегда будет хорошо», - то возврати обратно беглого Гантимура и впредь не устраивай смуту в пограничных землях! Тогда станет хорошо и жить будем мирно.

Ради этого издали [указ].

В 9-й день среднего летнего месяца 9-го года правления под девизом Канси [25 июня 1670 г. по Григорианскому календарю, 15 июня 1670 г. по Юлианскому календарю]

Собрание документов на монгольском языке из дворцового архива династии Цин. Т. 7. С. 296–299.

Collection of Mongolian Documents from the Qing Dynasty Palace Archives. Vol. 7. P. 296–299.

Опубл. Новый исторический вестник. 2012. №33. С.10–17.

Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969.

№ 16

1670 г. ранее декабря 15. – Челобитная Царю Албазинских служилых людей.

Царю [А. М.]¹ и царевичам бьют челом холопи ваши великих государей даурские службы Олбазинского острогу вольные охочие служилые десятничишка казацьи и рядовые казачишка:

Петрушка Екимов
Федька Евсеев
Ярофейка Тварогов
Офонька Прокопьев
Иевко Фомин
Аверка Офонасьев
Ивашко Перелешин
Левка Сысоев Коземка Стефанов
Офонька Федотов
Ефремко Григорьев
Ивашко Тарасов
Екимко Мартемьянов
Левка Васильев
Петрушка Исаков

и всех места албазинских служилых людей, восемьдесят двух человек.

[158] С прошлого, великие государи, со 174 [1665] и по нынешний по 179 [1670] год приходили мы, холопи ваши, ис сибирских городов своею охотою, гулящим и промышленным числом, при Ларионе Толбузине и ныне при Даниле Аршинском. И били челом вам, великим

государем, а в Нерчинском остроге в Росправной избе подавали зарушенные свои челобитные, чтобы вы, великие государи, нас, холопей своих, пожаловали: велели по Албазинскому острогу приверстать в казацью службу.

И по вашему великих государей указу Ларион Толбузин и Данило Аршинский нас, холопей ваших, в вашу, великих государей, службу в розных годах по Албазинскому острогу приверстали. И мы, холопи ваши великих государей, на великой реке Шилке [т. е. на Амуре] на Олбазинском городище поставили ваш, великих государей, острог, и около острогу для приходу воинских людей выкопали ров. И под вашу, великих государей, царскую самодержавную высокую руку новых неясачных иноземцов, Контагирского роду тунгусов оленных, призвали, и оманатов взяли. И ныне те тунгусы под аманатов платят вам, великим государем, ясак собольми. И в нынешнем во 179 [1670] году с тех контагирских с оленных тунгусов под оманатов собрали мы, холопи ваши, на вас, великих государей, ясаку два сорока дватцать пять соболей [105 штук]. И ту вашу, великих госуда-

рей, ясашную казну отослали мы в Нерчинский острог к Данилу Аршинскому в вашу, великих государей, казну.

Да мы ж, холопи ваши великих государей, в Олбазинском остроге заводим пашнишка и сеем хлеб. К нынешнему 179 [к 1 сентября 1670 г.] посеяно у нас ржи пятьдесят десятин. А ярова хлеба будет у нас посеяно столько ж. А около Албазинского острогу пашенных мест много.

А для хлебные пахоты сошники и серпы, и косы, и для приходу воинских людей порох и свинец по вашему великих государей указу Данило Аршинской дает нам в Нерчинском остроге из вашей великих государей казны и во всем нам помогает.

И мы, холопи ваши великих государей, будучи на вашей [159] великих государей службе в Олбазинском остроге, без вашева великих государей указу, без денежново и без хлебново, и без соленово жалованья нужны и бедны, наги и боси. И в вашем, великих государей, в Олбазинском остроге пушек и зелья ручново, и свинцу нет, и для оружейные починки кузнеца нет же.

А околь Албазинского острогу неясачных иноземцов много, даур, чючер и тунгусов. И под вашу, великих государей, царскую самодержавную высокую руку никакими мерами подозвать немочно. А поиску над ними поискать нечем, потому что служилых людей мало.

Милосердый государь, царь...» (конца нет).

По листим челобитной скрепа: «К сей челобитной вместо албазинских служилых людей по всей челобитной имяны писал и во все войско по их велению черной поп Ермоген [руку приложил]».

На обороте челобитной помета: «180 [1672], февраля в 7 день. Выписать».

РГАДА Ф. 214, ст. 1659, л. 187–188.

Примечания:

¹ Сокращения, примечания и восстановленный текст в квадратных скобках сделаны Г. Красноштановым.

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 157–159.

№ 17

***1671 г. не ранее февраля 13¹. – Отписка якутского воеводы
И. П. Барятинского в Сибирский приказ об осаде маньчжурскими
войсками Албазинского острога.***

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холопи твои Ивашко Борятинский, Степка Елчуков челом бьют. [281]

В нынешнем, великий государь, во 179 году февраля в 13 день приехал в Якутский острог из Олекминского острожку сын боярский Матвей Ярыгин и привез с собою твоей, великого государя, ясачной казны, что он, Матвей, собрал в Олекминском острожке с твоих, великого государя, ясачных людей – с тунгусов и с якутов – на нынешней на 179 год.

Да подал он, Матвей, в съезжей избе нам, холопам твоим, записку за иноземскими знамены, и в записке, государь, написано:

179 года января в 17 день Нана-

гирского роду ясачной тунгуз Юпчанейко Дачигин сказал у ясачного платежу: был де он на соболином промыслу и видел беглого тунгуса Онкоулка Сегленкина вверху на Олекме, и слышал у него, Онкоулка, что де был во 178 году летом в Даурах; и сказывал де он, Онкоулко, ему, Юпчанейку, что де Никифорко Черниговский с товарищи, которые убили илимского воеводу Лаврентия Обухова и сбежав жили на Амуре в Лавкаевском острожке, и тот де Черниговский Никифорко в острожке обсажен накрепко от богдойских людей, а на реке де на Амуре под тем острожком стоят многие бусы с людьми, а после де пришли конные многие ж люди, и около де того острожку сделали вал земляной. А сказывал де он, Онкоулко: чает де, что Черниговский с

товарищи побиты. Да богдойские же, государь, люди под Тугирским волоком поставили городок, и в тот де городок многие хлебные запасы привели. А от того де, государь, городка по Тугире-реке плыть вниз до Олекмы-реки двои сутки, а от Тугиря-реки Олекмою-рекою вниз же плыть до Лены-реки трои сутки, где стоит Олекминский острожек, а от Олекминского, государь, острожку до Якутского острожку Леною рекою вниз же плыть 5-ры сутки. И говорят де, государь, они ж, богдойские люди, чтобы им перейти на Олекму-реку и тою рекою итти под твои великого государя городы, и которые [люди] тебе, великому государю, ясак платят, и они де с них хотят ясак собирать на богдойского...

Да того же, государь, числа нам, холопом твоим, Матвей же Ярыгин сказал: в нынешнем же во 179 году в Олекминской острожек осенью приехали с соболиного промыслу и пришли с ясачных зимовей с ясачным платежом к нему, Матвею, Борогойской волости ясачные якуты Сыкрачко Онюкиев да Деведгачко Несикин с товарищи, сам четвертый, да с ними же де пришли Киндигирского городка ясачной тунгус Килдыга для того ясачного же, государь, платежу. И ему, Матвею, тот Сыкрачко сказывал: ездил де он, Сыкрачко, для соболиного промыслу вверх по Чаре-реке за камень от Олекминского острожку, и за каме-

ней де нашел место, где мочно якутам кочевать, луга, озера большие, а прозвище де тому озеру по-якутски Кускенде, а от Олекминского де, государь, острожку до того места ездю на лошадях 15 дней.

А в прошлом, великий государь, в 176 и во 177 годах писали к тебе, великому государю, мы, холопи твои, Якутского острогу с пятидесятником казачьим с Юстинком Панфиловым да с десятником казачьим с Данилком Михайловым, что богдойские люди с твоими великого государя ясачными людьми торгуют, и дают им в подарках за соболи кольца серебрянные, и луки, и азямы, и камки, и иные товары, и призывают к себе в Дауры на Зийские сторонние речки и за Зию-реку, и якуты мест проводят, где бы им откочевать.

И в прошлом же, великий государь, во 177 году били челом тебе великому государю, а нам, холопам твоим, в съезжей избе тугирские ясачные тунгусы аманаты Инкагульского роду Паргаулко да Изяк с товарищи, сказали словесно: живут де они на Уде-реке с родниками [282] своими, и твой, великого государя, ясак платят в Верхоманском зимовье, а богдойского де царя люди приезжают и их всякими теснотами теснят и ясак с них емлют; и чтоб великий государь пожаловал их, тунгусов, велел от богдойских людей оборонить. И Якутского остро-

гу всяких чинов служилых людей челобитная заручная о приходах даурских людей к твоим, великого государя, ясачным людям послана к тебе, великому государю, под отпискою во 176 году с тем же Юстином. А в Якутском, государь, остроге, за твоими, великого государя, службами [людей] остается мало, а полковых пищалей 2, да 2 попорчены до нашего, холопей твоих, приезде. А зелья и свинцу из Тобольска присылают в 3 годы зелья по 30 пуд, а свинцу потому ж, с бочками, и с ро-

гожами, и с веревками, а на твои, великого государя, службы в посылки вновь прибылых служеб по 15 пуд зелья и свинцу потому ж на год. А ныне, великий государь, в Якутском зелья 29 пуд да 38 пуд свинцу. А хлебных запасов ничего нет; а казакам, которые зимуют в Якутском остроге, твоего великого государя хлебного жалованья, ржи и овса и ячменя, дано всего по шти пуд человека на год; а с Илимского острогу хлебных запасов присылают мало.

«Дополнения к Актам историческим», т. VI, СПб., 1857, № 22, стр. 153–154.

Примечания:

¹ Датируется по упоминанию числа в тексте.

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969. №139. С. 280–282.

№ 18

1672 г. ранее мая 10. – Отписка в Сибирский приказ приказного человека Нерчинских острогов Д. Аршинского об отправке соболиной казны, отписок и челобитных и приложенные к ней: челобитная албазинских казаков о поверстании в службу, челобитная Д. Аршинского о его перемене с должности приказного человека Нерчинских острогов.

И. Государю [А. М., Ф. А., И. А.]¹
холоп ваш великих государей Данило Аршинской челом бьет.

В нынешнем, великие государи, во 180 [1672] году, мая в ... день в Нерчинском остроге нерчинские и олбазинские служилые люди били челом вам, великим государем, а мне, холопу вашему, в Росправной избе подали заручные челобитные, чтоб вы, великие государи, холопей своих пожаловали: указали мне, холопу вашему, те их заручные челобитные у них принять и послать под отпискою к вам, великим государем, к Москве.

И я, холоп ваш, по вашему великих государей указу те их заручные челобитные у них принял и послал под сею отпискою к вам, великим государем, к Москве с нерчинскими служилыми людьми с Коземкою Бархатовым с Шестачком Офонасьевым.

А велел я, холоп ваш, Коземке и Шестачку подать отписку и челобитные в Сибирском приказе вашему великих государей окольничему Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком Григорью Порошину, Льву Ермолаеву.

На обороте отметка о подаче: 181 [1672], декабря в 13 день, з даурским казаком с Коземкою Бархатовым.

РГАДА Ф. 214, ст. 1659, л. 209.

[180]

II. «Царю [А. М.] бьют челом холопи твои, даурские службы Албазинского острогу служилые людишка, десятничишка казачьи и рядовые казачишка:

Федька Евсивьев Плот[ник]

Петрушка Осколков

Ярк[о] Тварогов

Карпушка Семенов

Завьялко Ларион[ов]

Артюшка Семенов

Якунька Савин

Ивашко Козьмин

... Иванов

Левка Сысоев

Богдашко Тороканов

и во всех место албазинских служилых людей ста дватцати человек.

С прошлого, великий государь, 174 [1665] году и по нынешней 180 [1672] год приходили мы, холопи твои, из сибирских городов своею охотою гулящим и промышленным числом на великую реку Шилку при Ларионе Т(олбо)зине и при Даниле Даниловиче Аршинском. И били челом тебе, великому государю, а в Нерчинском остроге в Росправной избе Лариону Толбозину и Даниле Аршинскому подавали заручные свои челобитные, чтоб ты, великий государь, нас, холопей своих, пожаловал: велел по Албазинскому острогу верстать (в) твою государеву казачью службу.

И по твоему государеву указу Ларион Толбозин и Данило Аршин-

ской нас, холопей твоих, в розных годех и месяцах, и числах в твою государеву службу верстали.

И мы, холопи твои, на великой реке Амуре на Албазинском городище поставили твой государев острог, и для приходу воинских людей около острогу ров копали, и надолбы поставили. И под твою царскую самодержавную высокую руку новых неясач-[181]ных оленных Контагирского роду тунгусов привели и аманатов взяли на Амуре.

Да мы ж, холопи твои, в новом Албазинском остроге пашню сеем хлеб. И тем мы, холопи твои, на твоей государеве службе питаемся.

А к нынешнему ко 180 [1672] году насеяно у нас холопей твоих девяносто десятин ржи, а ярового будет посеетца всякого хлеба девяносто же десятин. А для хлебные пахоты сошники и серпы, и косы, и для приходу воинских людей порох и свинец по вашему, великих государей, указу Данило Аршинской дает нам в Нерчинском остроге из вашей, великих государей, казны и во всем нам помогает.

И мы, холопи твои, будучи на твоей государеве дальней службе в Албазинском остроге, без твоего государева жалованья и без указу ныне нужными бедны, и наги, и боси. И в твоём великого государя в новом в Албазинском остроге для приходу воинских людей снаряду и пушек, и мушкетов, и зелья ручно-

во, и свинцу нет. А для оружейные починки кузнеца нет же.

А около Албазинского острогу иноземцов, неясчных даурских людей и тунгусов, много, и под твою великого государя царя самодержавную высокую руку никакими мерами подозвать не мочно. А поиску над ними без твоего государева указу мы, холопи твои, поискать не смели.

А из Албазинского острогу и до Богдойского царства албазинские служилые люди ходу проведали: на коне ехать три недели всего.

А по Амуру реке с усть Аргунь реки вниз до Албазинского острогу по лугам пашенных хлебородных мест много. Можно поселить триста семей в твою великого государя десятинную пашню. И от той бы пашни мочно служилым людям Нерчинских острогов и нового Албазинского острогу без енисейской хлебной присылки сытым быть.

А в тое свою великого государя

десятинную пашню – ково ты, великий государь, изволишь прислать с Руси или из сибирских городов.

А ниже Албазинского острогу пашенных мест безчис(ленно) много.

Милосердый государь [А. М.], пожалуй нас, холопей своих, своим государевым жалованьем, чем тебе, великому государю, всемилосердый господь известит. И изволь, великий государь, к [182]нам, холопом своим, послать снаряд: пушки и мушкететы, и зелье ручное, (и с)винец, и пашенных крестьян.

<...> Пожалуйте, великие государи, нас, холопей своих, за ту нашу службишку и за острожную поставку своим великих государей денежным и хлебным, и соляным жалованьем, что вы, великие государи, нам холопом своим, укажете.

И велите, великие государи, сию нашу заручную челобитную в Нерчинском остроге Данилу Аршинскому принять и послать под отпискою к вам, великим государем, к Москве.

РГАДА ст. 1659, л. 214, 216, 207-208, 215, 192; нумерация не по порядку.

Рукоприкладства.

На листе 216об.: К сей челобитной вместо десятников казачьих Федьки Евсевьева да Петра (Я)кимова и вместо рядовых, служилых же, поп Федор Иванов по их велению руку приложил.

На листе 208об.: К сей челобитной вместо Албазинского острогу служилых людей: десятников казачьих Офоньки Прокопьева, Левки Сы(сое)ва и рядовых служилых людей: Ондрышки Иванова, Фильки Хомутова,

Тимошки Андреева [?], Оверки Офонасьева, Гаврилка Флорова, Петрушки Троино(ва), Олешки Иванова, Петрушки Сухово, Серешки Петрова, Ондрюшки Овд..., Вакулки Куркова [?], Пиминка Григорьева, Олешки Ярофеева, Гришки Осокина по их велению албазинской служилой человек Мишка Жданов руку приложил.

[183]

III. Царю [А. М., А. А., Ф. А., С. А., И. А.] бьет челом холоп ваш, Данил Аршинской.

По вашему великих государей указу послан я, холоп ваш, ис Тобольска на вашу великих государей службу в Даурскую землю в нерчинские остроги на Ларионово место Толбозина.

А служил я, холоп ваш, вам, великим государем, в Тобольску сорок три годы всякие ваши государевы службы. И на ваших государевых

непослушников, на колмацких людей, и на изменников, на башкыр, ис Тобольска в походы посылан бывал, и на боях ранен бывал же, и языков имывал.

А ныне я, холоп ваш, стар и увечен.

<...> Пожалуйте меня, холопа своего, за мое службишка и за раны, и за старость, и за увечья. Велите, великие государи, меня с своей великих государей з дальней службы из Нерчинских острогов переметнуть».

РГАДА ст. 1659, л. 176.

Примечания:

¹ Сокращения, примечания и восстановленный текст сделаны Г. Красноштановым.

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 179–183.

№ 19

***1673 г. не ранее. – Грамота митрополита Сибирского
и Тобольского Корнилия о разрешении строительства
церкви в Албазинском остроге.***

Лета 7181 (1673) били челом нам Господину Преосвященному Корнелию Митрополиту Сибирскому и Тобольскому, Даурская земли Албазинскаго острога служи-[205]вые люди: приказной Петрушка Осколков, да десятичники и все рядовые служивые, чтоб нам Господину пожаловати благоволити в Албазинском остроге на церковь лес выронить и церковь построить во имя Воскресения Христова, да о пределах Пресвятыя Богородицы Владимирския, да собор Архистратига Михаила, и на освящение церкви антими́с, муро

и масло дать. И мы, великий Господин Преосвященный Митрополит Сибирский и Тобольский, пожаловали, благоволили и приказали: в Албазинском остроге на церковь лес ронить и церковь построить во имя Воскресения Христова, да о пределах Пресвятыя Богородицы Владимирския, да собор Архистратига Михаила; и на освящение антими́с, муро и масло дал. А для освящения Диякона указали мы Господин взять из Енисейскаго острога.

Грамота почерпнута из записок Члена Вольнаго Экономическаго Общества Коллежскаго Советника Антона Ивановича Лосева, находящегося в Иркутске Губернским Землемером.

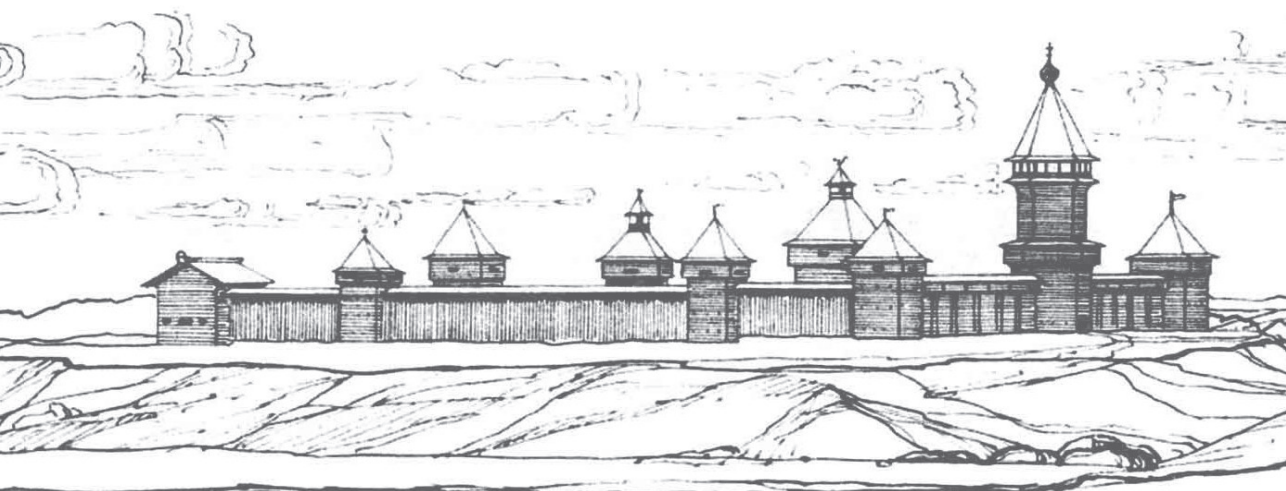
Воспроизводится по:

Берх В.Н. Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян на берегах Амура //Сын отечества-М.-1821.-Т. 68.-№. 12.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

Раздел III.

Государев Албазинский острог

№ 20

1674 г. Февраля 10¹ – «Росписной список» людей, казны, хлеба, имущества и книг Албазинского острога, составленный приказным человеком Семеном Михайловым при приеме этого острога от приказного человека Албазинского острога Никифора Черниговского.

/л. 1/ [Лета] 7182 году февраля в 10 день по указу Вели[ких] Г(о)с(у)д(а)рей и по наказной памяти и по прика[зу] Павла Яковлевича Шульгина велено м[не Се]мену Михайлову приехав в Албазинской ос[трог и у п]рикащыка Никифора Черн[иговскаго] принять Г(о)с(у)д(а)рев Албазинской острог и Г(о)с(у)д(а)р(е)ву ка[з] ну и аманата и казаков и всякие Г(о)с(у)д(а)р(е)в[ы] де[ла].

И я Семен приехав в Албазинской острог у него Ни[ки]фора по указу Великих Г(о)с(у)д(а)р(е)й принял Г(о)с(у)д(а)р(е)в Албазинской острог с нагороднею покрыт[е]со[м].

А в остроге башен две башни по углам от Амура [реки], под теми башнями избы верхи шатровые покрыты тесом а третья башня з горне стороны проежжия а на той башне приказ верх приказу чердак караульной покрыт [те]сом. А в остроге колодец не в доделке, да анбар Воскресенской, в надолбах часовня. Да принял спи[сок] кликовой служилым людям. А служилых людей сто девять ч(е)л(ове)к. Коробью

с замком нутряным, а в ней книги приходные и розходные Г(о)с(у)д(а)р(е)ву десятинному хлебу что иман с промышленных людей с их присевок н(ы)нешняго 182 г(о) году, да книги десятинному соболиному сбору с торговых и промышленных людей прошлого 181г(о) и н(ы)нешняго 182 годов, да книги ясачные прошлых годов [175 го] и 176 г(о) и 177 г(о) и 178 г(о), да отписки и указные [па]мяти из Нерчинского острогу, челобитны[е] и порушныя новоприбылым служилым лю[дям], да челобитные на дворовые места и всякие Г(о)с(у)д(а)р(е)вы дела. Да принял аманата Калтагирского рода, имя ему по руски Лобашка, а по тунгуски /л. 2/ Урбурча. А отца его имя было по руски Мотора, а по тунгуски Жечеул. А ясаку с них не стало и не платят с прошлого 179 го года. Да принял Г(о)с(у)д(а)р[ево]й казны хлеба в анбаре ржи, ярицы, пшеницы, ячменю и овса, а весом того всего хлеба п[я]тьдесят шесть пуд. Да десятинной соболиной казн[ы] восемь соболей с пупки и с хвосты. Денег два рубл[я] осмнатцеть ал-

тын. Пороху сухово тритцеть два фунта и з деревом, да моклово поро-ху полтора пуда с мешком. Свинцу два пуда шесть фу[н]то[в]. Одекую дватцеть четыре фунта. Дватцеть деветь огнив. Да семь ядер пушеш-ных железных, четыре топора, ше-снатцеть мушкетов, да в мушкетах же на служилых людей дватцать две отписи, да роспись серпан², а в ро-списе десеть серпов семь напарей малых и больших, два пазника, тес-ник да якорь. Два безмена медные гири в весу безмен в четыре пуда, а другой полуторник. Калыпь муш-кетной. Два котла. Котел меди крас-ной весом шесть фунтов, да котел меди зеленой весом пол пята фунта.

Укладу семнатцеть фунтов. Знамя камчатое ветчаное, барабан, деств бумаги писчей, струг однодеревной, две насеки колодезные, железа нож-ные, да снастей варовых подчал со-рок семь сажен.

Да пашенных кр(е)стьян пяти ч(е)л(ове)к Родку Васильева, Иваш-ка Иванова Вятку, Несторка Гаври-лова, Гаврилка Иванова Воку, Гав-рилка Федотова Якута.

И то все я Семен у него Никифо-ра принял, а приняв и дал ему сей росписной список за своею рукою.

Росписной список писал в Алба-зинском остроге подъячий Митька Минин Комаров 182 году Февраля в 10 день.

На оборотной стороне листа 1 и по склейке имеется рукоприкладство: К сему росписному списку вместо Семен[а] Михайлова по ево веленью п[оп] Максим Леонтиев [руку приложил].

На оборотной стороне листа 1 более поздняя неразборчивая надпись чернилами: № 1 й Типографія Албазин..., а так же архивные пометы: 182, По описи №2 (182) №2 (1674).

Опубликован в книге В.П.Паршина «Поездка в Забайкальский край» ч. 2: История города Албазина. Приложение № 3, с. 137–140. 1844 г. СПб.

Российская национальная библиотека. Опись основного собрания рус-ских актов и грамот. Часть V. Годы 1514 г.–XVIII в.». С. 54, шифр № 4595, 2 листа.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий

и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами. Утраченные части текста, восстановленные по книге «В. Паршина «Поездка в Забайкальский край» выделены квадратными скобками. Разбивка текста на абзацы и расстановка знаков препинания произведены по смыслу документа.

Примечания:

¹ При публикации документа В. Паршиным дата написания «Росписного списка», была определена не верно. Как правило при указании даты в документах используется устойчивая конструкция, в которой перед числительным дня идет предлог «в». При прочтении документа В. Паршиным предлог был отнесен к буквенному написанию числительного, что не верно. Правильно дата должна быть прочтена так: «Лета 7182 году февраля в 10 день».

² Так в документе.

Воспроизводится по:

Трухин В.И. ««Росписной список» Албазинского острога (1674)». Президентская библиотека (Санкт-Петербург). Сборники Президентской библиотеки / Президент, б-ка. – СПб.: П71 Президентская библиотека, 2011-Серия «Электронный архив». - 2017- . Вып. 3: К 200-летию императора Александра II: Архивные документы по российской истории в научных исследованиях и публикациях: сб. науч. тр. / [науч. ред.: Н.В. Дунаева, С. Г. Кащенко]. – 2018. С. 178–188.

№ 21

1674 г. не ранее июля 17. – Выписка, составленная в Посольском приказе, о путях в Цинскую империю.

/л. 319 об./ 182 июля в 17 день в указе великого государя в Посольской приказ из Сибирского приказу за приписью дьяка Григорья Порошина написано:

В нынешнем во 182 году июля в 13 день в Сибирской приказ к окольникову к Родиону Матвеевичю Стрешневу да к дьяком Григорью Порошину в памяти за твоею Васильевою приписью написано: великий государь указал прислать в Посольской приказ /л. 320/ отпуск в Китайское государство Федора Байкова и приезд ево к Москве, также отписать на которые города в Китайское государство путь надлежит, и летом и зимою одним ли путем ездят, и водяной путь есть ли?

И из Сибирского приказу отпуску Федору Байкову в Китайское государство и приезду ево к Москве в Сибирской приказ не было, а отпуск ему, Федору, был ис приказу Большие казны. И в прошлом во 174 году по указу великого государя писано из Сибирского приказу в приказ Большие казны: как по указу великого государя послан с Москвы ис приказу Большие казны в Китайское государства Федор Байков, и ис Китайского государства в

котором году приехал, и каков статейной список в приказе Большие казны подал, ведено /л. 320 об./ с того статейного списка прислать в Сибирской приказ список. И во 174 году марта в 31 день прислан в Сибирской приказ ис приказу Большие казны Федора Байкова с статейного списка список, как был он послан в Китайское государство, а тот список дьячьею рукою не закреплен. А в списке написано: ехал де он ис Тобольска в Китайское государство рекою Иртышем мимо Тарского города судами до Белых вод, а от Белых вод сухим путем в улус ко Аблаю-тайше на Калбасун полату кирпичную, а от Калбасуна на Долон Карагай, а от Долона Карагаю на речку Енкуль, а от речки Енкула подле реки Иртыша до калмыцкого лабы, а от лабы и от реки Иртыша к облаевым пашенным бухарцом, /л. 321/ а от тех бухарцов на речку Бекшу, а от речки Бекши до контайшинных детей, а от контайшинных детей от Сенгеа-тайши до контайшина города, а от того города на озеро Кизылбаш, а от озера на мунгальской Тачина-тайши улус, а от того тайши до другово мунгальского тайши Индинисюля, а от Динисюля до мун-

гальского ж тайши Дцудбы Илгеня, а от Илгеня до мунгальского ж тайши Земши, а от Земши до мунгальского Добра-тайши, а кочует де тот тайша от китайского рубежа, а промеж де тех мунгальских тайшей кочуют многие мелкие мунгальские тайши, а Китайскою де землю на первой [326] китайской город Кокотон, а от Кокотона на заставной город Капку, а промеж тех городов Кокотона и Капки живут мунгальские тайши кочевные, /л. 321 об./ которые отложились от своих мунгалцов, называют де их тюбенцами, а от того заставного города Капки на город Камбалык, а ис Китайского царства из города Камбалыка шел он, Федор, не тою дорогою, которою шел в Китайское царство, а шел меж Мунгальские земли и Бухарские на аблаевы пашенные бухарцы, а от пашенных бухарцов на Аблаев улус на речку Бекшу, а с речки Бекши на Тару город, а с Тары водяным путем в судех в Тоболеск. Да во 175 году июня в 12-м да июля в 16-м, да августа в 30 числе по указу великого государя писано из Сибирского приказа в Посольской приказ: велено прислать ис Посольского приказа в Сибирской приказ для отпуску в Китайское государство с наказу и з государевы /л. 322/ грамоты списки, каков наказ и государева грамота ис Посольского приказу к Федору Байкову в прошлом во 162 году в Тоболеск послана, как он, Федор, послан

был в Китайское государство. И о том ис Посольского приказу в Сибирской приказ не писывано и списков с наказу и з государевы грамоты не прислано.

А во 176 году по указу великого государя послан в Китайское государство тобольской бухаретин Сеиткул Аблин с товарищи, а в статейном списке Сеиткула Аблина 180 году написано, ехал де он ис Тобольска в Китайское государство мимо Тары города до Ямыш-озера, а от Ямыш сухим путем на Аблаев улус, а от Аблаева улуса на урочища на [А]кбазар-речку, а с той речки /л. 322 об./ в улус к Чокуру Абаше, а от Чокуру Абаша на Сенгин улус, а от Сенгина улусы на Мунгальскую землю до улуса Елденя-тайши, а от Елденева улуса до мунгальского тайши Катана-баатыря улусу, а от Катанова улусу мимо лабина улуса до улуса Санахана, а ис того улусу до границы Китайского государства, а от границы х китайской каменной стене к воротам, а ис Китайского де государства ехали через Мунгальскую землю на калмыцкой Гаган да Араптаров тайш улусы, а от того улуса к Ямышу-озеру, а от Ямыш-озера водяным путем в Тоболеск в судех, в которых судех приходят ис Тобольска к Ямышу-озеру по соль. /л. 323/ Да ис Тобольска ж водяным и сухим путем ход в Дауры мимо Сургут, Нарым, Кецкой, Енисейской, а из Енисейска таким же

путем да через Байкал-море до Нерчинского и Албазинского даурских острогов, да от Енисейска ж до тех же даурских острогов другой путь мимо Илимского.

А по отпискам из Даур Данила Аршинского и по челобитной и по скаскам даурских служилых людей¹ ход в Китайское государство из Даур от Нерчинского острогу на лошадех верхи до Аргуни-реки, а живут де в тех местах нерчинские государевы ясачные люди тунгусы, а от Аргуни до Гана и до Кайлара рек (а меж теми реками кочуют мунгальского царя Чечен-хановы люди баргуты), /л. 323 об./ а от Кайлара к Дзадуне-реке, и подле тое реки до камени (а у Задуна-реки живут временем богдойского царя люди торгочины), а от камени до ясачных даурских пашенных людей богдойского хана и до Науна-реки (а живут де в тех местах богдойского хана люди торгочины кочевьем и хлеб сеют), а от Науна до стены и города каменных, а в городе живут богдойского ж хана люди, а от стены и города в Китайское государство мимо каменных семи городов, а живут де в тех местах китайские ж люди, а ис Китайского до Нерчинского острогу тем же путем, да от Нерчинского ж острогу вниз Амуром-рекою в судех до Албазинского острогу, а от Албазинского /л. 324/ сухим путем на лошадях богдойского хана да людей и до богдойского хана, а ныне на тех

местех, которыми [327] месты в Китайское государство ходили Федор Байков и Сеиткул Аблин, и из даур на путех какие иноземцы живут и в Китайское государство теми месты итти мочно ли, того не ведомо.

На великую реку Амур плавною итить:

Не доплыв до Якуцкого острогу за 5 дней впала в Лену реку Алекма-река, в том месте острожек великого государя Алекминской, и тою рекою Алекмою вверх до реки Тутура дощаниками недель 6, а лехкими судами недели 4, а Тутуром-/л. 324 об./ рекою итить до Тутурского острожку 6 дней вверх же, а ныне тот острожек пуст, запустел при воеводе Иване Голенищеве-Кутузове. А от того Тутурского острожку через Турги-реку и чрез Нюгзю-реку волоку сухим путем 10 дней до край Амура реки великой. А зимним путем нартами 5 дней итить. А перешед волок на усть Урки-реки, тут делать суды на Амуре великой реке, а в том месте никаких людей нет. А пониже того плыть день, стоит городок, Албазин словоет, живут ныне в нем /л. 325/ казаки, которые збежали с-Ылимского острогу, на Амуре-реке на берегу тот городок.

Другой ход на ту ж великую реку Амур:

Из Якуцкого острогу плыть Леною-рекою до Алдана-реки сутки. А Олданом итить вверх 7 недель и меньше, только ветров встречаю

не будет, до Тонтора реки (а тут на Тонторе-реке великого государя ясачное зимовье) к Якуцкому острогу. Да Тонторю-рекою итить неделя вверх же до Катыма-реки. Да сухим путем итить волоку 5 дней до Зеи-реки, тут суды делать, а Зию-рекою на низ в Амур-реку великую /л. 325 об./ плыть недели 2 и меньше, только ветров не будет. А в том ме-

сте по Зие-реке живут многие люди тунгусы и дауры пашенные, а не воинские, хлеба у них и животные всякой много.

А Алданом-рекою итить да великую реку Амур ближе и кормнее и лутче Алекмы-реки, и порогов нет, а Олекмою-рекою 12 порогов великих.

ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн. 3, лл. 319–325 об. Список.

Отрывок другого списка, –там же, оп. 2, 1674 г., д. № 1, ч. 1, лл. 17–18.

Частично опубли.: Ю. А. Арсеньев, Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г., СПб., 1882, стр. 154–165 (приложения); Николай Милеску Спафарий. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, стр. 146–147.

Примечания:

¹ Здесь имеются в виду И. Милованов с товарищами.

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969. № 176. С 325–327.

№ 22

1674 г. после 24 ноября – Отписка Нерчинского воеводы Павла Шульгина Енисейскому воеводе Михаилу Приклонскому, о бунте баунтовских тунгусов.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, столнику и воеводе Михаилу Васильевичю Павел Шульгин челом бьет. В нынешнем во 183 году писал ко мне в Нерчинский острог из Баргузинского острогу Богдан Несвитаев: в нынешнем же де во 183 году, ноября в 24 день, в Баунтовском же остроге изменили великому государю ясашные тунгусы киндигирского роду князец Мунго, с родом своим, да челкагирского роду Дербуга, свестяся де с ворами, и захребетные тунгусы, и подкрались де под острог, служилых людей переранили, и великих де государей казну пограбили, и аманатов отбили, и увели де с собою, отошли от Баунтовского острогу; и ныне де тот Мунго живет в побегах, и хвалитца де Баунтовский острог сжечь и служилых людей побить и под иные де остроги хвалитца итти с войною. И в нынешнем же во 183 году в Нерчинском остроге учинилось мне ведомо от нерчинских служилых и от промышленных людей, которые ходили из Нерчинского острогу на соболиные промысла, что де те

изменники баунтовские ясашные тунгусы Мунга да Дербуга, с родом своим, прошли де по хребтам вниз по Шилке реке к Албазинскому острогу, а чаеть де их что они будут у [368] прежних изменников у тунгусов Якуцкого острогу у Онкуолка: и я послал из Нерчинского острогу в Албазинский острог нарошных гонцов наскоро нерчинских служилых людей десятника Якова Максимова да рядового казака Митку Тимофеева, а велел в Албазинском остроге про тех баунтовских изменников проведывать накрепко всякими мерами; и буде те изменники объявятца близко Албазинского острогу, и я по указу великого государя Якову Максиму с албазинскими служилыми людьми, за помощью божиею, велел над теми баунтовскими изменниками розговоры или за боем всякой промысел чинить и аманатов с них взять. Да в нынешнем же во 183 году писал ко мне из Теленбинского острогу в Нерчинский острог прикащик сын боярской Важен Микитин с товарищи: прислал де из Баргузинского острогу в Теленбинский острог Богдан Несвитаев енисейских служилых людей Сергушку

Игнатьева с товарищи трех человек для аманацкие поимки Баргузинского уезду киндигирского роду тунгусов Немтия: и он же Важен, сведав с теленбинскими служилыми людьми, поймали баунтовских лутчих мужиков киндигирского роду Халбея да Челнугу, и посадили де тех тунгусов в железа, потому что они тунгусы били челом великим государем, чтоб им за аманаты с родом своим платить великим государем ясак в Теленбинском остроге, а в Баунтовском де остроге за обидою и за налогою енисейского казака Елистрата Брюхова с товарищи платить им ясаку не в мочь, а без указу великих государей и не описався со мною тех баунтовских тунгусов, которых они поймали, енисейским

служилым людям отдать не смели. И я писал в Теленбинский острог к прикащику Бажену Микитину, велел тех баунтовских тунгусов Халбея и Челнугу отдать енисейским служилым людям Сергушке Игнатьеву с товарищи и велел их отпустить в Баргузинский острог не задержав, и те баунтовские ясашные лутчие тунгусы киндигирского роду Халбей и Челнуга отданы енисейским служилым людям Сергушке Игнатьеву с товарищи и отпущены с провожатыми в Баргузинский острог; а как впредь, за помощью божиею, будут пойманы и иных родов Баунтовского ясаку тунгусы, и я потомуж отошлю их в Баргузинский острог не задержав.

Из рукописи под заглавием: Списки Енисейской архивы (часть 2, в лист, на 370 л.), принадлежащей, Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, т. VI, СПб., 1857, № 122, С.367–368.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 23

**1675 г. – Отписка Царю, из Нерчинска, сына боярского Павла
Шульгина о усмирении Баунтовских Тунгузов.**

..... феева, а велел я холоп твой в Албазинском остроге про тех Баунтовских изменников проводить крепко, всякими мерами; и будет те изменники объявятся близко Албазинского острогу, и я холоп твой, по твоему Великому Государю указу, Якунке Максимову с Албазинскими служилыми людьми, за помощью Божиею, велел над теми Баунтовскими изменниками розговоры, или за боем, всякой промысл чинить и аманатов с них взять. Да в нынешнем же во 183 году писал ко мне, из Теленбинского острогу, в Нерчинской острог, прикащик, сын боярской Бажен Микитин: присланы де из Баргузинского острогу в Теленбинской острог от Богдана Несвитаева Енисейские служилые люди Сергушка Игнатьев с товарищи, для аманатских поимки Баргузинского уезду, Киндигирского роду Тунгузов; и он де Бажен, сведав, с Теленбинскими служилыми людьми поимали Баунтовских лутчих мужиков, Киндигирского роду, Халбея да Челнугу, и посадили де тех Тунгузов в железа, потому что они Тунгусы били челом тебе Великому Государю, чтоб им, за аманаты, с

родом своим, платить тебе Великому Государю ясак в Теленбинском остроге, а в Баунтовском де остроге, за обидою и за налогою Енисейского казака Елистратка Брюхова с товарищи, платить им ясаку не в мочь; а без твоего Великого Государя указу и не описався со мною, холопом твоим, тех Баунтовских Тунгузов, которых он Бажен с Теленбинскими служилыми людьми поимал, Енисейским служилым человеком отдать не смели. – И я холоп твой писал в Теленбинской острог к прикащику к Бажену Микитину, и, по твоему Великому Государю [562] указу, велел тех Баунтовских Тунгузов, Халбея и Челнугу, отдать Енисейским служилым человеком Сергушке Игнатьеву с товарищи и велел их отпустить в Баргузинской острог, не задержав, чтоб в Баргузинском и в Баунтовском острогах в твоём Государеве ясачном сборе помешки не было. И те Баунтовские лутчие Тунгусы, Киндигирского роду, Халбей и Челнуга, отданы Енисейским служилым человеком Сергушке Игнатьеву с товарищи и отпущены с провожатыми в Баргузинской острог.

Черновой подлинник писан на столбце в котором уцелели два последние листка. Очень ветх. – Из архива Нерчинского Городового Управления.

Воспроизводится по:

Акты Исторические, т. IV, с. 561–562, Спб 1842 г.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 24

***1675 г. января 23. – Наказная память приказного человека
Даурских острогов от Павла Шульгина приказчику
Албазинского острога Н. Черниговскому о высылке ссыльных
пашенных крестьян на Лавкаев луг и о посылке к ним
приказчика из Нерчинского острога.***

183 [1675] году, генваря в 23 день. По указу великих государей память в Олбазинской острог приказчику Микифору Черниговскому.

В прошлом во 182 [1674] году по указу великих государей и по грамоте, и по тобольским приказом присланы в Нерчинской острог в пашню вятчане, Моска Федоров с товарищи, шесть человек. Велено их поселить в государеву десятинную

пашню, где пригоже. И по высмотру Павла Яковлевича Шульгина пригоже их поселить ниже устья Аргуни по Амуру реке на Лапкаевском лугу.

И те де пашенные крестьяне, Моска Федоров с товарищи, по своему воровскому умыслу и по научению албазинских казаков подавали в Олбазинском остроге челобитную, чтоб им поселитьца государевыми и своими собинными пашни в Ол-

базинском остроге. И ты, забыв великих государей указ, страх и свою голову, у тех пашенных крестьян, у Моски с товарыщи, челобитные их принял, [205] и с Лапкаевского лугу переводишь в Олбазинской острог. И то делаешь не гораздо.

И как к тебе ся память придет, и тебе б по государеву указу пашенных крестьян, Моску Федорова с товарыщи, из Олбазинского острогу выслать всех на Лапкаевской луг тотчас.

А тем пашенным крестьянем, Моске с товарыщи, шти человеком, [и] которые пашенные крестьяне приговорены в государеву пашню при Ларионе Толбузине, Родька Васильев с товарыщи, пять человек, и тем всем пашенным крестьянем дана ссуда и подмога, и всякой пашенной завод из казны великих государей в Нерчинском остроге.

И как к тебе ся память придет, и тебе б, Микифорку, по государеву указу однолично пашенных крестьян, Моску Федорова с товарыщи, из Олбазинского острогу выслать на Лапкаев луг безо всякие поноворки.

Да Павлу Яковлевичю ведомо учинилось в Нерчинском остроге, что ты, Микифор, ссужаючи немногих олбазинских воровских казаков, Мальцова с товарыщи, не хочешь дать пашенным крестьяном из государевых житниц государева семенного хлеба. А то ты ведаешь сам, что албазинская всяких людей пашня

заведена государскою казною и по государеву указу из Нерчинского острогу дорогою ценою.

И слыша такое воровство, послал из Нерчинского острогу в Баргузинской острог, отрядя тобольского служилого человека Кирюшку Котельника, пашенным крестьяном на государеву пашню по семенной хлеб дорогою ценою, чтоб за их воровством и за ослушанья великих государей пашня не стала.

Да на проезде, как ехал из Албазинского острогу Павел Яковлевич Шульгин, и приказывал государевых пашенных крестьян до времени ведать и в государеву пашню строить пашенному крестьянину Родьке Васильеву. И наказная ему память дана. И ты, неведомо по какому воровскому умыслу, прислал из Албазинского острогу олбазинского служилого человека Васку Терентьева и велел ему над пашенными крестьянами ведать. А тот Васка, забыв великих государей страх, ворует всяким воровством и пашенных крестьян грабит. И ныне послан из Нерчинского острогу в Олбазинской острог нерчинской служилой человек Семен Вешняк да к пашенным крестьяном прикащик, Илимского острогу десятник казачей Надей Иванов сын Нефедьев. А по государеву указу велено им сыскать. И по сыску, буде Васкино какое воровство учинилось, велено ево вместо кнута бить батоги нещадно и

выслати в Олбазинской острог.

[206] И тебе б, Микифорку, и впредь к пашенным крестьяном из Олбазинского острогу никово не присылать. А буде хто поохотитца или ты ково приплешь к пашенным крестьяням, и тех людей по государеву указу велеть взять в Нерчинской острог. И о том буди писать к великим государем. А их велеть держать в крепости до государева указу.

Да били челом великим государем нерчинские служилые люди на промышленных и гулящих людей: должатца де промышленные и гулящие люди у нерчинских служилых людей и от тех долгов ходят в Олбазинской острог. И тебе б, Никифору, впредь промышленных и гулящих людей, которые от долгов станут уходить в Олбазинской острог, отсылать в Нерчинской острог.

Да по челобитью ж нерчинских казаков в нынешнем во 183 [1674–1675] году, которые служилые люди отпускали из Нерчинского острогу в Албазинской покручеников своих, промышленных людей, на соболиные промыслы, и как нерчинских казаков покрученики выйдут с соболиных промыслов, и тебе б их выслать в Нерчинской острог, а на великих государей десятые пошлины в Олбазинском остроге с них не (и)мать. И как оне придут в Нерчинской острог, и с тех промышленных людей десятая пошлина будет взята в государеву казну в Нерчинском остроге.

Да от тех промышленных людей, которые своими ужинами из Нерчинского по челобитью их отпусканы в Албазинской, и тебе б... (конца нет).

Архив СПбОИИ РАН, Ф. 96, ед. хр. 24, л. 1–3.

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. — Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 204 – 206.

№ 25

**1675 г. не ранее июля 19¹. – Отписка енисейского воеводы
М. В. Приклонского в Посольский приказ о походе албазинских
служилых людей Н. Черниговского с товарищами по р. Ган
против маньчжурских войск.**

/л. 186/ Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, холоп твой Мишка Приклонской челом бьет.

В нынешнем, государь, во 183 году июля в 19 день приехали в Енисейской з Байкала из Баргузинского острогу баргузинские и даурские служилые люди, и в Енисейску, государь, в приказной избе баргузинские служилые люди сказали: из Даурских де острогов пошли в поход на китайских людей албазинские служилые люди, всего 300 человек. И по твоему великого государя указу велел я, холоп твой, для подлинной ведомости допросить даурских служилых людей, которые присланы из Албазинского острогу с твоею великого государя казною, и в приказной избе передо мною, холопом твоим, даурские служилые люди Тимошка Иванов да Якунька Дементьев допрашиваны, а в допросе сказали:

В нынешнем де во 183 году приезжали в Албазинской острог з Гану-реки даурские люди и били де челом тебе, великому государю, что

б им быть под твоею великого государя царского величества высокою рукою в вечном холопстве, а живут де они под областью Китайского государства. И им де, государь, от китайских людей налоги и обиды великие и утеснение, и жить де им под китайскою областью не в мочь. И чтоб ты, великий государь, пожаловал их, велел из Албазинского острогу послать с ними служилых людей для того; как де они, даурские люди, пойдут ис китайских улусов в Албазинской острог, и служилые б люди их от китайских людей оборонили. И прикащик де албазинской Микишка Черне/л. 185/говской, взяв с собою служилых и промышленных людей 300 человек, и пошел в китайские улусы на Ган-реку для даурских людей. А буде де, государь, от китайских людей или от-ыных иноземцов о тех даурских людех учинитца какая спона, и ему, Микишке, над китайскими людьми и над иными иноземцы чинить поиск. А о той, государь, посылке к тебе, великому государю, к Москве нерчинских острогов приказной человек Павел Шульгин не писал, и [480]

посылает он, Павел, без твоего великого государя указу в походы на китайских людей и на иных иноземцов беспрестани.

А какову, государь, скаску даурские служилые люди мне, холопу

твоему, подали, и тое скаску к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, к Москве послал я, холоп твой, под сею отпискою.

ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1674 г., д. № 1, ч. 2, лл. 186, 185. Подлинник.

Список – там же, оп. 1, кн. 3, лл. 271 об.–274.

Копия XVIII в. с отпуска – ЛОА АН СССР, ф. Портфели Миллера, оп. 4, кн. 23, № 273, лл. 297 об.–298.

Опубл.: «Дополнения к Актам историческим», т. VI, СПб., 1857, № 133, стр. 395–396.

Примечания:

¹ Датируется по упоминанию числа в тексте.

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969 № 199 С. 479–480.

№ 26

**1675 г. июля 20. – Сказка в Енисейской приказной избе
албазинских служилых людей Тимофея Иванова с товарищами
о просьбе даурских людей принять их в русское подданство
и о походе албазинских служилых людей против
маньчжурских войск.**

/л. 187/ 183-го июля в 20 день. В Енисейску в приказной избе перед стольником и воеводою Михаилом Васильевичем Приклонским допрашиваны албазинские служилые люди Тимошка Иванов, Якунька Дементьев – по какому указу пошел из Албазинского острогу в поход войною на китайских людей албазинской приказной человек Микишка Чернеговской, а с ним пошло людей 300 человек; а в допросе они сказали:

В нынешнем де во 183 году приезжали з Гану-реки даурские люди сотник Лопсодейко с родом своим, и били челом великому государю, чтоб им быть под ево великого государя, царского величества, высокою рукою в ясачном платеже и вечном холопстве и жить в Албазинском на прежних своих породных землях. А живут де они под Китайскою областью, и им де от китайских людей налоги и обиды великие и утеснение, а жить де им под Китайскою областью не в мочь. И чтоб великий

государь пожаловал их, велел из Албазинского с ними на Гань-реку послать служилых людей для того: как де они, Лопсодейко с родом своим, пойдут совсем з Гана в Албазинской, и служилые б люди их от погонщиков от китайских людей оборонили. И албазинской де приказчик Микишка Чернеговской пошел из Албазинского, взяв с собою служилых и промышленных людей 300 человек. И ему де, Микишке, служилыми и промышленными людьми даурских людей, которые пойдут з Гану-реки в Албазинской острог, от китайских и от-ыных людей оберегать, а буде /л. 254/ китайские люди или иные иноземцы учинят [479] на дороге о тех даурских людех какую спону, и ему над китайскими людьми и над-ыными иноземцы поиск чинить. А о той де посылке и о челобитье ясачных людей нерчинских острогов приказной человек Павел Шульгин к великому государю к Москве не писал.

На лл. 187, 254 по склейке и под текстом рукоприкладство: К сей скаске вместо даурских служилых людей Тимошки Иванова, Якуньки Дементьева по их веленью служилой человек Гришка Власов руку приложил.

ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1674 г., д. № 1, ч. 2, лл. 187, 254. Подлинник.

Список – там же, кн. 3, лл. 274–275 об.

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608-1683. М. Наука. 1969. № 198. С. 478–479.

№ 27

1675 г. не ранее июля.¹ – Черновая наказная память нерчинского воеводы приказчику Албазинского острога об устройении десятинной пашни, сборе торговых пошлин с промышленных людей и о суде казаков.

<...>² Федора, в Албазинском остроге, и какова роду принято ясашных людей, и взято аманатов, и ясашные именные книги с ясашным платежем, и что по Амуру реке или в которых местех построено пашни, тому роспись взяв, в том с Федором росписатьца. А росписався, ево, Федора, в государственной казне в деньгах, и в мяхкой рухляди, и во всяких

хлебных, и в пушешных запасах счесть подлинно. А што по счету на нем, Федоре, будет, взять сполна.

А самому ему, Василью, быть в Албазинском остроге и ведать государевых служилых людей и пашенных крестьян, и всяких жилецких, и прихожих торговых и промышленных, и гулящих людей.

А приехав и взяв именной спи-

сок служилым людям и пашен-[219]ным крестьяном, и имена аманатов, пересмотреть всех налицо; и ясашных людей, которые великому государю платят ясак за аманатами и которые без аманатов, збирать ясак на 184 [1675–1676] год и недобору за прошлые годы по книгам и по росписям сполна, каковы он книги и росписи примет у Федора Евсевьева.

Да в прошлом во 175 [1667] году призвал и устроил из Нерчинского острогу в Албазинском остроге Ларион Толбузин пашенных крестьян, Родьку Васильева с товарищи, пять человек. А по порушным записям, каковы ныне в Нерчинском остроге в столпу, которые порушные записи збирал по них прикащик Микифор Черниговской, пахать им на великого государя десятинной пашни по полудесятине ржанова да по четверти десятины яровово хлеба, а в дву по тому ж, по вся годы беспереводно.

И со 175 [1667] году по нынешней 183 [1675] год в Нерчинском остроге с тех пашенных крестьян десятинного хлеба ничего не объявилось. А ведомо учинилось Павлу Яковлевичю Шульгину, что те пашенные крестьяня поноровкою Микифорка Черниговского великих государей десятинной пашни не пахали, а пашут свои собинные земли и хлеба напахивают. И тот хлеб курыят в вине и продают.

[И тебе б, Василью, прика]зать накрепко, чтоб однолишно в Алба-

зинском остроге ништо вина не сидел и на продажу пив не варил. И сказать им великого государя указ: за винное куренья под смертною казнью. А кому случитца албазинским казакам и жилецким людям х какому празнику сварить пива или браги небольшое, и оне б явились ему, Василью. Да и то бы продажно-го ни у ково не было. Да и самому ему, Василью, отнюдь пива не курить.

А которые люди учнут великому государю бить челом на каких людей в обидах и в насильстве или по кабалам, и ему, Василью, на тех людей давать суд, и росправу меж ими чинить. А с суда, кроме кабальных незапорных дел, имать на великого государя пошлин с рубля по гривне. Да пересуду и правого десятка с суда по семи алтын по две деньги.

[220] А будет казак на казака будет в каких обидах бити челом великому государю, и с тех исков с казаков с ыску з двунатцати рублей пошлин не имать. А што будет иску больши двунатцати рублей, и с того по тому ж имать на великого государя пошлин по гривне с рубля, и пересуд, и правой десяток по указу.

Да в прошлом во 182 [1674] году по указу великих государей присланы в Нерчинской острог в пашню вятчания, Моска Федоров с товарищи, шесть человек. Велено их поселить в государеву пашню, где пригож. И по высмотру Павла

Яковлевича Шульгина поселены оне ниже Аргуни на Лапкаевом лугу. И оне своим воровством для своих воровских прихотей переселились с Лапкаевского лугу на Олбазинские поля.

И тебе б, Василью, тех пашенных крестьян, Моску Федорова с товарищи, шти человек, за ослушанья и за самовольства вместо кнута бити батоги нещадно, чтоб впредь им и иным людям варавать и государева указу ослушаться было неповадно.

А на государеву десятинную пашню, на яровые десятины, послано к ним по весне рано с нерчинским казаком с Оською Уткиным двенатцать чети овса. И тот им хлеб роздан в Албазинском остроге. А будет оне тово хлеба за своим воровством по весне на яровые десятины не посеяли, и ты б, Василей, вместо тех государевых десятин выделил, сменя, из их собинных севов по четверте десятины овса или ячмени, или пшеницы, какой хлеб у ково в севу объявитца, и весь жжать, и измолотить, и смерить, и всыпати в государевы житницы.

А где оне поселились, и будет то место к пашне пригоже, и с тех их земель не переводить. И о том отписать в Нерчинской острог к Павлу Яковлевичу Шульгину.

А на ржаные десятины тем пашенным крестьяном на полторы десятины послано с тобою, Васильем, двенатцать пуд ржи.

И тебе б, Василью, велеть тот хлеб высеять в нынешнем во 183 [1675] году ко 184 году [к 1 сентября 1675 г.].

Да в нынешнем во 183 [1674—1675] году по указу великого государя и по грамоте, и по енисейской отписке присланы в розных месяцах и числах ссыльные люди за воровство в пашню. А велено их поселить на Амуре реке, где поселился Микифорко Чернигов-[221]ской. И тех ссыльных людей послано с тобою, Васильем, сорок один человек. А за скудостью государеву пашню во всех трех полях велено им пахать со 184 году [с 1 сентября 1675 г.].

А которые пашенные крестьяне построены при Ларионе Толбузине и которые в прошлом во 182 [1673—1674] и в нынешнем во 183 [1674—1675] присланы в Нерчинской острог и поселены в Албазинской острог, и что кому государевы десятинные пашни пахать, и тому под сим наказам дана роспись.

И ему, Василью, приехав в Албазинской, и будет до ево, Васильева, приезду с пашенных крестьян великого государя десятинной хлеб не собран, и ему, Василью, на тех пашенных крестьянх тот великого государя десятинной хлеб по книгам, каковы примет у Федора Евсевьева, собрать весь сполна и всыпать в государевы житницы, чтоб тот хлеб к весне был готов в государевых житницах.

А будет какие вольные люди пашут пашни около Албазинского острогу, опрочь служилых охочих людей, и ему, Василью, с тех пашен имать на великого государя десятой сноп и велеть им молотить при себе, и тот хлеб по тому ж всыпать в государевы житницы.

А торговые и промышленные люди и покрученики их, как сойдутца с соболиных своих промыслов с собольми, и ему, Василью, имать с тех соболей на великого государя десятого соболя, з добрых доброво, с средних среднего, а с плохих плохово.

А будет торговые и промышленные люди станут у своей братьи соболи купить на деньги и на товары менять, и пойдут в сибирские и в русские города, и ему, Василью, по тому ж имать на великого государя с тех отъезжих торговых и промышленных людей с перекупных соболей десятую пошлину собольми.

Да с торговых же и с промышленных и з гулящих людей имать на великого государя годового оброку по осми алтын по две деньги с человека по вся годы со всяково человека. И великого государя яшашную десятинную казну: соболи и мяхкую рухлядь, и зборные всяких доходов деньги прислать в Нерчинской острог во 184 [1675–1676] году по зимнему пути, чтоб та государева соболина казна послать к великому государю к Москве по весне рано

з государевою ж яшашною соболиною казною Нерчинского острогу збору вместе.

[222] Да в прошлом во 181 [1673] году в Енисейском остроге на приезде сказывал Павлу Яковлевичю Шульгину албазинской казак Ивашко Перелешин. А хотел известить и ведомо учинить на Москве в Сибирском приказе окольничему Родиону Матвеевичю Стрешневу: в Албазинском де остроге [в] пашенных землях родитца всякой хлеб лу(тче) сибирских городов пашенных земель. И пашут де всякие люди около Албазинского острогу, и хлеба живет у них довольно. А тот де хлеб в Албазинском остроге всякие люди курят (в) vine и то вино продают меж собою, и пи(ва) варят. И безпрестанно де в Албазинском остроге винное куренье не токмо у пашенных людей, [но] и у всяких у торговых, и у промышленных, и у гулящих людей. И будет де впредь в Албазинском остроге станут вино сидеть, и от того де виннаго сиденья будет на хлеб большая дорогая цена и людем голод.

И Василью Милованову того смотреть и беречь накрепко, что[б] однолишно в Албазинском остроге вина не токмо на продажу, [но] и про себя никакие люди вина не сидели, и пив на продажу не варили. А будет какие люди станут вино сидеть или на продажу пива варить, и Василью то вино и продажное пиво

выимать. А винные котлы и кубы, и трубы иматъ на великого государя.

Да на тех же людей за первую выимку иматъ пеню по пяти рублей, а на питухах по полуполтине. А за другую пеню иматъ на винных сидельцах и на пивных продавцах по десяти рублей, да их же батоги бить нещадно. А будет хто таких людей объявитца втретие, и за тре-

тью пеню иматъ на винных сидельцах и на пивных продавцах пени по пятинацати рублей, да их же бить кнутом на козле и впровотку, да посадить на месяц в тюрьму. Да о том отписать в Нерчинской острог к Павлу Яковлевичю Шульгину. И впредь всяким людем зака(затъ) <...>³

Научно-исторический Архив СПбИИ РАН. Коллекции. Поуездная коллекция (К. 110), ед. хр. 9, л. 1—5.

Примечания:

¹ Датируется на основании «Памяти в Албазинский острог служилому человеку Федору Евсевьеву о назначении на его место приказчиком Василия Милованова».

² Начало документа не сохранилось.

³ Конец документа не сохранился.

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. *Никифор Романов Черниговский: документальное повествование.* — Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 218–222.

№ 28

1675 г. июля 28. – Память в Албазинский острог служилому человеку Федору Евсееву о назначении на его место приказчиком Василия Милованова.

183 [1675] году, июля в 28 день. По государеву указу память в Албазинской острог албазинскому служилому человеку Федору Евсееву.

¹ По твоей отписке ведомо учинилось в Нерчинском остроге Павлу Яковлевичю Шульгину, что в Албазинском остроге самовольной и само[о]хотной атаман Микифор Черниговской умер. А после ево албазинские служилые люди в прикащики на время выбрали тебя, Федора. А по указу великого государя и по грамоте велено Албазинской острог ведать из Нерчинского острогу.²

В нынешнем во 183 [1675] году по указу великого государя послан из Нерчинского острогу в Албазинской острог тебе, Федору, на перемену Нерчинского острогу служилой человек Василей Милованов.

И как к тебе ся память придет, и тебе б, Федору, по указу великих государей отдать ему, Василью, Албазинской острог и острожные ключи, и на остроге наряд, и в государеве казне деньги, и пушешные, и в житницах всякие хлебные запасы, и госуда-[218]ревым служилым

людем, которые ныне в Албазинском остроге,имянно[й] список, и великого государя казне и деньгам, и хлебу, и пушешным, и всяким запасом приходные и расходные книги, и что до тебя, и тебя, Федора, в Албазинском остроге, и какова роду приписано ясашных людей, и взято аманатов, и ясаку, и имянные книги с ясашным платежем³.

А росписався с ним, Васильем, в государеве казне в деньгах и в мяхкой рухляди, и во всяких хлебных и в пушешных запасах подлинно, и тебе б, Федору, и сказав всем албазинским служилым людем, быть великого ⁴ государя Василья Милованов[а] во всяких государевых делех⁵ слушал.

А в чем вам доведетца великому государю бити челом, а в Албазинском остроге государева указ[у] прикащику Василью за чем учинитца будет немошно, и вам бы бить челом великому государю, и челобитчиков с челобитными посылать к Москве или в Тоболеск, а из Нерчинского острогу отпустят тех челобитчиков не замотчав.

Черновой отпуск.

Научно-исторический Архив СПбИИ РАН. Коллекции. Коллекция Г. С. Батенкова (К 18), док. 6, л. 1–1об.

Примечания:

¹⁻² Вставка. Слова: «По твоей отписке ведомо учинилось в Нерчинском остроге Павлу Яковлевичу Шульгину, что в Албазинском остроге самовольной и само[о]хотной атаман Микифор Черниговской умер. А после ево албазинские служилые люди в прикащики на время выбрали тебя, Федора. А по указу великого государя и по грамоте велено Албазинской острог ведать из Нерчинского острогу» вставлены с оборота л. 1

³ Далее зачеркнуто: и что построено вново пашни по Амуру или в которых местах построено пашни, тому роспись.

⁴ В тексте написано: великих.

⁵ В тексте написано: ледех

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. — Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 217–218.

№ 29

1675 г. сентября 7¹ – Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ о пути до Иркутского острога.

/л. 25/ Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, холоп твой Нико-

лайко Спафарий челом бьет.

В прошлом, великий государь, во 183 году июля в 18 день писал я, холоп твой, к тебе, великому госуда-

рю, что поехал из Енисейска рекою Енисеем и Тунгускою. А в нынешнем, великий государь, во 184 году сентября в 5 день милостию божиею и счастием приехал в Ыркуцкой /л. 25 об./ острог в целости, только, государь, задержали пороги и воды великие по рекам. И в Ыркуцком, государь, остроге стоял сентября по 7 число, для того что снастили дощаники для Байкальского моря ². И того ж, государь, числа твоим великого государя счастием из-Ыркуцкого острога к Байкальскому морю поехал рекою Ангарою. А тою, государь, рекою Ангарою ходу до Байкальского моря трои сутки, а морем до усть Селенги-реки ходу, как бог даст, парусное погодые пособное в двои сутки. И отселе, государь, не поехал прямо в Дауры для того, что здешние, государь, знающие люди казаки сказали мне, холопу твоему, что ныне время осеннее и перебегать море в Дауры прямо зело страшно и опасно. Потому, государь, хотя и пособная тишина будет, однако ж де, государь, насилу перебегают в 8 дней, и на той стороне горы и утес каменные, а на Селенгу, государь, ближе и место ровное, а от Селенгинского острога мочно ехать /л. 26/ в Дауры сухим путем чрез твоих великого государя ясачных людей. Только, государь, здесь подлинно слышал, что из Албазина Черниговский, собрав с 300 человек

казаков и гулящих людей, и пошел в марте месяце на подданных Китайского государства, которые живут на реке на Науне, чрез которых людей в прошлых годах китайской хан послал лист к тебе, великому государю. А какой они промысл над китайскими подданными учинили, еще здесь никакой ведомости нет. А буде, государь, бог благоволит успеть за море проведав, про все учну я, холоп твой, писать к тебе, великому государю, и про мое путное шествие, и про их поход. И смотря, государь, на их дело, какой они промысл учинили, [481] так учну я, холоп твой, путь шествовать к Китайскому государству с великим береженьем или чрез Мунгалы или чрез Дауры, куды государь податнее, чтоб твоему великого государя делу не учинилось какие помешки и порухи. А я, холоп твой, посылал /л. 26 об./ проведать из Енисейска и отселе в Дауры, и тех, которых посылал, велел я, холоп твой, быть к себе навстречу. А. какая, государь, от них ведомость будет, и я, холоп твой, из-за моря учну писать к тебе, великому государю, к Москве. А сию отписку велел я, холоп твой, подать в Посольском приказе боярину Артемону Сергеевичю Матвееву да дьяком думному Григорью Богданову, Ивану Евстафьеву, Василию Бобинину, Емельяну Украинцову.

ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн. 4, лл. 25–26 об. Список, включенный в статейный список Н. Г. Спафария.

Примечания:

¹ Датируется на основании указания в тексте времени выезда из Иркутска и док. «Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ о переправе через Байкал».

² В отписке иркутского воеводы П. Самойлова нерчинскому воеводе П. Я. Шульгину о проезде через Иркутский острог в Китай Н. Г. Спафария сообщается: «В прошлом, господине, во 183-м году августа 29 день шел по указу великого государя мимо Иркутцкой острог посол Николай Гаврилович Спафарий и взял в Иркутском остроге государев дощаник в Селенгинской острог. Да в нынешнем же во 184-м году посыланы были из Иркутцкого острогу с даурскими хлебными запасы десятник Илюшка Екимов с товарищи на двух дощаниках до Баргузинского острогу и в Баргузинском остроге голова Богдан Несвитаев дощаник взял и впредь, господине, государевых хлебных запасов за море провадить будет не на чем, потому что в-Иркуцком остроге дощаников нет, и о том, господине, изволь писать в Баргузинской острог голове Богдану Несвитаеву, чтоб он, Богдан, отослал дощаник из Баргузинского в-Иркуцкой острог, на чем бы было провадить даурским служилым людям хлебные запасы на жалованье, чтобы даурские служилые люди без хлебных запасов в Даурех голодною смертию не померли и о том, господине, что ты укажешь. А с сею отпиской послан Иркутцкого острогу служилой человек Гришка Нонанов и те бог бы, господине, изволить ево не задержать, отпустить в-Иркуцкой острог» (ЦГАДА, ф. 1142, д. 3, л. 26). В статейном списке Н. Г. Спафария сообщается другое, по-видимому, более правильное время приезда в Иркутский острог – 5 сентября (см. Ю. В. Арсеньев, *Статьейный список посольства в Китай Н. Спафария*, СПб., 1906).

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608-1683. М. Наука. 1969 № 200. С.480–481.

№ 30

1675 г. сентября 28 ¹. – Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ о переправе через Байкал.

/л. 193/ Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу холоп твой Николайко Спафарий челом бьет.

В нынешнем, великий государь, во 184 году сентября в 7 день ² писал я, холоп твой, к тебе, великому государю, из-Ыркуцкого острога, что пошел к Байкальскому морю рекою Ангарою ж. И сентября в 10 день приехал я, холоп твой, на усть моря со всеми дощаники, и сентября в 11 день перебежали за море парусом. И как будем среди моря, и в то время стал ветер и буря великая, однако ж де милостию божиею и твоими великого государя праведными молитвами и счастьем в самом вечеру впали в пристанище в реку Переемную, а дощаник, на котором были дворяне и дети боярские, заметало ветром от реки Переемной в днище на морской берег. А люди из дощаника вышли в целости, тако ж де и рухледь от воды ни чем не вредило. И на другой день посылал твоих великого государя служилых людей и дощаник добыли и починивали, и, починя, государь, привели дощаник в реку Переемную, и сентября в 16 день ис реки Переемной поехали на

море к устью Селенги-реки. И едучи, государь, были на море бури и ветры великие, и немного, государь, в те ветры не розбило все дощаники. Однако ж де, государь, божиею милостию и твоими великого государя праведными молитвами и счастьем сентября в 25 день приехали в деревню, которая от Селенгинского острога стоит в дву днищах. И того ж числа [твоих, великого государя] служилы[х] /л. 194/ людей отпустил в Мунгалы для покупки верблюдов и коней; и как те служилые люди, и купя верблюды и кони, приедут, и я, холоп твой, из заимки пойду тотчас, немешкая ни за чем, в Дауры на Нерчинской острог. И отселе, государь, сказывают, что до Нерчинского острога ходу тихим ходом 2 недели, а от Нерчинского, государь, острога до порубежного китайского города, ис которого города в прошлых годах послан лист к тебе, великому государю, от китайского хана, 2 недели ж, и путь все чрез [482] твоих, великого государя, ясачных людей, а не чрез иноземцов. И послал я, холоп твой, наперед себя к даурскому прикащику, чтоб он известил в порубежных китайских городех для того, что идет от тебя, великого государя,

х китайскому хану посольство. А которые государь посланы были из Тобольска и из Енисейска известить про мое, холопа твоего, путное шествие в Даурах и на Селенге, и я, холоп твой, тех посланных достиг всех: иных при море, а иных за морем. И для того ныне послал иных людей. А про албазинских даурских казаков сказывают, что ходило с 50 человек, и тех казаков обманули, не знаю, китайские или мунгальские ясачные люди, и казаков всех побили, только, государь, от 50-ти человек ушел один человек. А еще, государь, подлинной ведомости нет, покамест ко мне ведомость не придет от даурского прикащика чрез посланных, которых послал я, холоп твой, в Дауры, а как ко мне будут из

Даур на встречу те, которых послал и какие ведомости про китайской путь будет, /л. 253/ и которого государь, числа поеду из Селенгинской деревни, и которого числа приеду в Дауры в Нерчинской, и которого, государь, числа пойду из Нерчинского в Китай, и про всякие даурские и китайские ведомости учну писать к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к Москве. А сию отписку велел я, холоп твой, подать в Посольском приказе боярину Артемону Сергеевичу Матвееву да дьяком думному Григорью Богданову, Ивану Евстафьеву, Василью Бобинину, Емельяну Украинцову.

ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1674 г., д. № 1, ч. 2, лл. 193–194, 253. Подлинник.

Список – там же, оп. 1, кн. 3, лл. 294–297.

Частично опубли.: Ю. В. Арсеньев, Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г., СПб., 1882, стр. 172–173 (приложения); Николай Милеску Спафарий, Сибирь и Китай, Кишинев, 1960, стр. 154–155.

Примечания:

¹ Датируется на основании док. «Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ о пути посольства из Селенгинской заимки в Нерчинск».

² У Арсеньева: 6 (см. стр. 172).

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969 № 201. С481–482.

№ 31

1675 г. ноября 9. – Наказная память нерчинскому сыну боярскому И. Милованову с товарищами, данная из Нерчинской приказной избы о поездке в пограничные города Цинской империи для предупреждения о посольстве Н. Г. Спафария.

7184 году ноября в 9 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу память, нерчинскому сыну боярскому Игнатию Милованову да служилым людем Стефану Яковлеву да толмачу Евдокиму Анисьеву.

Ехать им из Нерчинского острогу на Науну-реку в китайские порубежные на их города на Науну-реку для того:

В нынешнем во 184 году октября в 20 день ис Тобольска от боярина и воеводы от Петра Михайловича Салтыкова с товарищи писано в Нерчинской острог к Павлу Яковлевичу Шульгину: в прошлом во 183 году марта в 30 день по указу великого государя царя и великого

князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте послал с Москвы для государевых дел в Китайское [483] государство в посланниках скоро Николая Гаврилова сына Спафария. А велено ему ехать в Китайское государство на которые места блиско, с великия доклады.

Да сего же числа писал в Нерчинской острог к Павлу Яковлевичу из Селенгинского острогу посланник Николай Спафарий: указал ему великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, ехать в послах в Китайское государство для связей с поминками х китайскому богдыханову величеству великого государя

любительною грамотою через Даурские остроги. И ты б послал к Павлу Яковлевичу от себя наскоро в порубежные их китайские города х китайским воеводам человека добрава, которой б известил их об этом.

Игнатию Милованову с товарищи, приехав в порубежные в китайские города на Науну-реку, и сказать китайским воеводам: по указу великого государя [полныя титлы] от их царского величества х китайскому богдыханову величеству идет посланник Николай Гаврилов сын Спафарий с ведома великого государя любительною грамотою и с поминками, а придет в Нерчинской острог из Селенгина в сем месяце; и оне б послали от себя ведомость к богдыханову величеству и готовили б подводы под государеву казну и под посланники Николая Спафария с товарищи и тою надобью помощию, и того б ему не учинили никакия замедления. А великого государя люди с ним, Николаем, дворян и детей боярских и служилых людей будет человек со 100 и больше, а прислал подводы, и встретили под-

воды и с провожатыми в Нерчинском остроге.

А сказав им всему наказ, и ехать назад в Нерчинской острог, а приехав явитца и доезд свой подать в съезжей избе Павлу Яковлевичу Шульгину.

Да ему ж, Игнатию, взять с собою из Албазинского острогу грамотного человека добра, ково пригоже, кто б умел хорошо писать и читать, и подводы взять из албазинских казаков и из монастырских лошадей и ехать до китайских городов и назад куда ближе, до Нерчинские остроги наспех немешкая нигде ни часу, чтоб по указу великого государя в посольских делах послу Николаю Спафарию ни за чьим мешкоты не было.

К сей наказной памяти по указу великих государей царей и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, Павел Яковлевич Шульгин печать свою и руку приложил.

Архив ЛОИИ АН СССР, ф. Нерчинские акты, № 37, лл. 1–2. Отпуск.

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969. №202. С. 482–483.

№ 32

1675 г. декабря 19¹ – Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ о пути посольства из Селенгинской заимки в Нерчинск.

/л. 195/ Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу холоп твой Николайко Спафарий челом бьет. [484]

В нынешнем, великий государь, во 184 году сентября в 28 день писал я, холоп твой, к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, что приехал Селенгинского острога в Большую заимку сентября в 25 день, и из Селенгинской заимки, собрав кони, поехал сухим путем в Селенгинской острог. А воденым путем не поехал, для того что до Селенгинского острогу ходу 2 недели, а сухим путем в 3 дни, и было время осеннее и стужи и водою ехать нельзе. И енисейских казаков, которые были в работниках в гребцах, отпустил за море (Озеро Байкал.), покамест было им время переехать море, в Ыркуцкой острог. А я, холоп твой, собрав кони и из твоих, великого государя, служилых людей человек 40, поехал степью чрез Мугалы в Селенгинской острог для того, чтоб отпустить в Мугалы для покупки коней и верблюдов, на чем

бы поднятца на твою, великого государя, службу.

И едуци, государь, степью встретили меня, холопа твоего, многие и розные вооруженные мунгальские люди человек по сту и больши, которые кочевали многие тысячи меж заимки и острогу. И спрашивали, государь, меня, холопа твоего: какие де люди, что прежде сего таких людей не видали? И я, холоп твой, им говорил, что твои великого государя люди и едем по твоему великого государя указу в Селенгинской острог для твоих великого государя дел посольствовати х китайскому хану. А говорили они: не идем ли мы, холопы твои, войною, что видели оружие многое и панцыри. И я, холоп твой, им говорил, что ты, великий государь, желаешь миру, а не войны, и чтоб они в Селенгинской острог для продажи пригоняли кони и верблюды.

И едуци, государь, в острог служилые люди из оружия стреляли многое время. А они, государь, ко мне, холопу твоему, приезжали многие и били челом, чтоб из оружия впредь не стреляли, для того что жены их и дети и скот от того

испужались.

И как я, холоп твой, приехал в острог, и они, государь, приехали многие, а с ними табунуцкой лаба, /л. 196/ которых в прошлом году даурские казаки погромили, и жалобу творил, что де невинны были тебе, великому государю. И я, холоп твой, ему сказал, что они твоим великого государя служилым людей и ясачным многие обиды учинили, как и ныне мунгалы чинят многие обиды селенгинским и даурским служилым людям и ясачным, потому что и в недавних днях отогнали мунгальцы ис под Селенгинского острогу весь табун конной, также и в прошлом году табун их кони и скот отогнали весь же; и то какая дружба, что хан их посылает к тебе, великому государю, послов своих, а люди ево беспрестанно твоих, великого государя служилых людей и есачных побивают и грабят и скот отгоняют, а твои великого государя люди твоему, великого государя, указу подобострастны, хотя живут и в дальнем расстоянии, а ссоры учинить не смеют, а хан их живет ближе и их мунгал унимать [в]оровства не может. И он мне, холопу твоему, говорил: для того подобострастны, что у вас немного государей, один великий государь обладает, а у них де, у мунгал, начальников и тайш много, и для того ссоры чинят, один одного не слушает.

А в Селенгинском, государь,

остроге жил я, холоп твой, 3 дни. И видя, государь, что мунгалы в острог на продажу коней и верблюдов не пригнали, и от острогу откочевали в дальние места, и не верили мне, холопу твоему, что я иду для твоего великого государя дела в Китай, будто иду на них войною, и для того отпустил для покупки [485] коней и верблюдов твоих великого государя служилых людей в дальние мунгальские улусы. И отпусая твоих великого государя служилых людей, из Селенгинского острогу поехал назад в Большую заимку; в которой поставлена была твоя великого государя казна в дощаниках. А твои, великого государя, служилые люди, которые отпущены были для покупки коней и верблюдов, жили в Мунгалах многое время для того, что искупить вскоре не сыскали, а ездили в дальние улусы и покупали дорогою ценою. И для того в Большой заимке стоял я, холоп твой, ноября по 5 число.

И будучи, государь, в Большой заимке, слышал, что брацкие иноземцы, которые в прошлом году приехали в Нерчинской острог и били челом тебе, /л. 197/ великому государю, в подданство, а в нынешнем, государь, во 184 году те брацкие иноземцы тебе, великому государю, изменили и отъехали в Мунгалы к Даин-контайше. И хотя твои, великого государя, служилые люди последних немногих людей в

том побеге погромили, однако ж де, государь, Даурские остроги от брацких мужиков и от контайши в великом опасении, потому что брацких иноземцов было тысячи с три.

И как приехали твои, великого государя, служилые люди, искупя кони и верблюды, из Мунгал, и я, холоп твой, из Селенгинской заимки поехал тотчас степью новым путем, которым прежде сего никто не бывал, в Дауры. И на другой день встретили меня, холопа твоего, десятник з двумя казаки, которых послал из Даур из Нерчинского Павел Шульгин и все служивые люди. И писали ко мне, холопу твоему, и словесно объявили про бра[цких] иноземцов, что тебе, великому государю, изм[енили и п]осле того приходили с силою и табун ис под острогу отогнали, коней с 500, да те ж брацкие иноземцы отогнали в другоряд кони у твоих великого государя ясачных иноземцов у тунгусов. И контайша присылал в Нерчинской и просил оманатов и есырей и хвалитца войною. И для того, государь, пристойно, что я, холоп твой, поехал чрез Дауры в Китай: и путь ближе, нежели чрез Мунгалы, и иноземцом будет страх, как услышат про твоих великого государя новых людей, что едут чрез Дауры, и китайцы ожидают тем путем, которым послали к тебе, великому государю, лист в прошлых годах.

И ноября в 8 день, собрався с

твоими великого государя служивыми людьми, которые со мною, холопом твоим, были, человек с полтора, от Селенги-реки поехал степью в новой Даурской острожек Еравню. А в Еравню, государь, приехал ноября в 19 день. А из Еравни приехали в Теленбинской острог ноября в 23 день. А ис Теленбинского острога, едучи до Нерчинского острога, за четыре дни встретили меня, холопа твоего, нерчинские казаки человек с 30, и сказали мне, холопу твоему, что в недавних днях те ж брацкие иноземцы отогнали всех достальных коней ис под острогу с тысячу и казака одного увезли, и для того до острогу ехать с великим бережением, чтоб мунгалы и братья на меня, холопа твоего, не ударили.

И милостию божиею и твоим, великого государя, счастьем приехал в Нерчинской в целости [декабря] в 4 день. /л. 198/ И в Нерчинской, государь, острог собрались твои, великого государя, есачные иноземцы тунгусы, тебе, великому государю, благодарили. Гайтимур-князец и прочие, что ты, великий государь, изволил прислать посольство свое, и рати для оберегания их и для постановления миру с китайцы, для того, что они от китайцев имеют великое опасение. А про иноземцов сказали; как они слышали, что твои великого государя люди идут в Дауры вновь, и контайша и братья испужались и откочевали далече в степь

по Онону реке. [486]

И будучи я, холоп твой, в Нерчинском декабре в 13 день для покою верблюдов и коней и для собрания подвод, сколько возможно, приехали ко мне, холопу твоему, лутчие люди брацкие иноземцы 4 человека, которые тебе, великому государю, изменили и словесно сказали: слышали де они, что в Нерчинской острог приехал новой воевода с новою ратью, и для того прислали их з дороги все брацкие люди, которые тебе, великому государю, изменили от Нерчинского острогу, а велели де им бить челом тебе, великому государю, чтоб ты, великий государь, пожаловал их, велел вину в-ымене их отдать; а они де уже едут все и будут кочевать, где им прикажем, и есак тебе, великому государю, пришлют тотчас, а табуны, которых отогнали, отдадут назад всех, и впредь будут служить тебе, великому государю, верно для того, что и контайша слышал про новые твои, великого государя, рати, отказал им и откочевал в дальние места и говорил им, что он оборонить их не может. И я, холоп твой, отповедь им учинил, что ты, великий государь, вину их и измену отставишь, только что они обещали, исполнили б и впредь тебе, великому государю, не изменили б. И отпустили их назад наскоро, чтоб они приехали кочевать недалеко от Нерчинского по Аге-реке, и есак тебе, великому государю, прислали,

и табун в острог пригнали б тотчас. А с Павлом Шулгиным и служилыми людьми поговорил я, холоп твой, что по твоему великого государя указу еду с великим поспешением в Китай и тех брацких людей мне, холопу твоему, дожидатца нельзе, только б они принели твой великого государя есак и свои табуны, и после б того послал их на природные места на остров Ольхон, на Байкальское море и к Селенге реке, и впредь тебе, великому государю, изменять не будут для того, что там будут места крепкие и за ними острожки многие, а в Даурах малолюдство, а их, брацких людей, тысячи с три воинских людей.

А я, холоп твой, отселе взяв подводы и вожей, поехал в Китай декабря в 19 день на Наун-реку /л. 199/, где живет воевода китайской, которой в прошлых приезжал в Нерчинской и лист к тебе, великому государю, послал. А сказывают, государь, что тихим ходом ехать до того места 3 недели. А наперед себя послал я, холоп твой, на Наун-реку к тому воеводе еще из Енисейска даурского сына боярского Игнатя Милованова, которой был прежде сего послан в Китай из Нерчинского, а ис Китай с листом к тебе, великому государю, к Москве был послан же, только, государь, Байкальское море ево задержало, и для того замешкался. А из Нерчинского, государь, острогу отпущен он ноября в 9 день к тому

воеводе на Наун-реку, а по се время еще с отповедью не приехал для того, что он поехал чрез Албазинской острог окольною дорогою. Однако же я, холоп твой, не ожидая ево отповеди, из Нерчинского поехал, потому все иноземцы сказывают, что китайской хан от тебя, великого государя, посольства великим желанием ожидает.

А про албазинских, государь, казаков сказали, что в прошлом году ходили в поход человек с полтретьяста на порубежных китайцев для того, что сотник китайской обещал им быть к ним со всеми своими людьми, выехать на твое великого государя имя в вечное поданство. И как они поехали, и их обманул и село запустошил и сам бежал со всеми своими людьми, и казаки поворотились назад и ничего ни кому не учинили. Иного походу на китайцев не было.

И едуци, государь, к порубежным городом, буде какая встреча будет от китайцев и что учинитца в порубежных городах и как учнут принимать, о том о всем учну я, холоп твой, писать к тебе, великому государю. А прежде, государь, сего не писал к тебе, великому государю, для того, что чрез Байкальское море воденным путем для [487] зимнего время ехать нельзе, а сухим путем проходу нет, для того, что Байкал

море ставитца около Крещенья.

А отселе, государь, где мне, холопу твоему, ехать, есть большая река Аргуня, и до ней тихим ходом ехать 10 дней. А та река, как сойдетца [з] здешними реками с Шилкою [и с] Нерчею, применяет имя свое /л. 200/ и именуется великая река Амур, которая течет и до Китайского моря. А та, государь, река Аргуня течет из превеликова озера Далай, и то озеро Далай больша, нежели Байкал, и в нем и киты морские есть. А кочуют, государь, там розные иноземцы. И отселе мощно воденным путем ехать большими судами по Шилке да по Аргуни, и от Аргуни на Долай. И для того я, холоп твой, отселе взял казаков и, едуци, буду смотреть тамошние места, мочно ли, государь, острог поставить, потому что, чаю, чрез Долай мочно сыскать до Китай воденой путь. И про то про все и про китайские ведомости во время свое учну я, холоп твой, писать к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к Москве.

А сию отписку велел я, холоп твой, подать в Посольском приказе боярину Артемену Сергеевичу Матвееву да дьяком думному Григорью Богданову, Ивану Евстафьеву, Василью Бобинину, Емельяну Украинцову.

ЦГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1674 г., д. № 1, ч. 2, лл. 195–200. Подлинник.

Списки – там же, оп. 1, кн. 3, лл. 281 об.–294; кн. 4, лл. 29–34 об.

Частично опубли.: Ю. В. Арсеньев, Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г., СПб., 1882, стр. 173–174 (приложения); Николай Милеску Спафарий. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, стр. 155–158.

Примечания:

¹ Датируется на основании «Отписки Н. Г. Спафария в Посольский приказ о пути от Нерчинска до границы Цинской империи и о переговорах с маньчжурскими чиновниками в Букее».

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969. №203. С. 483–487.

№ 33

1676 г. – Рапорт Албазинскаго Прикащика Федора Евсевьева Начальнику Нерчинскаго острога Павлу Шульгину.

Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, Нерчинских острогов Начальнику Павлу Яковлевичу, Албазинскаго острога прикащик Федь-

ка Евсевьев челом бьет. В нынешнем в 184 г. посылал я из Албазинскаго острогу на Гиллой реку и на Зею реку для ясашнаго сбора Албазинских служилых людей Василья Терентьева с товарищи 14 человек и дал ему

Василью наказную память и велел ему на Гилую реке ясашное зимовье поставить, и он ясашное зимовье на Гилую реке поставил и ясаку собрал с Кандигирского Онкоулеева роду с Оленных Тунгусов два сорока семнадцать соболей, да он же Василий с товарищи собрал ясаку вновь [141] с Оленных захребетных Тунгусов с Пачегирского роду 17 соболей, да собрал вновь с Оленных захребетных Тунгусов с Украинского роду 20 соболей, да он же Василей посылал из ясашного зимовья неявишим к Оленным к Улагирским Тунгусам двух человек Игнатя Бирютцакого да Екима Иванова, да они ходили на верх Зеи реки недель десятков и взяли с тех Улагирских Оленных Тунгусов повольного ясаку 67 соболей и аманатов они с себя не дали, потому что от Албазинского острогу стало место дальное, с ясаком ходить им не возможно и нам по ясак чрез хребты ходить нельзя, и он Василей ту ясашную казну в острог препроводил пять сороков два соболя и я принял; да с ним же приходили в Албазинской острог с Зеи реки Улагирские мужики два человека и били челом Великому Государю, чтоб Великой Государь их пожаловал, велел поставить на Зее реке ясашное зимовье, и ясак с себя платить хотят полной и аманатов дать хотят же; и около их Улагирских

Тунгусов иных Оленных Тунгусов разных родов много и поддаваться под Царскую превысокую Самодержавную руку хотят же, на платеж согласны; да я в Албазинской острог собрал ясаку [142] 39 соболей, да на нынешней 184 г. собрал с торговых и промышленных людей два сорока и двадцать шесть соболей с пупки и хвосты, и я послал ясашной Государевой казны шесть сороков соболей, да десятинной казны послал сорок соболей с пупки и хвосты в Нерчинской острог к тебе Павлу Яковлевичу к отпуску к Великому Государю к Москве, а в остатке Государевой десятинной соболиной казны 66 соболей, а та Государева соболина казна оставлена на Государев расход на дощеники для ради Государева плотника, а наняли два дощеника делать, а за дощеничную работу плотнику дали два сорока соболей да сорок пудов хлеба, и я, Павел Яковлевич, срядил на Зею реку к Улагирским Тунгусам для ради ясашного сбора и зимовья ставить и для аманитской поимки 28 чел. служилых людей в дощениках водяным путем по Амуру реке до устья Зеи реки и Зее реке вверх дотамест, где Улагирские Тунгусы велели зимовье поставить, а посланы Албазинские служилые люди Тит Фомин да Офонасей Флоров с товарищи.

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 4, с. 140–142. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 34

1676 г. не ранее апреля 8¹. – Донесение албазинского приказчика Федора Евсевьева нерчинскому воеводе П. Я. Шульгину о прекращении экспедиций по рекам Амуру и Зее до возвращения посольства Н. Г. Спафария из Цинской империи.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца Нерчинских острогов началу Павлу Яковлевичу Албазинскаго острогу прикащик Федька Евсевьев челом бьет.

В нынешнем во 184 году государев посол Микулай Гаврилович Спафарий из китайских порубежных городов с Науну Нерчинскаго острогу с сыном боярским с Игнатием Миловановым прислал к нам в Албазинской острог указную память об том, что не велел нам из [492] Албазинскаго острогу в доща-

никах вниз по Амуру и по Зее-реке вверх ходить на государеву службу для ради ясажного сбора к Улагирским оленным тунгусам, покаместа посольство вершитца. Да в нынешнем 184 г[оду] писал ты, Павел Яковлевич, в указной памяти об том, что велено мне выслать из Албазинскаго острогу дву человека, что препроводили с Аргуни реки служилой человек Василий Терентьев с товарищи, Гантимурова роду Солоуна да Солбогона и я тех мужиков выслал к тебе, Павел Яковлевич, с служилыми людьми с Сергеем Григорьевым да с Иваном Белокопытовым.

Да в нынешнем 184 году апреля 8 дня выехали на государево имя из даурскова города мужик в Албазинской острог, имя тому мужику Намоча, а жил он за Амуром-рекою повыше Зеи-реки, и бил челом тот мужик великому государю, и в судной избе мне, Фёдке, подал челобитную; а в челобитной ево написано, чтобы великий государь ево пожаловал, велел привести в православную христианскую веру и просветить святым крещением. И яз, Фёдка, у него челобитную при-

нял и во святую православную веру привели и во святом крещении наречено имя ему Фёдор.

Да изволь, Павел Яковлевич, пожаловать, прислать к нам подчал дощаничной, что взял у нас Ларион Борисович Талбузин для ради церковного подъему на время. А у нас в Албазинском остроге заводится церковь. Снастей нет, подымать нечем, нужно.

И обо всем об том, что ты, Павел Яковлевич, укажешь.

Прилож. к кн. В. Паршина, Поездка в Забайкальский край, ч. 1, М., 1844, стр. 157–158.

Примечания:

¹ Датируется по упоминанию числа в тексте.

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М. Наука. 1969, № 208, стр. 491–492

№ 35

**1676 г. сентября 1–1677 г. августа 31. – Челобитная (прошение)
Албазинских жителей к Царю Феодору Алексеевичу.**

[Государю Царю и великом] у кн(я)зю Феодору Алексеевичю [всея ве]¹ликия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу быют челом холопи твои Албазинского острогу служилые люди десятничиш[ки ко] Изачьи Федька Евсивьев, Ивашка Тарасов, Ивашко Федоров Кудря, Кузька Родионов, Карпушка Шингал, Ефремко Григорьев, Завьялко Ларионов, Артюшка Семенов, Якунка Савин, Богдашко Козмин, Левка Сисоев, Якунка Федоров, Ивашко Семенов, Мишка Иванов Сапожник, Гришка Олекменской, Евдокимко Григорьев, Никишко Поскотинной и рядовые казачишка Албазинского острогу всех нас сто семдесят ч(е)л(о)в(е)к.

В прошлом великий г(о)с(у)д(а)рь во 184 м году с Науна реки, и в н(ы)нешнем во 1852 году из Нерчинского острогу твой г(о)с(у)д(а)р(е)в Посол Никулай Гаврилович писал к нам холопом твоим указныя памяти и велел нам в Албазинском остроге жить от Богдойских людей с великим бережением и опасом днем и ночью с караулы и на остроге сна-

ряд порох и свинец велел запасать. А у нас холопей твоих в Албазинском остроге в твоей Великого г(о)с(у)д(а)ря казне твоего г(о)с(у)д(а)р(е)ва оружия, пороху и свинцу нет, а буде в Богдойских людех какая шатость учинитца и нам холопом твоим твоего г(о)с(у)д(а)р(е)ва Албазинского острогу оберегать будет нечем.

М(и)л(о)с(е)рдый г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь и великий кн(я)зь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец, пожалуй [нас холопей твоих, вели нам из Нерчинского острогу твоему государеву прикащику Павлу Яковлевичу Шульгину прислать из твоей казны оружия, мушкетов, пороха и свинцу для всякия поры и осадного времени, колько Великий Государь пожалуешь и прислать укажешь, было бы нам холопом твоим чем оберегать твой Государев Албазинской острог и всякую твою казну, аманатов. Царь Государь, смилуйся пожалуй]².

Российская национальная библиотека. Опись основного собрания русских актов и грамот. Часть V. Годы 1514 г. - XVIII в. С. 56, Шифр № 4617, Лист 1.

Примечания:

¹ К настоящему времени части документа, выделенные квадратными скобками, утрачены. Утраты восстановлены по книге В.П. Паршина «Поездка в Забайкальский край» ч. 2: «История города Албазина». 1844 г. СПб. Приложение № 6, с. 144 — 145.

² Летоисчисление в России в XVII веке велось «От сотворения мира». 7185 год, указанный в документе как нынешний, соответствует периоду между с 1 сентября 1676 г. и 31 августа 1677 г.

Полный текст документа публикуется впервые.

Частично опубликована: Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. 1844 г. СПб. Приложение № 6, с. 144 — 145.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита, с заменой, вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Воспроизводится по:

Трухин В. И. «Первая Даурская служба Алексея Толбузина». XII Дорохинские чтения. Албазино. 2019г.

№ 36

**1676 г. сентября 1–1677 г. августа 31. – Челобитная служилых
людей Нерчинских острогов на Нерчинского приказного человека
Павла Шульгина.**

Царю государю бьют челом холопи твои Нерчинских острогов детишка боярские и рядовые служилые люди. Жалоба нам холопям твоим Нерчинского острогу на приказного человека на Павла Шульгина и на советников его в том: в прошлых, государь, годех и в нынешнем во 185 году, по твоему великого государя указу, посылает он Павел нас холопей твоих на твои великого государя службы, для ясачного сбора, и, будучи на вашей великих государей службе, помирают, а иных иноземцы побивают, а поезжаячи мы холопи твои на твою государеву службу, а приказываем животишка свои и статки по церквам и духовные свои братье оставливаем, а он Павел те наши выморные животишка и духовные берет к себе силно, и нас холопей твоих из тех наших выморных животишков тех людей бьет на правеже и в железа садит, а те выморные животишка девадет неведомо куды. Да в прошлом, государь, во 183 году пришли под твою царскую самодержавную высокую руку Брацкие люди князец Зербо и иные многие Брацкие князцы с родами своими и тебе великому государю

шертовали в том, что быти им в вечном холопстве в ясачном платеже, и твои великого [372] государя подарки на шертованье взяли и поклонные соболи тебе великому государю приносили, а иные скот пригоняли, и били челом тебе великому государю, чтобы их великий государь пожаловал, отпустил бы их на породную землю на Олхон остров, а он Павел Шульгин их Брацких людей на породную землю не отпустил, взял с них скупы болшие и отпустил от Нерчинского острогу, а нам холопям твоим сказал, что оне Брацкие люди тебе великому государю изменили и прочь от острогу Нерчинского побежали; и мы холопи твои, помня твое великого государя кресное целованье, били челом тебе великому государю и подали челобитную в судной избе Павлу Шульгину; он Павел нас холопей твоих за ними Брацкими людьми в погоню послал, чтобы их назад воротить, и мы холопи твои за теми Брацкими людьми в погоню ходили и задних людей сугонили на Торге реке, тех Брацких людей розговаривали, а оне в разговор не далися и учили нас холопей твоих стрелять, двух человек убили

и иных многих ранили, и мы холопи твои, по твоему государеву указу и по его Павлову приказу, учинили над ними поиск и взяли у них на бою лутчего князца Зерба с матерью и с детми и привели в Нерчинской острог в аманаты, а он Павел с того Зерба взял скупы болшие и без твоего государева указу отпустил его из Нерчинского острогу из аманатства, отдал ему наших войсковых десять верблюдов да три коня, и он Зербо прочь от острогу отехал, тебе великому государю изменил; а отехав он Зербо, присылал ему Павлу гостинцы многие, блюда и чаши серебряны, и он Павел те его гостинцы принял, а мать его и детей отдал без твоего же великого государя указу, и он Зербо, выруча мать свою и детей, в Мунгалы убежал; и после того он Зербо учинил¹ тебе великому государю и нам холопам твоим шкоту болшую, отогнал твои великого государя кони и наши казачьи табуны. Да в прошлом, государь, во 184 году приезжали под твою царскую самодержавную высокую руку Брацкие люди Абахай Шиленга да Тураки с родами своими и ясак тебе великому государю принесли, и он Павел, взяв с них ясак, тех Шуленех в Нерчинском остроге задержал долгое время, послал, а науча Луникирских Балбача да Тебенку с родом их у них Брацких ясачных людей у Абахая да у Тараки с родами велел табуны у них отгонити, и оне Луни-

кирские Тунгусы Балбачь да Тебенча с родом своим у них у Брацких людей, по его Павлову наученью, табуны отгнали тысячи с три и болши; а после, государь, того отгону оне Брацкие люди Абахай да Тураки приезжали в Нерчинской острог и били челом тебе великому государю на Балбача да на Тебенчу в тех отгонных конях, чтобы их великий государь пожаловал, велел бы им Балбачю да Тебенче те их отгонные кони назад отдать, и он Павел их Балбача да Тебенчу призывал в съезжую избу и при них Брацких людях их Балбача да Тебенчу допрашивал, для де чего вы у них Брацких людей табуны отгнали, и оне Тебенча да Балбачь в допросе сказали, что мы де у них табуны отгнали по твоему Павлову наученью и конми де с тобою сделялись; да у него же Абахая Шуленги сидит в Нерчинском сын в аманатах и с женою Гуланкаем, и он Павел ту аманатскую жену, а его Абахаева сноху своим насилством емлет к себе на постелю силно, по многое время, и в бане с нею парится, и та аманатцкая жена твоему государеву посланнику Николаю Спафарии в том его Павлове блудном [373] насилстве извещала и во всем мире всяким чином людям являла; и он Абахай, слышачи от сына своего и от снохи про то его Павлово блудное насилство, от острогу прочь отъехали со всем родом своим, и твои великого госуда-

ря кони и наши казачьи табуны отгонил за то его Павлово блудное насилство и за Балбачев конной отгон, что он Павел научал, и ясаку ныне тебе великому государю не платит. Да в прошлом же, государь, во 183 году, во святой великий пост, на страшной неделе, в среду, он же Павел имал твоего государева царского богомолца черного священника попа Гермогена, напився пьян, ночью, снял с него черное платье и розболок до нога, и в ремень ставил и огонь был розложен и хотел пытаться безвинно, для своей бездельны(е) корысти, по чьмуге Tobолского пятидесятника Андрея Шехтина, да взял с него двадцать пуд муки пшенишные да коня доброго. Да он же Павел Шулгин в Нерчинском остроге хлебные запасы закупает дорогою ценою у торговых и у промышленных людей, а из тех запасов вино курит и пиво варит, в ведра и в скляницы и в ковши и в чарки продает а от того его Павлова винного куренья в Нерчинском остроге хлебные запасы стали дороги, а нам холопам твоим твое великого государя жалованье хлебные оклады не доходят, а купить и одолжиться стало негде, питаемся травою и кореньем, и мы холопи твои стали нужны и бедны и помираем голодною смертию от его Павловы винные продажи; да с ним же Павлом приезжал из Tobолска Tobолской пятидесятник Андрей Шехтин, вино курил

и пиво варил, в скляницы и в ведра и в чарки продавал, и люди его Павловы и зернь держали, вино курили и пиво варили, в ведра и в скляницы продавали, по его же Павлову наученью; да он же Павел имал трех казачьих ясырей в съезжую избу, а сказал, взяты де для государева дела, а те ясыри начевали в съезжей избе, и он Павел, ночью, из съезжие избы тех ясырей имал к себе на постелю силно, и после себя тех ясырей отдавал людям своим на поруганье, на блуд; тех ясырей хозяева служилые люди Абрам Степанов, да Сысой Иванов да Никита Кучага, и вышли во всем народе; и он Павел нам холопам твоим чинит налоги и обиды большие, бьет кнутъем и батоги безвинно, а велит в руку имать батогов по пяти и по шти, а батоги бьет нагих по спине и по брюху и по бокам и по стегнам, и своею рукою, тростью, и своими привалками у нас холопей животишка переписывает и анбаришка печатает, для своей бездельные корысти, и мы холопи твои, приходя в сезжую избу, и били челом тебе великому государю, чтобы он Павел от таких дурных дел престал, и он Павел от такого дурна не престал, а нам холопам твоим налоги и привалки учал болши прежнего чинить, а от тех его Павловых обид и налог розбрелися по иным острогам. Да он же Павел Шулгин посылает нас холопей твоих на твою великого государя службу, для ясач-

ного сбору, а твоей великого государя подарошные казны сполна не дает, и мы холопи твои, радеючи тебе великому государю, в подарки даем свои сукна и топоры и ножи и удила, и приехав в Нерчинской острог бьем челом тебе великому государю, чтобы он Павел те наши подарки из твоей великого государя казны нам холопям выдал, он Павел тех нам подарков из твоей великого государя казны не дает, а корыстуетца он Павел, а за то наше челобитье бьет нас холопей твоих батогамы.—Илюшка Шутов, Филка Тюфяков, Ярофейко Могулев: жалоба, государь, нам холопям твоим Нерчинского острогу на приказного человека на Павла Шулгина в том: в прошлых, государь, годех и в нынешнем во 185 году [374] учинил он Павел Шулгин в вашей государеве казне поруху болшую, и нам холопям вашим и ясачным людям учинил налоги и обиды болшие, и мы холопи ваши от его Павловых налог и обид стали нужны и бедны и служить вам великим государем с ним

с Павлом стало невозможно; и мы холопи ваши послали челобитчиков с заручною челобитною к вам к великим государям к Москве на него Павла во всех своих обидах, а ему Павлу, до вашего государева указу, от съезжие избы отказали, и выбрали мы холопи ваши в Нерчинском остроге к вашему государеву делу, до вашего государева указу, Нерчинского сына боярского Григорья Иванова Лоншакова, да десятника казачья Ивана Иванова Астраканцова. Милосердый государь царь в великий князь Феодор Алексеевичь, всеа Великия в Малыя и Белыя России самодержец, пожалуй нас холопей своих, вели, великий государь, им Григорью да Ивану быти в Нерчинском остроге у твоего государева дела и нас холопей своих вели, государь, им Григорью да Ивану ведать, до твоего государева указу, промеж нами суд давать и росправа чинить, чтобы нам холопям вашим врозь не розбрестись и ваши бы государевы службы не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Из рукописи под заглавием: Списки Енисейской архивы (часть 2, в лист, на 370 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Примечания:

¹ В рукописи вместо учинил написано учал.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, т. VII, СПб., 1859, № 75., С. 371–374.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 37***1677 г. не ранее марта 29. – Донесение Нерчинскому Воеводе Шульгину Албазинского Управляющего Гаврилы Флорова.***

Государя Царя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, Павлу Яковлевичу, Албазинского острога Гаврилко Флоров с служилыми людьми челом бьет.

В нынешнем во 185 году Марта в 29 день приходили в судную избу Албазинского острога служилые людидесятники казачьи Михайло Иванов Сапожников, да Евдокимко Григорьев и рядовые Левка Косилов, Ивашка Кондратьев, Стенька Сергеев, Васька Мальцов, Гришка Петров, Стенька Молюга, Ондрюшка Богатырь, Афонька Сергеев, Васька Вятка, Михейко Алексеев с товарищи и били челом Великому Государю, а мне подали заручную челобитную, чтоб их служилых людей Великий Государь пожаловали велели отпу-

стить в поход по Зею и по Быстрой реке поискать на ясашных иноземцах, и я у них тое челобитную не принял, потому что прислана указная память от Посла Николая Гавриловича Спафария и не велено ссоры с Китайцы никакия чинить, а вниз по Амуру и по Зее и по Быстрой [144] все живут иноземцы конные и Оленные Тунгусы под державою Богдойского Царя, и я по совету служилых их в поход без указа не отпустил против памяти Посла Николая Гавриловича, чтоб Государевых вотчин и дальней его украины Нерчинского и Албазинского острогу не изтязати, и они Мишка Сапожников с товарищии Великаго Государя судебную избу опорочили и мой домишко вовсе разорили и многим служилым людям угрожают, а мы

Государского указу к себе против кажи отписать, а ныне от тех людей
памятей ожидаем с часу на час, и ты в войске великое смятение чинитца.
к ним о том обо всем изволь и при-

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 5, с. 143–144. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 38

1677 г. августа 24. – Память от енисейского дьяка Василия Телицына в Нерчинский острог П. Шульгину о назначении приказным человеком Албазинского острога сына боярского Г. Лоншакова.

Лета 7185 [1677], августа в 24 день. По государеву [Ф. А.] указу память в Дауры (в Нер)чинской острог тобольскому сыну боярскому Павлу Шульгину.

В нынешнем во 185 [1677] году, августа в 20 день, по указу великого государя [Ф. А.] велено быть в Албазинском остроге приказным человеком в Албазинском¹ сыну боярскому Григорью Л(он)шакову на перемену тобольскому сыну боярскому Алексею Толбузину.

И как к тебе ся память придет,

а албазинской сын боярской Григорей Лоншаков в Нерчинской острог приедет, и тебе б по указу великого государя дать ему г(осударевых) провожатых до Албазинского остр(огу) нерчинских служилых людей, сколк(о) пригож, и для ... жалованных толмачей тунгускому яз(ыку. А) дать толмача Максима Ларионова. А дав провожатых и толмача, отпустить ево, Григорья, в Албазинской острог тотчас.

Диак Василей Телицын.

На обороте отметка о подаче: 186 [1677], декабря в 9 день, подал сын боярской Григорей Лоницаков.

РГАДА Ф. 1142, оп. 1, ед. хр. 13, л. 75.

Примечания:

¹ Так в тексте, надо «Албазинскому». (Примечание Г.Б. Красноштанова).

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. — Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 236.

№ 39

**1677г. августа 9–1677 г. августа 11. – Из актов, относящиеся до путешествия чрез Сибирь в Китай посланника
Николая Спафария.**

...

VII. И 185, августа в 9 день, против изветной челобитной, в Енисейску в приказной избе перед бояриномъ и воеводою Князем Иваном Петровичем Борятинским да перед дьяком Васильем Телицыным Спирка Безрядов роспрашиван, а в допросе сказал: дело де он велико-

го государя на посланника Николая Спафария ведает то: по призыву де Албазинских служилых людей платили в Албазинской острог великого государя ясак неясачные Тунгусы, которые живут на Зие реке, а как де они к Албазинскому острогу в ясачной платеж призваны, и они де принесли великому государю в ясак

шездесят семь соболей самых добрых; и как де в прошлом во 183 году, по указу великого государя, ехал он Николай в Китайское государство, и его де Николая в Даурах, на Науне, встретил Китайского богдохана боярин Аскалба, и он де Николай теми великого государя ясачными Тунгусами, которые были под Государскою высокою рукою в ясачном платеже, поступился Китайскому богдохану; даван де был ему Николаю из Нерчинского острогу в вожи ясачной Тунгус Гантимурова улусу именем Тукултай, и он де Николай и того Тунгуса отослал к богдохану с боярином его, и богдохан того Тунгуса не принял и отослал его назад; а которыми де Тунгусами он Николай поступился, и те де Тунгусы, по его Николаеве отдаче, платят ясак богдохану, а Албазинских служилых людей для ясачного сбора в улусы свои не пускают и ясаку великому государю не платят; а ведают де про то Албазинские служилые люди все, которые в Албазинском, и которые де служилые люди Албазинские ж ныне в Енисейску, Онцыферко Кондратьев, Якимко Иванов, что де он Николаи теми государевыми ясачными Тунгусами Китайскому богдохану поступился. Да он же де Николай, как приехал в Китайское государство, и богдохановы де бояре звали его Николая царского величества с листом в думную полату, и он де Николай царского величества

с листом в думную полату не пошел, а отдал лист на улице в Красном городе, на каменном мосту; да он же де Николай отдал образ Михаила Архангела в костел католиком. Да он же де Николай, будучи в Китайском государстве, отдал Китайскому богдохану всему Московскому государству чертеж в дву книгах; а до отдачи де чертежу приезжали ко двору, где он Николай стоял, от богдохана бояре и всякие люди, и, почитаючи де царское величество, слазили с коней, не доезжая до двора за двумя вороты; а как де он Николай чертеж отдал, и они де почали приезжать на двор и худые люди и слазят с коней у рундука. Да с ним же де Николаем послано было великого государя жалованья богдохану в почесть соболей, и как де он Николай, едучи в Китайское государство, будет в Даурской земли на Науне реке, и Тоболские де дети боярские и служилые люди Тоболские ж и Нерчинские и Селенгинские, которым велено быть с ним Николаем в Китайском государстве, увидяли, что те соболи плохи, дали в то место своих добрых соболей, а принимал де те соболи, по его Николаеву велению, торговой человек Иван Самойлов, и те де соболи, которые дали служилые люди, он Николай переменял и в то число поднес богдохану свои худые соболи, а те де соболи, что дали служилые люди, он Николай взял к себе, а государевы

де соболи, которые посланы с ним Николаем [326] с Москвы, отдавал он детям боярским и служилым людям вместо взятых добрых соболей, и они де тех соболей не взяли и он де Николай те соболи в Китаех распродал.

VIII. Августа в 11 день, в Енисейску, въ приказной избе, перед боярином и воеводою Князем Иваном Петровичем Борятинским Нерчинские и Албазинские служилые люди сын боярской Игнатей Милованов, казаки Евдокимко Алексеев, Анцыферко Кондратьев, Стенка Федоров, Игнашка Калистратов допрашиваны, а в допросе сказали: как де шол в Китайское государство посланник Николай Спафарий, и он де Николай, послал с Науна реки в Албазинской острог к служилым людям память, а в памяти де написано, чтоб Албазинские служилые люди для ясачного сбора и вниз по Амуру в судех не ходили, а велел ходить горою, и о том де ему Николаю он Игнатей говорил, чтоб для государева ясачного соболиного сбора ходить по Зие и по Амуру в судах

для того, что де служилым людям в конной покупке чинитца издержка болшая и горою ходить им для государева ясачного соболиного сбора, кроме судового ходу, никоторыми дела не возможно; и он де Николай его Игнатья за то сажал в железа и хотел бить и говорил, будто де они служилые люди построили в Даурской земли остроги без государева указу, воровски; и после де того, как он Николай государевыми ясачными людьми богдохану поступился, ходили из Албазинского острогу для ясачного сбора Албазинской служилой человек Якимко Иванов, и те де Тунгусы, которые живут по Зие, в ясачном платеже отказали, а сказали: по поступке де Николая Спафария платят они ясак в Китайское государство богдохану, а великому государю ясаку не дали и из улусов своих выбили; а вожа де он Николай, что послан из Нерчинского острогу Гантимурова улусу Тукултай, он Николай отослал к Китайскому богдохану с боярином его, и богдохан того Тунгуса не принял и отослал на Наун реку, отдал ему ж Николаю.

Все акты из рукописи под заглавием: Списки Енисейской архивы (часть 2, в лист, на 370 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, т. VII, СПб., 1859, № 67, С. 325–326.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 40

1678 г. июня 26. – Отписка Енисейскаго воеводы Ивана Барятинскаго в Тобольск, о присылке в Енисейск пороха и свинцу, и выписка о военных орудиях и припасах, высланных в Даурские остроги.

Господам Петру Васильевичю, Михаилу Ивановичю, Алмазу Ивановичю, Перфилью Федоровичю Иван Борятинской, Василей Телицын челом бьют. В прошлом, господа, во 182 году, в грамоте блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Беляя Росии самодержца, из Сибирского Приказу, писано в Енисейск, велено о присылке пороху и свинцу писать из Енисейска в Тоболеск, чтоб в Енисейску и Енисейского уезду в острожках без запасного ружья и пороху и свинцу не было; и в нынешнем, господа, во 186 году, июня в 26 день, писал к нам в Ени-

сейск из Албазинского приказной Нерчинской сын боярской Григорей Лоншаков, а в отписке его написано: Китайских де порубежных сел Даурские люди приезжают под Албазинской острог, по пяти сот человек и болши, и ясашных и служилых и промышленных людей грабят и чинят обиды и налоги, и соболи и запасы их отнимают; и Селенгинского острогу писал к нам в Енисейск приказной человек Данило Строганов: Мунгалской де Очиро хан и брат его Батур контайша хотят итти войною под Селенгинской и под Иркутской и под Братские остроги, а он де Данило в Селенгинском остроге от Мунгалских людей сидит в осаде; а

по сказке, господа, Тоболского сына боярского Федора Михайлевского, Мунгалской де хан хвалился приходить под остроги Даурские и Селенгинской войною. А из Нерчинского острогу писал к нам в Енисейск Тоболской сын боярский Алексей Толбузин: нарежаетца де Богдойской хан итти войною под Нерчинской и под Албазинской остроги, а в тех, господа, острогах пороху и свинцу мало, а из Енисейска потомуж пороху и свинцу в Нерчинской и в Албазинской и в Селенгинской и в Братские остроги и ясашные послать нечего; и о присылке, господа, в Енисейск из Тоболска пороху и свинцу учинить бы вам по указу¹ великого государя.

И против сей отписки выписано:

В прошлом во 182 году, по отписке из Енисейского острогу столника и воеводы Михаила Приклонского, послано из Тоболска в Енисейской острог, для опасенья воинских людей, с Енисейским сыном боярским с Афонасьем Ботовым да с Ленским казаком с Стенкою Отласом 18 пуд зелья и свинцу тоже. А в Даурские

остроги, по грамоте великого государя, послано с Москвы до Тоболска 31 пуд с четью пороху доброго на вывес² и послан с Тоболскими и Енисейскими служилыми людьми, с Тоболским сыном боярским Борисом Тутолминым да с Офонасьем же Ботовым.

Во 181 году, по государеве грамоте, послано из Тоболска в Дауры, Уралские присылки, с Тоболским драгунского строю с поручиком с Яковом Тырсковым и с казаком две пушки медные, по 19 пуд, ...³ Московской пороховой посылке 20 пуд свинцу.

Во 184 году, по государеве ж грамоте, послано из Тоболска в Даурские же остроги с Тоболским сыном боярским с Ларивоном Толбузиным да с сыном его Алексеем Московской присылки 239 пищалей, с ложами и с замками и с фурмами и с трещетками, да из Тоболска 40 пуд зелья с деревом, 40 пуд свинцу. А болши тех по-[96]сылкок в Енисейской и в Даурские остроги не было, потому что из Енисейска (и) из острогов, которые были Тоболского розряду, в Тоболск о том не писано.

Из рукописи под заглавием: Списки Тоболской архивы (часть 2, в лист, на 295 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Примечания:

¹ Слова по указу в рукописи пропущены.

² В рукописи, по ошибке, написано: не вывез.

³ Точками заменяется слово: как, поставленное здесь в рукописи неуместно; кажется, следует: да к.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, т. VIII, 1862 г., СПб. №31, с. 95–96.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 41

1680 г. – Челобитная настоятеля Спасской Албазинской пустыни «черного попа» Гермогена царю Федору Алексеевичу с указанием ее места расположения.

Ц(а)рю г(осу)д(а)рю и великому кн(я)зю Федору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержцу бьют челом и плачутца б(о)гомольцы твои Даурские украины Сп(а)ской пустунки черной поп Ермогеннище з братьею. По твоему, великого г(о)с(у)д(а)ря, указу послана твоя, великого г(о)с(у)д(а)ря, грамота велено та наша Сп(а)ская пустынка отписать на тебя, велик(о)го г(о)с(у)д(а)ря, со всяким заводом. И по твоему, вели-

кого г(о)с(у)д(а)ря, указу приехал из Енисейска с(ы)н боярской Яков Евъсиев и отписал ту нашу пустынку. А заводя ту пустынку, ходя по миру с ыконою. А на подмог и на всякую работу албазинские казаки давали хлеба и коней и работников. И я, б(о)гомалец твой, пустынку¹ построил и братию прибрал девять братьев. А стоит та пустынка повыше Албазинского острогу вверх по Амуру реке на брусном камени. И в н(ы)нешнем, г(о)с(у)д(а)рь, во 189-

м году² послана твоя, великого г(о)с(у)д(а)ря грамота в Сибирь во все м(о)н(а)ст(ы)ри. И те м(о)н(а)ст(ы)ри пожаловал по старому со всякими заводы. А об нашей, г(о)с(у)д(а)рь, пустынке твоего г(о)с(у)д(а)р(е)ва указу нет. М(и)л(о)с(е)рдый г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь и великий кн(я)зь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй нас, б(о)гомольцов своих, вели, г(о)с(у)д(а)рь, тою нашею пу-

стынкою и со всяким заводом и с пашенными кр(е)стьяны владеть нам³, б(о)гомольцом твоим, по прежнему. Да пожалуй, г(о)с(у)д(а)рь, нас, сирых ко всемилостивому Сп(а)су в дом, есть на Верхотурье у ц(е)ркви у Тро(и)цы малые три колокола весом три пуда с четью, и о том дать на Верхотурье свою великого г(о)с(у)д(а)ря [грамоту]⁴.

Ц(а)рь, г(о)с(у)д(а)рь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА Ф. 214. Оп. 3. Стб. 450. Ч.1. Л.8

Примечания:

¹ В слове имеется исправление. Первоначально в слове вместо буквы «ы» была написана буква «у».

² В XVII веке летоисчисление велось от сотворения мира. 189 или 7189 год соответствует в современном летоисчислении периоду с 1 сентября 1680 г. по 31 августа 1681 г.

³ В слове имеется исправление. Первоначально в слове вместо буквы «н» была написана буква «м».

⁴ Край листа утрачен. Слово восстановлено по смыслу.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты. Раскрытые буквы выделены круглыми скобками. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами. Разбивка текста на абзацы и расстановка знаков препинания произведены по смыслу документа.

Текст документа подготовил к публикации - В. Трухин.

№ 42

1680 г. апреля 19. – Грамота Красноярскому воеводе Дмитрию Корсакову, о принятии в пешую стрелецкую службу детей Никифора Черниговскаго.

От царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, в Сибирь, в Красноярской, воеводе нашему Дмитрею Степановичю Карсакову. В прошлом во 182 году писал ко отцу нашему государеву, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, из Даур Тоболской сын боярской Данило Аршинской, и прислал Албазинского острогу Микифорка Черниговского с товарищи, ста одного человека, челобитную, и челобитчиков Микифорковых товарищей Черниговского Ивашка Перелешина да Ярка Творогова, а в челобитной их написано: пошед де они из Устькиринской волости, воеводу Лаврентья Обухова убили за невозможное свое терпение, что он Лаврентей, приезжая к ним в Устькиренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал, и идучи де они по великой реке Лене, нашим государевым всяких чинов людям никакие обиды не чинили и не побивали и не грабили; и во 183 году марта в 15 день отец наш государев, бла-

женные памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал: Микифорка Черниговского с детми с Федкою, с Онисимком, с Васкою, да Ивашка Перелешина с товарищи семнадцати человек, за их воровство, казнить смертью; а которые к ним после убойства приставали на дороге [276] и торговых и промысленых людей грабили, сороку шти человек, учинить наказанье, бить кнутом и отсечь по руке; и марта ж в 17 день отец наш государев, блаженные памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожаловал их Микифорка Черниговского с товарищи, что они пришед в Дауры вины свои принесли, и на Албазинском городище острог поставили, и ясачных людей призвали и аманатов поимали, и пашню завели, казнить и наказанья им чинить не велел, а быть им Микифорку с товарищи в Албазинском, а Микифорковых детей Черниговского и товарищей их, которые сидят в Илимском и в Якуцком в тюрьмах, сослать с жена-

ми и с детьми в Енисейск, в Красноярской, а товарищей их в Томской в пешую стрелецкую службу. И ныне мы великий государь указали: Микифорковых детей Черниговского Федку, Онисимка, Васку, с женами и с детьми послать в Енисейск, в Красноярской, а товарищей их в Томской в пешую стрелецкую службу. – И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, а Микифорковы дети Черниговского из Илимского в Красноярской присланы будут, и ты б велел их принять и быть в пешей

стрелецкой службе; а которого числа те колодники в Красноярской и с кем имени присланы будут, о том к нам великому государю писал, а отписку велел подать в Сибирском Приказе боярину нашему князю Ивану Борисовичю Репнину, да столнику нашему Кирилу Аристарховичю Яковлеву, да дьяком нашим, Семену Румянцеву, Лву Ермолаеву. Писан на Москве, лета 7188 апреля в 19 день.

Из рукописи, содержащей в себе списки актов Красноярского архива (в лист, на 386 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1862г, т. 8, СПб. стр. 275–276.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 43

**1681 г. – Челобитная воеводы Приклонского царю Федору
Алексеевичу о разгровлении тунгусов в Албазинском остроге
по наущению пятидесятника Данила Михайлова.**

Государю Царю и Великому Князю, Феодору Алексеевичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцу, холоп твой, Ивашко Приклонской, челом бью.

В прошлом, Великий Государь, в 189 году писал ко мне, холопу твоему, из Албазинского острогу Воевода Федор Воейков и прислал отписку; а в отписке ево написано: в прошлом, де, в 189 году, Июня в 18 день, били челом тебе, Великому Государю, а в Албазинском, де, остроге, в съезжей избе, ему, Федору, подали челобитную ясачные Тунгусы (следуют имена), а в челобитной их написано: в прошлом, де, в 189 году, Сентября в 18 день, кочевали они с Селбы реки на Удь, для корми и звериново промыслу; из Якутцкого острогу Пятидесятник Данила Михайлов из зимовья своего посылал на тех ясачных Тунгусов войною толмача Микитку Копылова с товарищи тритцать человек. И толмач де, Микитка, пришед к ним с Казаками, розгромил и пограбил, жен и детей отполомя взял, и одного, де, ясачнаго Тунгуса убили до смерти; а они, де, Тунгусы ему, Микитке, с товарищи, в ясачном платеже отписи

казали, и он, де, тем отписям не доверил и отписи взял себе. И они, де, Тунгусы от того их убийства и грабежу обнищали, и тебе, Великому Государю, ясаку промышлять не на чем, стали нужны и бедны, и впредь, де, в твоём, Великаго Государя, ясачном сборе от разорения Якутцких казаков, Микитки Копылова с товарищи, учинитца поруха большая и недобор. Да он же, де, Микитка, с товарищи, под жен и под детей их просил у них выкупу большова, а им, де, ясачным людям жен и детей своих у них выкупити не чем, потому что оне погромлены и разорены до основания, без остатку. И чтоб ты, Великий Государь, пожаловал их ясачных Тунгусов, велел ему, Данилку, с товарищи, жены и дети, и олни против росписи, и животишко их отдать, чтоб им, ясачным людям, в том насильстве и грабежу от ясачнаго платежу не отбыть, и в конец не погибнуть; и ясак бы, де, тебе, Великому Государю, вечно платить в Селбинском зимовье. И с подлинной их челобитной и с грабежной росписи списки под отпискою он, Федор, ко мне, холопу твоему, прислал; и мне б, холопу твоему, учи-

нить по твоему, Великаго Государя, указу: велеть тем ясачным людям жены и дети и животишки им отдать для того, чтоб впредь такими погромами и разореньем ясачным людям от ясачнаго платежу не розгнать, и тебе б, Великому Государю, в ясачном сборе убыли не учинить. И я, холоп твой, против ево, Федоровой, отписки и иноземской челобитной и росписи Якутцкого Пятидесятника Казачья, Данилка Михайлова, да казака, Микитку Копылова, в Якутском в приказной избе допрашивал. А в допросе Данилко Михайлов сказал; в прошлом, де, во 188 году, по твоему Великаго Государя указу и по памяти, какова, ему, Данилке, дана в Якутском из приказной избы за твоею, Великого Государя, печатью, посылал он, Данилко, на Уде реке из зимовья своего казака, Матюшку Тарасова, да с ним в толмачах казака ж, Микитку Копылова, на прежних изменников, на Тугурских Тунгусов, которые, де, в прошлом в 183 году, на Мае реке тебе, Великому Государю, изменили, казаков побили и твою, Великаго Государя, казну пограбили. А с ним, де, с Матюшкою и с Микиткою, поехали служилых и промышленных людей сорок человек. А прежде той посылки он, Данилко, посылал казаков же, велел им изменников Тунгусов призывать под твою Государскую высокую руку по прежнему в ясачной платеж ласкою и приветом.

А которые не изменники ясачные Тунгусы, и стоят тут же с теми изменники, и тех Тунгусов по тому ж велел призывать, чтоб оне носили отписи, где оне платят ясак, и с ворами и с изменниками оне вместе не стояли. И изменники, де, добровольно тебе, Великому Государю, в винах своих не покорились, а Селербыйские, де, ясачные Тунгусы ни кто к нему, Данилу, не пришли, а отписей не казали и стояли с изменники вместе, потому што оне с ними в сватовстве. И те, де, казаки, пришед из походу, подали ему, Данилу, доезд, а в доезде своем написали: громили, де, оне изменников Тугурских Тунгусов, потому что, де, оне тебе, Великому Государю, не покорились, и словесного призову не послушали и с ними, де, учили битца; и толмача, де, Микитку, Брярскаго роду Тунгусы ранили в двух местах, и за него, де, Микитку, казак Брярскаго роду Тунгуса убил до смерти и снял, де, с него крест медной с фишсотом. А пожиток, де, оне на погром имали у изменников у Тугурских Тунгусов; а Селербыйской платежной мужик Ивчалко тут же на бою и подал отпись платежную; и они, де, ево и не громили и грабежем у него ничего не имали, и ево самово отпустили; а иные, де, Тунгусы отписей ни кто им не казали, и иных Селербыйских Тунгусов оне никою не грабили. А которые, де, их Селербыйских Тунгусов дочери выдаваны были за из-

менников за Тугурских Тунгусов, и тех, де, баб оне имали у тех изменников, у Тугурских Тунгусов. А тот, де, их изменничей погромной пожиток и ясыри делили двойские на семье-

сят на шесть паев. А казак Микитка Копылов в допросе сказал те ж речи, что сказал Данилко Михайлов против своего доезду.

Воспроизводится по:

Чтения в императорском обществе истории древностей российских при московском университете. 1861г. №3 стр. 17–19

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 44

1681 г. не ранее апреля 26. — Наказная память Нерчинскому сыну боярскому И. Милованову о назначении его приказным человеком Зейского и Селенбинского острогов.¹

² 7189 Года, Апреля 26-го дня, по государевому Цареву и Великого Князя Федора Алексеевича всея великие и малые России Самодержца Указу, и по приказу стольника и воеводы Федора Дементьевича Воейкова, память Нерчинскому сынбоярскому Игнатью Михайлову сыну Милованову: ехать ему Игнатью из Нерчинского острогу вниз по Шил-

ке реке на Амур на Зею реку в Новозейской острог и Силинбу для того: в нынешнем во 189 году Февраля в 28-й день в Государеве Цареве и Великого Князя всея Великие и малые и белые России Самодержца грамоте написано столнику и воеводе Федору Дементьевичу Воейкову: в прошлом де во 188 году Генваря 21-го дня Великому Государю пи-

сал из Сибири из Тобольска боярин и воевода Князь Иван Петрович Борятинской да дьяк Василей Телицын. В прошлом де во 187 году Июля в 15-м по [117] челобитью Албазинского острогу служивых людей отпустил он Григорей [Лоншаков]³ из Албазинского острогу десятника казачьего, Федьку Остафьева, да толмача Игнашку Бирюцкого, да казаков, и охочих промышленных людей, всего 71 человек, а для той посылки дали им два дощаника, со всеми судовыми припасы, и приказали им, на Зее реке поставить острог, и с Улигырских, с оленных Тунгусов, и с иных родов ясак собирать; и Февраля в 25 писал к нему Григорью десятник казачей Федька Остафьев, на Зее де реке против устья реки Мумыша, он Федька острог поставил, и собрал в том остроге, и прислал в Албазинской Великого Государя ясачной соболиной казны, четыре сорока, двадцать один соболь, да поклонного соболя; да он де Федька с товарищи в верху Зеи реки... сакму оленных Тунгусов, и поймали аманата Ай-лагирского рода, и по посылке ево Федьки служилые люди, в верх Зеи реки, поставили ясачное зимовье, и аманатов поймалиж Тонкинова рода, а нанизу де Зеи реки товарищи ево поймали аманата Кан-тагаева рода. И в прошлом де во 187 году, в Верхзейском остроге толмачу Игнашке Бирюцкому Шаман казак сказывал:

ходил де он Шаман на торговщице к Богдойским людям, Уйлагарского рода и в то де время приходили торговать Магирские Тунгусы конные и сотник де Магирских Тунгусов, Тольдучка, Великому Государю поклонился, и послал поклонного соболя, и словесно ему и Шаману козаку говорил, чтоб де Великого Государя ратные люди не воевали, и указал бы Великий Государь на усть Селинбы реки поставить острог, и они де станут Великому Государю ясак платить, также как и он Шаман казак в новом Верхозейском остроге...²

⁴... и из какова чину в те остроги послано, и что им дано В. Гос. денежного и хлебного жалованья, и свинцу, и иных каких припасов, и сколько под государеву самодержавную высокую руку учинились ясочных людей, и что аманитов взять, и что на них ясаку положено, и сколько далеко тот Зейской и на Силинбе остроги от Албазинского и от новопоставленного Верхозейского и от оных острогов поставлены, и хлебородные места естьли? И тому всему учинить роспись и чертеж; а учиня о том писать в Нерчинской острог Стольнику и Воеводе Федору Дементьевичу Воейкову с нарочными посыльщиками наскоро, а описку, и роспись, и чертеж велеть подать в Нерчинском остроге в съезжей избе, а самому ему Игна-

тью по Указу Великого Государя и Великого Князя Феодора Алексеича, и посему наказу быть в новопоставленном Зейском и на Силинбе в острогах [109] приказным, и видать служилых промышленных и всяких чинов Русских людей, тех, которые по Указу Великого Государя из Албазинского острога на тое Великого Государя службу тобою Игнатъем будут посланы. А как в Новозейской и на Силинбу в остроги станут приезжать ясашные иноземцы, и ему Игнатю в то время быть в цветном платье, и сказать тем ясачным иноземцам Великого Государя милостивое жалованное слово, чтоб они ясачные иноземцы на государевую милость были надежны во всем, жилиб в тишине и во смиренстве, и своюб братью неясачных землец иноземцов под Государеву самодержавную высокую руку призывали, в вечное ясачное холопство, и приводилиб тех людей с собою в Зейской и на Силинбу в остроги без всякого опасения. И будут их ясачных иноземцов от которых немирных земель иноземцов бывают обиды и разорения, и ониб ясачные иноземцы на тех немирных иноземцов били челом Великому Государю в обидах и разорениях, и Великий Государь пожалует их ясачных людей: от тех неприятельских иноземцов велит их ясачных людей оборонить своими Государскими ратными Русскими людьми. А самому Игнатю

с Богдойскими и с инными ни с которыми немирными землицами задору никакого невчинать ни которыми меры, для того чтоб в землях шатости не учинить; да и самому ему Игнатю и служилым людям велеть проводывать с великим радением новых земель иноземцов, а проведав к ним посылать служилых людей по сколько человек пригоже, и велеть тех новых иноземцов уговаривать и призывать под Государеву Царскую самодержавную высокую руку, ласкою и приветом. И которых земель новые иноземцы учинятся Великому Государю послушны, ему Игнатю тех новых иноземцов писать имена в ясачные книги, имянно кто и которова роду? А на Великого Государя ясак с них имать собольми по тамочному, смотря как мочно, чтоб им ясачным новым людям платить ясак было в [110] мочь. Да емуж Игнатю будучи в Новозейском остроге, промеж служилыми и всяких чинов Рускими людьми расправа чинить, по вине смотря чинить наказание; а которые объявятся в каких больших делах, а самому ему Игнатю тех дел вершить будет нельзя, и емуб тех людей на вершение дела отсылать в Албазинской острог, и велеть тех людей объявлять, и отписки и невершенные дела подать в съезжей избе Андрею Федоровичу Воейкову. А жить бы тебе Игнатю в Новозейском остроге от неприятельских людей с великим

бережением, а на остроге караулы ставить накрепко днем и ночью беспрестанно, а самому ему Игнатью караулы надзирать для того, чтоб на вас безвестно не пришли какие неприятельские воинские люди, и какова б над острогом и над Государевою казною и над служилыми людьми дурна не учинили. А одолично б ему Игнатью будучи в Новозейском остроге и на Силинбе всякие Великого Государя дела делать, против сего наказу. А буде он Игнатей станет делать непротив сего наказу и учнет с Богдойскими и с инными немирными землями какую ссору чинить, и от того в Зейском остроге и на Силинбе учинится какая поруха, а после про то сыщется допряма, что учинилось по ево Игнатьеву задору; и ему Игнатью от Великого Государя за то быть в жестоком наказанье и смертной казни без всякие пощады и как он Игнатей Новозейской и на Силинбе остроги построит с великой крепостью и к тем острогам приищет и призовет новых землиц иноземцов в вечной ясачной платеж, и аманатов крепких возмет, и по той ево служб из Нерчинского острогу Стольник и Воевода Федор Дементьевич Воейков учнет писать к Великому Государю к Москве. А как в 190 году в Зейском и на Силинбе в острогах он Игнатей на ясачных иноземцах под аманатов на великого Государя ясак сберет сполна собольми, и ему Игнатью тое

Великого Государя сборную ясачную соболиную казну из Зейского и [111] Силинбы из острогов и аманатов по первому вешнему водяному пути отпустить в Албазинской острог к Андрею Федоровичу Воейкову, а самому ему Игнатью остаться на Силинбе реке в острог где заведет пашни, и тот Силинбинской острог укрепить накрепко и жить в нем с достальными служивыми людьми потому с великим бережением, дота мест, как из Албазинского острогу ему Игнатью пришлются наприбавку Албазинские служилые люди, а самому ему Игнатью будучи в Зейском и на Силинбе в острогах Великого Государя собольною казною не корыстоваться и во время ясачного сбору и после с ясачными иноземцами неторговать, и никакой мяхкой рухляди не покупать — да заказать накрепко служилым и всяких чинов Руским людям, чтоб они потомуж вовремя ясачного сбору и после с ясачными иноземцами не торговались, и Государевою казною не корыстовались, поколику б ему Игнатью во всем Великому Государю прямую свою службу и раденье показать, и себя за то видеть в Государеве милости и в жалованье. А будет он Игнатей учнет делать всякие Государевы дела непротив сего Государева Указу, и призору и строения ко всяким людям держать неучнет, или учнет какими товары торговать или насильства какие служилым и

всяким людям и туточным иноземцам чинить, и посулы и поминки имать, или на ясачных людях учнет ясак править правежем, и Государевою казною чем корыстоваться, или учнет у себя корчму держать, вино и пиво и кумыс и табак продавать, всяким людям потомуж велит дер-

жать, и про всякое ево нерадение будет подлинно ведомо, и ему Игнатью за то от Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Алексеича всяя Великие и малые и белые России Самодержца быть в наказание безо всякие пощады ⁴.

Примечания:

¹ В оригинальной публикации текст документа не датирован и опубликован без названия. При публикации листы документа видимо были перепутаны. Часть текста в публикации отсутствует, возможно была утрачена.

^{2–2} Первая часть документа, в оригинальной публикации, была объединена с частью наказной памяти выданной Василию Милованову о строительстве Аргунского острога и опубликована в подборке под номером 6.

³ Фамилия приказного человека Албазинского острога установлена по «Отписке Енисейскаго воеводы Ивана Барятинскаго в Тобольск, о присылке в Енисейск пороха и свинца, и выписке о военных орудиях и припасах, высланных в Даурские остроги».

^{4–4} Вторая часть документа, в оригинальной публикации, была издана как отдельный документ под номером 2. Название документа данное переписчиком «Игнатью Милованову предписание» при публикации было включено в текст документа.

(Примечания к тексту, название и датировку документа для его публикации на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.uscoz.ru>) подготовил В. Трухин 2017г.)

Воспроизводится по:

Исторические воспоминания о реке Амуре. // Москвитянин, № 7. 1843, с. 108–112, 116–117, док. № 2, 6.

№ 45

**1681 г. июля 17 не ранее. — Отписка нерчинского воеводы
Ф. Воейкова приказчику Албазинского острога своему сыну
А. Воейкову о посылке в Зейский острог на перемену Нерчинскому
сыну боярскому И. Милованову Албазинского казачьего
десятника Г. Самойлова.**¹

От Федора Дементьевича сыну моему Андрею Федоровичу. В нынешнем 7189 году, писал ты из [112] Албазинского острогу ко мне в Нерчинской острог а в отписке твоей написано: в нынешнем, де, во 189 году, Июля в 17-й день бил челом Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексеичу, всея великие и малые и белые России самодержцу, в Албазинском остроге, в съезжей избе подал тебе челобитную Албазинского острогу служивой человек Гришка Стефанов Самойлов, а в челобитной ево написано: в прошлом де в 188 году по Указу Велико-го Государя и по памяти Енисейско-го сына боярского Якова Евсевьева послан был он Гришка с служивыми людьми из Албазинского острогу в низ по Амуру на Зею реку и по Зее реке в верх приискивать вновь неясачных конных коленных² тунгусов и пашенных земель; и он де Гришка с служивыми людьми на Зее реке был, и в Албазинской острог приехал, и подал в съезжей избе приказному Енисейскому сыну боярскому

Якову Евсевьеву доезд на письме, а в доезде ево написано: приискивал де он Гришка и смотрел по Зее реке пашенных земель и острожного места, и с устья Зеи реки он Гришка ехал на конех шесть дней, а водяным де путем идти две недели. Вся пахотная земля добрая: мочно пахотных крестьян поселит слободами тысяча семей и больше, и у тех пашенных мест поставиться острог, и под Государеву Царского Величества высокую руку призвал де вновь неясачных конных Тунгусов Биярского роду, и ясак с них Великому Государю взял; да он же Гришка привез в Албазинской острог своей пахоты хлебной опыт, и Великой Государь пожаловал бы ево Гришку о той ево Гришкине службе тебе из Албазинского острогу велел комне в Нерчинской острог отписать. И по Указу Государя Царя и Велико-го Князя Алексея Михайловича....³ в Нерчинском остроге он Гришка Стефанов сын Самойлов за тое службу и за острожную поставку поверстан по Албазинскому остро-

гу в десятники казачьи, и отпущен из Нерчинского острогу на Зею реку в Зейской острог на перемену Нерчинскому [113] Сыну боярскому Игнатью Михайлову, а наказная память ему в Нерчинском острог дана, и тебе Андрей Федорович учинить по Указу Великого Государя, велеть ево Гришку послать десятником ка-

зачьим в записные книги и в кликовой список; а как он Гришка изверстается идти на Зею реку в Зейской острог зимним путем, а ево десятника казачья Гришку Стефанова Самойлова отпустить в Зейской острог без задержания. Воейков.

Примечания:

¹ В оригинальной публикации текст документа не датирован и опубликован без названия. В настоящее время оригинал, незначительно отличающийся от опубликованного текста хранится в РГАДА в фонде 1142, (дело 19, л. 33—34) под названием «Отписка Нерчинского воеводы Ф. Воейкова приказчику Албазинского острога своему сыну А. Воейкову о приискании пахотных земель, места для постройки острога ,новых иноземцев и для ясачного сбора по реке Зие».

² Так в тексте публикации. В оригинале: «и оленных».

³ Так в тексте публикации. В оригинале: «великого Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца»

(Примечания к тексту, название и датировку документа для его публикации на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>) подготовил В. Трухин 2017г.)

Воспроизводится по:

Исторические воспоминания о реке Амуре. // Москвитянин, № 7. 1843, с.111—113, док. №3.

№ 46

1681 г. после 6 сентября. – Отписка Нерчинского воеводы Федора Воейкова, о построении острога на реке Аргуни и сборе ясака с тамошних инородцев.

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холоп твой Федка Воейков челом бьет. В прошлом, государь, во 189 году били челом тебе великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, а в Нерчинском остроге в съезжей избе мне холопу твоему подали челобитную, за руками, Нерчинские служилые люди, десятник казачей Васка Милованов, Ивашка Волга с товарищи, 11 человек казаков, да волных охочих испромышленых людей 9 человек, всех 20 человек, а в челобитной их написано: по твоему де великого государя указу, посылаютца из Нерчинского острогу Нерчинские казаки на Аргуню реку, для твоего государева ясачного сбора, к ясачным иноземцам к Тунгусам Намясинского роду к Токою и к его улусным людям, по вся годы; а по окладным де ясачным книгам доведетца с них имать ясак соболями по три соболя с человека; и те де [326] Намясинские Тунгусы живут самовольно и безстрашны, твоему государеву указу чинятца не послушны,

и шерть свою, на чем тебе великому государю преж сего дали, позабыли, платят ясак по своей воле, вместо соболей дают лошеденками худыми или рогатым скотишком мелким, и то не со всего своего роду, которые в окладных ясачных книгах имяны написаны; а твоего государева жалованья даетца им у ясачного платежу подарки болшие, за лошадь по портищу сукна Амбурского или шептюгов, и тому твоему государеву жалованью те Намясинские Тунгусы при ясачных сборщиках поругаютца и волочат по степе, а им де ясачным сборщикам Нерчинским казакам угрожают по всякое время смертным убойством и по ясак к себе ездить не велят; а мочно де на той Аргуне реке, для ради ясачного сбора, острог поставить неболшими людьми; а где деи быть острогу, и такие угожие крепкие места у рыбных и птичьих и звериных промыслов есть; а устьем та река Аргуня сошлась с великою рекою Шилкою меж Нерчинского и Албазинского острогов, на низ пловучи с правую сторону, и оттоле вниз и до моря почела слыть великая река Амур, и пашенных де земель по той реке Ар-

гуне много горазно и места хлебородные, и судовым ходом из Албазинского острогу по той реке Аргуне с хлебными запасы ходить мочно; а от Китайского де государства та река Аргуня удалела; а с Китайскими де и с Никанскими людьми в том ссоры не будет; а от Нерчинского де острогу конного езду до того места, где быть острогу, дни четыре тяжелым ходом; да около де тое ж реки Аргуни по многим сторонным рекам живут многие неясачные конные и оленные Тунгусы, а живут де у соболиных и у звериных и у всяких угожих мест: и чтобы ты великий государь их Нерчинских казаков и волных охочих людей Васку Милованова да Ивашку Волгу с товарищи пожаловал, велел бы мне холопу своему из Нерчинского острогу отпустить их на Аргуню реку для острожные поставки и для ясачного сбора и для призыву вновь неясачных иноземцов под твою государеву царьского величества самодержавную высокую руку в ясачной платеж и в вечное холопство; а как де на той реке Аргуне острог поставлен будет, и те де воры Намясинские Тунгусы тебе великому государю послушны будут и ясак с себя платить станут сполна, и вновь де с новоприискных Тунгусов тебе великому государю в ясачном сборе будет прибыль. И по твоему великого государя указу, я холоп твой в прошлом во 189 году июля в 13 день Нерчинских казаков

и волных охочих людей десятника казачья Васку Милованова да Ивашку Волгу с товарищи, 20 человек, из Нерчинского острогу отпустил на Аргуню реку; а велел я холоп твой по Аргуне реке розыскать место угожее, и в том угожем месте велел поставить острог; а на подъем для той твоей великого государя Аргунской службы и острожной поставки в Нерчинском остроге, купя на денги из твоей государевы казны хлебных запасов 60 пуд муки ржаные, да из Албазинского острогу из твоей великого государя казны дано им 100 пуд муки яришной, да для той же Аргунской службы из твоей государевы казны в Нерчинском дано им пороху и свинцу и мушкетов, и для острожной поставки даны им долота и тесники и напарьи и скобели; и в нынешнем во 190 году сентября в 6 день писали ко мне холопу твоему в Нерчинской острог с Аргуни реки Нерчинске казаки Васка Милованов да Ивашка Волга с товарищи: как де оне пришли на Аргуню реку, и в угожем де месте поставили острог со всякою острожною крепостью, и к тому де Аргунскому острогу под твою государеву царьского величества [327] самодержавную высокую руку вновь приискали и призвали неясачных иноземцов Калтагацко-го роду Арикана с родом, да Чинонямяцкого роду Базюкана с родом, и с тех новых иноземцов на тебя великого государя взяли ясаку двад-

цать две лошади да 15 скотин рогатых мелких; да в нынешнем же, государь, во 190 году в Аргунском же остроге собрано ясаку два сорока три соболя, и впредь, государь, в новом Аргунском остроге в ясачном сборе часть прибыли немалой,

потому что по Аргуне реке по сторонным рекам неясачных конных и оленных Тунгусов много; а от того, государь, Аргунского острогу до серые руды, что называют серебряною рудою, верст с десять.

Черновой подлинник, писанной столбцем, на четырех листках, доставлен в Археографическую Коммиссию Г. С. Батеньковым. Список этого же акта находится в рукописи, содержащей в себе списки актов Нерчинского архива (в лист, на 204 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1862г, т.8, СПб. стр. 325–327.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 47

1681 г. после 29 сентября–1682 г. – Отписка Нерчинского воеводы Федора Воейкова о сношениях с Китайцами.

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холоп твой Федка Воейков челом бьет. В прошлом, государь,

во 189 году апреля в 19 день писал ко мне холопу твоему в Нерчинской острог из Албазинского острогу приказщик Енисейской сын боярской Яков Евсивьев: в прошлом де во

189 году марта во 12 числе приезжали в Албазинской острог Китайских сел с Науну Китайские люди, сотники Горбо да Сипо, а с ними двадцать человек, и сказывали де они сотники ему Якову в Албазинском остроге в съезжей избе: приехали де от Китайского богдокана трое воевод, неведомо де для каких переговорных речей, а стоят де они ниже Албазинского острогу на Войлоге речке за пять дней конного езду, а они де сотники посланы от Китайских воевод к нему Якову в Албазинской острог для ведомостей, чтоб ехать ему Якову к ним для переговору на Войлогу речку; и он де Яков, без твоего великого государя указу, к тем Китайским воеводам на пустое место ехать не посмел, и марта ж в 16 числе сотников из Албазинского острогу отпустил, а с ними де послал в провожатых до Войлоги речки Албазинских служилых людей Гришку Стефанова сына Самойлова, да толмача Игнашку Бирютцкого с товарищи, пяти человек, а ни о каком де деле им служилым людям с Китайскими воеводами говорить не велел; и апреля де в 1 день служилые люди Гришка Самойлов с товарищи приехали в Албазинской острог в целости, а о чем де Китайские воеводы на Войлоге речке говорили и для какого дела приезжали, и он де Гришка с товарищи подали в Албазинском остроге в съезжей избе ему Якову, за руками, доезд свой, Китайским

воеводам речам, о чем они говорили и с ним Гришкою приказывали; и он Яков Евсивьев тот его Гришкин доезд прислал ко мне холопу моему в Нерчинской острог; и я холоп твой о том в прошлом во 189 году наперед сего писал, и доезд Гришки Самойлова с товарищи, за их руками, под отпискою послал к тебе великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, к Москве в Сибирской Приказ; и в прошлом, государь, во 189 году апреля в 29 день посылал я холоп твой из Нерчинского острогу в Албазинской острог Нерчинского казака десятника Юшку Алексева сына Лабу, да толмача Митку Еремеева, да в Албазинском остроге велел ему Юшку дать толмача ж Игнашку Бирютцкого, да Албазинских казаков, сколько пригоже, а из Албазинского острогу велел я холоп твой ему Юшку ехать на Наун к Богдойским воеводам, для подлинного проводыванья, и от них Китайских людей для воинского приходу, чтоб они Китайские люди под Албазинской и под Нерчинские остроги [331] войною безвестно не пришли. И в нынешнем, государь, во 190 году сентября в 29 день Нерчинской десятник казачей Юшко Алексеев сын Лаба приехал ко мне холопу моему в Нерчинской острог с Науну реки от Богдойских Китайских воевод, и подал мне холопу моему в съезжей

избе на писме доезд свой, за своею рукою, об чем он Юшко с товарищи с Китайскими воеводами говорил, а в доезде его Юшкове написано, что велит де богдокан и его Китайские воеводы с Зии реки с усть Долонца речки острог свести; а будет де того острогу с Долонца не сведут, и он богдокан и Китайские воеводы угрожают войною; и я холоп твой без твоего великого государя указу с Зии реки с усть Долонца речки острогу свести не смею; а о котором,

государь, остроге богдокан и Китайские воеводы говорят и угрожают войною, и тот острог написан в чертеже у Игнатя Милованова на Селинбе реке, на усть Долонца речки. И я холоп твой тот его Юшков с товарищи доезд, за его Юшковою рукою, послал к тебе великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к Москве, под сею отпискою.

Черновой отпуск писан столбцем, на трех листках. Ветх. – Принадлежит Г.С. Батенькову.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1862г, т. 8, СПб., №104, стр. 330–331.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 48

**1681 г. не ранее ноября 27. – Рапорт Стольнику и Нерчинскому
Воеводе Воейкову Албазинского острога управляющего Андрея
Воейкова.**

Государю моему батюшке Федору Дементьевичу сынишко твой Ондрюшка челом бьет. В [146] нынешнем во 190 году Октября 16 дня писал ты государь батюшка ко мне и велел Албазинской острог делать с великим радением наскоро со всеми острожными крепостями, жить бы с великим бережением и сказать бы всем в Албазине служилым, торговым и промышленным людям и пашенным крестьянам, чтоб они жили потому же с великою бережью от Китайских воинских людей, чтоб де Китайские воинские люди какова дурна не учинили; и по 27 день Ноября, по милости праведнаго Бога, Албазинского острогу по заимкам приходу Китайских воинских людей не слышим, а Албазинской острог не поставлен, потому что ныне в Албазинском остроге людей мало, а все в расходе по промыслам, а

как промышленные и всяких чинов люди с промыслов выйдут и я тотчас велю башни рубить, и как земля растает, велю ров копать и чеснок бить и надолбы делать; а мерою тот Албазинской острог кругом в длину и ширину стошестьдесят пол-шесты сажени печатных с башнями, а башни проезжая от слободы на увале

будет четырех сажень, другая проезжая башня будет сполевую сторону полчетверти¹ сажени, три угловых башней будут по три сажени, а в верхнюю сторону Амура на яру в углу поставлен воеводской двор, а в Албазине и Албазинских уездах [147] и по заимкам всем служилым, торговым я промышленным людям и пашенным крестьянам заказано накрепко, чтоб они жили с великою бережью от неприятельских Китайских воинских людей.

Примечания:

¹ Очевидно в тексте при публикации допущена ошибка. Должно быть «пол-четверты» то есть три с половиной сажени. (Примечания к тексту документа для его публикации на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>) подготовил В. Трухин 2015г.).

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 7, с. 145–147. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 49

**1681 после 23 декабря–1682. – Отписка Нерчинского воеводы
Федора Воейкова, о раздаче жалованья и сукон Даурским
служилым людям.**

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холоп твой Федка Воейков челом бьет. В нынешнем, государь, во 190 году декабря в 23 день прислана твоя великого государя грамота, за приписью дьяка Льва Ермолаева, ко мне холопу твоему в Нерчинской острог, а в той твоей государеве грамоте написано: в прошлом во 183 году, по твоему великого государя указу, послано с Москвы в Дауры твоего государева жалованья, казна, с Даурскими служилыми людьми, с сыном боярским ¹ с Иваном [347] Поповым с товарищи, Даурским служилым человеком, тысяча рублей денег; да на кафтаны сто девять половинок

сукон шиптюгов, по шти рублей половина; сто сорок четыре аршина сукон Аглинских, по пятнадцати алтын с денгою аршин; девяносто аршин сукон Анбурских, по одиннадцати алтын по четыре денги аршин; сто восемьдесят аршин сукон Анбурских, по одиннадцати алтын по две денги аршин; да на пять сот вершков шапошных сорок аршин сукна кармазину, по рублю по тринадцати алтын по две денги аршин; шездесят аршин сукна кармазину ж, по рублю по осми алтын по две денги аршин; да триста нашивок шелковых, розных цветов, по шти алтын по четыре денги нашивка; двести нашивок по пяти алтын нашивка; пять тысяч снурку шелкового, за тысячу по семи рублей, – всего сукон и на-

шивок и снурков на тысячу на сто на двадцать на два рубли на десять алтын на четыре денги; да во 185 году послано в Дауры с Верхотурья из Верхотурских доходов твоей государевы денежные казны две тысячи рублей с Даурским сыном боярским с Игнатием Миловановым с товарищи; да в прошлом во 186 году послано с Верхотурья ж в Дауры денег тысяча пять сот рублей с Даурским служилым человеком с Анцыфорком Кондратьевым с товарищи, – и те денги и товары, которые посланы в прошлых во 183 и во 185 и во 186 годах в Дауры, с Даурскими служилыми людьми, с детьми боярскими, с Иваном Поповым, с Игнатием Миловановым, да с Албазинским казаком с Анцыфорком Кондратьевым привезены ль и в твое государево жалованье Даурским служилым людям розданы ль, и о том к тебе великому государю из Енисейска боярин князь Иван Петрович Борятинский и из Даур приказные люди не писывали; и били челом тебе великому государю Даурские Нерчинских и Албазинского острогов служилые люди, дети боярские и казаки, Левка Чюжакин с товарищи: служили де они отцу твоему государеву, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бела Росии самодержцу, и тебе великому государю служат многие годы,

а твоего де государева им годового денежного жалованья дано им только одной посылки, что прислано в Албазинской с мирским челобитчиком с Ивашком Перелешиним; а которая де денежная казна прислана с Верхотурья им на жалованье с Нерчинским сыном боярским с Игнатием Миловановым, и те де денги лежат и ныне в твоей государеве казне в Нерчинском остроге; да с Верхотурья де прислано с Албазинским служилым человеком с Анцыфорком Кондратьевым с товарищи тысяча пять сот рублей, и те де денги задержаны в Енисейском, а им де тех денег в жалованье в оклады ничего не дано, и они де служат тебе великому государю без твоего государева жалованья, и ты бы великий государь пожаловал их, за их многие службы, велел им твое государево жалованье, которые денги присланы с Верхотурья в Нерчинской и в Енисейской, роздать им в их оклады на прошлые годы. Да по сказке де в Сибирском Приказе Даурского казака Левки Чюжакина, которые де сукна и нашивки и снурки посланы с Москвы в Дауры, в Нерчинской и в Албазинской остроги, служилым людям в твое государево жалованье, и тех де сукон и нашивок и снурков только роздано Нерчинского острогу служилым людям, а им де Албазинского острогу служилым людям тех сукон и нашивок и снурков ничего не дано, и которые де сукна и на-

шивки и шнурки довелись дать им Албазинским служилым людям, и те де сукна и нашивки и шнурки и ныне в [348] Нерчинском остроге в твоей государеве казне. И по той твоей великого государя грамоте указано мне холопу твоему: которые денги присланы в Нерчинские остроги две тысячи рублей, да из Енисейска Верхотурские ж присылки тысяча пять сот рублей, и на кафтаны сукна и шнурки, и на вершки, что осталось за роздачею Нерчинских служилых людей, роздать в твое великого государя денежное жалованье на прошлые на 186 и на 187 годы, по окладом их, казаком по пяти рублей человеку, а детям боярским и пятидесятникам, по окладом их, по указным статьям; а на кафтаны сукна и шнурки и нашивки и вершки дать Албазинским служилым людям. И в прошлом, государь, во 189 году апреля в день, по твоему государеву указу, приехал я холоп твой в Нерчинской острог; а которая, государь, денежная казна и товары прислана в Нерчинской острог с Нерчинским сыном боярским с Иваном Поповым, тысяча рублей денег, да товаров сукон и нашивок и шнурков на тысячу на сто на двадцать на два рубли на десять алтын на четыре денги, да с Верхотурья из Верхотурских доходов с Нерчинским сыном боярским с Игнатием Миловановым с товарищи две тысячи рублей денег, и ту твою государеву денежную

и товарную казну в Нерчинском остроге в твоей великого государя казне я холоп твой не заехал, роздана вся Нерчинским служилым людям в их оклады на двесте человек, до моего приезде, на прошлые на 183, и на 184, и на 185, и на 186, и на 187 годы все сполна; а прежа, государь, той твоей великого государя денежной казны, что послана была с Иваном Поповым да с Игнатием Миловановым в прошлом во сто осьмьдесят четвертом году, послана была твоя великого государя денежная казна с Верхотурья из Верхотурских доходов послано в Дауры с Албазинским с мирским челобитчиком с Ивашком Перелешиним две тысячи рублей денег, и он Ивашко Перелешин тое твою государеву денежную казну две тысячи рублей провез в Албазинской острог и розданы Албазинским казакам до моего ж приезде. Да в нынешнем, государь, во 190 году, по твоему государеву указу, из Енисейска воевода Александр Петрович Салтыков прислал ко мне холопу твоему в Нерчинской острог твоей великого государя денежные казны, Верхотурские присылки, тысячу пять сот рублей, да из Енисейских доходов пять сот рублей, всего две тысячи рублей; а против, государь, твоего великого государя указу, из Енисейских доходов не дослано пяти сот рублей денег Даурским служилым людям в оклады их; и по твоему государеву

указу, я холоп твой тысячу рублей роздал Нерчинским казакам в твое великого государя жалованье, в их оклады, на прошлой на 188 год по окладом их, а другую тысячу рублей денег послал я холоп твой в Албазинской острог Албазинским служилым людям; и с прошлого, государь, 184 году по нынешней 190 год твоей великого государя денежные и товарные казны роздано Нерчинским служилым людям двум стам человеком с лишком на прошлые на шесть годов денег и сукна и нашивок и снурков, по денежной цене, всего пять тысяч сто двадцать два рубли десять алтын четыре денги на 183, и на 184, и на 185, и на 186, и на 187, и на 188 годы; а в Албазинской, государь, острогу Албазинским казакам, сту одному человеку, твоей государевы казны роздано три тысячи рублей денег; да в нынешнем во 190 году, заняв я холоп твой у торговых людей пять сот рублей денег, и дал им Албазинским казакам, в их оклады, на сто ж на одного человека, которые пришли с Микифорком Черниговским, а оне Албазинские казаки тое твою государеву [349] денежную казну три тысячи пять сот рублей берут на двесте человек напрасно, потому что без тво-

его государева указу, своим самоволством, прибрали себе в прибавку в казаки из гулящих людей девяносто девять человек воров и зерщиков и бражников. А как был на Москве Албазинской казак Левка Чюжакин и бил челом тебе великому государю ото всех Даурских детей боярских и казаков о твоём великого государя денежном жалованье, и я холоп твой Даурских Нерчинских острогов детей боярских и казаков допрашивал: они ль велели ему Левки бить челом тебе великому государю о жалованье и в Сибирском Приказе подавать челобитную? и оне мне холопу твоему сказали: с Албазинским де казаком с Левкою Чюжакиным бить челом тебе великому государю о денежном жалованье не приказывали; а естли бы де бить челом тебе великому государю о денежном жалованье велели, и они бы де с ним Левкою послали к тебе великому государю из Нерчинских острогов челобитную свою за руками, и он де Левка Чюжакин бил челом тебе великому государю о денежном жалованье своим воровским вымыслом, а не по приказу их Нерчинских детей боярских и казаков.

Черновой отпуск писан столбцем, на семи листках.

Акт доставлен в Археографическую Коммиссию Г. С. Батеньковым.

Примечания:

¹ В подл. здесь и дальше вместо сыном боярским – сынобоярским.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1862 г., т. 8, СПб. стр. 346–349.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

◆

№ 50

1682 г. не ранее января 8 — Черновая отписка Нерчинскому воеводе Ф. Воейкову от приказного человека Зейского и Селенбинского острогов И. Милованова. ¹

189 Году, Апреля 26 дня, велено Сыну боярскому Игнатью Федорову ² Милованову отправиться из Нерчинска вниз по Шилке реке и по Амуру, и по Зее, в верх, в Новозейской острог, и на Силинбу для осмотра и описания, в каких местах по Зее и Силинбе поставлены остроги, и пристойно ли острогам быть, и места хлебородные ли? Почему он Игнатей Милованов приехал на Зею, ниже Силинбы, на устье Долонца, нашол поставленной Албазинскими козаками острожек; местоположе-

ние он Милованов почитает удобным, хлебородные места и сенные покосы имеются; и пашенных крестьян селить есть где. Потом был в верх по Зее до усть Бирянды реки, и ниже той реки, против озера Бабаки; на Зее поставил Зимовье: а прежнее Зимовье поставлено было на пустом месте, вверху по Зее, и водой ево смыло и рознесло; новое же поставлено на дороге в угожем месте, у торговища близко, где торгуют Богдойские люди с оленными Тунгусами. А по Зее в среднем

и верхнем Улусах были пашни небольшие, места не весьма удобны и частью водой топят; а выше есашного Зимовья хлебородных мест нет, кроме звериных промыслов. А из Долонского острогу до Зейского Зимовья в дощаниках идти можно без остановочно, в четыре недели, остановка же бывает [107] от наводнения по неудобности берегов, а горной дороги удобной нет. А из Албазина плыть на низ и в верх идти в дощаниках в Долонской острог пол трети недели, а наконец две недели ходу; обратно же с усть Зеи до Албазина на судах ходу три недели а из Долонского, острогу в низ по Зее до Томи реки по правую сторону ходу два дни, где места луговые, старых пашен много, и елани и хлебородные места и сенные покосы и всякие угодыя имеются. А от Томи до Амура два дни ехать, и по Амуру в низ до города Айгуна, и ниже, до перевозу, лугов, хлебопашен старых бесчисленно много, и места пространные сильно; а от Зеи из Амура за лугами ниже Томи реки елани сильно большие неисповедимые, самые добрые хлебородные: подобно Сибирским еланам, мочно завести большие пашни, населить можно пашенных крестьян более тысячи, и елани прежде не паханы; и для мельниц речки удобные. Но для строения лесу нет близко, а в еланиях мелкой есть; за то по Зее и Силимбе всякого лесу много, и плавить водою удобно; и

по другую сторону Зеи луговых старых пашен много же, а еланей нет, И в белых горах железные руда есть, кая лежит съусшь Зеи до Силимбы на половине дороги. А с усть Зеи по Амуру в низ ехать на коне полдня, до земляного города Югун, которой стоит подле Амура десятин на пять, а поперег с десятину, а внутри того города малой город с квадратную десятину со стенами, высота стен в две и три сажени, и как городовые стены расположены, на то сделан чертеж; а около города старых пашен множество; ниже города перевоз с лотками и ботами, чрез Амур, для проезду Монголам на Зею и Силимбу, за сбором с Тунгусов Ясаку, и для торговли; из города до перевозу езды полдня; а с перевозу сказывают да Даурских жилищ шесть дней на конях ехать.

На спрос Милованова про Аюгун, почему он пуст, отвечали Даурцы: кто де тут жил и владел и какие [108] люди про то у них не знают, и памятухов нет, и где те люди девались; а съусшь Зеи в верх по Амуру ниже Камары на правой руке луг велик со старыми пашнями и иные луга пахиваны; и тут пашенных крестьян можно селить; также выше Камары лугов и пашен много; люди по Амуру и по Зее и по Силимбе все сведены, потому что Русские люди козаки с Даурцов брали на Государей ясак. А из Долонского острогу в верх по Зее и по Силимбе до Улусу

и выше Улусу до Умги реки все пахатные земли хлебородные, и ялани; всех тех мест на коне не проехать в полтора дни; буде В. Г. изволит на Зее быть большим пашням и заводам и городу, то городу быть пристойно на усть Зеи реки, в стрелке, или ниже по Амуру, где земляной

город Аюгун, потому, что те места угожи; а из того города ехать до Китайского государства на коне все по степям один месяц, а чертеж и отписки посланы Января 8 дня, 190 года в Нерчинск Воеводе Федору Дем. Воейкову.

Примечания:

¹ В оригинальной публикации текст документа опубликован без названия. По содержанию очень близок к «Отписке Стольнику и Воеводе Федору Дементьевичу Воейкову, от посланного в 1681 году для обозрения Амура сын - Боярского Игнатъя Милованова». Упрощенный текст и дата отправки документа (8.01. 1682 г - на 3 дня ранее даты указанной в чистовой отписке И. Милованова), может говорить о том, что для публикации использовался черновик этой отписки.

² В тексте отчество Игнатия Милованова указано неверно. Надо: Михайлову

(Примечания к тексту, название и датировку документа для его публикации на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelis.ucoz.ru>) подготовил В. Трухин 2017г.) 2017г.)

Воспроизводится по:

Исторические воспоминания о реке Амуре. // Москвитянин, № 7. 1843, с.106—108, док. №1.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 51

**1682 г. не ранее марта 5. – Донесение Стольнику и Воеводе
Воейкову из Албазина от сына его Андрея Воейкова.**

Сего 190 г. Марта 5, дня вышли с Зеи с Верхнезейского зимовья казаки Василий Терентьев с 16 чел. чрез хребты гор, вывезли с собою аманатов и собранных в ясак соболей привезли 4 сорока 27 соболей с пупками и хвостами, сказали, что из Верхнезейского зимовья ходили они на торговщице к Уларским и Богдойским мужикам, где сказывал им в той Даурской земле мужик по имени Илтаней неложно и по своей вере божился солнцем и месяцев, есть де у Богдойского Царя такая дума, собрана де у него великая сила, спосылает де он ту свою силу войною под Нерчинския и Албазинския остроги, а подозваны де у него черные Мунгелы и по своей де их вере пожалованы и дано де им много камок, атласов и бархатов и ланнова серебра и хлебных запасов впредь на два года, а к Даурским [148]мужикам от Богдохана прислан большой Боярин и под хлебные запасы велено де им бусы сделать, а хлебные запасы и лошади жирные готовы и всякие воинские припасы потому же изготовлены, под остроги де нынешней весны по пластам наперед будет конница легкая в большом собраньи, а до-

стальная де Богдойская сила будет водяным путем в бусах с хлебными запасы и с огненным оружием и с пушками и со всякими воинскими припасы; и те же речи сказывал ему Василью Терентьеву тут же на торговщице и в зимовье Зейской Тунгус, именем Давоща, что он те речи слышал на торговщице от своих близких друзей Богдойских мужиков, что де Богдойская сила велика и идут де под остроги с войною нынешною весною по пластам. Да сего-ж 190 года Февраля 20 дня приезжал с Науна Даурского сотника сын Иван и говорил, что отец его велел ему сказать, что де будет Богдойская сила с войною под Нерчинской и Албазинской остроги по вешнему пути по пластам, и ты де про то скажи Воеводе Андрею Федоровичу Воейкову, которыхя речи Иван в сезжей мне сказывал и по совету с казаками послал в Нерчинск нарочного с сею ведомостию и приказал, чтоб с заимок прикащики, служилые, торговые, промышленные люди [149]и пашенные крестьяне выезжали в Албазин и с заимок хлебные и всякия запасы взяли бы с собою в острог.

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 8, с. 147–149. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 52**1682 г. – Акты о походе на Зею и на Селинбу сына боярского
Игнатъя Милованова.**

І. Отписка Стольнику и Воеводе Федору Дементьевичу Воейкову, от посланнаго в 1681 году для обозрения Амура сын - Боярскаго Игнатъя Милованова.

Государя Царя я Великаго Князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца Стольнику, и Воеводе Федору Дементьевичу Игнашка Милованов челом [38] бьет. В прошлом 189 году Апреля в 26 день по Указу Великаго Государя велено мне Игнашке ехать из Нерчинскаго острогу вниз по Шилке и по Амуру рекам, и по Зее реке идти вверх в новой Зейской острог и на Селинбу реку, и велено осмотреть и описать на крепко, в каких местах по Зее и по Селинбе остроги стоят и ясашныя зимовья, и на усть Селинби реки пристойно ли острогу быть и хлебородныя места

есть ли? И я Игнашка приехал на Зею реку, ниже Селинбы реки: на усть Долонца речки поставлен Албазинскими казаками острожек; одне стены подолее трех сажень, а другия стены полтретьи сажени печатных; у того острогу изба четырех сажень, а на остроге и на избе верхней бой и вышка для караула, и в том месте на усть Долонца, по край Зеи реки на берегу острогу быть пригоже и хлебородныя места есть и пашенных крестьян селить есть где. Да я Игнашка ходил по Зее реке вверх до усть Бранды реки с Албазинскими казаками, которые мною посланы из Албазинскаго острогу по Зее реке для ясашнаго сбора в Улагирские Тунгусы, и по челобитью тех Улагирских Тунгусов Шамана, казака родом, ниже Бранды реки против Бабак озера на Зее

реке поставлено ясашное зимовье с верхним боем, а пред зимовьем сени прирубныя с верхним же боем с зимовьем в повал, а в зимовье одне стены промеж углов полчетверти, а другия трех сажен. А прежнее ясашное, зимовье было поставлено вверху по Зее на пустом месте и водою то зимовье смыло и разнесло, и ясашным Тунгусам с ясаком ходить было далече; а то зимовье я Игнашка поставил на дороге в, угожем месте, у торговища близко, где торгуют Богдойские люди с Оленными Тунгусы многих родов, и те ясашные Тунгусы проходили прежнее зимовье мимо на торговище до ясашнаго платежа и добрые соболи отдавали Богдохану в ясак и проторговывали Даурским людям; а ныне те ясашные Тунгусы мимо новое зимовье проходить не станут до ясашнаго платежа. А по Зее в среднем и верхнем улусах пашники были небольшие, неудобны, водою топит часто, а выше улусов до ясашнаго зимовья и выше хлебородных мест нет, кроме соболиных промыслов. А из Долонскаго острога до Зейскаго зимовья в дощениках идти без простою четыре [39] недели, а простой бывает потому, что великая прибыль воды бывает, а горной дороги конныя нет; а из Албазинскаго острогу в Долонской острог плыть и вверх идти в дощениках полтретьи недели, а чрез гору на коне в Долонской острог из Албазинскаго ехать две недели, а с

усть Зеи реки в Албазин идти по Амуру в дощениках три недели; а из Долонскаго острогу вниз по Зее горною Дорогою, по правую сторону Зеи реки, два дни, тут луговых старых пашен много и ялани есть, хлебородныя места, сенные покосы и всякия угожья есть же; а с Тома реки до Амура на коне два дни ехать, и по Амуру вниз до города и ниже города до перевозу луговых хлебопашень старых безчисленно много, и места пространныя сильно; а от Зеи и от Амура за лугами ниже Тома реки ялани сильныя, большия, неисповедимыя, сильно добрыя хлебородныя места, подобны Сибирским яланям, мочно завести большия пашни, населится пашенных крестьян тысяча и больше; а ялани прежде сего напахиваны, и для мельничнаго строения речки в яланях есть, только для двороваго строения хоромнаго лесу нет близко города и яланей. А по Зее и по Селинбе рекам хоромнаго и двороваго и всякаго лесу много, по воде плавить мочно, а по другую сторону Зеи реки луговых старых пашен много же, а яланей нет, и железная руда в белых горах есть с усть Зеи до Селинбы на полудороге; с усть Зеи по Амуру вниз ехать на коне половина дня все лугами и старыми пашнями до того города, а город земляной, иноземцы его зовут, Айгун, а величеством тот город подле Амура реки десятина на пять, а с Амура поперег с десятину, а

внутри того города малый город, все четыре стены по десятине, а с поля стена три сажени высота, а в низком месте высота две сажени печатных, а как городовыя стены ведены и то написано в чертеже, а около города старых пашен гораздо много и ниже города перевоз есть, перевозятся Даурские люди, которые ездят на Селинбу реку для ясажного сбора и торговаться и промышлять; а перевоз есть ниже города, половина дня ехать на коне, тут есть лодки и боты всегда, а с перевозу ехать до Даурских жилых людей 6 дней, по сказке Даурских людей. А про тот город спрашивал у Даурских людей я Игнашка, и они сказывают, кто де тут [40] жил и владел и какие люди жили у них де про тех людей не знают, и памятухов нет и где те люди делись. А с усть Зеи вверх по Амуру ниже Камары на правой руке луг велик, старыя пашни, иные луги пахиваны и тут пашенных крестьян можно селить, и выше Камары луговых пашен много, а все пахали Даурские люди, по Амуру, и по Зее и по Селинбе; сведены они с тех мест для того, ведомо учинилось Богдохану, что с них Даурских людей брали ясак на Великаго Государя Русские люди казаки. А из Долонскаго острогу вверх по Зее и по Селинбе до улусу и выше улусу до Умги реки все пахатныя земли хлебородныя и ялани есть, и на коне до тех мест полтора дни ехать; а вверх по Се-

линбе реке из Долонскаго острогу ехать в ясашное зимовье семь дней, а водяным путем в дощениках четыре недели, а вверх по Селинбе и вниз до Умги реки угодных пашен и хлебородных мест нет же, что и в Верховзейском; а на Селинбе поставлено два зимовья ясашных с верхним боем, долгие стены четырех, а короткия трех сажень с, верхним же боем в повал, и еслиб де в Долонский острог прибавочные служилые люди да пошлются и пашенных крестьян поселят, и не мочно на Селинбе с Бирярских Тунгусов ясак брать не большими людьми, без Абазинских подъемов ходить в малых судах по шести человек в судне, потому что Селинба река мелка и быстра, бичевы и подчалы не держут, а в дощениках по Селинбе ходить не мочно; а если в Долонский острог служилых людей на прибавку и пашенных крестьян не будет, ино вновь ясак взяти не мочно. А захребетных Тунгусов конных много есть, ездят мало в Долонский острог промышлять, и я Игнашка с них ясаку прошал и они ясаку не дают, надеются на Даурских людей, а Даурские люди им ясаку давать не велят, А в Верховзейском и Селинбе в ясашных зимовьях, сколько ясашных иноземцов и почему на них ясаку положено и тому роспись будет в нынешнем во 190 г. по вешнему водяному пути с ясашною соболиною казною; а ныне о тех иноземци-

ках потому не писано, что я Игнашка в Верховзейском был по осени, рано водяным путем до ясашнаго сбора, а собрать было иноземцов немочно, потому что они были по лесам и по рекам, и я оставил [41] на Зее в ясашном зимовье для иноземной имянной ясашной окладной росписи приказным служилаго человека Василья Терентьева, а по Селинбе реке ездил в ясашное зимовье с толмачем Сергеем Биюцким в нынешнем во 190 году в Декабре месяце, и в то время ясашные Тунгусы не все были в сборе и ясак не сполна был собран, и мне Игнашке на Селинбе жить за ясашным сбором нельзя, потому что в то время в Долонской острог приезжают Даурские люди многие и на усть Селинбы берут с конных Бирярских Тунгусов на Богдохана ясак, и я для того поспешил ехать с Селинбы в Долонской острог из ясашнаго зимовья, чтоб прежде Даурских ясашных сборщиков взять ясак на Великого Государя, и в то время был в Долонском остроге в ясашном зимовье для иноземной ясашной окладной имянной росписи и для ясашнаго сбора оставил приказным служиваго человека Василья Евдокимова. А ездил я Игнашка из Долонскаго вниз по Зее реке и по Амуру до гор для осмотра хлебородных земель, имел с собою служивых людей Никифорку Поскотиннаго, Сергушку Биюцкаго да Ивашку Мар-

темьянова, и если будет Великий Государь изволить, на Зее быть большим пашням и заводам и городу, ино городу быть пристойно на усть Зеи реки в стрелке или ниже Зеи по Амуру от землянаго города Айгуна, который в сей отписке написан в чертеже, потому что те места угрожи; ездил по тем местам смотрел по осени рано Сентября в 29 день, а из того города на коне ехать до Китайскаго царства, все по стене ехать один месяц. А чертеж написал с усть Камары вниз по Амуру до Айгуна города, а выше Камары до заимок все луга паханы; а чертеж и отписка посланы и росписи под отпискою Генваря в 11 день, и велел подать в Нерчинском остроге в съезжей избе Стольнику и Воеводе Федору Дементьевичу Воейкову.

[42] II. Роспись воинских снарядов и других вещей, выданных из Нерчинскаго острога сын-Боярскому Игнатью Милованову.

Июня в 19 день 190 году дано в отпуск на Зее и на Селинбу реку Нерчинскому сын-Боярскому Игнатью Милованову: 5 дощеников старых, на те дощеники 5 парусов, четыре паруса по 22 полотнища, а высота 16 аршин, 2 подчала, 5 бечов новых мерою 560 сажень и верховые варовые припасы и причалки, 3 якоря железных, 6 лодок, 2 пища-ли железных затннныя и к ним 30 ядер железных, 2 пуда 30 гривенок

с посудой пороху, 3 пуда полтретья фунта свинцу, 3 напарьи, 2 пазника, 1 тесник, 25 гвоздей тяжных, 2 железа ножных, 3 дести бумаги писчей, подарочной казны 31 3/4 аршин сукна Янбурского, 150 ножей с чернями с медными и оловянными

припоями, 50 огнив, 5 фунтов хмелю, 44 фунта табаку, котел полшеста фунта, аманатам на корм 170 пуд муки яришной в 38 мешках, Государевых 6 человек, аманатов 1 Чапкоул, 2 Делейка, 3 Хонго, 4 Харгага, 5 Амрачал, 6 Порига.

Воспроизводится по:

Вестник Императорского русского географического общества СПб, 1853г. с. 37–42.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 53

1682 г. после 16 марта. – Отписка царю Нерчинского воеводы Федора Воейкова: о разрешении ему принять в русское подданство нескольких инородцев, желающих переселиться с реки Науна под Нерчинск; о приготовлениях Китайцев к походу под Нерчинск и Албазин и о неимении в Нерчинске средств для защиты.

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холоп твой Федка Воейков челом бьет. В нынешнем, государь, во 190 году, декабря в 20 день, бил челом тебе великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Роеии самодержцу, а в Нер-

чинском остроге в съезжей избе мне холопу твоему словесно Боягирского роду князца Дыдокиро Димецьева таргачинской мужик Дарална, а в словесном своем челобитье сказал: послали де его Даралну в Нерчинской острог с Науну реки бить челом тебе великому государю тулдулского роду князец Аюси, да даурского роду князец Лоскюдой, таргачин-

ского роду князец Каялда с родами своими, а рожаков де их всех с чetyреста человек и болши, и чтобы ты великий государь их пожаловал, велел мне холопу своему принять под свою великого государя царскую со-модержавную высокую руку в вечное ясашное холопство и послать бы из Нерчинского острогу твоих великого государя ратных людей, чтоб им Аюси с товарищи с Науну реки идти к Нерчинскому острогу от богдойских людей без опасенья; а им де князцам с родимцами своими у богдойских людей жить не мочно, потому что де им у богдойских людей изгоня великая и хотят де их взять с кочевных мест к богдокану своему в царство с женами и детьми. Да емуж Даралне те князцы Аюся с товарищи велели мне холопу твоему известить в Нерчинском остроге, что де богдокан изготовил многие хлебные запасы, и собирает де болшую силу, и хочет де послать под Зий-[209]ской острог, и твоих де великого государя служилых людей хотят побить, и Зийской острог разорить и своих де болших людей на том месте поселить, и чтоб де твои великого государя служилые люди от богдойских людей жили с Великим опасеньем, и богдойским бы де людям на их ласковые слова не сдавались, а они де богдойские люди хотят их служилых людей побить обманом и Зийской острог в конец розорить; и он де Аюся с товарищи хочет тебе

великому грсударю в ясашном холопстве служить вечно и с родимцами своими; а его де Даралну послали они бить челом тебе великому государю со всею своею правдою, а не лестным делом; да и ясачные б де иноземцы потомуж жили с Великим береженьем и опасением в крепких в угожих местех. И я холоп твой, по тому их челобитью, принять под твою великого государя царскую высокую руку и нерчинских казаков, для их Аюси с товарищи приход к Нерчинскому острогу, без твоего великого государя указа, послать не смел для того, что Аюся с товарищи и с родов своих платят ясак китайскому богдокану; а в твоих великого государя указах и в грамотах ко мне холопу твоему писано: с китайскими людьми ссоритца не велено. Да в нынешнем, государь, во 190 году, марта в 16 день, писал ко мне холопу твоему в Нерчинской острог из Албазинского острогу сынишко мой Андрюшка Воейков: в нынешнем же де во 190 году, марта в 5 день пришли в Албазинской острог с твоей великого государя службы с Зии реки из верхозийского ясачного зимовья Черногору казаки Василей Терентьев с товарищи, шестнадцать человек, и с собою де привезли аманатов и твоей великого государя ясачной соболиной казны четыре сорока двадцать семь соболей с пупки и с хвосты; а в Албазинском, в съезжей избе, ему Андрюшке он Ва-

силей с товарищи вести сказывали: будучи де он Василей и с товарищи в верхозийском ясачном зимовье, и для ясачногож де сбору ходил де он Василей с товарищи к даурским и богдойским мужикам на торговище, и на торговище де ему Василью сказывал и товарищем его Витай, даурской мужик, именем Алтиней, не ложно и клятвою де по своей вере, солнцем и месяцем, ему Василью божился: есть де у богдойского их богдокана такая дума: собрана де у него великая сила, а посылает де он ту свою силу под Нерчинской и под Албазинской остроги; а подозваны де у него Черные Мунгалы, и по своей де они вере и пожалованы, дано де им многими камками, и отласами и бархатами, и ланами, серебром и хлебными запасы впредь на два годы; а к даурским де мужикам от богдокана ж прислан болшей боярин, и под хлебные запасы велено им бусы делать, а хлебные де запасы и лошади жирные готовы, и всякие де воинские припасы потомуж изготовлены. А преже де под остроги нынешней весны в 190 году по пластам наперед будет конница легкие люди Мунгалы в болшем собрание, а достальная де богдойская сила и война будет водяным путем в бусах, и с хлебными запасы, и с огненным оружием, и с пушками и со всякими воинскими припасы. А те де он речи даурской мужик Илтиней ему Василью сказывал с великим опасением,

тайно, чтоб де тех его речей он не сказывал богдойским и даурским мужикам, которые с ним Алтинеем были на торговище. Да он же де Илтиней говорил и велел ему Василью идти в Албазинской острог, и теж его речи, для ведома, сказать в Албазинском остроге в съезжей избе, и чтоб де в Албазипском остроге служилые и всяких чинов люди конечно от приходу богдойских неприятельских воинских людей береглись и готовились, а сила де богдойская под остроги будет. Да он же Василей сказывал: тут же де на торговище и в зимовье про войну теже речи ска-[210]зывал ясачной зийской Тунгус, именем Давоща; а он де Давоща те речи слышал на торговище ж у друзей своих и богдойских же мужиков, что де богдойская сила в великом собрание и будет де под остроги с войною нынешнею ж весною по пластам. Да в нынешнем же де во 190 году, Февраля в 20 день, приезжал в Албазинской острог с Науну даурского сотника Логчодоя сын его, а Ивана Яковлева сына Выезжего жены его брат ей родной, для свиданья к ним и с невеликим торжишком, и зятю своему Ивану Выезжему сказывал: послал де к нему Ивану отец его и велел де сказать, будет де сила богдойская с войною под Нерчинские и под Албазинской остроги по вешнему пути по пластам, и ты де про то скажи албазинским казакom, а сам де ты от богдойских и

от мунгалских воинских людей беригись, поедь жить в острог, а в деревне де далеко от острогу не живи, чтоб де тебя, не увезли богдойские воинские люди. И те его речи Иван Выезжей сказывал в Албазинском остроге в съезжей избе. А в Нерчинском, государь, и в Теленбинском и в Иргенском и в Еравинском, и в Итанцонском острогах твоих великого государя служилых людей мало, всего толко двести человек, и те служилые люди живут в розных острогах. И от тех, государь, Китайских воинских людей от их болшей силы мне холопу твоему оборонить твоих великого государя нерчинских острогов, за малолюдством, будет нечем; а Нерчинске, государь, казаки пешие, а не конные. И о том мне холопу своему, что ты великий государь укажешь? А в нерчинских, государь, острогах без конных казаков никакими мерами быть нелзе. А ныне я холоп твой в нерчинских и в албазинских острогах от приходу Китайских воинских людей живу с Великим опасеньем. А которые, го-

сударь, промышленные небольшие люди в Нерчинском остроге, и у тех, государь, промышленных людей ружья нет, а в твоей великого государя казне в Нерчинском остроге ружье, которое осталось от воеводы от Афанасья Пашкова, и то, государь, ружье все перержавело, а иное попорчено и ржавное и к стрельбе негодится; а которое ружье доведется и починить, и в Нерчинском остроге бронных и оружейных мастеров нет, а бронной мастер преж сего прислан в Нерчинской острог Коземка Федоров, и тот бронной мастер стал дряхл, и стар и слеп и с оружейного починкою не сможет. А бердышев и топоров и рогатин и сабель в твоей великого государя казне и у нерчинских казаков нет ничего; а у которых нерчинских казаков пищали свои и есть, и то не у всех казаков добрые пищали; а для осадного времени от неприятельских людей с ручным боем обороняться, будучи в осаде, нечем кроме ножей. И о том мне холопу своему что ты великий государь укажешь?

Современный список писан на шести листках. В конце помечено: Такова ж отписка послана в Енисееск. – Из коллекции актов г. Батенкова.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1875 г., т. IX, СПб., № 100., с. 208–210.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 54

1682 г. марта 22. – Отписка царю нерчинского воеводы Федора Воейкова о походе на Зею и на Селинбу сына боярского Игнатъя Милованова.

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всея Великия и Малыя в Белья Росии самодержцу, холоп твои Федка Воейков челом бьет. В прошлом, государь, во 189 году февраля в день прислана в Нерчинской острог твоя государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, грамота ко мне холопу моему из Сибирского Приказу, за приписью дьяка Семена Румянцова, а в той великого государя грамоте написано: указал великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, из Албазинского острогу на Селенбу реку послать кого пригож, и на Селенбе реке, где доведетца быть острогу, досмотрить и описать накрепко и учинить чертеж, да будет по досмотру и описи то место от Даурских острогов и от новопоставленного Зийского острогу и от

иных острогов не в далных и в крепких местех, и в том месте острогу быть пристойно, и с Китайским государством и с иными немирными землями ныне и впредь ссоры не чаять, – и на Селенбе реке велено острог поставить и ясачных иноземцов под твою великого государя высокую руку призывать и аманатов¹ имать; а в которых местех острог будет поставлен, и сколько служилых людей из какого чину в тот острог будет послано, и что им дано будет твоего великого государя денежного и хлебного жалованья и свинцу и иных каких припасов, и сколько под твою великого государя высокую руку учинитца ясачных людей, и что аманатов взято будет, и что на них будет ясаку положено, и сколь далеко тот острог от Албазинского и от новопоставленного Верхозийского острогов будет поставлен, и тому, государь, всему велено учинить роспись и чертеж, а учиня, ве-

лено о том к тебе великому государю к Москве и в Енисейск писать, а отписку, государь, и роспись и чертеж велено подать в Сибирском Приказе твоему великому государя боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, да столнику Кирилу Аристарховичю Яковлеву, да дьяком Семену Румянцову, Лву Ермолаеву. И по той, государь, твоей великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, грамоте послал я холоп твой на Селенбу реку из Нерчинского острогу Нерчинского сына боярского Игнатя Михайлова сына Милованова с товарищи в прошлом во 189 году апреля в 26 день, и велел² [369] и в нынешнем, государь, во 190 году Февраля в 22 день писал ко мне холопу твоему с Зии реки из Зийского острогу Нерчинской сын боярской Игнатей Милованов и прислал в Нерчинской острог чертеж Зийских и Селенбинских острогов и ясачных зимовей и пахотной земли, а в отписке, государь, его Игнатеев написано: приехал де он Игнатей на Зию реку, ниж Селинбы реки, на усть Долонца речки поставлен Албазинскими казаками острожек, одни стены подоле трех сажен, а другия стены полтретьи сажени печатных, у того острогу изба четырех сажен, а на остроге и на избе верхней бой и вышка для караулу, и в том месте на усть Долонца, по край

Зии реки, на берегу, острогу быть пригоже, и хлебородные места есть, и пашенных крестьян селить есть где; да он же Игнатей ходил по Зие реке вверх до усть Бирясвы реки с Албазинскими казаками, которые с ним Игнатеем посланы из Албазинского острогу по Зие реке, для ясачного сбора, в Улагирские Тунгусы, и по челобитью тех Улагирских Тунгусов шамана казака с родом, ниже Бирясвы реки, против Бабак озера, над Зиею, поставил ясачное зимовье с верхним боем, а перед зимовьем сени прирубные с верхним же боем с зимовейным в повал, а зимовье одни стены, промеж углы, полчетверты сажени, а другие стены трех сажен печатных, а прежнее де ясачное зимовье было поставленоверху по Зие на пустом месте, и водою то зимовье смыло и рознесло, и ясачным Тунгусом в то зимовье ходить с ясаком было далече, и то зимовье он Игнатей поставил на дороге в угожем месте у торговища близко, где торгуют богдойские люди с оленными Тунгусы многих родов, и те ясачные Тунгусы проходили прежнее ясачное зимовье мимо на торговище до ясачного платежа, и добрые соболи отдавали богдокану в ясак и проторговывали Даурским людям, а ныне те ясачные Тунгусы мимо новое зимовье проходить не станут до ясачного платежа; а по Зие, в среднем и в верхнем улуках, пашнишка были небольшие неу-

годны, водою топит часто, а выше улусов до ясачного зимовья и выше ясачного зимовья хлебородных мест нет, кроме соболиных промыслов; а из Долосского острогу до Зийского ясачного зимовья в дощаниках итти без простою четыре недели, а простои бывают, потому что бывают великие прибылые воды часто, а горной дороги конные нет; а из Албазинского острогу в Долосской острог плыть и вверх итти в дощаниках полтретьи недели, а через гору на коне в Долосской острог из Албазинского острогу ехать две недели, а с усть Зии в Албазинской итти по Амуру в дощанике три недели, а из Долосского острогу вниз по Зие горною дорогою по правую сторону Зии реки на коне ехать до Томи реки два дни; вылуговых старых пашень много, и ялани есть, хлебородные места и сенные покосы и всякие угодыя есть же; а от Томи реки до Амуру на конех два дни ехать; и по Амуру вниз до города и ниже города до перевозу луговых пашень старых безчисленно много и места пространны силно; а от Зии и от Амуру за лугами, ниже Томи реки, ялани силные болшие, неисповедимые, самые добрые хлебородные места, подобно Сибирским яланям, мочно завести болшие пашни, населитца пашенных крестьян тысяча и болши, а ялани преж сего не пахиваны, и для мелнишного строенья речки в яланех есть, толко для дворового

строенья хоромного лесу нет близко города и яланей; а по Зие и по Силинбе рекам хоромного и дворового всякого лесу много, по воде плавить мочно, а по другую сторону Зии реки луговых старых пашень много же, а яланей нет, и железная руда в Белых горах есть с усть Зии до Селинбы на полудороге; а с усть Зии по Амуру вниз ехать на коне поло-[370]вина дни все лугами и старыми пашнями до того города, а город земляной, иноземцы его зовут Аютун, а величеством тот город подле Амура реки десятин на пять, а от Амура поперег с десятину, а внутрь того города малой город, все четыре стены по десятине, а с поля стена три сажени высота, а и в низком месте высота две сажени печатных, а как городовые стены ведены, и то де написано в чертеже, а около города старых пашень гораздо меньше, и ниже города перевоз есть, перевозятца Даурские люди, которые ездят на Силинбу для ясачного сбора и торговать и промышлять; а перевоз есть ниже города, половина дни ехать на коне, тут есть лодки и баты всегда; а с перевозу ехать до Даурских жилых людей шесть, дней, по сказке Даурских людей; а про тот город спрашивал де он Игнатей у Даурских людей, и они де Даурские люди ему Игнатью сказывали, кто де тут жил и владел и какие люди жили, и они де про тех людей не знают, и памятухов нет, и где те люди

делись и они де про то не ведают; а с усть Зии в верх по Амуру ниже Комару, на правой руке луг велик, старые пашни много, иные луги пахиваны, и тут пашенных крестьян мочно селить, и выше Комару луговых пашень много, а все пахали Даурские люди по Амуру и по Зие и по Силинбе, а сведены они с тех мест для того: ведомо де учинилось богдокану, что де с них Даурских людей брали ясак на великого государя Русские люди казаки; а из Долосского острогу вверх по Зие и по Силинбе до улусу и выше улусу до Унги реки все пахотные земли хлебородные, и ялани есть, на коне тех мест полтора дни ехать, а вверх по Силинбе из Долосского острогу ехать в ясачное зимовье семь дней, а воденным путем в дощанике четыре недели, а вверху по Силинбе и вниз до Унги реки угодных пашень и хлебородных мест нет же, что и в Верховзийском; а на Силинбе поставлено два зимовья ясачных с верхним боем, долгие стены четырех сажень, а короткие стены трех сажень печатных, а промеж зимовьями сени четырех сажень с верхним же боем в повал, и естьли будет в Долосской острог прибавочные служивые люди да пошлютца и пашенных крестьян поселят, ино мочно на Силинбе с Бирярских Тунгусов ясак брать небольшими людьми, без Албазинских подъемов, ходить в малых судах по шти человек в судне, потому что Силимба река мелка

и быстра, бечевы и подчалы не держат, а в дощаниках по Силинбе ходить немочно; а естьли в Долосской острог служилых людей на прибавку и пашенных крестьян не будет, ино вново ясаку взять будет не мочно; а захребетных Тунгусов конных много есть, ездят мимо Долосского острогу промышлять, и он де Игнатей ясаку прошал и они де ясаку не дают, надеютца на Даурских людей, а Даурские де люди им ясаку давать не велят; а в Верховзийском и на Силинбе в ясачных зимовьях сколько ясачных иноземцов и почему на них ясаку положено, и тому де роспись будет в нынешнем во 190 году, по вешнему водяному пути, с ясачною соболиною казною, а ныне де о тех иноземцах писать не мочно, потому что он Игнатей в Верховзийском был по осени рано, водяным путем, до ясачного сбора, а собрать было иноземцов не мочно, потому что они были по лесом и по рекам, ясак промышляли, кормились все врознь, и он де Игнатей оставил на Зие в ясачном зимовье, для иноземской имянной и ясачной окладной росписи, приказным служилого человека Василья Терентьева; а по Силинбе де реке ездил он Игнатей в ясачное зимовье с толмачем с Сергушкою Биятцким в нынешнем во 190 году в декабре месяце, и в то де время ясачные Тунгусы не все были в сборе и ясак не сполна был собран, и ему [371] де Игнатью на Силинбе жить

за ясачным добором нелзя, потому что в то время в Долосской острог приезжают Даурские люди многие и на усть Силинбы берут с конных Бирярских Тунгусов на богдокана ясак, и для того де он Игнатей поспешил ехать с Силинбы в Долосской острог, чтоб прежде Даурских сборщиков взять ясак тебе на великого государя в казну и в то де время быть в Долосском остроге; а на Силинбе де в ясачном зимовье, для иноземской имянной и ясачной окладной росписи и для ясачного добору, оставил приказным служилого человека Васку Евдокимова. И он де Игнатей ездил из Долосского острогу вниз по Зие реке и по Амуру до городу, для осмотра хлебородных земель; имал де с собою служилых людей Никифорка Поскотинного, да толмача Сергушку Биютцкого, да Ивашка Мартемьянова, и естли де ты великий государь изволиш на Зие быть болшим пашням и заводам и городу, ино городу быть пристойно на усть Зии реки в стрелке или ниже по Амуру земляной город Аютун, которой в его Игнатеве отписке писан и в

чертеже, потому что те места ужожи, ездил де он Игнатей по тем местам смотреть по осени рано, сентября в 29 день; а из того де города ехать до Китайского царства на коне все по степям один месяц; а чертеж де написан с усть Комару вниз по Амуру до Аютуна города, а выше де Комару до заимок все луги паханыя; а аманатов де в Зийских острогах шесть человек: Чипкоул, Делений, Коено, Халгига, Амрачас, Пориги, и те де аманаты посылаютца из Албазинского острогу в Зийские остроги во время ясачного сбора, как в твою великого государя казну собирают ясак, а после, государь, ясачного сбора тех аманатов присылают в Албазинской острог. И я холоп твой тот его Игнатев чертеж послал к тебе великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к Москве с сею отпискою вместе, с Енисейским сыном боярским с Данилом Строгановым, марта в 22 день.—Такова же отписка послана в Енисейск и чертеж о Зийских острогах.

Из рукописи, содержащей в себе списки актов Селенгинского и Нерчинского архивов (в лист, на 204 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Примечания:

¹ В рукописи вместо и аманатов написано: нам на то.

² Недостающие слова в рукописи заменены точками.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, т. VII, СПб., 1859, № 74/XXIII, С. 368–371.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

◆

№ 55

**1682 г. май. – Память Нерчинскому сыну Боярскому Григорью
Лоншакову, да Албазинскому Волостному Пашенному
крестьянину Михаилу Немирову.**

190 года Мая дня по Государеву Цареву и Великаго Князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца Указу и по приказу Стольника и Воеводы Федора Дементьевича Воейкова память Нерчинскому сыну Боярскому Григорью Лоншакову, да Албазинскому Волостному Пашенному крестьянину Михаилу Немирову. Ведать вам ниже Албазинскаго острогу в большой слободе и во всех заимках Албазинскаго уезду крестьян. Тебе б Григорью ведать по

наказу, каков тебе дан в Нерчинском остроге, а. ему Михайлу Немирову ведать по сей памяти и радеть вам Великаго Государя десятинную пошлину и велеть пашенным крестьянам на Великаго Государя пахать десятинные пашни по Указу и промеж пашенных крестьян расправы чинить, а их пашенных крестьян Албазинским казакам в обиды не давать, да тебе б Григорью учинить заказ крепкой пашенным крестьянам, у которых есть дочери их девки и они б дочерей своих выдавали замуж

за пашенных крестьян, а за Албазинских казаков ни за кого отнюдь не давали для того, чтоб пашенные крестьяне были все женаты и постоянны, а буде вы Григорей и Михайло пашенных крестьян до-[160]черей их девок давать за Албазинских казаков, а не за крестьян станете, и вам от Великого Государя за то быть в опале и торговой казне и животы ваши взяты будут на Великого Государя безо всякия пощады, а Во-

лостному пашенному крестьянину Ивану Вятке, да целовальнику Волостному Родиону Васильеву ведать вам от Аргуни реки вниз по Амуру реке до Албазинского острогу по всем заимкам пашенных крестьян и радеть вам Великого Государя десятинными пашнями и велеть пашенным крестьянам и самим вам на Великого Государя пахать десятинные пашни по Указу и никому пашенных крестьян в обиды не давать.

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 11, с. 159–160. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 56

1682 г. не ранее мая 11 – Отписка пятидесятника Федорова иркутскому воеводе Власову с именной росписью людей, сосланных в албазинскую пашню.

Государя Царя и Великого князя Феодора Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белыя Росий Самодержца Стольнику и воеводе Ивану Остафьевичу пятидесятник казачей Коземка Федоров челом бьёт в нынешнем 190 году мая в 11-й

день послан из Иркутского острогу за Байкал в Удинские и Даурские остроги в Албазинской в пашню с приказчиком стольника и воеводы Феодора Дементьевича Воейкова с Василием Онофреевым на дощанике ссыльные люди, а хто имяны

тому роспись под сею отпискою о путех ссыльных людей в Иркутском ему Василию дан дощаник с лоткою и с парусом и со всякими судовыми припасы дав запас большая на парус.

Роспись ссыльным людям в Албазинскую в пашню

дворцовые Пуретцкой волости крестьяне

Оска Кибирев з детьми с тремя сыновьями

Сенка Филипов Ремезов з женою Анискою с сыном Якушкою

Якушко Ортемьев с женою Дарицею и с сыном Ивашком

Галахтионко Данилов с женою Фетюшкою

Ивашко Масин з женою Мавруткую з детьми с сыном Тимошкою з дочерью Палашкою

дворцового ж села Пурецкие волости крестьянин Дёмка Иванов да боярина Михайла Ивановича Морозова жены боярыни вдовы Домны Семёновны человек ево Ивашка Соколов(?) для немочи в Иркутском оставлены потому что они Дёмка и Ивашка скорбны гораздо и послать их нельзя.

Против сей отписки и росписи Василий Онофриев ссыльных людей Оску Кибирева с товарищи пять человек с жёнами и детьми принять [принял?] по его Васильеву велению иркуцкой казак Гришка Кибирев руку приложил.

РГАДА ф. 1121, оп. 1, д. 43, л. 123–125.

Публикуется впервые.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

№ 57

1682 г. после 17 июля.¹ – Отписка царю нерчинского воеводы Федора Воейкова, о строении острога на реке Селенбе и о положении острогов в других местах; о сборе ясачной и десятинной соболиной казны; о самовольстве албазинских казаков и о намерении их идти на реку Быструю против Китайцев и проч.

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холоп твой Федка Воейков челом бьет. В прошлом, государь, во 189 году, прислана в Нерчинской острог твоя великого государя грамота мне, холопу твоему, из Сибирского Приказу, за приписью дьяка Семена Румянцова; а в твоей великого государя грамоте написано: указал ты великий государь из Албазинского острогу на Селенбу реку послать кого пригож, и на Селенбе реке, где доведетца быть острогу, да рассмотреть и описать накрепко и учинить чертеж; да будет по досмотру и описи то место от даурских острогов и от новопоставленного Зийского острогу и от иных острогов не в далних и в крепких местех, и в том месте острогу быть пристойно, и с китайским государством и с иными немирными землями ныне и впредь ссоры не чаять,–и на Селенбе реке велено острог поставить и ясачных иноземцов под твою великого го-

сударя высокую руку призывать и аманатов иметь; а в которых местех острог будет поставлен, и сколько служилых людей и из какого чину в тот острог будет послано, и что им дано будет твоего великого государя денежного и хлебного жалованья и свинцу и иных каких припасов, и сколько под твою великого государя высокую руку учинитца ясашных людей, и что на них будет ясаку положено, и сколь далеко тот острог от Албазинского и от новопоставленного Верхозийского острогов будет поставлен,–и тому, государь, всему велено учинить роспись и чертеж, а учиня, велено о том к тебе великому государю к Москве и в Енисееск писать. И по той, государь, твоей великого государя грамоте, послал я холоп твой на Селенбу реку из Нерчинского острога Нерчинского сына боярского Игнатья Милованова с товарищы в прошлом во 189 году, и велел ему Игнатью на Селенбе реке досмотреть накрепко: в каких местех остроги поставлены, и сколько

служилых людей, и из какого чину, и что им твоего великого государя денежного и хлебного жалованья и свинцу и иных каких припасов дано, и сколько под твою великого государя высокую руку учинилось ясашных людей, и что аманатов взято, и что на них ясаку положено, и сколь далеко тот острог поставлен на Селенбе реке от новопоставленного Зийского острогу, и тот острог на Селенбе реке не близко ль китайского государства и хлебородные места есть ли? И тому, государь, всему велел я холоп твой учинить роспись и чертеж, а учиня роспись и чертеж велел привезти в Нерчинской острог. И в нынешнем, государь, во 190 году писал ко мне холопу твоему с Зии реки из Зийского острогу Нерчинской сын боярской Игнатий Милованов и прислал в Нерчинской острог чертеж и зийских и селинбинского острогов ясачных зимовей и пахатной земле; и я холоп твой тот его Игнатьев чертеж и роспись наперед сего в нынешнем во 190 году, марта в 22 день, послал к тебе великому государю к Москве с енисейским сыном боярским с Данилом Строгоновым, и о том я холоп твой в Енисейск к воеводе к Александру Петровичю Салтыкову писал же. И в нынешнем же, государь, во 190 году, июля в 17 день, с Зии реки из Зийского и из Селенбинского острогов пришел ко мне холопу твоему в Нерчинской острог Нерчинской

сын боярской Игнатей Милованов и в сезжей избе подал мне холопу твоему на письме сказку за рукою, а в сказке его написано: собрал де он в Селинбинском и в Долонском острожках достальной твоей великого государя ясачной [215] и десятинной соболиной казны на нынешней на 190 год семь сороков девять соболей с пупки и с хвосты, да 9 рублей оброчных денег с промысленных людей, и тое де твою великого государя ясашную и десятинную соболиную казну и денги у него Игнатя в Албазинском остроге албазинской приказщик Ивашко Семенов, по приговору всех албазинских казаков, взял в Албазинской острог, а ему Игнатю сказали: не замай де та казна, до указа, будь в Албазинском остроге, а в Нерчинской де тебе тое казны везти не дадим. Да он же Игнатей сказал: слышал де он, у всех албазинских казаков говорят: пошлем де мы ту соболиную казну к Москве через Олекму, а не мимо Нерчинской острог, с нерчинским беглым казаком с Васкою Захаровым да с албазинским казаком с Васкою Евдокимовым. Да с ними ж де за тою твоею великого государя соболиною казною идет через Олекму старой вор и бунтовщик и всякому злему делу учитель Ивашко Степанов сын Нарицын, а Мусатов он же; а брат, государь, его Ивашков родной, Петрушка Нарицын да племянники его родные ныне в Алба-

зинском остроге торгуют великими торгами без твоей великого государя десятинные пошлины, для того что племянник его Ивашка Наричина родной, Сенка, в Албазинском остроге в казаках, и торгуют именем его Сенкиным и пашню пашут болшую, хлеб всякой сеют, а твоей великого государя десятой пошлины, соболей и хлеба, не платят. Да он же Игнатей мне холопу твоему сказал: прибрали де при нем Игнатье албазинские казаки к себе вновь восемь человек из гулящих людей в албазинской казачей список, и иных де казаков прибирают в албазинской казачей список, и идут де многие албазинские казаки, Гаврилко Фролов с товарищи, подозвав с собою промышленных людей, вниз по Амуру на Быструю реку на шести дощениках, на седмом каюке; а сколько де еще у них дощеников в прибавку будет или каюков, про то де ему Игнатю не ведомо; а для какого дела идут на Быструю реку, про то мне холопу твоему не ведомо, а знатное, государь, дело, что у них будет задор с китайскими людьми. Да он же Игнатей сказал: Долонское зимовье, которое поставлено было албазинскими казаками, двенадцатью человеки, Гришки Степанова с товарищи, и ныне то зимовье покинуто для того, что о том зимовье говорят безпрестани китайские люди болшою ссорою, что у них китайских, людей в том месте перевоз и торговище в

том месте у них бывало разных родов с иноземцами; да и для того, что твоей великого государя ясачной соболиной казны сбиралось малое число: в прошлом во 189 году толко, государь, собрано твоей великого государя ясачной казны 12 соболей, а в нынешнем во 190 году собрано 17 соболей, а прежде сего, государь, имывали есак с тех иноземцов тебе великому государю в Зийском и в Селинбенском зимовье, с которых иноземцов имывали в Долонском зимовье, а ныне, государь, по прежнему станут имать с тех иноземцов ясак в Зийском и в Селинбенском зимовье. Да, с ним же Игнатьем пришел ко мне холопу твоему из Албазинского острогу человек мой Сережка Емельянов, послан был от меня холопа твоего из Нерчинского острогу в Албазинской острог на досчанике с наемными работными людьми, для купленного моего хлебного запасенку, а тот, государь, запасенко мой лежал в Албазине и в монастыре и на монастырской мельнице, и тот, государь, запасенко мой албазинские казаки пограбили, взяли себе, а человеку моему не дали, и говорили человеку моему: полно де боярину твоему в Албазине хлеба купить! и человека моего Сережку имали к себе в круг и говорили ему: скажи боярину своему: толко бы с Зии реки пришли к нам казаки в тое пору, как боярин твой был в Албазине, а застали [216] бы бо-

ярина твоего в Албазине, и ему бы де из Албазинского острогу живому у нас не бывать. И которые памети доведетца, в Албазинской острог из Нерчинского острогу мне холопу твоему послать для твоих государевых дел, и тех, государь, моих паметей ни в каких твоих государевых делах не слушают и твоему великого государя указу чинятца непослушны, живут самоволством своим. И о том что ты великий государь укажешь?

Черновой подлинник писан столбцом на шести листках. На обороте, по склейкам, скрепа: Столник и воевода Федор Воейков.

Из коллекции актов г. Батенкова.

Примечания:

¹ Дату следует отметить 1682 годом после 17 июля, когда к Воейкову прииош нерчинский боярский сын Милованов, которого сказка составляет главное содержание отписки.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1875г, т.9, СПб. стр. 214–216.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 58

1682 г. после ноября 26. – Челобитная царю Феодору Алексеевичу (писанная после его кончины) поселенных около Албазинского острога крестьян об оказании им вспомоществования по случаю бедственного их положения.

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, бьют челом бедные и беспомощные сироты твои далние твоей великого государя отчины Дарурские земли Албазинского острогу Покровские слободы и всех заимок ссыльные людишка Пиминко Афонасьев, Стенка Иванов, Егупко Игнатьев, Васка Фалелеев, Ивашко Яковлев, Родка Никонов, Пашко Иванов, Левка Даргинец, Мишка Немиров, Петрушка Артемьев, Юдка Федотов и все пашенные крестьяня семдесят человек. Сосланы мы бедные за своя согрешения в такую далнюю украину и посажены в пашню на пень да на колоду; а ссуда нам давана из твоей великого государя казны неболшая: даваны были кони старые и жеребята молодые, ни в соху ни в борону не годились, и с нужи многие у нас перепропали; а ралники даваны нам старые и ломаные. И мы сироты твои, надеясь на твою великого государя милость и на жалованье, имали кони в долги у торговых людей дорогою ценою, рублев по две-

надцати и болши, а ралники рубли по три; а иные ссуды никакие нам не давано против иных горо-[205]дов, как дается твоя великого, государя ссуда всякая пашенная в хлебное жалованье и денежное и скот; а мы сироты твои людишка скудные, и многие у нас холостые и одинокие; а лготы нам сиротам твоим не дано ни на единое лето, велено нам на тебя великого государя и первое лето пахать по полудесятине, и мы сироты твои холостые и женатые пахали по ровну по полудесятине безоброчно шесть лет, ожидали себе твоего великого государя жалованья против иных Сибирских городов, многие челобитные к тебе великому государю по вся годы мы бедные посылаем, а указу никакова не бывало и по се число. И в прошлом, государь, во 190 году били мы челом тебе великому государю и подали челобитную столнику и воеводе Федору Дементьевичю Воейкову обо всякой своей нужде; и столник и воевода Федор Дементьевичь, видячи нужду и бедность, жаловал нас твоим великого государя жалованьем, давал

ралники и косы и серпы и уклад из твоей великого государя казны, и сбавил с нас холостых по четверте десятине с человека, а хлеб у нас по три годы не доходил, ржа давила и червь ел. А в прошлом во 190 году, волею Божиею, были дожди заливные, не дало сен поставить, и земель на другой ряд не перепахать, а хлебы все вытопило, которые были паханы на тебя великого государя и на себя, и ныне нам бедным долгов стало платить нечем, многие стоим на правеже и окупиться нечем, место стало у крайное, всячина дорога: платье верхнее и исподнее, и обутки, и харчъ, и соль. Соли покупают годом по две гривны безмен, а в безмене полтретья Фунта; а в прошлом во 190 году покупали соли безмен по полтине и по дватцати алтын безмен, а сукна аршин купят по десяти алтын и болши, а чарки по полтине и по дватцати алтын, а шубные кафтаны рубли по три и болши, а железное уклад и железо велми дорого, от наварки от ралников по рублю, от топоров по десяти алтын, и от того мы одолжали великими долгами. А хлеб родитца не как по иным городам, а ржи мало сеют, потому: ветром выдымает; а что у нас какова хлеба и родится, и мы тот хлеб за долг и отдаем дешевою ценою, пуд по 2 гривны, ярицу да пшеницу по 10 алтын, а весною тот же хлеб у них же берем в долг пуд по полтине и по 20 алтын, ярицу да пшеницу

а овес по 4 гривны к севу, и от того мы хлебные sprawy взять не можем; а конные силы завести нечем, и многие у нас безконные, и многие наги и босы, и по многие времена все ядим без соли, харчю и годом иной не видает. А по иным городам в Сибире, и на Илимском волоку, и в Иркутцком которые наша братья ссыльные люди поселены в пашню, и там места хлебородные и скотные, всякого скота много, и они от скота одеваютца и харчъ окупают; а у нас корову купят рублей по десяти и болши, а овец и свиней нет и всяких харчей скудно. А ныне, государь, стало время заворошное, от Богдойских людей безпрестанно опасаемся; а ружьем и порохом и свинцом в Албазинском остроге скудно, какова пора, нам и принятца будет не за что. А в нынешнем, государь, во 191 году, заговев в Филипов пост, приезжали многие Богдойские бояре, а с ними приезжали многие люди сот с восемь, неведомо для какова дела, и в остроге оне малое дело были; и как они назад поехали, и оне у нас у многих хлеб потравили и сена; а сенами у нас скудно потому: водами сена потопило и розносило. А к новому году земли у нас стали не перепаханы на другой ряд, не успели, снимать торопились хлеб, и впредь нам пахать на тебя великого государя многим не на чем, скудны и бедны. Милосердный государь царь и великий князь Феодор Алексееви-

чь, всеа Великия и Малыя и Белыя [206] Росии самодержец; пожалуй нас бедных и беспомошных сирот своих своим великого государя жалованьем, чем тебе великому государю об нас Господь Бог по сердцу положит, чтоб нам бедным сиротам твоим в конец не погинути и твоей великого государя десятинной пашни не отбыть; а сию нашу челобитную вели, государь, из Нерчинска послать к тебе великому государю

под отпискою к Москве. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

А позади челобитной пишет: к сей челобитной вместо пашенных крестьян и детей своих духовных, которые грамоте не умеют, по их велению, Воскресенской поп Федор Иванов руку приложил. К сей челобитной пашенной Стенка Богтуйской руку приложил.

Из рукописи под заглавием: Списки Енисейской архивы (ч. 3-я, в лист, на 391 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. X, СПб., № 57, сс.204–206.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 59

1683 г. января 3. – Отписка Нерчинского воеводы Федора Воейкова к Енисейскому воеводе Александру Салтыкову о вестях про Китайцев, о приходе их в Албазин и об опасном положении как этого и других Даурских острогов.

Господину Александру Петровичю, Богдану, Леонтьевичю, Федор Воейков челом бьет. В нынешнем во 191 году ноября в 19 день приезжали в Нерчинской острог с Науна реки от Китайского богдохана посланцы из Китайского государства сотник Озя, да с Науна реки два сотника Толбанця да Сипо, а с ними было Китайских людей семнатцать человек; а в Нерчинском остроге в съезжей избе мне говорили словесно: от их де Китайского богдохана из царства прислан на Наун реку Китайской воевода Асканба, и послал де их сотников Озя да Толбанця да Сипу, и велел де им в Нерчинском остроге бить челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, и мне велел де говорить словесно, чтобы из Нерчинского острогу послать на Наун реку к их Китайскому воеводе Асканбе Нерчинских казаков добрых людей для переговору; а о чем де Китайской богдохан приказал говорить, и они де сотники про то не знают. И в нынешнем же во 191 году, ноября в 23

день, послал я из Нерчинского острогу Нерчинских казаков, десятника казачья Юшку Алексеева сына Лабу, да вместо подьячего казака Андриюшку Васильева сына Кожевникова, да толмача Гришку Харитоновна сына Кучю; да велел я ему Юшку взять из нового Аргунского острогу к себе в прибавку Аргунских казаков двух человек на Наун реку к Китайскому воеводе Асканбе для подлинного проведывания и от них Китайских людей воинского приходу, чтобы они Китайские люди под Даурские остроги войною безвесно не пришли; и что он Китайской воевода Асканба и о каких делах ему Юшку Алексееву с товарищи учнет говорить, и я те его Китайского воеводы Асканбы речи велел ему Юшку с товарищи писать на росписи имянно; а против его Китайского воеводы Асканбы речей о государевых делах отповеди ему Юшку с товарищи давать не велел. Да в нынешнем же во 191 году, декабря в 27 день, писал ко мне в Нерчинской острог из Албазинского острогу Албазинских казаков выборной прикащик, Албазинской казак Ивашко

Семенов а в отписке его Ивашкове написано: в нынешнем де во 191 году ноября в 15 день вышли де в Албазинской острог на государево имя в вечное холопство из Богдой Наунских сел Богдойские два мужика да две бабы, а имена де тем мужикам Гур да Дондогор, а жили де они в Наунских селах у Богдойского пятидесятника у [228] Алетум с женами своими и с детьми в холопстве, и он де Ивашко тех выезжих Богдойских мужиков принял и ныне де живут в Албазинском остроге. Да в нынешнем же де во 191 году, ноября в 26 день, приезжали в Албазинской острог Китайского богдохана бояря и воеводы, восемь человек, а с ними де было у Албазинского острогу Китайских людей сотников и пятидесятников и всяких воинских людей с тысячу человек и болши конницы, с протазаны, и с праперы, и знаменами и с невеликим огненным оружием, а имена тем Китайским бояром и воеводам Аммазянин, Фанта, Накаман, Карамгу, Майтама, Алаханба, Сирсалама, Етамамерин, да с ними же был Наунской воевода Монготей, и в казачье де слободе на дворе у казака у Гаврилки Фролова те Китайские бояря не с большими людьми стояли. И в розговоре через толмача ему Ивашку говорили: были де они на усть Камара реки с Китайским с своим богдоханом на облаве и на звериных промыслах, и в тож де время на Комар к ним в об-

лаву приехал из Наунских сел Даурской пятидесятник и Китайскому де их богдохану бил челом и сказал: убежали де у него дворовые его люди два мужика да две бабы, а догнать де он тех своих людей не мог. И Китайской де их богдохан им бояром дал своих Китайских людей и велел де им ехать за теми беглыми мужиками в Албазинской острог; и они де Китайские люди тех беглых мужиков сакму нашли, и тою де сакмою они в Албазинской острог приехали. А иного де дела они за собою ничего не сказывали и ни про что не говорили, толко де про тех двух мужиков спрашивали. И он де Ивашко про тех двух мужиков сказал им Китайским людям, что де те мужики и с бабами пришли и ныне де есть в Албазинском остроге; толко де тех ваших выезжих мужиков и иного никого, которые от вас выезжают в Албазинской острог, без указа великого государя отдавать не велено. И он де Ивашко им Китайским людям говорил: естли де вы с добрым делом и для какова переговору в Албазинской острог приехали, и он де Ивашко велел им ехать в Нерчинской острог, а ему де Ивашку с ними говорить ничего не указано. И они де сказали ему Ивашку: с той же де облавы с усть Комару посланы де и в Нерчинской острог два сотника, а с ним Китайских людей дватцать человек через новой Аргунской острог для тех же беглых двух мужиков, и

им де ехать в Нерчинской острог не по что. А из Албазинского де острогу те Китайские люди назад поехали ноября того ж 26 числа. А как де в Албазинской острог и из Албазинского те Китайские люди мимо заимки ехали смирно и Руских людей никого не били и не грабили, толко де по полям немолоченой хлеб, а по лугам сена лошадям травили. И он де Ивашко за ними Китайскими людьми из Албазинского острогу их сакмою посылал в подъезд Албазинских козаков Стенку Панкратьева сына Коурка с товарищи, десять человек, на низ по Амуру реке до Камару, для подлинного проводыванья, куды те Китайские люди пошли и не стоят ли де в прикрытных местах. И Албазинские казаки Стенка Коурка с товарищи в Албазинской острог приехали и ему Ивашку Семенову сказали: ехали де они Стенка Коурко с товарищи из Албазинского острогу за Китайскими людьми их сакмою на низ по Амуру реке десять дней, и то де они видели: которою де сакмою они Китайские люди приезжали в Албазинской острог, и та де их сакма вышла с Наунскую сторону через хребет от Войлоги речки, и назад де тою прежнею сакмою не поехали, а поехали де и сакма пошла на низ по Амуру; и они де Стенка Коурко с товарищи в Албазинской острог воротились. А как [229] де они Китайские люди в Албазине были, и из них де небольшие люди на

Амур реку выходили и с речную сторону Албазинской острог осматривали, а иные де мужики по за речной и по Албазинской стороне езда на конях и на Албазинской острог смотрели, каковы де в Албазинском остроге крепости; и то де знатное дело, что они приезжали в Албазинской острог не для тех беглых мужиков, для осмотра Албазинского острогу и каковы крепости и много ли де в Албазинском есть Руских людей. А как де они Китайские люди в Албазинской острог ехали, и они де по заимкам у казачьих ясырей, которые ясыри бывали их роду, про Руских людей спрашивали, неведомо для чего: сколько де Руских людей живет в Албазине? А которые два мужика и две бабы вышли в Албазинской острог, и они де сказывали ему Ивашку: приезжали де они Китайские люди в Албазинской острог не для ради нас, для проводыванья и досмотру Албазинского острогу; а то де они и в Наунских селах живучи слышали и знают: сила де Китайская собираетца и хлебные де запасы и коней готовят, хотят де они Китайские воинские люди быть войною под Албазинской острог в нынешнем же де во 191 году весною по пластам. Да в той же его Ивашка Семенова отписке написано: в нынешнем же во 191 году, по осени, был в Албазинском же остроге Ивашка выезжего шурина его, а жене его, брат родной, приезжал с

Науну реки тайно от Китайских людей, и сестре своей а Ивашка выезжаго жене тайно сказывали те же речи, что под Албазинской острог войною Китайские люди будут. Да и от ясырей де, которые живут в Албазинском остроге за Албазинскими казаками те же вести носятца, что де под Албазинской острог Китайская сила с войною будет. И в Албазинском де остроге Руских людей ныне малолюдство, и в осадное время от неприятельских Китайских воинских людей в Албазинском остроге сидеть не с кем, и Албазинского острогу и великого государя казны и аманатов оберечь нечем и нечем, потому что де пушек и пушечного снаряду и мелкого ручного ружья, пищалей и пороху и свинцу в Албазинском остроге немного; а которое мелкое ручное ружье пищали в Албазинском и есть, и те де пищали худы и ненадежны, на стрельбе розрывает и людей портит; и чтоб мне из Нерчинского острогу в Албазинской острог к нему Ивашку Семенову и к Албазинским казакам послать в помощь людей Нерчинских казаков для осадного времени, и пушек и пушечных запасов, и ручного мелкого ружья, пищалей и пороху и свинцу, чем бы им было оберечь Албазинской острог и великого государя казну и аманатов от приходу Китайских воинских людей. А в Нерчинском и в Теленбинском и в Еравинском и в Иргенском и в но-

вом Аргунском острогах и в Итанцынском зимовье служилых людей малолюдство, толко двести два человека, и те служилые люди живут в разных острогах, а не в одном в Нерчинском остроге; а великого государя в казне в Нерчинском остроге пушек и пороху и свинцу мало, а которое мелкое ружье осталось от воеводы Офонася Пашкова, и то ружье все перержавело, а иное попорчено и рваное, и к стрельбе то ружье негодитца, и мне из Нерчинского острогу пушек и пороху и свинцу и мелкого ручного ружья послать нечего, и Нерчинских казаков, за малолюдством, в Албазинской острог послать некого, и от тех Китайских воинских людей оборонить великого государя Нерчинских и Албазинского острогов, за малолюдством, будет нечем, и ныне я в Нерчинских острогах от приходу Китайских воинских людей живу с великим опасеньем. А которые промышленные небольшие люди в Нерчинском, и у тех промышленных людей ружья нет, а [230] бердышев и топорков и рогатин и сабель в великого государя казне и у Нерчинских казаков нет ничего; а у которых Нерчинских казаков пищали свои и есть, и то не у всех казаков добрые пищали; а для осадного времени от неприятельских людей ручным боем оборонитца, будучи в осаде, нечем. А Албазинские казаки Ивашко Семенов с товарищи мне непослушны

по прежнему, и памятей моих, которые памяти великого государя за печатью Сибирские земли Даурских острогов я к ним посылаю о государевых о всяких делах, и тех моих памятей Албазинские казаки, он Ивашко Семенов с товарищи, ни в чем не слушают. А которых Албазинских казаков и промышленных и всяких гулящих людей он Ивашко с товарищи отпустил из Албазинского острогу без моего ведома на семи дощаниках, кроме мелких судов, Гаврилка Фролова с товарищи, человек со ста и болши на низ по Амуру на Быструю реку, и про тех казаков Гаврилка Фролова с товарищи в Албазине и в Нерчинском остроге мне по се число вести нет. А как он Ивашко Семенов отпустил вниз по Амуру на Быструю реку Гаврилка Фролова с товарищи, и о том я к великому государю к Москве и к тебе, господине Александру Петровичю, писал и отписку послал с торговым человеком с Лалетиным с Иваном Семеновым сыном Лобашковым да с человеком своим с Сережкою Мелеховым в прошлом во 190 году, июля в 17 день; а я чаю того, что на низу на Быстрой реке. Гаврилко

Фролов с товарищи заворовал чемнибудь, ссорился с Китайскими людьми. А Китайские люди, как приходили к Албазину, стояли около Албазинского острогу на лошадех и с лошадех не слазили, всего де были толко два часа около Албазина. А как Юшка Алексеев с товарищи с Науна реки ко мне в Нерчинской острог приедут и Китайского воеводы Асканбы речам подадут мне роспись, и я буду о том писать к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к Москве и в Енисейск к тебе господину Александру Петровичю. А с отписками послан к великому государю к Москве и в Енисейск к тебе господину Александру Петровичю Албазинского казака Ивашка отец его Афонка Щипунов, которой прислан ко мне в Нерчинской острог от него Ивашка Семенова и от Албазинских казаков с отпискою наскоро; а отписка велел я подать и ему Афонке Щипунову явитца в Енисейску, в съезжей избе тебе господину Александру Петровичю. И о том мне что ты, господине Александр Петрович, укажеш?

Черновой отпуск писан на 11 листках. На обороте, по склейкам, скрепа: Столник и воевода Федор Воейков. – Из коллекции актов, принадлежащих г. Батенькову.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. №67 Акты о сношениях и военных действиях с Китайцами и Монголами (№ I), стр.227–230.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 60

1683 г. не ранее февраля 6. – Отписка Нерчинского воеводы Федора Воейкова к Енисейскому воеводе Александру Салтыкову о приходе в Нерчинск Албазинских пашенных крестьян с жалобой на Албазинских казаков; о неприятных действиях казаков и против Китайцев; об ожидаемом приходе Китайцев под Нерчинск и под другие остроги и о недостатке средств для защиты.

Господину Александру Петровичю, Богдану Леонтьевичю, Федор Воейков челом бьет. В нынешнем во 191 году, генваря в 22 день, пришли в Нерчинской острог из Албазинского острогу Албазинские пашенные крестьяня Васка Фалелиев да Ивашко Гаврилов с мирскою заручною челобитною ото всех Албазинского острогу пашенных крестьян о своих нуждах, а в Нерчинском остроге в съезжей избе мне говорили словесно: пришли де они пашенные крестьяне Васка Фалелиев с товары-

щем в Нерчинской острог ото всех своей братьи [231] Албазинских пашенных крестьян с мирскою заручною челобитною, а в челобитной де написано не все наши нужи, бо́лшая де нам нужна и поругателство от Албазинских казаков, бьют де нас и грабят и всякое нам поругателство чинят, и велят де нам соединитца с собою и бунтовать, чтобы де мы были одномышленики с ними Албазинскими казаками, и меня бы де ни в чем не слушать. Да они ж пашенные крестьяня Васка Фалелиев да

Ивашко Гаврилов мне в съезжей избе сказали: в нынешнем де во 191 году, ноября в 26 день, как де приезжали в Албазинской острог Китайские люди, и они де Китайские люди говорили в Албазинском остроге казаку Ивашку Семенову и всем Албазинским казакам: по какому де указу Гаврилко Фролов с товарищи пошли от вас на Быструю реку, а с их де ясачных Китайских людей берет ясак, взяли де восемь соболей? И казак де Ивашко Семенов с Албазинскими казаками сказали, будто де он Гаврилко Фролов с товарищи посланы на Быструю реку для беглых Якутцкого острогу ясачных Тунгусов. А говорили де они Китайские люди не про одних двух выезжих мужиков, которые де два мужика с женами выехали с Науну реки к ним в Албазинской острог в нынешнем во 191 году, и большое де дело говорили они Китайские люди про Гаврилка Фролова с товарищи, его де Гаврилков задор с товарищи и про свое разоренье, что де их Китайских людей разоряют казаки Гаврилко Фролов с товарищи. Да в нынешнем же де во 191 году, перед Филиповым заговеньем дней за пять или за шесть, о Михайлове дни, Албазинские казаки на монастырской на верхней заимке заманили де в зимовье Китайских промышленных людей дватцать человек, а замая, и в том зимовье сожгли; а что де с ними Китайскими промышленными

людьми были кони и запас, и то де взяли все к себе Албазинские казаки; а кош де Китайских людей, которых сожгли Албазинские казаки, стоял за хребтом на Албазине речке, и те де их Китайских людей кошевые люди ушли в Китайскую землю к Науну реке; и про то ведомо в Албазинском остроге всяких чинов жилецким людям, да про то ведают, как были в Албазине, казачей отец Афонка Щипунов да Нерчинского казака Андрея Васильева сына дядя его Ивашко Осипов сын Кожевников, которые де наперед сего в нынешнем в 191 году присланы в Нерчинской острог с отпискою от Албазинского казака от Ивашка Семенова и от всех Албазинских казаков; и про такое де они Афонка Щипунов да Ивашко Кожевников великое дело в Нерчинском остроге сказали или де нет, про то де они пашенные Албазинские крестьяня не знают; а они де пашенные крестьяня Васка с товарищем, слыша, такое великое дело таить за собою не смеют, потому что де из Нерчинского острогу в Албазинской острог безпрестанные указные памяти приходят от меня к ним Албазинским казакам, к нему Ивашку Семенову с товарищи, чтоб де с Китайскими людьми отнюдь ни в чем задоров и ссоры не чинить, и они де Албазинские казаки тех указных памятей ни в чем не слушают, а говорят де так Албазинские казаки: хотя де под

Албазинской острог Китайские люди и придут, и мы де покинув Албазинской острог пойдем куда очи несут, а пушки де и порох и свинец и мелкое ружье возмем с собою, а се де у нас ныне дорога проведена через хребет от Албазинского острогу на Олекму, а Нерчинского де и Теленбинского острогов не займем, а вас де пашенных крестьян покинем, хоть де вы тут пропадайте от Китайских людей. И наша де братья все Албазинского острогу пашенные крестьяня, посоветовав промеж собою, видя над собою такую безконешную беду, [232] что они Албазинские казаки с Китайскими людьми чинят задоры болшие и боясь де они пашенные крестьяне привоуду под Албазинской острог Китайских людей, послали де они пашенные крестьяне их Васку Фалелиева да Ивашка Гаврилова про все их Албазинских казаков задоры с Китайскими людьми в Нерчинском остроге известить. И нынешняго же 191 году, декабря в 27 день, которые наперед сего пришли ко мне в Нерчинской острог из Албазинского острогу с отпискою от казака Ивашка Семенова и ото всех Албазинских казаков, казачей отец Афонка Щипунов да Ивашко Кожевников мне про такое великое дело и про задор Гаврилка Фролова с товарищы не сказывали, и Албазинской казак Ивашко Семенов и все Албазинские казаки про такое дело и про задор Гаврилка Фролова

с товарищы с Китайскими людьми и что сожжено Китайских же людей дватцать человек ко мне не писали; а казачей отец Афонка Щипунов наперед сего в нынешнем же во 191 году, генваря в 3 день, послан к великому государю к Москве и в Енисейск к тебе господину Александру Петровичю с отписками о вестях Китайских людей наскоро. И я, против их сказки Албазинских пашенных крестьян Васка Фалелиева с товарищем, Ивашка Осипова сына Кожевникова в Нерчинском остроге велел сыскать и в съезжей избе Албазинского острогу с пашенными крестьяны с Васкою Фалелиевым да с Ивашком Гавриловым с очей на очи ставил и в застенке с пристрастием роспрашивал. И в роспросе он Ивашко Осипов сын Кожевников сказал: как де он Ивашко был в Албазинском остроге, и слышал де он от казака Ивашка Семенова и ото всех Албазинских казаков, что де говорили Китайские люди: по какому де указу Гаврилко Фролов с товарищы пошли от вас на Быструю реку и с их де Китайских людей берет ясак соболями и аманатов де к себе взяли их Китайских неясачных людей? Да и то де он Ивашко слышал: на монастырской де верхней заимке Албазинские казаки Андрюшка Чюрка, да Алешка Буторин, да Васка сапожник с товарищы замая де Китайских промышленных людей дватцать человек в пустое зи-

мовье, и в том зимовье сожгли, а что де с ними было коней и запасу и всякого борошню, и то де все Албазинские казаки поделили по себе и в Албазинском де остроге тех лошадей продавали; а как де они Ивашко Осипов, приехав в Нерчинской острог с Офонкою Щипуновым с отпискою от казака Ивашка Семенова и ото всех Албазинских казаков и про те вести в Нерчинском остроге не сказывали, потому что де Албазинской казак Ивашко Семенов и все Албазинские казаки ему де Ивашку Семенову заказывали и в Нерчинском остроге мне и Нерчинским казакам сказывать не велели. Да в нынешнем же во 191 году, января в 31 день, писали ко мне в Нерчинской острог из Новоаргунского острогу Нерчинские казаки Ивашко Волга с товарищы и прислали нарочного гонца Нерчинского ж казака Гурку Митрофанова с отпискою, а в отписке их написано: в нынешнем де во 191 году ездили из Новоаргунского острогу толмачь Гришка Росторгуев да казак Гаврилко Шутов в Мунгалскую землю для скотной покупки, чем им в Аргунском остроге питатца, и слышали де они от Лаб и от Мунгалских людей, были де они Лабы и Мунгалские люди в Китайском царстве и слышали де они Лабы и Мунгалские люди от Китайских людей, что де под Нерчинской и под Албазинской остроги Китайская сила с войною будет; а сила де

Китайская собрана на Науне реке и запасов де хлебных и коней изготовлено много, а к нашим де тайшам к Ахаю и к Дагине-Катуне жалованье от Китайского [233] богдохана прислано с Китайскими людми, и говорили де им Ахаю тайше и Дагине-Катуне Китайские люди, что де вы в тое время усторонитесь, как де Китайская сила пойдет под Нерчинский и под Албазинской остроги. И толмачь де Гришка у них Лаб и у Мунгалских людей спрашивал: за что де под Нерчинской и под Албазинской остроги Китайская сила с войною будет? И они де сказали ему Гришке с товарищы: где де наш лист дели, которой лист в прошлых годех послан был в Нерчинской острог о Тунгусе Гантимуре да о сыне его Катане, и о том де у них Китайских людей с вами с Даурскими служилыми людми и прека. А в Нерчинском и в Теленбинском и в Еравнинском и в Иргенском и в Новоаргунском острогах и в Итанцынском зимовье служилых людей малолюдство, только двести два человека, и те служилые люди живут в разных острогах, а не в одном в Нерчинском остроге; а великого государя в казне в Нерчинском остроге пушек и пороху и свинцу мало; а которое мелкое ружье осталось от воеводы Афонасья Пашкова, и то ружье все перержавело, а иное попорчено и рваное и к стрельбе то ружье не годитца, и от приходу Китайских воинских людей

мне великого государя Нерчинских и Албазинских острогов оборонить, за малолюдством, будет некем, и ныне я в Даурских острогах от приходу Китайских воинских людей живу с великим опасеньем; а бердышев и рогатин и топорков великого государя в казне и у Нерчинских казаков нет ничего; а у которых Нерчинских казаков пищали свои и есть, и то не у всех казаков добрые пищали, а для осадного времени от неприятельских людей ручным боем оборонитца, будучи в осаде, нечем. А с отписками послан к великому государю к Москве и в Енисейск к тебе господину Александру Петровичю, Февраля в 6 день, пашенной крестьянин Албазинского острогу Васка Фалелиев. А которую челобитную они пашенные крестьяне Васка с товарищи привезли из Албазинского острогу ко мне в Нерчинской острог, за руками Албазинских пашенных крестьян о своих нуждах, и я тое их заручную челобитную под отпискою послал к великому государю к Москве с ним же с пашенным крестьянином с Васкою Фалелиевым, Февраля того ж числа, и с тое их заручные челобитные спи-

сав список, и под сею отпискою послал к тебе господину Александру Петровичю в Енисейск; а Нерчинского казака с отписками к великому государю к Москве и в Енисейск к тебе господину Александру Петровичю не послал за малолюдством и чая приходу под Даурские остроги Китайских воинских людей. А Албазинские казаки мне ни в чем не послушны и бунтуют по прежнему, и никаких моих памятей не слушают; а которые Нерчинскиедесятники казачьи и казаки Юшко Алексеев сын Лаба да Васка Милованов с товарищи, пять человек, в нынешнем во 191 году ноября в 23 день посланы на Наун реку к Китайскому воеводе Асканбе для подлинного проведывания и от них Китайских людей воинского приходу, чтобы они Китайские люди под Даурские остроги войною безвестно не пришли, и Нерчинскиедесятники казачьи Юшко Алексеев да Васка Милованов с товарищи Февраля по 6 число нынешняго 191 году с Науну реки от Китайских людей ко мне в Нерчинской острог не бывали.

Из рукописи под заглавием. Списки Енисейской архивы (ч. 3, в лист, на 391 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр.230–233.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 61

1683 г. не ранее августа 21. – Отписка царям Нерчинского воеводы Федора Воейкова о вышедших из Китайского плена Албазинских казаках, сообщивших известия о Китайцах, которых [234] они видели на реке Быстрой в 300 бусах.

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, холоп ваш Федка Воейков челом бьет. В нынешнем, государи, во 191 году августа во 2 день, в 10 часу дни, приезжал в Нерчинской острог ко мне холопу вашему из Албазинского острогу Албазинской казак Ивашко Мартемьянов с отпискою от Албазинского казака от Ивашка Семенова с товарищи, а в отписке их Албазинских казаков ко мне холопу вашему написано: в нынешнем во 191 году, июля в 17 день, из Албазинского де острогу посланы были

на Быструю и на Хамун реки Албазинские казаки Гришка Степанов сын Мылник с товарищи, двадцать человек, а с ними де отпущено промышленных волных людей сорок шесть человек; и в нынешнем же де во 191 году, августа в 10 день, того отпуску с коровану от Гришки Мылника пришли уходцы в Албазинской острог, Албазинские казаки Стенка Харитонов, Артюшка Калинин, Онтошка Силин, да с ними же де пришли семь человек промышленных людей, а в Албазинском де остроге в распросе ему Ивашку Семенову сказали плыли де он Стенка Харитонов с товарищи от Албазинского остро-

гу до усть Зии реки, и пловучи де никаких Китайских воинских людей не видали; а как де они поплыли с усть Зии реки к Быстрой реке и плыли де день, и на другой де день наплыли они Албазинские казаки Гришка Мылник с товарищи на Китайских неприятельских воинских людей и на силу их, идут де они Китайские люди войною в бусах под Албазинской и под Нерчинской остроги; а слышали де они Стенка с товарищи, десять их человек, будучи у Китайских людей, что идет де их Китайских людей на бусах, 567 бус, а сами де они Стенка и Ортюшка видели, будучи у Китайских людей, 300 бус, и на тех де бусах видели они Китайских людей много с пушками и со всяким огненным боем и с хлебными запасы. Да они ж де Китайские люди им Стенке с товарищи сказали: Китайские ж де силы идет конницы горнею дорогою пятнадцать тысяч под Албазинской же острог, а под Нерчинской де острог горнею же дорогою идет Китайской силы пятнадцать тысяч, и их де Гришку Мылника с товарищи и волных промышленных людей на Быструю и на Хамун реки не пропустили, и взяли де его Гришку Мылника с товарищи в полон и ружье де у них к себе все побрали. А они де Стенка Харитонов и Артюшка Калинин и Онтошка Силин были же у Китайских воинских людей на их бусах в полону ж и жили де в полону полтора дни; и не хотя де они

Стенка Харитонов с товарищи быть в их бусурманской вере, помнячи истинную православную христианскую веру и ваше великих государей крестное целованье, прося у Христа Бога помощи, из бусурманских рук у Китайских людей одва де ушли из за их караулу, а они де Гришка Мылник с товарищи у Китайских людей в полону остались, а что де над ними учинитца, и про то де Бог весть. А от Китайских де людей из полону они Стенка Харитонов с товарищи бежали до Албазинского острогу днем и ночью четырнадцать дней, голодные и ограблены. И оне де Ивашко Семенов и все Албазинские казаки, по совету, такого великого страшного дела не хотя держать, августа того же десятого числа с сею отпискою и с вестями послали наскоро в Нерчинской острог ко мне холопу вашему Албазинских казаков Ивашка Мартемьянова с товарищи, четырех человек. А переметчики де у них с ними Китайскими людьми и в толмачах Руские люди три человека: Гришка Павлов Тоболской, а [235] родиною де он Верхотурец Белкиных, а был де он в побеге в прошлых летех с Лены на Амур с Сорокиным; а двое де еще с ним Гришкою изменников Агафонко да Стенка Верхотур, и они де по Руски и по их языку говорить горазды; и про то де про все им Стенке и Артюшке сказывали: идет де сила болшая Китайских людей бусами и горними

дорогами конницею под Албазинской и Нерчинской остроги, а хлебных де запасов на бусех идет с ними Китайскими людьми много, и будет де запасов у них Китайских людей на три года. Да и то де им Стенке да Артюшке с товарищи переметчики Руские воры Гришка Павлов с товарищи, три человека, говорили; буде де Руские люди без драки богдохану сдаватца будут, и тех де людей богдохан Китайской пожалует. И что бы, государи, мне холопу вашему из Нерчинского острогу в Албазинской острог прислать к нему Ивашку Семенову с товарищи людей и ружья, пороху и свинцу: и мне холопу вашему в Албазинской острог из Нерчинского острогу послать некого, в Нерчинском остроге самое малолюдство, всего со мною холопом вашим в Нерчинском остроге августа по 21 число сорок шесть человек казаков, а иные Нерчинския казаки из Нерчинского острогу поехали в Удинской острог для хлебных запасов; а промышленные люди, которые были в Нерчинском остроге, и те разошлись по соболиным промыслам, и я холоп ваш в Нерчинском остроге с малыми людьми с Нерчинскими казаками живу от приходу Китайских воинских людей с великим опасением, и от воинских

Китайских людей оборонитца мне холопу вашему будет нечем и нечем, мелкого ружья, ручных пищалей и копей и бердышев и рогатин в Нерчинском остроге в вашей великих государей казне нет; и в прошлом, государи, во 189 и во 190 и в нынешнем во 191 годех я холоп ваш о том к вам великим государем к Москве в Сибирской Приказ и в Енисейск к воеводе к Александру Петровичю Салтыкову писал, и из Енисейска воевода Александр Петрович Салтыков ко мне холопу вашему по нынешней 191 год августа по 21 число мелкого ручного ружья, пищалей и копей и бердышев и рогатин в Даурские остроги не присылывал и о том ко мне холопу вашему не писывал. А с сею отпискою послал я холоп ваш к вам великим государем к Москве того ж Албазинского казака, которой прибежал из Албазинского от Албазинских казаков от Ивашка Семенова с товарищи с отпискою ко мне холопу вашему в Нерчинской острог, да с ним же послал до Енисейска, для подлинных вестей, Нерчинского промышленнаго человека Левку Ортемьева, а в Енисейск к воеводе к Александру Петровичю Салтыкову о тех вестях о приходе Китайских воинских людей под Даурские остроги я холоп ваш писал.

Из рукописи, содержащей в себе списки с актов Нерчинского архива (в лист, на 190 л.) принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр.233–235.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 62

1683 г. не ранее августа 21. – Из отписки иркутскому воеводе И.Е. Власову нерчинского воеводы Ф.Д. Воейкова о вышедших из Китайского плена Албазинских казаках, сообщивших известия о Китайцах, которых они видели на реке Быстрой в 300 бусах.

В прошлом во 191 [1683] году, июля в 17 день, посланы были из Албазинского острогу на Быструю [Бурею] и на Хамун [Амгунь.] реки албазинские казаки Гришка Мыльник с товарищи, дватцать человек, да с ними де отпущено промысленных волных людей сорок шесть человек.

И в прошлом же де во 191 [1683] году, августа в 10 день, того отпуску с коровану от Гришки Мыльника пришли уходцы в Албазинской

острог албазинские казаки Стенька Харитонов, Ортюшка Калинин да промысленных людей семь человек. И в Албазинском остроге ему, Ивашку Семенову [Войлошникову] они, Стенька с товарищи, сказали: плыли де они, Стенька з Гришкою Мыльником с товарищи, от Албазинского острогу до усть Зии реки и, пловучи де, никаких китайских воинских людей не видели.

А как де они поплыли с усть Зии к Быстрой реке и плыли де день, и

на другой де день наплыли на китайских воинских людей. А идут де те китайские люди войною в бусах под Албазинской и [245] под Нерчинской остроги. А бус де идет пятьсот шездесят семь. А в вид де они, Стенька Харитонов с товарищи, видели триста бус. И на тех бусах китайских воинских людей много с пушками и со всяким огненным боем.

И они де Гришку Мыльника с товарищи те китайские воинские люди на Быструю и на Хомун не пропустили, и взяли де их к себе в полон, и ружье у них все побрали.

И были де они у тех китайских воинских людей в полону полтора дни. И прося де у Бога милости, от тех китайских людей они, Стенька с товарищи, десять человек, из-за караулу ушли. И бежали от китайских людей до Албазинского острогу днем и ночью четырнатцать дней.

А Гришка де Мыльник с товарищи ж остались у них, китайских людей, в полону.

Да они ж де, китайские люди, им, Стеньке с товарищи, сказали: идет де китайские силы горною дорогою под Албазинской острог шеснатцать тысяч да под Нерчинской острог пятнатцать же тысяч конницы.

А в толмачах де у них, китайских воинских людей, три человека: изменник Гришка Павлов сын Тобольской, породю он верхотурец Белкиных; а был де он, Гришка, в побеге в прошлых годех с великие реки Лены на Амур с Сорокиным, да двое де человек, изменников же, Агафонко да Стенька верхотурцы.

И те де изменники языку рускому и их, китайскому, горазды. И про все де про то им, Стеньке с товарищи, они сказывали ж: идет де под Албазинской и под Нерчинской остроги китайская сила большая бусами и горною дорогою – конница. А хлебных [запасов] на бусах с теми китайскими воинскими людьми много, будет де тому их, китайскому, войску на три года.

РГАДА Ф. 1121, оп. 1, ед. хр. №43, л. 31–33.

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 244–245.

№ 63

1683 г. ранее августа 23. – Отписка Якутскому воеводе Приклонскому о неприятных действиях китайцев.

Государей Царей и Великих Князей, Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцев, Стольнику и Воеводе, Ивану Васильевичу, из Даур - Албазинского острогу служилой человек, с Селиньбинского ясажного зимовья прикащик, Андрюшка Мокрошубов, челом бьет.

В нынешнем в 191 году, Августа в 19 день, прибежали на Селиньбу реку в ясажное зимовье с погрому Албазинского острогу служилые люди Михайло Щипунов, толмач Тихон Федоров, Сидор Яковлев, да с ними же 20 человек промышленных людей, а прибежав он, Михайло с товарищи, сказали:

В нынешнем в 191 году, по указу Великих Государей и по приказу Албазинского острогу приказного человека, Ивана Семенова, послан, де, из Албазинского острогу на службу Великих Государей на Хамунь на реку, в ясажное зимовье, к Гаврилу Фролову, на перемену Албазинской казак, десятник казачей, Григорий, Стефанов сын, Самойлов, а с ним, де, казаком, 20 человек, да промышленных вольных людей 47 человек. А в нынешнем же в 191 году, Июля в

27 день, волею Бога праведного, а за умножение грех ради наших, ниже Зийского устья внезапно он, Григорий, с товарищи наплыл Китайсково Боняха на большево собрание, идут на буках с большим пушешным снарядом с низу Амура, и того же числа в 10 часу они погромили Китайские воинские люди казну Великих Государей, а Григорья Самойлова с казаками многих людей живьем в полон взяли. А хвалитца он, враг Креста Христова и супостат Царского Величества, Китайский Богдохан, на Их, Великих Государей, Царского величества, Украинную вотчину, на все Даурские остроги, войною. А послал, де, он, Китайской Богдохан, своих легких конных людей 25,000 войною под Нерчинские остроги, а под Албазинской острог 15,000 конных же легких ратных людей наперед бусы, а бус идет по Амуру сот с пять и боле, а пушек, де, на бусах больших и малых ста три. А сказывали, де, мне, Андрюшке, про то воинское дело те ж беглые люди, Михайло Щипунов с товарищи А слышали, де, оне от их Китайских Богдайских толмачей, а от Русских изменников, от Агафона Зыряна, от Степки Верхотура, от Гришка

Епанчина, кои убежали из Даурских острогов, порудя Православную Христианскую веру, и забыв Царскаго Величества хлеб, соль: оне и жожами на Даурские остроги идут. А про бусы, и про Китайских ратных людей, и про пушешной снаряж казак Михайло Щипунов с товарищи сказывают, одномошно на погроме были и то все видали. Да он же, Китайской Богдохан, послал, де, своих ратных людей на 25 бусах на Хаанунь по ясашное зимовье к Гаврилу Фролову войною, а на Зию де, и Селйнбу по ясашныя зимовья будут же, посланы, де, конные ратные люди войною. И я, Андрюшка, с Казаками живу на Селинбе в ясашном зимовье с великою бережью от приходу Богдайских людей. А про Албазинской острог весть перенять и в Албазин послать нельзя никоторыми делы: облегли все дороги Богдайские люди. А отписку я, Ан-

дрюшка, послал через Усть реку к тебе, Великих Государей Стольнику и Воеводе, к Ивану Васильевичу, в Якутцкой острог о приходе Китайских ратных людей под Даурские остроги, и об том деле, как ты, Великих Государей Стольник и Воевода, Иван Васильевич, изволишь? А я, Андрюшка, с казной Великих Государей и с аманаты и с казаками хочу у Бога милости просить, а от приходу Богдайских людей итти с Селинбы реки на Утьцкие вершины, чтоб над казною Великих Государей и над аманаты и над служилыми людьми от прихода Богдайских людей какое дурно не учинилось. А если Бог сдорово пособит казну Великих Государей и аманаты на Утьцкие вершины перевести, и я, Андрюшка, указ Великих Государей тут дожидаюсь. А и с сею отпискою послать нарошново казака неково за малолюдством, а отписка послана Августа 23 дня.

Воспроизводится по:

Чтения в императорском обществе истории древностей российских при московском университете. 1861г. Москва.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 64

1683 г. не ранее сентября 16. – Бумага Ли-Фанъ-юан'я о русских перебежчиках-переводчиках.

Предписание Ли-Фан-юаня мейрени чжангиню Сабсу и прочим.

Наше министерство докладывало его величеству следующее: по справкам, в делах значится: в пятнадцатый год правл. Кан-си приезжавший русский посланник Нигулай с товарищами доставил обратно посланные прежде грамоты, заявив, что они не понимают письменности нашего государства. Между тем Улангер, офицер шестого разряда желтого с каймою знамени, сообщает: находящиеся у мейрени чжангиня Сабсу и прочих старик Иван и Агафон оба изучили маньчжурскую грамоту и поэтому могут переводить на русский язык и писать. В виду этого, по доставлении мейрени чжангиню Сабсу и прочим маньчжурской и монгольской бумаг, подлежащих теперь отправлению в Албазин, пускай он, Сабсу, под своим наблюдением, заставит перевести на русский язык и написать (бумагу) и вместе (с первыми) пускай отошлет. По означенному делу докладывали его величеству, испрашивая высо-

чайшего указа, в 22 год Кан-си, 9-го мес. 13 числа.

В тот же месяц 16 числа последовал высочайший указ: поступить согласно изложенному. Так как Иван и Агафон изучили маньчжурскую грамоту, то пускай эти два лица поочередно являются в столицу; теперь же пускай командируют одного из них.

Во исполнение высоч. повеления послали (настоящую бумагу): привести в исполнение согласно содержанию высоч. указа, - бумагу, подлежащую отправлению в Албазин, заставьте старательно перевести на русский язык; по одобрении, заставьте тщательно переписать на чистую присланную из министерства бумагу с казенной печатью; присоедините ее к маньчжурской и монгольской грамотам, и запечатав в присланный конверт с казенной печатью, отошлите в Албазин, вручив Ивану и Михайле-молодому. По означенному делу послали (бумагу) 9-го мес. 16 числа.

Извлечено из архива Восточного Института во Владивостоке. «Копии дел главного китайского архива Хэй-лун-цзян'ской провинции и Цицикарского речного ведомства».

Воспроизводится по:

Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке. Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. Том XXI. Вып. 2–3. СПб. 1912. С. 84.

◆

№ 65

1683 г. не ранее сентября 23. – Отписка царям Якутского воеводы Ивана Приклонского об успешных походах Якутских и Албазинских казаков против неясачных Тунгусов, об измене некоторых из означенных казаков и о взятии ими Тугирского острожка.

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем, холоп ваш Ивашка Приклонской челом бьет. В прошлом, великие государи, во 190 году, по указу брата вашего, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыи Росии самодержца, послал я холоп ваш на вашу ве-

ликих государей службу на новую на Удь реку и в Тугирской острожек сына боярского Петра Аксентьева, а с ним служилых людей 50 человек, на перемену прежнему прикащику сыну боярскому Федору Лыткину. И в нынешнем, великие государи, во 192 году, сентября в 23 день, писал в Якуцкой ко мне холопу вашему из Тугирского острожку прикащик Петр Оксентьев, а в отписке его написано: в прошлом де во 191

году Тугирского острожку низовые ясачные Тунгусы Ударского, да Ада-тыгирского, да Нашатагирского родов пришли к нему Петру в Тугирской острожек и к аманатом своим с рыбным с кормом, и били челом вам великим Государем словесно, а ему Петру говорили, чтоб новое зимовье, поставить на Амгуне реке поблизу к ясачным иноземцам к рыбному месту на усть Немиляка речки; а Тугир де река голодная, рыбнаго корму добыть немочно, и служилые люди и аманаты будут помирать голодною смертью. И он де Петр оставил в том Тугирском острожке из служилых людей прикащиком Матюшку Кутьина с товарищи, а сам де он Петр с служилыми и с промышленными людьми пошел от того места, где острожек поставлен, в поход на Немиляк и на Амгунь реки на немирных неясачных Тунгусов Орильского роду и на изменников на прежних ясачных Тунгусов же, которые вам великим Государем изменили в прошлых годах в Майском зимовье. И пришед он Петр на Немиляк речку, поделав струги, хотел плыть вниз по Немиляку; и из Тугирского де острожку казак Матюшка Кутьин писал к нему Петру, что де в Тугирском аманаты три человека убили до смерти на карауле казака Тимошку Данилова, а сами из острожку ушли. И он де Петр воротился назад в Тугирской острожек, а служилых и промышленных

людей, казака Митку Мокрошубова с товарищи, послал по Нимиляку и по Амгуну рекам роз-[347]говаривать и призывать под вашу великих государей царскую высокую руку прежних ясачных Тунгусов и изменников и неясачных немирных Тунгусов же Орильского роду. И он де Митка с товарищи выплыл на Амгунь реку и на Амгуне де реке сошелся с Албазиинскими воровскими казаками с Ганкою Фроловым с товарищи, которые вам великим Государем изменили, в Албазинском ограбя воеводу Федора Воейкова и хотели его убить и бежали от него из Албазинского; и те де Албазинские воровские казаки учинили с Якуцкими казаками между собою веру на том, что им служить вам великим Государем вместе, и в походы ходить на неясачных иноземцов и на прежних изменников на Тунгусов, и меж себя им не дратца, и друг друга не обидить. И он де Митка с товарищи с теми Албазинскими воровскими казаками в походы пошел вместе; и встретили де оне на Амгуне реке в стругах многих неясачных иноземцов Гиляк и Наток, которые шли под Тугирской острожек и хотели служилых людей убить и аманатов взять. И было де их в походе Якуцких казаков 33 человека, да промышленных людей, которые были с ними Якуцкими казаками 30 человек, да Албазинских воровских казаков 50 человек, и с теми неясач-

ными иноземцы с Гиляки и с Натками собча вместе бились; и, Божиею милостию и вашим великих государей счастьем, на том бою тех иноземцов многих побили. Да после де того побою, Якуцкие ж и Албазинские казаки пошли на неясачных же Тунгусов на озера по край Амгуня реки, и, Божиею милостию и вашим великих государей счастьем, погромили три рода Тунгусов Орильского, да Тугучерского, да Сикварского, и из тех де трех родов взяли в аманаты лутчих людей трех человек и меж себя тех аманатов Якуцкие и Албазинские казаки поделили; и с делу достался казаком лутчей один человек аманат Орильского роду. И после де того походу Якуцкие казаки Митка Мокрошубов с товарищи пошли назад к себе в Тугирской острожек вверх по Амгуне реке; и как де оне пришли на усть Немиляка речки, и Митка де Мокрошубов с товарищи, 19 человек, да промышленных людей 30 человек, умысля воровски, вам великим Государем изменили, пристали к тем же Албазинским воровским казакам к Ганке Фролову с товарищи, а достальных Якуцких казаков Петрушку Карпова с товарища, 13 человек, которые к их воровству не пристали и вам великим Государем не изменили, те воровские Албазинские и Якуцкие изменники казаки их били, и перевозали, и вашу великих государей казну, порох и свинец, и железную

судовую снасть, и прядено, и невод, что дан был для аманацкого рыбного промыслу, и аманата, которого они взяли в походе и с делу Якуцким казакам достался, и их казачье оружие, и погромные их ясыри, и всякие их пожитки они воровские казаки Митка и Ганка с товарищи, пограбя, взяли себе, и связав и в колодках деревянных держали их Петрушку с товарищи многое время, и с копьи и с оружием над ними стояли для того, чтоб они Петрушка в Тугирской острожек к прикащику¹ к Петру Оксентьеву вести не подали. И те воровские Якуцкие и Албазинские казаки Митка и Ганка с товарищи прислали в Тугирской острожек многих Якуцких же и Албазинских воровских казаков, Петрушка Меркушева с товарищи; а в то де время на карауле в острожке стоял казак Ганка Сорокин, и тот де Ганка ворота отпер, и Якуцкие де казаки из острожка вышли к ним на встречу; и те де воровские [348] Якуцкие и Албазинские казаки Петрушка Меркушев с товарищи, пришед в острожек; прикащика Петра Оксентьева связали и ваших великих государей аманатов 6 человек взяли к себе. Да в то ж время из того Тугирского острожку изменили вам великим Государем Якуцкие казаки Ганка Сорокин, Левка Кузмин, Евдокимко Федотов и пристали к тем же воровским Якуцким и Албазинским казакам; и всего Якуцких казаков

изменили вам великим Государем 22 человека, да промышленных людей 30 человек. Да они ж воровские казаки пограбили вашей великих государей казны пошлинных денег, и его Петровы и казачьи пожитки пограбили ж и хотели его Петра в воду посадить. Да те ж воровские Якуцкие и Албазинские казаки похваляютца взять Уцкой острожек и вашу великих государей казну и аманатов побрать. А после приходу воровских казаков в Тугирской острожек, пришли в тот Тугирской острожек казаки Петрушка Карпов с товарищи, 13 человек, которые вам великим Государем не изменили, к тем воровским Якуцким и Албазинским казакам не пристали, из того походу пограблены, и ныне вам великим Государем служат в том же Тугирском острожке с достальными Якуцкими казаками; всего в Тугирском острожке Якуцких казаков осталось 15 человек. А в том, великие государи, в Тугирском острожке собрано вашей великих государей

ясачные казны под тех было Тугирских аманатов в прошлом во 191 году 5 сороков 11 соболей, и та ваша великих государей казна посылана к вам великим Государем к Москве в том же во 191 году с иною вашею великого государя соболиною казною. И впредь, великие государи, в Тугирском острожке вашего великих государей ясаку без аманатов взять будет не с кого; будет, великие государи, впредь таким тем воровским казаком, которые вам великим Государем изменили, указу им не будет, и от таких воровских казаков впредь и в иных зимовьях такова воровства чаять, и вашему великих государей ясачному сбору поруха и недобор будет болшей. И о тех, великие государи, Тугирских аманатах и о воровских Якуцких и Албазинских казаках что вы великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, укажете?

Акт извлечен из принадлежащей Императорской Академии Наук рукописи, содержащей в себе списки актов Якутского архива (ч. 3-я).

Примечания:

¹ За сим в рукописи написано: с товарищи были с ними вместе.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. X, СПб., №78:III, сс.346–348.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 66

1683 г. ранее октября 3. – Грамота из Ли-Фан-юаня начальникам русских живущих в Албазине.¹

Кан-си 22 года, 9 месяца, 9 числа в наше министерство последовал указ его величества: Я, будучи единодержавным владыкой поднебесной, без различия, – в Китае ли то или вне его, о всех людях, живущих во всех странах, забочусь, как о самых маленьких детях и желаю, чтобы каждый благоденствовал по своему и каждый в своем месте жил покойно. Русского государства Лоча без всякого повода подступили к границам наших Солонов и прочих, обижают народ и грабят имущество звероловов; Гентемур и других беглецов неоднократно принимали и уже долгое время чинят злодейства на границах. При таком положении дела, сразу [85] выслать большое во-

йско, – перебить и истребить, – для меня нестерпимо. Я несколько раз посылал сказать (им), чтобы они прекратили свои злодейства, ушли назад и принятых перебежчиков выдали. Посланника их Николая отослал, заявив ему о том же самом. Лоча совершенно не приняв этого во внимание, еще более высылали своих людей в места (инородцев) Фяка и Килер и производили убийства и пожары. Этирке и прочих двадцать человек дагуров, солонов и ороchon, охотившихся за соболями, обманом зазвали в избу, избу зажгли и всех погубили. Так как они не понимают законов благопристойности, хотя я (их) вразумлял, то я отправил теперь нарочно цзянь-ц-

зюня и войска, поместив их в Айгуне, Хумаре и других пунктах с тем, чтобы они не дозволяли Лоча вольничать по-прежнему, и поручил им при встречах ловить и убивать. Недавно наши войска встретили Лоча, пливших вверх по р. Амуру, и тридцать слишком человек взяли в плен; когда мне донесли, то я будучи всегда склонен к дарованию жизни, ни одного не казнил, а приказал всем дать пищу и приют. Лоча живущие в Нерчинске и Албазине, если теперь прекратят свои злодейства, Гентемура и проч. перебежчиков всех выдадут и уйдут обратно в свои места, то каждому забудутся его дела, и для них будет большое счастье. Если же они по-прежнему (и этого) не примут во внимание и в наших пограничных местах упорно будут оставаться, то в таком случае им будет трудно укрыться от кары враждующего неба. Если их страна отдаленна и возвращение трудно, и

если они с искренним расположением передадутся, то я их также приму и с заботой прикажу дать место для жительства. Ваше министерство, во исполнение высоч. повеления, пускай напишет бумагу, согласно содержанию моего указа, и вручив полоненникам из Лоча Ивану и Михайле-молодому, пускай отошлет для уведомления. Если у них (Лоча) есть что-либо сказать, то пускай пришлют донесение на высоч. имя. Почтительно следуя вышеизложенному, отослали для уведомления начальникам Лоча, живущих в Албазине 22 г. Кан-си, 9м., 17 числа. Согласно этому перевели на русский язык, переписали на бумагу с казенной печатью, присланную из Ли-Фан-юаня вместе с маньчжурской и монгольской грамотами, и с этими последними отослали, вручив Ивану и Михайле-молодому, из Лоча, 3-го числа, 10 месяца.²

Примечания

¹ Список перевода маньчжурской грамоты на русский язык, сделанный русскими перебежчиками, состоявшими на службе у китайцев см. Отписку Иркутскаго воеводы Ивана Власова к Якутскому воеводе Матвею Кровкову, с приложением копий с грамоты Китайскаго богдыхана к Русским и с письма одного перебежчика к своим товарищам. (примечание подготовил В. Трухин для сайта «Города и остроги земли Сибирской»).

² Текст грамоты, относящейся к 22-му году правл. Кан-си (1684 г.), сохранился в копиях Цицикарского цзян-цзюньского архива (Архив Хен-лун-цзянской провинции включает в себе дела (копии и различн. сводки) по

всем отраслям областного управления на китайском и маньчжурском языках и обнимает собою период времени от второй половины XVII столетия до конца XIX века. По приблиз. подсчету, его составляют до 20,000 больших тетрадей. В бумагах отдела, так наз., Бин-сы заключается, между проч., очень много материалов для истории русских воеводств в области р. Амура во второй половине XVII века; из бумаг именно этого отдела извлечена нами копия приводимой грамоты импер. Кан-си к албазинцам. Архив этот, находившийся в г. Цицикаре, после китайских событий 1900–1901 гг., по распоряжению русских военных властей, был передан Восточному Институту.), находящегося теперь в библиотеке Восточного Института во Владивостоке. Эта грамота на маньчжурском, монгольском и русском языках была послана к русскому воеводе в Албазин с убеждением русских уйти в пределы своего государства или же перейти в китайское подданство. Перевод маньчжурской грамоты на русский язык был сделан русскими перебежчиками, состоявшими на службе у китайцев; об этих лицах сохранилась, также в копиях архива маньчжурская бумага, приводимая нами теперь вместе с русским переводом. Перевод богдоханской грамоты к албазинцам, сделанный русскими перебежчиками, имеется в нескольких копиях в делах Гл. Арх. М. И. Д. в Москве; текст одной из копий обнародован в книге Н. Б.-Каменского (стр. 37.), без сохранения, впрочем, орфографии памятника. (Текст примечания и перевод грамоты А. Е. Любимова).

Воспроизводится по:

Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XXI. Т. 2-3. СПб. 1912.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 67

1683 г. не ранее октября 28. – Отписка царям Якутского воеводы Ивана Приклонского с известиями о Китайцах, полученными им от прикащика Силимбинского ясачного зимовья Андрея Мокрошубова.

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцам; холоп ваш Ивашко Приклонской челом бьет. В нынешнем, великие государи, во 192 году октября 28 дня писал ко мне холопу вашему из Даур Албазинского острогу служилой человек, а Силимбинского ясачного зимовья прикащик Андрюшка Мокрошубов, а в отписке его написано: в [236] прошлом де во 191 году, августа 19 день, прибежали на Силимбу реку в ясачное зимовье с погрому Албазинского острогу служилые люди Мишка Шипунов, Федоско Яковлев, толмач Тихонко Фёдоров, да с ними же де пришли дватцать человек промышленных людей, и те де служилые и промышленные люди Мишка с товарищи ему Андрюшке сказали: во 192 году, по вашему великих государей указу и по отпуску Албазинского острогу прикащика Ивана Семенова, послан из Албазинского на вашу великих государей службу на Хамун реку в ясачное зимовье на перемену к Албазинско-

му казаку к Ганку Фролову Албазинской десятник казачей Гришка Самойлов, а с ним де казаков дватцать человек да промышленных людей сорок семь человек; и он де Гришка с товарищи на Амуре реке ниже Зийского устья Богдойских воинских людей наплыли судами, идут де с нарядом и с пушками и с хлебными запасы вверх по Амуру реке под Албазинской острог, в том же во 191 году июля в 27 день. И того ж де числа те Богдойские воинские люди вашу великих государей товарную казну, медь и олово и порох и свинец, у него Гришки пограбили и самово его Гришку с казаками и с промышленными людьми, сорок четыре человека, живых в полон взяли; а похваляются де те Богдойские воинские люди взять великих государей все Даурские остроги. А послал де Китайской богдыхан своих ратных людей, на конях дватцать пять тысяч войною под Нерчинские остроги да под Албазинской острог пятнадцать тысяч, преж бус степью; а бус де идет по Амуру реке вверх сот с пять и болши, а по сколку де человек

на бусе ратных людей, того он Андрюшко ко мне холопу вашему в отписке не писал, а чаят де на тех бусах всех воинских людей тысяч десять; а снаряду пушек на бусах болших и малых с триста. А сказывали де ему Андрюшке про тех Богдойских воинских людей и про снаряд казаки Мишка Шипунов с товарищи, которые прибежали от тех Богдойских людей с погрому, а им де Мишке с товарищи сказывали Богдойские толмачи Русские люди Агафонка Зырян, Стенка Верхотур, Гришка Япанчинец, которые изменили вам великим государем, сбежали из Даурских острогов в прошлых годах; а в жожах де у тех Богдойских воинских людей на ваши великих государей Даурские остроги те ж Русские изменники Агафонко с товарищи. Да он же де Китайской богдохан послал своих ратных людей на дватцати на пяти бусах, а на бусе де ратных людей человек по дватцати и болши, на Хамун реку под ясачное зимовье на Албазинского казака на Ганку Фролова с товарищи войною; а на Зию де и на Силинбу реки под ваши великих государей ясачные зимовья те Богдойские воинские люди хотят приходить войною через степь на конях; и он де Андрюшка с казаками от тех Богдойских воинских людей на Силинбе в ясачном зимовье (живет) с великим пристрастием. А про Албазинской острог ведомости ему Андрюшке нет и в Албазин послать

ему Андрюшке для подлинной вести некого, потому что де те Богдойские воинские люди облегли дороги все; а он де Андрюшка с вашею великих государей казною и с аманаты и с казаками от приходу Богдойских людей хочет идти с Силинбы реки за хребет на Уцкие вершины в Якуцкой острог. И тот Андрюшка прислал ко мне холопу вашему в Якуцкой с отпискою дву человек промышленных людей, Савку Михайлова, Бориску Ермолина, которые были у Богдойских людей на погроме и с погрому прибежали к нему Андрюшке в зимовье; и те промышленные Савка били челом вам великим государем, а мне холопу вашему подали челобитную, чтоб вы великие государи по [237] жаловали их Савку и Бориску велели приверстать в казачью службу; и я холоп ваш приверстал их Савку и Бориска в Якуцком в казачью службу в выбылые места и дал им Савке и Бориску ваше великих государей денежное и хлебное и соленое жалованье, для их нужды на два годы; а для подлинной грамоты послал я их к вам великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, к Москве с Якуцким казаком с Федкою Красноярным и велел их объявить на Москве в Сибирском Приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи.

Из рукописи под заглавием: Списки Якуцкой архивы (ч. 3-я, в лист, на 338 л.) принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

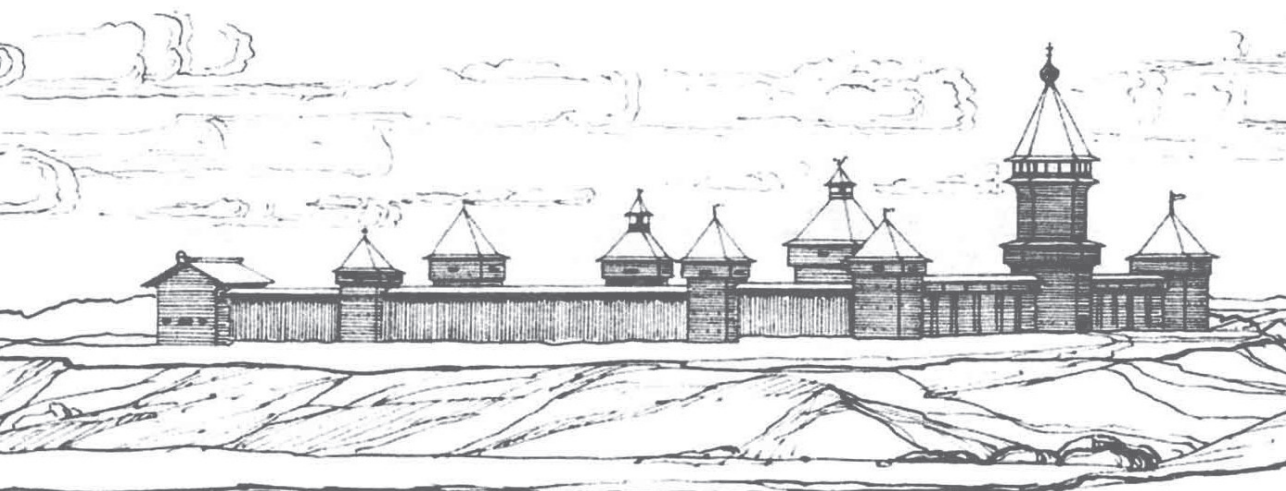
Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр.235–237

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

Раздел IV.

Албазинское Воеводство

№ 68

1684 г. – Роспись Албазинского острога.

Албазинский острог, а по острогу строенья башня проезжая с полевую пристепенную сторону с вороты о трех мостах, а мерою в стенах четырех сажен печатных. Полевая стена рублена с подошвенного мосту до середнего в две стены, вышина до кровли той башни четыре сажени печатных и с розвалом, а от розвалу вверх до орла пять сажен. На третьем мосту четыре окна колодные. Крыта тесом, зубцы на кровле, чердак для караула, да на той же башне орел, обит железом белым, да на той же проезжей башне три пищали медные на колесах в станках. Пищаль весом 19 пуд. 20 гривенок, ядра в две гривенки, к ней 38 ядер. Другая пищаль весом 9 пуд 10 гривенок, ядром в 2 гривенки, 7 ядер. Третья пищаль весом шесть пуд 20 гривенок ядром гривенка, всех к ней 14 ядер. А от той проезжей башни острожная стена до наугольной башни, мерою стена восемнадцать сажен, а наугольная башня мерою стена три сажени с полуаршина печатных. А в вышину три сажени до розвалу, розвал два аршина, и з бойницы, крыта тесом двойным, зупцы, а в башне мост.

А от тое наугольные башни к Амуру реке острожная стена до

круглые проезжие башни мерою пятнадцать сажен. А круглая проезжая башня рублена в восемь стен, а стены двойные. От земли до розвалу вышина четыре сажени, а розвал рублен брусчатой вышина два аршина, а на розвале мост, а кругом тое башни перила забраны в косяк и с окны и покрыты перила двойным тесом и с зубцами. Да на той же башне на розвале нарублена колокольня круглая в лапу до первых зупцов вышина четыре сажени и с розвалом, а на розвале шестнадцать столбов, а перила забраны в косяки кругом, а на столбах шатер. Розвал рублен брусчатой, вышина розвалу два аршина, а подволока - забрана в косяк. А с розвалу шатру вышина полпята сажени печатных, а на шатре крест и с маковицей, а в той башне четыре моста. А от круглой проезжей башни к Амуру реке до наугольной башни острожная стена длиной двадцать сажен с аршином. А наугольная башня от Амура вышина от земли до розвалу три сажени два аршина, а розвал два аршина, а на розвале бойницы. Крыта двойным тесом с зубцами, а в башне мост.

А от наугольные башни по Амуру вверх острожная стена сорок че-

тыре сажени, а в той острожной стене старые две башни, поставленья Никнфорка Чернигов-[110]ского. А в вышину те башни по три сажени: и под теми башнями поделаны бойницы и избы для аманатов и покрыты тесом. Да в той же острожной стене на углу государственной двор на приезд воеводам и приказным людям.

А от Амура реки от государственного двора острожная стена до наугольной башни сорок сажен. А наугольная башня в вышину трех сажен до розвалу. А розвал два аршина, а стена у башни три сажени, а крыта башня тесом двойным с зупцами, а в башне два моста. А от тое наугольные башни с полевую сторону острожная стена до проезжей же башни двадцать одна сажень с полусаженью.

А от государственного двора и до наугольные полевые башни и от наугольные полевые башни до проезжей большой башни и до наугольной башни и от той наугольной башни к Амуру реке до проезжей круглой башни и до наугольной башни с трех сторон по острогу нарублены городни и покрыты двойным тесом с зупцами.

А с нутреную сторону того острога плетен плетень. А от острогу поперег ширина в аршин и земли насыпан, а в вышину плетень по острогу кругом сажень печатная, полати поперег сажень и с полатей сквозь острог поделаны бойницы, а под полатами сквозь плетень по острогу бойницы же. И на те полати к верхнему бою на острог сделано семь лестниц. А вышина тому острогу до зупцов пол третью сажени.

А по заострожную сторону от Амура реки кругом того острога копан ров и частичек листовашной бит в землю до Амура реки. А глубина тому рву пол пята аршина, а ширина тому рву три сажени. Да в том же остроге старой острог строенья Никнфорка Черниговского мерою в длину осемнадцать сажен, поперег тринадцать сажен да башня с вороты. Да в том же старом остроге великих государей казенной анбар, а в том анбаре всякие великих государей казенные и десятинные и товарные казны прошлые 191 и нынешнего 192 году».

У подлинной книги по листам в закрепе написано: «К сей переписной книге Алексей Толбузин руку приложил».

Архив Академии наук (ААН), ф. 21, оп. 4, ед. хр. 25, л. 412–415.

Воспроизводится по:

Н.П. Крадин «Роспись Албазинского острога 1684 г.». Научный журнал «Россия и АТР» 1992г. № 2, сс. 109–110.

№ 69

1684 г. не ранее января 14. – Отписка Иркутскаго воеводы Ивана Власова к Якутскому воеводе Матвею Кровкову, с приложением копий с грамоты Китайскаго богдыхана к Русским и с письма одного перебежчика к своим товарищам.

Господину Матвею Осиповичю Иван Власов челом бьет. В нынешнем, господине, во 192 году, генваря в 14 день, писал ко мне в Иркутской из Нерчинского столник и воевода Федор Воейков: в нынешнем де во 192 году декабря в 15 день, в пятом часу дни, приехал к нему Федору в Нерчинской из Албазинского острогу Албазинской казак Мишка Григорьев сын Готола ¹ с отпискою от Албазинского казака от Ивашка Семенова с товарищи, а в отписке де их написано: в нынешнем во 192 году, ноября в 27 день, приехали де в Албазинской острог из Богдойскаго царства полоненики, промышленные люди Мишка Иванов сын Яциных, Ивашко Захарьев сын Енисеев, которые в прошлом во 191 году

поплыли из Албазинского острогу с Гришкою Мылником на Быструю и на Хамун реки, и полонили де их, и в царство Китайское свезли Богдойские воинские люди. А с собою де привезли они Мишка да Ивашко от богдохана на листу письмо в Албазинской острог к нему Ивашку Семенову и сказали де они промышленные люди Мишка да Ивашко: тот-де лист в Богдойском царстве дали им Богдойские воеводы, и с тем де листом их Мишку и Ивашка из царства отпустили в Албазинской острог, а в Албазинском де остроге то письмо велели подать ему Ивашку Семёнову. И он де Ивашко Семенов тот Богдойской лист и полонеников промышленных людей Мишку Иванова да Ивашка Захарова из Алба-

зинского острогу послал к нему Федору в Нерчинской острог; а письмо де писано на листу тремя грамоты: Рускою, Китайскою, Мунгалскою. И перед ним де Федором в Нерчинском остроге в съезжей избе полоненики Мишка де Ивашко сказали: из Богдойского царьства привезли их на Амур реку, где поставлен Богдойской новой землею город на Амуре, выше Зийского устья день езду; и в том де городе, по указу богдохана, то письмо на рускую грамоту переведено, а переводил де и писал прежней изменник Ивашко Ортемьев, чтоб то письмо прочесть было в Албазинском остроге для ведомости. И он де Ивашко Семенов у них Мишки и у Ивашки то письмо принял, и на площади вслух во всем народе прочитал, и с того де писма список списал и оставил тот список в Албазинском остроге, а подлинное де письмо, на листу, послал в Нерчинской острог с ними ж Мишкою и Ивашком. Да они ж Мишка и Ивашко сказали: как де они были в Богдойском новом городе, и им де сказывали Богдойские [238] толмачи и переводчики, прежней изменник Ивашко Артемьев, да Агафонко, да Стенка: сверх де Зии реки пришли к ним в новой город Тынгусы и принесли де с собою Рускую гладкую пищаль; а сказывали де им изменником Ивашку Ортемьеву с товарищи: сверх де Зии реки пять человек Руских людей шли в Албазинской

острог, и мы де тех Руских людей побили и ту де пищаль у них взяли. И он де Федор тот Богдойской лист у них Мишки да у Ивашка в Нерчинском остроге в съезжей избе принял, и их де Мишку и Ивашка в Нерчинском в съезжей избе спрашивал, и они Мишка да Ивашко сказали ему Федору в роспросе те ж речи, что в отписке написано Албазинских казаков Ивашка Семенова с товарищи. А которой де лист подали ему Федору полоненики Мишка да Ивашко, и тот лист писан Богдойским писмом, а что Богдойским писмом писано, и такова де человека в Нерчинском остроге не сыскано, кто б то письмо прочел. Да в том же листу написано Руским писмом, и он де Федор то письмо вычитчи, с того писма списал список и тот де список в Нерчинском остроге оставил в съезжей избе. Да те ж полоненики Мишка да Ивашко подали ему в съезжей избе грамотку, а тое грамотку из Богдойского царьства послал с ними ж Мишкою и Ивашком Албазинской казак Гришка Самойлов, а велел де им тое грамотку отдать в Албазинском остроге друзьям своим Ивашку Семенову с товарищи. А про Гришку де Самойлова с товарищи, которые ныне в Китайском царьстве, сказали они Мишка и Ивашко: Гришка де Самойлов с товарищи Китайскому богдохану поддалися вечно служить, и хочет де Гришка Самойлов себе в Ки-

тайском царстве заводы заводить, мыльницу строить и мыло варить. А подлинной до Богдойской лист и Гришка Самойлова грамотку он Федор Воейков запечатал великих государей Даурских острогов печатью в листу, и тех полоняников Мишку да Ивашка послал в Енисейской с Нерчинским казаком с Ивашкой Терентьевым сыном, барабанщиком.

² А каковы ко мне из Нерчинского Федор Воёйков под отпискою прислал в Иркутской с Китайского листа и с Гришкины грамотки списки, и с тех списков велел я списать списки ж, и те списки послал к тебе, господине, под сею отпискою.

Список с списка ж Китайского листа, что внесли полоненики Мишка да Ивашко.

Богдойской славной великой земли, Богдойской великой славной царь богдохан послал царской свой указ в Албазин приказному человеку, лета своего великого царства двадцать другого году; послал свой царской указ октября 19 числа.

[239] Я во всю подселенную славен и велик, до всяких людей добр и милостив, как отец до детей; и на своей земле живу смирно, и не трону никого, и вы пришли на мою землю, и моих ясашных людей изгоняете, у промышленных людей соболи и запасы отымаете, Кантимура с товарищи приняли, и на моем рубеже вы много делаете худо, и тому уже много лет. И я Богдойской царь

послал на вас большое войско, убить и погубить жалею; и вы того дурна покинетесь, подите назад. И мои людишка к вам сдалися, и я к вам писал по многие времена, отдайте назад, и вы того не разумеете. И Миккулаю ³ я приказал, чтобы тех людей назад отдать, и вы и того не разумеете; вы еще хуже того стали воровать, и моих ясашных людей Тынгусов имаете, и огнем сжете. Еще вы в прошлом году моих ясашных людей Тынгусов и Дауру на соболином промыслу Одиргия с товарищи обманом заманили в избу, и ту избу огнем сожгли, и вы отнюдь переводу не знаете. И я для ради того послал своего полкового воеводу с великим войском, и велел делать выше Гамару и на Гамаре и ниже Гамару, и на Зие, и ниже Зии города, и не дам вам по прежнему по Амуру и по Зие поволно дуровать. И прежь того было велел, где вас не увидеть, тут и велел бить и имать, — ныне велел вас добром призывать на свое имя и жаловать. А которые ваши Русские люди в прошлом году (плыли) по Амуру реке вниз на Быструю, и стретя мое войско, и те ваши люди сдалися на мое имя, и я их много пожаловал и ни единого человека не казнил; преже сдать ушли 4 человека, и тех всех переимали. И вы Албазинские и Нерчинские Русские люди, вы всякого дурна покинетесь, Кантимура с товарищи назад отдайте, и вы сами назад подите, и мы

всякие дела между собою покинем; и между собою в любви жить добро. И вы будете того не разумеете, и на моем рубеже станете жить, и в те поры вы не небом ни землею не закроетесь, и убить вас не жалею. И вам, будучи назад идти далече, и вы подумайте и приходите ко мне на мое имя, и я вас много пожалую. А которые четыре человека ушли а пойманы, и я из тех людей два человека, Михаила, Ивана, много пожаловал и назад к вам послал, и с теми два человека послал свой царской указ, Рускую грамоту и Богдойскую и Мунгалскую, и вам бы про то было ведомо. А будучи от вас какие речи будут и письмо, и вы с теми два человека пошлите, и вы сами приходите, не бойтесь ничего, посла держать не буду. Албазинскому приказному человеку было ведомо чиним. Царства своего 22 лета октября в 19 день.

Список с грамотки Гришки Самойлова.

Государю моему приятелю и заочному добродее Игнатью Ивановичу Гришка Стефанов челом бьет. Как тебя Бог милует? а про меня изволишь спросить, и меня грех ради моих взяли на Амуре Богдои. И я

топере живу в Китайском царстве за караулом: обут и одет от царя, октября в 26 день, а впредь уповаю на милость Божию. А житию своему промеру не знаю, потому что наши казаки и поп Максим с товарищи на Кадне. А отпуску нам вечно не будет, я слышал от толмачей; и я топере совсем разорился, что было колко денег, рублей сотня, то и в руках, а то все погибло. А покрученики мои ушли с ружьем, а ружье мое, и ты ружье возми да продай; на Саве Монастырском 3 рубли, на покрученике Бурдюковского 2 рубли, а по покручениках денги возми 30 алтын. Толко вас Бог помилует, и ты государь Игнатей Ивановичь не покинь робят моих, буди ты им отец; да Стенке да Оринке по благословению, всем моим приятелем [240] по челобитью. Здравствуйте о Христе. Государю моему Ивану Семеновичу Гришка Стефанов челом бьет. Государю моему Кирилу Семеновичу Гришка Стефанов челом бьет, здравствуйте о Христе. А нам топере сказано вечно в царстве. Пожалуйте, господа мои, не покиньте робят моих Стенку да Оринку.

Сообщено, в списке (не очень исправном), бывшим учителем Якутского уездного училища г. Райским.

Примечания:

¹ По другому списку: Гогола.

² В отписке о том же Нерчинскаго воеводы Федора Воейкова к Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову прибавлено: А для осадного времени в Нерчинском остроге Даурских казаков самое скудное малолюдство, и всех Даурских казаков в Даурских острогах всего 200 человек, и те все врозне, в Итаницынском зимовье 12 человек, в Яравнинском остроге 20 человек, в Теленбинском остроге 40 человек, в Иргинском остроге 5 человек, в новом Аргунском остроге 20 человек, в Нерчинском остроге 103 человека. Да из тех же Нерчинских казаков ходят в Удинской острог по хлебные запасы человек по сороку и по пятьдесят, а ездят по хлебные запасы Нерчинские казаки в Удинской острог недель по десяти и по тринадцати и по пятнадцати, а со мною в Нерчинском остроге остаецца казаков человек с пятьдесят, и те старые и увечные, а от воинских Китайских людей оборонитца мне будет некем и нечем, мелкого ружья, ручных пицалей и копей и бердышев и рогатин в Нерчинском остроге великих государей в казне нет.

³ Русский посол в Китае–Николай Спафарий.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр.237–240

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 70

1684 г. с 14 января по 20 октября. – Отписки Тобольского воеводы князя Алексея Голицына и грамота Верхотурским воеводам Михаилу Толстово и Григорью Нарышкину, о сборе и высылке ратных людей, в Енисейск, для защиты Байкальских и Даурских острогов.

И. Господину Михаилу Андреевичу Алексей Голицын челом бьет. В нынешнем во 192 году Генваря в 11 день, в грамоте Великих Государей Царей и Великих Князей, Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцев, писано ко мне и к товарищам моим в Тоболеск: в прошлом во 190 году писал к ним Великим Государем, из Даур, воевода Федор Воейков: извещали де ему Федору Даурские служилые люди и иноземцы, что во 190 году Китайские люди сне, сухим путем и водою, великим собранием, с огненным боем, хотят приходить на Даурские остроги, а ему Федору оборониться от таких болших людей за малолюдством не кем, во всех де Даурских острогах служилых людей толко двести человек; а во 191 году, по их Великих Государей указу, послан в Енисейск боярин и воевода князь Костентин Осипович Щербатово с товарищи, а велено ему Селенгинской и все Байкаловские и Даурские остроги и иные города и

остроги, которые мочно, оберегать; и указали они Великие Государи, по прежним и по нынешним Даурским вестовым отпискам, в Тоболску и Тобольского розряду в городех Литвы и Литовского, и новокрещеного списку, и конных и пеших казаков, и стрелцов из их детей и братьи и племянников, выбрать охочих пять сот человек, и послать в Енисейск, в полк к боярину и воеводе ко князю Костянтину Осиповичу Щербатово с товарищи, нънешней весны, по полой воде, в судах за лдом вскоре, не изпоздав, чтоб им поспеть в Енисейск вскоре, а их Великих Государей жалованье на подъем дать им по десяти рублей человеку да по пищале; а буде которые и служилые люди Литовского и новокрещеного списку и из конных казаков из меньших окладов похотят в ту посылку, и тех писать в, тож число в пять сот человек, и дать им их Великих Государей подможное жалованье по десяти рублей человеку, а годового жалованья на нынешней на 192 год, сверх подможного жалованья, им

не давать; а буде которые похотят с своими оклады, без подможных денег, в том же [184] числе в пяти стах человеках, и их отпускать и оклады им полные дать, а подмоги им не давать; а на дачу их Великих Государей жалованья, на подъем, денежная казна тем ратным людям и, для той же службы, пять сот пищалей ручных прислано будет с Москвы, по нынешнему зимнему пути, не изпоздав; а для отпуску тех людей и для хлебных запасов изготовить, на чем тем ратным людям итти в Енисейск, дощеники, по розсмотренью; а кто имяны и из какого кто чину охочие в Tobолску и Tobолского розряду в городех прибраны будут, о том велено к ним Великим Государем писать и имянную роспись прислать к Москве, с нарочным посылщиком, не замочав. – И по указу Великих Государей и по грамоте, велеть бы тебе на Верхотурье выбрать из служилых людей, из их детей и братьи и племянников, для посылки в Енисейск, в полк к боярину и воеводе ко князю Костянтину Осиповичу Щербатого, охочих людей, кто в тое посылку похочет, тотчас; а сколько человек из какого чину и кто имяны прибраны будут, и тем людям прислать бы тебе в Tobолеск имянную роспись, тотчас, чтоб за неписылкою твоею в отпуску к Великим Государем нима-лого мотчанья не учинилось. Да по сему ж Великих Государей указу и по

грамоте, велеть бы тебе, на Верхотурье и Верхотурского уезду в слободах, сделать пашенным и оброчным крестьяном, сверх прежнего наряду, для отпуску в Енисейск ратных людей, под пятьсот человек и под запас их десять дощаников, да для отпуску ж в Мангазею хлебных запасов и соли три дощеника, к прежним в прибавку, что велено делать на Верхотурье для отпуску хлебных запасов, с шоглы и с раины и с кормовыми и с поносными и с гребными веслы и с сопешными крюки и с досками и с лодками; а сделав те дощаники со всеми дощеничными припасы, прислать в Tobолеск тотчас залдом, чтоб за дощениками отпуску в Енисейск ратным людям, и в Мангазею хлебным запасом, нима-лого мотчанья не учинилось; а железо Свицкое и скобы судовые и гвоздье четвертное на то дощеничное дело велеть купить, и за дело дощеников плотником денги дать из Верхотурских доходов, против прежнего с убавкою, чтоб Великих Государей казне лишней истери и напрасных убытков не было.

Подлинник писан столбцем на пяти, листках, без скрепы. Быв сложен пакетом и запечатан, имеет на обороте надпись: Господину Михаилу Андреевичу. – 192 Генваря в 23 день подал отписку Tobолской сын боярской Филип Вакулин.

II. Господину Михаилу Андреевичу Алексей Голицын челом бьет. В нынешнем во 192 году Генваря в 14 числе, по указу Великих Государей и по грамоте, писано из Tobолска к тебе, а велено выбрать из служилых людей, из их детей и братьи и племянников, для посылки в Енисейск, в полк к боярину и воеводе ко князю Костянтину Осиповичу Щербатово, охочих людей, кто в тое посылку похочет, тотчас, а сколько человек из какого чину и кто имяны прибраны будут, тем людям велено прислать тебе в Tobолеск имянную роспись. И в нынешнем же во 192 году Февраля в 11 числе писал ты ко мне: на Верхотурье де из служилых чинов людей охочих детей и братьи и племянников для посылки в Енисейск, в полк к боярину и воеводе ко князю Костянтину Осиповичу Щербатово, никого нет. И в нынешнем же во 192 году Февраля в 20 день, в грамоте ж Великих Государей Царей и Великих Князей, Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья [185] Росии Самодержцев, писано ко мне и к товарищам моим: в нынешнем же во 192 году Генваря в 9 день писали к ним Великим Государем, из Енисейска, боярин и воеводы князь Костянтин Осиповичъ Щербатово с товарищи да, из Нерчинского, Федор Воейков: в прошлом де во 191 году Августа в 10 числе пришли под Албазинской Китайские воинские люди на пяти

стах бусах, да под Албазинской же де и под Нерчинской идут, горнею дорогою, Китайских же воинских людей по пятнадцать тысяч под острог; и указали Великие Государи, по прежнему и по сему их Великих Государей указу, в Tobолску и Tobолского розряду в городех, из казачьих и из стрелецких детей и братьи и племянников и из иных чинов, выбрать пять сот человек, да к тому в прибавку послать из Tobолских пеших казаков сто человек, и послать в Енисейск, в полк к боярину и воеводе ко князю Костянтину Осиповичу Щербатово с товарищи, нынешней весны, по полою воде залдом, вскоре, не изпоздав, чтоб им поспеть в Енисейск вскоре, и сказать тем казаком, которые будут в той посылке, и новоприборным, что им для той службы дано будет их Великих Государей жалованья на подем денги и в дорогу хлебные запасы; а кто имяны Tobолских пеших казаков сто человек выбрано и новоприборных Tobолского розряду в городех, из какого чину, и кто имяны ж, и сколько человек, и в которых городех в указное число в пять сот человек прибрано будет, о том к нам Великим Государем велено о всем писать, и выборным пешим казаком и новоприборным сдужилым людям пятистам человеком прислать в тетрадах имянную роспись, с нарочными посылщики, безо всякого мотчанья, по нынешнему зимнему

пути.—И по указу Великих Государей и по грамотам выбрать бы тебе, на Верхотурье, из стрелцов и из пеших казаков из их детей и братьи и племянников сто тридцать человек, в службу, добрых, для посылки в Енисейск, в полк к боярину и воеводам к князю Костянтину Осиповичу Щербатово с товарищи, тотчас, безо всякого мотчанья, при Тоболском сыне боярском при Матвее Деткове, которой прислан к тебе с сею отпискою нарочно для выбору служилых людей, а выбрав, тем новоприборным ратным людям, сколько человек и из какого чину и кто имяны выбраны будут, прислать за своею рукою имянную роспись, безо всякого мотчанья, не описываясь ничем, с тем сыном боярским с Матвеем Детковым; а буде ты то великое ратное дело поставишь в оплошку, и выбором новоприборных ратных людей учинишь мотчанье, и новоприборным служилым людям росписи в тетрадах за рукою вскоре не пришьлешь, и о том к Великим Государем учну писать на тебя, к Москве. А однолично б тебе выбрать из стрелецких и из пеших казаков детей и братьи и племянников сто тридцать человек, в службу, добрых, и роспись новоприборным людям прислать в тетрадах тотчас, безо всякого мотчанья, чтоб те росписи, не изпоздав, по нынешнему зимнему пути послать к Великим Государем, к Москве, и чтоб за неприсылкою твоею

в отпуску к Великим Государем, к Москве, ни малого мотчанья не учинилось. Да тебе ж бы, по прежней и по сей отпискам, велеть на Верхотурье сделать к весне в Тоболской отпуск, против указу, муки ржаной и солоду ржаного и круп и толокна и муки овсяной, без мотчанья, и для отпуску ратных людей в Енисейск и в Мангазею, и под их запасы, и под иные всякие отпуски, дощаники, со всеми припасы, безо [186] всякого мотчанья, крепки и уделни, чтоб в Тоболску к тем дощаникам никаких поделок, и Великих Государей в казне лишних расходов не было; а от дела дощаников денги дать плотником из Верхотурских доходов, и хлебные запасы прислать на дощаниках по полой воде за лдом, не изпоздав.

Подлинник писан столбцем, на четырех листках. Быв сложен пакетом и запечатан, имеет на обороте надпись: Господину Михаилу Андреевичу.

III. От Царей и Великих Князей, Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великая и Малыя и Белья Росии Самодержцев, в Сибирь, на Верхотурье, столнику нашему и воеводе Григорью Филимоновичу Нарышкину да дьяку нашему Петру Бурцову. В прошлом во 192 году Июля в 26 день писали к нам Великим Государем; из Тоболска, боярин наш и воеводы князь Петр Семено-

вичь Прозоровской с товарищи, что, по нашему Великих Государей указу, послали они, из Тоболска, наших Великих Государей ратных людей, в Енисейск, для Даурские посылки, Тоболских служилых людей пеших казаков сто человек, да из Тоболска ж новоприборных двести пятьдесят человек, Туринских тридцать человек, Верхотурских и Тюменских двести двадцать человек; а кто имяны, и все ль выборные или за кого наймиты, посланы, и того имянно в отписке своей они не написали.—И как к тебе ся наша Великих Государей, грамота придет, и ты б к нам Великим Государем писал тотчас, кто имяны Верхотурские служилые люди в Тоболеск посланы, и сами ль они, которые были выбраны, или в чье место кто наймиты, посланы, и буде наймиты, какого кто чину и кто в чье место, и которые служилые люди с Верхотурья посланы в Тоболеск, и все ль те из Тоболска в Дау-

ры пошли, или кто вместо себя кого нанял, и те люди, которые вместо себя наняли, и из Тоболска на Верхотурье приехали ль, и об отпуске своем отписки подали ль, чтоб в Сибирском Приказе впред для справки про то было ведомо; а того б тебе не учинить, чтоб о том к нам Великим Государем не писать тотчас. Писан на Москве, лета 7193 Октября в 20 день.

Подлинник писан столбцем на трех листках; с скрепою по склейкам: Диак Тимофей Протопопов. Внизу: Справил Филатко Никитин.

Быв сложен пакетом и запечатан, на обороте имеет надпись: В Сибирь, на Верхотурье, столнику нашему и воеводе Григорью Филимоновичу Нарышкину да дьяку нашему Петру Бурцеву. – 193 Декабря в 21 день подал из Тоболска Верхотурской стрелец Первушка Макаров.

Все три акта из архива Верхотурского Уездного Суда.

Воспроизводится по:

Акты Исторические, т. V, сс. 183–186 Спб 1842г.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 71

***1684 г. ранее марта 5. – Отписка Верхотурского воеводы
Михаила Толстаго к Тобольскому воеводе князю Алексею
Голицыну о произведенном в Верхотурье наборе 130 человек
служилых людей для посылки в Енисейск.***

Господину князю Алексею Андреевичю Михайла Толстово челом бьет. В нынешнем во 192 году, марта в 2 день, писал ты, господине, ко мне на Верхотурье: по указу великих государей и по грамоте велено выбрать из служилых людей и из их детей и братьи и племянников для посылки в Енисейск в полк к боярину и воеводе ко князю Костянтину Осиповичю Щербатово охочих людей, кто в тое посылку похочет тотчас, а сколько человек из какого чину и кто имяны выбраны будут, и тем людям велено прислать мне в Тоболеск имянную роспись. И Февраля в 11 числе писал я к тебе, господине: на Верхотурье де из служилых чинов людей охочих людей и братьи и племянников, для посылки в Енисейск, никого нет. И в нынешнем же во 192 году, Февраля в 20 день, в грамоте ж великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, писано к тебе: в нынешнем же во 192 году генваря в 9 день, писали к ним великим государем из Енисейска бо-

ярин и воеводы князь Костянтин Осиповичъ Щербатово с товарищи, да из Нерчинского Федор Воейков: в прошлом де во 191 году августа в 10 числе пришли под Албазинской Китайские воинские люди на 500 бусах, да под Албазинской же и под Нерчинской идут горною дорогою Китайских же воинских людей по пятнатцати тысяч под острог; и указали они великие государи, по прежнему и по сему их великих государей указу, в Тоболску и Тобольского розряду в городех из казачьих и из стрелецких детей и братьи и племянников и из иных чинов выбрать 500 человек, да к тому в прибавку послать из Тобольских пеших казаков 100 человек и послать в Енисейск в полк к боярину и воеводе ко князю Костянтину Осиповичю Щербатово с товарищи, нынешней весны по полой воде, за лдом вскоре, не изпоздав, чтоб поспеть в Енисейск вскоре, и сказать тем казаком, которые будут в той посылке и новоприборным, что им для той службы дано будет их великих государей жалованье, на подъем денги и в дорогу хлебные

запасы. А кто имяны Тоболских пеших казаков 100 человек выбрано, и новоприборных Тоболского розряду в городех из какого чину и кто имяны ж и сколько человек и в которых городех в указное число в 500 человек прибрано будет, о том к ним великим государем велено о всем писать и выборным пешим казаком и новоприборным служилым людям 500 человеком прислать в тетратех имянную роспись с нарочными посылщики, безо всякого мотчания, по нынешнему зимнему пути; и выбрати б на Верхотурье из стрелцов и из пеших казаков и из их детей и братьи и племянников 130 человек в службу добрых, для посылки в Енисейск в полк к боярину и воеводе ко князю Костянтину Осиповичю Щербатово с товарищи тотчас, безо всякого мотчания; а выбрав, тем новоприборным ратным людям, кто имяны выбраны будут, прислать мне в тетратех, за своею

рукою, имянную роспись безо всякого мотчання, не отписываясь ни чем, с Тоболским сыном боярским с Матвеем Детковых, чтоб те росписи не изпоздав по нынешнему зимнему пути послать к великим государем к Москве. И по указу великих государей и по [242] твоей, господине, отписке, на Верхотурье из стрелецких детей и братьи и племянников 130 человек в службу добрых, для посылки в Енисейск в полк к боярину и воеводе ко князю Костянтину Осиповичю Щербатово с товарищи, выбрал марта в 4 числе, а выбрав, тем новоприборным служилым людям в тетратех имянную роспись, за своею рукою, послал я к тебе, господине, в Тоболск с Тоболским сыном боярским с Матвеем Детковым марта в 5 числе. А, выбрав тех новоприборных служилых людей, дать ли их на поруки и в которое время выслать, того, господине, в отписке твоей ко мне не написано.

Черновой отпуск на 4 листках, из архива Верхотурского Уездного Суда.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр.241–242

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 72

1684 г. марта–20 апреля. – Распросные речи в Енисейской приказной избе промышленных людей, из коих двое были в плену у Китайцев.

И. 192 году, марта в 20 день, явились в Енисейску в приказной избе полоняники промышленные люди Мишка Иванов сын Яшиных, Ивашко Захаров, Енисеец; и те полоняники Мишка и Ивашко в Енисейску в приказной избе перед боярином и воеводою князем Костянтином Осиповичем Щербатовым с товарищы роспрашиваны, а в роспросе сказали: в прошлом де во 191 году, по указу великих государей, послал из Албазинского острогу, для государева ясачного сбора, вниз по Амуру реке на Быструю реку, Албазинского острогу прикащик Ивашко Войлочников Албазинских служилых людей Гришку Степанова сына Мылникова с товарищы, 20 человек, да с теми служилыми людьми отпустил он их промышленных волных людей 47 человек, для промыслов и для малолюдства, и всего де в ту посылку в отпуск было 67 человек на четырех дощаниках да на двоих каюках. И плыли они от Албазинского Амуром рекою одиннатцать дней, и наплыли де они на Китайских людей из-за мыса, не ведая тех Китайских людей. И увидя де они тех Китайских людей, Гришка Мылник с това-

рыщы стали к берегу на Амуре реке на Албазинской стороне; и те де Китайские люди обошли бусами кругом того места, где они пристали к берегу и стали на якорях и никуда де их водою не пропустили. И на другой де день приехали к ним на суды их Китайских людей два человека сотников и с судов у них приказного человека Гришку Мылника те Китайские сотники звали к себе на бусы к воеводам своим для розговору, и он де Гришка к ним к Китайским людям на бусы поехал, а с ним поехали десять человек казаков; и как он Гришка на суды приехал, и его де Гришку с казаками Китаиские люди с бус не отпустили. И почали де Китайские толмачи, прежние из Албазинского острогу изменники, их всех Руских людей звать к себе на богдоканово имя. И служилые де и промышленные люди, которые не похотели богдокану сдатца, с судов побежали в лес врознь, и они де Мишка и Ивашко, да с ними двое ж человек промышленных людей, не хотя Китайцам сдатца, покиня на судах всякие свои животы, в тот в лес ушли ж, для того что де Китайского войска пришло на бусах мно-

го, а их де Руских людей было толко 67 человек; а сколь де числом и кто имяны в то время с судов в лес ушли, того они не ведают. А иные де служилые и промышленные люди после их остались у животов своих на судах, и с Китайскими людьми битца не почали и на берег с судов не пошли. А как они Мишка с товарищы с судов ушли и побежали с вестью в Олбазинской острог, и бежали семь дней, и напа-[81]ли де, на них в седмой день Китайские конные воинские многие люди и их де Мишку с товарищы поимали и привезли на Амур реку, и на Амуре де реке у того войска на берегу под камнем таборы, и то де Китайское войское того ж дни переправились за Амур реку на другую сторону, и их де Мишку с товарищы, четырех человек, перевезли с собою ж за Амур и посадили их в колоды, а на другой де день товарищов его Мишкиных Еуфимка Алексеева да Пашка Дмитриева Китайские люди повезли от них неведомо куда, и после де того тех товарищов своих нигде они не видали. И в девятой де день пришли к ним, вверх по Амуру реке те ж Китайские люди в бусах, от которых они ушли с судов, и на том де месте перед Китайских воевод их имали и роспрашивали их толмачи Русские изменники, которые изменили великим государем в прошлых годах, Ивашко Артемьев, Агафонко Зырян, Стенка Верхотур, и говорили им те

изменники: для чего де вы побежали, а на переговоре не сдались, а товарищ де их Гришка Мыльник с товарищы, 29 человек, богдокану сдались? И они де Мишка и Ивашко против того им сказали: побежали де было они в Албазинской с вестью. А иного ничего им не говорили. И толмачи де сказали им от воеводы от первого, что де их за тот побег приказал казнить. И другой де воевода говорил: казнить де их не велити. И в то де время видели они на бусах издали тех Руских служилых и промышленных людей, которые остались на судах у животов своих, и близко де их к ним не припущали, и ничего де с ними не говорили и повезли де их с того места на Наун реку в свои Китайские села, и на руки на них положили смыки деревянные, и до Науна де везли их верхами девять дней, а на Науне держали их десять дней, и с Науна везли их до Китайского государства десять дней, и привезши де в Китайское государство, посадили их в тюрьму в тех же смыках. И на заврее де того дни, взяв их из тюрьмы, привели перед богдоканова брата и перед ван Китайских, а по Руски перед бояр, и о побеге де их с Амура реки, как они убежали с судов своих, роспрашивали, а в роспросе де они говорили те ж речи, что они говорили на Амуре реке перед Китайскими воеводами. И после де роспросу, сидели они в той же тюрьме семь недель, и корму

де давали через день вареные крупы и то не по большему. Да сказывал де им, приходя в ту тюрьму, прежней Руской изменник Пахомко Степанов Корноух втай, что де Китайской богдокан собирает войско большое, и смотры де и ученья воинским людям бывают частые; а куда тех воинских людей хочет богдокан послать, того де он Пахомко им не сказал. Да он же де изменник Пахомко принес к ним в тюрьму грамотку от Албазинского казака Гришки Мылника, а велел де им он Пахомко тое грамотку отдать в Албазинском остроге казакон, а кому имянем, того не сказал. Да он же де Пахомко про него Гришку сказывал, что хочет де он Гришка в Китайском государстве заводить мельницы и мыло варить. А его де Гришку они, Мишка и Ивашко, и иных никого в Китайском государстве полоняников, которые с ними были на судах, не видали. И пришли де от богдохана к ним к тюрьме Китайские люди, и из тюрьмы де их выняли, и дали де им лист богдоканов, а велели им тот лист отдать в Албазинском прикащику; и повезли де их с тем листом Китайские люди верхами в таких же ручных смыках, и от Китайского де государства везли их до нового Китайского города, что поставлен ныне на Амуре реке, выше Зии реки пятнатцать дней, тою ж дорогою, которою дорогою в Китайское государство их везли; а подводы под них имали Китай-

ские люди по ямом, [82] а ямы де по той дороге построены у них на день по четыре яма. А как де их вывезли, и в первые де полтора дни ехали они от Китайского государства мимо семи городов ¹, а строенье де у тех городов худое и стены во многих местех отвалились; и из тех де семи городов в три города их ввозили, а в одном де из городов видели они четыре пушечки, по аршину, лежат на земли без станков, а ружья де в тех городех никакова они не видали, а напереди де пищали с три, с жаграми. И привезли де их из Китайского государства в новой город на Амур в пятнатцатой день; а тот город сделали те Китайские люди, которые их на бусах громили; а сделан де тот город землею, кладен из дерну, а вышиною в сажень, да возле того города выкопан ров, вышиною в сажень же, и возле того рву, с полевой стороны, бит чеснок вышиною ниже пояса, а в ширину де того чесноку аршина в три. И в тот де город их ввозили, и видели де они в том городе в проезжих воротах две пушки полковые, длиною полсажени, рушных, в станках и на колесах. А в том де городе держали их сутки за караулом. А ратных де людей в том городе видели они много, а сколько, и того де сметить оне не умели. А как де их из того нового города повезли в Албазинской, и они де видели в других проезжих воротах такие ж две пушки в станках же и на коле-

сах; да они ж де видели близко того нового города на берегу поставлены на катках бусы многие, а знатно де, что те бусы, с которыми они встретились на Амуре. А тот де новой, город сделан у них Китайских людей на Албазинской стороне выше Зии реки, а от устья де Зийского верховою не скорою ездою день ехать; а от того де нового города ехали они до Албазинского верхами две недели. Да в том же де городе слышали они от Руских изменников: шли де с Зии реки в Албазинской острог служилых людей пять человек, и тех де служилых людей Тунгусы на дороге побили, и принесли де те Тунгусы в тот новой город пищаль гладкую; а ясачные ль те Тунгусы то были или неясачные, того де они им не сказали. И из того де нового города отпустили их Мишку и Ивашка в Албазинской без провожатых, и приехав де в Албазинской, подали тот Китайской лист прикащику Ивашку Войлочникову, и он де Ивашко тот лист прочел в Олбазинском всяких чинов людям в слух; а как де тот лист прочли, и всяких де чинов люди говорили: не чему де тому прелесному писму верить, волен де в том Господь Бог и великие государи; а из Албазинского де от казны великих государей им для того не бежать; а сколько де пороховой казны великих государей будет, и они де с неприятелем тем порохом². ради за великих государей умереть, а острог

де они не покинут. А о том де они всяких чинов люди тужили, что де в Албазинском остроге в государеве казне пороху и свинцу и оружия и пушек гораздо скудно. И они де Мишка и Ивашко в Албазинском всяких чинов людям говорили и заказывали, чтоб они от приходу Китайских воинских людей жили с великим опасением и бережением. А прежд де их Мишкина и Ивашкова в Албазинской приезде, прибежали в Албазинской острог товарищи их с судов служилые и промышленные люди, десять человек, а про Албазинских де служилых и промышленных людей Гаврила Фролова, с товарищи, которые пошли на Быструю реку для государева ясачного сбора во 190 [83] году, и про тех де служилых людей в Албазинском и в новом Китайском городе, что на Амуре, ничего они не слыхали. А хлебу де в Албазинском во 191 году был недород, а по чему де ценою какова хлеба пуд купить, того они не ведают, потому что они в Албазинском жили толко пять дней. А служилых людей было при них в Албазинском 120 человек да промышленных людей и пашенных крестьян 480 человек. А про государев де ясачной сбор ничего они в Албазинском не слыхали, потому что де при них из Ясачных зимовей служилые люди с ясачным сбором не бывали, и шатости де в ясачных иноземцах в Олбазинском и в Нерчинском они не слыхали ж.

А с листа де Китайского в Олбазинском прикащик Ивашко Войлошников списав список, оставил в Олбазинском, а подлинной де лист и их Мишку и Ивашка послал он Ивашко Войлошников в Нерчинской острог с Албазинским казаком с Мишкою Гоголю; а как де они приехали в Нерчинской острог, и тот де лист и грамотку, что послал с ними из Китайского Гришка Мыльник в Олбазинской к казаком, подали они в Нерчинском столнику и воеводе Федору Воейкову. А как де они Мишка и Ивашко из Даур шли ныне в Енисейск, и наехали на дороге на Якуцких казаков, а с теми Якуцкими казаками ездит Зийской промышленой человек Савка Михайлов, и он де Савка им сказывал: как де их Китайские люди на Амуре реке бусами обошли, и он де Савка с иными Албазинскими служилыми и с промышленными людьми, не хотя Китайскому богдохану сдатца, с судов ушли в гору.

II. 192 году, апреля в день, в приказной избе перед боярином и воеводою князем Костянтином Осиповичем Щербатовым с товарищи Албазинской промышленой человек Савка Михайлов в роспросе сказал: в прошлом де во 191 году послан он Савка из Албазинского острогу из промышленных людей с Албазинскими служилыми людьми с Гришкою Мыльником с товарищи

и с промышленными людьми на Быструю реку, и как де они наплыли на Китайских людей, и те Китайские люди обошли их бусами кругом; и Албазинские де служилые и промышленные люди, которые не похотели богдану сдатца, и он Савка с судов ушли; а ушло де их в то время с судов с ним Савкою Албазинских казаков три человека да промышленных людей дватцать человек, а имен де их не упомнит. И шли де они все в Силинбиинское зимовье, а шли де они до того Силинбинского зимовья пять недель и голод терпели великой; а из Силинбинского де зимовья послал из них пяти человек промышленных людей того Силинбинского зимовья приказной Албазинской казак Ондрюшка Микитин, с ведомостью о приходе на Амур реку Китайских людей, на Зию в Зийской острог к Албазинским казаком, а кого имены послал, того де он не упомнит; а достальные де Албазинские служилые и промышленные люди и он Савка, всего осмнатцать человек, вышли из Силинбинского зимовья в Якуцкое зимовье на Удь реку к Якуцким служилым людям, а в Албазинской де острог с розгрому Китайских людей иттить оне не смели, потому что де пришло на Амур реку Китайских людей много. А как де они пришли в Якуцкое зимовье на Удь реку, и приказной де того зимовья Якуцкой сын боярской Петр Оксентьев послал к Гаврилку Фро-

лову с товарищи ясачного Тунгуса, а его де Савку да промышленного человека Бориска Ермолина, которой ушел с розгрому Китайских же людей с ним Савкою вместе, послал он Петр, с отпискою для ведомости о Китайских людех, в Якуцкой острог к столнику и воеводе к [84] Ивану Приклонскому; а товарищи де его Савкины, Албазинские служилые и промышленные люди, шеснатцать человек, остались в том Якуцком зимовье на Уде. И как де он Савка пришел в Якуцкой острог, и столник де и воевода Иван Приклонской велел ему Савке и товарищу его Борису написать по неволе челобитные, чтоб их приверстать по Якуцкому в казачью службу, и они де по его Иванове неволе челобитные о верстанье в службы написали и ему Ивану подали, и он де Иван в казачью службу, неволею их поверстал, и послал из Якуцкого он Иван их Савку и Бориска с Якуцким приказной избы подьячим с Федором Михайловым с отписки великих государей к Москве. А они де было Савка и Бориско хотели из Якуцкого итти в Албазинской острог и служить великим государем в Албазинском остроге; а будет бы де в Албазинской острог пройтить им было за чем в приход Китайских людей нелзе, и они де Савка и Бориско хотели итти и служить великим государем в Нерчинском остроге, для того что в тех острогах ныне для неприятельских

людей прибавочные люди надобны. А как де они из Якуцкого к Москве пошли, и в Якуцком де уезде и в деревне в Кривой Луке генерал и воевода Матвей Осипович Кравков Якуцкие отписки в ящике, за государевою Якуцкою печатью, у них взял и отдал Якуцкому казаку Данилку Хренову, и с ним де Данилом послал он Матвей Осипович к Москве его Савку, а подьячего де Федора Михайлова и Бориска Ермолина оставил он Матфей у себя. И Данилко Хренов, идучи с ним Савкою в Илимской, стращал его Савку всячески, чтоб он Савка дал ему Данилку на себя память, что ему Савке его Данилка во всем слушатца; а буде де он Савка такой на себя памяти ему Данилку не даст, и он де его Савку на дороге покинет. И в Илимском де остроге он Данилко память на него Савку за угрозами взял, что де ему Савке во всем его Данилка слушать; а ту де память писал в Илимском остроге площадной подьячей Коземка Завьялов, и руку де вместо его Савки к той памяти прикладывал черной поп, а имя де его не ведает. А как де они Савка и Данилко пришли в Енисейск, и он де Савка хотел итти в приказную избу к боярину и воеводе князю Костянтину Осиповичю Щербатому с товарищы, хотел о себе и о товарищах своих известить, как они с розгрому пришли в Якуцкое зимовье на Удь реку и в Якуцкой пришли, и как в казаки

по неволе воевода Иван Приклонской написал и к Москве послал; и Данилко де Хренов ему Савке в приказную избу ходить не велел, и к боярину и воеводе ко князю Ко-

стоянтину Осиповичю Щербатому с товарищы явитца не велел же, и из Енисейска повез его Савку к Маковскому волоку неволею, тайно.

Из принадлежащей Императорской Академии Наук рукописи, под заглавием: Списки Енисейской архивы (часть 3-я, в лист, на 391 л.).

Примечания:

¹ За сим в подл. рукописи написано: скиленных.

² За сим в рукописи поставлены точки.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1869г, т. 11, СПб., № 24, стр.80–84.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 73

1684 г. мая 29–1685 июня 22. – Розыск о злоупотреблениях Нерчинского воеводы Федора Воейкова.

Лета 7192 году, мая в 29 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев,

и по наказу из Сибирского Приказу, за приписью дьяка Семена Румянцова, велено Алексею Ларионовичю Толбузину ехать в Сибирь в Дауры в Албазинской острог, для того, что в прошлом во 191 году били челом

великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, извещали Даурские Албазинского острогу казаки, а на Москве в Сибирском Приказе в роспросе сказали, что де воевода Федор Воейков, будучи в Нерчинском и в Албазинском, и сын его Андрей делают не против указу великих государей, и им де казаком всякую тесноту чинят и вином и пивом торгуют. Да он же де Федор, без указу великих государей, Зейской острог в Китайское государство отдал. А Федор де Воейков к великим государем писал, что де они Албазинские казаки во всем ему Федору чинятца непослушны, и государской соболиной казны ему де не отдали и хотели де его убить, и просили де у него пяти сот рублей денег, и он де Федор пять сот рублей денег у торговых людей занял и им де Албазинским казаком отдал и государеву соболиную казну взял у них выкупом. А сына де своего он Федор Воейков посылал в Албазинской острог без указу великих государей. А приехав в Албазинской, против отписок Федора Воейкова на Албазинских Казаков в их непослушанье, и что они хотели Федора Воейкова убить, и во многих их неправдах, также и против челобитья и извету Албазинских казаков на Федора Воейкова, что он, будучи в Нерчинском и в Олбазинском, и сын

его делали не против указу великих государей, и им де казаком всякую тесноту чинили, вином и пивом торговали, и Зейской острог без указу великих государей в Китайское государство отдали и про иные многие статьи сыскать всякими людьми, и допрашивать бы всякого человека порознь, и те их допросные речи велеть записывать имянно и к допросным речам велеть тем людям руки прикладывать.

И в прошлом во 192 году, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по указу за приписью дьяка Семена Румянцева, Алексей Ларионович Толбузин, приехав в Албазинской острог, против отписок Федора Воейкова на Албазинских казаков в их непослушанье, что они в прошлом во 190 году апреля в 5 день великих государей соболиные казны к Москве отпустить нехотели ли, и приходили де к Ондрею невежеством на двор, и имали ли к себе в круг, и просили ли государева жалованья четырех тысячей рублей, и государевы соболиные казны ему Федору не отдавали ли, и убить его хотели ли, и просили ли у него пяти сот рублей денег, и он Федор дал ли им пяти сот рублей денег, и государеву соболиную казну у них на выкуп взял ли, и говорили ли Албазинские казаки, чтоб великих государей каз-

ну продать на денги, а денги роздать в жалованье, и одиначная запись у них промеж собою была ли, и в том ли одиначная запись была, чтоб соболиные казны к великим государем к Москве не отпустить, и к нему Федору с невежеством приходили ли, и всякою бранью бранили ли и бесчестили ли, и сына его Андрея отнять хотели ли, и думали ли торговых людей грабить, и хотели ли итти вниз по Амуру реке к морю, и Андрея Воейкова хотели ли взять с собою в [3] неволю, и после его Федора человека его Сергушку Терлова в круг себе имали ли, и говорили ли ему, чтоб он Федор сказал: толко б де с Зеи пришли казаки, и ему бы де Федору живу не уехать, и у Федора пять сот пуд запаса отняли ли и по себе розделили ль, и против челобитья Албазинских казаков на Федора Воейкова, как де он Федор был в Албазинском, бранил ли Албазинских казаков всякою неподобною бранью, и ворами и беглецами называл ли, и причитал ли их к вору к Стенке Разину, и отсылал ли их в Китайское государство к богдокану, и говорил ли он Федор про Албазинской острог: тот де острог воровской и ставили де его воры, и доведетца церковь Божию роскласть и острог сжечь; и промышленным людям и пашенным крестьяном он Федор лготы давал ли и десятинной пашни с них убавливал ли? А Федоров сын Андрей Воейков дал ли память слу-

жилым людям Стенке Панкратьеву с товарищи, и велел ли из Долонского острожку служилых и промышленных свесть и острог пуст покинуть; и будучи он Андрей в Албазинском, ясачных аманатов кормил ли скудно, и давал ли корм поденной конинные пропастные мяса, и от его ль Андреевы безкормицы семь человек ясачных аманатов пропало, и вином и пивом он Федор и сын его Андрей торговали ли? И про все те вышеописанные статьи всякими людьми сыскивал и всякого человека против всех статей порознь допрашивал. А что в допросе всяких чинов люди против всех статей в сыску сказали, и те их допросные речи писаны ниже порознь статьями за их руками.

И мая в 20 день в Албазинском в съезжей избе перед Алексеем Ларионовичем Толбузиным торговой человек Исак Поселской допрашиван, а в допросе он Исак сказал: в прошлом де во 190 году у Албазинских казаков одиначная запись промеж собою написана была, а в той де их записе написано, чтоб де им Албазинским казаком друг друга Федору Воейкову не выдавать; а как де Федор Воейков приехал в Албазинской острог и просил у Албазинских казаков государевы соболиные казны, и они де Албазинские казаки государевы соболиные казны ему Федору не отдавали, и били челом о государеве жалованье, и ему Федору

говорили: посылаю де было к нам в Албазинской острог государева жалованья две тысячи рублей нам Албазинским казакам на жалованье, и ты де из той государственные казны тысячу рублей роздал Нерчинским служилым людям, а нам де в Албазинск прислал тысячу рублей. И Албазинские де казаки били челом ему Федору Воейкову о сыне его Андрее, чтоб он оставил в Албазине на воеводстве сына своего Андрея; и Федор Воейков сына своего в Албазинску не оставил; и Албазинские де казаки ему Федору говорили: Нерчинских детей боярских и казаков в Албазин на приказ не примем и не хотим де мы быть у них под началом, и вели де у них быть на приказе Албазинским казакам. И столник и воевода Федор Воейков велел им служилым людям из своей браться выбрать из Албазинских служилых людей прикащика, и Албазинские де служилые люди выбрали себе прикащика Албазинского десятника казачья Ивана Войлошникова. И Албазинские казаки к Федору Воейкову невежеством приходили ли, и всякою бранью, бранили ли и бесчестили ли, и убить его хотели ли, и сына его Андрея у него отнять, и в монастырь к нему Федору сорок человек приходили ли, и говорили ли ему: дай де ты нам пять сот рублей денег, и мы де тебе отдадим государственную соболиную казну, – и про то он Исак сказать не ведает. А посы-

лал де он Федор Воейков его Исака, да с ним торговых людей Ивана Лобашкова, Афонася [4] Барахмата, Якова Лузина к Албазинским казаком, а велел де он Федор Воейков говорить им Албазинским казаком: толко де государственную соболиную казну отдадут мне, и я де займу у торговых людей денег и дам им государева жалованья пять сот рублей. И Албазинские де казаки ему Исаку с товарищи сказали: толко де он Федор приедет по соболиную казну сам и денег пять сот рублей на жалованье привезет с собою, и мы де ему Федору казну отдадим и его де Федора проводим с честью. И Федор Воейков занял у торговых людей триста рублей, а двести рублей денег взял своих, и пришел из монастыря в Албазинской, и денег пять сот рублей в жалованье Албазинским казакам отдал, и государственную соболиную казну ему Федору Албазинские казаки отдали. А которые де указные памяти из Нерчинского в Албазинской от Федора Воейкова приходили, и Нерчинские дети боярские и служилые люди с указными памятьми приезжали, и Албазинские казаки тех указных памятей не слушали, и Нерчинских детей боярских на приказ не примали; и Албазинские казаки у Федора запас взяли, а сколько того запаса взяли и на какие расходы держали, про то он не ведает. А во 190 году, мая в день, столник и воевода Фе-

дор Воейков на поезде из Албазинского острогу в Нерчинской говорил про Албазинской острог: тот де острог воровской и ставили де его воры, и доведетца де церковь Божия роскласть и острог зжечь, и велел он промышленным и гулящим людям и пашенным крестьяном Албазинских казаков копы колоть и сабли рубить. А пашенным де крестьяном он Федор лготы давал ли, и десятинной пашни с них сбавливал ли, про то он не ведает. А Федоров сын Андрей Воейков дал ли память служилым людям Степану Панкратьеву да Артемью Калинину, и велел ли на Зие реке из Долонского острожку служилых и промышленных пашенных людей свести и острог пуст покинуть, про то он не ведает. А про то де он Исак ведает, что де служилые и охочие пашенные промышленные люди из Долонского острожку сведены; а по какому указу сведены, про то он Исак не ведает же. А Долонской де острожек великим государем был прибылен ли, и место было хлебородное ли, и ясачных людей около Долонского острожку жило много ли, про то он не ведает. А как де Ондрей Воейков, будучи в Албазинском остроге, ясачных Тунгусов их аманатов кормил ли скудно и давал ли корм поденной конинные мяса, и от той его Андреевы безкормицы 7 человек аманатов пропали ли, про то он Исак не ведает же. А пропадали де аманаты от его ли Он-

дреевы безкормицы, или сами собою пропадали, и сколько человек пропало, того он не ведает же. А как де был Федор Воейков в Албазинском остроге, и вино де он Исак в ведра и в скляницы и в чарки у него Федора и у сына его Андрея пива в ушаты и в ведра и в чашки не купливал; а пивал де он Исак у него Федора Воейкова вино у сына его Андрея в почесть, а не в продажу. А как он Федор пошел от Албазинского острогу в Нерчинской, и идучи де на дороге Албазинских ясачных Тунгусов Почигирского роду Чинкана с братьями увезли с собою в Нерчинской острог, а в Олбазинской де им ходить и ясаку платить не велел ли, и говорил ли им, что де в Олбазинском живут воровские казаки, про то он Исак не ведает же.

Июня в 1 день, в Албазинском в съезжей избе торговые люди Петр Норицын, Давыд Ушаков, да Енисейские посацкие люди, Василей Кожевников, Марчко Дементьев, Офонка Васильев, промышленной человек Пронка Иванов допрашиваны порознь, [5] а в допросе из них Петр Норицын сказал: у Албазинских казаков промеж собою одинашная запись написана была, а в чем та запись была писана, про то он Петр не ведает. А про то де он Петр ведает: как столник и воевода Федор Воейков просил у Албазинских казаков государевы соболиные казны, и Албазинские де казаки ему

Федору государевы соболиные казны не отдали, для того де, что били челом великим государем о жалованье; а ему Федору говорили: что де нам с тою казною ныне поднятца нечем, нужны де и бедны и государевым жалованьем не пожалованы за четыре годы; и он де Федор Воейков занял у торговых людей пять сот рублей денег и дал Албазинским казакам в жалованье, и они де ему Федору государскую соболиную казну отдали. Да они ж Петр и Давыд с товарищи сказали: которые указные памяти из Нерчинского в Албазинской от Федора Воейкова приходили и Нерчинские дети боярские и служилые люди на приказ приезжали, и Албазинские казаки указных памятей слушали ли или не слушали, про то они не ведают; а Нерчинских детей боярских Албазинские казаки на приказ не принимали. Да из них же Петр Норицын сказал: как де Федор Воейков был в Албазинском, и Албазинских де казаков ворами называл и причитал их к вору Стенке Разину, и говорил он Федор про Албазинской острог: тот де острог воровской и ставили де его воры, и доведетца церковь Божия роскласть, а острог зжечь. Да из них же Давыд Ушаков, Марко Деметьев сказали: как де Федор Воейков пошел из Албазинского острогу, и велел промышленным и гулящим людем и пашенным крестьяном Албазинских казаков копы колоть и

сабли рубить.

Давыд Ушаков сказал: из Долонского острожку служилые и промышленные люди сведены, а по какому указу сведены, про то он не ведает; а около Долонского острожку место было хлебородное, и ясачные иноземцы жили и ясак в Долонской платили; а сколько ясаку платили и много ли ясачных иноземцов жило, про то он не ведает.

А Петр Норицын сказал: как де был в Албазинском Андрей Воейков, и ясачных Тунгусов аманатом давал корм поденной пропастинные конинные мяса, и от его безкормицы семь человек аманатов пропали. А у Андрея де Воейкова он Петр покупное вино пивал. А про иные статьи против допросу они Петр с товарищи, сказали, не ведают.

Июня в 7 день, в Албазинском в съезжей избе промышленные люди Микулка Евсеев, Моска Ипатов, Федоско Тимофеев, Ефимко Иванов, Пашко Гаврилов, Стенка Юдин, Лучка Евдокимов, Ивашко Иванов, Ивашко ж Иванов, Васка Васильев допрашиваны порознь, а в допросе они Микулка с товарищи сказали: Албазинские де казаки Федора Воейкова запас взяли у человека его Сергушки, а сколько того запаса взяли и на какие расходы держали или по себе розделили, про то они не ведают; а которые де из Нерчинском от Федора Воейкова Нерчинские дети боярские и служилые люди с

указными памятми на приказ в Албазинской были посыланы, и они де Албазинские казаки Нерчинских детей боярских и служилых людей на приказ не принимали и указных памятей не слушали.

Да из них же один человек Моска Ипатов сказал: как де пошел Федор Воейков из острогу на судне, и говорил де он Федор пашенным крестьяном и промышленным людем, и велел Албазинских казаков сабли рубить и копьи колоть. А из Долонского острожку служилые и промышленные люди по памяти ли сведены, про то они не ведают; а Долонской де острожек [6] место было хлебородное; а ясачных де иноземцов около Долонского острожку было малое число, и сбирался де ясак в Верхозейском и в Силинбинском острожках. А Ондрей де Воейков, будучи в Албазинском остроге, пиво в ведра и в чаши продавал. А про иные про все статьи сказали они Микулка с товарищы неведают, потому что де они Микулка с товарищы в то время, как был в Албазинском столник и воевода Федор Воейков, не были, и были де Албазинского уезду в деревнях.

Якушко Яковлев, Мишка Вахрамеев сказали: как де приплыл из Нерчинского в Албазинской острог столник и воевода Федор Воейков, и пришедчи де он к съезжей избе бранил Албазинских казаков всякою неподобною бранью, и ворами их и

беглецами называл и причитал их к вору Стенке Разину, и говорил де им: по указу великих государей, велено быть в Албазинску сту человеком в казаках, а болши де ста человек быть в Албазинску не указано, и тем де сту человеком доведетца государево жалованье давать; а которые де поставлены в казаки не по указу великих государей, и тем де людем он говорил: подите де к богдокану; и Албазинской острог воровской и ставили де его воры, и доведетца де церковь Божию роскласть и острог зжечь; и промышленным и гулящим людем и пашенным крестьяном велел Албазинских казаков копьи колоть и сабли рубить. А пашенным де крестьяном он Федор лготы давал, и десятинной пашни с холостых сбавливал. А из Долонского де острожку служилые и промышленные пашенные люди, по памяти Федора Воейкова, сведены; а около Долонского де острожку место было хлебородное, а ясашные де иноземцы были ль или нет, про то они не ведают; а про то они ведают, что де Верхозейской острожек поставлен преж Долонского острожку, и ясачные иноземцы ясак платили в Верхозейском: а поставлен де тот Долонской острожек с совету всех Албазинских казаков, а ставил де тот Долонской острожек в двенатцати человеках Гришка Мыльник с товарищы.

Июня в 8 день, в Албазинском в съезжей избе промышленные люди

Андрюшко Микитин, Андрюшка Злыгостев, Офонка Сафонов, Стенка Иванов, Ондрюшка Самойлов, Ивашко Федоров, Сергушка Башмак, Игнашка Васильев, Марчко Иванов, Ортюшка Артемьев допрашиваны порознь, а в допросе они сказали: как де Нерчинские дети боярские и служилые люди с указными памятьми от столника и воеводы от Федора Воейкова в Албазинской на приказ приезжали, и Албазинские де казаки тех указных памятей не слушали, и на приказ себе Нерчинских детей боярских не примали.

Да из них же один человек Ондрюшка Микитин сказал: как де был Федор Воейков в Олбазинском, и говорил де он про Албазинской острог: доведетца де церковь Божию роскласть и острог зжечь, а тое де церковь поставить у монастыря.

Да из них же четыре человека: Ивашко Васильев, Марчко Иванов, Стенка Иванов, Артюшка Самойлов сказали: из Долонского де острожку служилые и промышленные пашенные охочие люди сведены по памяти Федора Воейкова; а около де Долонского острожку место было хлебородное; а ясачных де иноземцов около Долонского острожку жило много ли, про то они не ведают; и ясак в Долонском острожке ясачные иноземцы платили сколько платили, про то они неведают; а как де свели из Долонского острожку служилых людей, и те де ясашные ж инозем-

цы ясак платили в Силинбинском зимовье; а которой де аманат был в Долонском острожке, и тот де аманат ныне в Селенбинском зимовье.

Да из них же два человека, Ивашко [7] Федоров, Ондрюшка Никитин сказали: будучи де Ондрей Воейков . . . ¹, пива в ведра и в чашки продавал; а про иные статьи против допросу сказали они Андрюшка с товарищи не ведают и не слыхали.

Да промышленные люди Савка с товарищи сказали: как де был в Албазинском Ондрей Воейков, и аманатов кормили конинными мясами или нет, про то они не ведают; а аманаты де помирали, и от чего они помирали, про то они неведуют же; а в кое время аманаты помирали, и в то время, волею Божиею, многое число и Руских людей в Албазинском померло.

Да из них же один человек Кирюшка Фокин сказал: у Андрея де Воейкова покупное пиво он Кирюшка пивал.

Да из них же Ивашко Кирилов сказал: как де Федор Воейков шел из Албазинска в Нерчинской, и в то де время взял в Нерчинску аманата Почигирского роду и увез с собою в Нерчинской, и говорил им: в Албазинской де острог не ходите и ясак не платите; в Албазинском де живут воровские казаки.

Июня в 22 день, в Албазинском в съезжей избе Албазинские пашенные крестьяня Стенка Богтиской,

Родка Насонов, Ивашко Семенов, Митка Кондратьев, Петрушка Артемьев, Пиминко Афонасьев, Васка Игнатьев, Ягупко Игнатьев допрашиваны порознь, а в допросе они Стенка с товарищи сказали: в прошлом де во 190 году, апреля в 5 день, Албазинские казаки великих государей ясашные и десятинные соболиные казны отпустить к Москве не хотели, и к Андрею Воейкову на двор приходили, и имали его Андрея к себе в круг и просили государева денежного жалованья; а с невежеством ли к нему Андрею приходили или нет, того они не ведают. А одиначная де запись у Албазинских казаков промеж собою написана была; а что де в той записе написано, про то они Степка с товарищи не ведают же. А как Федор Воейков приехал в Албазинской острог, и государевы соболиные казны у Албазинских казаков он Федор просил, и Албазинские де казаки ему Федору государевы соболиные казны не отдали и просили у него Федора государева жалованья, и он де Федор Воейков занял у торговых людей пять сот рублей денег и отдал Албазинским казакom в жалованье, и Албазинские де казаки ему Федору государеву соболиную казну отдали, и снесли де за ним к дощанику под монастырь. А как де пошел Федор Воейков к дощанику из Албазинского острогу, и Албазинские де казаки его Федора бранили; а убить де его Федора и

сына его Андрея отнять хотели ли, про то они не ведают. А то де они Стенка с товарищи слышали: как де до приезде в Албазинской острог столника и воеводы Федора Воейкова, Албазинской казак Максимко Столбов говорил Андрею Воейкову: как де поплывем на Хомун вниз по Амуру реке, и ты де будешь у нас во кашеварах; и Ондрей де Воейков те его Максимовы невежливые слова в Албазинску всем казакам объявил, и Албазинские де казаки ему Ондрею говорили: мы де за такова дурака не стоим, и его де Максимка не научаем; а чего де он Максимка довелся, и ты де, по указу великих государей, то ему учини. А которые де указные памяти из Нерчинского от столника и воеводы от Федора Воейкова в Албазинской приходили и Нерчинские дети боярские и служилые люди с теми памятьми приезжали, и Албазинские де казаки тех указных памятей не слушали, и Нерчинских детей боярских на приказ себе не принимали. И Албазинские де казаки у Федора Воейкова запас взяли, а сколько того [8] запасу взяли и на какие расходы держали, про то они не ведают. А во 190 году, мая в 17 день, как приплыл из Нерчинского в Албазинской острог столник и воевода Федор Воейков, и пришедши к съезжей избе Албазинских казаков всякою бранью он Федор бранил ли, и ворами - и беглецами называл ли, и причитал ли их к вору к Стенке

Разину, и отсылал ли де их в Богдойское царство, и говорил ли он про острог, что тот острог воровской и ставили де его воры и доведетца де церковь Божия роскласть и острог зжечь, и промышленным и гулящим людям и им де пашенным крестьяном он Федор велел ли Албазинских казаков копыи колоть и сабли рубить, и про то де они Стенка с товарищы про все, сказывали, не слышали и не ведают. А били челом де они Стенка с товарищы Федору Воейкову: которое де было им пашенным крестьяном давано из казны великих государей ружье для приходу воинских Богдойских людей, и то де ружье Албазинские казаки у них пашенных крестьян отимали; и он де Федор, против их челобитья, им пашенным крестьяном говорил: толко де станут впредь казаки у них ружье отимать насилно, и велел им пашенным крестьяном против казаков

противитца и ружья им не давать. И били челом де великим государем, а в Албазинску подавали челобитные столнику и воеводе Федору Воейкову они пашенные крестьяне, чтоб де он Федор, для их скудости, сбавил государевы десятинные пашни с холостых по чети десятины; и он де Федор, против их челобитья, с пашенных крестьян, для их скудости, с холостых по чети десятины сбавливал; а которые де женатые, и с тех де он не сбавливал. А у Федора де Воейкова и у сына его Андрея вина и пива не купливали, и от иных ни от кого про винную и про пивную продажу не слышали - А про иные статьи сказали они Стенка с товарищы против допросу не слышали и не ведают. - Да позади подлинных допросных речей пишет по склейкам: к сему сыску Алексей Толбузин руку приложил.

Из рукописи под заглавием: «Списки Енисейской архивы» (часть 3, в лист, на 391 лл., акт под № 191), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Примечания

¹ Здесь, кажется, пропущено: в Албазинском.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1872г, т. 12, СПб. стр.2–8.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 74

***1684 г. июля 2. – Известия о положении Нерчинского и
Албазинского острогов, сообщенныя в Енисейске прикащиком
гостя Евстафья Филатьева.***

192, июля в 2 день, приехал в Енисейск из Нерчинского острогу гостя Остафья Филатьева прикащик его Афонасей Якимов, и в Енисейску, в приказной избе, перед боярином и воеводою князем Костянтином Осиповичем Щербатым с товарищы, он Афонасей спрашиван о Нерчинских и о Албазинских вестях, а в роспросе он Афонасей сказал: в Нерчинском де остроге, по его отезд, все дал Бог здорово, а отписок де с ним никаких столник и воевода Иван Власов не послал, а сказал де ему, что де после его отъезду пошлет он Иван отписки в третей или в четвертой день с ясачною великих государей и десятинною казною соболиною с служилыми людьми. А Иван де Власов у столника у воеводы у Фе-

дора Воейкова Нерчинской острог принял и с ним де росписываетца. А из Албазинского де острогу приехал при мне Афонасье в Нерчинской острог Албазинской казак Давыдко Фунтосов с отписки, и слышал де[174] он, что в Албазинском все дал Бог здорово же; а вестей де он казак сказывал, что у Китайских де людей от нового строеного города поставлен караул на Амуре реке, и от того де караулу до Албазинского острогу конною ездою восемь дней. А около де Албазинского острогу служилые люди учинили вал земной и кругом валу выкопали ров две сажени косых. А нужу де тот казак сказывал в том остроге великих государей пороховою и свинцовою и ружьем. А как Алексей Толбузин из

Нерчинского в Албазинской поехал, и Иван де Власов послал с ним Алексеем 8 пуд пороху, 5 пуд свинцу; да торговые де люди, он Афонасей с товарыщы, служа великим Госуда-

рем, купили у всяких чинов людей на свои денги и дали ему ж Алексею 7 пуд пороху, 5 пуд свинцу.

Из принадлежащего Императорской Академии Наук рукописи, под заглавием: Списки Енисейской архивы (ч. 3-я, в лист, на 391 л.).

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1869г, т. XI, СПб., № 55, с. 173–174.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 75

1684 г. ранее августа 1.¹ – Отписка казачьяго пятидесятника Герасима Цыпандина Якутскому воеводе Ивану Приклонскому, о посылке им на р. Амгунь служилых людей [202] для приема от боярского сына² Гаврила Фролова соболиной казны и аманатов, о числе сих последних в Удском острожке, о затруднительном положении Удскаго и Тугурского острожков по неимению средств защиты от неясачных инородцев и о проч.

Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, Якутцкого острогу столнику и

воеводе Ивану Васильевичю из Утцкого острожку сборщичишко ясачной, пятидесятничишко казачей Гарасимко Цыпандин челом бьет. В нынешнем во 192 году посылал

я Гарасимко из Удцкого острожку служилых людей Ивашка Щепоткина, да Стенку Конопотка, да Албазинского казака Мишку Савина с указною памятью и с крестоприводною книгою на Амгун реку к Албазинским воровским казакам к Гавриле Фролову с товарищи, чтоб его Гаврила с товарищи привести ко кресту крест целовать за великих государей и выпрашивать у него Гаврила прежних Тугурских аманатов, которых они Гаврило с товарищи, пришед в Тугурское зимовье к сыну боярскому к Петру Аксентьеву разбоем, скопом и заговором, воровством и насилством, казенку розломав, взяли; да у него ж Гаврила выпрашивать Якутцких служилых людей беглых, которые сбежали и изменили из Тугурского зимовья от сына боярского от Петра Аксентьева и которые сбежали с Айгуна из походу с прикащиком, казаком с Миткою Мокрошубовым. И он Ивашко Щепоткин, дошед до Тугурского зимовья с указною памятью и с крестоприводною книгою, силен учинился великих государей указу, на Амгун реку не пошел к нему Гаврилу, забоялся смерти, и не хотя великих государей службы поставить. И не убоялся от иноземцов смертного убийства казак Ивашка Голытин, пошел в его Ивашка Щепоткина место на Амгун реку к тем воровским казакам к Гаврилу Фролову с товарищи с казаками Стенкою Конопатком да с Мишкою

Савиным; и встретили его Гаврила с товарищи на дороге, не ведомо куды он шел великих государей с соболиною казною и с аманатами. И они Ивашко Голытин с товарищи, почали его Гаврила с товарищи уговаривать ласкою и приветом, чтоб он Гаврило шел с аманатами в Тугурское зимовье, а с казною великих государей соболиною в Якутцкой острог. И он Гаврило, послушав их розговору, пришел с ними в Тугурское зимовье и отдал в прием аманатов прежних Тугурских которые он Гаврило воровски имал самосилством у сына боярского у Петра Аксентьева, четыре человека, да своих Верхоамгунских отдал же вновь девять человек. И июля по 2 число у меня Гарасимка великих государей аманатов в Удцком острожке и в Тугурском зимовье, которых принял у сына боярского у Петра Аксентьева, и тех всех старых аманатов восемь человек; а вновь я Гарасимко приискал и добыл с служилыми людьми в Удцком острожке с Силинбы реки Бирярского роду два сотника изымали, именем Муру; а другога зовут Бузеем, и с ними иных родов с теми сотниками взято 5 человек, да в Тугурском зимовье вновь посажено 9 человек; и Божию милостию и великих государей счастием и твоим воеводцким радением, всех аманатов вновь добыто в Удцком и на Тугуре посажено в казенках в железах и в колодках 16 человек. Да я ж Гарасимко послал с Уди реки

Албазинского острогу воровского приказщика Гаврила Фролова с товарищи в Якутцкой острог великих государей с ясачною соболиною казною, а казны с ним пошло 11 соколов 29 соболей, а собирал он Гаврило тое великих государей казну под Тугурских аманатов два годы, а у меня Гарасимка тол-[203]ко собрано 7 соболей с аманатишка с пометного, которого он Гаврило оставил в Тугурском зимовье на нынешней на 192 год. И я Гарасимко тое великих государей Тугурскую казну у него Гаврила выпрашивал, и он Гаврило мне Гарасимку казны великих государей не отдал, которую собирал под Тугурских аманатов на нынешней на 192 год: отдам де тое великих государей казну в Якутцком остроге в приказной избе; и книг я Гарасимко у него Гаврила ясачных той казне Тугурского зимовья прошал, и он Гаврило мне книг не отдал: отдам де в Якуцком остроге в приказной избе. И я Гарасимко ему Гаврилу в той великих государей казне не поверил, и послал с тою великих государей казною, с ним Гаврилом вместе Якутцкого острогу служилых людей 5 человек, потому чтоб он Гаврило (не пошел) с тою великих государей соболиною казною на иную на далнюю стороннюю реку или в Албазинской острог. А на Уде на реке безлюдство стало, сию я Гарасимко в осаде, потому что Бирярская мужики подзывают на Удцкой острожек Богдойских людей, чтоб меня Гарасимка

с служилыми людьми побить и аманатов хотят отбить. И в Тугурском острожке сядят в осаде ж, по дрова и по воду вытти не могут и не смеют. А пишут из Тугурского острожку, что приходят под острожек многия люди не ведомо какие. А у меня Гарасимка в казне великих государей пороху и свинцу нет; а послано было толко со мною из Якуцкого острогу пуд пороху да пуд свинцу; а служилых людей надобно в Удцком и в Тугурском 400 человек, а менши быть нельзя, потому что поблизку присели многия орды Богдойские люди, и Гиляки, и Натки и Тонгусы, неясачных людей родов безчисленно; и те неясачные люди платят ясак Богдойскому царю. А на той Уде реке и в Тугурском зимовье без пушек быть нельзя; а у Богдойских людей пушки на конях возят летною порою. А с отписками посланы наперед его Гаврила, для ведомости, наскоре, четыре человека: Ивашка Голытина, Илюшка Микитина, Стенка Конопатка, да Албазинского острогу казака Мишку Савина. Да я ж Гарасимко которых посылал на Амгун реку к Гаврилу Фролову с товарищи служилых людей Ивашка Голытина с товарищи, и они Ивашко с товарищи подали челобитную великим государем о службе своей, и я ту их челобитную послал в Якутцкой острог к тебе столнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому под сею отпискою.

Подлинник написан на трех листках.

На обороте пометы: 192 году, августа в 1 день, записать в книгу и за выписать, и писать к Москве к великим государем и послать зелья и свинцу, и людей в службу кликать охотников, и жалованье им давать, (сколко) великие государи укажут, чем им поднятца и там быть сытым.

Акт из архива Якутского Областного Правления.

Примечания:

¹ Документ в XI томе «Дополнений к актам историческим» был датирован по дате пометы о приеме отписки в Якутском остроге. Несомненно документ был написан ранее этой даты.

² В заглавии документа в XI томе «Дополнений к актам историческим» Гаврила Фролов видимо ошибочно назван сыном боярским. Ни какими известными до настоящего времени документами это не подтверждено.

Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1869г, т. XI, СПб., № 69, с. 201–203.

Стиль, пунктуация и орфография документа сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 76

1684 г. около августа. – Челобитная ясачных Тунгусов, приписанных к Удскому острожку, о том, чтобы Тунгусы Майского зимовья помогали им в подводной повинности во время походов Русских на неясачных инородцев и по другим случаям.

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем, бьют челом холопи ваши, Удского острожку ясачныя Тонгусы Оволнагирского роду князец Мулитишко Гургоктин, да Чюмудишко, да Гоготишко, да Чюкичанишко, да Дараканишко, да Торгаулишко, да Миркичишко, да Мухтыгирского роду Чикишко со всеми своими родниками и улусными людьми, В прошлых, великие государи, годех и в нынешнем во 192 году ходили мы холопи ваши на Маймакан из Удского острожку по хлебные казачьи запасы, и пришед с Май-[204]макану по вашему, великии государи, указу, с Уди реки приказной пятидесятник казачей Гарасим Цыпандин имал нас холопей ваших в поход на изменников на Силинбу реку на Бирярских Тонгусов; и они Бирярские Тонгусы убили у нас холопей ваших три человека лутчих Тонгусов, да они ж отгонили 20 оленей; и из того пришед походу, он же Гарасим посылал нас холопей ваших на Тутур реку

Албазинского острогу по казну и по служилых людех, по Гаврила Фролова с товарищи, и в тех, великии государи, дорогах и подводах пропало у нас холопей ваших 40 оленей. А по вашему, великии государи, указу, по указной памяти, велено с нами в подводах ходить и подмогать нам Майского ясачного зимовья Макагирского роду Дедикану да Окшуле, да Лалкагирского роду Карапчану; и тот Дедикан и Окшуля и Карапчан вашему, великии государи, указу силны учинились и нам холопом вашим не подмогают, и мы холопи ваши в тех частых подводах разорились. Милосердые государи цари и великии князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, пожалуйте нас холопей своих, велите, великие государи, ему Дедикану и Окшуле и Карапчану в подводах с нами ходить, и подмогать нам погодно давать им оленей, чтоб нам холопом вашим впредь от тех подвод не разоритца и в конец не погинуть, и велите, великии государи, сию нашу челобитную принять в Удском

острожке приказному пятидесятнику казачью Гарасиму Цыпандину и под отпискою выслать в Якутцкой острог и объявить в приказной избе столнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому. Цари государи, смилуйтесь.

Подлинник на одном листке. На обороте приложены восемь знамен (рукоприкладств) ясачных Тунгусов.

Акт из архива Якутского Областного Правления.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1869г, т. XI, СПб., № 70, с. 203–204.

Стиль, пунктуация и орфография документа сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 77

1684 г. после 17 сентября–октября 21 – I. Отписки Иркутского воеводы Леонтия Кислянского Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову, о убийстве Тунгусами, на речке Усикане, Албазинских казаков, посланных в Селенбинской острожек для сбора ясака, и о задержании Китайцами Албазинских же казаков, посланных для сбора ясака с инородцев, живших по рекам Быстрой и Амгуне.–II. Распросные речи в Енисейской приказной избе двух Албазинских казаков о том же.

I. Государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, боярину и воеводе князю Константину Осиповичю Левка Кислянский челом бьет: в нынешнем во 193 году, сентября в 17 день, объявились в Иркутском остроге и в приказной избе передо мною допрашиваны Албазинские казаки Стенька Никифоров сын, прозванием Колобов, Ивашко Прохоров сын, прозванием Голко, Фирско Яковлев сын, прозванием Совяных, а в допросе они Стенька, Ивашко, Фирско сказали: в прошлом де во 191 году, в июне месяце, отпущены были они Стенька и Ивашко из Албазинского острогу от приказнаго человека от Ивашка Семенова на службу великих государей в Селенбинской острог, для ясашнаго сбора, с Албазинским казаком с Андрюшкою Мокрошубовым; а в отпуску де было

их дватцать с одним человеком. И пришли они Стенька с товарищи в Селенбинской острожек на Семенов день лето начатца 192 году; а ходу де было вниз по Амуру реке плыли до усть Зеи реки 8 дней, а с усть Зеи в верх по Зее реке шли до усть Селенбы реки 8 же дней, а по Селенбе де реке вверх шли до острожку Селенбинского недель с 5 и болше, oprичь простоев, а простою де всего было недели с 2; и жили де в том Селенбинском острожке до Филипова заговенья. А как в том Селенбинском острожке жили, и в то де время безпрестанно приезжало к тому Селенбинскому острожку Богдойских людей человек сот по пяти и по шти и утро-[218]жали де им Албазинским казаком воинским приходом на тот Селенбинской острожек. А в том де Селенбинском острожке построено крепостей толко два зимовья, да промеж теми зимовьями забрано лежачим тыном. И убося де они Алба-

зинские казаки приходу Богдойских воинских людей, заговев Филипово заговенье, пошли они Албазинские казаки из того Селенбинского острожку через Камень на Удь реку к Якуцким казакам в Удской острожек с аманатами, чтоб те де Богдойские люди у них Албазинских казаков в Селенбинском острожке аманатов не отбили и дурна какого над ними не учинили; а аманатов де было 4 человека. И шли де от того Селенбинского острожку на нартах 5 дней, и, перешед Камень, на Усикан речку, и на Усикане де речке встретили Селенбинских ясашных Тунгусов, и взяли де они Стенька с товарищи у тех ясашных Тунгусов ясаку на великих государей 3 сорока соболей, и в то де время, идучи с Усикану речки, те ж ясашные Селенбинские Тунгусы на дороге на Усикане речке почали их Стеньку с товарищи стрелять и человек де 15 расплоша побили у них Албазинских казаков до смерти и аманатов отбили, а десятью де, человеки они Стенька с товарищи, покиня нарты на Усикане реке с соболиною великих государей и с товарною, что им дано было для подарков ясашным людям, казною, не успев взять, ушли с той реки в гору на Камень. А велел де и научил их Албазинских казаков побить тем Тунгусам и с ними побил толмачь их Албазинских казаков Любимка Иванов, сын Выезжаго, которой с ними послан был из

Албазинского острогу, потому что де он Любимка Великим государем изменил; и ту де великих государей ясашную соболиную казну те Тунгусы с изменником с Любимкою толмачем и их борошнишко на нартах и подарошную казну все пограбили и аманатов увели. И с того де места с Усикану речки шли они Стенька с товарищи до зимовья; которое зимовье усть Шивлея реки, голодом 6 дней, а в седмой де день, не дошед зимовья, нашли поклажи рыбные промышленных людей на лабазе, и ту де рыбу ели, и с того де места шли еще до усть Шивлейского зимовья 2 дни, и в том де зимовье жили до великаго заговенья; а заговев де великой пост, велел им Албазинским казакам Стеньке с товарищи Удской приказной человек, пятидесятник казачей Гарасим Иванов сын Цыпандин, из того Шивлейского зимовья быть в Удской острожек; и они де Стенька с товарищи из того Шивлейского зимовья шли до Удскаго острожку 8 дней, и за две де недели до Христова дни отпустил его Стеньку из того Удскаго острожку приказной человек Гарасим Цыпандин в Майское ясашное зимовье, а то де зимовье стоит над Маею рекою, шли де до того зимовья 4 недели, и из того де Майскаго зимовья он Стенька поплыл той же весны, за 2 недели до Николина дни вешняго, и плыли по Мае и по Алдану рекам, и с Алдану реки шли вверх по Лене

до Якуцкаго; а в Якуцкой он Стенька с товарищи пришел с Якуцкими казаки в Петрово заговенье, и жил де в Якуцком остроге Петров пост, а после де Петрова дни он Стенька шел из Якуцкаго со столником и воеводою с Иваном Приклонским. А Ивашко де Голко пошел из Удскаго острожку за неделю до Николина дни вешняго и в Якуцкой пришел за неделю до Петрова дни с соболиною великих государей казною. А Фирско де отпущен был из Албазинскаго острогу от приказнаго ж человека от Ивашка ж Семенова на службу великих государей на Быструю да на Амгунь реки, для ясачнаго ж сбору, с Албазинским казаком с Гришкою Мыльником, 73 человека; а плыли от усть Зеи реки 11/2 дни и наплыли де на Китайских Богдойских людей, и в том де месте тех [219] Китайских Богдойских людей начальные люди звали его Григорья Мыльника к себе на честь хлеба есть, и он де Григорей, взяв с собою казаков же человек с 10 и болше да попа Максима, пошел с ними к тем Богдойским людям хлеба есть; и те де Богдойские люди их Григорья Мыльника с товарищи в то время от себя не отпустили; а на стану де их в то время от него Григорья Мыльника осталось Албазинских казаков и промышленных людей человек с 50. И Григорей де Мыльник прислал на стан к ним Фирску с товарищи, от себя Албазинскаго казака, за их Китайских людей караулом,

и велел им сказать тайно, что де вы казаки промышляйте коли де куды ближе, а он де Гришка задержан у Богдойских людей. И они де Фирско с товарищи, 23 человека, того ж числа побежали в гору в суземок, и шли де горою и пришли к Зее реке, и по Зее реке горою ж до Селенбинскаго острожку питались ягодою, и в острожке де в Селенбинском жили дней 6; а достальные де люди 50 человек остались на становье у дощеников, а куды они делись, про то, сказали, не ведают. И из Селенбинскаго де острожку пошли через Камень и шли до усть Шивлея реки до зимовья; а в Селенбинском де острожке не жили, для того чтоб де им прежних казаков запасов не оголодить; а из Шивлейскаго де зимовья сошли зимою ж, заговев великой пост, в Удской острожек с ними ж Стенькою с товарищи. О том против их сказок и ни о чем, ни в которые города и остроги отписок не посылавано. И тех Албазинских казаков Ивашка Прохорова, Фирска Яковлева, для подлиннаго допросу, с сею отпискою послал я из Иркутскаго в Енисейск гостиные сотни с Алексеем Ушковым в судне, сентябрю в день, а он Алексей замешкался в Иркутском за недобором квасных откупных денег; да с ними ж послал, oprичь сей отписки, отписку ж; а велел им в Енисейску явитца и отписки подать тебе боярину и воеводе князю Константину Осиповичю с

товарищи; А третьяго Албазинскаго казака Стеньку Никифорова послал из Иркутскаго за Байкал в Удинской и в Нерчинской острог к столнику и воеводе к Ивану Власову о том же вышеписанном с отпискою, чтоб про то было ведомо и в Албазинском остроге; а для их скудости и раззоренья, против их челобитья, в зачет в оклады их для Енисейской посылки, по указу великих государей, дано в Иркутском государева жалованья им Стеньке, Ивашке, Фирску денег по рублю человеку, и о той даче в Нерчинской к столнику и воеводе к Ивану Власову писано ж.

II. 193 году, октября в 21 день, явились в Енисейску Албазинские казаки Ивашко Прохоров, Фирско Яковлев и в приказной избе перед боярином и воеводою князем Константином Осиповичем Щербатовым с товарищи те Албазинские казаки допрашиваны, а в допросе Ивашко Прохоров сказал: в прошлом де во 191 году, в июне месяце, послал из Албазинского острогу Албазинской приказной Ивашко Войлошников в Силинбинской острог, для ясачнаго великих государей соболинаго сбору, их Албазинских служилых людей и казачьих наемщиков промышленных людей 21 человека; а в прикащиках де у них, послан был Албазинской же казак Андрюшка Никитин сын Мокрошубин. И пришли де они в Силинбинской острог на Семен день летона-

чатца 192 году. А из Албазинскаго де плыли они вниз по Амуру реке до устья Зии 8 дней, а с устья де реки Зии шли они вверх по Зие реке до устья Силинбы реки 8 же дней, а по Силинбе де реке вверх шли они до Силинбинскаго острогу и с простоями за мелкою водою 7 недель, и жили де они в том Силинбинском острожке до Филипова заговенья. А [220] как де они в тот Силинбинской острог из Албазинскаго острогу шли и в Силинбинском острожке жили, и никаких де Китайских людей не видали и нового де города, что построен ныне у Китайских людей на Амуре реке выше реки Зии, при них Ивашке с товарищи не было. А не дошед де до Силинбинскаго острогу за два дни, приехали к ним Албазинским казакам с погрому от Китайских людей с Амура реки Албазинских же казаков и промышленных людей, которой приехал ныне с ним, Фирско Яковлев с товарищи, 23 человека, которые отпущены были из Албазинскаго острогу с Гришкою Мыльником; сказали де им те утеклецы, что де Китайские люди пришли на Амур реку с войском, а прежде сего приезжали Китайские люди для ясачнаго сбору к Силинбинскому острогу по вся годы сот по пяти и по шести. А как де они собирали ясак на Китайскаго богдохана с тех же Тунгусов, с которых собирают ясак на великих государей они служилые люди, и по тем де ве-

стям послали они из Селенбинского острогу из тех утеклецов промышленных людей охотников 5 человек на Зию реку с вестовою отпискою к Албазинским казакам к Мишке Степанову Сафьянщикову с товарищи, которые живут в том Зейском остроге для ясачного сбора, и после де их слышали они на Уде реке в Удском остроге от ясачного Тунгуса, что де тех промышленных людей Зейские ясашные Тунгусы на дороге побили и Зейской де приказной Мишка Сафьянщиков тех убойцов, двух человек Тунгусов, по имав, повесил. Да из Силинбинского ж де острогу тех же де утеклецов Албазинских казаков и промышленных людей 16 человек пошли на Удь реку в ясачной Удской острог к Якуцким казакам, а осталось де после их в том Силинбинском остроге тех утеклецов 2 человека казаков. Да в Силинбинской же острог пришли к ним о Покрове пресвятыя Богородицы Албазинские казаки 3 человека, Гришка Никитин, Максимко Васильев, да Якуцкой казак Максимко Иванов, а сказывали де им, что де их послано было 7 человек с Хамуну реки от Албазинских же казаков от Гаврилка Фролова с товарищи в Албазинской острог с отписки, и их де на дороге на Быстрой реке ясачные Тунгусы четырех человек побили, а они де от них ушли и побежали к ним в Силинбинской острог; а из них де Максимко Васильев стрелою ранен.

И убося де они Албазинские казаки приходу Китайских воинских людей, из Силинбинского острогу пошли после великаго заговенья на Удь реку в Якуцкое зимовье с ясачными аманаты, которые взяты были в Силинбинской острог у ясачных Тунгусов, для ясачного сбора, потому что де сидеть было им в приход Китайских воинских людей в том Силинбинском остроге нельзя; а пошло де их всех Албазинских казаков из того Силинбинского острогу 26 человек, а аманатов де было с ними 4 человека. И шли де они от Силинбинского острогу на нартах 5 дней, и перешед де Камень на Усикан реку, и на Усикане де речке встретили они Селенбинских ясачных Тунгусов и с тех де Тунгусов взяли они великих государей ясаку 3 сорока соболей; и в то ж де время, идучи с Усикану речки, те ж ясачные Силинбинские Тунгусы князец Козерда с родом своим, на дороге почали по них служилых людех из луков стрелять, и 15 де человек их служилых людей побили до смерти и аманатов де у них отбили; а досталные де они 10 человек, покиня нарты и на нартах соболиную великих государей ясачную казну и товарную казну, что послано было с ними из Албазинского ясачным людем на жалованье, ушли в Удской острог. А велел де им Тунгусам и научал их побить Албазинской же толмачь Любишка Иванов сын Вы-[221]ез-

жаго, которой послан был с ними из Албазинского острогу, и в то де время он Любишка Великим государем изменил, отшел от них служилых людей к ним иноземцам, и ясачную де соболиную и товарную казну и их де рухлядишко те Тунгусы с тем изменником Любишкою взяли; а отец де его Любишкин Ивашко Выезжей в Албазинском остроге в толмачах же и жена де его Любишкина ныне в Албазинском же остроге. А как де они пришли на Удь в Удской острог, и они де слышали от ясачных Тунгусов, что де Силинбинской острог Китайские люди сожгли, да к Зейскому де острогу пошло Китайских воинских людей человеке ста с три. А из Удскаго де острогу пришел он в Якуцкой острог, а из Якуцкаго де острогу пришел чрез Верхоленской в Иркутск, и из Иркутскаго де хотел он итти в Албазинской острог, и писмянной де голова столник Леонтий Кислянский послал его Ивашка с товарищем его Фирском в Енисейск, а товарища ж их Албазинскаго казака Стенку Никифорова послал с ведомостью в Нерчинской острог. А пришло де их в Якуцкой из Удскаго острогу их Албазинских казаков да промышленных людей и казачьих наемщиков, которые посланы были для ясачнаго сбора в Силинбинской острог, с ним Ивашком с товарищи 6 человек, да от Китайских людей утекляцов промышленных же людей 8 человек, и те де

промышленные разошлись в Якуцком уезде по деревням, а в Удском де остроге остался от них Албазинской казак Лазарко в службу по Якуцкому острогу; да промышленных же людей от Китайских людей утекляцов осталось от них в Удском же остроге 11 человек.

А Фирско Яковлев в допросе сказал: в прошлом де во 191 году послан был он Фирско из Албазинскаго острогу для ясачнаго великих государейбору на Быструю и на Хамун реки с Албазинскими служилыми и промышленными людьми с Гришкою Мыльником с товарищи, с 73 человеки; и как де они из Албазинскаго вниз по Амуру реке плыли, и, проплыв де устье Зии реки, наплыли на Китайских воинских людей, а те де Китайские воинские люди шли на бусах, и звали де Китайских людей начальные люди Гришку Мыльника к себе на бусы в чести; и он де Гришка, взяв с собою попа Максима да казаков человек с 10, пошел с ними к ним Китайским людям на бусы, и они де Китайские люди их Гришку с товарищи от себя назад не отпустили, а от него де Гришки с товарищи осталось на судах их Албазинских казаков и промышленных людей человек с 50. И прислал де к ним на суда от Китайских людей с бус Гришка Мыльник Албазинскаго казака Афоньку Байташникова, за караулом Китайских людей, и велел он тому казаку

сказать им тайно, чтоб де они промышляли, куда кому ближе, а он де Гришка задержан у Китайских людей и выпуску де ему от Китайских людей не будет. И они де Фирско с товарищи, 23 человека, того ж числа побежали с судов в гору и пришли в Силинбинской острожек, а из Албазинского де острожку пришли они в Удской острог 16 человек, а 5 де человек посланы в Зейской острог к Албазинским же казакам с востовою отпискою; и в Удском де остроге

слышали они от ясашных Тунгусов, что де тех пяти человек на дороге ясачные Тунгусы побили. А из Удского де острогу пришел он Фирско с товарищи в Якуцкой острог, а из Якуцкаго острогу через Верхоленской пришел в Иркутской.

И били челом Великим государем те Албазинские казаки Ивашко и Фирско, чтоб их отпустить в Албазинской острог и служить казачью службу, по прежнему, в Албазинском остроге.

[222]Из принадлежащей Императорской Академии Наук рукописи под заглавием: Списки Енисейской архивы (часть 4-я, в лист, на 415 л.).

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1869г, т. 11, СПб., №79, с. 217–222.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 78

1684–1685 гг. – Дела из Албазинского архива.

1.

Государям Царям и Великим Князям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, всея, Великия и Малыя и Белыя России Самодержцам, бьет челом холоп ваш, Албазинский новокрещеный Ивашко выезжий, в прошлых, Государи годех, ища ваших Великие Государи, милостей, и похотя креститься в православную христианскую веру, выехал я, холоп ваш, под вашу, Великих Государей, самодержавную высокую руку с под Китайскаго государства, с Науна, с женишкою и детишками в Албазинский острог, и служу вам, Великия Государи, в Албазине казачью службу лет с четырнадцать, и живучи в Албазине обеднял, и задолжал великими долгами, и для своей бедности приволокся я из Албазина в Нерчинский острог; а из Нерчинскаго в Албазин волочься не на чем; а за выход и за крещение мне, холопу вашему, из вашей, Великие Государи, казны ничего не дано. Милосердые Государи, Цари и Великие Князи Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцы! пожалуйте меня, холопа вашего, для своего Государскаго много-

летнаго здравия: велите, Государи, мне за выход и за крещение дать в Нерчинском на пропитанье денег и лошадь, на чем-бы мне, холопу вашему, было до Албазина доволочься, и Ваша, Великие Государи, служба служить, чтоб на то смотря иные Китайские люди Вашей, Великих Государей, милости поревновали. Цари Государи! смилуйтесь!

Надпись Воеводы: 193 года, Апреля 27го дня, дать ему Ивашке Великих Государей жалованья лошадь, из ясашнаго Аргунскаго сбора.

2.

Г-ну Алексею Ларионовичу Толбозину, Иван Власов челом бьет. В прошлом во 193-м году, Июля в 5-е, писал ко мне в Нерчинск из Енисейска Боярин и Воевода, Князь Константин Осипович Щербатов, и послал Тобольских, Туринских Верхотурских, Тюменских служилых людей 576 человек, с сыном боярским, с Афанасьем Бейтоном; да с ним-же 10-ть пушек полковых, к ним 229 ядер железных, да 118 пуд пороху ручнаго и пушечнаго, 130 пуд. 26 фунт. свинцу; и из тех-же служилых людей велено мне по-

слать в Албазин 250 человек; с ними три пушки; к ним и ядра и порох. В 193 году, после Албазинского раззоя, впредь для городского строения и служилым людям на прокормление, для обережи на полях засеянного хлеба, на Амур, прежнего Албазинского уезда, послал я с Афанасьем Бейтоном новоприборных ратных людей 193 человека, Енисейских новоприборных 5 человек; да пушку медную; к ней 20 ядер железных, пороху 13 пуд. 6 1/2 фунтов, свинцу 10 пуд 16 1/2 фунтов; да с тобою, Господин, послал я новоприборных казаков 173 человека, Енисейских 9 человек, Албазинских 116 человек, ссыльных стрельцов 20 человек, и пушкарей 17 человек, пашенных крестьян и промышленных людей 155 человек, и 4 пушки медных; к ним 160 ядер железных, 2 пищали запасных, железных, 900 дроби, 40 пуд пороху и 40 пуд свинцу; да с Ивашкой с Мартыновым пищаль затинная железная; да в разных месяцах и числах послано новоприборных-же казаков 70 человек, Албазинских 10 человек, 30 пуд. пороху, 81/2 пуд. свинцу. А что того пороху и свинцу в расход держано, и на какие расходы, и что за расходом в ново-Албазинском в казне В. Г. пороху и свинцу, и о том писать-бы ко мне в Нерчинский острог, 194 года.

3.

Доносит Нерчинский Воевода Иван Власов, в Енисейск, к Боярину Князю Константину Осиповичу Щербатову, что 192 года Июля 21 дня, приехал к нему из Албазинского острога, от Алексея Толбозина гонец, с извещением о нашествии в 1-е число Июля неприятельских Богдойских людей, которые на отъезде в караул на Погромной речке, ниже Албазина, в правую сторону Амура показались, и из посланных 10-ти казаков убили двух, и ранили одного; а в деревне Андрюшки Чулкова скот угнали и животы побрали, и 2 человека промышленных в плен взяли для языка. И сии неприятельские люди приезжали налегке; а большие силы будут на бусах. Еще доносит, что известился он Толбозин, что Китайцы на Аргунский острог от города с Науна реки прочистили дорогу, шириною на три сажени, для того, чтобы удобно было пройти в Аргунский и Нерчинский острог войною.

4.

193 года, 16 Марта, Алексей Толбозин к Ивану Власову доносит, что казак Ивашка Кирин ехал в Абазин с мельницы, и не доехал до острога за 2 версты, увидел убитого стрелами промышленного Данилку Кирилова; для досмотра коего послано

было 30 человек казаков, кои на месте удостоверились, что Кирилов убит неприятелями; и сакма от того места на мельницу, где также неприятели убили двух человек, да двух взяли в плен; а неприятелей было до ста и более человек; и чают, что те неприятели скоро будут под Албазин в больших силах; почему велел он всем людям из уезда собираться в Албазин, и ожидать нашествия вскоре.

В то время в Албазине и по зимкам проживало промышленных людей 332 человека, коим приложен имянной список.

В 193 году, из Тобольска и Енисейска назначено Боярином Князем Щербатовым набрать и отправить в Даурские остроги казаков тысячу человек.

В 194 году, из Албазина в Нерчинский острог приводили на лодках десятинного сбора хлеб, для корму; амини(?)там, да в прошлом 187 году, по указу Великого Государя, велено посылать из Иркутскаго острога хлебные запасы, в Удинский и Нерчинский остроги; да к тем хлебным запасам велено дать Государева жалованья Нерчинским служилым людям, из Албазинской пахоты, которые хлебные запасы останутся за раздачей Албазинским служилым людям на 187 год; и о том в Албазинский острог к прикащику,

сыну боярскому Григорью Ланшакову послана память.

5.

7193 года, Августа 6 дня, по Государевым Царевым и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцев указу, Стольнику и Воеводе Ивану Астафьевичу Власову. Июня в 28-й день, на встречу из Нерчинска, вниз по Шилке по реке, повыше Бойца камня, на стану, перед Воеводою, перед Алексеем Ларионовичем Толбозинным, Албазинский казак Ивашка Мартынов сказал: в прошлом-де во 190 году, послан-де был он Ивашка с товарищи из Албазинска к Великим Государям к Москве, с ясашною и десятинною Великих Государей соболиною казною; и по их челобитью послано с Москвы и из Енисейска, с ним Ивашкой с товарищи, Великих Государей жалованья денег и сукон Албазинским служилым людям; и с тою Великих Государей казною товарищ его Ивашков, Албазинский-же казак, Ивашко Белокопытов остался в Нерчинске; а на который год Великих Государей жалованье, деньги и сукна, им служилым людям велено давать, и о том указ В. Г. прислан в Нерчинск, к Стольнику и Воеводе Ивану Астафьевичу; а в Албазин-де к Воеводе Алексею Ларионовичу Толбозину указ Великих Государей

о раздаче того жалованья с ним Ивашком не послан; и били челом Великим Государям Царям и Великим Князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, всея Великия Малыя и Бѣлыя России Самодержцам, а в Нерчинске Алексею Ларионовичу Толбозину, Албазинские служилые люди, десятники казацы, Петрушка Исаков с товарищи, и все рядовые казаки, всего 111-ть человек, в том числе 12 человек, которые в 191 и 192-м годах были на службе Великих Государей на Быстрой и на Хамун реках, с Албазинским же казаком, с Гаврилом Фроловым; в словесном своем челобитье сказали: в нынешнем во 193-м году, Июня 12 дня, пришли под Албазинский острог неприятельские, Богдойские, воинские люди на бусах водою, на конях горою, со всяким огненным, городовым и простым боем, и Албазинский острог взяли; а убили воинских и всяких чинов людей человек до ста и более; и их служилых людей по договору отпустили в Государские города; а животы их и хлебные запасы тогда били все без остатка; и шли-де они, служилые люди, дорогою, с женами и детьми, пешие с великою нужею, и питались травою и кореньем; и ныне помирают голодною смертно; а запасу им служилым людям на пропитание купить не чем, и чтоб Великие Государи их пожаловали: для разоренья и голоду, велели-бы то Государское жалова-

нье, деньги и сукна, и всякие товары, корые посланы с Албазинским казаком, с Ивашком Мартыновым, им служивым людям выдашь, кому по чем за прошлые годы доведется.

6.

Г-ну Ивану Астафьичу, Алексею Толбозин челом бьет. В нынешнем во 193 году, Июня 12 дня, пришли под Албазинский острог неприятельские, Богдойские воинские люди, водою на бусах и горою на конях, во многом собрании, с пушками и со всяким городовым приступным огненным боем, и Албазинский острог взяли; а в осаде в Албазинском остроге побили из пушек неприятельские, Богдойские воинские люди Государевых служилых, и всяких чинов людей, человек со сто и больше; а меня, Господине, с служилыми и всяких чинов людьми, по договору, отпустили в Государские города; и я с Албазинскими служилыми, и всяких чинов людьми, иду в Нерчинский острог с великою нужею, питаемся кореньями и травою; а взяв Албазинский острог, те неприятельские Богдойские воинские люди шли за мною на бусах до усть-Аргунской заимки; а Богдойские толмачи, Русские изменники Стенька Верхотуров с товарищи, мне сказывали: те же-де неприятельские Богдойские воинские люди на бусах, с пушками, и со

всяким городовым приступным огненным боем, будут и под Нерчинский острог; и от меня, Господине, от Аргунского устья в Шилку реку с полднища; посылал я служилых людей для подсмотру неприятеля: вошли-ли они в бусах в Шилку реку, или нет; и служилые люди с караула пришли, и мне сказали: Богдойские неприятельские люди, на бусах, от Астраханцова с заимки на усть-Аргуни реки не бывали, и в Шилку не вошли; только-де они, служилые люди, видели неприятельской конницы человек 40, и больше, на усть Шилки и Аргуни реках, стоят на карауле в прикрытых местах; и если буде пришли к тебе в Нерчинск ратные люди, и привезены пушки и ружья, и порох, и свинец, и тебе, Господине, учинишь по указу Великих Государей: ратных людей, и пушек, и ружья, и пороху, и свинцу ко мне не посылать, а буде стоят под Нерчинским неприятельские люди; и как я приду близко под Нерчинский острог, с служилыми и всяких чинов людьми, и тебе-б прислать ко мне на встречу для выручки ратных людей, чтоб придти мне со всякими людьми к тебе в Нерчинский острог; а буде под Нерчинский острог неприятели не пришли, и о том-бы для ведома велел писать ко мне, и послать с нарочными посыльщиками; а с сего отпискою, для ведома, послал я к тебе в Нерчинск Аксенка Лукьянова, с товарищи, Июня 26.

7.

Государеву Стольнику и Воеводе Ивану Астафьевичу, Васька Малованов челом бьет. Ведомо тебе буди, что 193 года в Аргунском остроге сказывали мне Тотолинского рода шуленга, именем Бояр: ездили-де его улусные Тунгузы, мужики, за своими отгонными коньми на Наун реку, и сказывают: собрано войско по записке 8900 человек; а говорят, что идти на службу; а про то они в подлиннике не знают куда будет посылка; а Намясинского роду Зербов брат Телдек сказывал: слышал-де он от Лаб, что поставлены города на Зее, и на Комаре раках; а при нас приехали от Даганы Нот Дархайкол Таизи вы бойщики, и збили с нашу сторону за Кайлар всех до единого человека, и почали они жить опасно и берегутся неведомо чего.

8.

Государю, милостивому отцу Ивану Астафьевичу, Васька Малованов рабски до лица земнаго челом бью. Прислал ты, Иван Астафьевич, Аргунского казака Гурьку Кузнецца, да Токуева племянника; а указные памяти от тебя нет; а говорил он Гурька твоим, Государь, словом, чтоб жили по тамочному; а нам, Государь, теперь во житье наше в малолудстве стало несправно; по многия времена воры приезжают и отгоня-

ли конные табуны; и ныне, Государь, после того, как меня ранили, и приехав воры и последний табун отогнали весь без остатка; а не великими людьми за тем табуном яз гнаться не посмел, потому, чтоб не попасть на больших людей. У милости вас, Государь, просим милости твоей: помилуй, изволь, Государь, прислать на прибавку, сколько тебе Господь Бог по сердцу положит; да прошу у тебя, Государь, милости: помилуй, не возложи своего праведнаго гнева, ради малолюдства неотпущал яз Алексея Нарыльского, а живучи он, Алексей, всякую службу служил, караулы стенные, и в отъезжия станицы ездил с нами вместе.

9.

Новый наряд в Албазин.

Лета 7193, Августа в день, по Государевым Царевым, Великих Князей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцов указам, память ратных людей Голове Афанасью Ивановичу Бейтону. В нынѣшнем во 193 году, Августа в день, по челобитью Албазинских служилых людей, посланы из Нерчинска на службу Великих Государей на Амур, в Албазинской уезд, с Воеводою Алексеем Толбузиным; а велено ему на Амуре, на левой стороне, ниже старого Алба-

зинскаго острога, или где пристойно, город, или острог, поставить, чтоб безстрашно было служилым, и всяких чинов людям, и пашенным крестьянам, с полью засеянный хлеб снять, и впредь-бы Великих Государей десятинная пашня, и служилых и всяких чинов людей своя пахота не обронить. И как милосердый Бог помощи подаст, город или острог поставлен будет, и тот город или острог велено ему Алексею Ларионовичу, до указа Великих Государей, служилых и всяких чинов людей ведать по наказу, какой ему дан наказ на Москве. И как он Алексей Ларионович на Амур реку с ратными людьми придет, и тебе-б быть у него Алексея в послушании ратном.

10.

Лета 7193 Июня дня, по Государевым, Царевым и Великих Князей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцев, указу, память в Теленбинский острог, прикащику, сыну боярскому Григорью Иванову сыну Лоншакову. Писал ко мне из Албазинскаго острога Воевода Алексей Толбузин; а в отписке его написано: в нынешнем во 193 году, Июня 11-го дня, пришли Богдойские, воинские многие люди, на многих бусах и коньми; и стоят на нижних Албазинскаго острога заимках; и готовятся идти на приступ

под Албазинский острог; да Июня 14-го дня писал ко мне из Аргунскаго острога прикащик Василий Милованов; а в отписке его написано: собрано-де на Наун войска восемь тысяч девять сот человек; и сказано-де им идти на службу; а куда их, неприятельских людей, поход будет, про то ему неизвестно; а как к тебе память придет, и тебе-б в Теленбинску жить с великим опасением; и служилых людей никуда не отпускать, и денно и ночью иметь караул крепкий, чтоб воинские Богдойские люди, пришед, каково дурна не учили; и острожныя-б всякия крепки, где буде что попорчено, велеть починишь тотчас. – Власов.

11.

Осада Албазина.

Господину Ивану Астафьевичу, Алексей Толбузин челом бьет. В нынешнем, господине, во 193 году, Июня 11 день, приехали в Албазинский острог полоненники Русские промышленные люди, Федька Тельский и Гаврилка Дмитриев сын, Сотник, и привезли с собою три листа. В одном писано Русским письмом, в другом Богдойским, в третьем Польским; а в Албазинском, в приказной избе, передо мною, они Федька и Ганька в допросе сказали: послали-де те листы из Албазинскаго уезда, из Возадаевы деревни,

с бус, Богдойскаго Царя воеводы; а велели-де те листы подать в Албазинском мне; а идут-де те Богдойские воеводы, с Богдойскими многими воинскими людьми, на бусах, и горою на конях, под Албазинский острог войною, и хвалятся Албазинский острог взять; а идет-де тех Богдойских, неприятельских, воинских людей на стех бусах; а на бусе идет воинских людей по пятидесяти человек, да конницы 1,000 человек, и больше; а пушек с ними идет 100 полковых, да 40 ломовых больших, и гранатов; а под Нерчинский-де, и под Селенгинский остроги пошли многие неприятельские Богдойские люди, с пушками, и со всяким простым и иным боем; а сколько силы под Нерчинский и Селенгинский остроги пошло, про то они, Федька и Ганька, не ведают; а полонены-де они из под Албазинскаго острога, Федька в прошлом во 192-м году, Июля в 7-й день, а Ганька в нынешнем во 193 году Марта 15 дня; и я с ратными людьми и с промышленными, и с пашенными крестьянами в Албазинску в осаде; а на посад двory, которые были около Албазина, я велел сжечь; а которые ратные и промышленные люди и пашенные крестьяне живут в дальних Албазинскаго острогу в деревнях, и те всяких чинов люди в Албазинско по сие число не бывали; а в осаде в Албазинску сидит со мною всяких чинов людей 350 человек; и о при-

сылке из Нерчинского острогу в Албазинск ратных людей на выручку, и пушек, и мелкого ружья, и пороху, и свинцу, учинить-бы тебе по указу Великих Государей, и послать незамотчиваясь вестовыми отписками; и с Богдойскими листами послал я

служилаго человека Левку Перескова к Великим Государям к Москве, и в Енисейск, к Боярину и Воеводе Князю Константину Осиповичу; а к тебе, господину, с тех для ведомости, с Богдойских листов, список под сею опискою.

Примечания:

Николай Полевой, осуществивший этот проект, предваряя эту публикацию писал: «Дела из Албазинского архива, доставленные Издателю одним почтенным любителем древностей из Нерчинска, где находятся остатки Албазинских бумаг. Подвиги Русских на Амуре уже известны из описанья, составленного Миллером. Как любопытно видеть наших Албазинских героев, не помышлявших ни о славе, ни о потомстве, в их собственных, просто писанных сношениях между собою, и как жаль, что читатели видят сих драгоценных актов так мало!»

Воспроизводится по:

1684–1685 гг. - Дела из Албазинского архива. Русская вивлиофика или собрание материалов для отечественной истории географии, статистики и древней русской литературы издаваемое Николаем Полевым. Москва 1833г. Стр. 1–19.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 79

1685 г. января 7 – Царская грамота Якутскому воеводе Матвею Кровкову (вследствие полученного от прежняго воеводы Приклонскаго известия об измене Якутских и Албазинских казаков) о том, чтобы он, собрав к приказной избе всех служилых людей, прочел им сию грамоту и увещевал их служить царям верно и усердно.

От царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, в Сибирь в Якуцкой, генералу нашему и воеводе Матвею Осиповичу Кровкову. В прошлых годех, как от начала Якуцкой город поставлен, Якуцкия дети боярския и аманаты и всяких чинов служилые люди служили блаженные памяти деду нашему государеву, великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю, всеа Росии самодержцу, и отцу нашему государеву, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, и брату нашему государеву, великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, и нам великим Государем всякие наши великих государей далные и ближние службы лет по 10 и по 9 и по 8 и болше без съезду и без измены, и на боях с инозем-

цы бились, не щадя голов своих, и на тех многих боях многие побиты [349] и ранены, и в многих же далных службах бывали, и нарты на себе возили, и немирные земли под нашу великих государей царскую высокую самодержавную руку в ясак многих иноземцов приводили, и всякую нужу и бедность и голод и холод, и от иноземцов насилства и обиды и грабеж терпели, и на тех наших далных службах будучи без хлебных запасов, питались травою и кореньем, и в такой нуже служили верно во всяком, послушании, без всякие шатости, и ни на какие шатости не прелщались. А в нынешнем во 193 году, декабря в 19 день, писал к нам великим Государем из Якуцкого Иван Приклонской: писал де к нему Ивану из Тугирскаго острогу прикащик Петр Аксентьев..... (За сим прописана, с незначительными пропусками, отписка Петра Аксентева изложенная в «Отписке царям Якутскаго воеводы Ивана Приклонскаго об успешных похо-

дах Якутских и Албазинских казаков против неясачных Тунгусов, об измене некоторых из означенных казаков и о взятии ими Тугирского острожка»). И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, и ты б Якуцких всяких чинов служилых людей велел собрать к приказной избе и учинил им смотр, а на смотре велел им наш великих государей указ вычесть всем в слух, и сказал им, чтоб они Якуцкие всяких чинов служилые люди, будучи в Якуцком и на наших великих государей, далних и ближних службах, нам служили и работали со всяким усердием и во всякой верности, и у воевод наших и у всяких людей во всяком послушании, а никакой бы шатости и непослушанья не чинили, также как и наперед сего нам великим Государем служили деды и отцы их, не щадя голов своих, безо всякия шатости, и ни к какому дурну не приставали. А буде в Якуцком и в далних и ближних ясашных зимовных острожках у каких людей впредь объявитца какая шатость, и вы б служилые лутчие люди таких непостоятельных молодых и бездомовных людей от всякого дурна уни-

мали и разговаривали их, чтоб они, памятуя прежние дедов и отцов своих службы, от той шатости отстали и впредь никакого дурна не делали; а буде которые служилые или промышленные молотчие и бездомовные люди учнут ослушатца и от той шатости не отстанут, и они б лутчие люди тех молодчих людей сыскивая приводили в Якуцкой в приказную избу, и тех людей до нашего великих государей указу держать в Якуцком. А в далних и ближних острожках приказным людям чинить по сему ж нашему великих государей указу. А которые Якуцкие всяких чинов служилые и иные люди ни к какому дурну приставать не учнуть и каких воровских людей, заводчиков и бунтовщиков учнуть объявлять и про них сказывать, и мы великие государи за то и за прежние их многие службы и за кровь и за раны пожалуем, и наша великих государей милость и жалованье к ним будет не скудная. Писан на Москве, лета 7193, генваря в 7 день.

На подлинном пишет тако:
Диак Павел Симонов. Справил Филатко Никитин.

Акт извлечен из принадлежащей Императорской Академии Наук рукописи, содержащей в себе списки актов Якутского архива (ч. 3-я).

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. X, СПб., №78:IV, сс.348–349.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 80

1685 г. апреля 10. – Распросныя речи Албазинских казаков, о походе их на неясачных Тунгусов, живущих по рекам Быстрой и Хамуну.

193 году, апреля в 10 день, явились в Енисейску Албазинские казаки Гаврилко Фролов, Пашка Огнев, Васка Ерофеев, Васка Павлов, Оска Иванов, да промышленной человек Митка Тушев, и в Енисейску в приказной избе перед боярином и воеводою князем Константином Осиповичем Щербатовым с товарищи они Гаврилка Фролов с товарищи и промышленной человек Митка Тушев роспрашиваны, а в роспросе сказали:

В прошлом де во 191 году били челом блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, а в Албазинском остроге

столнику и воеводе Федору Воейкову подали они Албазинские [97] казаки Гаврилко Фролов с товарищи, 20 человек, за своими руками, челобитную, чтоб их отпустить из Албазинскаго на службу великих государей на Быструю и на Хамун реки, для призыву под самодержавную великих государей руку в ясачной платеж вновь неясачных иноземцов и для ясачнаго сбора; и столник де и воевода Федор Воейков ту их челобитную подписал, что им на ту великих государей службу на Быструю и на Хамун реки, для ясачнаго сбора, итти, и отдал де он Федор ту челобитную Албазинскаго острогу прикащику Ивашку Войлошникову и велел ему по той челобитной их

Албазинских служилых людей из Албазинского острогу на службу великих государей на Быструю и на Хамун реки отпустить. И он де Ивашко их Албазинских служилых людей Гаврилка Фролова с товарищи, 20 человек, на Быструю и на Хамун реки, дав им наказную память, отпустил на трех великих государей дощениках; да с ними ж де он Ивашко отпустил, сверх челобитной, Албазинских же служилых людей, Ивашка Семенова с товарищи, осми человек, да Нерчинского казака Любима Барабанщика, по их челобитью, да охочих промышленных людей, для соболиных промыслов и для службы великих государей, к ним служилым людям в прибавку, 32 человека; а кто имяны служилые и промышленные люди с ним Гаврилком отпущены¹, под тою наказною памятью; а всего де их служилых и промышленных людей было в том отпуску 61 человек. И будучи де они Гаврилко с товарищи на той великих государей службе на Быстрой и на Хамуне реках, в прошлом во 191 году призвали под самодержавную великих государей высокую руку вновь неясачных иноземцов Четелкогирского, да Шамагирского, да Дилкагирского и иных розных родов, и взяли де они у тех иноземцов аманатов 6 человек и собрали с них великих государей ясаку, во 191 и во 192 годех, 11 сороков 35 соболей; а сколько де человек

тех иноземцов они призвали и сколько с кого ясаку они взяли, и то де написано у них в ясачных книгах. Да в прошлом же де во 191 году сошлись они на усть Немилена речки с Якуцкими служилыми людьми с Миткою Мокрошубовым да с Петрушкою Меркушевым с товарищи, с 33 человек, да с ними ж де Якуцкими служилыми людьми было промышленных людей 30 человек; а те де Якуцкие служилые люди Митка Мокрошубов да Петрушка Меркушев с товарищи из Якуцкого острогу посланы были в Тутурское зимовье с Якуцким сыном боярским с, Петром Оксентьевым, для ясачного сбора; а промышленные де люди жили в Тутурском зимовье для своих соболиных промыслов; а как де они промышленные люди из Якуцкого в Тутурское зимовье пришли, про то де они Гаврилко не ведают. А из Тутурского де зимовья они служилые люди, Митка и Петрушка с товарищи, и промышленные люди отпущены были на Хамун, для прииску и призыву новых неясачных иноземцов под самодержавную великих государей высокую руку в ясачной платеж, от Якуцкого сына боярского от Петра Оксентьева, по наказной памяти. И они де Албазинские и Якуцкие служилые и промышленные люди ходили с ним Гаврилком с товарищи с Хамуна реки к неясачным иноземцам Орильского да Тугочерского да Кидагирского родов для

призыву их под самодержавную великих государей высокую руку в ясачной платеж, и те де иноземцы учинились непослушны; и они де служилые и промышленные люди взяли у них из за бою аманатов трех человек, а [98] ясаку де на великих государей с тех иноземцов не взяли они ничего, потому что де те иноземцы великим государем изменили и подозвав иных неясачных иноземцов, приходили на них служивых и промышленных людей войною. Да они ж Албазинские и Якуцкие служивые и промышленные люди ходили в усть Немилени речки на Амур реку к новым неясачным иноземцам к Гилякам и Наткам, чтоб тех новых неясачных иноземцов призвать под самодержавную великих государей высокую руку в ясачной платеж; и те де неясачные иноземцы, Гиляки и Натки, великим государем учинились непослушны ж, и в ясачной платеж не пошли ж, и с ними де служивыми и промышленными людьми учинили бой, и на том де бою убили из них Албазинских казаков двух человек, да Нерчинского казака, да Якуцкого одного казака, да Албазинских промышленных двух человек, да промышленных же людей, которые были с Якуцкими служивыми людьми, дву человек. И после де того, Якуцкие служивые люди Петрушка Меркушев, Петрушка Остафьев с товарищи, 14 человек, ходили со-

бою в Тугурское зимовье и взяли у прикащика у Петра Оксентьева Тугурских аманатов 5 человек, и тех де аманатов привели к ним Гаврилку с товарищи, и били челом блаженные памяти великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, и на Хамуне реке ему Гаврилку подали они Якуцкие служивые люди Петрушка Меркушев с товарищи, за руками, челобитную, чтоб де им Петрушке с товарищи быть по Албазинскому острогу в казачье службе и служить великим государем службу с ними Гаврилком с товарищи, и тем бы Хамунским Тунгусам аманатом быть в Албазинском уезде вместе на Хамуне реке в Дукинском ясачном зимовье. А с Тугурского де зимовья они Якуцкие служивые люди Петрушка с товарищи пошли от великих налог и обид Якуцкаго сына боярского от Петра Оксентьева; а какие де обиды и налоги от него Петра к ним Якуцким служилым людям были, и то де написано в заручной их челобитной; а ту де челобитную подали они в Якуцком остроге генералу и воеводе Матвею Кравкову, а с той их челобитной генерал и воевода Матвей Кравков дал им Гаврилку с товарищи из приказной избы список, за рукою Якуцкого приказной избы подьячего Михайла Ушницкаго. И он де Гаврилко ту их челобитную и аманатов у них принял, и велел де он

Гаврилка с товарищи им Якуцким казакам Петрушке с товарищи быть с собою на Хамуне; и о том де их Якуцких казаков приходе и о Тутурских аманатах, что они с собою привезли, писал де он Гаврилко в Албазинской острог к прикащику к Ивашку Войлошникову, и отписки послал с Албазинскими служивыми людьми с Гришкою Никитиным сыном Патрушем да с Михайлом Васильевым, и тех де служивых людей на дороге на Быстрой реке Богдойские люди побили и отписки де у них взяли. Да с ними ж де пришли в Албазинской, охотой, Якуцких казаков 4 человека, Митка Мокрошубов с товарищи, да промышленной человек, и те де Якуцкие служивые люди и промышленной человек на Быстрой реке с ними с Гришкою да с Максимком Васильевым от Богдойских побиты ж в то ж время. Да тех же де Якуцких служивых людей, 13 человек, Петрушка Карпов с товарищи, которые с ним Гаврилком с товарищи сошлись на Хамуне на усть Немилени речки, пошли от них служить в прежнее свое Тутурское зимовье к Якуцкому сыну боярскому к Петру Оксентьеву, а достальные Якуцкие служивые люди, 15 человек, которые с ними сошлись, и промышленные люди, 27 человек, которые [99] с теми Якуцкими казаки пришли, ходили с ними Гаврилком с товарищи в верх по Хамуну реке в Дукинское зимовье для ясач-

ного сбора, а промышленные люди для своих промыслов; а из Дукинского де зимовья посланы были на Быструю реку для ясачного сбора с новопризывных иноземцов Албазинские служивые люди 4 человека, и тех де 4-х человек ясачные Тунгусы с Китайскими людьми побили ж. И во 192 году, октября в 15 числе, Тутурских аманатов, которых они взяли, родники их ясачные иноземцы, которых они Гаврилко с товарищи призвали, подозвав неясачных иноземцов Гиляк и Наток, и с теми неясачными иноземцами, скопясь человек ста с три и больше, приходили к ним Гаврилку с товарищи войною на усть Дуки реки к ясачному зимовью, и с ними Гаврилком с товарищи бились, и под зимовьем де на рыбных промыслах убили те иноземцы Албазинского казака, да промышленных людей трех человек, да Якуцких казаков двух человек, и погромные де их ясыри, которых они взяли за боем с Якуцкими казаками, на усть Амгуна реки, Оринских неясачных Тунгусов, и для прокормления розданы, были выше Дукинского ясачного зимовья ясачным Тунгусом, и те де Тутурские ясачные Тунгусы с теми неясачными людьми с Гиляками и с Натками тех ясачных Торомских и Амкагирских и Чипчагирских Тунгусов с женами и с детьми и погромные их ясыри взяли в полон всех. Да на той же де великих государей службе с голоду померло

Албазинской казак, да Албазинских же промышленных 3 человека, да Якуцкой же промышленной же человек. И они де Албазинские и Якуцкие служивые и промышленные люди, слыша и узнав допряма от тутошных ясачных Тунгусов, что Жиганские люди вышли на Амур реку с войною и в Албазинской де у них Ганки с товарищи дороги переняли, пошли они Албазинские и Якуцкие промышленные люди с Хамуна реки через Тугурское зимовье в Якуцкой острог через хребты, и в Тугурском де зимовье они Албазинские казаки Ганка Фролов остальных Якуцких казаков Петрушку Меркушева с товарищи, 13 человек, и Тугурских аманатов 5-ти человек, которых они Петрушка с товарищи к ним привезли, и его де Ганкина со товарищи приводу, 9 человек аманатов, которых аманатов они взяли на Быстрой и на Хамуне реках у ново-призывных иноземцов разных родов, отдали того Тугурского острогу прикащику, Якуцкому казаку Ивашку Щепоткину с товарищи с роспискою, а промышленных де людей, которые с ними Якуцкими служивыми людьми приходили к ним Ганке с товарищи на Хамун, 25 человек, задержал в Тугурском зимовье, для малолюдства служивых людей, он же Иван Щепоткин, и тех Якуцких промышленных людей, 14 человек, Агейко Алексеев с товарищи пошли из Тугурского зимовья морем окия-

ном в лодках в Удской острог. А с ними де Гаврилком с товарищи они промышленные люди в Удской острог сухим путем не пошли, для того что де чаяли они итти до Удского острогу морем, сухаго пути ближе, и при них де Гаврилке с товарищи те промышленные люди в Удской острог не бывали и ничего про них не слыхали. А Якуцкие де служилые и досталные промышленные люди от них Албазинских казаков Гаврилка с товарищи и с аманаты остались в Тугурском зимовье; толко де из тех промышленных людей один человек Ивашко Антоков пришел с ними в Якуцкой острог. А их де Албазинских казаков, идучи в Якуцкой острог, осталось на Уде реке в Уцком остроге, для прокормления, 5 человек, да промышленных людей 9 человек, потому что де итти им в Якуцкой, за ску-[100]достью, не в мочь и хлебных запасов на дороге, чем им до Якуцкаго дойти, купить было нечем; а хлеб де был в Уцком зимовье дорог, пуд муки ржаной покупали по 5 рублей. А в Якуцкой де их Албазинских казаков пришло 12 человек, да промышленных людей, которые с ними из Албазинского отпущены и с Якуцким промышленным, 16 человек, из Якуцкого в Илимской великих государей с ясачною казною пришло их служивых и промышленных 28 человек, и из Илимскаго де послали они в Нерчинской и в Албазинской с отписки

Албазинских казаков 2 человека, да в Илимском де уезде на Киренге осталось, за немочью, Албазинской казак, да промышленной человек. А в Илимском де из них Албазинских казаков 24 человека, Гришка Осокин с товарищи, да промышленные люди, 13 человек, Володка Карпов с товарищи били челом великим государем, а в приказной избе столнику и воеводе Илье Змееву подали они челобитную, чтоб великие государи их Гришку с товарищи пожаловали, для их скудости, велели отпустить в Албазинской острог; и по их де челобитью, столник и воевода Илья Змеев из Илимского в Албазинской острог их отпустил. А кто имяны Албазинские служилые и промышленные люди от иноземцов побиты, и которые остались в Удском остроге, и в Илимском уезде, и на Киренге, и кто имяны пошли из Илимского в Албазинский острог, и тому они подали к сему роспросу роспись. А как де они Гаврилко с товарищи отпущены были из Албазинского острогу на Быструю и на Хамун реки для призыву под самодержавную великих государей высокую руку в ясачной платеж неясачных иноземцов, и с ними де Гаврилком с товарищи послал из Албазинского прикащик Ивашко Войлошников великих государей товарной казны, новопризывным ясачным иноземцом великих государей на жалованье, 5 аршин без

чет. сукна амбурского красного, 40 огнив, 3 котла зеленой меди, а сколько весом, того де они не помнят, 10 ножей; и ту де великих государей казну роздали они новопризывным ясачным иноземцом роздали они Гаврилко с товарищи великих государей на жалованье мелкими статьями, и та де раздача писана у них в ясашных книгах. Да им же де новопризывным ясачным иноземцом роздали они Гаврилко с товарищи великих государей на жалованье своего товару: он Гаврилко 30 огнив, 2 топора, клещи малые; Пашко Огнев: полпуда олова в блюдах и в торелех; Васка Порфеев: котел красной меди, весом 4 фунта, с чет., 7 ножей с припой медными; Васка Павлов: олова в тореле 1 ½ фунта; Оска Иванов 4 пальмы Якуцкого дела, потому что товарной де казны великих государей на раздачу тем новопризывным иноземцом великих государей на жалованье не достало.

Да они ж Гаврилко с товарищи, против отписки из Якуцкого генерала и воеводы Матвея Кравкова, роспрашиваны, а в роспросе сказали: казны де великих государей, пороку и свинцу, и железных всяких судовых припасов, и прядена, и невод, и аманата казачья, ружья, и погромных ясырей, и всяких пожитков у Якуцких казаков у Петрушки Карпова с товарищи не граблывали, и себе не имывали, и их Петрушку с товарищи не вязывали и в колодках

деревянных не держивали, и с копья и с ружьем над ними не стаивали; а невод де Якуцких казаков у Петрушки Меркушева с товарищи видели, а они де Гаврилко с товарищи того невода не имывали, а называли де они своим, а не государевым. А Тутурского де прикащика Петра Оксентьева и казаков в зимовье они Ганка с товарищи не бивали, а пожитков их не грабливали, и ве-[101]ликих государей казны, пошлинных денег, не имывали ж, и Уцкаго зимовья и казны де великих государей и аманатов взять не похвалялись.

Да они ж Гаврилко с товарищи допрашиваны: написано в Якуцкой отписке, что сказали они Гаврилко с товарищи в Якуцком в приказной избе в допросе: Якуцкие де казаки Петрушка Меркушев да Петрушка Остафьев с товарищи, 14 человек, да из них Албазинских казаков 7 человек ходили без его Гаврилкова отпуску в Тутурское зимовье, и взяли у прикащика у Петра Оксентьева Тутурских аманатов 5 человек, и те де Якуцкие и Албазинские казаки Петрушка Меркушев с товарищи тех Тутурских аманатов привели к нему Гаврилку; а в вышеписанном допро-

се они Гаврилко с товарищи сказали, что ходили де по тех аманатов в Тутурской острог Якуцкие казаки Петрушка Меркушев с товарищи, 14 человек; а что их Албазинские казаки с теми Якуцкими казаками по тех Тутурских аманатов ходили, про то они в допросе не сказали, и для чего они то в допросе своем утаили?

А в допросе они Гаврилко с товарищи сказали: в Тутурской де острог ходили и аманатов в Тутурском остроге у прикащика у Петра Оксентьева взяли Якуцкие казаки Петрушка Меркушев с товарищи, 14 человек; а Албазинские де казаки с теми Якуцкими казаками по тех аманатов в Тутурской острог никто не хаживал. А в Якуцком де остроге в приказной избе в допросе они Гаврилко с товарищи про то не сказывали, и то де написано в отпуске не против их допросу.

Таковы белые роспросные речи и роспись, за руками Албазинских служилых людей Гаврилка Фролова с товарищи и промышленного человека, посланы из Енисейска, под отпискою, к великим государем к Москве; а белых роспросных речей не оставлено, за бумажною скудостью.

За сим в рукописи следует список имен 16-ти Албазинских казаков и промышленных людей, убитых Тунгусами и Китайцами, и 3-х чел. умерших от голода.

Из рукописи под заглавием: Списки Енисейской архивы (часть 4-я, в лист, на 415 л.). принадлежащей Императорской Академии Наук.

Примечания:

¹ В рукописи пропущены, вероятно, следующие слова: и тому роспись; или: и то написано.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1872г, т. XII, СПб., № 8, с. 96–101
Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 81***1685 г., июня 4–августа. – Акты об осаде и взятии Албазина
Китайцами.***

**И. Отписка Алексея Толбузина
Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову, об угоне Китайцами из под Албазина табуна лошадей и об ожидаемом скором приходе Китайцев под Албазин.**

Государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, боярину и воеводе князю Костянтину Осиповичю Алексей Толбузин челом бьет. В нынешнем во 193 году, июня в 4 день, приезжали под Алба-

зинской острог Богдойские неприятелские воинские люди и отгнали из поскотин из под Албазинска конной табун; и послать в погоню за ними из Албазинска, за малолюдством, некого, да и не на чем; а знатное то дело, что приезжали Богдойские воинские люди для табуна от больших неприятелских воинских людей. И я ныне в Албазинском остроге с служилыми людьми живу с великим опасением, чаю вскоре приходу Богдойских воинских людей [108]дей под Албазинской острог. И о том, по указу великих государей,

что ты боярин и воевода князь Костянтин Осиповичь укажешь?

II. Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова князю Константину Щербатову о том, что Албазин осажден Китайцами, что Алексей Толбузин просил его о помощи, и что посланные из Енисейска с Афанасьем Бойтоном ратные люди в Нерчинск еще не пришли.

Господину князю Костянтину Осиповичю Иван Власов челом бьет. В нынешнем во 193 году, июня в 20 день, явился в Нерчинску промышленной человек Гришка Олхон с товарыщи, а в приказной избе передо мною сказал: послан де он из Албазинска в Нерчинск наспех, что Богдойские неприятельские воинские люди пришли под Албазинской острог на бусах и на конях, и подал мне от Алексея Толбузина отписку, а в отписке написано: в нынешнем де во 193 году, июня в 10 день, пришли Богдойские неприятельские воинские многие люди на многих бусах и на конях, и стоят на нижних Албазинского острогу заимках и готовятца де итти на приступ под Албазинской острог, а в Албазинском де малолюдство, и пушек и мелкого ружья и пороху и свинцу малое число. А которые ратные люди посланы из Енисейска от тебя боярина и воеводы князя Костянтина Осиповича в Даурские остроги, и те де ратные

люди не бывали; и чтоб мне прислать в Албазинской ратных людей, и пороху и свинцу и пушек и мелкого ружья, для осадного времени и для выручки; а ныне де он Алексей с Албазинскими служилыми людьми в осаде. А ратные, господине, люди с пушки и с пищальми и с порохом и с свинцом, которые посланы от тебя из Енисейска с Афонасьем Байтоном, и он Афонасей с теми ратными людьми в Нерчинску июня по 20 число не бывал, и послать мне к нему Алексею, за конечным малолюдством, из Нерчинска на выручку некого. Да июня ж в 14 день писал ко мне из Аргунского острогу десятник казачей Василий Записин, а в отписке его написано: сказывал де ему Василью ясачных мужиков Токонского роду шуленга их, именем Бояр: ездили де его улусные люди за своими отгонными лошадми на Наун, и на Науне де собрано войска по заимке 8900 человек, а говорят де, что итти на службу, а про то де они в подлинник не знают, куда будет посылка: в прошлом во 192 году от Наунских сел к Аргунскому острогу через леса прочищена дорога не малая. А которого, господине, числа Афонасей Бойтон с ратными людьми в Нерчинск будет, и я ратных людей и ружья и пороху и свинцу пошлю в Албазин указное число и с прибавкою; а к нему Афонасью писал я и не в одно время, чтоб он с ратными людьми шел не мешкая и малого вре-

мiani; а к Олбазину пошлю я вподезд станицу наспех, и что будет уведано, о том, господине, учну к тебе впредь не мешкая писать с нарочными посылщики. А Олексеевым посылщиком Толбузина Гришки Олхону с товарыщем, против подорожной дав подводы, отпустил я к тебе, господине, в Енисейск из Нерчинска того ж числа.

III. Отписка Ивана Власова в Енисейск князю Щербатову, о посылке из Нерчинска на помощь осажденному Китайцами в Албазине Алексею Толбузину 119 человек с двумя пушками, под командою Албазинского казака Анцифера Кондратьева, и 27 человек Енисейских служилых людей под начальством Афанасья Бойтона.

Господину князю Костянтину Осиповичю Иван Власов челом бьет. В нынешнем во 193 году, июня в 22 день, писал ко мне из Албазинска воевода Алексей Толбузин, а в отписке его написано: в нынешнем де во 193 году, июня в 11 день, приехали в Албазинской острог полоняники Руские промышленные люди Федка Телной, Ганка Дмит-[109]реев сын Ситников, и привезли де с собою три листа, в одном писмо руским писмом, в другом богдойским, в третьем полским; а в Албазинском де ему Алексею они Федка и Ганка в допросе сказали: послали де те ли-

сты из Албазинского уезду из Погадаевы деревни с бус Богдойского царя воеводы, и велели де те листы подать в Олбазинском ему Алексею; а идут де те Богдойские воеводы с Богдойскими многими воинскими людьми на бусах и горою на конях под Албазинской острог и хвалятца де Албазинской острог взять; а идут де тех Богдойских людей на сте бусех, а на бусе де идет воинских людей по пятидесят человек, да конницы с тысячу человек и болши, а пушек де с ними идет сто полковых, да сорок ломовых болших и гранатов. А под Нерчинской де и под Селенгинской остроги пошли многие ж неприятельские Богдойские воинские люди с пушками и со всяким приступным боем; а сколь де силы под Нерчинской и под Селенгинской остроги пошло, про то де они Федка и Ганка не ведают, и от Богдойских неприятельских воинских людей не слышали. А полоняны де они Федка и Ганка из под Албазинского острогу: Федка в прошлом во 192 году, июля в 7 день, Ганка в нынешнем во 193 году, марта в 15 день. И он де Алексей с ратными людьми и с промышленными и с пашенными крестьяны сидит в Албазинску в осаде, и чтоб, господине, из Нерчинска послать мне в Албазинской ратных людей на выручку, и пушек и мелкого ружья и пороху и свинцу. А в Нерчинском, господине, на смотре передо мною объявилось: Нерчинских и приез-

жих служилых и промысленных и всяких чинов людей 331 человек, а из того числа сто человек в одиннадцати стругах послал я в Албазинск июня в 25 день с Албазинским казаком с Анцыфорком Кондратьевым, дав им из казны великих государей Московской присылки Албазинского ружья, кому довелось, по пищале человеку, по фунту пороху, по фунту свинцу, в том числе присылных Московских людей пушкарей два человека, салдат и стрелцов и боярских людей 17 человек, которые присланы в нынешнем во 193 году, июня в 21 день, и с теми ратными людьми велел ему Анцыфорку итти наспех с великим опасением; и только будет пройти ни коими мерами водяным путем невозможно, и я велел им итти берегом и прониматца лесными местами, домогаясь всячески, чтоб в Албазин пройти. Да с ним же Анцыфорком отпущено, по их челобитью, Московской же присылки две пушки медные, весом по шти пуд с полупудом, да три пищали затнных, а к ним 30 ядер железных болших, 200 ядер малых, 8 пуд без чети пороху, 7 пуд с полу-пудом свинцу, 10 пищалей, 300 кремней пищалных, 43 бердыша с ратовищи. А которые ратные люди посланы в Дауры из Енисейска от тебя, господине, с Афонасьем Бойтоном, и тех ратных людей июня по 23 объявилось в Нерчинску только 27 человек, и посланы в том же вышеписанном чис-

ле в Албазин с ним же Анцыфорком; а болше того из Нерчинска в Албазин для выручки послать вскоре некого, потому: в Нерчинском осталось всяких чинов людей только 231 человек, в том числе служилых людей 118 человек живут по разным Нерчинским острогам по малому числу. А которого числа Афонасей Байтон с ратными людьми и с пушки и с порохом и свинцом в Нерчинск придут, и того ж дня, по указу великих государей, по твоей, господине, отписке тех ратных людей и снарядов указное число 250 человек, смотря по вестям, и с прибавкою пошлю в Албазинской, не мешкав ни малого времени, и только неприятельских Богдойских воинских людей [110] под Нерчинские остроги приход будет, и за конечным малолюдством от неприятельских людей оборонитца неким. А с Китайского, господине, писма прислал ко мне воевода Алексей Толбузин список, и с того списка списав список, послал я к тебе, господине, в Енисейск, под сею отпискою июня ж в день с Албазинским казаком с Левкою Пересковым, которой послан из Албазинска к тебе, господине, в Енисейск с отписками.

IV. Отписка Албазинскаго воеводы Алексея Толбузина Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову о том, что Китайцы взяли и сожгли Албазин, у жите-

лей и у служилых людей забрали все имущество, приглашали их в подданство Китайскому богдыхану, но потом, по просьбе их, отпустили в другие Сибирские города, и что они терпят в дороге крайнюю нужду.

Государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, боярину и воеводе князю Костянтину Осиповичю Алексей Толбузин челом бьет. В нынешнем во 193 году, июня в 12 день, пришли под Албазинской острог Богдойские воинские многие люди, на бусах, водою и горою, конми и с пушками и со всяким приступным городовым боем, и Албазинской острог осадили. А по смете, тех неприятельских Богдойских воинских людей пришло под Албазинской острог тысячь с десять и болши; а пушек с ними было на приступе с двести и болши: полтораста пушек боевых, да пятьдесят пушек болших проломных; а ядром те их пушки болшие проломные весом фунтов по 20 и по 15 и по 12, а меньше тех их проломных болших пушек ядром 12 фунтов не было. А со мною сидело в осаде в Олбазинском остроге служилых и торговых и промышленных людей и пашенных крестьян 450 человек, а с ними Богдойскими неприятельскими людьми бились, не щадя голов своих, по-

камест было пороху и свинцу. А в Албазинском остроге было великих государей в казне пороху и свинцу самое малое число, а сняряду было толко три пушки, а мелкого оружия ручных пищалей с 300. А неприятельские Богдойские воинские люди в Олбазинском остроге в осаде служилых и торговых и промышленных и пашенных крестьян из пушек побили человек со 100 и болши, и башни и острог из пушек розбили, и служилых и торговых и промышленных людей и пашенных крестьян от верхних и от нижних боев отбили, и во многих местех в Олбазинском остроге церковь и колокольную и лавки и хлебные анбары зажгли огненными стрелами. И в нынешнем же во 193 году, июня в 22 день, били челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, а в Албазинском мне говорили словесно Спаской пустыни строитель черной поп Ергоген да Воскресенской церкви поп Федор Иванов и всяких чинов служилые и торговые и промышленные люди и пашенные крестьяне, чтоб мне из Албазинска послать к Богдойским неприятельским воинским людям в полки к воеводам о переговоре, чтоб из Албазинского острогу их государских богомолцов и служилых и торговых и промышленных людей и пашенных крестьян отпу-

стили к великим государем в их государские города, и в плен бы себе не поневолили, и с женами и с детьми не разлучили. И я к ним неприятским Богдойским воинским людям в полки к воеводам о переговоре посылал, чтоб меня и государских богомолцев, и служилых и торговых и промышленных людей, и пашенных крестьян из Албазинска к великим государем в их государские города отпустить; и Богдойские [111] неприятские воинские люди меня и богомолцов государских и служилых и торговых и промышленных людей и пашенных крестьян из Албазинска в их государские города отпустили; а животишка у меня и у богомолцов государских и у служилых и у промышленных людей и у пашенных крестьян к себе пограбили все без остатку, а хлебного запаса и лошадей и рогатого скота мне и всяких чинов людям не дали ничего. Да они же Богдойские неприятские воинские люди из Албазинского острогу меня и всяких чинов людей к полковым воеводам в таборы к себе имали, а к царю своему богдокану служить призывали и многим жалованием и честью и дары от царя своего прелщали; и я и служилые и всяких чинов люди, памятуя православную христианскую веру и великих государей премногую милость, и ко Господу Богу и к великим государем свое обещание и крестное целование, на их прелесть

не сдались, и Богдойскому их царю служить не пошли, и на многое жалование и дары не обольстились, и иду в Нерчинской острог с служилыми и всяких чинов людьми; а иных служилых и всяких чинов людей отпустил я с Амура реки по Урке реке на Лену реку, для того чтоб, одною дорогою идучи, голодную смертью не помереть. А у меня и у служилых людей и у пашенных крестьян хлебных запасов и рогатого скота нет, идем наги и босы и голодны и питаемся травой и кореньем.

Все четыре акта из рукописи под заглавием: Списки Енисейской архивы (часть 3, в лист, на 391 лл.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

**V. Отписка Нерчинского воеводы
Ивана Власова Енисейскому во-
еводе князю Щербатову о вестях
про Китайцев и о принятых им
мерах по возобновлению
Албазина.**

Господину князю Константину Осиповичю Иван Власов челом бьет. В нынешнем во 193 году, июля в 28 день, писал я к тебе, господине, с Московскими пятидесятники стрелецкими с Лукою Степановым, с Любимом Сергеевым, с десятником с Яковом Алексеевым, что Китайские воинские люди Албазинской острог взяли, и воевода Алексей

Толбузин с служилыми и всяких чинов людьми, июля в 10 день, пришел в Нерчинской; а пушек и аманатов ему Алексею Китайские де люди не отдали. И шли де за ним Алексеем те Китайские люди на бусах, с пушками и со всяким приступным огненным боем, в виду до усть Аргунской заимки, а в Шилку де реку те неприятельские люди на бусах за ним Алексеем не пошли. А сказывал де ему Алексею Китайской толмач, прежней изменник Стенка Верхотур: те же де Китайские неприятельские люди на бусах и горою на конех со всяким приступным огненным боем будут и под Нерчинской острог. И Албазинские служилые и промышленные люди и пашенные крестьяне били челом великим государем, а мне, господине, говорили неперестанно, чтоб их из Нерчинска отпустить, для их разоренья, в хлебное место; и я, опасаясь великих государей гневу и опалы на себя, и чтоб не потерять государственной Даурской земли и побержной из Нерчинска славы не учинить, говорил им Албазинским служилым и промышленным и всяких чинов людям неперестанно, и государскою милостию обнадеживал, чтоб они Албазинские жители крайней государственной отчины не покинули, потому что в Даурских острогах конечное малолюдство. И посылал, господине, я из Нерчинска, июля 15 дня, Нерчинских конных казаков, десятника ка-

зачья Якушка Телицына с товарищи, 70 человек, в том числе Нерчинских казаков 20 человек, новоприборных Тоболских, Тюменских, Туринских, Верхотурских 40 чело-[112]век, Албазинских 10 человек, в пяти легких стругах, а велел им идти из Нерчинска вниз по Шилке реке, и будет неприятельских Китайских людей до усть Аргуни реки не встретят, и я велел ему Якушку с товарищи идти с великою осторожностью в Албазинской уезд, до тех мест, где встретят неприятельских Китайских людей, чтоб языков добытца для подлинных ведомостей о их неприятельских замыслах; а оне б Албазинские служилые и всяких чинов жилацкие люди и пашенные крестьяне тех вестей дождались бы в Нерчинском остроге. И Якушка Телицын с товарищи пришел в Нерчинск августа в 7 день, и передо мною сказал: послан де он Якушко с товарищи из Нерчинска для взятъя языков Китайских людей; и он де Якушка с товарищи из Нерчинскаго вниз по Шилке и по Амуру рекам до Албазинского острожного места ездили и воинских де людей нигде не наехали; а Албазинской де острог и заимки Албазинского уезда всё выжжено без остатку; а сеяной де хлеб в Албазинском уезде весь цел; а где был Албазинской острог, и на том де месте взяли они служилые люди Китайского мужика да медную зарядную пушечку, весом 18 Фунтов, да

два ядра пушечных железных, в одном весу 8 фунтов, в другом 2 Фунта. А в роспросе передо мною тот взятой мужик сказался Никанской породы Уонцысяю зовут. А про Китайских людей сказал: которые де Китайские люди приходили войною под Албазинской острог, а он де Уонцыся был с ними ж Китайскими людьми, и разоря острог и заимки сжегши, поплыли вниз по Амуру до усть Зии в новопоставленной городок наспех, днем и ночью. А слышал де он в Китайских полках у ратных людей: оставлено де будет в том новопоставленном Зейском городке служилых людей 500 человек, которые у них вновь прибраны из ясашных людей, да 4 пушки, да из меньших воевод с ними один человек; а большие де их воеводы и достальные служилые люди пойдут и снаряд повезут на бусах на Наун. А приходило де той Китайской силы под Албазинской острог водою на 100 бусах, а на бусе де было человек по 40 и по 50, с луками и с сулемами, в том числе работных без всякаго ружья 1200 человек, а с пищалями де было в том же вышеписанном числе человек со 100, а те де пищаля взяты у Руских людей, которые служилые люди были на реках на Зие и на Силинбе и на Хамуне и на Уде; да конных людей берегом с 1000 человек, с луками же; а наряду де с ними было 30 пушек больших, 15 малых; а сбирал де Китайской царь ту силу под Алба-

зинской острог года с три, а собраны де были к Китайским людям Никаны, Дауры, Шучеры, Тунгусы, Мугалы. А ушел де он Уонцыся с бус Китайских людей, отплыв от Албазинского острожного места 6 дней, для того: отец де его Уонцысин Уонгечи был на казенной бусе в кормщиках, и нанесло де ту бусу на камень и проломило дно, и та де буса потонула, и на той де бусе было 50 человек, да пушка медная болшая, да казенное платье, азямы камчатные и атласные, и шапки, и сапоги Китайские на роздачу для прелести изменников Руских людей; и то де все и многие люди потонули; а отец де его и он Уонцыся выплыли к берегу. И взяв отца его Китайские воеводы, за то, что бусу о камень проломил, казнили его смертью, а поставили де то в измену; а он де Уонцыся испужался того, от них Китайских людей убежал и пришел на Албазинское острожное место, для того что на том де месте Рускаго запасу было много, и ждал де того, что Руские люди приидут по прежнему потому что Китайским де людям к Албазинскому вскоре ни коими дела быть [113] невозможно, для того что велено начальным людям с войском, которые были под Албазинским острогом, быть в Китай тот час, потому что де Никанские люди на Китайского царя идут войною. А у роспросу толмачил Никанской породы выходец, Албазинской казак

Федка Михайлов. А по смете и по сказкам Албазинских жителей, посеяно де в Албазинском уезде великих государей десятинного ярового хлеба десятин с 50 и больше, да казачьи и крестьянския пахоты и присевков всяких чинов людей всякого хлеба десятин с 1000 и больше; и я, не хотя, господине, того засеянного хлеба потерять, чтоб было чем великих государей ратных людей прокормить и великих государей десятинная пашня и служилым людям и пашенным крестьянам и всяким присевщикам их пахоты и впредь не запустить, и их служилых и всяких жилецких людей и пашенных крестьян с женами и с детьми врознь не распустить, и как по указу великих государей будут присланы впредь ратные люди на оборону Даурской земли было б к чему им пристать, и для обережи того хлеба, в Албазинской уезд послал из Нерчинска великих ратных людей 198 человек, а с ними головою Енисейскаго сына боярского Афонасья Бейтона, которой прислан с ратными людьми от тебя, господине, из Енисейска, а с ним пушка медная, весом ядро фунт, к ней 20 ядер железных, 5 пуд 16 фунтов с полуфунтом пороху ручного без дерева, да 5 пуд с 1/4 пороху ручного с деревом, всего 10 пудов 26 фун. с 1/2, да пушечного пороху пол-третья пуда, 10 пудов 16 фунтов с 1/2 свинцу. А велел я ему Афонасью с вышеписанными ратными

людьми из Нерчинска плыть вниз по Шилке и по Амуру в Албазинской уезд, не мешкав нигде ни часу, чтоб Китайские или Мугалские люди, пришед, и того хлеба на полях не пожгли; и прося у всемогущаго Бога помощи, надеясь на государския праведныя молитвы, Албазинских служилых и жилецких всяких чинов людей и пашенных крестьян для съему того хлеба и для поселенья отпустил из Нерчинска августа в розных числах нынешняго ж 193 году. И по челобитью, господине, Албазинских служилых людей, отпустил с ними прежняго Албазинского воеводу Алексея Толбузина, а велел я ему Алексею быть у них до указу великих государей и до твоей, господине, указной памяти; а с ним Алексеем послал я новоприборных ратных людей 193 человека, Албазинских 123 человека, да 4 пушки медных, в том числе пушка весом 19 пуд с 1/4, другая 8 пуд с полупудом, две пушки по 5 пуд с 1/4, к ним 160 ядер железных, 2 пищали затинных железных, к ним 500 дробу, да 40...¹ пороху ручного и пушечного, 40 пудов свинцу; да к тому ж в прибавку послал я с Албазинскими казаки с Ивашком Белокопытовым, с Ивашком Мартыновым с товарищи великих государей казны: пищаль затинную ж, 100 пищалей ручных с ложами и с фурмами и с трещетми, 50 бердышев, знамя, середина полотняная, каймы кумачные крас-

ные, да барабан, 850 кремней пищевальных. А велел я, господине, ему Алексею с ратными людьми до места, где был Албазинской острог и до нижних Албазинского уезду заимок ехать наспех, не мешкав нигде ни часу; а приехав в Албазинской уезд, велел учинить хотя малую крепость, где пристойно, и из за той крепости хлеб с поль сымать, не испустя времени, за крепкими отезжими караулы, чтоб неприятельские люди, пришед изгоном, над служилыми и работными людьми какой порухи [114] не учинили. А которых служилых людей послал я для обережи того хлеба с Афонасьем Бейтоном прежь его Алексея, и тех служилых людей велел я, господине, ведать ему Алексею, а Афонасью Бейтону быть у него в послушании. И всего, господине, ратных людей с ним Алексеем 514 человек, да промышленных людей и пашенных крестьян 155 человек, да 2 человека Московских пушкарей. А которые Албазинские служилые и всяких чинов люди великим государем изменили, отошли в Китайское государство, и которые пошли через Олекму на Лену, и тех людей пометной насянойхлеб велел отдать новоприборным служилым людям на прокормление и впред для заводу; а что, господине, того хлеба кому дано будет, и то велел писать в книги имянно. И велел я ему Алексею по Амуру, вниз на левой стороне, высмотреть крепкое и

угоднее место, чтоб близ воды и лесу острог поставить и чтоб было мочно в том остроге для осадного времени колодезь выкопать, а в прежнем Албазинском остроге колодезя не было и сделать было нелзя. А острог велел строить со всякими родовыми крепями ниже старого Албазинского острожного места, чтоб неприятелю было не в выступку; и как милосердый Бог помощи подаст, в каких местех острог поставлен будет, и сколь далеко от старого Албазинского острожного места, и что около того новопоставленного острогу учинено будет всяких крепостей, и тому всему велел я, господине, ему Алексею учинить образец деревянной, или чертеж, и тот чертеж или образец послать к великим государем Москве в Сибирской Приказ и к тебе, господине, в Енисейск писать велел же. А всякия дела велел ему Алексею делать по указу великих государей и по наказу, каков ему дан наперед сего на Москве из Сибирского Приказу, за дьячею приписью, и по твоим, господине, указным памятям. А которые иноземцы разных родов были под государскою самодержавною высокою рукою в вечном холопстве в ясачном платеже, и ясак с себя платили и аманаты их сидели в Албазинском, и про тех иноземцов велел я, господине, ему Алексею проведывать всякими мерами служилыми и всяких чинов людьми со

всяким домогательством, чтоб тех родов иноземцов сыскать и сыскав призывать под государскую самодержавную руку в вечное холопство в ясачный платеж, и великих государей милостию обнадежить, и аманатов взять с тех родов по прежнему, и ясак бы с них имать по окладом по прежнему. А Никанского, господине, мужика, которого привез Якушка Телицын с товарищи, и пушку и пушечные Китайския ядра и челобитную, которую подали Албазинские казаки об отпуске с ними Алексея Толбузина и Албазинского казака Китайского выходца Федку Михайлова для толмачества, потому что тот взятой мужик, опричь Никанского языку, никакого незна-

ет—послал я к великим государем к Москве с Нерчинским десятником казачьим с Якушкою Телицыным, да с казаком с Никиткою Полетаевым; а об отпуске с ним языком из Енисейска им Якушке и Микитке велел бить челом тебе, господине, в Енисейску. А со мною, господине, во всех Нерчинских острогах осталось, за розсылкою служилых людей, конных казаков 140 человек, да новоприборных 33 человека; а которые новоприборные ратные люди оставались в Енисейском уезде в заморозах на дощениках у казны великих государей, 126 человек, и те ратные людя августа по 26 число в Нерчинск не бывали.

Из рукописи под заглавием: Списки Енисейской архивы (часть 4 - я, в лист, на 415 лл). принадлежащей Императорской Академии Наук.

Примечания:

¹ Здесь, вероятно, пропущено: пуд.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1872 г., т. 12, СПб. стр. 107–114.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 82

1685 г. июня 11. – Отписка из Селенгинска Енисейского боярского сына Ивана Поршенникова Енисейскому воеводе князю Щербатову о затруднительном положении Селенгинска, вследствие грабежей и убийств, совершаемых Монголами.

Государей царей и великих Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, боярину и воеводе князю Константину Осиповичю из Селенгинска Ивашко Поршенников челом бьет. В нынешнем во 193 году, июня 11 дня, в Селенгинском городе от Мунгалских неприятельских людей сидим в осаде от крайних тайшей, около города и по дорогам везде залегли, ездят человек по сту и по пятидесят, из под Селенгинска города конной табун и рогатой скот отгоняют, Руских людей под городом ранят и побивают. А в Селенгинску июня 11 дня служилых людей всего девяносто человек, не [252] служилых промысленых и гулящих людей чёловек с десять, а иные служилые люди, тридцать три человека, поплыли из Селенгинска в Иркутской по хлебные запасы, а

досталные в Удинском остроге и в Ильинской слободе; а живем в Селенгинску с великим опасеньем и с крепостью, просим помощи от превышняго Бога. А по сказке Албазинских служилых людей, которые выпущены из Китайского царства к Москве к великим государем с листом через Селенгинской, пошло де из Китайского царства силы пятнадцать тысяч под остроги великих государей, а под Албазинским объявилось той силы тысяч с шесть, а досталная сила идет под Нерчинские остроги. И от Мунгалские силы, за помощью превышняго Бога и заступлением святителя Христова Николы чудотворца, болшого страху не имеем, страшит нас Богдойская сила, потому что нас в Селенгинску конечное малолюдство, порохом и оружьем скудно.

Из рукописи, содержащей в себе списки актов Нерчинского архива (в лист, на 204. л.) принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867 г., т. 10, СПб. стр.251–252.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 83

***1685 г. не ранее июня 11. – Донесение Нерчинскому Воеводе Власову
Албазинского Правителя Алексея Толбузина.***

Господину Ивану Остафьевичу Алексей Толбузин челом бьет. В нынешнем, Господине, 193 [1685] году Июня 11 день приехали в Албазинской острог полоненники Русские промышленные люди Федька Тельской и Гаврилко Дмитриев сын Ситник, и привезли с собою три листа; в одном писано Русским письмом, в другом Богдойским, в третьем Польским, а в Албазинском в приказной избе передо-[161]мною они Федька и Ганька в допросе сказали: послали де те листы из Албазинского уезду из Вогадаевы деревни с бус Богдойского Царя Воеводы, а велели де те листы подать в Албазинском мне, а идут де те Богдойские Воеводы с Богдойскими многими воинскими людьми на бусах и горою на конях под Албазинской

острог войною и хвалятца Албазинской острог взять, а идет де тех Богдойских неприятельских воинских людей на сте бусах, а на бусе идет воинских людей по пятидесяти человек да конницы тысяча человек и больше, а пушек с ними идет 100 полковых да 40 ломовых больших и гранатов, а под Нерчинской де и под Селенгинской остроги пошли многие неприятельские Богдойские люди с пушками и со всяким простым иным боем, а сколько силы под Нерчинской и Селенгинской остроги пошло, про то они Федька и Ганька не ведают, а полонены де они из под Албазинского острогу Федька в прошлом во 192 году Июля в 7 день, а Ганька в нынешнем во 195 г. Марта 15 дня, и я с ратными людьми и с промышленными и пашенными

крестьянами в Албазинску во осаде, а на посаде дворы, которые были около Албазина, я велел сжечь, а которые ратные и промышленные люди и пашенные крестьяна живут в дальних Албазин-[162]скаго острогу в деревнях и те всяких чинов люди в Албазинско по се число не бывали, а в осаде Албазинску сидит со мною всяких чинов людей 350 чел., и о присылке из Нерчинскаго острогу в Албазин ратных людей на выручку

и пушек и мелкаго ружья и пороху и свинцу учинить бы тебе по Указу Великих Государей и послать незамотчав, а с вестовыми отписками, и с Богдойскими листами послал я служилаго человека Левку Перескова к Великим Государем к Москве и в Енисейск к Боярину и Воеводе Князю Константину Осиповичу, а к тебе Господину слал для ведомости с Богдойских листов список под сею отпиской.

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 12, с. 160–162. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 84

1685 г. не ранее июня 11. – Предписание Нерчинского Воеводы Власова Телембинского острога Прикащику Григорью Лоншакову.

Лета 7193 (1685) Июня дня по Государевым Царевым и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя

и Белья России Самодержцов Указная память в Телембинской острог Прикащику сыну боярскому Григорью Иванову сыну Лоншакову. Пи-

сал ко мне из Албазинского острогу Воевода Алексей Толбузин, а в отписке ево написано: в нынешнем во 193 году Июня 11 дня пришли Богдойские воинские многие люди на многих бусах и коньми и стоят на нижних Албазинского острогу заимках и готовятца идти на приступ под Албазинской острог, да Июня 14 дня писал ко мне из Аргуньского острогу Прикащик Василий Милованов, а в отписке ево написано: собрано де на Науне войска восемь

тысячь девять сот человек, и сказано де им идти на службу, а куда их неприятельских людей поход будет, про то ему неведомо, а как к тебе ся память придет и тебе бы в Телембинску жить с великим опасением и служилых людей ни куда не отпущать и денно и [170] ночью иметь караул крепкой, чтоб воинские Богдойские люди пришед какова дурна не учинили и острожныя всякия крепи где буде что попорчено велеть починить тот час.

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 17, с. 169–170. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 85

1685г. не ранее июня 22–ранее июля 10 – Челобитная поданная черным попом Ермогеном от имени всех жителей и служилых людей Албазинского острога о том, что Китайцы взяли и сожгли Албазин, забрали все имущество, приглашали их в подданство Китайскому богдыхану, но потом, по просьбе их, отпустили в другие Сибирские города, и что они терпят в дороге крайнюю нужду.

/л. 198/ Ц(а)рем г(о)с(у)д(а)рем и великим кн(я)зем Иоанну Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержцем бьют челом б(о)гомолцы ваши албазинског[о] острогу Спаской пустыни строитель черной поп Ермоген да В(о)скресенской поп Федор Иванов и холопи ваши албазинские служилые люди: пятидесятник Левка Чюжакин, десятички Завьялко Ларионов, Матюшка Федоров, Ивашко Лучанинов, Евдокимко Григорьев, Гришка Ворыпаев, Никифорко Поскотнинной, Гришка Олекменской и рядовые служилые люди и сироты ваши торговые и пашенные и промышленные люди.

В н(ы)нешнем г(о)с(у)д(а)ри во 193 м¹ году июня в де(нь) пришли под Албазинской острог богдойские неприятельские воинские многие люди на бусах водою и горою конми, с пушками и со всяким городовым приступным боем и албазинской острог осадили. А по смете г(о)с(у)д(а)ри тех богдойских неприятельских воинских людей тысяч десять и болши. А пушек г(о)с(у)д(а)ри с ними было на приступе з двести и болши, полтора ста пушек полковых, да пушек с пятьдесят больших проломных. А ядром г(о)с(у)д(а)ри те их пушки болшие проломные фунтов по дватцати и по пятнатцати и по двенатцати. А менши г(о)с(у)д(а)ри тех их больших проло/л. 199/мных пушек ядром двенатцати

фунтов не было.

И мы, б(о)гомолцы и холопи, и си[ро]ты ваши, от них, неприятельских богдойских воинских людей в Албазинском остроге сидели, воева[ли] с воеводою Алексеем Ларионовичем Толбузиным дней з десять и болши. И с ними богдойскими неприятельскими воинскими людьми бились не щадя голов своих, и покамест было пороху и свинцу.

А в албазинском, г(о)с(у)д(а)ри было в вашей великих г(о)с(у)д(а)рей казне пороху и свинцу самое малое число. А снаряду было только три пушки. А мелково оружия было у нас холопей ваших пищалей с триста.

И неприятельские богдойские воинские люди из нас, холопей и сирот ваших в Албазинском остроге в осаде побили ис пушек ч(е)л(о)в(е)к со сто и болши, и башни и острог ис пушек розбили, и нас холопей ваших от верхних и от нижних боев отбили. И во многих местех в Албазинском остроге ц(е)рковь и колокольню и лавки и хлебные анбары огненными стрелами зажгли. И мы б(о)гомолцы и холопи и сироты ваши видя против их богдойских неприятельских воинских людей свое неможение что стоять нам против их, неприятельских богдойских воинских людей и битыца невозможно били челом вам великим г(о)с(у)д(а)рем а в Албазинском воеводе Алексею Ларионовичю Толб-

узину словесно чтоб он послал из Албазинского к богдойским неприятельским воинским людям в полки к воеводам о переговоре чтоб нас /л. 200/ б(о)гомолцев и холопей и сирот ваших из Албазинског[о] отпустили к вам, великим г(о)с(у)д(а)рем в ваши великих г(о)с(у)д(а)рей города и в плен к себе не поневолили и з женишками и з детишками не разлучили.

И воевода Алексей Ларионович Толбузин к ним богдойским неприятельским воинским людям в полки к воеводам о переговоре посылал. И договорились что нас, б(о)гомолцев и холопей и сирот ваших из Албазинска отп[у]стить к вам великим г(о)с(у)д(а)рем, в ваш[и] г(о)с(у)д(а)р(е)вы города. И богдойские воинские неприятельские люди воеводу Алексея Ларионовича Толбузина и нас б(о)гомолцев и холопей и сирот ваших, из Албазинска к вам великим г(о)с(у)д(а)рем в ваши г(о)с(у)д(а)р(е)вы города отпустили. А животишка наши к себе побрали все безостатку А хлебного запаса и лошадей и рогатог[о] скота нам б(о)гомолцем и холопом и сиротам, не дали ничег[о].

Да они ж богдойские неприятельские воинские люди из Албазинског[о] острогу воеводу Алексея Ларионовича Толбузина и нас холопей и сирот ваших в полки к полковым воеводам в табары к себе имали и к царю своему богдокану служить

призывали, и многим жалованьем, и честью и дары от царя своего прельщали. И воевода Алексей Ларионович Толбузин и мы холопи и сироты ваши паметуя православную христианскую веру и вашу великих г(о)с(у)д(а)рей премногую м(и)л(о)сть /л. 201/ и ко г(о)с(по)ду Б(о)гу и к вам великим г(о)с(у)д(а)рем свое обещание и крестное целование на их прелесть не здались и богдойскому их царю служить не пошли, и на многое жалованье, и дары не оболстились. И идем к вам великим г(о)с(у)д(а)рем в ваши великих г(о)с(у)д(а)рей города с воеводою с Алексеем Ларионовичем Толбузиным наги и боси и голодны питаемся травою и корением.

М(и)л(о)с(е)рдые г(о)с(у)д(а)ри, ц(а)ри и великие кн(я)зи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы. Пожалуйте нас б(о)гомольцов и холопей, и сирот своих. Велите г(о)с(у)д(а)ри сю нашу челобитную принять воеводе Алексею Ларионовичю Толбузину и послать к вам, великим г(о)с(у)д(а)рем к Москве под отпискою. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри смилуйтеся пожалуйте.

На обороте листа 198 рукописи-кладства:

К сей челобитной вместо пятидес[я]тников и десятников и рядовых казаков и детей д(у)ховных

промышеле[ных] и пашенных которые грамоте не [у]меют по их веле- нию и за себя В[ос]кре[се]нской поп Федор Иванов рук[у] приложил.

К сей челобитной Фетка Васи- льев руку приложил.

К сей челобитной вместо пяти- десятника Леонтья Чюжакина да десятника Петра Сухова и за себя десятник Никифорко Поскотинной руку приложил.

К сей челобитной Федка Котю- рев руку приложил.

Посадцкой ч(е)л(о)в(е)к Мишка Немиров вместо себя руку прило- жил.

К сей челобитной вместо торго- ваго ч(е)л(о)в(е)ка и Григорья Мо- киева и са себя торгово[й] ч(ело)в(е) к Исачко Евѣстафеев Посельской руку приложил.

На обороте листа 199 рукопри- кладства:

Промышленной Бышко Патверов руку приложил.

К сей челобитной Ивашко Поскотинной и вместо детей своих руку приложил.

К сей челобитной промышлено Никитька Савельев руку приложил.

К сей челобитной пашенной Стенка Болтяской руку приложил.

К сей челобитной пашенной Федка Тихонов руку приложил.

К сей челобитной промышленной Власко Сидоров руку приложил.

К сей челобитной Кирюшко Ки- рилов руку приложил.

К сей челобитной Спаской пу- стыни Строитель черн[ый] поп Ер- mogen вме[сто] детей своих д(у)х(о) вных которые грамоте не умеют и за себя руку приложил.

На обороте листа 200 рукопри- кладства:

К сей челобитной гостя Семе- на Лузина лавошной ево сиделец Кирилко Богданов Пестряков руку приложил.

К сей челобитно[й] Коска Сте- фанов сын Бурдуковской руку при- ложил.

К сей челобитной Мишка Ев- стратьев руку приложил.

К сей челобитной торговой Пе- трушка Стефанов сын Норев руку приложил.

На обороте листов 200 и 201 по склейке скрепа:

К сей челобитной Воскресенской поп Федор Иванов руку приложил.

На обороте листа 201 рукопри- кладство:

К сей челобитной десятник ка- зачей Гришка Ворыпаев руку прило- жил.

РГАДА Ф. 214 Сибирский приказ, оп. 3 Столбцы и дела, ст. 973, л. 198–201.

Частично опубликована: Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. — Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 246–248.

Рукоприкладства челобитчиков публикуются впервые.

Примечания:

¹ В XVII веке летоисчисление велось от сотворения мира. 193 или 7193 год соответствует периоду с 1 сентября 1684 г. по 31 августа 1685 г. в современном летоисчислении.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Утраты, пропущенные буквы восстановлены по смыслу и выделены квадратными скобками. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Текст документа подготовил к публикации - В. Трухин.

№ 86

1685 г. июня 26. – Донесение А. Толбузина Нерчинскому Воеводе Власову.

Господину Ивану Остафьевичу Алексей Толбузин челом бьет. В нынешнем во 193 году Июня 12 день пришли под Албазинской острог	неприятельские Богдойские воинские люди водою на бусах и горою на конях во многом собрании с пушками и со всяким городовым приступ-
--	---

ным огненным боем и Албазинской острог взяли, а в осаде в Албазинском остроге побили из пушек неприятельские Богдойские [163] воинские люди Государевых служилых и всяких чинов людей человек со сто и больше, а меня, Господине, с служилыми и всяких чинов людьми по договору отпустили в Государские города, и я со Албазинскими служилыми и всяких чинов людьми иду в Нерчинской острог с великою нужною, питаемся кореньями и травою, а взяв Албазинской острог те неприятельские Богдойские воинские люди шли за мною на бусах до усть Аргуньской заимки, а Богдойские толмачи Русские изменники Стенька Верхотуров с товарищи мне сказывали: те же де неприятельские Богдойские воинские люди на бусах с пушками и со всяким городовым приступным огненным боем будут и под Нерчинской острог, и отшед, Господине, от Аргуньского устья в Шильку реку с полднища, посылал я служилых людей для подсмотру неприятеля: вошли ли они в бусах в Шильку реку или нет, и служилые люди с караулу пришли и мне ска-

зали: Богдойские неприятельские люди на бусах от Астраханцова с заимки на усть Аргуни реки не бывали и в Шильку не вошли, только де они служилые люди видели неприятельской конницы человек 40 и больше на усть Шильки и Аргуни реках стоять на карауле в прикрытых местах, и есть ли буде пришли к тебе в Нерчинск ратные люди и [164]привезены пушки и ружья и порох и свинец и тебе Господине учинить по Указу Великих Государей ратных людей и пушек и ружья и пороху и свинцу ко мне не посылать, а буде стоят под Нерчинском неприятельские люди и как я приду близко под Нерчинской острог с служилыми и всяких чинов людьми и тебеб прислать ко мне на встречу для выручки ратных людей, чтоб пройти мне со всякими людьми к тебе в Нерчинской острог, а буде под Нерчинский острог неприятели не пришли и о том бы для ведома велел писать ко мне и послать с нарочными посыльшики, а с сею отпискою для ведома послал я к тебе в Нерчинск Оксенка Лукиянова с товарищи Июня 26 дня.

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 13, с. 162–164. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 87

1685 г. не ранее июня 26–ранее июля 10 – Отрывок из отписки Албазинского воеводы Алексея Толбузина в Сибирский приказ о том, что Китайцы взяли и сожгли Албазин, у жителей и у служилых людей забрали все имущество, приглашали их в подданство Китайскому богдыхану, но потом, по их просьбе, отпустили в другие Сибирские города, и что они терпят в дороге крайнюю нужду.

/л. 231/ ...отпустили, а пушек и аманатов против договору мне холопу в(а)шему вывести не дали. И у многих в(а)ших г(о)с(у)д(а)рьских служилых и всяких чинов людей жен и детей в полон к себе взяли. И животишка г(о)с(у)д(а)ри у меня холопа в(а)шего и у в(а)ших г(о)с(у)д(а)рьских служилых и у всяких чинов людей к себе пограбили все без остатку. А хлебного г(о)с(у)д(а)ри запаса и лошадей и рогатого скота мне холопу в(а)шему и в(а)шим г(о)с(у)д(а)рьским служилым и всяких чинов людем не дали ничево.

Да они ж богдойские неприятельские люди меня холопа в(а)шего и в(а)ших г(о)с(у)д(а)рьских служилых и всяких чинов людей к полковым воеводам в табары к себе имали и к царю своему богдокану служить призывали и многим жалованьем и честью и дары от царя своего прельщали. И я холоп в(а)ш и в(а)ши г(о)с(у)д(а)рьские служилые и всяких чинов люди памятуя православную

хр(и)стианскую веру и в(а)шувеликих г(о)с(у)д(а)рей к себе премногую м(и)л(о)сть /л. 232/ и ко г(о)с(по)ду б(о)гу и к вам великим г(о)с(у)д(а)рем свое обещание и кр(е)стное целование на их прелести не здались и богдойскому их царю служить не пошли и на многое жалованье и дары не обольстились. И пошли со мною холопом в(а)шим в ваши великих г(о)с(у)д(а)рей города наги и боси и голодны питались травую и кореньем.

А иные служилые и всяких чинов в(а)ши г(о)с(у)д(а)рьские люди забыли страх б(о)жий и в(а)шу г(о)с(у)д(а)рьскою премногую к себе м(и)л(о)сть и кр(е)стное целование изменили вам великим г(о)с(у)д(а)рем и остались от меня холопа в(а)шего у богдойских воевод в табарах. А со мною холопом в(а)шим не пошли сорок четыре ч(е)л(о)в(е)ка.

А я холоп в(а)ш с вашими г(о)с(у)д(а)рьскими служилыми и всяких чинов людьми от албазинского

острогу с табар от богдойских неприятельских воевод в верх подле Амура реки берегом шли пеши с великою нуждею до устья Урки реки. А лоток г(о)с(у)д(а)ри было малое число. А в(а)ших г(о)с(у)д(а)рьских дощаников в Албазинском не было.

А которые служилые и всяких чинов ваши г(о)с(у)д(а)рьские люди с верх Амура реки из дальних д(е)р(е)в(е)нь за постоянием неприятельских богдойских воинских людей в Албазинской острог ко мне холопу в(а)шему протти немогли и они жили около тех же д(е)р(е)в(е)нь в лесах. И как я холоп в(а)ш от неприятельских Богдойских воинских людей шел мимо те д(е)р(е)вни и те ваши г(о)с(у)д(а)рьские люди вышли ко мне холопу в(а)шему.

И я холоп в(а)ш по Урке реке через Олекму на Лену реку отпустил в(а)ших г(о)с(у)д(а)рьских служилых и всяких чинов людей сто дватцать ч(е)л(о)в(ек) по их челобитью для судовой скудости и для /л. 233/ того чтоб одною дорогою идучи не помереть голодною смертью.

И с теми ж г(о)с(у)д(а)ри людьми послал я холоп в(а)ш к вам великим г(о)с(у)д(а)рем к Москве с отписками Албазинского служилого ч(е)л(о)в(е)ка Омельку Дмитриева. И о всем я холоп в(а)ш к вам великим г(о)с(у)д(а)рем писал. А з достальными с вашими г(о)с(у)д(а)рьскими

служилыми и всяких чинов людьми пошел я холоп ваш в Нерчинской острог.

И того ж числа на устье тое ж Урки реки настигли меня холопа вашего неприятельские богдойские люди на бусах и горою на конях. И шли за мною холопом в(а)шим до Устьаргунской заимки. И приезжали ко мне холопу в(а)шему в(а)ши великих г(о)с(у)д(а)рей изменники русские люди Стенка Верхотур с товарищи и сказывали мне холопу в(а)шему идут теж богдойские воеводы на бусах и горою на конях которые были под Албазинским острогом з Богдойскою силою и с пушки и со всяким городовым приступным огненным боем под Нерчинской острог.

И я холоп в(а)ш с вашими г(о)с(у)д(а)рьскими служилыми и всяких чинов людьми пошел от усть Аргуни реки по Шилке реке в Нерчинской острог. И против устья Аргуни реки на Шилке реке оставливал я холоп в(а)ш для подсмотру неприятельских богдойских людей албазинских служилых людей пять ч(е)л(о)в(е)к Нестерка Матфиева с товарищи.

И служилые люди на Шилке реке против устья Аргуни реки для подсмотру неприятельских Богдойских людей жили два ...

РГАДА Ф. 214, оп. 3, ст. 973, л. 231 – 233.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Утраты, пропущенные буквы восстановлены по смыслу и выделены квадратными скобками. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Текст документа подготовил к публикации - В. Трухин.

◆

№ 88

**1685г. после июля 10. – Краткое известие о взятии Албазина
Китайцами.**

Во 193 году, июня 12 дня, пришед под Албазинской острог Китайские воинские люди, и Албазинской острог взяли. И воевода Алексей Ларионов сын Толбузин пришел с Албазинскими служилыми и всяких чинов людьми в Нерчинской острог

июля в 10 день; и пушек и аманатов Китайские люди ему не отдали, и шли де за ним они на бусах с пушками и со всяким приступным огненным боем до усть Аргунской заимки.

Из рукописи, содержащей в себе списки актов Нерчинского архива (в лист, на 204. л.) принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр. 252.

№ 89

1685 г. не ранее июля 10. – Отрывок из сказки служилых людей, которые пошли в Нерчинск с Алексеем Толбузиным.

<...> И договорились, что воеводу Алексея Ларивоновича Толбузина и нас, служилых и всяких чинов людей, из Албазинска к великим государем в их государевские города отпустить, и пушки и аманатов из Албазинского острогу отдать.

И богдойские неприятельские люди по договору воеводу Алексея Алексеевича¹ Толбузина и нас, служилых и всяких чинов людей, из Албазинска к великим государем в их государевские города отпустили. А против договору пушек и аманатов воеводе Алексею Ларивоновичю Толбузину вывезть не дали. И у многих у нас, служилых и всяких чинов людей, жен и детей в полон к себе взяли.

<...> А иные служилые и всяких чинов государевские люди, забыв страх Божий и государевскую премногую к себе милость и крестное целованье, великим государем изменили и остались у богдойских воевод в табарах, а с воеводою с Алексеем Ларионовичем не пошли.

А мы, служилые и всяких чинов люди, с воеводою с Алексеем Ларивоновичем Толбузиным от Албазинского острогу с табару от богдойских неприятельских воевод вверх подле

Амура реки берегом шли пеши с великою нуждею до устья Урки реки. А лоток было малое число, а государевских дощаников в Албазинску не было.

А по Урке реке через Олёмку на Лену реку отпустил воевода Алексей Ларивонович Толбузин служилых и всяких чинов людей сто двадцать человек по их челобитью для судовой скудости и для того, чтоб, одною дорогою идучи, не помереть голодною смертью. А мы, служилые и всяких чинов люди, с воеводою с Алексеем Ларивоновичем Толбузиным пошли в Нерчинской острог.

И того ж числа на устье тое ж Урки реки настигли воеводу Алексея Ларивоновича Толбузина и нас неприятельские богдойские люди на бусах и горою на конех, и шли за нами до Усть-Аргунской заимки.

[258] И приезжали к воеводе к Алексею Ларивоновичю Толбузину изменники русские люди, Стенька Верхотур с товарищи, и сказывали: идут де те ж богдойские воеводы на бусах и горою на конех, которые были под Албазинским острогом з богдойскою силою и с пушки, и со всяким городовым огненным боем под Нерчинской острог.

И воевода Алексей Ларивонович Толбузин пошел от усть Аргуни реки по Шилке реке в Нерчинской острог. И против усть Аргуни реки на Шилке реке оставливал для подсмотру неприятельских богдойских людей из нас албазинских служилых людей пять человек, Нестерка Матвеева с товарищи.

И служилые люди на Шилке реке против устья Аргуни реки для

подсмотру неприятельских богдойских людей жили два дни. И неприятельские богдойские люди на бусах при них в Шилку реку не пошли. Только они, служилые люди, видели первого дни неприятельских богдойских людей, конницы человек с соток и больши, против устья Аргуни реки стояли де пониж их, служилых людей, на карауле в прикрытых местах. <...>

РГАДА Ф. 1142, оп. 1, ед. хр. 35, л. 2–5.

Примечания:

¹ Так в тексте, надо: Ларионовича (Примечание Г.Б. Красноштанова).

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 257–258.

№ 90

1685 г. июля 27. – Расспросные речи Албазинских пашенных крестьян Василия Никифорова с товарищи перед Якутским воеводой Матвеем Кровковым о взятии Албазина.

(Л.165) 193-го июля в 27 де[нь] пришли в Якутцкой из Албазинского острогу албазинские пашенные кр(е)стьяне Васка Микифоров Карпунка Григорьев Ондрюшка Семенов промышленной ч(е)л(о)в(е)к Якунка Фомин и в приказной избе генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову подали отписку от албазинского воеводы от Алексея Толбазина. Да они ж подали письмо албазинского служилого ч(е)л(о)в(е)ка Омельки Дмитриева которой был в полону в Богдойском г(о)с(у)д(а)рстве и писал к якутцким служилым людям как он был в полону.

И того ж числа генерал и воевода Матвей Осипович Кровков велел тех албазинских пашенных кр(е)стьян и промышленного ч(е)л(о)в(е)ка Васку Микифорова с товарищи росписать как под Албазинской острог пришли неприятельские богдойские воинские люди и с каким городовым приступным огненным боем и сколько тысяч ч(е)л(о)в(е)ков по смете было и сколько водяным путем и на скольких бусах и горною дорогою на конех и каким обычаем Албазинской острог взяли

и сколько русских людей и ясырю в полон взяли и сколько убили и каким обычаем воеводу Алексея Толбазина из Олбазинского отпустили и сколько ч(е)л(о)в(е)к служилых людей с ним отпущено и куды и в кои города он Алексей отпущен и был ли он Алексей и служилые люди у богдойских людей в полону и албазинской казак Омелька Дмитриев (Л.166) где писал письмо к якутцким служи лым людям и откуды послал с ними и кому в Якутцком именем велел то письмо отдать.

И Васка Микифоров с товарищи в роспросе сказали. В н(ы)нешнем во 193-м году июня в 24-м числе под Албазинской острог пришли неприятельские богдойские воинские люди в половина дни водяным путем на бусах. А бус де будет со сто. А на тех бусах было богдойских воинских людей тысяч с пять и больши. А на всякой де бусе чают ч(е)л(о)в(е)к по пятидесят(и) и больши. Да на тех же бусах было пушек больших и малых ста с полтретья да мелко-ва ружья было ста с три. А конные силы богдойских же воинских людей было тысяч с восемь и больши. И у тех де окольных богдойских людей

збруя была на всех латы. А бой у них ручной. А у тех богдойских воинских людей начальных людей по их назвищу было четыре боярина да двадцать воевод. А в тех воеводах были воеводами изменники русские люди Гришка Мыльник Федка Петров которые изменили в прошлом во 192-м году и иные русские люди изменники были ж. И преж приступу те богдойские начальные люди от себя в Албазин присылали к воеводе к Алексею Толбазину лист за печатью с ызменики с рускими людьми з Ганкою Ситником с Федкою Петровым с Васкою Родионовым Бесом. И их де он Алексей расспрашивал. И после роспросу Федку Петрова пытал и с пытки говорил: как де богдойские люди учнут приступать к острогу и ему де (Л.167) в то время острог зажигать. И он Алексей ево Федку хотел казнить. И как де уча-ли приступать богдойские люди к острогу и после де того как богдойские воинские люди взяли Албазинской острог и ево де Федьку те богдойские люди ис колоды выпустили и взяли к себе. И богдойские начальные начальные люди учинили ево Федку по своей вере боярином.

И жили те богдойские воинские люди под Албазинским десять дней. И в те дни делали они щиты и туры плетеные. А воевода де Алексей Толбазин с служилыми людьми в то время делали в остроге крепь. Зделали другую стену и засыпали

промеж стен землею. И зделав щиты и туры после Петрова дни те богдойские люди приступали к острожку и стреляли ис пушек. А пушки у них были проломные стенобитные мерою сажени по две и по полторы. А иные полковые по сажене и меньши. И сами под острог подошли и пушки подвели под острожные пот три стены. А стояли от острогу сажени в полутаресте. И бой у них был один день с утра до вечера и пушечные ядра сквозь острог проходили. И ц(е)рковь Б(о)жию и г(о)с(у)д(а)р(е)вы житничные хлебные анбары сквозь пушками пробивали. И пуш-цали на острог и на ц(е)рковь и на дворы огненные стрелы. А те стрелы длиною по полтара и по два и по полтретья аршина. И стреляют теми стрелами ис станку. И теми огненными стрелами острог и ц(е)рковь Б(о)жию и дворы тутошных жилетцких людей зажгли.

А в том Албазин(Л.168)ском остроге снаряду было три пушки. А у тех трех пушек было четыре ядра. А ратных служилых и промышленных людей и пашенных кр(е)стьян было четыре ста пятьдесят ч(е)л(о)в(е)к. А у тех ратных людей ружья было у двусот ч(е)л(о)в(е)к а у достальных у промышленных людей и у пашенных кр(е)стьян ружья и поро-ху и свинцу не было. А в г(о)с(у)д(а)р(е)ве казне было зелья пуда с три да свинцу пуда з два. И то зелья и свинец роздан был ратным людям. А

ружья и зелья и свинцу в г(о)с(у)д(а) р(е)ве казне для осадного времени не было де ничего. И воевода Алексей Толбазин видя от тех неприятельских воинских людей разоренье что острог изстреляли и служилых людей многих побили больши ста ч(е)л(о)в(е)к и у большой пушки ядром дуло розшибли и огненными стрелами острог и ц(е)рковь зажгли послал из острожку дву ч(е)л(о)в(е)к к служилым людям Ивашка Семенова Васку Захарова к тем богдойским начальным людям переговаривать. А для какова де переговору он Алексей их послал того де они не ведают. И те казаки Ивашко и Васка от тех богдойских людей назад в острог пришли и сказали ему Алексею и всяких чинов служилым и промышленным людям и пашеным крестьянам: богдойские де начальные люди говорили им Ивашку и Васке будет де ваш воевода и все ратные люди острог им здадут и сами приклонятца их богдойскому ц(а)рю по своей воли хто похочет к нему итти и их де богдойской ц(а)рь тех русских людей пожалует своим многим жалованьем. А которые де люди к их (Л.169) богдойскому ц(а)рю итти не похотят и тех де людей отпустит к своему ц(а)рю. А у их де богдойскова ц(а)ря невольников никою нет. И воевода Алексей тех же служилых людей Ивашку и Васку посылал к богдойским же начальным людям после того на розговор дважды и просил

сроку на три дни. И те богдойские люди не дали им сроку ни на один день. И пришед те ж их посыльщики Ивашко и Васка воеводе Алексею и всем¹ ратным людям сказали: говорили де им Ивашку и Васке богдойские начальные люди будет де ваш воевода Алексей и ратные люди не здадутся и мы де вас всех побьем. И видя воевода Алексей с служилыми людьми от тех богдойских воинских людей разоренье великое и убойства и острога не отстояти и всем побитым бытии вышел из острогу к ним на розговор. И богдойские де начальные люди ево Алексея и служилых людей к себе в таборы взяли и призывали ево Алексея и служилых людей также что они к их богдойскому ц(а)рю приклонились а их де богдойской ц(а)рь всех будет жаловать. И он де Алексей со многими служилыми людьми тем богдойским начальным отказал что де он Алексей с служилыми людьми их богдойскому ц(а)рю служить не будет а отпустили б ево Алексея с служилыми людьми к своим г(о)с(у)д(а)рем в Российское г(о)с(у)д(а)рство. И был он Алексей с служилыми людьми у тех богдойских воинских людей часа с три или с четыре после полудни и богдойские начальные люди ис полону ево Алексея с служилыми и с промышленными людьми и с пашенными кр(е)стьяны ч(е)л(о)в(е)ков ста с полчетверта отпустили. И говорили де ему Алек-

сею богдойские на(Л.170)чальные люди толмачами рускими людьми изменники поди де ты с служилыми людьми на Ле[ну] в Якутцкой а в Нерчинской не ходи. А будет де ты пойдешь в Нерчинской и тебя де с служилыми людьми в Нерчинском убьют. А под Нерчинской де и под Яравну и под Телембу и под Селенгу по Байкал море богдойских воинских людей и мунгал горою пошло больши дватцати тысяч конниц и им де те острожки все очистить и рубеж учинить по Байкал море. А другой рубеж учинить им по Якутцкой острог. И о том де с великими г(о)с(у)д(а)ри у них богдойского ц(а)ря будет послованья. А бес поспослованья то дело не будет. И как из Олбазинског(о) воеводу Алексея Толбозина с служилыми людьми богдойсике люди отпустили и он Алексей с служилыми людьми пошел вверх по Амуру в стругах лехких. И шли вверх по Амуру до усть Урки речки до Перелешины заимки пять дней. И с усть Амура реки пошел он Алексей да с ним всяких чинов людей з двести с тритцать ч(е)л(о)в(е)к вверх по Амуру реке в Нерчинской острог. А достальных албазинских полонных черного попа Гермогена да белого попа Федора Иванова да с ними служилых и промышленных людей и пашенных кр(е)стьян сто девятнатцать ч(е)л(о)в(е)ков по их челобитью для хлебной скудости чтоб им всем голодною смертию не

помереть отпустил с Амура реки с усть Урки речки в Якутцкой. И шли де они Васка с албазинскими служилыми людьми вверх по Урке речке пешею ногою перенимаясь с мысу на мыс и через камень девять дн[ей]. И вышли на вершины Нюгзи реки и стояли они на той Нюгзе реке на одном месте (Л.171) восемь дней делали струги. А стругового лесу в том месте много. И в том де лесу суды делать мочно. И зделав струги плыли по Нюгзе реке на угреб днем и ночью нигде к берегу не приставая и выплыли на Олекму реку в пять дней. И по Олекме реке приплыли в Усть-Олекминской острожек на угреб же в пять дней. А по ночам боясь порогов и шивер стояли у берегу. А в то время по Олекме реке вода была малая. А как бы в Олекме реке вода была большая и мочно б с усть Нюгзи реки Олекмою рекою выплыть в Олекомской острожек в сутки. А с усть Олекмы реки вниз по Лене реке до Якутцкого плыли четыре дни. Да сверх того стояли за погодую два дни.

Да ево ж Алексеева полку албазинские приказные избы подьячей Петрушка Хмелев да служилые лутчие домовные люди Ивашка Семенов Васка Захаров которые ходили на розговор к богдойским людем от воеводы от Алексея Толбазина да служилые ж люди Артюшка Семенов з братьями с Филкою да с Макаром Богдашка Козмин да брат

ево Федотко Карпунка Семенов Шингал Федка Крюк Пашко Шихирдин Кирилко Кабаков Игнашко Иванов Сенка Иванов Гришка Дмитриев Федка Денисов Стенка Колмак Стенка Голой Васка Клуша Ивашко Далная примета Васка Шатриков а иных людей имян их не упомнят а чаят де по смете ч(е)л(о)в(е)к с пятьдесят и больши забыв Б(о)га (Л.172) и великих г(о)с(у)д(а)рей кр(е)стное целованье великим г(о)с(у)д(а)рем изменили передались богдойским людем своею волею и поревновали прелесным их словам. А в Олбазинском де что было г(о)с(у)д(а)р(е)вы казны пушек и хлебных запасов и воеводы Алексея Толбазина животы и их служилых и промышленных людей и пашенных кр(е)стьян пожитки и хлебные запасы и ружье и порох и свинец и всякой пашенной завод и всякова скота лошадей и кобыл и быков и коров больши дву тысяч те богдойские воинские люди взяли себе. А Албазинской острог и ц(е)рковь и дворы и м(о)н(а)стырь все сожгли. А которые аманаты

были в Албазинском и богдойские люди тех аманатов всех распустили на волю. А сколько ч(е)л(о)в(е)к аманатов в Албазинском было того де они подлинно не ведают. Да те ж богдойские люди взяли в полон в неволю албазинских служилых людей и пашенных кр(е)стьян же их иноземские породы ч(е)л(о)в(е)ков с сорок (Л.173) да детей мужеска и женска полу лет по пяти и по шти и по десяти ч(е)л(о)в(е)ков с шездесят и больши. А они де Васка с товарищи сам четверть с усть Олекмы реки пришли с отписки в Якутцкой. А достальные их товарищи сто семнатцать ч(е)л(о)в(е)к с усть Олекмы реки пошли вверх по Лене реке на заимки для покормления. А письмо к Якутцким служилым людем писал с усть Олекмы реки албазинской казак Омелька Дмитриев и послал с ними в Якутцкой и велел то письмо отдать в Якутцком якутцким жителем. А он де Омелька послан к великим г(о)с(у)д(а)рем к Москве с отписки от воеводы от Алексея Толбазина.

По оборотам листов 166 – 172. имеется скрепа: К сему роспросу вместо Албазинских 2 пашеных крестьян Васки Никифорова Карпуньки Григорьева Андрюшки Семенова и вместо промышленного ч(е)л(о)в(е)ка Якунки Фомина по их велению казак Афонька Истомин руку приложил.

РГАДА Ф. 214, ст. 973, л. 166 – 173.

Примечания:

¹ В тексте документа слова :«и всем» написаны дважды.

² В тексте скрепы слово :«пашенных» написаны дважды.

Полный текст документа публикуется впервые.

Частично опубликована: **Красноштанов Г.Б.** Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. — Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 249 — 256.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита, с заменой, вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Текст документа подготовил к публикации – В. Трухин, 2019.

◆

№ 91

1685 г., в августе. – Отписка царю Енисейского воеводы князя Константина Щербатова, о неприязненных действиях Китайцев и Монголов, о недостатке в Ени-[121]сейске ратных людей и военных запасов и о невозможности по этому оказать помощь Даурским острогам, и пр.

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, холопи ваши Костка Щербатой с товарищи челом бьют. В нынешнем, государи,

во 193 году, июня в 30 день, явились в Енисейску в приказной избе Албазинского острогу промышленные люди Гришка Козмин сын Долгополов, Афонка Прокопьев сын Зыков, и подали они нам холопям вашим в приказной избе отписку к вам великим Государем из Албазинского от воеводы Алексея Толбузина. И мы холопи ваши ту отписку распечатали и чли; а в той, государи, отписке пишет он Алексей к вам великим Государем о приходе под Албазинской острог воинских Китайских людей. Да к нам холопям вашим в Енисейск о том же писал он Алексей в отписке с ними ж Гришкою и Офонкою. Да он же Алексей писал к нам холопям вашим, что отогнали Богдойские неприятельские люди из под Албазинского острогу из выгону конной лошадиной табун; а послать де в погоню за ними, за малолюдством, некого и не на чем. Да с ними ж Гришкою и Офонкою писал к нам холопям вашим о том же из Нерчинского острогу столник и воевода Иван Власов, а к нему писал из Олбазинского Алексей Толбузин. Да он же Иван писал к нам холопям вашим в той же отписке: которые новоприборные казаки посланы из Енисейска с Енисейским сыном боярским с Афонасьем Бойтоном, и он де Афонасей с теми новоприборными казаки в Нерчинской июня по 20 число не бывал, и послать де ему Ивану в Олбазинской к Алек-

сею Толбузину, за малолюдством, из Нерчинского на выручку некого. Да июня ж де, государи, в 14 день, писал к нему Ивану из Албазинского острогу десятник казачей Василей Записин, а в отписке его написано: сказывал де ему Василью ясачных иноземцов Тотонконского роду, имянем Бояр: ездили де его улусные люди за своими отгонными лошадми на Наун к Китайским людям, а на Науне де собрано воинских людей, 8900 человек, а говорят де они, что итти на службу, а про то де они не ведают, куда будет посылка. А в прошлом де, государи, во 192 году, от Наунских сел к Аргунскому острогу через леса прочищена дорога не малая. Да августа, государи, в 3 день писал к нам холопям вашим из Албазинского воевода Алексей Толбузин с Албазинским казаком с Левкою Дмитриевым и прислал три листа руским, да латынским, да мугалским писмом писаны, а запечатаны назади листов красками красными, а по печатям писано теми ж красками, которые листы привезли к нему Алексею в Олбазинской острог из Олбазинского уезду из Погадаевы деревни с бус Богдойского царя от воевод полоняники руские промышленные люди Федка Телной, Ганка Дмитриев сын Ситник.

Да того ж, государи, августа 5 числа явились в Енисейску выходцы из Китайского государства, Албазинские казаки: Екимко Иванов

сын Лебедев, Евдокимко Семенов, да промышленной человек Максимко Фомин, а в приказной избе подали они нам холопам вашим, от Китайского богдохана 6 листов: 2 листа русского, да 2 листа латынского, да 2 листа мугалского писма, да от полоняника от Стенки Козмина к отцу его и к матери грамотку. Да с ними ж Екимком с товарищи писал к нам холопам вашим из Селенгинского острогу приказной человек, Енисейской сын боярской Иван Поршеников: в нынешнем де во 193 году, июля в 10 день, присланы из Китайского государ-[122]ства в Селенгинск те вышеписанные Русские полоняники Албазинские служилые люди, промышленной человек Екимко Иванов с товарищи, три человека, с листами через Мугалскую землю; а Мугалской де Очирой кан и Кутухта прислали тех полоняников с листами в Селенгинск с своими нарочными посылчики с зайсаном с Бохолдоем; и он де Иван тех полоняников, Албазинских служилых людей, и листы у него Бохолдая Зайсана принял и послал к нам холопам вашим в Енисейск. А под Селенгинской де, государи, острог приезжают Мугалские люди безпрестани по штидесят и по сту человек, и из под Селенгинского де и из под Удинского острогу и из под займок лошадей и животных отгоняют и людей стреляют. А слышат де они Мугалские люди, что пошла Богдойская сила

на ваши великих государей остроги войною; и они де Мугалские люди на Селенгинской и на Удинской остроги и на уезды и на ясашных людей вымышляют то ж зло; и он де Иван живет в Селенгинском с великим опасением и с крепкими караулы. Да в нынешнем же, государи, во 193 году, в розных месяцах и числах, писали к нам холопам вашим: Енисейского розряду из Иркутского писмянной голова столник Леонтей Кислянской, из Селенгинского сын боярской Иван Поршеников, из Брацкого Самойло Лисовской вестовые отписки про неприятельских воинских людей; и против тех, государи, их вестовых отписок писать к вам великим Государем, за бумажною скудостью, нам холопам вашим отписок не на чем: в вашей великих государей казне и у торговых людей ни у кого бумаги нет и купить не у кого, и за тою, государи, скудостью бумажною, послали мы холопи ваши к вам великим Государем с сею отпискою против трех вестовых отписок. А что, государи, писал к вам великим Государем к Москве и к нам холопом вашим в Енисейск столник и воевода Иван Власов о присылке в Даурские остроги ратных людей, и пушек, и пищалей, и пороху, и свинцу, и нам холопам вашим послать из Енисейска ратных людей, за конешным малолюдством, некого, и пушек и ружья и пороху и свинцу нечего, толко, государи, в

Енисейску наряду за посылками 4 пушки медные; а пороху, государи, в остатке толко 33 пуда 31 гривенка, 53 пуда 19 гривенок с полу-гривенкою свинцу. А которые новоприборные казаки посланы из Тоболска в Даурские остроги в прошлом во 192 году, и те новоприборные казаки Митка Дылынин с товарищи зимовали, и ваша великих государей пороховая и свинцовая казна и пушки оставались с ними в Енисейском уезде на Тунгуске реке в Пинчюской деревне; а пошли те новоприборные казаки из-за морозов в Даурские остроги,

и пушки и порох и свинец повезли в нынешнем во 193 году, весною; Албазинские казаки, которые посланы ныне к вам великим Государем к Москве с вестовыми отписки, встретили их новоприборных казаков под Иркутским острогом. А которые, государи, Китайские листы и на плате Мунгалское письмо послали мы холопи ваши к вам великим Государем к Москве, и на то, государи, письмо в Енисейску и в Енисейском в розряде в острогах переводчика нет, перевесть некому.

Из рукописи под заглавием: Списки Енисейской архивы (часть 3-я, в лист, на 391 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1872г, т.XII, СПб., № 16, с. 120–122.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 92

**1685 г. в августе. – Предписание Нерчинского Воеводы Власова
Поручику и Казачьему Голове Афонасью Бейтону.**

Лета 7193 (1685) Августа в.... день по Государевым Царевым Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцов Указам память ратных людей Голове Афонасью Ивановичу Бейтону в нынешнем во 193 году Августа в день по челобитью Албазинских служилых людей послан ты из Нерчинска на службу Великих Государей на Амур в Албазинской уезд с Воеводой Алексеем Толбузиным, а велено ему Алексею на Амуре на левой стороне ниже старого Албазинского острогу, или где пристойно, город или острог поставить, чтоб безстрашно было служимым и

всяких чинов людям и пашенным крестьянам с поль насеенной хлеб снять и впредь бы Великих Государей десятинная пашня и служилых и всяких чинов людей своя пахота необронить и как милосердый Бог помощи подаст-город, или острог поставлен бу-[171]дет и тот город или острог велено ему Алексею Ларионовичу до Указу Великих Государей служилых и всяких чинов людей ведать по наказу, какой ему дан наказ на Москве, и как он Алексей Ларионович на Амур реку с ратными людьми придет и тебеб быть у него Алексея в послушании ратном.

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 18, с. 170–171. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 93

**1685 г. августа 6. – Выписка из журнала по прошению
Албазинского казака Мартынова.**

7193 [1685] года Августа 6 дня по Государевым Царевым и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцев Указу Стольнику и Воеводе Ивану Остафьевичу Власову Июня в 28 день на встрече из Нерчинска вниз по Шильке по реке повыше бойца камня на стану перед Воеводою перед Алексеем [165] Ларионовичем Толбузиным Албазинской казак Ивашка Мартынов сказал: в прошлом де во 190 году послан де был он Ивашка с товарищи из Албазинска к Великим Государем к Москве с ясашною и десятинною Великих Государей соболиною казною и по их челобитью послано с Москвы и из Енисейска с ним Ивашкой с товарищи Великих Государей жалованья денег и сукон Албазинским служилым людям и с тою Великих Государей казною товарищ ево Ивашков Албазинской же казак Ивашко Блокопытов остался в Нерчинске, а на которой год Великих Государей жалованье деньги и сукна им служилым людям велено давать и о том Указ Великих Государей прислан в Нерчинск к Стольнику и Воеводе Ивану Остафьевичу, а в Албазин де к Воеводе Алексею Ла-

рионовичу Толбузину Указ Великих Государей о раздаче того жалованья с ним Ивашком не послано, и били челом Великим Государем Царем и Великим Князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцам, а в Нерчинску Алексею Ларионовичу Толбузину Албазинские служилые люди десятники казачьи Петрушка Исаков с товарищи и все родовые¹ казаки всево 111 чел., в том числе 12 человек, которые в 191 и 192 го-[166]дах были на службе Великих Государей на Быстрой и на Хамуне реках с Албазинским же казаком с Гаврилом Фроловым, в словесном своем челобитье сказали: в нынешнем во 195 году Июня 12 дня пришли под Албазинской острог неприятельские Богдойские воинские люди на бусах водою и на конях горою со всяким огненным городовым и простым боем и Албазинской острог взяли, а убили воинских и всяких чинов людей человек до ста и более и их служилых людей по договору отпустили в Государские города, а животы их и хлебные запасы пограбили все без остатку, и шли де они служилые люди дорогою с женами и детьми пешие с великою

нужею и питались травою и кореньем и ныне помирают голодною смертию, а запасу им служилым людям на пропитание купить нечем, и чтоб Великие Государи их пожаловали для раззоренья и голоду велели бы то Государское жалованье, день-

ги и сукна и всякие товары, которые посланы с Албазинским казаком с Ивашком Мартыновым им служилым людям выдать кому почом за прошлые годы доведетца.

Примечания:

¹ Так в тексте книги, должно быть «рядовые» Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 14, с. 164–166. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 94

1685 г. не ранее августа 6. – Донесение Телембинского Прикащика Григорья Лоншакова Нерчинскому Воеводе Власову.

Великих Государей Стольнику и Воеводе Ивану Остафьевичу Гришка Лоншаков челом бьет. Ведомо чиню в нынешнем во 193 году Августа 6 дня приехали их¹ Удинского остро-

гу в Телембинской промышленные люди Сенька Леонтьев с товарищи, сказали, что в Июле из Селенгинского острогу приплыли в Ильинскую слободу на заимку Албазинского

острогу служилые люди Еким Иванов с товарищи три человека, и сказывал де он Еким, что взят был он на короване с Григорьем Мыльниковым, а ныне де нас троих послал Богдойской Царь из Китайского к Великим Государем к Москве и послал де с нами лист Богдойской, а писал де тот лист на три языка по Богдойские, по Мунгальские и по Русские, а послал де Богдойской Царь к Москве Послов со своими листами на четыре дороги все Русских людей,

да и в Якуцкой послал трех человек, в Тобольск де послал чрез Калмыцкую землю трех человек, и в Албазин послал трех же человек и через Мунгальскую землю мимо Кутухту в Селенгинской город к Москве де послан язь Якимко [168] в троем, а сказывает де он Екимко, что писано в листу о том, чтоб быть рубежу по Лене и по Енисейскому и будут де Богдойския силы под Нерчинской и под Селенгинской с пушками и снаряды многими.

Примечания:

¹ Так в тексте книги, должно быть «из». Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 15, с. 167–168. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 95

**1685г. ранее августа 14. – Челобитная новоприборных казаков
Иркутского острога о выдаче им жалованья на 192 год (Из
дела о выдаче хлебного, соляного и денежного жалованья
новоповерстанным в Иркутский острог казакам).**

Царем, государем и великим
князем Иоанну Алексеевичю, Петру
Алексеевичю всеа Великия и Ма-
лая, и Белыя Росии самодержцем
бьют челом холопи ваши, Иркутско-
го острогу новоприборные казаки

Ивашко Васильев

Офонка Семенов

Васка Иванов Каргопол

Мишка Леонтьев Уральской

Ивашко Иванов Сосеткин

Гришка Максимов вычегжанин

Гараска Иванов Сорокин

Петрушка Федоров Лязгиных.

В нынешнем, великие государи,
в 192 году по вашему, великих госу-
дарей, указу приверстаны мы, холо-
пи ваши, по Иркутскому острогу в
вашу, великих государей, в пешую
казачью службу, а вашим, великих
государей, денежным и соляным, и
хлебным жалованьем не пожалова-
ны ...

Пожалуйте нас, холопей своих,
своим великих государей денежным
и соляным, и хлебным жалованьем
впредь на 192 год.

Приговор:

192 году августа в 14 день вели-
кие государи пожаловали их, Иваш-
ка Васильева с товарищи: велели
свое, великих государей, жалованья
выдать для иркуцких и тункинских
служеб денежное, соляное и хлеб-
ное на 193 [1684–1685] год с роспи-
скою противу государевой грамоты
и Енисейска до указа. А росписа[т]
ца им велеть всяко[му] пот своим
именем порознь.

Рукоприкладства:

Мишка Уральской руку прило-
жил.

Гришка Максимов руку прило-
жил.

К сей челобитной вместо Иваш-
ка Васильева, Афоньки Семенова,
Васки Иванова, Ивашки Иванова по
их веленью площадной Ивашко Ни-
кифоров руку приложил.

Вместо Гаски Иванова, Петруш-
ки Федорова по их велению алба-
зинской казак Васка Семенов Ша-
дрин руку приложил.

РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 105. Л. 90–90 об.

Воспроизводится по:

Ю.П. Лыхин. *Лыхины на реке Илим. сборник статей «Не забывайте рода своего...».* Иркут. о-во «Родословие» Иркутск : Репроцентр А1, 2015. С. 243–244.

№ 96

1685 г. не ранее декабря 1. – Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова к Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову о положении дел после взятия Китайцами Албазина и о принятых им мерах к постройке нового города или острога на реке Амуре.

Господину князю Костянтину Осиповичю Иван Власов челом бьет. В прошлом во 193 году, июля в 28 день и августа в день писал я к тебе, господине: Китайские воинские люди Албазинской острог взяли, а воевода Алексей Толбузин с служилыми и всяких чинов людьми пришел в Нерчинской; и Албазинские служилые и промышленные люди и пашенные крестьяне били челом великим государем, а мне, господине, говорили непрестанно, чтоб их из Нерчинска, отпустить, для их разоренья, в хлебное место; и я, опасаясь великих государей

гневу и опалы на себя и чтоб не потерять государственной Даурской земли и победной из Нерчинска славы не учинить, через Камень в Удинской острог их не отпустил. И посылал из Нерчинска Нерчинских конных казаков, десятника Якушка Телицына с товарищи, вниз по Шилке реке в пяти легких стругах, а велел им итти до тех мест, где встретят неприятельских Китайских людей, чтоб для всяких ведомостей языков добитца о их неприятельских замыслах. И Якушка Телицын с товарищи, приехав в Нерчинск, и привезли с собою Никанской породы мужика, а пере-

до мною он Якушка с товарищи сказал: засееной де хлеб в Албазинском уезде весь цел, а Китайских де воинских людей нигде не видали. И я, не хотя того хлеба засеяного потерять, чтоб было чем ратных людей прокормить и великих государей десятинная пашня и служилым людям и пашенным крестьяном и всяким, присевщиком их пахота и впредь не запустить, и служилых и всяких жилецких людей и пашенных крестьян с женами и с детьми врознь не распустить, и как, по указу великих государей, будут присланы ратные люди на оборону Даурской земли, было бы к чему им пристать,—и для обе-режи того хлеба послал с ратными людьми (казачья) голову Афонася Байтона, которой прислан из Енисейска, чтоб Китайские или Мунгалские воровские люди пришед и того хлеба не потолочили и не пожгли. И прося у [253] всемогущаго Бога помощи, надеясь на государские праведные молитвы, для съему того хлеба и для поселения отпустил из Нерчинска Албазинских служилых и жилецких всяких чинов людей и пашенных крестьян в прошлом во 193 году в августе месяце в разных числах; а по челобитью Албазинских служилых людей, отпустил с ними прежнего Албазинского воеводу Алексея Толбузина, а с ним новоприборных ратных людей. А велел я ему Алексею с ратными людьми до места, где был Албазинской, и до

нижних Албазинского уезду заимок ехать наспех, не мешкав нигде ни часу, а приехав в Албазинской уезд велел учинить хотя малую крепость, где пристойно, и из-за той крепости хлеб с поль сымать, не испустя времени, за крепкими отезжими караулы, чтоб неприятелские люди, пришед изгоном, над служилыми и работными людьми какой порухи не учинили; а сняв с поль хлеб, велел я ему Алексею по Амуру вниз на левой стороне, высмотря крепкое угожее место, чтоб близь воды и лесу, острог или город поставить, и чтоб было мочно в том остроге или городе, для осадного времени, колодезь выкопать; а острог велел строить со всякими городовыми укреплениями, ниже старого Албазинского острожного места, чтоб неприятелю было не в уступку. И как милосердый Бог помощи подаст, в каких местех острог или город поставлен будет, и сколь далеко от старого Албазинского острожного места, и что около того новопоставленного острогу или городу учинено будет всяких крепостей, и тому всему велел я ему Алексею учинить образец дровяной или чертеж, и тот образец или чертеж послать к великим государем к Москве в Сибирской Приказ. И в нынешнем, господине, во 194 году, ноября в 18 день, писал ко мне в Нерчинск он Алексей, а в отписке его написано: в прошлом де во 193 году августа в 27 день пришел де

он Алексей на Амур реку на разореное место, где был Албазинской острог, с новоприборными и Албазинскими старыми служилыми людьми, и засееной де всякой хлеб сняли; а вверх и вниз по Амуру реке в дальних деревнях снять не успели, потому что де время опоздало; и в нынешнем во 194 году на старом Албазинском острожном месте, где был Албазинской острог, сделал де земельного города в вышину полторы сажени печатных, да в ширину де тот город 4 сажени же печатных, а выше де того ныне сделать города не успели, потому что время опоздало, земля замерзла; а по каким де образом земляной город велел он Алексей делать, и таков образец послал он к великим государем к Москве. И я к нему Алексею писал, чтоб он Алексей великим государем служил службу свою и радение показал, и прежних Албазинских ясашных иноземцов под государскую высокую руку в ясашной платеж призывал, и аманатов бы с них взял, и государскою милостью их иноземцов обнадежил, и жили б оне иноземцы под Албазинским на прежних своих породных землях безо всякого сомнения, и промыслы свои промышляли и ясаку бы с себя платили в Албазинской по прежнему. Да ему ж Алексею велел я, господине, посмотреть, чтоб в Албазинском всяких чинов люди хлеб сеели перед прежним с прибылью, а пашенные

бы крестьяне десятинную пашню пахали и хлеб сеели не испустя времени, и свои б крестьянские пашни пахали неоплошно, чтоб было чем и прибавочным ратным людям прокормитца. А для городского дела и заводу пашенных крестьян, на косы и серпы и на позники железа вскоре послать мне нечего, потому что в Нерчинску в казне великих государей и на гостине дворе в продаже прутowego и кричного железа нет; и о [254] железе писал я в Теленбинск к прикащику Григорью Лонщакову. А в Албазинску, господине, служилых и всяких чинов людей и пашенных крестьян с ним Алексеем 669 человек; наряду 5 пушек медных, 3 пищали затинных, наличного 30 пуд пороху, 30 пуд свинцу; и к тем ратным людям в прибавку послал я из Нерчинска новоприборных ратных 8 человек Албазинских; а служилых людей больше того из Нерчинска в Албазин, за малолюдством, послать мне некого. А которые новоприборные ратные люди с казною великих государей, с нарядом, с пушками и с порохом и свинцом оставались в заморозах на дощаниках, пятидесятник Митка Дыдыкин с товарищи, и те ратные люди нынешним зимним путем с снарядом дошли до Еравинского острогу, а в Нерчинску того снаряду до водяного пути перевезть не могли; а которого времени те служилые люди из Яравинского с пушками и с пушечными припа-

сы в Нерчинск придут, и из тех служилых людей и пушек и пороху и свинцу в Албазин к Алексею Толбузину пошлю я тотчас. А городской Албазинской деревянной образец и служилых людей, которые посланы с тем образцом из Албазина к вели-

ким государем к Москве и к тебе, господине, в Енисейск отпустил я из Нерчинска декабря в день, и об отпуске из Енисейска к великим государем к Москве с тем образцом велел я им Гришке с товарищи бить челом тебе, господине, в Енисейску.

Из рукописи, содержащей в себе списки актов Нерчинского архива (в лист, на 204. л.) принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр.252–254.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 97

**1685 г. декабря 11–1687 г. июля 17. – (Датируется временем выдачи наказной памяти посланцам и возвращения их в Москву).
– Статейный список посольства подъячих Н. Д. Венюкова и
И. Фаворова в Цинскую империю**

/л. 1/ Лета 7194-го декабря в 11 день великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малые и Белыя Росии самодержцы, указали Государственного Посольского приказу подъячим Никифору Ве-

нюкову да Ивану Фаворову¹ ехать с своею великих государей грамотою х китайскому хану в гонцах.

[26] А об отпуске их ис Тобольска и из Енисейка чрез Селенгинской острог и о даче /л. 1 об./ им великих государей жалованья и

хлебных запасов и вина, и о толмаче и казаках посланы с ними, Никифором и Иваном, великих государей 2 грамоты из Сибирского приказа. Да им же, Никифору и Ивану, о пропуске и о вспоможении дана великих государей грамота (См. док. 1685 г. декабря 13. – Грамота царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича монгольскому Тушету-хану Чихунь Доржи о пропуске через его улусы в Цинскую империю посланников Н. Д. Венюкова и И. Фаворова) к мунгальскому Очирою Сайн-хану. Да с ними ж, Никифором и Иваном, по/л. 2/слал царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя, ближнего боярина и наместника новгородцкого князя Василья Васильевича Голицына² китайского хана к полковому воеводе к Пунгехену³ с товарищи дружелюбной лист.

Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, и у великой государыни, благоверной царевны и великие /л. 2 об./ княжны Софии Алексеевны у руки были декабря в 6 день. С Москвы поехали декабря в 20 день, в Тоболеск приехали генваря в 14 день. И того же числа боярину и воеводам князю Петру Семеновичю Прозоровскому с товарищи великих государей грамоту подав, говорили, чтоб он, боярин и воевода, по той их великих

государей грамоте дал им толмача и казаков, отпустил в Китайское государство без задержа/л. 3/ния на которые места ближе и податнее.

И боярин и воевода говорил, что путь в Китай податен чрез Тару и Барабинские волости, только он не безопасен для того, что барабинцы многие великим государем ясаку не дают и живут в непослушании, и естли подвод дать не похотят – и оттого учинитца замедление. А безопасен де путь на Сургут и на Нарым, а естли они и на Нарым поедут, то нынешним запоздалым зимним путем до Енисейска /л. 3 об./ за дальним разстоянием никакими меры доехать невозможно для того, что ясачных мужиков по реке Обе для подвод с нартами не сыщут.

И того же числа боярин и воевода князь Петр Семенович ис Тобольска поехал к Москве, а отпуск их приказал товарищу своему стольнику и воеводе князю Борису Сонцову-Засекину. И стольник и воевода послал с Никифором /л. 4/ Венюковым (Слово зачеркнуто, сверху другим почерком написано: и Иваном) 2-х человек казаков да толмача Потапка Мисаилова и отпустил чрез Тару и Барабинские волости на Томской генваря в 21 день. И о том ис Тобольска к великим государем Никифор и Иван писали.

На Тару приехали генваря в 28 день. А в то же время приехали на Тару же с ясаком Барабинских во-

лостей ясачные люди ясаул Утеняк с товарищи. И стольник и воевода Карп Федоров сын Павлов, призвав ясаула и объявля Никифора /л. 4 об./ и Ивана, говорил, что по указу великих государей посланы они, Никифор и Иван, великих государей з грамотою х китайскому хану наскоро. И чтоб он, ясаул, о проезде их чрез Барабинские волости послал с ведомостью, также б послал с ними для провожания и собрания подвод людей своих, чтоб им в дороге никакова задержания и в подводах мешкоты не было.

И ясаул говорил, что де им, Никифору и Ивану, за великими снегами ехать чрез Барабинские волости никоими /л. 5/ меры невозможно, да и подвод

[27] барабинцы для великих снегов не дадут. А хотя де с Тары чрез Барабинские волости и поедут, и будут в волости Ялымской у князца Бучкака, и буде князец Бучкак подводы им даст малое число, то де и во всей Барабе, хотя от снегов путь будет и нужен, давать станут, только надобно в Барабе и в Терене знатным людям и ясаулом, а наипаче князцам Каиму и Байкише учинить почесть. А как де почесть учинят, то во все волости о принятии и о даче подвод людей своих пошлют. А естли почести никакие /л. 5 об./ не учинят, то и нанять подвод не добудут, и путь будет опасен для того, что многие барабинцы ясаку вели-

ким государем не дают, а дают калмыцким тайшам. А ему де за теми непослушными людьми принять их и провожать невозможно, чтоб за приемом ево над ними какова дурна не учинилось, и чтоб ему от великих государей не получить за то наказания и вечного разорения, и в приеме отказал.

И Никифор и Иван, призвав господа бога /л. 6/ в помощь и поговоря с стольником и воеводою, взяв провожатых тарских 4-х человек служивых людей, с Тары поехали февраля в 1 день.

И февраля же в 3 день приехали в барабинскую Тутучееву волость х князцу Бучкаку. И Бучкак и ясачные люди встретили Никифора и Ивана от волости за полверсты и, призвав ево, князца, говорили, что по указу великих государей послани они, Никифор и Иван, великих государей з грамотою х китайскому хану наскоро, и чтоб он, дав подводы, /л. 6 об./ отпустил без задержания, и о приезде и о собрании подвод послал бы с ведомостью х князцам, х Каиму и к Байкише.

И князец Никифору и Ивану говорил, что он о приезде их и собрании подвод к тем князцам послал еще до приезде их к нему, Бучкаку, а подвод де у него в собрании малое число для того, что об них, Никифоре и Иване, учинилась ему ведомость недавно, и покамест подводы соберет, чтоб в юртах подождали, а

как подводы собраны будут, тогда к ним пришет /л. 7/ и отпустит безо всякого замедления.

Февраля в 5 день прислал к Никифору и к Ивану Бучкак 30 лошадей с нартами и, взяв подводы, того же числа поехали к князю Каиму. А как к Каиму приехали, и Каим в подводах отказал для того, что за великими снегами в Томской чрез Барабу ехать невозможно. И видя Никифор и Иван, что хочет он, Каим, учинить задержание, послали к нему подарки, а как подарки принял, тотчас велел он, Каим, подводы дать и, дав подводы, отпустил без задержания. /л. 7 об./ Да он ж, Каим, послал с ними от себя к Байкише в Теренинские волости улусных своих 2 человека, чтоб и он, Байкиша, и теренинцы, дав подводы, отпустили потому ж без задержания. А как Никифор и Иван приехали к Байкише и в Теренинские волости, и подвод им без подарков не дали же. А естли б подарков им не учинили, то отпуску себе скорого от них не получили⁶. А как ехали Барабинскими и Теренинскими волостями – снега были великие, и за теми снегами кони многие приставали и на дороге пропадали. /л. 8/

Марта в 2 день приехали в Томской и того же числа говорили стольнику и воеводе князю Андрею Михайловичю Кольцову-Масальскому, чтоб он им, Никифору и Ивану, дав по подорожным подводы, отпустил

в Енисейск без задержания.

И стольник и воевода Никифору и Ивану говорил, что ему вскоре подвод собрать невозможно для того, что ясачные люди живут по Обе-реке в дальних [28] местех, а стройного яму в Томском нет. А как подводы собраны будут, и он их отпустит без за/л. 8 об./держания.

И марта в 10 день стольник и воевода прислал к Никифору и к Ивану в подводы 36 человек татар с нартами и с сабаки, да тобольским казаком и толмачю, 14 человек, с нартами же. И тех татар приняв, пошли ис Томского того же числа, и, едучи дорогою к Енисейску рекою Чюлымом, за последним путем шли пеши, а люди их тянули нарты для того, что многие подводчики з дороги бежали и оттого великую нужду и голод терпели. /л. 9/Апреля в 6 день во вторник на Святой неделе⁴ приехали в Енисейск.

И того же числа стольнику и воеводе Степану Афонасьевичю Сабакину, великих государей грамоту подав, говорили, чтоб он по той их великих государей грамоте из Енисейска отпустил без задержания.

И стольник и воевода Никифору и Ивану гворил, что из Енисейска за последним зимним путем отпустить их никоими меры невозможно для того, что санной путь кончился, и речки распалились, /л. 9 об./ и саньми и нартами ехать невозможно, а чтоб они, Никифор и Иван, в Ени-

сейску ожидали, как Енисей и Тунгуска реки ото льду очистятца. А как очистятца, тогда он, стольник и воевода, даст им судно лехкое и кормщика и гребцов, и отпустит из Енисейска без задержания. А хотя де их ныне из Енисейска и отпустить, и таким зимним путем дале Рыбной доехать немочно: и дощаников и судов на Рыбной нет. И оттого учинитца им простой большой для того, что суды за ними посылать из Енисейска же. /л. 10/

Апреля в 30 день река Енисей и Тунгуска ото льду очистилась. И стольник и воевода дал Никифору и Ивану судно да работных людей енисейских казаков 6 человек, да ссыльных 14 человек и отпустил мая в 9 день. А тобольского толмача и служилых людей с ними, Никифором и Иваном, не отпустил для того, что в том судне, которое дал им, вместитца было невозможно. А вместо того толмача и служилых людей приказал взять толмача из Селенгинского Тараса Афонасьева. И о том с ними, Никифором и Иваном, в Селенгинской к приказному к Ивану Паршенникову /л. 10 об./ писал.

Мая в 18 день пришли Никифор и Иван на Авсяную шиверу. И на той шивере судно на камень заметало, и сымали судно завозами и иными розными снастями 3 дни. А в 23 день пришли к Кашине шивере и стояли у шиверы за малою водою 4 дни для того, что никогда завозами

не подымаютца, а ожидают пособных ветров. И естли пособных ветров не будет, то стоят дощаниками и с каюками недель по 5 и больши. И видя Никифор /л. 11/ и Иван, что пособных ветров нет, а поднятца никими мерами невозможно, проведав по другую сторону реки Тунгуски и провели судно по другую сторону, по которую никогда дощаников и коюков за быстротою и за великими камнями не проваживали.

Июня в 16 день пришли на Долгой порог. И как судно будет среди порога на большом залавке, и в то время завоз порвался, и судно опрокинуло и розбило, и водою налило, и двери у судна выбило вон. И теми дверьми у Ники/л. 11 об./фора и Ивана пожитки их и рухлядь вынесло вон и быстротою все потонуло, и насилу от такого разбиения Никифор и Иван от утопления, будучи на дощанике, сами спаслися. А которое и осталось, и то от ненасных дней от мочи погнило и оттого пришли в великое разорение. Также и запасы все притонули, а блиско Долгова порога жилых мест нет и по запасы посылали [29] в Братцкой острог к приказщику к Якову Елагину. И Яков Елагин прислал к Никифору и к Ивану из государевых житниц муки 20 пуд. /л. 12/

А великих государей грамоты, которые посланы с ними к китайскому и к мунгальскому к Ачирою ханом, сыскали в судне все в цело-

сти, потому что те великих государей грамоты были во особом сундучке и оберчены в платно, облитое воском. И стояли на пороге, добывая и починивая судно, 5 дней.

Июля в 12 день пришли в-Ыркуцкой и, взяв в-Ыркуцком судно легкое, которое годилось к морскому ходу, а прежнее судно оставили в-Ыркуцком для того, что в том судне за море было никоими /л. 12 об./ меры ехать невозможно, потому что то судно все на пороге розбило и на силу в том судне дошли до Иркутского. А как судно в-Ыркуцком взяли, поехали к Байкальскому морю, а как пришли к морю, и у моря за противными ветры стояли 6 дней.

А как противные ветры престали, пошли за море греблями и перешли море в целости.

Июля в 27 день пришли в-Ыльинскую слободу и для скорого поспешения, взяв кони, поехали в Селенгинской /л. 13/ сухим путем, а как оставили в-Ыльинской слободе. И о том о всем к великим государем писали из Ильинской слободы с стрельцами с Мишкою Ивановым да Сидорком Ларионовым.

Августа в 1 день приехали в Селенгинской острог, и селенгинские служилые люди встретили Никифора и Ивана, вышед за город с полверсты с ружьем и з знамены и з барабаны. А прикащик Иван Поршенников с служилыми людьми встретил у города и проводили до

подворья, а как принимали, тогда /л. 13 об./ из ружья стреляли для того, что в то время в Селенгинском было иноземцов много.

Того же числа приказывали Никифор и Иван Селенгинские приказные избы с подьячим с Федором Удачным да с служилым человеком с Федором Внифатьевым к прикащику к Ивану Поршенникову, чтоб им, Никифору и Ивану, велел быть у себя и великих государей указ об отпуске их в Китайское государство у них принял и, дав бы подводы и провожатых, отпустил их без задерж./л. 14/жания. И подьячей и служилой человек, пришед к Никифору и к Ивану, говорили, чтоб они великих государей с указом к приказному шли сами.

И Никифор и Иван, пришед к прикащику, и прикащик, не приняв великих государей указу, говорил им, Никифору и Ивану. – Приказывают де они к нему, Ивану, чтоб ему к ним, Никифору и Ивану, быть и великих государей указ принять, а про нево они или /л. 14 об./ еще не слыхали, что он Селенги-реки и города Селенгинского державец, и учал их бранить и поносить всякими неподобными словами и говорил: желают де они себе из Селенгинского скорого отпуску, а у них де какие нужные дела, знает де он про все хто их и послал – и тово сыскать будет на Москве негде.

И Никифор и Иван Поршенни-

кову говорили, что он говорит такие слова не опамятаваясь, а посланы они от великих государей с их царского /л. 15/ величества грамотою х китайскому хану о великих делах. И вышед от него, Ивана, созвав служилых людей, те ево Ивановы слова говорили. И он, Иван, за ними, Никифором и Иваном, из двора своего вышел же и поносил и бранил паче прежняго. А после того говорили служилые люди, чтоб он, Иван, у них, Никифора и Ивана, великих государей указ принял и им вычел. А как он великих государей указ принял и вычел, и служилые люди говорили, что они великим государем служить ради и провожать их до Китайского рубежа [30] готовы, только де они великих /л. 15 об./ государей жалованьем не пожалованы и в такую дальнюю и нужную посылку поднятца будет, также и коней купить, нечим.

Августа в 2 день призывали Никифор и Иван селенгинских служилых людей и говорили, чтоб они, кому их провожать, выбрали, и на их государскую службу были готовы.

И служилые люди говорили, что де у них для провожанья 30 человек готовы. /л. 16/ Только де надобно им, Никифору и Ивану, послать от себя о поезде своем чрез Мунгалы с ведомостью х Кутухте⁵ для того: естли им приехать без ведомости, а Кутухта и хан дать провожатых не похотят, и оттого великих государей

делу учинитца замедление и в проезде убытки даровые.

И Никифор и Иван того ж числа из Селенгинского х Кутухте и к хану послали толмача Тараса Афонасьева да дву человек служилых людей и наказали с ними Кутухтиным и хановым ближним /л. 16 об./ людям говорить, что по указу великих государей посланы они, Никифор и Иван, х китайскому хану с их царского величества грамотою о великих надобных делах наскоро, а путь их належит чрез их землю, и чтоб он, Кутухта, и хан им, Никифору и Ивану, до Китайского государства дал корм и подводы и провожатых, и чрез свою землю пропустил без задержания. Да и к хану их от царского величества с ними грамота о пропуске и о вспоможении есть же. Августа в 16 день толмач Тарас /л. 17/ Афонасьев в Селенгинской приехал, и говорил. – О чем де они, Никифор и Иван, Кутухтиным и хановым ближним людям с ним, Тарасом, приказывали, и о том он, Тарас, тем ближним людям говорил. И ближние люди то их предложение Кутухте и хану донесли. И Кутухта де и хан и ханов брат Батур-контайшаб, услыша о поезде их в Китай, послали с ним: Кутухта – гичюла своего Лабзона, хан и Батур-контайша – служилых мунгал Боко-кошучю да Чичика Мергеня. /л. 17 об./ Того же числа призывали Никифор и Иван Кутухтина и ханова и брата ево

присланных. И присланные гичюл с товарищи говорили. – Слыша да Кутухта и хан, что великие государи, их царское величество, послали их, Никифора и Ивана, с своею царского величества грамотою х китайскому хану, а путь их належит чрез их Мунгальскую землю и чрез бы землю их проезд им был свободной, и для того де Кутухта и хан ево, гичюла, с товарищи для приему их и прислали, и чтоб он, Никифор, с ними х Кутухте и к хану ехал с не/л. 18/большим людьми. А на чем ему и людем ево ехать, и с ними присланы подводы, потому что де Кутухта и хан при отпуске их поехали на совет⁷, на котором совете все будут ханы и тайши, а китайского хана на тот совет прислан алихамба. А товарищ бы ево Никифоров и служилые люди, также и ево Никифоровы люди, с харчевыми запасы ехали х Кутухтине урге прямою дорогою. А кому их до урги провожать, и с ними от Кутухты и от хана для приему их прислан же. А ему, гичюлу, с товарищи наказано с ним, Никифором, ехать с великим поспе/л. 18 об./шением для того: естли им ехать тихим ходом, то Кутухту и хана вскоре никоими мерами будет доехать невозможно и оттого им, Никифору и Ивану, будет в дороге замедление.

Да гичюл же Никифору говорил. – Х Кутухте и к хану с ним, Никифором, великих государей жалованья прислано ль? И буде прислано,

и то б их государево жалованье он, Никифор, взял с собою, также и от себя б подарки Кутухте и хану и Батур-контайше поднес же. /л. 19/

[31] И Никифор гичюлу говорил, что он, Никифор, с ними х кутухте, взяв их великих государей грамоту, какова послана к хану, поедет, также и товарища своего и служилых людей отпустит. А что он, гичюл, говорил о государеве жалованье Кутухте и хану, и с ними, Никифором и Иваном, великих государей жалованья х Кутухте и к хану ничего не послано, так же и от него, Никифора, Кутухте и хану никаких подарков не будет.

И гичюл говорил. – Говорят де они, Никифор /л. 19 об./ и Иван, что великие государи, их царское величество, с ними своего царского величества жалованья х Кутухте и к хану не послали, и тому де он зело удивляетца для того: кто де х Кутухте и к хану великих государей з грамотами был ни прислан, и с ними от великих государей жалованье присылывано, а ныне де с ними ничего не прислано, также и от себя он, Никифор, никаких подарков не обещает, и чтоб он, Никифор, для скорого себе от Кутухты и от хана отпуску и о провожатых повез с собою от себя подарки. А ему де, Никифору, за те ево подарки /л. 20/ против того Кутухта и хан учинят же, а без подарков бы не ездил. А после того велели привести подводы и привели Никифору 3 верблюда да 5 лошадей.

И Никифор, приняв те верблюды и кони, из Селенгинского поехали х Кутухте и к хану августа в 17 день.

Августа в 22 день приехали в юрты к Ардене-тайше. И тайша прислал к Никифору на корм барана и подводы, /л. 20об./ а в 24 день приехали к Елдену-батуру и от него корм и подводы привели же.

Того ж числа спрашивал Никифор у присланного от Кутухты гичюла Лабзона о приезде х Кутухте от китайского хана посла ево и о чем будет у них совет.

И гичюл говорил. – О чем де будет у них совет, того он не знает, а что, он, гичюл, от Кутухтиных ближних людей /л. 21/ слышал, и то он, гичюл, ему, Никифору, скажет, только б то было скрытно и за то б ему учинил почесть.

И Никифор говорил, что он ему за то почесть учинит.

И гичюл говорил. – Хан де китайской присылал х Кутухте и к хану послов своих многижды и чрез тех послов своих просил у Кутухты и у хана против войск царского величества помочи, и с своей бы стороны /л. 21 об./ на порубежные острожки пошли войною для того: естли де войска московские будут в присылке многие, то им, китайцом, стоять будет против них трудно, и естли какую победу над государством их или хотя над наунскими селами получают, тоде и им, мунгалом, от тех царского величества войск не без

опасения будет, как де и ныне мочно знать, что уже и к ним приближилися и рекою Селенгою овладели. А Кутухта де и хановым послом в том отказал, а говорил, что ему с такими великими государи войны всчать или войсками своими помочь учинить /л. 22/ невозможно для того: естли какую хотя малую помочь им или большую учинить, а поиску над войсками царского величества не получают, тогда им быть от царского величества в разорении и кочевья своего отбыть.

Гичюл же говорил. – Хан де и тайши, чтоб войсками своими хану китайскому учинить помочь, зело склонны, а послать бы ему войска под остроги Селенгинской, Братцкой, Балаганской, и естли де те остроги они разорят, то-де впредь даурским острогам войскам /л. 22 об./ царского величества помочи учинить будет немочно. А Кутухта де, слыша про тот ево ханов и тайш совет, от войны их удерживает и хану велел жить при себе. А ныне де будет у Кутухты и у хана, и у присланного от хана китайского, и у всех тайш совет о той же на [32] войска царского величества помочи. Только де Кутухта им то на совете конечно, чтоб всчать война, не позволит, а желает де, чтоб у хана китайского с царским величеством учинился мир. А хан де войну желает всчать для того, что многие братцкие ево ясачные /л. 23/ люди

перебежали под владение царского величества.

Августа в 24 день приехали к зайсану Будари-табунатту и, пришед к Никифору, гичюл с товарищи говорили. – Сказывал де ему, гичюлу, Будари- зайсан, что сего числа Кутухта и хан покочуют от реки Толы и начевать станут на реке Бате. А до той де речки от зайсана только полднища. И он, гичюл, утре поедет наперед и об ево Никифоре приезде Кутухте и хану возвестит, а он бы, Ники/ л. 23 об./фор, утре ехал же.

Августа в 25 день приехали на стан. И того ж числа присылал хан к Никифору зятя своего Дайчина-тайшу да Эрки Биликту и, пришед, говорили. – О приезде де ево Никифорове хану известно, и хан де приказал великих государей грамоту, которая прислана с ним, взять, и чтоб он, Никифор, тое их царского величества грамоту им отдал, а они ис той их царского величества грамоты, выразумев, хану донесут и от/л. 24/пуск ему учинят.

И Никифор говорил, что ему великих государей грамоту мимо самого хана отдать невозможно, и о том бы они впредь и не упоминались, а велел бы хан ему, Никифору, великих государей з грамотою быть на приезде у себя не мешкая, и в том им отказал.

И хановы присланные говорили, что он, Никифор, великих государей грамоты им не отдает, и о том

они донесут /л. 24 об./ до хана, а какой указ от хана будет, и они, пришед, объявят.

И после того, поноворя с час, приехали к Никифору те же вышепомянутые хановы ближние люди и говорили. – Естли он, Никифор, великих государей грамоты им не отдаст, и хан де приказал им у него, Никифора, царского величества грамоту взять силою. А естли он учинитца им противен и грамоты взять не даст, и хан де велел ему, Никифору, сказать, что поедет он назад в Селенгинской без всякого себе отпуску и подвод и провожатых, также и чрез свою землю в Китай про/ л. 25 /пустить не велит же, и чтоб он, Никифор, великих государей грамоту им отдал без всякого прекословия и отговору.

И Никифор им в том отказал, и грамоты не дал же. И были о том многие споры и, видя, что грамоты им не отдал, от Никифора поехали.

Того же числа приезжал к Никифору тот же вышепомянутой ханов зять, и говорил. – Очирой де хан сего числа покочует на иное место, а ему, /л. 25 об./ Никифору, указал ехать за собою, и на приезде ему великих государей з грамотою быть у себя сего числа укажет, а в которое время, и ему, Никифору, о том сказано будет. И от Никифора отъехали, а оставили прежняго пристава, которой прислан был з гичюлом в острог. И поноворя часа с полтара,

Кутухта и хан с стану покоевали. А как Кутухта и хан покоевали, и пред ними везли 2 знамя лазоревые, а над Кутухтою везли солнечных жолтой камчатой, а тайш и тайшынх детей, и зайсанов, и всяких чинов людей ехало пред Куту/л. 26/ хтою и ханом и позади з 2000 человек и больши. А Никифор за Кутухтою и за ханом ехал позади. И отъехав от стану верст с 10 или малым чем больши, были поставлены Кутухтины и хановы шатры, и в тех шатрах остановились. А Никифора от тех шатров поставили в полуверсте, и, поноровя с полчасы, презжал тот же вышепомянутой ханов зять и говорил. – Очирой де Сайн-хан указал [33] ему, Никифору, великих государей, их царского величества, з грамотою быть у себя сего числа, и чтоб, он, Никифор, взяв великих государей грамотою, ехал не ме/л. 26 об./шкая, а хан де в шатрах приезду ево ожидает, также б и подарки он, Никифор, от себя нес.

И Никифор говорил. – Хана китайского посол в то время при хане будет ли?

И ханов зять говорил. – Хана де китайского посла ныне при хане нет, а поехал преж ханова из урги поезду на съезжее место, где будет у них совет, тому уж 10-й день. И чаёт он, что тот посол уже до того места и доехал. /л. 27/

И Никифор в подарках отговаривался и отговоритца не мог, взяв

великих государей грамоту, и велел пред собою вести подьячему Алексею Ларионову.

А как приехали к шатрам, и, не доезжая сажень с 10, с коней ссели и, вошед в ханов шатер, и в то время подошли к Никифору те ж вышеписанные ханов зять и взяли под руки. И как Никифор хана за службу ево от великих государей, что он чинит в проезде царского величества людем в Китайское государство помочь, похвалял, и великих государей грамоту хану стал подносить, и ханов зять, не допустя до хана, великих /л. 27 об./ государей грамоту у Никифора из рук вырвал и отдал хану. А приняв грамоту, хан спросил великих государей о здоровье, сидя.

И Никифор говорил, чтоб он, хан, про здоровье великих государей спросил встав.

И хановы ближние люди говорили, чтоб он, Никифор, в том хана их не учил, а про здоровье царского величества сказал. /л. 28/

И Никифор великих государей о здоровье сказал. – Как он, Никифор, поехал от великих государей, от их царского величества, и милостию божиею великие государи наши цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичи и дедечи, и наследники и государи и обладатели, на

своих великих и преславных государствах Российского царствия, дал бог, в добром здоровье. /л. 28 об./

А после того Никифор хану говорил, что он, Очирой-хан, великим государем, их царскому величеству, чести не учинил, про здоровье великих государей спросил сидя, а ему было, Очирою-хану, про здоровье великих государей спросить встав, также и грамоту великих государей принять самому, и тем бы он и впредь себе от великих государей, от их царского величества, получил милость и жалованье.

И хан, также и ближние ево люди, которые в то время пред ханом /л. 29/ сидели, ответу на те слова не учинили. И велел хан Никифору сесть с правые стороны blisko себя, и было от него сажени с пол 2, и принесли пред хана в серебряных кунганах чаю, и, налив чаю, хану поднесли в чашке деревянной, а после того поднесли чаю Никифору и подъячему и толмачю в деревянных же чашках. А как чай выпили, и хан говорил, чтоб он, Никифор, велел великих государей грамоту для скорого уведомления подъячему честь, а толмачю толмачить. А как грамоту пред ханом претолмачили, и хан говорил. – /л. 29 об./ У великих государей, у их царского величества, ево хановы ясачные братцкие мужики живут около Братцкого и Балаганского, а иные в Ыркуцком и на Селенге многие, и о тех своих поддан-

ных блаженные памяти к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и [34] Белья Росии самодержцу, писал и послов своих посылал. И тем де ево послом сказано, что тех ево подданных великий государь отдать указал и в те города об отдаче подданных ево указы свои послал. А как де те ево послы в города при/л. 30/ехали и об отдаче воеводам учили говорить, и они им сказали, что о том указу к ним не бывало, и в том им отказали. И после де того ясачные же ево хановы люди многие побежали и живут и ныне около Байкальского моря и великим государем ясак платят в Селенгинской. И он де, Очирой-хан, о тех своих беглых людех в Селенгинской посылал послов своих множества, чтоб тех ево людей отдали и впредь бы таких беглых людей к себе не принимали. И в Селенгинском де приказной Иван Поршенников в отдаче тех ево ясачных беглых людей довольства никакова не учинил /л. 30 об./ и послов ево всячески бесчестил, и вытalking от себя, также и из города выбить велел, и тем де он, Иван, бесчестье ему, хану, учинил немалое. А ныне де с ним, Никифором, о братцких ево мужиках об отдаче от великих государей указ есть ли?

И Никифор говорил. – Великие государи, их царское величество, послали ево, Никифора, с своею царского величества грамотою х ки-

тайскому хану наскоро, а о братцких людех указу он от царского величества не имеет и словесного /л. 31/ приказу с ним нет, а чтоб он, Очирой-хан, по той их царского величества грамоте, дав ему, Никифору, корм и подводы и провожатых отпустил в Китайское государство без задержания, и тем бы он, Очирой-хан, к великим государем, к их царскому величеству, службу свою показал, а о братцких людех и о безчестье послов своих к великим государем послал бить челом послов своих.

Хан же спрашивал. – От великих государей, от их царского величества, х китайскому /л. 31 об./ хану подарки с ним, Никифором, посланы ль и что послано?

И Никифор говорил. – От великих государей, от их царского величества, х китайскому хану подарков с ним, Никифором, ничего не послано.

И велели принести Никифоровы подарки, а подарков было: 5 аршин сукна кармазину светломалинового, по 2 рубли аршин; /л. 32/ часы немецкие добрые 35 рублей, лисица черная 15 рублей, юфть кож красных 5 рублей, выдра большая 5 рублей, ковер турецкой 10 рублей.

А как подарки приняли, и Никифору хан говорил, чтоб он, Никифор, великих государей грамоту, которая послана с ним х китайскому хану, отдал ему, хану, а у него такие люди, с кем великих государей гра-

моту послать, есть, и на тое грамоту отповеди ожидал бы в Селенгинском, и получит отповедь /л. 32 об./ вскоре.

И Никифор говорил. – Великих государей, их царского величества грамоты отдать ему невозможно. А велено тое царского величества грамоту подать самому китайскому хану, а мимо хана отдавать никому не наказано..

И хан призвал зятя своего Дайчина, а как от хана отшел, говорил, чтоб он, Никифор, ехал до своего шатра, а об отпуске ево и о провожатых /л. 33/ и о подводах указ будет утре.

А как Никифор был пред ханом, и хан сидел на земли на персидском шолковом ковре, под ковром положены подушки в вышину на поларшина, азиям был на хане белой камчатой, шапка лисья черная.

ППред ханом сидели тайши Улчик Бунтар, Абдарня-шанбай, Дайчин- тархан-зайсан и иные многие знатные зайсаны и тайшины дети. /л. 33 об./

[35] А х Кутухте Никифора того числа не звали, также и Кутухты и брата ево Батура-контайши не было ж.

Августа в 26 день приезжал к Никифору ханов зять и говорил. – Велел де Очирой-хан ему, Никифору, сказать: великие государи, их царское величество, в своей царского величества грамоте к хану их пи-

шут и он, Никифор, говорит, чтоб он, Очирой-хан, дав ему, Никифору, корм и подводы и провожатых и отпустил бы в Китайское государство со всяким спомо/л. 34/гательством без задержания. А великие де государи по многим ево хановым посылкам братцких мужиков отдать не указали, также и он, Никифор, говорит, что о тех братцких людех указу не имеет, велел ево, Никифора, отпустить в Селенгинской, а в Китайское государство чрез свою землю пропустить не велел. А естли он, Никифор, желает себе чрез их землю проезду, и он бы в Селенгинской и в-ыные города, в которых их ясачные люди есть, об отдаче писал, чтоб те ево хановы ясачные люди были поврачены. /л. 34 об./

И Никифор говорил. – Домогаютца они того, чего ему, Никифору, от царского величества не наказано и в грамоте не писано, и ему, Никифору, об отдаче братцких людей не токмо писать, но и говорить с ними, не имея от государей своих указу, невозможно. А что он говорит, что ево, Никифора, пропустить чрез свою землю и удовольствия по грамоте царского величества учинить хан не хочет, и о том было ему и говорить в стыд для того, что он, Никифор, посылал х Кутухте и к хану и к брату ево к Батуру-контайше о поезде своем в Китайское /л. 35/ государство чрез их землю толмача Тараса Афонасьева. И по той ево посылке для

приему ево Кутухта и хан и контайша прислали людей своих и о пропуске и о вспоможении обнадежили, а естли б людей своих не прислали, и он бы, Никифор, из Селенгинского и не ездил. Да по Кутухтину и по ханову приказу прислан в провожатых до урги и товарищу ево. И чается он, Никифор, что тот ево товарищ уж в ургу приехал, и чтоб он, Дайчин, о том хану донес, чтоб ево, Никифора, велел отпустить и до китайского рубежа проводить со всяким спомогательством /л. 35 об./ без всякого задержания. И говорил Дайчину, чтоб он, Дайчин, об отпуске ево порадел, а он ему учинит за то почесть. И Дайчин, слыша про подарки, говорил, что он об отпуске ево радеть будет.

Того ж числа посылал Никифор толмача х Кутухтину ближнему человеку к шаншабе, чтоб он, шаншаба, Кутухте донес, чтоб ему, Никифору, Кутухта и хан дал корм и подводы и провожатых и отпустили б в Китайское государство безо всякого задержания. /л. 36/

Того же числа присылал Кутухтин ближней человек шаншаба гичюла Лабзона и говорил. – Указал де Кутухта сего числа ему, Никифору, у себя быть на поклоне. И как де он, Никифор, придет пред Кутухту, и он бы поклонился до земли трижды, прикладывая руки к голове своей, а после де того Кутухта положит на ево Никифорову голову обе руки свои.

И Никифор гичюлу говорил, что он пред Кутухту итить готов, а поклонитца по своему обычаю, а чтоб на него по/л. 36 об./ложил Кутухта руки, и он, Никифор, х Кутухте под руки не пойдет, и в том им отказал для того, что у них то почитают, как руки положить, вместе благословения.

И гичюл слыша, что под руки итить не хочет, говорил, что де Кутухта и быть ему, Никифору, у себя не велит.

[36] А после того присылал Кутухтин ближней человек шаншаба того ж гичюла, чтоб он, Никифор, с ним, шаншабою, /л. 37/ виделся, и что есть от него х Кутухте подарков, принес с собою.

И Никифор х Кутухте отослал с подьячим и с толмачом в подарках: лисицу черную в 20 рублей, ковер турской 10 рублей, выдру в 5 рублей, 2 кожи красных 5 рублей. И те подарки принял Кутухтин ближней человек шаншаба. /л. 37 об./

Да Никифор же отослал с тем же подьячим и с толмачом к ханову брату к Батуру-контайше 2 лисицы чернобурых в 10 рублей, выдру в 3 рубли, 2 кожи 4 рубли, килим персидской в 3 рубли.

И того же числа Никифор с Кутухтиным ближнем человеком с шаншабою виделся. И шаншаба Никифору говорил. – Домогаетца де он, Никифор, от Кутухты себе пристава и провожатых, /л. 38/ а вели-

кие государи, их царское величество грамоты своей с ним к нему, Кутухте, об отпуске, и о приставе, и о провожатых, и о подводах не прислали. А что с ним, Никифором, прислали великие государи грамоту свою к Ачирюю-хану, и в той грамоте к нему, Кутухте, ни о чем не доложено же, и чтоб он, Никифор, домогался себе отпуску и пристава и подвод у Очироя-хана, а от Кутухты де ему провожатых и пристава не будет и впредь бы о том и не упоминался. А естли б великие государи с ним прислали свою царскую величества грамоту, то б он получил себе /л. 38 об./ всякое удовольствие.

Да и для того Кутухта пристава ему и подвод и провожатых дать не указал: в прошлых де годах тому назад лет с 10 посылал Кутухта блаженные памяти к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, посла своего, также и Очирой-хан посла своего посылал же. И как де те их послы с Москвы отпущены и приехали в Тоболеск, и в Тобольску де боярин и воевода Петр Михайлович Салтыков посла ево задержал⁸, а с тем де ево /л. 39/ послом была ево Кутухтина в посылке казна немалая. И тот де ево посол в Тобольску умре, а пожитки ево посольские, также и ево Кутухтину казну взял к себе все без остатку он, боярин и воевода, и о том де после и о животах, также и

о беглых братцких мужиках к великому государю послов своих посылал, и те де ево послы отпущены с Москвы ни с чем. А ныне де он, Кутухта, чаял, что с ним, Никифором, от великих государей, от их царского величества, к нему есть грамота, и для того в Селенгинской для ево Никифора приему гичюла своего и посылал. /л. 39 об./ А естли б ему, Кутухте, было ведомо, что великие государи грамоты с ним послать не изволили, тогда б и посылка по него в Селенгинской не была, И ныне де Кутухта о том, что на те ево с послы посылки и об отдаче животов отповеди нет, зело удивляется, и ныне с ним, Никифором, хотя словесно наказано ль? И буде наказано, и он бы объявил.

И Никифор шаншабе говорил. – Великие государи, их царское величество, посылал ево с своею царского величе/л. 40/ства грамотою наскоро х китайскому хану, и будучи у хана, также и у Кутухты, ни о каких делех говорить не наказано, и для того к нему, Кутухте, от царского величества грамоты и не послано. Да и с посланным своим с селенгинским толмачом с Тарасом Афонасьевым он, Никифор, к хановым и х Кутухтиным ближним людям приказывал, что от великих государей, от их царского величества, грамота послана о пропуске и о вспоможении кормов и подвод и о приставе только к одному [37]

Очирою-хану, а х Кутухте с ним грамоты не послано. А что он, /л. 40 об./ шаншаба, говорит, что Кутухта провожатых и подвод дать не хочет, и то буди по воле ево, а он, Никифор, поедет и на своих подводах.

И Кутухтин ближней человек говорил. – Кутухта де стороне царского величества всякое радетельство чинит, и естли б не Кутухта хана и тайш от войны удерживал, то бы хан и тайши царского величества порубежные города и остроги разорили. А как де в прошлом году хан и тайши посылали войска свои под Тункинской /л. 41/ острог без ево Кутухтина ведома, и под тем де Тункинским взяли 5 человек русских людей. И слыша де про тот их поход, Кутухта их заклал и наложил пени, а взятых полоняников, 5-ти человек, дав им кони и платья, отпустил в сторону царского величества, а с ними де наказал, чтоб они царского величества ближним людям тое ево Кутухтину службу и радение известно учинили, а ближние б царского величества люди о том донесли до царского величества, и за тое он, Кутухта, службу и за отпуск полоняников ожидал к себе от царского величества милости и жа/л. 41 об./лованья. А ныне де Кутухта никакой себе милости и жалованья не видит, разве де о том царскому величеству неизвестно? А как он, Никифор, возвратитца к царскому величеству, и он бы царского вели-

чества ближним людям о том о всем известно учинил, а ближние б люди донесли о всем, что он с ним говорил, до царского величества.

И Никифор говорил. – Как он, Никифор, возвратитца в государство государей наших, тогда о всем царского величества /л. 42/ ближним людям известно учинит.

И после того принесли к шаншабе в серебряных великих золоченых кунганах чаю, и выпив по чашке, шаншаба Никифора отпустил.

Того ж числа приезжал к Никифору ханов зять и говорил. – Сего де числа хан и Кутухта покочуют на иное место, а ему, Никифору, велели ехать за собою. И чаёт он, что хан с Кутухтою посоветовав, ево, Никифора, утре /л. 42 об./ отпустят, и чтоб он, Никифор, за ханом и Кутухтою ехал не мешкая, а хан де и Кутухта уж на подъеме. А как хан и Кутухта с стану поехали, и Никифор за ними поехал же, и ехал за ханом и за Кутухтою позади с четверть версты.

Августа в 28 день приезжал к Никифору тот же вышепомянутой ханов зять и говорил. – Указал де хан ему, Никифору, ехать в ургу в то место, где приказано дожидатца ево Никифорову товарищу, а провожатые от хана /л. 43/ и от брата ево от Батура-контайши присланы будут к ним вскоре, также и за ево Никифоровы подарки пришлет хан свои отдарки с теми ж приставами, а подвод де и корму хан и брат ево кон-

тайша дать им до китайского рубежа не указали для того, что великие государи в грамоте своей об отдаче братцких людей с ним не писали, также и словесно не наказали, а до урги проводить хан и брат ево приказали тем же приставом. А хан де сего числа покочует на иное место. /л. 43 об./

И Никифор говорил, чтоб хан и брат ево послали в приставах до Китайского государства с ним, Никифором, вместе, а естли с ним приставов вместе не пошлют, то ему во ожидании тех приставов будет замедление немалою.

А что он говорит, что хан и брат ево подвод до китайского рубежа дать им не указали, и он, Никифор, с товарищем и с служилыми людьми поедут и на своих подводах и кормех, только б за приставы мешкоты не было. А как [38] будут у царского величества ево хановы послы, и им /л. 44/ учинено будет против того же, и о том бы он хану донес.

Никифор же ханову зятю говорил, что ему, Никифору, будучи при хане, корму ничего не давано, и ныне в дороге до урги от хана корм будет ли или нет?

И ханов зять говорил, что он о том доложит хану, и буде укажет ему в дороге корму дать, и о том будет приказано приставом, которые будут провожать до урги. /л. 44 об./

И Никифор ханова зятя, подаря, отпустил, и сам поехал к товырыщу

своему в ургу. А что ему подарков дано, и то написано в росходной книге.

Того ж числа прислал Кутухта з гичюлом за ево Никифоровы подарки верблюда да 8 коней. И Никифор верблюда и коней у гичюла принял, а ево, гичюла, дарил. А что дано подарков, и то писано в росходной же книге. /л. 45/

Августа в 29 день привели к Никифору ханов пристав на корм 3 барана, контайшин 2 барана, а больши того корму при хане и до урги, также как стояли и в урге, корму не дано.

Сентября в 1 день 195-го году приехал Никифор в ургу, а Иван Фаворов с служилыми людьми приехал сентября ж в 2 день и Никифору говорил. – Как де он ехал из Селенгинского острогу к урге и приехал на реку Иро в улусы Цыбдена-тайши⁹ к шурьям /л. 45 об./ ево и, переправясь реку, от тех юрт отъехав верст с ¹⁰, начевали на реке Шаре, и в той ночи под табары подъезжало мунгал человек с 20 и больши и на таборы напускали и хотели было отогнать скот. А как на таборы напускали, из луков стреляли, и видя де он, Иван, что учили в таборы стрелять, велел по них служилым людем из ружья стрелять же, а как де из ружья стрелять стали, и те воровские мунгалы побежали. Да и во всю де дорогу от мунгал подъезды были, только за крепкими караулы учинить над табарами и над скотом /л. 46/ ничего

не могли. А которые де верблюды взяты с ясачных братцких мужиков в подводы, также и ево Никифоровы и Ивановы верблюды покупные, и те верблюды и кони пристали и впредь к ходу не годятца.

И Никифор и Иван, будучи на Толе, и видя, что хан подвод не дал, верблюды искупили, а иных променяли, а сколько куплено и променено, и то писано в росходных книгах. /л. 46 об./ И сентября в 14 день, приехав на стан, Кутухтин Даши-гичюл и говорил, что он, гичюл, по указу Кутухтину послан в Китай для покупки всяких товаров и едет вскоре, а которою дорогою он поедет, и та дорога зело пряма, и большой нужды от вод и в кормех не будет, а от хана де которым быть у них в приставех до Китай, и те еще от хана не отпущены, и чает, что вскоре не будут.

И Никифор и Иван, видя, что им учинилось задержание и в кормех /л. 47/ скудость немалая, гичюлу говорили. – Буде он, Даши-гичюл, в Китайское государство едет вскоре, и он бы взял их с собою, а они ему, гичюлу, за то ево радение и в пути до Китайского государства провожание учинят почесть.

И гичюл говорил, чтоб он, Никифор, и Иван с ним, гичюлом, ехали, а он, гичюл, им рад будет, и в дороге всякое вспоможенье и бережение чинить станет, и чтоб они, Никифор и Иван, утре с Толы ехали на китай-

скую дорогу /л. 47 об./ к речке Байкаке и на той речке ево ожидали.

[39] И того ж числа Никифор и Иван с Толы поехали и приехали на речку Буйкаку и начевали.

И сентября в 16 день приехали на речку Буйкаку от хана и от брата ево Батура-контайши служилой Мунгалетин Дасикя и, пришед к Никифору и к Ивану, говорил. – Прислали де ево, Дасикя, хан и брат ево Батур-контайша /л. 48/ для того: которым де быть у них, Никифора и Ивана, до Китайского государства в провожатых, и те приставы от хана и от брата ево отпущены и поехали на китайскую дорогу, а ево хан и Батур-контайша послали к ним с ведомостью, чтоб и они с ним, Досикям, к их высланным на ту ж дорогу ехали, а до той де дороги, в которых местах велено тем их приставом ожидать, ехать в сторону 3 дни. И в то же время приехал к Никифору и к Ивану Даши-гичюл и говорил, что он, Даши-гичюл, уж совсем готов и утре поедет, и чтоб и они, Никифор и Иван, с ним ехали ж. И при/л. 48 об./сланной от хана, услыша те ево гичюловы слова, что он хочет их взять с собою, говорил, что он, гичюл, обнадеживает их в провожании до китайского рубежа без указу ханову и Кутухтину, и естли он их с собою возьмет, а дорогою от чего, Боже сохрани, учинитца от воровских людей убойство или какая обида и кража или безчестие, и Кутухте

и хану от великих государей быть в подозрении, что то учинилось небрежением с стороны хановы, а ему от Кутухты будет великое разорение и наказание для того, что дорогою, которою он, гичюл, хочет их вести в Ки/л. 49/тай, есть мунгалы розные и непослушные и воровство чинят великое. А в послушании те мунгалы под Гыгыном-ханом¹⁰, и тот де хан ныне умре, а дети ево остались в малых летех, и тех обид и краж сыскать будет некому, и чтоб они, Никифор и Иван, тем ево гичюловым словам не верили и ехали б с ним к тем хановым и брата ево посланным приставом, которые чае он, что уже приезду их ожидают.

И гичюл Никифору и Ивану говорил. – Естли б де к ним от хана и от брата ево провожа/л. 49 об./тые были не присланы, то бы он, гичюл, им, Никифору и Ивану, до Китайского государства был провожатым, а ныне де, слыша от ханова присланного, что послали хан и брат ево в провожатых своих улусных людей, взять их с собою немочно для того, что ему, Даши-гичюлу, никакова приказу от Кутухты, чтоб их провожать до китайского рубежа, не было. А те де хановы присланные поведут их иною дорогою, и поедут хановыми и брата ево улусными людьми для собрания себе подвод и кормов, и в том им, Никифору и Ивану, отказал и говорил, /л. 50/ что де он, Даши-гичюл, за теми ево

к ним присланного славами взять с собою их немочно, да и от Кутухты де в том имеет опасение, чтоб ему за то не было какова наказания. И видя, Никифор и Иван, что гичюл им отказал, к ханову и брата ево к высланным приставам поехали сентября в 19 день.

И сентября ж в 21 день приехали к озеру Каринору, и у того озера встре/л. 50 об./тил Никифора и Ивана Батура-контайша присланной служилой мунгалетин Сирен-батур, а съехався, говорил по приказу Батура-контайши. – Велено ему, Сирену, быть у них, Никифора и Ивана, в провожатых до Китайского государства и назад, а ханов де присланной, которому быть в провожатых, еще не бывал, однако ж де ожидает ево вскоре, и чтоб они, Никифор и Иван, ево подождали.

И того ж числа привел Никифору от Батура-контайши за ево Никифоровы подарки /л. 51/ верблюда да 3 лошади да 10 баранов. И Никифор верблюда и кони и баранов принял.

[40] Сентября в 23 день к Никифору и к Ивану приехали на стан Сырен-батур да Дасикя, который был в провожатых от речи Буйкука, и говорили. – Присланной де ханов, которому велено быть у них, Никифора и Ивана, в провожатых до Китайского государства, приехали к городку ноена-кутухты, и чтоб они, Никифор и Иван, к тому месту ехали, а он их ожи/л. 51 об./дает, а как

де вместе съедутся, тогда поедут в Китай без всякие мешкоты.

Сентября в 25 день на колодцах Кубургуни, немного не доехав до городка ноена-кутухты, к Никифору и к Ивану ханов присланной именем Катан-кошучи и говорил. – По приказу де ханову велено у них, Никифора и Ивана, до Китайского государства и назад до урги быть в провожатых, и чтоб они с ним ехали. /л. 52/

И Никифор и Иван приставам говорили. – Великие государи, их царское величество, писали в грамоте своей к Ачирою-хану, чтоб он, хан, им, Никифору и Ивану, в проезде их до Китайского государства в кормех и в подводах учинил вспоможение, и по той их царского величества грамоте Очирой-хан до Китайского государства им, Никифору и Ивану, подводы и корм давать наказали ль и всякое удовольствование учинить велели ль? И Катан-кошучи говорил. – По указу де /л. 52 об./ ханову велено ему, Катану, у них, Никифора и Ивана, до Китайского государства и назад возвращаясь, быть в провожатых, а подвод де и кормов им, Никифору и Ивану, хан давать не указал для того, что де в грамоте царского величества об отдаче братцких их ясачных людех, которые побежали в сторону царского величества и живут ныне около Байкала-моря и Братцкого, не написано, а естли б де о братцких их

людей было написано, тогда бы им было всякое удовольствие, и в том де ему, Никифору, еще и при хане отказано. /л. 53/ И Никифор и Иван приставом говорили. – Очирой-хан, хотя ныне никакова им вспожения и не учинил, и то буди в воли ханове, а о братцких людех упоминатца было им в стыд для того, что, они – подданные царского величества, а не Очироя-хана, и вступатца им в чюжих подданных не для чего, потому что те братцкие люди под владением царского величества из давних лет.

Катан же кошучи говорил. – Очирой де Сайн-хан прислал к нему, Никифору, за ево Ники/л. 53 об./форовы дары 2 верблюда, 6 лошадей, 20 баранов, и чтоб он, Никифор, то от хана присланное велел принять; и тех верблюдов и коней к юрте к Никифору привели. И Никифор тех верблюдов и коней не принял для того, что верблюды и кони были зело нужны и в ход не годились, только принял для дорожного кормления 20 баранов, да и для того принял, что, стоя на Толе, кормами оскудали, а как ехали к приставом, и дорогою быков и баранов купить не добыли. /л. 54/ Октября в 4 день приехали на Гобию, и ехали тою Гобиею 5 дней, и была великая нужда, потому что по Гобии кормов и дров нет и воды мало – все песок да дресва и камень резец, и едучи по Гобии, у Никифора и Ивана у служилых людей кони и верблю-

ды пристали многие. И знатно, что та Гобия, которую земноописатели имянуют и в чертежах описуют пустынею песочною, которая есть от восточные страны и идет до Индии, а как ходят от Ямышева-озера, и тое Гобию не минуют же, и ходят /л. 54 об./ недели по 2 и больши.

Октября в 13 день приехали на китайскую границу к горам Караоботу, а под теми горами ров великой и зело глубокой, и во рву течет речка Обот, и [41] та речка – граница китайская и мунгальская, и от того места кочуют подданные китайские люди, нюки-мунгалы. /л. 55/ И на тех горах поставлен караул китайских людей для того, что мунгалы, подъезжая под юрты нюков-мунгал, скот отгоняют, а как на карауле тех воровских мунгал увидят, то по всем юртам чинят ведомость, и бывают у них меж собою убойство немалые, а стоит караул от караула верст по 8 и по 15, а на карауле бывает по копитану до по 15 человек служилых мунгал со всяким воинским оружием, кроме пушек, а стоят помесечно.

А как переехали тот ров и, отъехав от того рва, при/л. 55 об./езжали к Никифору и к Ивану с караулу Эрцэн-дзанги (Против слова на полях пояснение: сотник) с служилыми людьми, и спрашивал: какие люди и куды едут?

И Никифор и Иван говорили, что по указу великих государей, их царского величества, посланы они

ко государю их, к его ханову высочеству, с их царского величества грамотою и чтоб он, сотник, до Калгана дал им провожатых и о приезде в Калган послал с ведомостью. /л. 56/

И сотник говорил, что де о приезде их не только что в Калгане ведомо, есть де об них ведомость давно уж и в царстве, и для де приема их присланы к ним, Никифору и Ивану, из царства навстречу бичач да боско. И те де присланные уж их ожидают с неделю и больши, а он де, дзанга, к тем присланным о их прибытии к рубежу с ведомостью пошлет. А они б, Никифор и Иван, у той речки их ожидали.

И Никифор и Иван к речке не повратились /л. 56 об./ для того, что отъехали от той речки с 5 верст и больши, а остановились на урочище Булаке.

И того ж числа приехали к Никифору и к Ивану на стан боско (На полях пояснение: пристав) Гингучи, а приехав, говорил. – Государю их, его богдыханову высочеству, о приезде их учинилось чрез ближних людей ведомо. И ближние де люди послали про них, Никифора и Ивана, проведать и с чем от царского величества посланы, спросить. А послан де с ним, боском, бичач (На полях пояснение: подъячей) Вачир, только де /л. 57/ того бичачи здесь нет: поехал для проведывания приезде их на другую дорогу.

И Никифор и Иван боска спра-

шивали. – Он, боско, из царства ль послан или от воеводы калганского и о даче им подвод и кормов из царства указ у бичачи есть ли?

И боско говорил. – Послали де ево из царства, а не ис Калгана, а о кормах и о подводах указу он никакова не и/л. 57 об./меет, а о всем приказ есть з бичачем. И к тому подъячему поехал навстречу, а им, Никифору и Ивану, велел ево дожидаться в том же месте.

И октября в 14 день приехал на стан бичач Вачир и, привитався, говорил. – От великих государей, от их царского величества, к богдыханову высочеству с чем посланы, и от великих государей грамота, также и поминки с ними есть ли? /л. 58/

И Никифор и Иван говорили по наказу, а про поминки сказали, что с ними от царского величества в поминках к хану их ничего не послано.

Подъячей же спрашивал. – В Албазинском остроге сколько ныне служилых людей, и по указу царского величества те войска сидят, и от Селенгинского острогу до Албазинского что разстояния?

[42] И ему говорили, что они в Албазинском /л. 58 об./ остроге ныне не были, и сколько в Албазинском царского величества войск – не ведают. А ехали они чрез Селенгинской острог и Мунгальскую землю, а в Албазине служилые люди сидят по указу царского величества.

Подъячей же говорил. – Как де

по указу ханова высочества Албазин взяли¹¹, также и казаков, которые похотели итить в сторону богдыханова высочества, и те де казаки сказывают, что в Албазине жили и острог поставили без указа царского /л. 59/ величества, самовольством. Также де и ныне поставили город земляной без указа же. И слыша де про то хан, что вновь поставили город, послал войска свои большие, и ныне Албазин от войск их во obleжении¹², и чаёт он: от таких больших войск уже и взят.

И Никифор и Иван спрашивали. – Сколько войска их под Албазин послано и кто ныне в войске полковым воеводою, и полкового воеводу Пунгхена¹³, которой был преж сего под Албазиным, знают ли, и те войска по /л. 59 об./ указу богдыханову ему ль приказаны, и от Калгана до Албазина в сколько дней поспеть мочно?

И подьячий говорил. – Войска де богдыханова высочества под Албазин сколько послано и кто у них полковым воеводою, того он подлинно не ведаёт. Только де он в царстве слышал, что послано войска многое число, а подлинно сколько под Албазин войска послано, слышать ни от кого нелучилось, а сам он в обозе не был. Также и в сколько дней мочно доехать /л. 60/ до войска от Калгана не знает, также и полковой воевода где ныне – не ведаёт. И поговоря, поехал в царство, а им велел ехать

х Калгану, а в провожатых велели у них быть с караулу служилым человеком от юрт до юрт по 3 человека.

Подьячему же при отъезде говорили о селенгинских служилых людех, чтоб их отпустить назад в Селенгинской. И подьячий говорил, что он о том доло/л. 60 об./жит ближним людям и о всем отповедь будет впредь с присланными, которые их будут принимать.

Октября в 21 день на урочище Боротологой, не доезжая до Калгана за 3 дни, встретил Никифора и Ивана прежней боско и говорил. – По указу де богдыханова высочества высланы к ним для приему их 2 человека заргучеев, а велено им их принять с кормом и с подводы. /л. 61/ Октября в 22 день на урочище Оройбулаке встретили дзаргучеи (На полях пояснение: дьяки) Эркету да Суботай, а с ними подьячий, 2 боска, и после поздравления говорили. – По указу де богдыханова высочества присланы они к ним навстречу, и велено их принять и до царства проводить с кормами и с подводы, и чтоб они, Никифор и Иван, ехали с ними к юртам для того, что по ханову указу велено их подчивать чаем.

И Никифор и Иван на ханове жалованье, что их велел принять и до царства /л. 61 об./ с кормом и с подводы проводить, благодарствовали. А как к юртам приехали, и дзаргучеи говорили, что они от хана

имею указ, и чтоб они тот указ слушали, припав на колени, а выслушав, поклонились по их обычаю трижды по трижды.

И Никифор и Иван говорили. – Богдыханова указу, каков они, дзаргучеи, им, Никифору и Ивану, объявят, слушать станут, стоя по своему обычаю, а как объявление их услышат что к приему их доброго, тогда за милость ха-[43]нову /л. 62/ бить челом станут, а на колени став, кланятца по их обычаю не будут и не умеют. И было о том, чтоб стать на колени, спору немало. И видя дзаргучеи о том их Никифорово и Иваново упорство, дали на волю. А после того говорили. – Как де государю их, богдыханову высочеству, учинилось ведомо, что великие государи, их царское величество, послали их с своею царского величества грамотою о надобных делах, и ведая де богдыханово высочество, что государство великих государей от их Китайского /л. 62 об./ государства стоит в дальнем разстоянии, и от той дальней дороги были им нужды немалые, а от Очироя-хана корму им и подвод не дано, и для того указал ханово высочество их, Никифора и Ивана, принять и до царства проводить со всяким удовольствием с кормом и с подводами. И чтоб они тое их ханскую к себе милость и жалованье ведали.

И Никифор и Иван за милость ханскую, что для приему прислал их,

дзаргучеев, а наказал до царства проводить с кор/л. 63/мом и с подводы, благодарствовали и поклонились по своему обычаю, сняв шапки.

И дзаргучеи спрашивали. – Так ли они поклоняются государем своим, сняв шапки, или в шапках?

И Никифор и Иван говорили, что в государстве государей наших обычай таков, поклоняются великим государем, их царскому величеству, сняв шапки, а естли хто между собою простые люди поклонился /л. 63 об./ друг другу в шапке, то у нас – великое безчестие. И для того они, почитая государя их, его богдыханово высочество, поклонились, сняв шапки, по своему обычаю.

А после того принесли к Никифору и к Ивану чаю, а после чаю мяса вареного баранья и пшена сорочинского, и, посидев немного, из юрт поехали.

Того ж числа приходили к Никифору /л. 64/ и Ивану дзаргучеи и говорили. – От великих государей, от их царского величества, ко государю их, к его богдыханову высочеству, грамота с ними есть ли, и о чем царское величество в грамоте своей к хану их пишут, также сверх грамоты словесной приказ у себя имеют ли, чтоб им объявили.

И Никифор и Иван говорили. – От великих государей, от их царского величества, к богдыханову высочеству с ним, Никифором, и Иваном грамота есть, а что в той их царского

величества гра/л. 64 об./моте писано, и того они не ведают, потому что та их царского величества грамота запечатана, а сверх грамоты словесного приказы нет.

Да Никифор же и Иван дзаргучем говорили. – Великих государей, их царского величества, царственные большие печати и государственных великих посольских дел от сберегателя, от ближняго боярина и наместника новгородцкого от князя Василья Васильевича Голицына послан с ними же государя их /л. 65/ богдыханова высочества к полковому воеводе к Пунгхену с товарищи дружелюбной лист. А велено им тот лист подать самому Пунгхену. И полковой воевода Пунгхен где ныне – в Калгане ль или в-ыных городех и в которых местех обретається? А буде ево, Пунгхена, на границе нет, и они б для посылки того листа дали им людей своих, а они, Никифор и Иван, с теми людьми и с своим провожатым пошлют.

И дзаргучеи говорили. – Полкового де воеводы /л. 65 об./ Пунгхена в Калгане нет и никогда он в Калгане не живет. А буде у них, Никифора и Ивана, от ближняго боярина есть к нему дружелюбной лист, и они б о посылке того [44] листа к полковому воеводе говорили калганскому воеводе, а им того без указу ханова высочества учинить невозможно.

Да Никифор и Иван говорили дзаргучею. – По указу великих го-

сударей посланы с ними, Никифором и Иваном, из Селенгинского острогу для прово/л. 66/жания служилые люди, а от китайской границы велено их отпустить назад, а с собою взять одного толмача. И они, Никифор и Иван, по указу царского величества тех служилых людей отпускают назад в Селенгинской, а для безопасного им проезду дали б они, дзаргучеи, от улуса до улуса провожатых, а напредь сего об отпуске их сказывали подьячему и приставу.

И дзаргучеи говорили. – Приехав де в царство подьячей и пристав, и что /л. 66 об./ они об отпуске служилых людей с ними приказывали, и то они ближним людям доносили, а ближние люди о том донесли до ханова величества. И богдыханово де высочество приказал им принять их и в царство проводить со всеми царского величества служилыми людьми, а назад отпускать никою не указал, также де и Очироя-хана и брата ево Батура-контайши, которые с ними посланы в провожатых, отпускать не указал же, а указал их потому же взять в царство с ними, Никифором и Иваном, вместе для того: естли /л. 67/ им, Никифору и Ивану, служилых людей и приставов отпустить назад, то будет ехать в малолюдстве чрез Мунгалы зело опасны, да и корм де от ханова высочества ко всем служилым людям прислан же. И объявили Никифору с людьми баран большой калмыц-

кой, Ивану с людьми – баран китайской, служилым человеком, 3 барана на день, да в подводы 30 верблюдов, 40 лошадей, Дзаргучеи же у Никифора и у Ивана спра/л. 67 об./шивали. – Великие государи, их царское величество, послали их с своею царского величества грамотою ко государю их, к его богдыханову высочеству, и в той царского величества грамоте об отдаче Албазина и о высылке ратных людей написано ль, также и им о том наказано ль? И буде в той царского величества грамоте об отдаче Албазина и о высылке ратных людей писано, и то они конечно чают, что с царсим величеством у государя их мир учинитца. А что де выше Албазинского есть Нерчинской, также и Селенгинской, и до тех де острогов /л. 68/ им дела нет. Только де они то спрашивают у них собою, а не по ханскому и ближних людей приказу.

И им говорили. – Великие государи, их царское величество, ко государю их, к его богдыханову высочеству, о чем пишут, о том им не ведомо, потому что та их царского величества грамота запечатана, как они им о том и наперед сего объявили, также и ни о каких делех им говорить не наказано. А что они говорят про Албазин, и то с стороны /л. 68 об./ царского величества учинено не будет, да и говорить было им о том, хотя они говорят будто от себя,

не годилось, потому что город Албазин изстари под владением государей наших, а под их ханом никогда не бывал, также и впредь не будет.

Октября в 23 день приехали на речку Карабалгасун и на той речке начевали, а корм и подводы дзаргучеи прислали против прежнего. /л. 69/ Октября в 24 день поехали х Калгану. А как приехали х калганским воротам, и от ворот стояло по обе стороны служилых людей по 16 человек с сулемами. А как выехали из ворот и с коней ссели, встретил Никифора и Ивана воевода, которому по указу ханову Калган ведать приказано, и привитався, [45] звал в полату, а как в полату вошли и сели, спрашивал о здоровье, а после того подчивал чаем.

И Никифор и Иван воеводе говорили /л. 69 об./ о посылке листа ближняго боярина против вышеписанного, как написано выше сего.

И воевода говорил, что ему без указу ханова высочества того листа принять и к полковому воеводе послать невозможно, а чтоб они тот лист везли с собою в царство и о той посылке объявили ближним хановым людям, а ныне б он, Никифор, и Иван ехали на подворье. /л. 70/

И Никифор и Иван, привитався с воеводою, поехали и приехали в город Тайджин, от Калгана в полуторе версте. А как поехали от Калгана, и калганской воевода послал с ними в провожатых до царства сотника, а с

ним 15 человек служилых людей.

Октября в 25 день ис Тайджина поехали и приехали в Баянсум. И не доезжая того города, на поле встретил Никифора и Ивана того же города воевода и, привитався, спрашивал о путешествии и сколь /л. 70 об./ давно от царского величества отпущены.

И Никифор и Иван говорили. – Как они от царского величества отпущены – тому уж девятой месяц. И слыша про то воевода, что от царского величества как отпущены девятой месяц, дивился и говорил, что в таких скорых днях приехали, а он де от многих торговых бухарцов слышал, что приезжают они с столицы, в которой царское величество пребывают, года в полтора /л. 71/ и больши.

Воевода ж говорил. – Великие государи, их царское величество, з богдыхановым высочеством в дружбе и любви быть желают ли, и война, которая ныне чинитца, приездом их кончитца ль? А преж де сего у китайских ханов с великими государи недружбы не бывало, и чтоб и ныне меж царским величеством и богдыхановым высочеством недружба успокоилась. /л. 71 об./

И Никифор и Иван говорили. – Великие государи, их царское величество, послали их к богдыханову высочеству с своею царского величества любительною грамотою для их государственных надобных дел,

которые настоят ко всякому добру.

И слыша, воевода и при нем будчие люди радовались и говорили. – Дай, боже, чтоб та война междо ими, великими государи, успокоилась и подданные б жили во всякой тишине и благоденствии, а от войны де ника/л. 72/кова подданным людям пожитка, кроме разорения, не бывает. И подчивали чаем и, привитаясь, отъехал.

А как поставили на подворье, и воевода прислал к ним на корм от себя 2 барана да пуд пшена и розных овощей и яблок. А дзаргучеи корм – бараны привели против прежняго да в прибавку пшена 2 пуда, а больши того в дороге корму до царства не было.

Октября в 26 день поехали из города /л. 72 об./ Баянсума и приехали в город Боован и поставили на подворье. А как на подворье стали, приезжал к Никифору и к Ивану того города воевода с сыном и, повитався, спрашивал о здоровье и о путешествии: давно ль от царского величества посланы и о каком деле?

И Никифор и Иван говорили. – Посланы они от великих государей, от их царского величества, ко государю их, к богдыханову высочеству, с их царского величества любительною гра/л. 73/мотою для их государских надобных дел, которые настоят ко всякому добру. А как отпущены от царского [46] величества, тому уж девятой месяц. И воевода, слыша

о том, радовался и, подчивав чаем, з двора поехал.

Октября в 29 день приехали в город Чаганкрым и в том городе начевали. А назавтрее приходил дзаргучей Суботай, которой был в приставех, и говорил. – Прислан де к нему из царства присыльщик и велено ему, дзаргучею, у них, /л. 73 об./ Никифора и Ивана, спросить от царского величества к богдыханову высочеству грамота, также и от ближняго боярина к полковому их воеводе один ли лист присланы, и окроме грамоты и листа ближняго боярина иные письма есть ли, и поминки от царского величества к богдыханову высочеству с ними посланы ль, также и от них, Никифора и Ивана, подарки будут ли?

И Никифор и Иван говорили. – От царского величества к богдыханову высо/л. 74/честву кроме одной грамоты и от ближняго боярина к полковому воеводе листа, о которых напредь сего они им объявили, также и поминков от царского величества к богдыханову высочеству с ними, Никифором и Иваном, не послано. И у них подарков нет, а буде что богдыханову высочеству полюбитца, и они богдыханову высочеству челом ударят.

И дзаргучей спрашивал, чем они богдыханову высочеству хотят челом ударить, чтоб они ему сказали /л. 74 об./ имянно, а он, написав, пошлет в царство.

И ему сказано, что у них есть часы столовые боевые, соболи, горнастаи, кость рыба, трубки смотрительные.

Октября в 30 день, не доезжая Пежина верст за 6, поставили в селе Сафо. А как стали, на двор приходил к Никифору и к Ивану дзаргучей Суботай и говорил, что /л. 75/ уже приблизились они к Педжину, и чтоб утре в Педжине ехать пораннее, чтоб им, Никифору и Ивану, приехать в царство в половину дня, а не вечером.

И октября в 31 день по ведомости от дзаргучея ис того села к Педжину поехали за 3 часа до света и, проехав земляной город, не доезжая немного каменного города, встретил Никифора и Ивана дзаргучей Эркету, которой встречал от Калгана, да с ним 3 человека дзар/л. 75 об./гучеев же, и говорил. – Богдыханово де высочество, желая быть с великими государи, с их царским величеством, в дружбе и любви, а их почитая, прислал с ними своего ханова высочества жалованья – чаю и велел их подчивать, и чтоб они ту ханова высочества милость приняли в любовь.

И Никифор и Иван на ханове жалованье, что указал их встретить и чаем подчивать, благодарствовали. А после того /л. 76/ дзаргучей Эркету говорил, чтоб они, Никифор и Иван, видя к себе богдыханова высочества милость, прежде чаю,

по их обычаю, став на колени, поклонились трижды по трижды.

И Никифор и Иван говорили. – Посланы они от великих государей, от их царского величества, ко государю их к богдыханову высочеству с их царского величества любительною грамотою для их государских надобных дел, и не быв им царского величества /л. 76 об./ з грамотою у богдыханова высочества и не видево очей, кланятца им по их обычаю непригоже, и слыша б им о том, что посланы царского величества с любительною грамотою, принуждать было по своему обычаю не годилось. Да и во всех окрестных государствах христианских, также и мусульманских, такого обычая нет, чтоб послов и посланников, не видево ханских очей, принуждать к поклону по своему обычаю, не ведетца, и по их обычаю, став на колени, кланятца они не будут, а по-[47] кло/л. 77/нятца по своему обычаю, приняв и выпив чай, как обычай в государстве государей наших, также и в-ыных государствах.

И дзаргучей, видя их Никифорово и Иваново упорство, от того места, где принуждали кланятца, велели отступить, и отступя, сели по местом. А как сели, и дзаргучей говорил. – Государь де их, его богдыханово высочество, указал их принять и с чаем встретить, желая быть с царским величе/л. 77 об/ством в дружбе и любви, также и

их, Никифора и Ивана, почитая, чтоб они ту ево ханскую милость и жалованье, как будут у царского величества, возвестили. А к иным де ни х кому преж сего от богдыханова высочества навстречу с чаем не высылывано, и чтоб они учинили по их обычаю безо всякого упорства. А естли они учнут чинить упорство, а хану их о том донесено будет, и они отпущены будут без дела, также как и Николай Спафарий¹⁴. /л. 78/

И Никифор и Иван говорили. – Объявляют они, что государь их, его богдыханово высочество, указал то учинить, желая быть с царским величеством в дружбе и любви, и они за тое ево ханскую к себе милость благодарствуют. А чтоб не быв у ханова высочества царского величества з грамотою и не видево ханских очей, кланятца по их обычаю, и им за указом царского величества учинить того никоими меры невозможно. А воздадут они, Никифор и Иван, честь и поклонятца на милости ханской по своему обычаю, сняв шапки, а по их /л. 78 об./ обычаю кланятца они не будут, и в том им отказали. А что они воспоминают Николаев приезд Спафария, что отпущен без дела, и Николай Спафарий чинил все по указу же царского величества, как ему о том было наказано, и видя, что с стороны богдыханова высочества на сторону царского величества удовольствия никакова нет, а чинена всякая

противность, без дела и отпущен. А ныне им к приезду их такого отпуску за объявлением государя их, его богдыханова высочества, к царскому величеству дружбы /л. 79/ и любви, говорить было не годилось.

Да Никифор же и Иван у дзаргучеев спрашивали. – Домогаютца они, чтоб им поклонитца по их обычаю, и то они чинят по указу ль ханова высочества или собою?

И дзаргучей говорил, что он чинит то собою, а не по указу богдыханова высочества для того, что у них таков обычай истари: естли х кому от хана что послано будет, за то /л. 79 об./ кланяютца трижды по трижды, и того им обычая никоими мерами пременить невозможно.

И Никифор и Иван говорили. – Чинить было ему, чего от государя своего не наказано, не годилось, а поклонятца они по своему обычаю, и больши б того они у них, Никифора и Ивана, и не вымогали.

Дзаргучей же говорил, чтоб они, Никифор и Иван, упорства конечно никакова /л. 80/ не чинили, а чинили б по их обычаю, и богдыханова высочества жалованье – чай пили, а буде по их обычаю не поклонятца, и им чаю не дадут.

И Никифор и Иван говорили. – Упорства они никакова не чинят, а чинят как обычай есть во всех государствах, а богдыханова высочества жалованья – чай пить станут, а приняв и выпив, поклонятца по своему

обычаю. А не видев богдыханова высочества очей, как они предлагают, по их обычаю /л. 80 об./ кланятца не будут для того, что то дело непристойное, чтоб на степи кланятца и неведомо чему. А что они предлагают: буде по их обычаю не учинят, и богдыханова высочества жалованья им и чаю не дадут, и они, Никифор и Иван, за то богдыханову высочеству и благодарствовать не будут.

[48] Дзаргучей же говорил. – Царского величества грамоту где они отдадут – на дворе ли или в приказе? И ему сказано, что о том будут /л. 81/ говорить, как будут поставлены на подворье.

И дзаргучей, осердясь, седчи на лошадь, поехал в город, а их, Никифора и Ивана, вели в другие ворота и при них были 3 человека дзаргучеев, которые сидели вместе с Еркеем-дзаргучеем. А приехав в город, поставили на том же посольском дворе, на котором стоял Николай Спафарий, /л. 81 об./ а стойки никакой не было. А на посольском дворе сделаны полаты новые для того: как де было в Китайском государстве трясение земли, и те полаты развалило.

Того же числа приказывали з дзаргучеем Суботаем ханова высочества к ближним людям, чтоб они доложили ханову высочеству, чтоб им велел быть царского величества з грамотою у себя на приезде. /л. 82/ И дзаргучей говорил. – Предлагают

де они, чтоб им царского величества з грамотою быть пред ханом, а у них де обычай такой изстари: ис которых государств послы и посланники з грамотами приезжают, и те де грамоты отдают в приказе ближним людям, а как де их переведут, и богдыханова высочества доложат. И буде в той царского величества грамоте написано будет доброе и никакова безчестья в той грамоте написано не будет, тогда хан укажет их взять и пред себя. А не переведчи грамоты /л. 82 об./ и не выразумев, пред хана не берут.

И Никифор и Иван говорили, что им, богдыханова высочества ближним людям, за указом царского величества грамоты отдать невозможно, и чтоб ханово высочество, желая быть с царским величеством в дружбе и любви, тое их царского величества грамоту принял сам, а мимо самого хана ближним людям отдать им не наказано. /л. 83/ И слыша о том, дзаргучей сказал, что он с тем их предложением итить к ближним людям не смеет, а будет к ним о тех делех посольского приказу асканьяма, которому те дела приказаны, а возвестит он только о приезде их.

И того же числа приезжал к Никифору и к Ивану асканьяма да с ним дзаргучей Эркету и им говорили, чтоб они, асканьяма и дзаргучей, богдыханову высочеству доложили, /л. 83 об./ чтоб им царского величества з грамотою велел быть у себя на

дворе на приезде и, посольства выслушав, и царского величества грамоту принял сам.

И асканьяма говорил. – Говорят они, чтоб им царского величества з грамотою быть и посольство править пред самим ханом. А у них де такого обычая, чтоб з грамотою быть пред ханом, нет. А которые приезжают к ним послы и посланники, и у них грамоты берут /л. 84/ в приказе и, переведчи, хана докладывают. И буде в грамоте написано доброе, тогда берут и пред хана, и чтоб они, Никифор и Иван, ту царского величества грамоту отдали в приказе по их обычаю безо всякого упорства сего числа.

И Никифор и Иван говорили, чтоб богдыханово высочество, желая быть с царским величеством в дружбе и любви, царского величества грамоту принял сам. А что он, асканьяма, им объявляет, чтоб царского величе/л. 84 об./ства грамоту отдать в приказе, и того учинить им немочно, а чтоб ханово высочество учинил против того же, как обычай у всех государей христианских и мусульманских.

И асканьяма говорил, что они, Никифор и Иван, такого себе от государя их в приеме грамоты желания не получают для того, что у них тот обычай [49] истари и для их приезду того обычая не пременяют, а чинили б они по их обычаю, и оттого меж обоими государи дружба

и любовь /л. 85/ множитись будет. А буде они чинить будут их обычаю противность, и оттого никакого добра не будет.

И говоря о том, асканяма же сказал, что он о том ханова высочества докладывать не смеет, потому что то дело немалое, а донесет он о том колаю и иным ближним людям. А после того говорил, чтоб они то /л. 85 об./ все предложение объявили дзаргучею, и указал на дзаргучея, что де те дела приказаны ему, дзаргучею.

И Никифор и Иван и дзаргучею о том говорили ж. И дзаргучей сказал то же, что и асканяма, что на нем те дела не належат, и з двора поехали. А как з двора поехали, ворота велели запереть и з двора и на дворниково пускать не велели и корму того дни не принесли. /л. 86/

И ноября в 1 день приезжали к Никифору и к Ивану ханов ближней человек колай да с ним 2 человека алихамбов, 3 аскамбы, один из них езуит Фердинанд¹⁵, которой был при Николае Спафарии, 4 человека дзаргучеев, и, повитався, сели по местам. Колай сел в середине, алихамбы по обе стороны, а аскамбы с левую сторону, а Никифору и Ивану велели сесть с правую сторону. А как сели, спрашивал их о здоровье. А после того колай езуиту велел спросить по-латине: они, Никифор и Иван, говорить /л. 86 об./ с ним умеют ли?

И Никифор и Иван езуиту ска-

зали, что они по-латине говорить не умеют.

И колай говорит. – Вчерашняго де числа приказывали они с асканьямою, чтоб им ханово высочество царского величества з грамотою велел быть у себя на приезде и царского величества грамоту ханово высочество принял у них сам, также б и посоль/л. 87/ство выслушал. И по тому де их предложению ханову высочеству чрез ближних людей известно. И государь де их, его богдыханово высочество, прислал к ним своих богдыханова высочества ближних людей, ево, калая, с товарыщи для того, чтоб они тое их царского величества грамоту отдали ханова высочества ближним людям в приказе, а ближние люди, приняв и из нее выразумев, донесут до ханова высочества. А как де ханову высочеству о том будет известно, что в той царского величества грамоте писано к дружбе /л. 87 об./ и любви, и хан де велит быть им пред собою. А чтоб им быть и посольство править пред самим ханом, и такого обычая у них никогда не бывало, также и ныне учинено не будет, а всегда послов и посланников и гонцов емлют пред хана после, и чтоб и они учинили против того же. А что они говорят, чтоб тое грамоту принял хан сам, а в той грамоте будет писано хана их что к безчестью, и им за то будет учинено великое наказание и из царства отпуску не будет для

того, что /л. 88/ ныне меж царским величеством и богдыхановым высочеством чинитца война. И естли б у них хотя такого старого обычая и не было, однако ж бы их царского величества з грамотою пред хана за нынешнюю войною взять невозможно.

И Никифор и Иван говорили. – Великие государи, их царское величество, послали их к богдыханову высочеству с своею царского величества любительною грамотою и наказано им тое царского величества грамоту подать /л. 88 об./ и речь говорить самому богдыханову высочеству, а мимо самого богдыханова высочества ближним ево людям царского величества грамоты отдать немочно, и чтоб они о том до ханова высочества донесли. А что они, ближние люди, говорят, что за нынешнюю войною быть и посольства пред ханом править [50] немочно, и того ни в котором государстве не бывало для того: хотя меж которыми государи бывает и война, однако ж их з грамотами емлют пред себя, а не ближним людям отдают, и чтоб его богдыханово высочество /л. 89/ царского величества грамоту принял сам.

И колай с товарищи, поговоря о том, з двора поехали.

И того ж числа приезжали тот же колай и алихамбы и асканьямы и говорили о отдании грамоты против прежняго, и им говорили по наказу и отказали впрямь, что царско-

го величества грамоты в приказ не повезут и ближним людям не отдадут, а ве/л. 89 об./лел бы им ханово высочество царского величества з грамотою быть пред собою.

И колай говорил. – Буде они царского величества грамоты в приказе не отдадут, и они поедут назад без дела. И видя их Никифорово и Иваново упорство, з двора отъехали ж.

Ноября в 2 день приезжал к Никифору и к Ивану тот же вышеписанной /л. 90/ колай с товарищи и говорил, чтоб они царского величества грамоту в приказе отдали, а естли не отдадут, и они отпущены будут без дела з безчестием. А что они говорят, чтоб им з грамотою быть пред ханом, и то никогда учинено не будет для того, что у них таков обычай истари, что з грамотою пред хана не берут, и пременити того обычая и сам хан не может, а как из грамоты выразумеют, тогда и хан пред себя взять их укажет. И как де и богдыханова высочества /л. 90 об./ послы или посланники у царского величества будут, и те их послы чинить будут по воли царского величества, как им прикажут, а отговариватца ничем не будут. А они б чинили против того ж: грамоту царского величества отдали богдыханова высочества ближним людям в приказе, а посольства де они пред ближними людьми править не приуждают.

И Никифор и Иван говори-

ли, что им за указом царского величества /л. 91/ грамоты хановым ближним людям отдать и посольства править невозможно. А естли богдыханово высочество пред собою быть и посольством править не изволит, и тем к царскому величеству хан их окажется не любовью, и чтоб они о том до хана донесли, чтоб им царского величества з грамотою быть и посольство править велел пред собою. Да и обычая ни у которых государей как у христианских, так и у мусульманских, такого нет, чтоб грамоту отдавали ближним людям. /л. 91 об./ И колай говорил. – Домогаютца де того, чего никогда хан их не учинит. Да и Николай де Спафарий о отдании царского величества грамоты, чтоб ему отдать и речь говорить пред самим ханом, домогался многое время, однако ж не получил и был взаперти, и грамоту царского величества отдал в приказе. А ныне как упорство их до ханова высочества донесено, и ханово де высочество указал им сказать: когда приказу их чрез Николая Спафария о отдании грамоты царскому величеству неизвестно, и указу от царского /л. 92/ величества, чтоб ее отдать в приказе, не имеют, и они б, Никифор и Иван, поехали назад, и от государей своих от отдании грамоты в приказе восприяв указ, приехали к ним опять, а они ожидать их будут, и чтоб они утре в путь свой готовились и больше того сроку им не будет. А гово-

рил то колай с великим сердцем. А естли они утре высланы будут из царства и станут грамоту отдавать, хотя и в приказе, и тогда де они в царство взяты не будут, также и грамоту богдыханово высочество принять не укажет. /л. 92 об./ А как де от царского величества будут присланы хотя и великие послы, и то по тому ж никогда пременено не будет.

[51] И видя Никифор и Иван, что чинят жестокие ответы и хотят выслать назад безо всякого дела, объявили колаю, что для их государских нужных и надобных дел государя их его богдыханова высочества волю и повеление исполнят, грамоту царского величества им, ближним людям, отдадут, а поздравления /л. 93/ от царского величества перед ближними людьми править не будут, и чтоб они царского величества грамоту у них приняли. А что они говорят, будто царского величества грамоту Николай Спафарий отдал в приказе, и Николай царского величества грамоты в приказе не отдаывал, а приняли у него хановы ближние люди на ханском дворе.

И колай говорил, что они царского величества грамоту у них без указу богдыханова высочества принять /л. 93 об./ на дворе не смеют, а донесут о том до ханова высочества, и что о том ханово высочество укажет, и им сказано будет чрез него ж, колая, с товарищи утре.

Ноября в 3 день на первом часу дня приезжал на двор тот же колай и алихамбы и асканьямы и говорили. – Вчерашняго де дня царского величества грамоту отдавали они им, ханова высочества ближним людем, и о том богдыханову высочеству известно. И слыша де /л. 94/ богдыханово высочество объявление их, что присланы они от царского величества для надобных дел, которые належат ко всякому добру, и они то чают, что к миру, а война б прекратилась, указал царского величества грамоту принять сего числа ему, колаю, на своем ханском дворе в том же месте, где принята царского величества грамота у Николая Спафария, и место учинено будет такое ж, и чтоб они царского величества з грамотою на двор ехали, не мешкая, а на чем им ехать, и к ним лошади присланы /л. 94 об./ будут с приставы их.

И поноворя с час, привели под Никифора и Ивана и под служивых людей кони без седел и без узд и отпустили на двор простых. И Никифор и Иван и служилые люди, урядясь по посольскому обычаю, з двора поехали, и великих государей, их царского величества грамоту вез пред Никифором и Иваном подъячей Алексей Ларионов, а служилые /л. 95/ люди ехали перед грамотою, а Никифоровы и Ивановы люди ехали позади.

А как з двора служилые люди

поехали, и до ханова двора по обе стороны шло по 6 человек служивых людей, а подле Никифора и Ивана ехали по левую сторону дзаргучей Суботай да 2 человека посольского приказу подъячих. А как приехали к ханскому двору к трем воротам, и у тех ворот против столба с коней ссели и шли пеши до того места, где было устроено. А как пришли к тому месту, и у места стоял тот же выше/л. 95 об./писанной колай, 2 алихамбы, 3 асканьямы, которые приезжали на двор, да чиновных людей человек с 70 и больши.

А пришед к тому месту, как грамоту учили класть, и колай говорил, чтоб они царского величества грамоту положили, припав на колени, и положи б, поклонилися по их обычаю трижды.

И Никифор и Иван говорили. – Царского /л. 96/ величества грамоту на место положат, а чтоб, припав на колени и поклонитца, и того никогда не учинят да и принуждать им, ближним людем, их к тому было непристойно, потому что та грамота прислана от царского величества к богдыханову высочеству. А когда был и Николай Спафарий и царского величества грамоту положил на устроенное место стоя, и поклона и посольства перед ближними людьми не правил, а положи, повратился на подворье. /л. 96 об./

[52] И Колай говорил. – Бude они того по их обычаю не учинят, то гра-

моты не примут, потому что у них таков обычай истари.

И Никифор и Иван говорили. – Буде они царского величества грамоты у них не примут, и в том воля богдыханова высочества. Только им учинить по тому их предложению невозможно для того, что то чинитца царского величества к безчестию. И грамоту положили на то устро/л. 97/енное место стоя и поклона не правя, и речи не говорили, и от того места отошли. И колай, взяв грамоту, пошел к хану, а им велел дожидатца. А то место покрыто было жолтою камкою аж до самые земли.

И погода часа с 2 пришел асканяма и говорил. – Ханово де высочество указал царского величества грамоту перевести пред собою, а покамест переведут и из нее выразумеют, ханово высочество /л. 97 об./ жалует их столом, и чтоб они ели, а после стола ожидали б колая. И вынесли столы и ставили перед Никифора и Ивана 2 стола, подъячему и двум толмачом стол, служилым людям, 4-м и 6 человеком, стол, Никифоровым и Ивановым людям, 6 человеком, стол. При столе были ханов ближней человек да 2 асканямы да 2 дзругучея. А как столы поставили и не выходя из-за стола, велели поклонитца на коленках однижды. /л. 98/ А на столе было: гусь, осос, часть великая баранины, также были овощи розные и сахара ряженные. И всего было на столе по

54 блюда, а блюда были серебряные. А как из-за столов встали, и то все велели своим служилым людям к Никифору и к Ивану отнести на подворье.

А после того, пришед колай с товарищи, говорил. – О чем де великие государи, их царское величество, к богдыханову высочеству в грамоте /л. 98 об./ своей с ними писали, и ханову высочеству известно, и указал у них спросить: опричь грамоты от великих государей, от их царского величества, словесной приказ есть ли?

И Никифор и Иван колаю с товарищи говорили. – Опричь грамоты словесного приказу с ними нет, а писано о всем от великих государей к богдыханову высочеству в их царского величества грамоте, и богдыханово б величество, выразумев /л. 99/ царского величества из грамоты, учинил по желанию их царского величества и отпустил их без задержания, и против царского величества грамоты к царскому величеству о тех делех, о чем к нему писано с ними в своей богдыханова высочества грамоте, писал.

И выслушав колай, что словесно ни о чем не наказано, пошел к хану, а им велел дожидатца в том же месте. /л. 99 об./ И пришед, колай говорил. – Говорили де они, Никифор и Иван, ему, колаю, с товарищи, что от царского величества, ни о каких делех с ними говорить не наказано

и словесного приказы нет, а писано о всем царского величества в грамоте. И хотя де они и указу от царского величества не имеют, однако ж де богдыханово высочество велел им говорить: преж де сего с великими государи российскими у китайских ханов войны не бывало, а ныне де от албазинских казаков учинилась у хана их с царским величеством война /л. 100/ для того, что те албазинские казаки по Амуру города поставили, и ясачных их людей на промысле многих побивали, и ясак многой с их ясачных брали, а чинили то все без указу царского величества самовольством, также де и на те места поселились без указу ж, и о той де их обиде и о побииении ясачных их людей не по одно время к царскому величеству писали, и листы хан их в Нерчинской к Данилу Аршинскому¹⁶ посылал, а на те их листы отповеди не [53] бывало. Да по ханову указу многижды о том и в Албазин к Але/л. 100 об./ксею Толбозину¹⁷ посылали, чтоб он из Албазинского вышел и то место оставил, а пошел бы в свою землю в Нерчинской, и промыслы соболиные и иные чинили в своих местех около Нерчинского, а по Амуру вниз не ходили б, и промыслов не чинили, и ясачных их людей не побивали, и ясаку б не брали. И он де, Алексей, те их приказы преслушал и от такова дурна сам не престал и казаком не заказал, и в свои места не пошел, а уча-

ли чинить паче прежняго. И как де о том хану ясачные их люди жалобу /л. 101/ на албазинских казаков донесли, что их побивают и ясак с них на себя берут, а иных де многих их ясачных принял к себе и держат их у себя, и к нему, Алексею, о тех своих людех и что албазинские казаки чинят великое разорение, и города б не ставили, и людей их, которых приняли к себе, отдали, о том о всем писано ж. И он де, Алексей, хотел о том о всем к царскому величеству писать, и о том де он не писывал и удовольствия им против того ничего не учинил. И слыша хан /л. 101 об./ такое разорение, послал войско свое и их велел смирить. И как де войско их Албазин взяли, убить из них ни одного человека не велел, а велел ему, Алексею, и казаком итти в свой край, а которые похотели итти добровольно к хану¹⁸, и тех де взяли с собою для того, что те люди говорили: естли им итти в свой край, и им от царского величества быть казненным смертью. И те де люди и ныне у хана все живы и жалованье – корм и питье дают. А естли царское величество хану их подданного их Гантимура¹⁹ отдать /л. 102/ укажет, и хан де их взятых и которые пошли добровольно, отдать укажет же. А приказано было ему, Алексею, чтоб на то прежнее место не приходили и острогов не ставили. И после де того албазинского разорения и отпуску, тот же Алексей, забыв хана их

приказ, пришел на то ж место и город по-прежнему поставил и вновь прибрал 400 человек оружейных и, пришед, учал чинить больши прежнего. И чают де они, что те албазинские казаки великим государем, их царскому величеству, были непослушны, да и взятые казаки говорят, /л. 102 об./ что албазинские казаки чинят то все без указа царского величества собою. И слыша про то хан, что на прежнем месте город поставили, послал войска свои большие и город велел осадить. И ныне де тот город стоит со все 4 стороны в осаде.

Колай ж говорил. – К богдыханову высочеству писал ис-под Албазина полковой воевода, что Алексея Толбазина убили ис пушки. И как де ево, Алексея, и казаков по ханову указу из Олбазина напредь сего отпустили, /л. 103/ и им было наказано, чтоб они, Алексей и казаки, впредь по Амуру не ходили, и городов не ставили, и людей их не побивали. Да и к царскому де величеству ханово высочество писал о том подлинно с полоняниками²⁰. А ныне де в грамоте царского величества к хану их, которая прислана с ними, Никифором и Иваном, написано, что великие государи, их царское величество, желают с богдыхановым высочеством быть в дружбе и любви, и чтоб та война успокоилась и виноватых наказать. И для того дела и мирного постановления по-

сылают /л. 103 об./ своих царского величества великих и полномочных послов. И слыша о том мирном постановлении, хан их, также и они, хановы ближние люди, чтоб кровопролитие на обе стороны престало, радуютца для того, что у хана их ни с которым пограничным государем войны не бывало. И ныне войны с царским величеством потому ж не желают.

И для того ханово высочество прислал их, ближних людей, к ним, /л. 104/ Никифору и Ивану, и велел им сказать, что хан их с великими государи, с их [54] царским величеством, быти в дружбе и любви желает, и желея тех людей, которые сидят в Олбазине, чтоб з голоду не померли, чтоб они, Никифор и Иван, в Албазин к служилым людям от себя писали, чтоб те служилые люди из Олбазина вышли в свой край в Нерчинской да в Якуцкой, а то место оставили в пусте и жили и промыслы чинили в своих местех. /л. 104 об./

И Никифор и Иван говорили. – Писать им в Албазин к служивым людям, чтоб им из Олбазина выйти в свой край и оставить то место пусто, как они, ближние люди, им объявляют, и о том им не токмо что писать, но и говорить, не имея от государей своих указу, невозможно. А что они объявляют, что государь их, его богдыханово высочество, с великими государи, с их царским

величеством, желает быть в дружбе и любви, и для той дружбы и любви указал бы ханово высочество послать указы свои к полковым воеводам, чтоб от Албазина отступили и возвратились /л. 105/ в дома свои, а что им быть близ Албазина и меж войском царского величества так ж и богдыханова высочества, будет не без сору.

И колай говорил. – Буде они о том в Албазин писать от себя не станут, и те служилые люди из Олбазина в свой край не выдут, и богдыханово высочество войскам своим об Албазине отступить не укажет, а укажет над Албазиным промысл чинить паче прежняго. И естли Албазин взят будет, то ни один человек /л. 105 об./ в живых отпущен не будет.

И Никифор и Иван говорили, что им, не имея от государей своих указу, в Албазин к служивым людям не токмо о выходе их из Олбазина писать, но и говорить о том невозможно. И естли им о том в Албазин писать, и за то им быть в наказании да и вымогать было того им, ближним людям, слыша от них, что им с ними от царского величества ни о каких делех говорить не наказано, не годилось. А буде /л. 106/ богдыханово высочество укажет войскам своим в дома свои отступить и никакова промыслу над Албазиным чинить не велит, то и они, Никифор и Иван, в Албазин писать станут,

чтоб и они до приходу великих и полномочных послов никаких задоров не чинили.

И колай велел им ехать на подворье.

И ноября в 4 день приезжал на двор /л. 106 об./ к Никифору и к Ивану тот же колай и алихамбы, и аскамбы и говорил. – Вчерашняго де числа о чем они с ними говорили, и о том богдыханову высочеству доносили. И богдыханово де высочество указал им сказать, что богдыханово высочество войскам своим над Албазиным промыслу чинить не указал, а чтоб де от Албазина отступить в дома свои, и им де отступить ныне некоторыми мерами невозможно для того, что бусы, которые заведены выше Албазина, замерзли, и тех бус, не учиня мирного постановления, оставить ни ко/л. 107/ими меры невозможно для того: естли царского величества войска придут к Албазину вновь и те бусы возьмут и учнут плавать на низ по Амуру – и будут разорять паче прежняго. А указал богдыханово высочество войскам своим отступить от Албазина версты с 2, а с албазинскими казаками задоров чинить не будут, и чтоб они, Никифор и Иван, о том к великому послу писали и от себя дву человек служилых людей, которым хан даст для зимняго проезду платья, и велит их проводить с тем письмом до Албазина с кормами /л. 107 об./

и с подводы, послали б, чтоб они до приезде ево в Албазине жили и для рыбных ловель и зверовья ходили и от войска их ни в чем не опасались. А к полковому воеводе пошлет хан указы свои жестокие, чтоб никакова задору с албазинскими казаки не чинили, [55] также б и по приказу великих послов никакова задору, покамест совершенной мир учинитца, албазинские казаки потому ж не чинили ж, и на Амур в судах не выходили, и ясачных людей их не побивали, и ясаку с них не брали б, и естли де оттого престанут, и оттого учинитца совершенной мир. /л. 108/

И Никифор и Иван хановым ближним людям говорили. – Посылка им к великим послом чинить не для чего, а отпустил бы их богдыханово высочество к великим государем, к их царскому величеству, без задержания, и против грамоты царского величества в своей ханова высочества грамоте писал.

И то их, ближних людей, предложение царского величества великим послом учинят они сами, и на то их желание ведомость и в Албазин о заказе, чтоб никакова впредь задору не чинили, посылка чрез их Никифорово и Иваново доношение учинена /л. 108 об./ будет. А естли им к великим послом, также и в Албазин служилых людей послать, и чтоб богдыханово высочество велел войскам своим уступить в дома свои, а естли войска их от Албазина хотя и

отступят, а будут стоять близ Албазина, и то меж войсками их, также и царского величества служилыми людьми будет не без соры.

И ближние люди говорили. – Ханово де высочество указал им, Никифору /л. 109/ и Ивану, к великому послу писать и дву человек послать, также и в Албазин писать для того, что слышат они от них, что те служилые люди сидят в Албазине по указу царского величества, а не самовольством, и чтоб они, сидя в такой осаде, голодную смертью не померли, потому что войско их стоит кругом города многое. И естли они, Никифор и Иван, к великим послом о том писать учнут и с тем письмом казаков пошлют, то и ханово высочество указы свои к полковому воеводе послать укажет же. /л. 109 об./ А естли они к послом никакой ведомости не учинят, а ханово высочество войскам своим от Албазина отступить не укажет, и то де от такого от войск их утеснения, сидя в Албазине, помрут голодную смертью. А их де хан указал отпустить потому ж вскоре безо всякого задержания, и против грамоты царского величества писать учнет, а посылку указал им в Албазин и к великим послом учинить для того, что де ханово высочество, желея тех служивых людей, чтоб они з голоду не померли, и не токмо де хан их желает смерти че/л. 110/ловеку и убить бы ево, но и птицы убить напрасно не велит.

И Никифор и Иван от ближних людей никоими мерами отговоритца, чтоб не посылать по предложению их служилых людей, не могли, послали 2-х человек селенгинских казаков Ивана Шарапова да Павла Бушкова, да и для того тое посылку чинили, чтоб Албазину от войск китайских до приходу окольного Федора Алексеевича Головина²¹ была хотя б малая свобода и видеть их войска сколько /л. 110 об./ было под Албазиным. А в Албазин писали, чтоб жили в Албазине служилые люди с великим опасением, чтоб от тех войск, обнадежа мирным поставлением, над городом какова дурна не учинили.

Также естли будет присылка какая о чем в город от китайских воевод, чтоб они в город к себе не пускали, а виделись б за городом, потому что тому их предложению не во все верили, чтоб какими мерами за обнадеживанием мира какова у них вымыслу не было. /л. 111/

Никифор же и Иван калаю с товарыщи говорили. – Великих государей, их царского величества царственные большие печати и государственных великих посольских дел от оберегателя, от ближнего боярина и наместника новгородского от князя Василья Васильевича Голицына послан с ними госу-[56] даря их, его богдыханова высочества к полковому воеводе к Пунгхену с товарыщи дружелюбной лист.

И о посылке того листа говорили они калганскому воеводе, чтоб он дал людей своих, а они, Никифор и Иван, с теми людьми /л. 111 об./ и с своими посыльщиками тот лист к нему пошлют. И калганской воевода говорил, что он без указу богдыханова высочества тот лист у них принять и к полковому воеводе послать не смеет, и чтоб они ханову высочеству донесли, чтоб тот ближнего боярина лист послать к полковому воеводе с нынешними их посыльщиками, которых посылают к великим и полномочным послом.

И колай говорил, что они о том до ханова высочества донесут, /л. 112/ и какой будет от хана их указ, и о том им сказано будет чрез пристава их дзаргучея Суботая утре.

Ноября в 5 день приезжали дзаргучеи и говорили. – Вчерашнего де числа говорили они ближним людям о посылке царского величества ближнего боярина к полковому воеводе дружелюбного листа, и богдыханово де высочество того листа к полковому воеводе посылать не указал для того, что де чают они, что в том листе ближней /л. 112 об./ боярин к полковому воеводе пишет о той же начинающей войне: отчего та война почалась, и отчего де война всчалась, и то им чрез ближних людей ведомо, и чтоб они тот лист повезли назад с собою.

Дзаргучеи ж говорили. – Служилые люди, которые от них нарежены

в посылку к великим послом, готовы ль? А отпуск будет им вскоре, и ханово жалованье: зимнее платье, азямы и шапки и сапоги, с ними присланы, и чтоб они то платье приняли и в путь /л. 113/ готовились.

И им говорили, что для той посылки служилые люди готовы, и чтоб они то платье им отдали, и служилые люди, приняв платье, на милости ханской били челом.

Того же числа приезжали те же дзаргучеи и служилых людей взяли с собою, а сказали, что им велено их с их посланными к полковым воеводам проводить за город. /л. 113 об./

И Никифор и Иван того числа к великому и полномочному послу к окольному к Феодору Алексеевичю Головину отпустили вышеписанных служилых людей, и о чем ближние люди с ними, Никифором и Иваном, говорили, писали и им наказали, чтоб они, едучи в войске, о всем смотрели накрепко, также б проводывали всякими мерами от наунских жителей: китайской хан с царским величеством войну вест хочет ли, и им от тое службы каких тягостей нет ли, также б провели сколько под Албазиным войска, и сколько их побито, и полковые воеводы миру ради ль? /л. 114/

И для той посылки дали им, Ивану и Павлу, на дорогу на проезд и для всяких нужд по 5 лан китайских, а лана китайская имянуется рубль.

Ноября в 6 день приезжал асканьяма и дзаргучеи и говорили, чтоб они подарки, которые будут от них богдыханову высочеству, им оказали, и которые про ханской обиход годятца, и те приняты будут.

И Никифор и Иван асканьяме /л. 114 об./ оказали в подарках соболи, горнастай, кость рыбью, часы, корольки, трубки смотрительные и иные немецкие вещи. И асканьяма и дзаргучеи, смотря, выбрали, а что чего порознь, и то писано ниже сего: у Никифора Венюкова – часы столовые боевые серебряные, позолочены; часы французские работы, серебряные, маленькие; часы /л. 115/ маленькие боевые, немецкие работы; часы турецкие; 5 зубов кости рыбы; 6 очков [57] хрустальных; зеркало немецкое в рамках; 2 шпашки немецкие, позолочены; 2 трубки смотрительные; ковер турецкой, 2 преспективки, французские работы, хрустальные.

У Ивана Фаворова – 4 зуба кости рыбы; 130 корольков, /л. 115 об./ часы столовые боевые серебряные, золоченные.

Того ж числа с теми подарки на ханском дворе были, и те подарки принял асканьяма, а приняв и переписав, отпустили на подворье.

И того ж числа приезжал дзаргучей, а с собою привез подарки, которые были в подносе к хану, и говорил. – Богдыханово де высочество те их подарки изволил смотреть

и, видя, что приехали они ис такие /л. 116/ дальние страны, и скорым поведением указал им продать повольною ценою, однако ж де их не опечалил, указал принять по зубу кости рыбы.

И Никифор и Иван говорили. – Когда ханово высочество того у них принять не изволил, и в том буди по воле богдыханова высочества, только б то поволено им было продать повольною ценою.

И дзаргучей говорил. – Ханово де высоче/л. 116 об./ство указал к ним для покупки торговых людей на двор пустить и что у них есть, и они б то продали, не мешкая, для того, что им уж и отпуск приближаетца.

И Никифор и Иван говорили, что у них хотя что и есть, однако ж малое число, и больши того у них никаких товаров, также и у служилых людей, нет и в путь свой готовы хотя утре. А что было в подносе к хану, и то все куплено на хана, а иной ниhto купить не смел. А как те вещи купили, и после того на дворниково не пускали. /л. 117/

Ноября в 8 день приходили к Никифору и к Ивану дзаргучей и говорили. – Богдыханово де высочество указал быть им пред собою на поклоне, и после поклону видеть ево ханские очи и быть у стола ноября в 10 день, и чтоб они, Никифор и Иван, как позовут на поклон и как пред ханом будут, поклонились по их обычаю трижды по трижды.

И Никифор и Иван говорили, что они по их обычаю кланятца не будут, а поклонятца по своему обычаю, как /л. 117 об./ належит обычай в государстве государей наших, также и во всех окрестных государствах.

И дзаргучей сказали. – Буде они по их обычаю не поклонятца, и ближние люди велели им сказать, что они и пред богдыхановым высочеством не будут. А как де был Николай Спафарий и, будучи пред ханом, кланялся по их же обычаю трижды по трижды, а как был у стола, и он кланялся потому ж трижды по трижды. /л. 118/

И Никифор и Иван по многим спорам говорили. – Как они будут пред хановым высочеством, и они богдыханову высочеству по их обычаю от себя поклонятца.

И дзаргучей говорили. – Как де им хану поклонитца, и для указания будет к ним на подворье чиновной человек.

И того ж числа приезжал чиновной человек, а с ним те ж дзаргучей, и привели с собою /л. 118 об./ 3-х человек и велели им указывать как кланятца, а чиновной человек и дзаргучей стояли и, указав, отъехали.

Ноября в 9 день приезжал к Никифору и к Ивану ханов чиновной человек и говорил. – Богдыханово де высочество жалует их столом.

И Никифор и Иван за милость ханскую били челом. И как столы

поставили, и за теми столами велели сесть, а как сели, велели поклониться, сидя за [58] столом, однижды, а после того /л. 119/ принесли чаю. И как чай приняли и выпили, кланялись же, не выходя из-за стола, сидя ж. И после стола чиновного человека и дзаргучеев дарили, а иных никаких питей, кроме чаю, не было.

Ноября в 10 день приезжал дзаргучей до света часа за 3, а с собою привели кони и говорили, чтоб они, Никифор и Иван, с ними ехали, а ближние люди уж на ханской двор съехались.

И Никифор и Иван з дзаргучеем з двора /л. 119 об./ поехали и дожидались ханского выхода в том месте, где приняли царского величества грамоту, часа с 2 и больши. А как солнце почело всходить, и тогда позвали на другую площадь и, всшед на площадь, посадили с чиновными людьми в ряд, а чиновных людей по обе стороны сидело человек с 400 и больши и, поноровя с полчаса, почали в колокол благовестить. А после блавесту в полате, в которой хана ожидали, ударили в бубен, и чиновные люди и они, Никифор и Иван, встали.

А как хан вошел в полату, и тогда в той полате звонили в чашки и в бубен били, /л. 120/ и после звону прокричал человек громогласно и бичами прохлопали трижды. И как бичами ударили, и чиновных людей подступило к месту, где указано

кланятца, с обе стороны человек по 40. А как подступили, тот же человек кричал в другой ряд, тогда приступили ближе к месту. А как приступили, опять вскричал в третьей ряд и хлопали бичами, и чиновные люди присели на колени и кланялись, вставая, трижды по трижды. А тот человек кричал пред всяким поклоном и вставанием. А как они кланялись, и в то время на той же площади против той же полаты, позади того /л. 120 об./ места, где кланялись, в бубны били, и в чашки звонили, и в фиоли играли органом согласием. И поклонясь, чиновные люди уступили в свои прежние места, а после того велели притить на то ж место Никифору и Ивану. И как стояли на том же месте, тот же человек прокричал громогласно ж, тогда приступили ближе и, подступя, прокричал в другой ряд и хлопали бичами, тогда присели на колени и кланялись против того ж, как чиновные их люди, вставая ж, трижды по трижды. А как кланялись, и в то /л. 121/ время в бубны били, и в чашки звонили, и в фиоли играли против того ж. А хан от того места, где кланялись, сидел на месте своем в полате сажен с 20 и больши, а пред полатою против места с правую сторону висел солнечник желтой, а по другую сторону поодоль стояли колокольцы и чашки, в которые звонили, а подле лесницы по обе стороны поставлены были духи.

А после поклона взяли к хану близ полат. А как пришли к полатам и велели сесть на земли, и послав /л. 121 об./ ковер, сели, и, сидечи, велели поклонитца и принесли к хану чаю. И как хан чай пил, и тогда ближние и чиновные люди кланялись, сидя, откинув ногу. А после того принесли от хана к Никифору и к Ивану чаю в чашках деревянных жолтых и, приняв чай, и выпили, кланялись. А как чай хан выпил, тогда ударили бичами трижды, и хан ис полаты пошел, а им велели ехать на подворье,

А как были на поклоне и пред полатою, в которой хан сидел, по обе стороны /л. 122/ стояли с солнечники и з знамены, и с пратазаны, и с признаками воинскими, и с сулемами по 37 человек на стороне в красных кафтанах з желтыми перья. Да по обе ж стороны стояло ханских по 5 коней белых с седлы жолтыми. А на другой площади, на которой дожидались часа с 2, по 3 кореты с слонами стояло на стороне, а на слонех были шатры деревянные. И было на той [59] площади всяких чинов и людей с 3000 и больши. А на тое площадь, на которой кланялись, кроме чиновных /л. 122 об./ людей, никою не пускали.

И как з двора сошли, пришед к Никифору и Ивану, асканьяма и говорил. – Ханово де высочество указал им быть сего числа у себя у стола, и чтоб они того стола ожидали. И дожидались на дворе часов с 5, а

на подворье не отпустили.

А после, пришед, дзаргучей и говорил, чтоб они, Никифор и Иван, к столу ханскому шли. А как пришли /л. 123/ пред полату, в которой у стола быть, и дожидались ханского приходу в полату с полчетверти часа. А как хан пришел и сел на место, пред полатою кланялись, став на колени, хановы чиновные люди трижды по трижды, а после того велели поклонитца им, Никифору и Ивану, против того ж. А по поклонех привели в полату пред хана и велели сесть, и ближние люди все сели ж. А как сели, и ближние люди кланялись по однижды на коленках же, и принесли перед хана и перед ближних людей столы, и перед Никифора и Ивана поставили по столу ж. /л. 123 об./ А как пред всех столы поставили, и ближние люди все, сидя, также и им, Никифору и Ивану, поклонитца велели ж. А как почал хан есть, тогда все поклонились же. И немного поноровя, к Никифору и к Ивану принесли от хана на золотых блюдах по подаче яблок и ягод, и ту подачу приняли на коленках и поклонились. А после того принесли от хана ж по подаче на золотых блюдах баранины и, приняв, потому ж поклонились, не выходя из-за стола. И принесли к хану чаю. И как хан пить стал, ближние и чиновные люди и они кланялись, сидя, откиня /л. 124/ ногу. А как хан выпил, принесли по чашке к Ники-

фору и к Ивану и, приняв, велели поклониться, и понорова с полчетверта часа, велели встать. А как из-за стола вышли, привели пред хана ко дверям и поставили на колени. А как стали на колени, поднесли хану в чашках золотых ренского. И как хан чашку принял и пил, и ближние люди все поклонились, а после того принесли того ж питья к Никифору и к Ивану в золотых же чашках и, приняв и выпив, хану кланялись. И не отпусая с того места, принесли в тех же чашках вина горячего и, приняв, /л. 124 об./ поклонились, и, прикушав немного, стольники чашки приняли. А как чашки приняли, велели сесть за столом по-прежнему. А как поднесли ренское и вино горячее, и пить все не принуждали.

А служилых людей имали после Никифора и Ивана пред двери ж на вольную сторону и подносили по чашке вина горячего. И посидев немного, принесли к хану чаю в другой ряд, а после хана подносили всем против прежняго. И приняв столы, велели им, /л. 125/ Никифору и Ивану, ис полаты вытти, а вышед ис полаты, на том же месте поклонились трижды.

А как были пред ханом, и хан, призвав ближняго человека, а с ним был асканяма, спрашивали. – Наскоро ль они ехали или был простой, и сколько месяцев как отпущены от царского величества, и в государстве государей наших студнее или в

их царстве Китайском?

И Никифор и Иван говорили, что /л. 125 об./ ехали они наскоро, однако ж де было и простою немало, а без простою в дороге никогда не бывает. А как от царского величества отпущены, тому уж 9-й месяц, а в государстве ль государей наших студнее бывает или в их государстве, про то им не ведомо, потому что они в Китайском государстве преж де сего в зимнее время не бывали.

А про здоровье царского величества хан, также и чрез ближних своих людей не спрашивал. /л. 126./

[60] А как ближней человек и асканяма пред хана приходили, тогда, на колени припадая, ханского приказу слушали и отповедь чинили, припадая ж на колени.

А хан сидел на соболях, азам был исподней камчатой песочной цвет, верхней – черной простой, шапка с соболем и кистью простою, чотки жемчужные большие, сидел на месте, и то место высоко будет, степеней с 5. /л. 126 об./ Хановы ближние люди сидели по обе стороны в 4 ряда на полу, а на полу были посланы войлоки белые. Да против хана с обе стороны сидело человек по 15, а Никифор и Иван сидели в ряд с теми ж ближними людьми с правую сторону от хана и по правую сторону ближних людей. А служилые люди сидели позади поодаль. А пред полатою сидели в один ряд чиновные ж люди. И всего было в

полате ближних и пред полатою чиновных людей с 500 человек и больше в чиновном платье и в шапках. /л. 127/ Стол был пред ханом в той же полате, в которой был и Николаю Спафарию.

Да позади ханского места стояли с пратазаны по 3 человека на стороне в чиновном же платье. А как хан сел на место, также и ближние люди сели, и те пратазанщики сидели ж.

А как от хана отпущены, и ханов ближней человек говорил. – Указал де ханово высочество оказать им /л. 127 об./ свою потеху, и вынесли 11 кречетов – 3 белых, 8 красных. И говорил. – Которых де кречетов прислал было блаженные памяти великий государь, его царское величество, ко государю их, к его богдыханову высочеству, с Николаем Спафарием, и те были к ловле зело добры, только де все от великих жаров померли, потому что де у них во все лето держат их в-ызбах земляных, а естли их держать наруже, то ни одна жива быть не может.

И Никифор и Иван спрашивали. – /л. 128/ Ис которых мест те кречаты к ним привозят? И ближней человек говорил, что де по указу богдыханова высочества промышляют их по Амуру подданные их, которые живут близ Амурского устья, а те де кречаты уж мытей по 7 и по 8 и по 9. И смотря тех кречетов, поехали на подворье.

Да у стола ж пред ханом с Ники-

фором /л. 128 об./ и Иваном были подьячей Алексей Ларионов, пятидесятников 2 человека, десятников 2 ж человека, толмач Тарас Афонасьев. И Тарас за столом не сидел, стоял близ Никифора и Ивана с осканямою.

Ноября ж в 11 день приезжал к Никифору и к Ивану дзаргучей Эркету и говорил. – Богдыханово де высочество указал им сего числа быть у стола в Мунгальском приказе²².

И Никифор и Иван и служилые люди /л. 129/ у стола в Мунгальском приказе были. А у стола были того приказу асканам да чиновной человек, и асканьям стол был же, а чиновной человек за столом не сидел, стоял подле Никифора и Ивана и их подчивал. А преж де стола кланялись, став на колени, девятью. А как с столов собрали, принесли к асканьям в чашке серебряной, так ж и к ним, Никифору и Ивану, в чашках принесли ж вина горячего, и приняв и выпив, кланялись, не выходя из-за стола. /л. 129 об./

А после стола на том же месте кланялись трижды и отпустили на подворье.

Асканьям ж при отпуске говорил. – Богдыханово де высочество жалует их утре другим столом, и чтоб они тое ханову милость ведали и утре с присланными к ним дзаргучей к столу ехали.

[61] Того ж числа приходил к

Никифору и к Ивану дзаргучей Баринама, которой приставлен был на дворе, /л.130/ и говорил. – Прислали де ево, Баринаму, ближние люди, а велели им сказать: буде царское величество изволят впредь о чем к богдыханову высочеству писать, и те б грамоты указали присылать для лутчего выразумения на мунгальском языке. И для того указал ханово высочество дать им образцовое письмо. И то письмо отдано им будет при отпуске.

И Никифор и Иван говорили, что они письмо примут, и царского /л. 130 об./ величества ближним людем донесут.

Того ж числа приезжал асканяма и говорил. – Богдыханово де высочество указал их отпустить ноября в 14 день и с ними к царскому величеству посылает свою богдыханова высочества любительную грамоту, и чтоб они к тому числу готовились, а больши того жить им не дадут.

И Никифор и Иван говорили, /л. 131/ что им того числа, как он, асканяма, объявляет, выехать из царства невозможно для того, что кони и верблюды от дальняго пути изнужены, а иные многие, приехав в царство, померли, и поднятца в такой дальней и нужной путь не на чем, а купить вновь негде для того, что з двора людей их, также и на двор, никово с продажными верблюды не пускают.

И асканяма говорил. – Ханово де

высочество для скорого их отпуску /л. 131 об./ и для поспешения в дороге указал им дать верблюды и кони из своих табунов добрые, а их верблюды и кони, также и у служилых людей, взять на себя. А которые кони и верблюды у них в царстве приняты на корм и померли, и вместо тех верблюдов и коней дать указал же, и чтоб они к тому числу были готовы, а верблюды де и кони на двор приведены будут пред отпуском.

Никифор и Иван на ханове жалованье били челом и говорили, что /л. 132/ они того числа ис царства поедут. Да асканьяме ж говорили. – Объявляет он, асканяма, что богдыханово высочество посылает с ними к великим государем, к их царскому величеству, свою богдыханова высочества грамоту, и богдыханово б высочество указал в той своей грамоте царского величества имянованье и титулы написать против того ж, как написано в их царского величества грамоте, и с той бы грамоты дан им был список. /л. 132 об./

И асканяма говорил. – Богдыханово де высочество в грамоте своей царского величества имянованье и титулы против того, как они, великие государи, сами себя описуют, написать не указал, а указал писать так, как у них есть истари обычай. А как де был Николай Спафарий, и он домогался того, чтоб царского величества к имянованью написаны были титулы против того ж, как написано

было царского величества в грамоте. И ему в том отказано ж. И для того он без грамоты и отпущен. А как он, Николай, /л. 133/ был у хана на дворе для принятия подарков, и с ним о том по указу богдыханова высочества колай с товарищи приказывали: естли великие государи, их царское величество, изволят впредь к хану их прислать для каких дел с своею царского величества грамотою, и те б от царского величества присланные чинили во всем по их обычаю, как у них обычай есть истари. А естли то будет царскому величеству противно, и великие государи впредь к ним и не присылали б, и разве де он, Николай, тот их приказ царского величества /л. 133 об./ ближним людям не возвестил? А что они говорят, чтоб им с той хановы грамоты дан был список, и ханово де высочество список с ними по-латине послать указал. И тот список отдан им [62] будет утре на ханове дворе в том же месте, где принята у них царского величества грамота, вместе с хановою грамотою. А о чем богдыханово высочество в грамоте своей к царскому величеству писать будет, и им тое грамоту утре прочтут, а особой список им дан не будет, и чтоб они о том и о имянованье царского /л. 134/ величества впредь и не упоминались. А как будут у царского величества, и они б о том и о их старом обыкновении царского величества ближним лю-

дем донесли.

Того ж числа посылали к асканьяме толмача, а с ним посылали мех пупчатой соболей, 10 пар соболей добрых, чтоб он, асканьяма, к великим государем, к их царскому величеству службу свою показал, ханова высочества ближних людей наговорил, чтоб в ханове грамоте /л. 134 об./ царского величества имянованье и титулы написаны были сполна так, как они, великие государи, в грамоте своей сами себя описуют.

И толмач, пришед, сказал. – О чем они, Никифор и Иван, к асканьяме посылали, и то ему, асканьяме, говорил и что с ним к нему посылали, объявил. И асканьяма де ему сказал, что ему того никоими мерами учинить невозможно. А что к нему прислали от того, и они б де, хотя обещали многие тысячи, /л. 135/ и ему так ж и ближним людям с тем их предложением к хану итить невозможно. И в том де отказал.

Ноября в 12 день приходил дзаргучей и говорил. – Прислал де ево, дзаргучея, асканьяма для того, чтоб они ехали на ханской двор, не мешкая. А как приехали на двор, и асканьяма говорил. – Богдыханово де высочество указал послать с ними к царскому величеству свою богдыханова высочества грамоту, а что в ней /л. 135 об./ пишет, указал им прочесть, и они б слушали. И Никифор и Иван говорили, что они слушать будут.

И асканьяма говорил. – Донесено де до богдыханова высочества чрез Данила Аршинского, что царское величество желает, чтоб на обе стороны послы ходили, также б и торговые люди промыслы чинили, и к нему де, Данилу, посылали, чтоб /л. 136/ подданного их Гантимура, отдал, и оттого может то учинитца, о чем он сказал, что без указа царского величества отдать не смеет, а будет о том писать к царскому величеству, и как де указ будет, и он ево к ним прислать хотел. И по той де их посылке Гантимур не отдан. А после де того Микифор Черниговской²³ и прочие грабежи и убытки подданным их учили чинить. И хан де их к царскому величеству об отдаче Гантимура, и чтоб впредь на рубежах никаких задоров не чинились, писал, и тот /л. 136 об./ лист послал в Нерчинской: и естли оттого престанут, и оттого учинитца мирное постановление. И на тое де от хана к царскому величеству посылку ответу не бывало, и Гантимур не отдан, и учили задоры чинить паче прежняго. А как де был прислан Николай Спафарий, и он де говорил, что из грамот, о чем писано, не выразумели, и их привозил с собою. И по указу ханову ему, Николаю, ближние люди говорили, чтоб Гантимур был отдан. И после отпуску ево никакие отповеди не бывало ж. И после де /л. 137/ того, будучи в Албазине на промыслех, людей без всякие при-

чины побивали и грабили, и с подданных их ясак на себя збирали, и подданных их к себе принимали, и в Албазинской де об отдаче тех людей к Алексею Толбазину посылали. И он де говорил, что без указа царского величества отдать их не смеет же, а хотел о том писать к царскому величеству. И естли де указ об отдаче прислан будет, и он их отдаст. И о том де никакова к ним ответу не бывало ж, и те беглецы не отданы.

[63] А как де до хана их донесено, что /л. 137 об./ людей их не отдали и убытки и разорение чинят, и хан де послал войско свое и Албазинской взяли, а из них ни одного человека убить не велел, а велел отпустить всех, только де из них 40 человек, которые итить в сторону царского величества не похотели, а остались при войске их, и те все живы и ханово жалованье – корм им дают. А как их отпустили, и им наказали, чтоб впредь на то место не приходили, а жили б на своих границах. И после де того 400 человек в Албазин пришли по-прежнему и почали /л. 138/ чинить всякое разорение и на промыслех побиение паче прежняго. И как де до хана их донесено, что обычая своего не пременили, велел Албазинской войскам своим осадить для того, что те люди приказ их царскому величеству не известили. А как де был Николай Спафарий, и он де обыкновения их не знал и зело грубо поступал. А ныне ему, Ники-

фору, и протчим приказал хан ехать наскоро, а войскам, которые под Албазиным, велел отйти, покамест придет посол, и впредь бы никакова задору до приезде посоль/л. 138 об./ского не чинили.

Асканьяма ж говорил, чтоб они подождали, а он тое грамоту им отдаст. А как он отдавать станет, и они б ее приняли, став на колени.

И Никифор и Иван говорили, что в той ханове грамоте царского величества имянование и титулы против их царского величества грамоты, кокова с ними прислана, /л. 139/ не написано, и для того им хановы грамоты принять невозможно, а чтоб богдыханово высочество указал в той грамоте своей царского величества имянованье и титулы написать сполна, как они, великие государи, сами себя описуют, и тое б грамоту отдал ханово высочество из своих рук. А что он говорит, чтоб тое хана их грамоту принять, став на колени, и того им учинити никоими мерами невозможно. /л. 139 об./

И асканьяма говорил. – Как де у них был Николай Спафарий, и с ним, Николаем, об отдаче и о приеме грамот, так ж и о имянованье называли: естли кто впредь от царского величества к хану их прислан будет, и они б чинили во всем по их обычаю, и разве де Николай приказ царскому величеству не известил? И естли де учнут они чинить обычаю их противность, и они отпущен-

ны будут без грамоты так ж, как и Николай Спафарий, и что учинили они к мирному постановлению, тем своим /л. 140/ упорством испортят, и чтоб грамоту приняли безо всякого спору. А что они говорят, чтоб грамота отдана была пред хановым высочеством, и то никогда у них не бывало и ныне не будет.

И Никифор и Иван асканьяме в приеме грамоте отказали и з двора ханского поехали на подворье.

Того ж числа приезжал дзаргучей и говорил. – Прислали де ево к ним /л. 140 об./ ближние люди и велели им сказать, чтоб они ехали для принятия грамоты на ханской двор, и грамоту, которую хан их посылает к царскому величеству, приняли, став на колени, а буде, став на колени, грамоты не примут, и они б утре в путь свой готовились и больши того присылки к себе не ожидали.

И Никифор и Иван, говоря о том упорственно и видя, что грамоты у них, стоя, принята не домоглись, а отпустить хотят вскоре, и чтоб не отпустили без грамоты, говорили, /л. 141/ что для самых нужных дел грамоту примут.

И того ж числа на ханове дворе грамоту приняли у асканьямы в том же месте, где царского величества грамоту принял калай с товарыщи. А нес грамоту он же, асканама, в средние ворота, в которые хан ходит, а окроме хана [64] в те ворота никто не ходит. Да в то же время от-

дали и список латинским письмом да письмо образцовое мунгальское и говорили, чтоб /л. 141 об./ царское величество впредь указал к хану их грамоты присылать на трех языках: на русском, на латинском да для лутчаго им выразумения на мунгальском. И то письмо Никифору и Ивану отдали. А Никифор и Иван, приехав к Москве, то письмо подали в Государственном Посольском приказе²⁴.

Асканяма ж говорил. – Указал де им ханово высочество сказать, чтоб они в пути своем поспешили. А как будут у великого и полномочного посла, и они б ему предложили, чтоб и он для успокоения войны в царство ехал с поспешением же. /л. 142/

При отдании ж грамоты спрашивал аскамба. – Великие и полномочные послы в царство которою дорогою поедут, чтоб им о приезде их и о встрече было ведомо.

И Никифор и Иван говорили. – Которою дорогою великие и полномочные послы поедут, про то им не ведомо. /л. 142 об./

Того ж числа были Никифор и Иван у стола в Мунгальском же приказе: столы были во всем против прежняго.

Того ж числа по присылке от езуита Фердинанта были Никифор и Иван у езуитов, а с ними ездил аскамба, которой приставлен у ворот, да заргучей Эркету. И как приехали к езуитам, /л. 143/ и аскамба

и заргучей, пришед в костел, кланялись образу всемилостивого Спаса и пресвятой богородицы, воздев руки, трижды в землю припадывая на колени. А Никифор и Иван молились как обычай у христиан. А после того езуит звал аскамбу и Никифора и Ивана в полаты. А как в полаты пришли, сели по местам: аскамба сел с левые стороны, а Никифора и Ивана посадили с правые /л. 143 об./ стороны и подчивали чаем, и быв у езуитов с полчетверти часа, отъехали.

Езуит ж Фердинант про отпуске говорил, что ему с ними, Никифором и Иваном, при аскамбе ни о чем говорить было невозможно для того: естли б они о чем говорили, и они будут в подозрении, а приезду ево, аскамбина, к себе он не чаел, а пошлет /л. 144/ с ними грамотку к Николаю Спафарию и о всем отпишет. А на посольской двор окроме того, что был с колаем, не приезживал.

Того ж числа приходил к Никифору и к Ивану от езуита человек ево Францышка, родом Ческие земли, а остался он, Францышек, от галанских послов для научения китайского /л. 144 об./ языка и грамоты.

И Никифор и Иван Францышку говорили. – Бude он что слышал от езуитов о намерении хана китайского, чего он желает с стороны царского величества, также и о иных делах, и он бы им сказал, а они ему за то учинят почесть.

И Францышек говорил. – /л. 145/ Хан де китайской желает быть с царским величеством дружбы и любви и чтоб война конечно успокоить. Только де он от езуита слышал, что Албазинскому в стороне царского величества не быть.

У Францышка ж спрашивали по тайному наказу. – Инженеры у хана китайского есть ли, и буде есть, /л. 145 об./ какого народу – китайского ль или немцы, также пушки и гранаты есть ли, и хто делает, и колько пехотных и конных полков в зборе будет, и что под Олбазин войск послано?

И Францышек говорил. – Инженеров де в Китайском государстве нет, а пушки и гранаты есть. А почали гранаты делать езуит Фердинант с товарищи, /л. 146/ а при них де у того же гранатного дела 2 человека русских людей.

[65] А зделали де только 30 гранат да вновь вылито 30 пушек, А как де гранаты при хане пускали, и хан де строение гранатное зело похвалили, и те гранаты указал было послать под Албазинской, только те гранаты не посланы за их приездом. А про войско сказал, что ему про то подлинно не ведомо, а езуиты де говорят, /л. 146 об./ что у хана китайского пехотных полков малое число и к воинскому строю не заобычны.

От езуитов же де он слышал, что под Олбазинской послано войска 12 000 конницы и пехоты, окроме ра-

ботных людей, которые в работе на бусах. /л. 147/

У Францышка ж спрашивали о галанских послах. – В Китайское государство для каких дел приезжали, и не остались ли от них немцы к хану китайскому в службу, и для чего приезжали – получили ль?

И Францышек говорил. – Галанские де послы приезжали в Китай для торговых промыслов и чтоб им поволено было и впредь приез/л. 147 об./жать. И хан де им в том оказал, и впредь для торгов приезжать приказал. А приезд де и отпуск учинили против обычаев иных государств противной. И как де им о выезде из Китайского государства был срок в которой день выехать назначен, и галанские де послы того дня ехать было не похотели, и хан де велел их выслать не чесно. /л. 148/

Хан же де китайской хотел было к великим государем послать послов своих, только де тое посылку отговорили ближние люди для того, что от китайских ханов никогда ни в которое государство послы не посылаваны. А послал де хан к великим государем грамоты с езуитом именем Перерроу²⁵.

Ноября в 13 день приезжали /л. 148 об./ заргучей и говорили. – Богды де ханово высочество жалует их своим ханским жалованьем на отпуске, и чтоб они для приему жалованья на ханской двор ехали.

И Никифор и Иван на ханском

дворе были и подарки по многим спорам приняли, став на колени. /л. 149/

А подарков Никифору Венюкову дано: азам камчатой на мерлушках овчинных белых; камка местами протыкана соломенкою; шапка теплая с кистью шолковою красною; пояс, а на поясу 2 мошонки; 4 платка; нож; сапоги кожаные черные; /л. 149 об./ лошадь с седлом и с уздою и с паперстью, с кистями красными волосяными, оправа медная; 2 постава камки, местами протыкано соломенкою, по 18 аршин в поставе; портище отласу вишневого; портище отласу асинового; 34 китайки.

Ивану Фаворову во всем против того ж. /л. 150/

Подъячему Алексею Ларионову: озам камчатой на мерлушках же белых; шапка; сапоги; пояс с платками и с ножиком и с мошенками; постав камки черной; портище отласу вишневого; 16 китаек.

Толмачам, 2 человеком по азаму камчатому /л. 150 об./ на мерлушках же, с поясом и с платками и с ножиком; по шапке теплой; по сапогам; по портищу отласу; по 8 китаек.

2 человеком пятидесятником против дачи толмачей; 2 человеком десятником по азаму камчатому, по портищу отласу, по 8 китаек. /л. 151/ Служилым и Никифоровым и Ивановым людям по портищу отласу, по 8 китаек.

А как приняли подарки, объа-

вили заргучей заргучея да сотника и говорили. – По указу де бугдыханова высочества велено им, заргучею и сотнику, быть у них до Калгана в приставех.

[66] Того ж числа приехали заргучей, а с собою привели кони /л. 151 об./ и верблюды и говорили, чтоб они, Никифор и Иван, и служилые люди кони и верблюды, которые годятца к ходу, взяли и на милости ханской били челом.

И Никифор и Иван и служилые люди, взяв кони и верблюды, на ханове жалованье били челом.

А как Никифор и Иван приехали в Китайское государство, /л. 152/ в Пежин, и им давано поденного корму и питья с приезде до отпуску: гусь, курица, 2 барана живые, чашка чаю, чашка муки пшеничной в полчетверти фунта, 2 ложки масла коровья, рыбы по 2 язя, крушка в чай молока, по 2 фунта пшена сорочинского на день. /л. 152 об./ Да Никифору ж и Ивану с служилыми людьми по 3 ведра дарасуну на день. Да Никифору ж и Ивану с служилыми людьми в дорогу привели на корм 160 баранов. И Никифор и Иван тех баранов не приняли для того, что за великими грязьми гнать было немочно, а говорили, /л. 153/ чтоб им даван был корм в дороге против прежняго.

И заргучей говорили, что им в дороге корму не будет, а чтоб они тех баранов приняли. А буде за ве-

ликими грязьми баранов взять немочно, и они вместо тех баранов дадут деньгами для того, чтоб им в кормех мешкоты не было. /л. 153 об./ И дано за бараны 80 лан, а подвод ис царства до Калгана не дано. А заргучей говорили. – Бугды де ханово высочество подвод дать им не указал для того, что им даны кони и верблюды добрые.

Ноября в 14 день ис царства поехали и, отъехав 5 верст, начевали для того, что выехали /л. 154/ позно, и был дождь великой.

Ноября в 24 день приехали в Калган. И калганской воевода встретил Никифора и Ивана у ворот по-прежнему и, проводя за ворота, привитався и подчивав чаем, пошел в город, а заргучей и сотник, которые провожали ис царства до Калгана, проводили версты с 2 и отъехали. /л. 154 об./

Декабря в 20 день приходили приставы Котан-кошучи да Сырен и говорили. – Ведомость де им есть, что хан и Кутухта с совету в ургу не бывали, а совет де кончился, а на чем, того не ведомо. А как в ургу будут, и о том подлинной ведомости нет же. А он де, Катан, утре поедет к хану навстречу об отпуске их /л. 155/ ис Китайского государства и о приезде в ургу возвестить. А до урги и от урги до Селенгинского провожать их будет Батура-контайши пристав Сырен, и чтоб они утре ево, Котана, отпустили.

И Никифор и Иван, подаря, Котана отпустили декабря в 26 день. /л. 155 об./

Да пристав же Сырен говорил. – Очирой де хан и Кутухта с совету послали х китайскому хану с ево присланным алихамбою²⁶ в послех: хан – сына своего большого Галдана-тайшу²⁷, Кутухта – большого своего хабу кубилгана Аразатбу. /л. 156/

И Никифор и Иван у пристава спрашивали. – На чем тот их совет кончился, и для чего в послех хан сына своего послал?

И пристав говорил. – На чем де тот совет кончился и о чем советовали, про то ему не ведомо для того, что с того совету в дома свои еще никто не бывал. /л. 156 об./

Декабря в 28 день приехали в ургу и пристав в урге остался для того, что кони и верблюды пристали, а в провожатых из урги послали служилого мунгалетина.

Генваря в 10 день приехали в Селенгинской и вышеписанного мунгалетина, подаря, отпустили того ж числа. /л. 157/

[67] В полк к окольнічему и воеводе к Федору Алексеевичю приехали марта в 12 день. И окольнічей и воевода, взяв китайского хана з грамоты список и переводчи, отпустил марта в 20 день. В Нарым приехали /л. 157 об./ мая в 5 день. И того ж числа посылали к стольнику и воеводе к Василью Трегубову с подо-

рожною подъячего Алексея Ларионова. И стольник и воевода Василий Трегубов в подводах и в воже отказал и подорожной не принял.

В Тоболеск приехали /л. 158/

мая в 29 день. Ис Тобольска поехали июня в 4 день. К Москве приехали июля в 17 день.

РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1 кн. 8, лл. 1–158. Список XVII в.

Примечания:

¹ Венюков Никифор Данилович – подъячий Посольского приказа с 1671 г. Вместе с Иваном Фаворовым в течение ряда лет принимал участие в установлении русско-китайских дипломатических связей. В 1675–1678 гг. ездил в Китай в составе посольства Н. Г. Спафария (см.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. М., 1969, с. 336, 346). Н. Венюкову приписывается сочинение под названием «Описание новые земли сиречь Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство и какой той земле положение», составленное, по мнению историка А. И. Андреева, в 1685–1686 гг. (см.: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М.-Л, 1960, с. 69–71; Лебедев Д. М. География в России XVII века. М.-Л, 1949, с. 200). Сочинение получило широкую известность, особенно на Западе.

Фаворов Иван – с 1674 г. подъячий Посольского приказа, где одновременно выполнял функции картографа. Известно, что в конце XVII в. ему поручались важные картографические работы. Так, в 1695 г., накануне первого Азовского похода, он составил карты нижнего течения Дона и северного побережья Черного моря (см.: Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, с. 581–582).

В декабре 1685 г. Н. Д. Венюков и И. Фаворов были посланы в Пекин, чтобы передать цинскому правительству грамоту с сообщением о скором прибытии на границу русского посла для ведения переговоров.

² Василий Васильевич Голицын (1643–1714) – князь, боярин, фаворит царевны Софьи. Объединил под своей властью все важнейшие приказы, с 1682 по 1689 г. являлся главой Посольского приказа. Руководил всей внешней политикой Русского государства, обладал незаурядными дипломатическими способностями. Заключил «Вечный мир» с Польшей в 1686 г., принимал участие в организации посольства Ф. А. Головина, в Чигиринских походах 1677 и 1678 гг., в русско-турецкой войне и Крымских походах 1687 и 1689 гг. С

падением правительства Софьи в 1689 г. был сослан в Архангельский край.

³ Речь идет о маньчжурском военачальнике Пэнчуне, участнике походов на Албазин.

⁴ Святая неделя – первая неделя после пасхального воскресенья, в 1686 г. продолжалась с 4 по 10 апреля.

⁵ Кутухта, Хутухта-геген, Ундур-геген – так в документах называется сын Тушету-хана Гомбодоржа Лубсан Дамба-Джамцан (1636–1723). В 1641 г. он был провозглашен хубилганом тибетского историка Даранаты. В 1649 г. уехал в Тибет, где от Далай-ламы получил титул Джебдзун Дамбы-хутухты. В 1651 г. вернулся в Халху и стал первым ургинским хутухтой и главой ламаистской церкви в Монголии. Занимался строительством храмов и монастырей, способствовал распространению буддизма. Полномочный посол Ф. А. Головин в письме к судье Посольского приказа В. В. Голицыну писал о нем следующее: «А от Селенгинского меж владения Чарой Сайн-хана к полудню идет их же мунгальского духовного чину имянуемый Кутухта, вышеписанному Чарай Сайн-хану родной брат, и над всеми над теми мугальскими владетели в духовном и свецком чину зело силен. А приемлет тот Кутухта по своему закону посвящение Далай-ламы, которой кочует за мунгалами на полдень и сказывают, что зело великое владение его есть, а называется Тангуцкой земли и закона. А у того вышепомянутого Кутухты зделаны по реке Чикой и Толе, которая впадает от полудня в Чикой, монастыри многие, ограды имеют каменные, в которых живут их законники» (РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн. 9, лл. 659–659 об.).

Стремился поддерживать добрые отношения и с Русским государством и с Цинами, отдавая предпочтение последним. Проманьчжурская ориентация сыграла решающую роль и в выборе подданства. Ундур-геген вместе с братом Тушету-ханом Чихунь Доржи, который потерпел поражение от Галдана Бошокту-хана, были вынуждены бежать в пределы Цинской империи искать помощи и защиты. В «Эрдэнийн эрихэ» отмечается, что Геген, просивший принять в подданство его и принадлежащих ему шабинаров, тем самым просил за всех дзасаков: «Все тайчжи восточной и западной сторон, считая меня за учителя-ламу, говорили мне: если хутухту говорит, что он поддастся, мы также поддадимся, равно и абаганарские тайчжи, и находящиеся у караулов говорили мне: и мы поддадимся» (Позднеев А.М. Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880, с. 7–8).

В 1691 г. под влиянием Ундур-гегена большинство монгольских тайджи приняли маньчжурское подданство и на Долоннорском съезде было офици-

ально оформлено вхождение Халхи в состав Цинской империи. За ургинским хутухтой сохранилось главенствующее положение среди ламаистского духовенства Монголии.

Ундур-геген под именем Занабазара был известен в Монголии также как мастер буддийской скульптуры (см.: Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века, с. 147–149; Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»; Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в., с. 126–151).

⁶ Имеется в виду Шидишири Батур-хунтайджи, брат Тушету-хана Чихунь Доржи. Как и последний, он являлся сторонником Цинов. Участвовал в примирительном съезде в Хурэн-Бэлчире в 1686 г., возглавил объединенные отряды монгольских тайджи во время осады Селенгинска в январе–марте 1688 г. После принятия маньчжурского подданства получил звание бэйлэ. Шидишири Батур-хунтайджи принимал участие в походе цинского императора в 1697 г. против Галдана Бошокту-хана. Вернувшись в Халху, занимался строительством храмов и кумирен. Умер в 1705 г. (см.: Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ», с. 185, 186, 247, 264; Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века, с. 131–143).

⁷ Речь идет о так называемом примирительном съезде халхаских князей в Хурэн-Бэлчире, который проходил, по китайским источникам, с 18 по 23 сентября, по данным русских документов – с 1 августа по декабрь 1686 г.

Причиной междоусобной борьбы в Халхе послужили события, связанные с убийством Дзасакту-хана Ваниука и вмешательством Тушету-хана Чихунь Доржи, который, воспользовавшись нестабильностью положения в Дзасактуханском аймаке, захватил часть имущества и аратов Дзасакту-хана. Попытка Далай-ламы примирить ханов не имела успеха. В прекращении борьбы в Северной Монголии было заинтересовано и цинское правительство из-за надвигающейся опасности со стороны джунгарского хана Галдана. Поводом для вмешательства маньчжуров в монгольские дела явилось обращение Дзасакту-хана Ценгуна к правителю Цинской империи с просьбой посодествовать в возвращении подданных, захваченных Тушету-ханом. Для обеспечения успеха маньчжуры еще в 1684 г. пригласили к участию в примирении Далай-ламу и предложили ему направить в Халху своего посла вместе с цинским. Однако посланец Далай-ламы по дороге в Халху умер, и только в конце 1685 г. был назначен новый – настоятель Галдановского монастыря Галдан-ширетуй. Цинскую сторону на примирительном съезде представлял глава Палаты внешних сношений (Лифаньюань) Арани. Были приглашены крупнейшие монгольские князья, в том числе

Цецен-хан, Ундур-геген, Шидишири Батура-хунтайджи, Дзасакту-хан и др. Зачитанный на съезде указ императора Канси призывал монголов к примирению. Монгольские ханы и тайджи принесли клятву в вечном мире и согласии, обещали вернуть все незаконно захваченное. Несмотря на внешний успех, после Хурэн-Бэлчирского съезда прежние распри не прекратились. Тушету-хан не спешил возвращать чужих аратов, и борьба продолжалась (подробно см.: Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ», с. 182–186; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758, с. 172–176; Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в., с. 116–121).

⁸ Видимо, имеется в виду посол Ундур-гегена Манжита-лама, который в декабре 1675 г. вместе с послами Тушету-хана Чихунь Доржи и Шидишири Батура-хунтайджи прибыл в Москву. Присутствие на празднике крещения так подействовало на Манжита-ламу, что он подал челобитную о принятии православной веры. Получив разрешение, он совершил обряд крещения и остался жить в Тобольске (см. РГАДА, ф. Монгольские дела, оп. 1, 1675 г., д. № 1, лл. 1–152; 1676 г., д. №2, лл. 1–8). Тобольский сын боярский Ф. Михалевский, будучи в марте 1678 г. в улусе Ундур-гегена, на требование вернуть посла ответил: «А посланец их Манжита-лама остался царьского величества в Сибири в Тобольску для своих дел добровольно, и ехать к ним он в Мунгальскую землю не похотел, и живет ныне в Тобольску для своих дел, а не в неволю оставлен» (см.: СПБОО РАН, ф. Портфели Миллера, оп. 4, кн. 23, док. №317, л. 369).

⁹ Речь идет о Цебден-тайджи, сыне дзасака Шибтуй Хатан-батура, двоюродного брата Тушету-хана Чихунь Доржи, являлся вассалом последнего. Под властью Цебдена находились табунгутские тайджи (см.: Мэн-гую-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях, с. 63, 68, 69; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2. М., 1972, с. 198, 202, 207, 780 и др.).

¹⁰ Гыгын-хан, Геген – один из титулов первого Цецен-хана Шолая, который подарил его двухлетнему будущему главе ламаистской церкви Лубсан Дамба-Джамцану. И с тех пор в исторических сочинениях этот титул у Цецен-ханов, как правило, не встречается. Только в 1728 г. внук Цецен-хана Умухей вновь получил титул Геген Цецен-хан. В 1781 г. титул был утвержден за Цецен-ханами навсегда. В статейном списке речь, видимо, идет о внуке Шолая – третьем Цецен-хане Норбо, который умер в 1687 г. Кочевья его распространялись «между полуднем и востока круг великого озера Далай и реки Онона и иных, имеет под собою многих тайшей мунгальских и равных родов иноземцов» (РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 1, кн.

9, л. 655 об.). На западе они граничили с Тушетуханским аймаком, на севере соприкасались с русскими землями (см.: Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях, с. 86–87; Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ», с. 55–56, 134–136).

¹¹ Речь идет о первом наступлении маньчжурских войск и осаде Албазина в июне 1685 г. Хотя первые нападения превосходящих сил противника были отбиты, русский гарнизон был вынужден 5 июля оставить подожженный цинскими войсками город. Маньчжуры разрешили русским уйти в Нерчинск, а Албазин был скрыт до основания (см.: Мелихов Г. В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М., 1974, с. 141–169; Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.), с. 138–154).

¹² После ухода маньчжурских войск из-под Албазина русские отряды вернулись в город и восстановили его. Узнав об этом, цинский император приказал в июне 1686 г. вновь осадить Албазин. Однако маньчжурские войска, подошедшие к городу в начале июля, взять его не смогли. В октябре 1686 г. цинская армия предприняла последнюю попытку овладеть Албазином штурмом, но потерпела поражение. Приближение зимы и военные неудачи поставили маньчжуров в тяжелые условия, и цинское правительство было вынуждено пойти на установление дипломатических отношений с русскими. Но еще раньше, получив сообщение сибирских воевод от 15 ноября 1685 г., русское правительство, встревоженное притязаниями маньчжуров, направило И. Фаворова и Н. Венюкова с царской грамотой к богдыхану о согласии начать мирные переговоры (см.: Мелихов Г. В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М., 1974, с. 173–177; Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах, с. 138–154).

¹³ Речь идет о маньчжурском генерале Пэнчуне. Принимал участие в 1682 г. в разведывательном походе на Нерчинск, в первом и втором походе на Албазин. С 1690 г. воевал против Галдана Бошокту-хана. Умер в 1701 г. (см.: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980, с. 167–169, 192–194 и др.).

¹⁴ Спафарий (Милеску) Николай Гаврилович (1636–1708) - выходец из Молдавии, ученый, политический деятель, дипломат. Образование получил в Константинополе и в Италии. Принимал активное участие в политической борьбе, которая развернулась в Молдавии и Валахии в 50–60-х годах XVII в. Был вынужден покинуть родину и после долгих скитаний в 1671 г. поступил на русскую службу переводчиком в Посольский приказ. В 1675–1678 гг. возглавил русское посольство в Китай. И хотя результаты посольства были незначительны, созданные в этот период географические

труды Н. Г. Спафария явились ценным вкладом в изучение Сибири и Китая XVII в. и населявших их народов (см. подробно: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке, с. 131–163; Мясников В. С., Тарасов В. Н. Труды и дни Николая Спафария. - Проблемы Дальнего Востока. 1985, № 2 и 3).

¹⁵ Вербист Фердинанд (1623–1688) - голландец, миссионер ордена иезуитов. В Китай прибыл вместе с другими миссионерами в 1659 г. В 1660 г. возглавил Астрономическую палату. Пользовался большим доверием маньчжурского императора. С 1671 г. был наставником Канси в изучении европейских наук. Ф. Вербист перевел ряд европейских сочинений по астрономии и математике на китайский и маньчжурский языки (см.: Baddeley J. F. *Russia, Mongolia, China*. Vol. 2. L., 1919, с. 433–435).

В 1682 г. совершил поездку вместе с цинским императором в Маньчжурию, после чего был назначен одним из руководителей Гунбу (Министерства общественных работ) по осуществлению программы оснащения цинской армии европейским вооружением. Под его руководством был построен первый пушечный завод в Пекине.

Принимал активное участие в качестве переводчика в переговорах с Н. Спафарием, которому сообщал ценную информацию об истинных намерениях цинского правительства. С посольством Спафария Ф. Вербист направил царю Алексею Михайловичу просьбу о зачислении его на русскую службу в Посольский приказ (см.: РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1674 г., д. № 2, ч. 2, лл. 289–295).

Предполагалось его участие в переговорах с русским послом Ф. А. Головиным, но Ф. Вербист в 1688 г. погиб (см.: Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке, с. 146–147, 166, 195–198, 215 и др.).

¹⁶ Аршинский Данила Данилович, тобольский сын боярский, в 1668–1674 гг. – нерчинский воевода. По собственной инициативе направил в 1670 г. в Пекин посольство во главе с нерчинским сыном боярским И. Миловановым, который предложил маньчжурскому императору быть «под высокою рукою» московского царя (см.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1, док. № 132, 135, 137, 139).

По всей вероятности, этот поступок Аршинского остался без последствий, хотя Н. Спафарий и сообщал в Пекине об «опале» нерчинского воеводы.

¹⁷ Толбузин Алексей Ларионович, албазинский воевода (с 1684 г.), участник и организатор обороны Албазина от маньчжурских войск в 1685 и 1686 гг. В июне 1686 г. умер от ран.

¹⁸ Речь, видимо, идет о защитниках Албазина, которым маньчжуры

предложили свободно уйти с оружием и снаряжением. Однако часть служилых людей (около 50 человек) во главе с В. Захаровым, участником посольства И. Милованова в Пекин, маньчжуры «прельстили» перейти в свое подданство. Еще раньше многие из отряда (в 73 человека), направленного в конце июля 1683 г. из Албазина в Бурею, и его командир Г. Мыльник попали в плен при столкновении с маньчжурской флотилией (см.: Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах, с. 126–128).

¹⁹ Гантимур – влиятельный эвенкийский князь, кочевал между реками Аргунь и Нонни в Северной Маньчжурии, владел «многими даурскими нашенными людьми» по р. Шилке. Отношения с Русским государством установил сразу, как только в Приамурье появились служилые люди. В 1651 г. впервые уплатил им ясак. Не желая ссориться с цинскими властями, сохранял двойное подданство до 1667 г., когда, отказавшись принимать участие в войне против русских под Кумарским острогом, порвал связи с маньчжурами. Об этом сообщалось в отписке нерчинского воеводы Д. Д. Аришинского от мая 1670 г.: «В прошлом... во 175 году при Ларионе Толбузине пришел из Богдойские земли в Нерчинской острог под вашу великих государей царьскую самодержавную высокую руку князец, родом тунгус Нелюдиково роду, Гантимур с детьми и з братьями и с улусными своими людьми, 40 человек. И ныне тот Гантимур з детьми и з братьями и с улусными людьми платит вам, великим государем, ясак в Нерчинском остроге по 3 соболя с человека» (см.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1, док. № 135, с. 275).

Опасаясь претензий Гантимура на прежние владения в районе р. Нонни и влияния его на тунгусские племена, переселенные в глубь Маньчжурии, цинское правительство вплоть до заключения Нерчинского договора постоянно требовало выдачи князя (см.: Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958, с. 32–37, 109–111; Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке, с. 119–121, 134–136, 153–160 и др.).

В июне 1684 г. Гантимур и его старший сын Катанай приняли крещение. Князь получил имя Петр, его сын – Павел. После крещения они были отправлены в Москву, но по дороге в Нарыме Гантимур умер. Его сына Павла в Москве наградили дорогим оружием и одеждой и в марте 1685 г. с подарками для 12 братьев и 9 сыновей отправили в Нерчинск. Павел Гантимуров просил защитить его и весь его род и улусных людей от маньчжуров и монголов. Русское правительство сохранило за ним и его потомством княжеский титул и записало в состав российского дворянства по «московскому списку». Енисейскому воеводе С. Собакину было поручено выстроить ему в Нерчинске дом и от маньчжуров охранять с особенным «радением»

(см.: РГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1355, ч. 1, лл. 60–62, 66–81, 94–97, 106–112).

²⁰ Речь идет о грамоте цинского императора, посланной еще перед началом осады Албазина московскому правительству и содержащей условия мира. Грамоту в трех экземплярах (на русском, латинском и китайском языках) передали в Албазин А. Л. Толбузину 11 июня 1685 г. отпущенные из плена «промышленные люди» Ф. Тельный и Г. Дмитриев. Такие же грамоты были посланы в Якутск, через Северную Монголию в Селенгинск и через Джунгарию в Тобольск. 15 ноября 1685 г. в Москву была доставлена грамота, посланная через Северную Монголию с казаками Якимом Ивановым и Григорием Фоминым. К концу октября 1685 г. добрались «с листами» до Красноярска трое других русских пленных – Ларион Куликов, Михаил Сафьянчиков и Иван Киселев (см.: Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах, с. 140, 141).

²¹ Головин Федор Алексеевич (1650–1706) – «великий и полномочный посол» России, заключивший в 1689 г. Нерчинский договор с Цинской империей. Крупный политический деятель и администратор; в 1685 г. получил чин окольничего и звание брянского наместника, в 1692 г. – чин боярина и графский титул; с 1699 по 1706 г. – глава Посольского приказа, Военно-морского приказа, второй посол «Великого посольства» в Западную Европу в 1697–1698 гг., первый кавалер ордена Андрея Первозванного (см.: Терещенко А. В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. 1. СПб., 1837, с. 180–221; Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г., с. 128–152 и др.; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2, с. 762–763; Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в., с. 207–263).

²² Под Мунгальским приказом подразумевается Лифаньюань – Палата внешних сношений. Была учреждена первоначально «для управления всеми монгольскими племенами». С расширением территории Цинской империи под ее управление попали районы Тибета, Синьцзяна, Цинхая. В ведении Лифаньюаня до 1860 г. находились также сношения с Русским государством (см.: Ермаченко И. С. К характеристике государственного аппарата Цинской империи в период завоевания Китая. – Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966, с. 159–160).

²³ Имеется в виду, по-видимому, илимский служилый человек Никифор Черниговский, который в 1665 г. руководил народным восстанием в Илимском уезде против местной администрации. Восставшие убили илимского воеводу Л. Обухова и ушли на Амур, вновь восстановили Албазин как русское

поселение. В марте 1672 г. по настоянию сибирских воевод московское правительство объявило о помиловании всех участников восстания и в том же году назначило албазинским приказчиком Л. Евсеева на смену Н. Черниговскому. Однако последний находился на воеводстве до февраля 1674 г., когда сдал острог сыну боярскому С. Вешнякову. В 1675 г. по просьбе дауров ходил в поход на р. Ган для возвращения на Амур населения, насильственно уведенного оттуда маньчжурами (см.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1, док. № 198, 199, с. 478–480; Беспрозованных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII – середина XIX в. М., 1983, с. 30, 31; Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах, с. 32).

²⁴ О приезде в Москву Н. Д. Венюкова и И. Фаворова и о письме цинского императора, поданном в Москве, см.: РГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 965, лл. 22–32.

²⁵ Перейра Томас (1645–1708) – португалец, в 1663 г. вступил в орден иезуитов и как миссионер этого ордена в 1673 г. прибыл в Пекин, где прожил до конца своей жизни, находясь на службе при цинском дворе. После гибели Ф. Вербиста стал главным советником маньчжурского правительства в дипломатических переговорах с Русским государством. Оставил после себя дневники на португальском языке, которые были обнаружены только в наше время и опубликованы впервые в 1961 г. на английском языке. Перевод «Записок Т. Перейры» на русский язык сделан М. И. Казаниным (см.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2, с. 702–731).

²⁶ Речь идет об Арани, цинском представителе на Хурэн-Бэлчирском съезде. Являлся главой Палаты внешних сношений (Лифаньюань), занимался регулированием отношений с монгольскими владельцами. В 1689 г. возглавил посольство, направленное к Галдану Бошокту-хану для установления мира с джунгарами. Во время войны с Галданом потерпел поражение в сражении на р. Урхуй в июле 1690 г. В 1691 г. вел переговоры о порядке принятия Халхи в состав Цинской империи и фактически был организатором Долоннорского съезда (см.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758, с. 176, 179, 185, 186 и др.; Ермоленко К. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в., с. 119–121, 144–146 и др.).

²⁷ Имеется в виду Галдандоржи – старший сын Тушету-хана Чихунь Доржи. В 1686 г. принимал участие в Хурэн-Бэлчирском съезде, на котором был пожалован в дзасаки. Потерпев в 1688 г. поражение от Галдана Бошокту-хана, бежал в район реки Онгийн-гол. В 1691 г. получил от Циннов титул доло цзэньвана, сопровождал цинского императора от Пекина

до Долоннура, где монгольские князья должны были принять маньчжурское подданство. Умер раньше отца Чихунь Доржи, поэтому титул Тушету-хана наследовал внук последнего Дондовдоржи (см.: Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ», с. 186, 188, 192, 212 и др.; Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Пер. с кит. П. С. Попова. СПб., 1895, с. 59).

Воспроизводится по:

Русско-монгольские отношения 1686–1691. Сборник документов. Составитель Г.И. Слесарчук. Ответственный редактор Н.Ф. Демидова. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва 2000г. № 2. С. 22–67.

№ 98

1686 г. февраля 2. – Запись в Иркутской приказной избе расспросных речей тобольского посадского человека Ф. Иванова с товарищами по поводу их поездки в китайские города и Монгольскую землю без проезжей грамоты

(л. 49) 194-го ноября в 2 день явились в-Ыркуцком остроге в приходе с калмыцкими Бушухту-хановыми и Номун-хановыми посланцы и с торговыми людьми–бухарцы тобольские жители посадские люди Филька Иванов, Васька Жданов, Федька Васильев з братьями и с племянниками, и с работными людьми, всего 7 человек, с китайскими вся-

кими товары.

И 194-го же году февраля в 2 день в-Ыркуцком в приказной избе перед письменным головою Алексеем Львовичем Горчаковым они, Филька с товарищи, спрашиваны.–Откуды де они и ис которого города или острогу [72] в китайские города и в калмыцкие и в мугальские земли шли, и по чьему отпуску

или собою, и какими месты и людьми до китайских городов шли, и в-ыных государьствах в каких, опричь китайских городов, и в Китайском государьстве были ль? И буде были, каких ведомостей в Китайском государьстве и в городех и в калмыцких, и в мугальских землях, и злаго намерения на крайние великих государей города и остроги, и на ясачных великих государей людей не слышали ль, и в китайском или в городех русских полонеников и изменников Гришку Мыльника¹ и иных ково не видали ль? И буде видали, з Гришкою и с-ыными изменники о каком злом изменном намерении не ссылались ли и писем каких или грамот от него, Гришки, или от иных изменников с ним, Филькою, и с товарищи ево в русские люди нет ли? И как изменник Гришка Мыльник и иные русские изменники под Албазинской острог с китайскою силою приходили и Албазинский острог взяли, и они, Филька с товарищи, про то ведали ль, и в китайских городех от каких людей слышали ль? И буде ведали—сколько под Албазинским китайской силы и ружья и зелья было?

А в роспросе они порознь сказали.—Филька Иванов в роспросе сказал: житель де он Тобольского города, посадцкой сын, а отпущен де он ис Тобольска к Ямышеву-озеру² по соль и для торжишку своего. И дана де была ему, Фильке, в Тобольску ис таможни до Ямышева (л. 50) проез-

жая. И тое де проезжую от Ямышева послал он, Филька, в Тоболеск з братом своим родным Кирюшкою Ивановым. А у Ямышева де озера об отпуске в Китайское государьство бил челом великим государем словесно он, Филька, Алексею Дмитриеву сыну Мурзину. И против того де ево словесного челобитья он, Алексей, ево, Фильку, в Китайское государьство отпустил с калмыцкими с Номон-хановыми посланцы во 192 году сентября в 22-м числе³. А в отпуску де [с] Филькою было тобольских посадцких людей 6 человек: Федька Васильев, Васька Жданов⁴ с товарищи. А проезжей де от отпуску в Китайское государьство ему, Фильке, и товарищем ево, он, Алексей, не дал. А от Ямышева де озера до китайского города до Шурги шел он с теми посланцы и с товарищи, калмыцкими и мугальскими людьми от Ямышева до Номон-канова улусу 6 недель. А от Номон-канова де улусу в китайский город в Шургу пришли они во 193 году в марте месяце, а в котором числе, того де он, Филька, не упомнит. А в-ыных де государьствах и ни в каких китайских и в-ыных городех, опричь того китайского города Шурги, он, Филька, и товарищи ево нигде не были, и никаких де ведомостей и злаго намерения в китайском городе Шурге и в калмыцких и в мугальских людех на крайние великих государей города и остроги и на ясачных ве-

ликих государей людей не слыхали, и в том китайском городе русских полонеников и изменников, Гришки Мыльника и иных, не видали, и с ним, Гришкою, и с-ыными изменники ни о каком злом изменном намерении не ссылались, и писем де никаких от него, Гришки, и от иных изменников с ним, Филькою, и с товарищи ево в русские люди нет. И как изменник Гришка Мыльников и

иные русские изменники под Албазинской острог приходили и как Албазинской острог взяли, и сколько под Албазинским китайской силы и ружья и зелья, про то де он, Филька, и товарищи ево не ведают. А в-Иркуцкой де острог с калмыцкими посланцы пришли они для торжишку, а из Иркутского де об отпуске, куда им иттить или выслать, что великие государи укажут.

РГАДА, ф. Иркутская приказная изба, оп. 1, д. № 84, лл. 49–50. Отпуск.

Примечания:

¹ Речь, видимо, идет о защитниках Албазина, во главе с В.Захаровым, участником посольства И. Милованова в Пекин, которых маньчжуры «прельстили» перейти в свое подданство и служилых и промышленных людях из отряда (в 73 человека), направленного в конце июля 1683 г. из Албазина в Бурю, многие из которых и его командир Г. Мыльник в том числе попали в плен при столкновении с маньчжурской флотилией (см.: Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах, с. 126–128).

² Ямыш, Ямышевское–соленое озеро на правом берегу Иртыша. С 20-х годов XVII в. начались регулярные поездки сибирских служилых людей к озеру за солью. Вместе с ними приезжали торговые люди на открывавшуюся ежегодно Ямышевскую ярмарку, где велся оживленный торг с бухарскими купцами и ойратами. Большое место на ярмарке занимали китайские товары, ойраты продавали скот (Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, с. 194–200).

³ Речь идет о возвращении посла Номун-хана Надыр Мергена в его улусы после приема в Москве в 1682 г. (см.: Русско-монгольские отношения. 1654–1685, док. №206, с. 388–391). Ф. Иванов с товарищами приехал в ноябре 1685 г. в Иркутск с новым посланцем от Номун-хана гецулом Даржой (см. Отписка иркутского письменного головы А.Л. Горчакова енисейскому воеводе С.А. Собакину о приходе в Иркутск ойротских посланцев с торговыми людьми и

о посылке их расспросных речей в Енисейск).

⁴ В расспросных речах тобольский посадский человек В. Жданов сообщил: «А в китайском де городе в Шурге пушек и мелково оружия они, Васька с товарищи, не видали, а тот де город Шурга кирпичной, не крепок. А в Мугальской де землех у тайшей и у зайсанов никакие крепости около юрт и надолоб не бывает, а кочуют по степе, переходя с места на место» (см.: РГАДА, ф. Иркутская приказная изба, оп. 1, д. № 84, л. 52).

Воспроизводится по:

Русско-монгольские отношения 1685-1691. Сборник документов. Составитель Г.И. Слесарчук. Ответственный редактор Н.Ф. Демидова. издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва 2000г. № 7, с. 71-72.

№ 99

1686г. апрель . – Отписка Нерчинскаго воеводы Ивана Власова Енисейскому воеводе Степану Собакину об удачных действиях Русских против Китайцев на реке Камаре.

Господину Степану Афонасьевичу Иван Власов челом бьет, В нынешнем во 194 году, апреля в день писал ко мне в Нерчинск из Новоалбазинского воевода Алексей Толбузин, а в отписке его написано: марта де в 7 день нынешняго ж 194 году послал де он Алексей из Албазинска казачья голову Афона-

сья Байтона, с ним служилых людей 300 человек, а велел де ему итти вниз по Амуру реке до верхней и до средней Погромных речек и до Камара реки, для взятъя языков, чтоб уведомать их неприятелские замыслы. И Афонасей Байтон с служилыми людьми в Албазинск де приехал марта в 20 день, а привезли де с собою

Китайского языка именем Говодей-ка; а перед ним де Алексеем он Афонасей сказал: ездил де он Афонасей с служилыми людьми из Албазинска до Камара реки и стоял де на Камаре марта с 12 числа марта ж по 17 число, и наехали де на них Китайские люди и с ними бились, и Китайские де люди с Комара реки от него Афонася побежали, и он де Афонасей с служилыми людьми за теми Китай-

скими людьми от Камара реки вверх по Таге реке гонился верст с 30 и больше, и сугнал де их Китайских людей того ж числа на последнем часу дни, и был де с ними Китайскими людьми другой бой, и побил де он Афонасей с служилыми людьми Китайских людей человек с 30, а неприятельские де люди служилых людей побили 7 человек да 31 человека ранили (*).

Из рукописи, содержащей в себе списки актов Нерчинского архива (в лист, на 204. л.) принадлежащей Императорской Академии Наук.

Примечания.

(*) За сим в подлинной рукописи написано: и протчая.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр. 254.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 100

***1686 г. апрель. – Распросные речи в Нерчинской приказной избе
Китайского мужика Говодейка, взятого в плен Русскими на реке
Камаре.***

194 апреля в день, в Нерчинску в приказной избе, перед столником и воеводою перед Иваном Остафьевичем Власовым Китайской взятой мужик Говодейка, которой прислан из Албазина, роспрашиван, а в роспросе сказал: в нынешнем де во 194 [255] году приезжали де под Новоалбазинской острог с Науна Даурские мужики для языков, по ведомости Таргочинских мужиков, как де они шли на соболиные промыслы, и их де Торгочинов Албазинские служилые люди разгромили, лошадей и запас отбили и людей де иных побили, а досталные де Таргочинские мужики ушли на Наун пеши; и по тем де вестям посланы были под Новоалбазинской Даурские мужики для взятъя языков, и взяли де в Албазинском уезде с заимки в языки Руского мужика, а в роспросе де он сказал, что Албазин де поставлен вновь, земляной город, а служилых де людей в Албазинску полторы тысячи, а иные де служилые люди присланы будут из Нерчинска вскоре. И по тому де роспросу, для подлинных ведомостей, посланы де были с Науна два сотника, одному имя Таргулат, другому имя Алпачан, в 40

человеках, а велено де было им осмотреть из прикрытых мест Абазин, построен ли де город или строят; и на дороге де на Камаре реке наехали на них Руские люди и иных де Даурских Китайских мужиков побили, а его де Говодейка жива взяли; а сколько де побито и сколько человек ушло на Наун, того де он Говодейка не ведает, потому что де Руских людей было многолюдно, показать де человек с 500, а их де Даурских мужиков было всего 40 человек, и в то де время оне друг друга; не сведали. А на Амуре де на левой стороне, выше Зийского устья на Усурском лугу, был поставлен Китайской городок, и тот де городок разорили, а людей свели на правую сторону Амура реки и поставили де вновь городок Айгун, ниже Зийского устья день езду, на правой стороне Амура, а на левой де стороне Амура реки городков и острожков нет, и пашень и никаких заводов Китайские де люди на левой стороне Амура не заводят. А которые де воеводы в прошлом во 193 году Албазин взяли, и те де воеводы и с людьми и с пушки в новом Китайском городке Айгуне, толко де взят был в Китай один большой

воевода, именем Джинжу, и он де Джинжу послан из Китай на Наун, а велено де ему на Науне город строить и быть в том городе воеводою, толко де по се время город не построен и строить было при нем Говодейке не почет. А в марте де месяце приезжал он Джинджу в новой Айгун городок неведомо для чего; а слышал де он Говодейка в своей братьи, что приезжал гулять, потому что тот городок Айгун его Джинжунова постановления; а сделан де тот городок по острожному тыном, толко де в две стены, меж стены дву сажень, а в вышину трех сажень печатных, и насыпано де земли в вышину в печатную ж сажень, а кругом того городка мерою 600 сажень; а бусы де стоят под тем городком; а стоит де тот городок на правой стороне Амурса реки на самом берегу и колодезь де в том городке выкопан; а людей де в нем служилых 2000, пашенных и работных 500 человек, а пушек де с 30, а ручной де у них бой лучной, а пищалей де малое число; а тем де людям жить в Айгуне городке безпереводно, и жен де и детей нынешним летом к ним переведут. А под новой Албазинск де приходу Китайских людей в нынешнем во 194 году на бусах не будет, а будет де конница, и то осенью, для того чтоб де не дать с поль хлеб снимать, а на бусах де с нарядом и с большими людьми под Албазин будут безотложно впредь во 195 году. У роспросу толмачили

толмачи Нерчинской конной казак Гришка Куча да Албазинской казак Стенка Харитонов,

И столник и воевода Иван Остафьевич Власов велел его Говодейка роспросить с пристрастием, для чего он Говодейка сказал в роспросе своем не против того, что [256] в Албазине сказал: служилых де людей в Айгуне городке полтретьи тысячи, да пашенных и работных людей 500 человек, а из Китай де послано на Наун 3000 и ждали де их после посылки, как он Говодейка послан под Албазин для взятъя языков, в пятой день, а те де люди посланы будут под Албазинск; а в Нерчинску он сказал, что в Айгуне городке служилых и пашенных и работных людей толко 2500 человек, а что из Китай послано на Наун 2000 (*), а велено им итти под Албазинск,—для чего про то не сказал? И будет посланы под Албазинск, и сколько человек, 2000 ль или болши, и что с ними пушек, и какой у них ручной бой, и для языков ли он был послан, или для осмотру Албазина?

А в роспросе в застенке и на виске он Говодейка говорил те ж речи, что в роспросе своем сказал до пытки выше сего; а в Албазинску де и нигде таких речей он не говаривал, что будто де послано из Китай 2000, а велено де им итти под Албазинск; а говорил де он Говодейка, что хотел быть с переговором воевода на бусах не в больших людех: для чего де

поставили на Албазинском месте город вновь, та де земля Китайского царя. А тот де толмачь толмачил не против его речей, не знаючи; а в Нерчинску де те речи на первом роспросе сказать запамятовал; а послан де он был с Науна под Албазинск, чтоб осмотреть из прикрытых мест города, а не для языков.—И роспро-

сы толмачили Нерчинской конной казак Гришка Куча да Албазинской казак Стенка Харитонов.

И послан он Говодейка к великим государем к Москве, а с кем имяны, и то писано в отписке имянно нынешняго ж 194 году.

Из рукописи, содержащей в себе списки актов Нерчинского архива (в лист, на 204. л.) принадлежащей Императорской Академии Наук.

Примечания:

(*) *Выше: 3000.*

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр. 254-256.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 101

***1686 г. не ранее июня 6 – Отписка царям Якутского воеводы
Матвея Кровкова о возмущении ясачных Тонторских Тунгусов,
о нападении их на Тонторское зимовье и убийстве ими служилых
людей.***

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем, холоп ваш Матюшка Кровков челом бьет. В нынешнем, великие государи, во 194 году, июня в 6 день, пришли в Якуцкой с вашей великих государей службы из Тонторского зимовья приказной сын боярской Архип Лыткин, да служилые люди десятник казачей Ивашко Максимов с товарищи, восемь человек, а с собою привезли вашей великих государей ясачные соболиные казны 2 сорока 37 соболей да одного человека Тунгусского аманата. А сказали мне холопу вашему они Архип с товарищи, что де в том Тонторском зимовье ясачные Тунгусы вам великим Государем изменили, и к зимовью приступали, и аманатов 7 человек отбили, и служилых людей 4-х человек и промысленных 15 человек убили до смерти. И я холоп ваш его Архипа в приказной избе: спрашивал накрепко, отчего те Тонторского зимовья ясачные Тунгусы вам великим Государем изменили, аманатов отбили и служилых и про-

мысленных людей [352] побили? И он Архип в роспросе мне холопу вашему сказал: в нынешнем де во 194 году, генваря в 25 день, послал он Архип из того Тонторского зимовья в Якуцкой с отпискою об вашем великих государей недоплатном ясаке казаков Федку Замятина, Оску Гурьева; и после де той посылки, на другой день, пришли к нему Архипу в зимовье Албазинские служилые и промысленные люди, Ганки Фролова товарищи, Тимошка Вершинин с товарищи, 16 человек, и жили де они у него Архипа в зимовье 8 дней, и для хлебной скудости он Архип их Тимошку с товарищи, 15 человек, да с ними в провожатых и вожем казака Федюшку Ванюкова отпустил в Якуцкой; и отшед де от зимовья версты с 3, Тонторские ясачные Тунгусы их Федку и Тимошку с товарищи, 18 человек, убили до смерти; а ему де Архипу и служилым людям про то убийство было неведомо. И после де того убийства, в четвертой день, те ж изменники Тунгусы пришли к нему Архипу к зимовью тайным обычаем в обедное время, днем, и у сеней запор отперли, и вшед в сенй,

двери избные отворили и учили по них Архипе с товарищи из луков стрелять, и его Архипа ранили в 4 местех, а казака Васку мелника убили до смерти, да казаков же 4-х человек ранили, и двери избные с надворья заперли, и против аманатские казенки стену вырубили два бревна, и аманатов своих 7 человек отбили, и пожитки и хлебные их запасы пограбили все без остатку; и как де те изменники аманатов своих отбили и побежали от зимовья, и он де Архип с казаками, избные двери вырубя, гнались за ними с ружьем и одного человека аманата отбили. И после де того приступу, в третей день, пришли того аманата родники к зимовью и принесли вашего великих государей недоплатного ясаку 5 соболей и подали те соболи окном на дереве, и отшед от зимовья с служилыми людьми перекликались, наговорили те изменники: на нас де вы не досадуйте, что убойство учинили и аманатов: отбили: и во всех ясачных зимовьях у всех Тунгусов один умысел и дума, и убойство впредь будет. А Богдойские де воинские люди Албазинской острог взяли и из острогу Тунгусских аманатов всех пропустили; и ясак де те Тунгусы платят Богдойскому царю поволно, и за ясачной де платеж дают им Богдойские люди подарки болшие камками и китайками и хлебными запасы и табаком. Бориско Конашев, Ивашко Максимов и

аманат Лаваки и промышленной человек Федотко Лебединов в роспросе мне холопу вашему сказали те же речи, что и Архип Лыткин сказал. И я холоп ваш после роспросу, его Архипа и служилых людей дал на поруки до вашего великих государей указу и до подлинного сыску; а в то Тонторское зимовье послал я холоп ваш в нынешнем во 194 году призывать тех изменников Тунгусов под вашу великих государей царскую самодержавную высокую руку, по прежнему, сына боярского Сарзина Крупецкого с служилыми людьми, 20 человек, и про него Архипа и про служилых людей сыскать подлинно, отчего те Тонторские Тунгусы изменили вам великим Государем и служилых и промышленных людей побили: от его ли Архипа с товарищи налоги и обид? Да я ж холоп ваш нынешней осени пошлю из Якуцкого тех Тонторского зимовья изменников Тунгусов призывать под вашу великих государей царскую самодержавную высокую руку посылщиков служилых людей, сколько человек пригоже, с ясачными Якутами; и будет, великие государи, по призыву тех посылщиков Сарзина с товарищи те изменники призваны будут под вашу великих государей царскую самодержавную высокую руку по прежнему, и что вашего великих государей [353] ясаку с их изменников взято будет, и что по сыску про ту измену и про убойство в

сыску объявитца, и о том о всем я
холоп ваш к вам великим Государем
царем и великим князем Иоанну
Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя в Белья Росии самодержцем, к Москве писать буду с иными вашими великих государей делами.

Акт извлечен из принадлежащей Императорской Академии Наук рукописи, содержащей в себе списки актов Якутского архива (ч. 3-я).

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. X, СПб., №78:VII., сс.351–353.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 102

1686 г. июня 10. – Показание сына боярского Леонтия Трифонова, данное в Якутской приказной избе, о принятии им Удскаго острожка, о сборе ясака и о походе против Билярских Тунгусов.

194 году, июня в 10 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, в Якуцкой приказной избе перед генералом и воеводою перед Матвеем Осиповичем Кровковым сын боярской

Леонтей Трифонов сказал по святой евангелской непорочной заповеди Господни, еже ей ей: в прошлом во 193 году, по приказу великих государей, отпущен я был из Якуцкого великих государей на службу в Уцкой остро-[350]жек для великих государей ясачного сбора. И приехал я Леонтей в Уцкой острожек в нынешнем во 194 году, октября в 8 день, и прежнего прикащика и пятидесятника казачья Андрея Амосова переменил, и у него Андрея принял Уцкой острожек и великих государей товарную и зелейную и свинцовую казну, и служилых людей и аманатов, и аманатские рыбные кормы на лицо, и в том с ним во всем росписался. И будучи в Уцком острожке, собрал великих государей ясачные соболиные казны 6 сороков 25 соболей на нынешней 194 год и на прошлые годы. Да в нынешнем же во 194 году пришли в Якуцкой острожек Якуцкие казаки Ивашко Томилов, Гришка Петров, которых казаков в прошлом 193 году послал из Уцкого острожку пятидесятник казачей Андрей Амосов, до моего Леонтьева приезде, для призыву прежних ясачных Тунгусов Билярского роду, которые побии Албазинских казаков, которые пришли в Уцкой острожек при сиденьи пятидесятника Герасима Цыпандина, и он Герасим из Уцкого острожку посылал в поход на тех Билярских Тунгусов служилых людей; и Божиею мило-

стию и великих государей щастьем, у тех изменников аманатов взяли, и по се число те их аманаты сидят в Уцком острожке, и по нынешней по 194 год родники их с ясачным платежом не приходят и под них ясаку не присылают; и с коего числа они аманаты взяты, и под них ясаку великим Государем не плачивали. И во 193 году из Уцкого острожку посылал пятидесятник Андрей Амосов служилых людей Ивашка Томилова да Гришку Петрова для призыву прежних изменников Билярских Тунгусов на Амурские покати на Силимбу реку..... (За сим прописаны распросные речи казаков Ивана Томилова и Григорья Петрова, напечатанные в Дополнениях к актам историческим, т. X, на стр. 260 и 261 до слов: и ваших ясачных Тунгусов велит взять, всех к себе.). И я Леонтей, будучи в Уцком острожке, послал к ним неприятелским людям на Амур; реку в Зайгу город с отпискою трех человек служилых людей, да для вожа с ними же послал Билярского роду Тунгуса Ньюзю; и что у меня Леонтья в отписке к ним писано, и против того слово в слово в Якуцком в приказной избе подал.... 1 за своею рукою, генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову. И в Уцком острожке служилых людей малолюдство, и против неприятелских людей стоять некем, и хлебными запасы и всякими кормы нужно.

Акт извлечен из принадлежащей Императорской Академии Наук рукописи, содержащей в себе списки актов Якутского архива(ч. 3-я).

Примечания:

¹В этом месте в подл. рукописи, кажется, пропущено слово сказку или список. – Упоминаемая здесь отписка Трифонова «к неприятелским людям» (т. е. к Китайцам) напечатана на 263 стр. Дополнений к актам историческим, т. X. См. № 67, акт XXII.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. X, СПб., №78:V, сс.349–350.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 103

1686 г. июля 12. – Отписка Албазинского воеводы Алексея Толбузина к Нерчинскому воеводе Ивану Власову об осаде Китайцами Албазина и с просьбою о помощи ратными людьми и военными припасами.

Господину Ивану Остафьевичю Алексей Толбузин челом бьет. В нынешнем во 194 году, июля в 7 день, пришли под Албазинск неприятельские Богдойские воинские многие люди в большом собрание, на бусах и горою конми, с огненным городовым приступным боем и с пушки; и

июля, господине, с 7 числа да июля ж по 12 число неприятельские Богдойские люди обошли Албазинск город бусами вверх по зарешную сторону протокою, и стоят по верхнюю сторону города под монастырем и ниже монастыря к Албазинску, по обе стороны Амура реки; а Богдой-

ская сила и конница обошла горою и стоит круг Албазинска, и пушки наведены на город с четырех сторон, и из пушек по Албазинску городу бьют и приступают накрепко. И я в Албазинску с служилыми и с промышленными и всяких чинов людьми сижу в осаде; а в Албазинску, господине, служилых и промышленных и всяких чинов людей и пушек и пороху и свинцу малое число. И о присылке, господине, на

выручку ратных людей и пушек и пороху и свинцу из Нерчинска ко мне в Албазинск учинить по указу великих государей. А с сею, господине, вестовою отпискою послал я из Албазинска к тебе, господине, в Нерчинск наскоро нарошных посыльщиков, окольную дорогою, Албазинского служилого человека Васку Деревцова да промышленного человека Ивашку Бибикова, июля в 12 день.

Из рукописи, содержащей в себе списки актов Нерчинского архива (в лист, на 240 л.), принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр. 257.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 104

1686г. позднее июля 19. – Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова Албазинскому воеводе Алексею Толбузину о том, чтобы он по прежнему заведывал Албазинским острогом, с уведомлением о посылке из Москвы в Даурию Федора Головина с ратными людьми и подъячаго Никифора Венюкова посланцем в Китай.

Господину Алексею Ларионовичю Иван Власов челом бьет. В нынешнем во 194 году, июля в 15 день, в грамоте великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцев, писано ко мне в Нерчинск с Московскими стрелцы с Сидорком Чюлошниковым, с [258] Мишкою Лучинниковым: в нынешнем во 194 году писал ты к великим государем, что Албазинской острог Китайские воинские люди взяли, а тебя с служилыми людьми по договору отпустили в Нерчинской, и живешь в Нерчинском, а без указа великих государей к Москве ехать не смеешь. И по указу великих государей, велено мне у тебя великих государей печать и Албазинских служилых людей и пашенных крестьян, которые с тобою из Албазина пришли в Нерчинск, и приказные дела, и оружейную и всякую казну принять и отпустить тебя в Енисейск. И июля в 19 день писал я к великим государем с теми ж Москов-

скими стрелцы, что послал я тебя, господине, из Нерчинска на Амур с ратными людьми для, постановления внов Албазинска, и велел там быть тебе до указу великих государей, и ратных людей ведать и всякие дела делать по указу великих государей, по наказу, какой дан тебе из Сибирского Приказу, за дьячею приписью, и по наказной памяти, какова дана тебе в Нерчинску за моею рукою. И наперед сего к великим государем о том я писал же с Нерчинским с десятником казачьим с Якушком Телицыным, и тебе б, господине, быть в Албазинском, и ратных и всяких чинов людей ведать, и всякие дела делать по указу великих государей, по прежнему. Да те ж Московские стрелцы в розговорах передо мною сказали: по указу де великих государей послан с Москвы боярин и воевода Алексей Борисовичь Головин с товарищи в Тоболеск на перемену боярину князю Петру Семеновичю Прозоровскому, а сын его околничей и воевода Федор Алексеевичь в Дауры; а с ним идет в Дауры, ратных

людей четыре тысячи, в том числе Московских стрелцов пять сот человек, а пушек де болши сорока, а пороху и свинцу многое число. И тебе б, господине, в Албазине велеть собрать ратных и всяких чинов людей и велеть им сказать, чтоб оне в том на великих государей милость были надежны. А в Китайское де государство послан с Москвы Посолского Приказу подьячей Никифор Венюков, которой наперед сего был в Ки-

таех с Николаем Спафарием. А Московския де стрелцы объехали того подьячего в Брацком остроге, а боярина де Алексея Петровича и сына его околничего, Федора Алексеевича объехали в Кайгородке; а стрелцы де Московские, которым быть в Даурах, пошли с Москвы зимним, путем через Казань преж тех стрелцов, которые были ко мне присланы с грамоты великих государей.

Список на двух, листках.

Черновой отпуск. Акт принадлежит Археографической Комиссии.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр. 257–258.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 105

**1686г. не ранее июля 25 .– Письмо Китайских воевод приказному
Удского острожка Андрею Амосову по поводу неприязненных
действий Русских против Китайцев¹.**

Список с листов, каковы подал в Якуцком в приказной избе сын боярской Леонтей Трифанов от Богдойских воевод, слово в слово.

С Амура, из города из Айгу(на) от [262] чжанжуна, именем Сапсу, пришло письмо в царство, близко заднего моря на Уде реке казачью приказному человеку Андрею послали. Сперва ваши Русские люди жили на Уде реке, в нашу землю не ходили, наших ясачных людей ни чем не изгоняли, и наши ясачные люди жили смирно и в прохладе. После, ваши Русские люди вошли в нашу землю и нашу землю пустошат, у наших ясачных людей жен их и детей отымают, худого дела отнюдь не покинутца. И наш великий Богдойский царь тотчас свое большее войское послал, воевать и побить хотел. И сперва у нас советно и смирно было, и нам бы старова совету не потерять; война и драка станет, и наши украинные люди будут скудны и нужны, не подумал службу послать воевать и бить, для ради того это дело вашему и послу сказано. Указ свой царев нарочно посылал в Албазин и на Нерчу, и вы назад ни человека не пошлете, ни

писма не отошлете; вы еще пуще старого Руских людей на прибавку посылаете, в нашу землю входите, пустошите, отымаете и наших беглых людей к себе принимаете. И наш великий Богдойский царь тотчас своих воевод и войское послал; которыми дорогами ваши Русские люди ходили, и те дороги велел запереть. Которые ваши Русские люди были на Хамуне реке, и я их призвал, ни единово не убил, всех пою и кормлю. Потом еще Албазинских Руских людей вы их назад не сберете, они ходят в нашу землю, пустошат. И наш великий Богдойский царь ныне свое большое войское послал воевать, над болшим войским полковой болшей воевода кун, именем Пунчюн. И наш великий Богдойский царь поит и кормит всякого человека, милостив, погубить не думает ². И наш великий Богдойский царь меня надо всеми воеводою послал вас воевать, и эти бояра и войские этою силою вас одолеть не можем ли? Тот ваш острог разорим, и погубим их, головнею покатым. Не токмя што ваших Руских людей, что и в подсолнешной до всяких людей наш ве-

ликий Богдойский царь милостив. Всяк на своей земле бы безо всякого худого дела жил, я так думаю, а вас и погубить и разорить не могу ли? Сколкихды к вам посылал: вы ныне подите в Якуцкой острог, и Якуцкой острог рубежем поставите, и там подите живите, и с тамошних иноземцов ясак берите, и в нашу землю впредь отнюдь не ходите; которые мои беглые люди к вам ушли, и мне тех назад отдайте; и я которых ваших людей призвал, и тех вам назад отдам; Якуцкой ли, или которое место рубежем поставите, и вы просто отпишите. И вы толко не разумеете, станете дратца и воеватца, и я большое войское вышлю, Албазинской острог велю розбить и вас побить, и в те поры и вспокаялись бы, да не в кою пору. Письмо послал Албазин-

ским людям, и они назад нейдут, все живут тамо; и я большее войское посылал, Албазинской острог розбил. А которые сдались ваши Русские люди, и наш великий Богдойский царь свой милостивой царской указ показал, ни единово не убил, иных назад отпустил; и вы ныне того не знаете, опять Ивана послали с ним нашего³ прислали, потому наш великий Богдойский царь ваших Русских жаловал большим жалованьем. Обо всем письмо написал и вашему Ивану дал, чтоб вы разумели в правду. И наш великий Богдойский царь ваших Русских неизреченным жалованьем пожаловал. И вы что преж взяли нашего Кирмунта⁴ назад отошлите, и впредь в нашу землю отнюдь не ходите,⁵.

Акт извлечен из рукописи под заглавием: Списки Якуцкой архивы (часть 3-я, в лист, на 338 л.) принадлежащей Императорской Академии Наук.

Примечания:

¹ Напечатано с весьма неисправного списка.

² За сим в подлинной рукописи написано: Албазинским приказным людям (послал письмо) вы назад из Албазина что не пойдете?

³ В этом месте в подл. рукописи написано: ликдина.

⁴ Так в рукописи. Вероятно; Кантимура (См. Отписку Иркутского воеводы Ивана Власова к Якутскому воеводе Матвею Кровкову, с приложением копий с грамоты Китайского богдыхана к Русским и с письма одного перебежчика к своим товарищам).

⁵ Далее в рукописи написано: для ради вам того столко послал.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр. 261-262.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 106

***1686 г. июля 26. – Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова
окольному и воеводе Федору Головину о происшествиях в Даурии
с июня 1685 по 26 июля 1686 года и о возобновлении Албазина,
разоренного Китайцами.***

Господину Федору Алексеевичю Иван Власов челом бет. В прошлом, господине, во 193 году, июня в 12 день, пришли под Албазинской острог неприятельские Китайские люди водою на бусах и горою на конех, во многом собрание, с пушками и со всяким городовым приступным огненным боем, и Албазинской острог взяли, а воеводу Алексея Толбузина по договору отпустили; и он Алексей пришел ко мне, господине, в Нерчинск июля в 10 день. И Албазинские служилые и промышленные люди и пашенные крестьяне, которые с ним Алексеем пришли, били челом великим государем, а мне, господине, говорили

непрестанно, чтоб их из Нерчинска отпустить, для их разоренья, в хлебное место (За сим тоже, что в «Отписке Нерчинского воеводы Ивана Власова к Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову о положении дел после взятия Китайцами Албазина и о принятых им мерах к постройке новаго города или острога на реке Амуре» до слов: а по каким де образцом земляной город велел он Алексей делать, и таков образец послал он к великим[259]государем к Москве). А по ведомости, господине, Нерчинских и Албазинских людей, которые Нерчинские служилые люди были в Албазине и Албазинские служилые люди приез-

жают в Нерчинск, в нынешнем де во 194 году в июне месяце Албазинской город достроен, толко башни не покрыты. Да июля в 25 день писал ко мне в Нерчинск из Албазина Алексей же Толбузин, а в отписке его написано: в нынешнем де во 194 году, июля в 7 день, пришли под новой Албазинск неприятельские Китайские люди на бусах с огненным городовым приступным боем и горою конми многими дорогами, и на низу Амура реки на отъезжих караулах побили и переимали Албазинских служилых людей двадцать дву человек; и он де Алексей в Албазинску от неприятельских Китайских людей с Албазинскими служилыми людьми и всяких чинов в осаде; а с отпискою прислал служилого человека Афонку Лебедева, а с ним прислал Албазинского пашенного крестьянина Федкина сына Федосеева Оксенку, которой взят был в полон в Китае в нынешнем во 194 году. А передо мной, господине, Албазинской служилой человек Афонка Борисов сказал: Албазин де город достроен весь, толка де башни не покрыты, и для всякого де времени колодезь в нем выкопан; а десятинные де пашни и у служилых и у промышленных и у всяких присевщиков и у пашенных крестьян их пахоты посеено всякого хлеба больше пяти сот десятин; а в Албазинском де городе запасного хлеба у всяких чинов людей на осадное время тем людям, кото-

рые ныне в Албазине в осаде, будет на год, а водою де нескучно. А пашенного крестьянина Федкин сын Оксенка по допросу передо мною сказал: в нынешнем де во 194 году, в великой пост, приехав в Албазинской уезд Китайские легкие люди, и его де Оксенку в лесу с Покровской заимки взяли в полон и привели де его на Наун и на Науне де его Оксенку допрашивали про Албазин и что в нем людей и пушек и всякого ружья и пороху и свинцу, и прежние ль де люди, что в Албазине были, или вново присланы? И он де Оксенка в допросе сказал им; как де приходили под Албазин в прошлом во 193 году Китайские Люди и взяв острог, а воеводу Алексея Толбузина и всяких чинов людей отпустили в государские города, и он де Алексей всяких чинов с людьми дошел до Нерчинска, а из Нерчинска де, господине, я его Алексея через Камень в Удинск не пропустил, и проведая, послал де его Алексея из Нерчинска с теми ж людьми на Албазинское разоренное место, а в прибавку де послал новых служилых людей, которые де присланы из городов, тысячу пять сот человек, а велел де строить город и жить в том новом городе; и город де построен земляной. А про пушки де сказал он Оксенка толко пять пушек, 40 пуд пороху, а в прибавку де к тому прислано будет из Нерчинска вскоре восемь пушек да пуд со сто пороху. И держали де его

в Китаех за караулом недель с восемь; и как де из Китай богдокан под Албазин послал своих людей, которые де ныне пришли, а его де Оксенку те люди взяли с собою и привезли де на бусах в Албазинской уезд, и не дошед де до Албазина за пять верст, дав ему Оксенку письмо, отпустили в Албазин, а велели де в Албазине говорить, чтоб де воевода и служилые люди учинили по прежнему, как в прошлом во 193 году. А пришло де Китайских людей под Албазин на сте на пятидесят бусех, а на бусе де шло на болших по 40 человек, а на середних по тридцати и по двадцати человек, в том де числе не малое число Никанских неволных людей в работе без ружья; а ружья де пушек с сорок; а ручной де бой у Китайских людей [260] лучной, а пищалей де малое число; а лошадей де с ними шло тысячи с три, а гнали де тех лошадей люди с бус, переменяючись. А слышел де он Оксенка от Китайских людей: толко де Албазин по прежнему возмут, и те де Китайские люди пойдут и под Нерчинские остроги; а толко де Албазина не возмут, и они де прочь не пойдут, а хотят де быть в Албазинском уезде около городу, и для сему де на полях насееного хлеба привезли с собою серпы. А по отпуску, господине, из Нерчинска, в Албазине июля по 26 день служилых и промышленных людей и пашенных крестьян 826 человек, 8 пушек медных, 3 пища-

ли затинных, пушка верховая, к ней 30 гранатов пудовых, 140 гранатов ручных, 5 ядер духовых, 112 пуд 36 Фунтов с полуфунтом пороху ручного и пушечного, 60 пуд 6 Фунтов с полуфунтом свинцу; а что, господине, наличного пороху и свинцу за расходом в осаду в Албазинском осталось, о том мне в Нерчинск Алексей по вышеписанное число не писывал. Да июля ж в 15 день прислана ко мне в Дауры великих государей грамота из Сибирского Приказу, за приписью дьяка Тимофея Протопопова, с Московскими стрелцы с Сидорком Чюлошниковым, с Мишкой Лучинниковым, а в той великих государей грамоте написано: ныне в Даурах с Китайскими воинскими людьми что у меня чинитца, о том мне велено писать к великим государем к Москве с теми ж Московскими стрелцы. А в розговорех оне Сидорко и Мишка передо мною сказали: по указу великих государей велено де быть в Даурской земле с полком со многими ратными людьми воеводою тебе, господине; а приход де твой в Енисейск будет в августе месяце. А в Нерчинску, господине, во всех Даурских острогах служилых и промышленных и всяких чинов людей 394 человека, и те все живут по розным острогам, 7 пушек, 66 пуд одна четь пороху ручного и пушечного, 77 пуд 36 фунтов с полуфунтом свинцу. И на выручку, господине, Албазина послать мне из

Нерчинска, за малолюдством, неко-
го, и о присылке в Даурскую землю
легких ратных людей для обороны
Даурской земли укажи, господине,
учинить по указу великих госуда-

рей. А с сею отпискою послал я к
тебе, господине, наспех Нерчинских
острогов конных казаков десятника
Карпушку Юдина, июля 26 числа.

Черновой отпуск. Акт принадлежит Археографической Комиссии.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. стр. 258-260.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 107

1686 г. августа 6. – Грамота из Военного министерства Белому царю Русского государства¹.

В наше министерство последо-
вал указ его величества:

Издавна старшины наших собо-
линых охотников высоч. доносили:
разбойные люди из государства,
именуемого Лоча, в области р. Аму-
ра грабят наших соболиных охотни-
ков — чжучеров, дагуров и прочих;
к тому же наш Гентемур скрылся и

находит себе приют у Лоча. После
этого, по слухам, оказалось, что име-
нуемые Лоча суть подданные Белого
царя. Когда послали с приказанием
произвести расследование и высоч.
донести, то Данила, начальник на-
ходившийся в Нерчинске, от имени
Белого царя высоч. доносил: желаю
на будущее время всегда жить в со-

гласии, чтобы оба государства находились во взаимной дружбе, беспрепятственно послали друг к другу посольства и торговых людей. При этом Данила с своей [87] стороны заявил: относительно Гентемур я донес Белому царю, и как только получу от Белого царя приказание его (Гентемур) выдать, без замедления пришлю. По причине грабежей и притеснений наших чжучеров, дагуров и прочих со стороны Никифора и других живущих в Албазине, десять человек головарей было захвачено, и об этом высоч. донесено. После того, как он (Данила) заявил, что они ожидают (по этому делу) распоряжений своего государя, мы узнали, что они действительно русские подданные, и тогда же послали грамоту Белому царю:

Твои послы действительно издавна приходили; и теперь, если ты пожелаешь на будущее время всегда жить в дружбе, согласно твоему заявлению, то возврати Гентемур и впредь не поднимай дел на границах, — при таких условиях будем жить в дружбе и мире.

В ответ на это не было ни грамоты, ни возвращения нашего перебежчика Гентемур, и грабежи и притеснения наших пограничных жителей по-прежнему не прекращались. Позднее прибыл русский посол Николай Гаврилович Спафарий с товарищами и привез обратно грамоты, которые были посланы

в прежнее время, заявив, что они не понимают письменности нашего государства. Посла Никол. Гавр. Спафария с товарищами я убеждал, уясняя обстоятельства дела, вернуть [88] нашего беглеца Гентемур и всех прочих и чтобы нам не разрушать взаимной дружбы; (с тем) его и отослал. В ответ на это также ни грамоты не присылали, ни посольство не приходило, а из Нерчинска и Албазина русские люди еще более вторгались в местности (инородцев) Фяка и Килер, жителей убивали и производили пожары. Этирке и прочих двадцать человек солонов, дагуров и ороchon, охотившихся за соболями, обманом зазвали в избу, избу зажгли и всех погубили. Так как они (русские люди) не знают законов благопристойности, хотя я их вразумлял, то я нарочно выдвинул цзянь-цзюня и войска, поместив их в Айгуне, Хумаре и других пунктах, и поручил им не позволять русским людям своевольничать по-прежнему. После этого (наши отряды) захватили в плен всех русских, поднимавшихся по р. Амуру, а также бывших в местности Хенгунь, но никого не убили, а дали пищу; военные власти, вручив русским пленникам Ивану и Михайле-младшему грамоту, отослали, убеждая начальников, бывших в Албазине и Нерчинске, вернуться в свои места. Так как после этого (русские) по-прежнему принимали наших

перебежчиков и в свои пределы не возвращались, то я приказал нашим войскам выступить,— они осадили Албазин и всех Лоча взяли в плен; ни одного не убили, но отослали назад, [89] убеждая их мало-помалу перейти в свои пределы и в наши места не приходить. В то время, как наши войска возвращались назад, русские пришли в Албазин, поселились и снова убивали наших подданных. В том предположении, что, может быть, эти люди издавна отвергнутые своим государем преступники, из-за страха не могут возвратиться в свои места или, быть может, они, боясь наказания за свои поступки, не пересылают наших грамот своему государю, — мы по-прежнему написали грамоту на маньчжурском, монгольском, латинском и русском языках:

Ваши русские люди в наших пограничных местах не перестают производить беспорядки; если выслать войска для войны и истребления, то, когда я подумаю, что русское государство с давних пор жило в дружбе с нашим государством,— война и истребление для меня нестерпимы. Поэтому без замедления возьми своих подданных, живущих в Албазине, в любом месте Якутской области поставь границу и посели их; пускай каждый в своих пределах занимается охотой и торговлей. По этому делу пришли грамоту или командируй посла, в

таком случае, выступавшие войска я не допущу идти далее и отзову их в пограничные места. При таких условиях мы могли бы жить в дружбе, [90] посылая друг другу посольства и торговых людей.

Написав грамоту, вручили ее по-прежнему русскому полоненнику и из местности Калка отправили его в русское государство.

Если посмотреть, что русские люди и теперь насмерть отстаивают Нерчинск и Албазин, то возникает сомнение: передал ли наши слова своему государю Ник. Гавр. Спафарий? Может быть, и живущие в Нерчинске и Албазине русские люди, все ссыльные преступники, перехватывают на пути наши грамоты и не отсылают их, и Белый царь не знает положения дела? Вследствие этого, теперь в вашем министерстве снова напишите и отошлите грамоту:

От Белого русского царя послы издавна приходили к нам, и мы жили во взаимной дружбе. Русские люди, живущие в Нерчинске и Албазине, притесняют наших пограничных жителей, захватывают жен и детей, убивают и в своих поступках не останавливаются; по этой причине в своих пограничных местах я поставил войска. Хотя несколько раз я говорил им (русским людям), чтобы они отступили в Якутскую область, установили пограничную линию, и чтобы каждый в своем месте занимался охотой и торговлей и жил в

благополучии, однако они не уходят, насмерть отстаивая Нерчинск и Албазин. Теперь пускай Белый [91] царь возьмет назад своих подданных, в любом месте Якутской области поставит пограничную линию, и пускай каждый в своем месте занимается охотничьим промыслом и живет в благополучии. В противном случае, невозможно, дав свободу их русским людям, допустить притеснять наших пограничных жителей. Если вследствие этого наши войска, стоящие на границах, дойдут до необходимости подстерегать, ловить и убивать русских людей, то это не может быть согласно с моими намерениями, по причине моего расположения к далекому государству; а когда будет нарушена стародавняя

дружба, то и русским людям также, согласно их желанию, невозможно будет ни охотиться, ни вести взаимной торговли.

Ясно изложив этот предмет, напишите грамоту и отошлите для уведомления русскому Белому царю. Пускай Белый царь без замедления пришлет мне грамоту или отправит посла, будет ли то сухим путем или водою, — по его усмотрению. Если же для прибытия посла встречается затруднение, то пускай грамоту, мне адресованную, он перешлет через государство Си-янское или Голландское.

Ради вышеизложенного нарочито послали.

Кан-си, 25 г., 8 мес., 6 числа.

Примечания:

¹ Две одинаковые грамоты, в маньчжурских подлинниках, сохранились в делах Моск. Архива М.И.Д. В Москву они были доставлены: одна через голландское торговое посольство, бывшее в Пекине в 1686 году, другая через иезуита Филиппа Гримальди, который по повелению императора Кан-си, в 1686–87 гг. ездил в Европу.

Воспроизводится по:

Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке. Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. Том XXI. Вып. 2–3. СПб. 1912 с. 86–91.

№ 108

1686 г. октябрь-ноябрь. – Отписки из Удинского острожка Андрея Яковлева, и Емельяна Паникадильникова Селенгинскому приказному человеку, с сообщением известий, полученных ими от разных лиц об осаде Китайцами Албазина и об убиении во время осады воеводы Алексея Толбузина.

И. Господину Семену Карповичю Андрюшка Яковлев челом бьет. В нынешнем, господине, во 195 году, октября в 3 [264] день, по указу великих государей, из Нерчинска от столника и воеводы Ивана Остафьевича Власова послан Даурских конных казаков десятник Агапит Ларионов с отписками наскоре на встречу к околничему и воеводе к Федору Алексеевичю Головину об осаде Албазина от Богдойских людей; а приехав в Удинской, он Агапит рассказывает: в нынешнем де во 194 году посыланы были они Агапит из Нерчинска с Даурским сыном боярским с Григорьем Лоншаковым, семьдесят человек, вниз для проводыванья про Албазинск; и были де они у Албазина близко и видели, что де Албазин от Богдойских людей в осаде, стоят они Богдойские люди под Албазиным бусами и стреляют по Албазину из пушек по многое время, а по заимкам хлебы вызжены все. Да они ж Григорей Лоншаков нашли близко Албазина Руских людей, ходят по лесу десять человек, а рассказывают они: были де до Алба-

зинской осады на отъезде карауле у коней тридцать человек; и как прийдучи Богдойские люди и Албазин обсадили, и им караульщиком в Албазин попасть было немошно, и от них Богдойские люди двадцать человек переимали, а иных побили; и тех десять человек Руских людей они Григорей Лоншаков с товарищи привезли в Нерчинской. А рассказывали де они перед Иваном Остафьевичем, что де Богдойские люди стреляют по городу из пушек по многое время, а был де у них Богдойских людей в одно время приступ к Албазину болшей и стрельбы из пушек из города, и в дыму де города и людей не видеть было; и не можа они неприятели ничего сотворить, отступили прочь и стоят под городом за турами; а бусами стоят выше Албазина и ниже и против города за рекой. А которые Руские конные табуны из Албазина пять сот лошадей отгонены были в Камень, и тех коней они Богдойские люди нашли и к себе взяли и двадцать человек Руских людей побили, а иных переимали.

II. Господину Семену Карповичю Емелка Паникадилников целом бьет. В нынешнем, господине, во 195 году, ноября в 4 день, из Нерчинска в Удинской острог. приехали Нерчинские служилые люди Кузма Томской с товарищи после коровану по хлебные свои оклады, а сказывают: пришел де в Нерчинской промышленной человек Стенка Бибииков, которой оставлен был от Григорья Лонцакова близь Албазина для проведыванья; и он де Стенка Бибииков рассказывает, что под Албазином Богдойские воинские люди стоят и ныне, а бусы у них заведены в замороз в отстой по курьям, а сами стоят под городом и стреляют по городу по вся дни. Да в нынешнем во 195 году Нерчинские и Селенгинские Братцкие мужики ясашные все кочуют вверх по Селенге по заречью с юртами и со всяким скотом с большим и с мелким, и ныне уж против Удинского они; и про то нам неведомо, доброе ли у них на уме; а мне их мужиков задержать и воротить нечем, потому что малолюдство. И ты, господине, об том как укажеш?

III. Господину Семену Карповичю Емелка Паникадилников целом бьет. В нывешнем, господине, во 195 году, ноября в 21 день, по указу великих государей, послан из Нерчинска от столника и воеводы Ивана ОстаФьевича с отписками на встречу к околничему и воеводе к

Федору Алексеевичю Головину наскоре Албазинской служилой человек Иван Бузунов, а приехав в Удинской, рассказывает он Иван: вышли де они три человека из Албазина в нынешнем во 195 году, после Покрова пресвятыя Богородицы на другой неделе, во вторник, и все трое пришли в Нерчинской; а Богдойские де [265] люди стоят под Албазином, и бусы у них в отстой в замороз поставлены и юрты земляные у них поделаны, а круг города сделан земляной вал высокой и ров, да трои рогатки сделаны; а преж того были у них Богдойских людей сделаны два вала деревянные, один вал был сделан от городской стены из; смоля, а другой вал был из сырого дерева, и тот смоляной вал казаки из города сожгли; а под другой вал казаки из города подошли подкопом и тот вал у них разорили; а из за тех валов был у них Богдойских людей к городу приступ на Семен день велик, а было у них казаков к ним Богдойским людям на вылазку пять боев, и их Богдойских людей на вылазках из города из пушек и на приступах пало не мало и от гранатки, а сколько их Богдойских людей побито, и того неведомо; а Алексей Ларионович Толбузин в городе убит от Богдойских людей из пушки. Да на вылазках же поимали казаки их Богдойских людей три человека Никанского роду, и в Албазине де Никанского языка никто не знает; и ныне

де у нас казаков в Албазине приказным человеком Афонасей Байтон. А сказывает он Иван: хлеба де у, них в Албазине будет до Светлого Воскресенья, толко де водою скудость велика. А Руских людей на вылазках в городе небольшое место пало ж; а они Богдойские люди стреляют из пушек по городу безпрестанно, а у казаков де в городе поделаны избы земляные. А как де они Иван с товарищи вышли из Албазина на низ по Амуру, и лежали на острову восемь дней, потому что де караулы частые, выдти не мошию, и до Нерчинского шли три недели. И его Ивана я отпустил и до Ильинской слободы дал подводу с провожатым. А которые, господине, пушки и свинец и порох в Удинском у Иркутцкого служилого человека у Ивана Маркелова при-

нял, и под те пушки и пороховую и свинечную казну как ты, господине, изволишь послать из Селенгинска в Удинской острог служилых людей, чтоб тем пушкам и пороховой и свинечной казне в Удинском не замешкатца. Да писал ты, господине, о служилых людех о Емелке Осипове, о Екиме Аверкиеве и велел их выслать в Селенгинск; а в Удинском служилыми людьми малолюдство, а розсылки частые с отписками, и за гонцами в провожатых за Камень и в Селенгинской и на заимки, и выслать в Селенгинск ни коими меры, за малолюдством, нелзе. А с сею отпискою послан служилой человек Васка Краснояр, а приехав в Селенгинск велел ему явитца в приказной избе и отписку подать тебе, господине.

Все три акта из рукописи, содержащей в себе списки актов Нерчинского архива (в лист, на 204 л.) и принадлежащей Императорской Академии Наук.

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. 10, СПб. №67 Акты о сношениях и военных действиях с Китайцами и Монголами (№№ XXIII–XXV), стр. 263– 265.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 109

1686 г. не ранее декабря 13. – Специальный доклад Сабсу на имя Кан-си о положении Албазина.

Почтительнейший доклад Салхаліап улаі цергі бабе тувакіяра зіжангіюні Сабсу¹ и других. Испрашивается указ по поводу следующего:

В 11-й день 12-го месяца помощник воеводы города Албазина Байдон, прислав специального человека, просил о доставке в Албазин съестных припасов. 12-го числа, посыл нашего человека, поручили ему доставить в Албазин съестные припасы и вино. Он, вошедши в город, увидел, что почти весь гарнизон вымер и уцелело женщин и мужчин 20 с небольшим человек.

Когда наш посланный вернулся и доложил о виденном, то 13-го числа того же месяца вновь командировали в Албазин русского старика Ифан (Иван), присоединив к нему еще двух человек с целью окончательного выяснения количества русских, находящихся в Албазине. Ифан, побывав в Албазине, по возвращении рассказал следующее: войдя в город и ознакомившись с положением, он узнал, что воевода Албазина Байдон тяжело болен; затем, мужчин и женщин всего 20 человек с небольшим и то больных; людей здоровых можно насчитать два — три человека. Трупы умерших

к тому же не похоронены и валяются в разных местах.

После того мы, амбани, захватив одного албазинца, подвергли его допросу, на котором он показал следующее: русских к началу осады Албазина было тысяча с лишком человек; в результате осады и болезней к настоящему времени их осталось 20 с небольшим человек, причем все они больны и в настоящее время из оставшихся в живых постоянно кто-нибудь умирает, так что если это будет продолжаться дальше, то к моменту оттаивания Амура вряд ли кто из них останется в живых.

И вот мы, амбани, вспомнили, что Хуанди всегда склонен оказывать покровительство ко всему живущему в поднебесной. И когда мы в течение нескольких раз убеждали русских в соответствии с данным нам указом, гласившим о том, что никоим образом не должно убивать русских, изъявивших покорность, а наоборот, облакая их великими милостями, по освобождении возвращать в свое государство, русские, словно дикие звери, не могут действовать в гармонии с велением сердца.

[179] И теперь, когда русские все

еще продолжают борьбу против наших больших сил, всемилостивейший указ хана, будучи проникнут единственным стремлением к небу, действительно является таким, о котором не было слышно со времен глубокой древности. Ибо, если забыть тысячу с лишком русских, уже убитых нами в прежних сражениях, тем самым оставшаяся горсточка в 20 с небольшим человек русских может быть истреблена нами буквально в несколько дней.

В силу изложенного мы, амбани, по этому поводу полагаем, поскольку русский чаган хан, находясь за пределами 10 000 ли, уповая на милость и великодушие хана, просит о снисхождении, то не представляется ли целесообразным издать указ примерно такого содержания: «если в настоящее время, сняв оса-

ду и прекратив войну, всех уцелевших русских направить в Нерчинск, то они, из-за болезни, безусловно не дойдут до Нерчинска в такое холодное время, и их смерть никоим образом не будет соответствовать гуманным намерениям хана. А вот в будущем году, весной, по наступлении теплой погоды, если все же какое-то количество русских уцелеет, то, смотря по обстоятельствам и с учетом уцелевших, можно будет отправить их всех в Нерчинск или на лошадях или на лодках.

Не будучи в состоянии самостоятельно решить этого дела, мы, амбани, почтительнейше об этом докладываем и просим соответствующего указа.

(Следуют подписи Сабсу, Лантаня, Бандарша и Бодин'а.)

«Копии дел главного китайского архива Хэй-лун-цзян'ской провинции и Цицикарского речного ведомства». Рукопись No 984/2 «Журнал копий отношений, начиная с 4-го месяца 25-го года правления Кан-си» (на маньчжурском языке).

Примечания:

¹ Т. е. «Амбань Сабсу, охраняющий район Сахалынь-ула» (район нынешней провинции Хэй-лун-цзян).

Воспроизводится по:

Труды ИВ АН СССР. Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935г. 1936. Т. 17. М.–Л. С. 178–179.

№ 110

1686 г. декабря 26. – Допросные речи в Майском зимовье Тунгуса, участвовавшего в нападении на Учюрское зимовье и в убийстве служилых людей.

195 году, октября в 24 день, по указу великих государей царей и великих князей. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, Майского зимовья приказной сын боярской Михайло Антипин послал из Майского зимовья двух человек казаков Никиту Силина, Стенку Григорьева вверх по Мае реке до прежнего Майского ясачного зимовья, где преж сего собирал великих государей ясак сотник казачей Данило Михайлов, на встречу к Майским ясачным Тунгусам, которые идут к Майскому ясачному зимовью великих государей с ясаком, чтоб тех Тунгусов Уцкие казаки на дороге преж великих государей ясачного сбору не оторговали, а шли б те Тунгусы к Майскому ясачному зимовью великих государей с ясаком не мешкав. Да и для того оне Никишка и Стенка посланы, что в прошлом во 194 году на Учюре Учюрские ясачные Тунгусы изменили, служилых и промысленных людей побили и аманатов своих у сына боярского у Архипа Лыткина, разломав козенку, выручили и увели к себе. И про тех изменников им Никишке и

Стенке велено проводывать, и буде проведуют, и тех изменников под их великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, царские высокие самодержавные руки призывать ласкою и приветом, по прежнему, с ясаком в вечное ясачное холопство. И декабря в 26 день служилые люди Никишка Силин да Стенка Григорьев привели в Майское ясачное зимовье изменника Лалыгирского роду Тунгуса Даригу Кункадина, которой изменил в прошлом во 194 году на Учюре с родниками своими, Якуцких и Албазинских служилых и промысленных людей побили, и аманатов своих, приходя к зимовью со многими людьми, у приказного человека у сына боярского у Архипа Лыткина с боем взяли и увели к себе. И того ж числа перед сыном боярским перед Михайлом Антипиным изменник Тунгус Дорига Кумканеев допрашиван, а в допросе сказал: в прошлом де во 194 году на Учюр реку подходили под ясачное Учюрское зимовье неясачные воровские Тунгусы из Даур от Богдойские стороны Кин-

дигирского роду, а имянь им он Дорига не знает, и приходя де те воровские Тунгусы Учюрским ясачным Тунгусам говорили, что де Албазинской острог Богдойские люди взяли и служилых людей без остатку всех убили до смерти, и вы де также учините, Учюрское зимовье возьмите, и служилых людей до смерти убейте и аманатов своих выручите. И те Учюрские Тунгусы от их воровского наговору шатость учинили. Из ясачного Учюрского зимовья приказной сын боярской Архип Лыткин послал в Якуцкой острог с отписками двух человек служилых людей, Федора Замятнина да Осипа Гурьева, а его де Доригу да с ним Тунгуса же того ж Учюрского зимовья Киндигирского роду Гургичю послал с теми служилыми людьми в провожатых вожем; и родники де его Учюрские Тунгусы им Дориге и товарищу его Гургиче наговаривали, и в глаза плевали, и велели тех служилых людей на дороге убить, и надзорщиков за ними двух человек Тунгусов, Лалыгирского роду Тямгучю Еркигина да Губаря (отцу его имени не знает) посылали, чтоб тех служилых людей в город живых не отпустить, на дороге до смерти убить. И оне де Дорига и Гургича, отшед от ясачного зимовья на другом днище, [355]тех служилых людей убили до смерти; а он де Дорига убил Федора Замятнина, а товарищ де его Гургича убил Осипа Гурьева, закололи ножами на

стану, на ставанье, а пожитки де их после убойства, оружие, и мелкую рухлядь, и котлы, и топоры, и платье взяли себе и поделили с товарищем своим; и с того де убойства он Дорига с товарищем своим поворотились назад к родникам своим Учюрским Тунгусам. И после де того ж убойства, на другой день, от ясачного Учюрского зимовья отшед в днище, встретили Албазинских служилых и промысленных людей, которые шли с Уди реки в Якуцкой острог нартами, 15 человек, да Якуцкого служилого человека Фадея Ванюкова; и тех де служилых и промысленных людей родники его Учюрские Тунгусы убили до смерти, а он де Дорига и с товарищем своим на убойстве были же, а пожитки де тех убитых служилых и промысленных людей, милосердие Божие, и ружье, и мягкую рухлядь, и платье, и котлы, и топоры взяли и поделили по себе. Да на том же де убойстве оне ж изменники взяли в полон ясыря убитого казака Ивана Голонога Даурскую некрещеную жену, имени ей не знает, и отдали роднику своему Лалыгирского же роду Тунгусу Губарю. И побив де тех Албазинских казаков и промысленных людей, подошли тайным обычаем под Учюрское зимовье, и послали наперед себя дву человек Тунгусов; и те де два человека Тунгусы у сенных дверей запор отодвинули спицею, и сенные двери отперли, а иные де Тунгусы около зимовья

обошли и у окон льды выбили, и зимовейные двери отворили, и из сеней в зимовье и в окна из луков стреляли, и казака Василия мельника в зимовье убили до смерти, а приказного человека, сына боярского Архипа Лыткина, и казаков ранили, и у зимовья де у отходные казенки аманатцкой стены с вольные стороны топорами рубили, а аманаты де в то время из Отходные казенки оконные дверцы чюрками, что кладут в головы, заперли; и вырубя стену, родники тех аманатов изменники Тунгусы тех аманатов выручили и увели к себе; и лабазы де казачьи в то время грабили, всякое платье и мягкую рухлядь и съестное взяли и поносили и по себе поделили; и выруча де своих аманатов и побив и перераня Якуцких и Албазинских казаков и промысленных людей, от зимовья прочь отошли по своим жилищам, толко де остался один аманат Айганского роду Леванитко; а родники де его Леванитковы на том убойстве не были; а про воровской их умысл, про убойство и про шатость они ведали, прежь того убойства, заплатя великих государей ясак, те его Леванитковы родники от зимовья отошли прочь на свои кочевные жилища, то де убойство было без них. И он де Дорига отошел от ясачного зимовья и кочевал с родниками своими с изменниками Тунгусами вместе, и летом де, в июле месяце, от тех своих род-

ников от изменников от Тунгусов прочь отлучился один, и питался на лете зверем и рыбою, и промыслял великих государей ясак, и перешед на Маю реку, и великих государей с ясаком и с повинною своей головою к Майскому ясачному зимовью подошел, и в той де его вине волны великие государи. А родники де его изменники Учюрские Тунгусы с кочевных своих жилищ откочевали к Даурской стороне, к воровским неясачным Тунгусам Киндигирского роду, которые подходили к Учюрскому зимовью и их научали на убойство, казаков убить и аманатов выручить. А которые де те Тунгусы же на убойстве не были, осталого аманата Леванитковы родники Айганского роду 5 человек Тунгусов, и те де Тунгусы откочевали и живут по Алгаме реке в вершинах; а Алгама де река пала в Учюр реку; и про тех де Тунгусов чаёт он Дори-[356]га, что к ясачному Учюрскому зимовью великих государей с ясачным платежем в нынешнем во 195 году будут. А изменники де родники его Тунгусы ж, которые откочевали к Даурской стороне, к ясачному Учюрскому зимовью в нынешнем во 195 году будут или нет, и про то он Дорига не ведаёт. Тунгусские речи толмачил казак Федор Беляев да Тунгус Лалкагирского роду Чечанда. . . .¹.

На подлинном пишет тако: зная Дорига приложил лук. Подписал Ивашко Хланов. Федор Беляев

Тунгусские речи толмачил. По его велению, казак Ивашко Китаев руку приложил. Знамя Чечанды прило-

Акт извлечен из принадлежащей Императорской Академии Наук рукописи, содержащей в себе списки актов Якутского архива (ч. 3-я).

Примечания:

¹ Фамилия написана в рукописи неразборчиво

Воспроизводится по:

Дополнения к актам историческим, 1867г, т. X, СПб., №78:IX, сс.354–356.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 111

1687 г. не ранее сентября 9. – Отношение Стольника и Нерчинского Воеводы Ивана Власова к Окольному и Наместнику Полномочному Послу Ф.А. Головину¹

Господину Федору Алексеевичу Головину Иван Власов челом бьет. В нынешнем во 195 году Сентября в 9 день² писал ко мне в Нерчинск из Албазина казачей Голова Афонасей Бейтон, а в отписи его написано: в прошлом во 195 году Августа в 29 день приезжали из Китайских табор к Албазину Китайские люди 10 человек и говорили чтобы прислать из Албазина в Китайские их полки к их Китайским Воеводам на переговоры и де тогож де числа посылал он Афонасей в Китайские их полки пя-

тидесятника Ваську Смиренникова, Анцыферка Кондратьева, толмача Артюшку Мунгала и Китайские люди им Ваське с товарищи говорили, что от Китайского их Царя прислан к ним полковым Воеводам лист, а в листе написано: писано де в Китай от Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всяя Великия и Малыя и Белья России Самодержцев, Посольского Приказа с Послом Никифором Веняковским к их Китайскому Царю, для чего-^[190]го де их Китайский Царь своими людьми Русские города разоряет и людей побивает, а как де к ним Войсковым Китайским Воеводам Хановым указом велено де было им от Албазина зимой отступить, и во зимнюю де пору отступить было от городу нельзя, потому что де бусы и снаряд заморозили под городом, а как де лед прошел и они де Китайские люди от города отступили и стояли вниз Амура реки от Албазина в трех верстах и велено де им Китайским людям от города отступить в свой город до усть Зеи реки и Августа в 1³ день Китайские де люди от Албазина отступили, да они де Китайские Воеводы говорили, буде де их Китайские люди пойдут на соболиной промысел и чтоб де от служилых людей какой споны и убивства не было, а буде де служилые или промышленные люди пойдут на соболиной, или на рыбной промысел и им де та-

кожде от Китайских людей споны и убивства ни какого не будет.⁴ Ныне же они Ивашка и Гришка даны на поруки до Указу Великих Государей, да он же Афонасей Бейтон прислал ко мне Никанской породы мужика, а тот мужик пришел в Албазин собою и того выходника распросить некем. Никанского языка толмачей в Албазине нет, а которой Никанского языка толмачь Никанской породы выхо-^[191]дец Албазинской служилой человек Федька Михайлов, взят был и послан к Москве в Сибирской Приказ, с Никонского языка для толмачества к Великим Государем и по ведомости узнал я от приезжих всяких чинов людей, живет де он Федька на Селеньге реке на заимках. В прошлом 196 году⁵ служилой человек Якушка Мартынов, котораго прислал ко мне Афонасей Бейтон, с отпискою по допросу пред мною сказал: сказывали де ему Якушке в Албазинске пятидесятник Васька Смиренников, Анцыфорка Кондратьев, Артюшка Мунгал, слышали де они от Китайских Воевод, что послан де был к ихнему Богдохану от Великих Государей Посланник, чтобы де с крайними Великих Государей людьми жить в совете и в любви, что де⁶ людей своих Китайскому их Царю на помочь не дали и во всем ему отказали, а их Богдохан с людьми де Великих Государей ссорится не хочет и поплыли де они Китайские люди на бусах вниз Аму-

ра реки в свои Китайские городки, со всеми ратными людьми Августа 30 ч. и для верной де ведомости провозжали их Албазинские служилые люди берегом на лошадях десять человек от Албазина верст десять и они де Китайские люди Албазинским служилым людям говорили, чтобы в Албазине [192] дворами строились и всякие заводы заводили по прежнему, а Богдыханово де Величество с Царским Величеством в мирном постановлении рад быть навеки, и чтоб де Русские люди их

Китайских людей ни в чем не опасались, а которой мужик Никанской породы с ним Якушкой прислан и тот де мужик в Албазине не спрашиван, потому что Никанского языку толмача нет; и того Никанского мужика послал я к тебе Господину на Селеньгу с Албазинским казаком Якушкой Мартыновым с провожаемыми и о том к Великим Государем к Москве в Сибирской Приказ писал я, а об отпуске с деньгами⁷ велел бить челом ему Якушке тебе Господину.

Примечания:

¹ При публикации этого документа видимо были допущены ошибки. Данная отписка практически дословно приводится в «Статейном списке Ф. А. Головина», текст которого выверен по оригинальным документам хранящимся в РГАДА и воспроизведен в издании: «Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы», том 2. 1686–1691. М. Наука. 1972. В нижеприведенных примечаниях будут отображены выявленные разночтения. Все примечания подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

² В «Статейном списке Ф. А. Головина» указана более точная дата, увязанная с датой прибытия отписки к Ф.А Головину–«196 [1687] году сентября в 19 день». В сентябре 195 года данная отписка не могла быть написана, так как ряд событий, описываемых в документе произошли позднее этой даты.

³ В «Статейном списке Ф. А. Головина» указана дата «августа де в 30 день».

⁴ В «Статейном списке Ф. А. Головина» поле этих слов вставлено: «А беглых де 2-у человек служилых людей, о которых об отдаче наперед сего говорено, Гришку Фомина, Ивашку Тарханова, китайские воеводы в Албазин отдали».

⁵ Здесь так же явная ошибка в указании 196 года как прошлого.

⁶ В «Статейном списке Ф. А. Головина» поле этих слов вставлено: «ку-тухта».

⁷ Здесь так же допущена ошибка. В «Статейном списке Ф. А. Головина» в этом предложении говорится «об отпуске с Селенги», что больше соответствует действительности.

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 26, с. 189–192. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 112

1687 г. не ранее октября 4. – Донесение Нерчинского Воеводы Власова Послу Ф.А. Головину.

Господину Федору Алексеевичу Иван Власов челом бьет. В нынешнем во 196 году Октября 4 писал ты, Господине, ко мне в Нерчинск и прислал из дворян Ивана Качанова, а в отпуске¹ твоей написано: послан от тебя в Китайские полки к Воеводам для дел Великим Государей он Иван, а с ним Албазинской казак Стенька Харитонов да полоняник Говодейко, и как он Иван в Нерчинск приедет и ему б дав толмачи

да в провожатые служилых людей сколько человек пригоже и подводы по подорожной и отпустить ево из Нерчинска в Албазин смотря по вестям, и Сентября 24 писал я к тебе, Господине, что Китайские полковые Воеводы со всеми ратными людьми от Албазина отступили Августа в 30-м числе и поплыли на бусах в свои Китайские городки и Ивана Качанова в Албазин отпустили.

Примечания:

¹ Так в тексте книги. Возможно должно быть «в отписке». Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 16, с. 168. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 113

**1687 г. не ранее октября 12. – Донесение Нерчинского Воеводы
Власова Послу Ф.А. Головину.**

Господину Федору Алексеевичу Иван Власов челом бьет. В нынешнем во 196 году писал ты ко мне в Нерчинско, а в отписке твоей написано: Сентября 30 дня послан от тебя в Албазин Павлова полку Гробова конного списку стрелец Дениско Немкин, а как он приедет в Нерчинск и ево велено отпустить в Албазин без задержания, а из Нерчинска послать пороху и свинцу сколько пристойно, да служилых

людей 30 чел., а для прокормления тех служилых людей послать из ясашного сбора 15 скотин рогатых и роздать в Албазине служилым людям для осадного сиденья не в зачет в годовые их оклады, и того Немкана Октября 12 в Албазин послал с Государевой казной 25 пуд. пороху, 20 пуд. свинцу, 10 гранат пудовых, 50 гранат ручных, 40 трубок больших и малых точеных, да на трубочной состав $\frac{1}{2}$ фунта селитры, $\frac{1}{2}$ фун. серы

горючей, да к пушкам на зарядные мешки или пыжи и к гранатам 16 ар. холста, 6 саж. фитилю, ясашнаго сбора 15 скотин, [177] да служилых

людей 8 чел., да служилых людей Андрюшку Бабурина с товарищи 12 чел. пошлю незамотчав.

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 22, с. 176–177. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 114

1688 г. – Наказ Нерчинского воеводы Ивана Власова об исправлении, во время его отсутствия, воеводской должности.

Лета 7196 в . . день, по Государевым Царевым и Великим Князям, Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, и Великие Государыни благовверные Царевны и Великие Княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержцев, указу, столник и воевода Иван Остафьевич Власов, поедучи из Нерчинска до Теленгинска для отпуску соболиныя казны к Великим Государем к Москве, в Нерчинску велел быть до приезде своего Никифору Парфентьевичу¹, и ведать

Нерчинской острог, и казну Великих Государей, и аманатов, и ратных и жилецких и приезжих всяких чинов людей, и меж ими суд и расправа чинить, и ото всякого дурна унимать и чинить наказанье, смотря по вине, опричь татиных и разбойных и убивственных и волшебных дел; а которые люди объявятся в татевных и разбойных и убивственных и волшебных делах, и ему Никифору тех людей велеть имать и держать скованных, и о том писать к столнику и воеводе Ивану Остафьевичу; а по

челобитчиковым делам суды давать, и с суда брать пошлины с рубля по три алтына по две денги, да пересуду и правого десятку по семи алтын по две денги, а которые не ходя в суд помирятся, и с тех брать мировых пошлин по три алтына по две денги, и велеть писать судные дела в записную, а пошлины в приходную книги; а всякие дела ему Никифору делать по указу Великих Государей и по Соборному Уложению, вправду, безволочитно, чтоб на него Никифора вперед ни от кого ни в чем челобиться [307] не было. И будучи ему в Нерчинску, как приспееет время десятинной хлеб с поль снимать, и ему Никифору смотреть того над прикащиком, чтоб десятинной хлеб с поль снимать не испустя времени, также б и рожь сеять, и всякая б у пашенных крестьян работа была во свое время. И для ясачного сбору послать служилых людей во все ясачные волости, и велеть тем высылщиком ясачных людей на соболиные промыслы высылать не испустя времени, и приказывать накрепко, чтоб они ясачные люди, радея Великим Гоеударем, ясак промыслили на нынешней 197 год, и из доимки за прошлые годы заплатили весь, без недобору. А будет с какими вестями с отписки прислан кто будет из Албазина, или из Аргунска, или из Китая от Степана Коровина: и ему тех людей не держать ни часу, отпущать из Нерчинска тотчас, и о

всем писать к столнику и воеводе к Ивану Остафьевичу. А будет Степан Коровин, из Китая, поедет через Нерчинск при... .. и служилым людям дать подводы по подорожным, а будет скажут, у них подорожных нет, или и были даны, да утерялись, и ему Никифору дать в Нерчинску Степану Коровину семь подвод, а казакам, которые с ним приедут, дать человеку по подводе, и отпустить без всякого задержанья, и обо всем писать столнику и воеводе к Ивану Остафьевичу. И жить в Нерчинску с великим опасением, чтоб днем и ночью без крепких караулов в остроге и за острогом в притонных местех отнюд не было, а на караул служилые люди приходили бы с ружьем, а без ружья на карауле никто б не был; а у кого объявится пищаль порченная, и тому велеть починить того же дни, а буде учинится непослушен, и ему за то учинить наказание бить батоги, а пищаль велеть починить. А однолично б у него Никифора, в Нерчинску, без крепких и без отъезжих караулов отнюд не было, чтоб неприятельские воинские люди, пришед изгоном, над острогом и над служилыми людьми какого дурна не учинили, конских табунов и рогатого скота не отогнали; а буде какие воровские люди, приезжая под острог, учнут конские табуны и рогатой скот отгонять: и ему Никифору за теми ворами посылать в погоню, и велеть имать и приводить

в Нерчинск, и держать в Нерчинску скованных до приезде столника и воеводы Ивана Остафьевича, и о том писать. И будучи ему Никифору в Нерчинску, вина не курить и продажного питья не держать, да и над служилыми людьми смотреть накрепко, чтоб они вин не курили, и пив и браг безъявочно не варили, и продажного питья не держали. А однолично б ему Никифору, будучи в Нерчинском до приезде столника

и воеводы Ивана Остафьевича, всякие Великих Государей дела делать по указу Великих Государей и по сему наказу, и ясачных иноземцов на соболиные промыслы высылать, не испустя времени, чтоб ясачной Великих Государей соболиной казне недобору не учинить; а к Московскому дворянину князю Павлу Гайтимурову держать ласка и привет, чтоб ни от кого ему обид и безчестья никакого не было.

Черновой отпуск писан столбцем, на трех листках. – Из архива Нерчинского Городового Управления.

Примечания:

¹ Никифор Парфентьевич Сеноотрусов - Нерчинский сын боярский. Обязанности приказчика Нерчинского острога Никифор исполнял как минимум до августа 1688 года. О деятельности Никифора Сеноотрусова в должности приказчика Нерчинского острога сохранилось несколько письменных свидетельств. Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

Воспроизводится по:

Акты Исторические, т. V, Спб 1842г., сс. 306–307, № 175.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 115

**1688 г. – Челобитная пушкаря Елизара Ларионова и казака
Василия Кузьмина, находящихся на службе в Албазине, о выдаче
им денежного жалованья за 1686–1688 гг.**

/л. 10/ Ц(а)рем г(о)с(у)д(а)рем и великим кн(я)зем Иоанну Алексеевичю Петру Алексеевичю и великой г(о)с(у)д(а)р(ы)не благоверной ц(а)р(е)вне и великой кн(я)жне Софии Алексеевне всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцем бьют целом холопи ваши нерчинские пушкарь Елизарко Ларионов да пешей казак Васька Кузмин. В п[р]ошлом г(о)с(у)д(а)ри 195м год(у) августа в 6 де(нь) посланы мы холопи ваши на вашу великих г(о)с(у)д(а)рей службу в Албазин и вашим великих г(о)с(у)д(а)рей денежным жалованьем не пожалованы. Недодано мне холопу вашему на 195й год четьре рубли. Да мне Ваське не додано

ж на 195 год три рубли. М(и)л(о)с(е)рд[ые] г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри и великие кн(я)зи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич и великая г(о)с(у)д(а)р(ы)ни бл(а)говерная ц(а)р(е)вна и великая кн(я)жна София Алексеевна всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцы пожалуйте нас холопей своих своим ц(а)рьским денежным жалованьем на 195 й год и на 196 й год для ради нашей скудости и бедности. Обнуждали и великими долгами одолжали и в предь бы вашей великих г(о)с(у)д(а)рей службы не отбыть и томною голодною смертью не помереть. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри смилуйтесь пожалуйте.

На обороте л. 10 рукоприкладство: К сей челобитной вместо Елизара Ларионова да Васьки Кузьмина по их веленью полку Павлова Юрьевича Грабова стрелец Митка Прокопьев руку приложил.

РГАДА, ф.1142, оп. 1, д. 43, л.10–10 об.

Публикуется впервые.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий

и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Подготовил к публикации – В. Трухин, 2015.

№ 116

1688 г. не ранее июня 9. – Отписка полкового воеводы Ф. Головина Нерчинскому воеводе И. Власову о ремонте албазинской городской стены, разведывании сведений о неприятеле, о посылке в Албазин служилых людей и хлебных припасов¹.

/л. 1/ [...]² в збор[е. И того посланца] хотел он [Иван Качанов] отпустить ко м[не вскоре.]

А в роспросе перед[о мною Селен]гинской казак Филк[а Андреев] сказал в н(ы)нешнем де 1[96] году июня в 9 день послан он из Селенгинска ко мне в пол[к с отпи]скою. И как де из Селенги/л. 2/[нск]а поехал и в Селенгин[ском де] и дорогою смирно и [мунгалских] неприятельских люди [под Селенгин]ской приходу посл[е нас прих]оду небыва[ло и нигде в ближни]х местех от Селенгинска [не видали. До] да евож де Филкина /л. 3/ [из Селенги]нска поезду за д(е)нь [прие]хал от

кутухты в Селенгинск посланец Удзин Балдан Гичюл. А приехал де тот Болдан с ведомостью что Степан Коровин ис китай отпущен с честью и едет мунгалскою землею и х кутухте будет вскоре. И чтоб ево Балдана с тою ведомостию из Селенгинска отпустить ко мне. И Иван Качанов хотел ево Балдана отпустить после ево Филкина отпуску вскоре.

/л. 4/ И тебе г(оспо)д(и)не по сим вестям послать в Албазин служилых люде[й]³ в прибавку з запас[ом]⁴ сколько возможно, а хлебных запасов велел взять у подрядчиков с Плодбища или у ково сысканы будут в Нерчинску и на Плотбище.

И велеть в Албазине жить со всякою осторожностью и город где худые места починить и о всяких ведомостях посылать проводывать в низ Амура реки почасту.

А служилые люди в прибавку к тебе с начальным ч(е)л(о)в(е)ком присланы будут⁵ вскоре.

А что у тебя уведано будет всяких ведомостей и о том ко мне писать. А как у меня в приказе будет посланец мунгалск[о]й⁶ Балдан Узен и что по ево приезд[у]⁶ уведано будет и о том к тебе писати буду с нарочными посыльщиками.

РГАДА ф.1142, оп.1, д.43 л. 1–4.

Примечания:

¹ Документ в ветхом состоянии. Начало документа утрачено. В тексте документа в квадратных скобках заключены утраты текста, восстановленные по тексту статейного списка Ф.А. Головина (Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. М., 1972. С 282–283). Там, где восстановить текст не удалось, утраты обозначались отточием. Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

² Возможно здесь шло изложение отписки Ивана Качанова полученной Ф. А. Головиным из Селенгинска 10 июня 1688 года: «...И июня ж, государи, во 8 день приехал в Селенгинск от мунгальского геген-кутухты посланец Удзин Балдан-гичюл. И он де, Иван, велел того посланного взять перед себя и чрез толмач спрашивал: для какого дела он, Балдан, в Селенгинск приехал? И он де, Балдан, говорил ему, Ивану, что послан он, гичюл Балдан, к нам, холопом вашим, с ведомостию от кутухты, что в нынешнем де во 196 году, которой послан от нас, холопей ваших, китайского хана к ближним людям и в пограничные китайские города к воеводам с листами ис посольских дворян Степан Коровин, и он де, Степан, как приехал в пограничные китайские города, и ис пограничных де городов взят был он, Степан, в царство, а пе-

ред самого де хана он не иман. И держан он в царстве 47 дней, и отпущен с честью. И с ним де, Степаном, от бугдыханова высочества послано к нам, холопом вашим, 3 листа. И едучи де он, Степан, ис Китайского государства з дороги с Кобинской степи к мунгальскому геген-кутухте прислал от себя гонцов, для того что де, идучи дорогою, верблюды обнуждали гораздо и изпристали, а у мунгальских де людей скот весь выпал и купить верблюдов не у кого, и мунгальской бы де кутухта крайним мунгальским человеком приказал до себя довести ево, Степана, как мочно. И чаеть де, что он, Степан, ныне у кутухты, И от бугдыханова де высочества противу нас, холопей ваших, посланы послы. А идут де те бугдыханова высочества послы с ним, Степаном, не вместе, особ, с войски, для того что буде у нас, холопей ваших, с ними миру не будет, и они де будут поступать воинским способом. А и под Албазин де ис Китайского государства потому ж посланы войска.

А писем де он, Балдан, от кутухты никаких не объявил.

А мунгальской де Ачарой-хан в ургу приковывал майя в последних числах. А Батур-контайша кочует от Селенгинска в ближних местех с ратными людьми в зборе».

³ Так в тексте.

⁴ Слово исправлено не разборчиво.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Буква восстановлена по смыслу.

Публикуется впервые.

Подготовил документ к публикации—В. Трухин, 2014

№ 117

1688 г. июня 16. – Отписка Албазинского казачьего головы А. Бейтона Нерчинскому воеводе И. Власову об отгоне неприятелем лошадей из-под Албазина.

/л. 5/ Г(о)с(у)д(а)рей ц(а)рей и великих кн(я)зей Иоанна Алексеича Петра Алексеича и великие г(о)с(у)д(а)р(ы)ни благоверные ц(а)р(е)вны и великие кн(я)жны Софии Алексеичны всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцев стольнику и воеводе Ивану Остафьевичу 196 го г[ода] июня 16 де(нь) Офонька Байтон челом бьет.

Ведомость тебе г(о)с(у)д(а)рю своему пишу. Грех ради наших, июня в 15 де(нь) подъезжали к нам под Албазин неприятельские воинские люди за чем не под стеною табун, что был конной де отогнали, казак новоприборной именем Иван Дедюлин ходил в лес для своей нуждицы за чем от города не видеть и ев[о] убили, а признаки на нем никакой не ост[а]вили. Писать не умеем какия люди приходили богдой или иных родов воровских тунгусов потому что их в вид не видали. По признакам угодаем потому что мы здешней иноземской перевод знаем. По намекам подъезжали богдойские люди подсматривать что у нас завод нет ли прибыльных людей или что хлеб посеян в поле. Паметуем их нечестивых переговоры. Об том

об всем писал я ц(а)рьсково величества окольничему и воеводе Федору Алексеичу. Как укажете. Ратые¹ люди посылали челобитнуу [о] б людях м(и)л(о)сти и у вас просят г(о)с(у)д(а)ря стольника и воеводы Ивана Остафьевича. Дай г(о)с(у)д(а)рь помощи прибвочных людей будет возможно. О коло альбазина ясашных г(о)с(у)д(а)рьских никаких нет весть нам подавать некому, а нас зело малолюдство. Покамест конной табун был ездили казаки в подъезд без престани, а н(ы)не у нас коней нет, что подъезжали неприятельские люди и коней десяток которые остались ездили казаки наши в погоню за ними их выследили а в даль заехать не посмели потому что малолюдство. Дайте г(о)с(у)д(а)ри помощи об том я писал ольничему² и воеводе Федор[у] Алексеичу а с тою отпискою отпущен новоприбо[r]ной казак Куська Чаплин, а к вам ц(а)рьсково величеств[а] стольнику и воеводе Ивану Остафьевичу отпущен в нерчинской нашево полку с сею отпискою Филип Лагунов наскоре. А Стефан Коровин к нам небывал и вести нет будет откуд

весть ведомость отпишу в тот ч[ас].

Ты г(о)с(у)д(а)рь наш м(и)л(о)стивой нас не покинь. Обо всем как укажете.

На листе 5 об. надпись: Г(о)с(у)д(а)рей ц(а)рей и великих кн(я)зей Иоана Алексеевича Петра Алексеевича и великие г(о)с(у)д(а)р(ы)ни

благочестивые ц(а)р(е)вны и великие кн(я)жны Софии Алексеевны всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцев стольнику и воеводе Ивану Астафьевичю.

196 го июля в 5 де(нь) подал отписку новоприборной казак Коземка Чаплин.

РГАДА ф.1142, оп.1, д.43 л. 5–5 об.

Примечания:

¹ Так в тексте, надо: ратные.

² Так в тексте, надо: окольным

Публикуется впервые.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Подготовил к публикации – В. Трухин, 2014

№ 118

**1688 г. не ранее июля 12. – Отписка полкового воеводы Ф. Головина
Нерчинскому воеводе И. Власову о челобитной казака Филиппа
Лагунова и выдаче ему жалованья за осадное сиденье и службу в
Албазине.**

/л.42/ Г(о)с(по)д(и)ну Ивану Остафьевичю Федор Головин челом бьет в н(ы)нешнем во 196 м году июля в 12 де(нь) бил челом великим г(о)с(у)д(а)рем ц(а)рем и великим кн(я)зем Иоану Алексеевичю Петру Алексеевичю и великой г(о)с(у)д(а)р(ы)не бл(а)говерной ц(а)ревне и великой Княжне Софии Алексеевне всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержцем олбазинской казак Филка Лагунов, а мне в розрядном шатре подал челобитную. А в челобитной ево написано в прошлом де во 194 м году перед приходом к Албазину неприятельских богдойских людей, посылан он для проводыванья из Албазина воинских людей до белых гор в лотках. А с ним де послано было козаков дватцетъ человек и до тех де белых гор он Филка с товарищи доходили и неприятельских богдойских людей не видали, а видели де только дымы где оне стояли. И назад в лотках в Албазин приплыли и голове Алексею Толбузину о том объявили. А был де он Филка в той посылке три н(е)д(е)ли и всякую нужу и бедность терпел. И после де того спустя дни с три послан

он из Олбазина с темиж вестьми к тебе в Нерчинской сам четверт в лотке. И гребли де они день и ночь без усыпу и приехав в Нерчинск к тебе про неприятельских богдойских людей про станы и про дым объявили. И ты де из Нерчинска послал /л.43/ ево Филку с товарищи в Албазин по прежнему. И плыли де они в Албазин на плоту. И как де будет он на усть реки Урки и те де богдойские люди на них наплыли и товарищев ево побили а одного в полон взяли Мишку Торкобойщика. А он де в одной рубашке с плота ушел в лес. А с того плота взяли у него оне неприятельские бодойские люди пожитков ево и скота рогатого и всякого борошня на сто рублев и ходил он по лесам восемь дней чуть не умер голодною смертью. И бродя де по лесу тело ево лесом все изорвало а их де богдойских людей видел на всякой день и им великим г(о)с(у)д(а)рем не изменил и к ним в руки из лесу не вышел и не передался. А как де он ходил по лесу и в те поры те неприятельские люди Албазин осадили и по городу без престани ис пушек били и в то число из

Нерчинска по Амуру подъезжали для досмотру нерчинские казаки семьдесят ч(е)л(о)в(е)к и он Филька усмотря из лесу чуть жив выбрел и с ними в Нерчинской приплыл наг и бос разорен без остатку. А как неприятельские Богдойские люди умирились из Нерчинского послал ты ево Филку в Олбазин зимним путем с хлебными запасы и с рогатым скотом и как с теми хлебными запасы ис скотом прибрели к олбазину и ево де Филку с товарищи десяти ч(е)л(о)в(е)к с хлебными запасы и с скотом в Олбазин пропустили а достальных товарищев ево десяти де ч(е)л(о)в(е)к не пропустили и назад в Нерчинской отпустили. И будучи де в Олбазине он стенные и всякие кораулы караулил безпрестанно. А которые /л.44/ ево братья в Олбазине в то число сидели в осаде и им де за осадное сиденье их великих г(о)с(у)д(а)рей жалованье дано по пяти рублей человеку а ему де их великих

г(о)с(у)д(а)рей жалованья против ево братьи не дано ни чем. И от неприятльских богдойских людей он з животы своими разорился безостатку и всякую нужу и бедность и голод терпел восм дней. И чтоб великие г(о)с(у)д(а)ри пожаловали ево для того ево от неприятельских богдойских людей разоренья и терпения голодной смерти велели ему их великих г(о)с(у)д(а)рей денежного жалованья выдать против ево братьи осадных сиделцов. И по указу великих г(о)с(у)д(а)рей велеть бы тебе г(о)с(по)д(и)не тому вышеписанному челобитчику казаку Фильке Лагунову против ево братьи будет иным таким которые с ним в тех посылках были давано, великих г(о)с(у)д(а)рей жалованья дать ему Фильке против того ж, а что у тебя ему Фильке дано будет потом бы тебе писать Господине ко мне с кем пригож.

На листе 42 об. надпись: Господину Ивану Остафьевичю

196 го июля в 23 день подал отписку служилой новоприборной человек Козма Чаплин

РГАДА ф.1142, оп.1, д.43 л. 42–44.

Публикуется впервые.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой

вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Подготовил к публикации – В. Трухин, 2014.

№ 119

1688 г. 30 июля. – Отписка Албазинского казачьего головы А. Бейтона Нерчинскому воеводе И. Власову об уничтожении посева хлеба, о тяжелом положении сидящих в осаде Албазинских служилых людей.

/л. 53/ Ц(а)рѣсково величества стольнику и воеводе Ивану Остафьевичю Офонька Байтон челом бью. В ныннешнем во 196 году июля в 11 де(нь) послал я наскоре гонцов в Удинской и в Нерѣчинской к ц(а)рѣскому величеству¹ окольничему и воеводе Федору Алексеев(и)²чю к вашей чесности и к тебе г(о)с(у)д(а)рю нашему м(и)л(о)стивому стольнику и воеводе Ивану Остафьевичю и обо всякой их богѣдойской неприятельской вымыслов ведомость чинил. А н(ы)не вам г(о)с(у)д(а)рям своим ведомость чи³ню что на перво

нас б(о)г помиловал что мы только живы остались. Разорены до основанья и голодны и володны стали. Пришли к нам нечестивый под Албазин июля в 11 де(нь). А стояли под Албазиным июля до 23 числа. А что хлеб посеянной⁴ был пудов тысячи з две, до волоти скосили и сожгли. А под Нерѣчинской не пошли. Мы о том б(о)га молим дай б(о)же чтобы у вас г(о)с(у)д(а)рей наших сохранно было.

А что они просилися з бусами под Нерчинской, какой у них вымысол? Потому сказывалися идем

в Нерчинской для посолства, чтобы смуты никакой не было, дать бы им провожатых. И я им сказал: пошлю перед войским вашим двух ч(е)л(о)в(е)к казаков с отпискою в Нерчинской стольнику и воеводе Ивану Остафьевичю. И как они стали отваливать, и я двоих казаков своей лотке с отпискою отпустил к твоей честности, чтобы вам обречтись накрепко. И они нечестивыи наших казаков пред своим войским наперед не пустили и к себе не приняли людей. Их вымысел б(о)гу вестъ, а наших казаков назад к себе⁵ в город отослали. А сами с бусами вверх пошли днища з два от Албазина. А конница осталась около Албазина. А вверх по Амуру стояли они с бусами десеть дней. А назад припрыв⁶ под Албазин стояли три дни разоря нас хлеб выкосили и до волоти выжъгли и на низ уплыли. И я после поплаву на четверъпой⁷ день послал казаков вниз по Амуру про них проведать. И они казаки проведав назад пришли, сказали стояли верст трицать ниже Албазина на Шингалском лугу, у перевозу против (л. 54) Погромъной [реки] табун перевозили, по Наунъской дороге отпустили. А сами з бусами на низ уплыли. То мы до подлина знаем. А в приходе у них бус было по счету сто шесть бус, с наряд на бусах большой в санках сорок одна пушка. А мелково снаряду сколько было мы тово не знаем. А ныне мы живем в Албазине с вели-

ким опасением.

На первом съезде нам нечестивыи сказали далеко от города прочь ходить невелели, берегитесь сами как съумеете, на нас жалобы не творите. Говорят нечестивыи с нами всякия споръныя речи и судачат что хлеб посеяли до послованиья.⁸

А н(ы)не живем в Албазине с великим опасением. Голодны и володны, пить есть нечего, казну великих г(о)с(у)д(а)рей оберегать неведомо как. Проситца всяк и плачетца, чтоб отпустил в Нерчинской потому, что пить есть в Албазине нечего. Отпустить их в вдруг не сметь, а будет которое время придет вольны г(о)с(у)д(а)ри и со мною, сколько могу удержать. Нам у их великих г(о)с(у)д(а)рей казны умереть казакам зело трудно и мънительно, что указу к нам от токольников⁹ и воеводы Федора Алексеевича не бывало. И я их розговариваю г(о)с(у)д(а)рьским м(и)л(о)стивым словом и они радеют, до воли б(о)жий живут, м(и)л(о)сти просят у тебя г(о)с(у)д(а)ря нашего стольника и воеводы Ивана Остафьевича. Не покинь нас хоть скотом или хлебом, освяти нас в Албазине, чтобы люди г(о)с(у)д(а)рьские голодною смертию не умерли и с голоду б не розбрелись. С кем бы нам великих г(о)с(у)д(а)рей казну зберечь дай г(о)с(у)д(а)рь помощьюи путь последней. Ожидаем вскоре от б(о)га м(и)л(о)сти и от великих г(о)с(у)д(а)рей жалова-

ня, от тебе г(о)с(у)д(а)ря нашего помощи. И посланы казаки в челобитчиках Гаврило Фролов, Ивашко Шапошников, Сафъка Степанов наскоре к окольному и воеводе Федору Алексеевичю и об всем обвещено, что только у нас в Албазине пожитку и остатку сто пуд муки твое г(о)с(у)д(а)ря нашего м(и)л(о)стиваго отца призренье стольника и

воеводы Ивана Остафьевича. И тот запас к нам попал за час в город до нечестивых. И тот запас принят у Сеньки Веденихтова с товарищи. А сверх вольны великие г(о)с(у)д(а)ри и вы стольник и воевода Иван Остафьевич. Больши писать не умею. Не покинь чтобы казну г(о)с(у)д(а)рьскую не потерять.

РГАДА, ф.1142 Нерчинская приказная изба, оп. 1, д. 43, л.53–54.

Частично опубликована: Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в 2 т. Т. 2: 1686—1691 /сост. Н.Ф. Демидов; Ред. С. Л. Тихвинский; АН СССР, Ин-т Дальнего Востока. М.: Наука, 1972. С. 786—787.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Примечания:

¹ Слово исправлено.

² Буква в слове написана не разборчиво.

³ Буква в слове исправлена.

⁴ Слово исправлено.

⁵ Слово исправлено.

⁶ Так в тексте. Надо: «приплыв».

⁷ Так в тексте. Надо: «четвертой».

⁸ Текст «Говорят нечестивьи с нами всякия споръныя речи и судачат

что хлеб посеяли до послования» написан слева на полях и отмечен знаком «х» (вставка). Таким же знаком отмечено место вставки.

⁹ Так в тексте. Надо: «окольного».

Воспроизводится по:

Трухин В.И. Письмо «немецкого офицера» из книги французского миссионера и иезуита Филиппа Авриля «*Voyage en divers États d'Europe et d'Asie*». Религиоведение. – 2017. – № 1. – С. 12–13.

№ 120

1688 г. июля 31. – Показание Албазинских нарочных казаков Буторина и Уварова, сделанное ими воеводе Нерчинскому Власову.

196 года Июля против 31 числа в 6 часу ночи явились в Нерчинску двое человек Албазинских казаков Алешка Буторин да Микишка Уваров перед Стольником и Воеводой Иваном Остафьевичем Власовым, сказали: послал де их из Албазинского казачий Голова Афонасей Иванов сын фон Бейтон, с отписками в Нерчинск наскоро. Июля в 8-е посылал он Афонасей из Албазина в подъезд вниз по Амуру реке для проводывания приходу неприятельских Китайских людей Албазинских казаков Стеньку Сергеева, Ивашку Зубка, Корнишку Катаева в лодке

и Стенька Сергеев с товарищи из подъезду в Албазин пришли Июля 9 числа, а сказали подсмотрели де они под Шингаловую заимкою от Албазина в 15 верстах неприятельских Богдойских людей на 30 больших бусах, а усмотря де они те бусы взошли на камень и с того де камня видели, идут де те Китайские люди на многих [178] бусах, а бусы небольшие, а сколько числом тех мелких бус, того они сочесть не могли, а идут де те бусы к Шингаловой заимке с низу Амура реки на полуторе вёрст, а Июля де в 10-е приезжали под Албазин Китайские люди Боя-

рин их, который был наперёд сего под Албазиным, а с ним конницы человек с 50, и просили они у Афонася Бейтона для переговоров толмача и Афонасей Бейтон посылал к ним для переговоров Албазинских казаков Анцыфорка Кондратьева, толмача Артюшку Мунгала с товарищи 10 чел., а на переговорах они Китайские люди говорили, чтоб де он Афонасей пропустил их Китайских людей бусами идти под Нерчинской острог для Посольских договоров и дал бы им вожей 2-х че-

ловек, а сколько де бусах они Китайские люди под Нерчинской острог идти хотят, того де он Артюшка с товарищи сказали не знают, а стоят де те Китайские люди бусами от Албазина в четырёх верстах на прежнем месте озёрной заимке, а сколько де тех Китайских людей и много ли у них ружей и всяких припасов, того он Артюшка не знает и Июля в 12-е хотели они Китайские люди быть бусами под Албазин, в 13-е хотели они Китайские люди на бусах идти под Нерчинской острог.

Воспроизводится по:

В. Паршин Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 23, с. 177–178. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 121

1688 г. не ранее июля–не позднее августа 19.¹ – Отписка полкового воеводы Ф.А. Головина нерчинскому воеводе И.О. Власову о высылке в Альбазин служилых людей. Роспись подавших челобитье на вечное житье в Албазин.

/л. 50/ Г(о)с(по)д(и)ну Ивану Остафьевичю Федор Головин челом бьет. В н(ы)нешнем во 196 м

году июля в розных числах поверстаны вновь у меня в полку по Албазинскому розных полков по их

челобитью служилые люди и из промышленных людей и посланы к тебе в Нерчинской. И как они в Нерчинской придут и тебе б г(о)с(по)д(и) не послать их в Албазин с памятью. И велеть их приправить в окладные кн(и)ги и служить им пешая казачья служба в ряд с албазинскими казаки. А хто имяны и которых полков также и промышленные люди поверстаны по албазинскому и на которые годы дано им из казны великих г(о)с(у)д(а)рей жалованья и тому послана к тебе роспись за дьячею приписью.

На обороте листа 50 пометы:

Г(о)с(по)д(и)ну Ивану Остафьевичю

196 августа 19 подал отписку казачей брат Илюшка Казаков

/л. 51/ Роспись которые били челом на вечное житье в Албазин и великих г(о)с(у)д(а)рей денежного жалованья² на 197 год по 5 рублей ч(е)л(о)в(е)ку дано:

Павлова полку Грабова стрелцы

Сенка Туров

Гришка Прокофьев вместо албазинского казака Афонки Лебедева
Никишка Яковлев

Ивашка Бушмакин вместо Илимскова стрелца Ивашки Унжакова

Ярко Васильев вместо Илимскова стрелца Никитки Воронцова
Трошка Иванов

Илимские

Митка Кирнаев, Ивашка Лаврентьев

Иркуцкие

Васка Яковлев, Андрюшка Романов
Фомка Григорьев, Стенка Савин
Кирюшка Яковлев, Пашка Семенов
Якушка Савельев, Якушка Никонов
Петрушка Лукьянов, Васка Григорьев с(ы)н Попов

/л. 52/ Никифорка Васильев сын
Малышев

Стенка Семенов с(ы)н Устюженин

Зотка Лукьянов с(ы)н Левухин

Федоско Анисимов с(ы)н Гудков

Ерофейка Евсеев

Архипко Петров с(ы)н Пальцев

Артюшка Пантелеев с(ы)н Широкой
Ларка Фотеев

Афонка Тимофеев с(ы)н Пикоулин

Захарко Овдеев

промышленной Лучка Иванов с(ы)
н Рогов

енисейской кузнец Зинка Федоров

вместо Никитки Шмонины албазинского пашенного крестьянина с(ы)н
Ивашко Васильев с(ы)н Бянкин

[Подпись дьяка] Корницкой

РГАДА, ф.1142, оп. 1, д. 43, л.50–52.

Примечания:

¹ Датируется на основании указания в тексте и отметки о подаче.

² Так в документе. Надо: жалованья.

Публикуется впервые.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Подготовил к публикации – В. Трухин, 2016.

№ 122

1688г. августа 11 ¹— Отписка полкового воеводы Ф.А. Головина Нерчинскому воеводе Ивану Остафьевичу Власову о высылке в Албазин служилых людей и хлебных запасов.

/л.45/ Г(о)с(по)д(и)ну Ивану Албазина казачей голова Афонасей Остафьевичю Федор Головин челом фан Бейтон Павлова полку Грабова бьет. стрельцом с Кускою Чаплиным. А

В н(ы)нешнем во 196 м году в отписке ево написано июня в 15 июля в 10 де(нь) писал ко мне из де(нь) подъезжали де под Албазин

неведамо какие воровские воинские люди и от городской де стены в ближних местех конной табун лошадей с пятьдесят отогнали. И албазинского казака Ивашку Дедюлю которой был на лесу у дров убили. А какие люди подъезжали и того казака убили того ему неведамо. И за теми де неприятельскими людьми посылал он Афонасей фан Бейтон на достальных конех казаков в погоню в тоже число на низ по Амуру по приметным местам откуда бывает им неприятельским людям приход. И конскую сакму неприятельских людей выправили вниз по Амуру реке, а неприятельских людей нико-во невидали.

А около де Албазина мунгал и иных тайшей нет. И опричь неприятельских людей богдой он не чает. А подлинноль де богдойские люди или /л.46/ тунгусы лошадей отогнали и казака убили, того он не ведает.

И в Албазине де у него малолюдство. И оберегать их великих г(о)с(у)д(а)рей казну и посеяного хлеба за малолюдством некому. А н(ы)не в Албазине у него хлебными запасы гораздо скудно.

И по указу великих г(о)с(у)д(а)рей послати б тебе г(о)с(по)д(и)не из Нерчинска Нерчинских казаков и полковых стрельцов которые присланы с под полквником Сидором Багатыревым в Албазин в прибавку людей сколько ч(е)л(о)в(е)к пригож. Да с ними ж послать хлебных запасов чем бы им мочно быть сытым взяв у п(од)рядчиков с Плодбища. А ис полку от меня закаменные казаки, которые прежде сего посланы были с подполковником в Нерчинск и в Албазин многие высланы. А и достальные стрельцы посланы будут в Нерчинской вскоре ж безо всякого мотчания. А что у тебя впредь албазинских вестей уведано будет и что в Албазин по прежним моим отпискам послано будет и о том бы тебе писать г(о)с(по)д(и)не ко мне с нарочными посылщики.

На обороте листа 45 пометы:

Г(о)с(по)д(и)ну Ивану Остафьевичю.

196 году июля в 23 де(нь) подал отписку новоприборной служилой ч(е)л(о)в(е)к Козьма Чаплин

РГАДА, ф.1142, оп. 1, д. 43, л.45–46.

Текст отписки, незначительно отличающийся по орфографии и содержанию вошел в «Статейный список Ф. А. Головина» и был опубликован в сборнике «Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы». Т. 2. 1686–1691. М., 1972 С. 341–342.

Примечания:

¹ Датируется на основании «Статейного списка Ф. А. Головина».

Публикуется впервые.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Подготовил к публикации – В. Трухин, 2016

№ 123

1688 г. августа 12. ¹ – Расспросные речи нерчинского толмача Г.Х. Кучи в разрядном шатре Ф.А. Головина о приходе в Нерчинск монгольских и братских людей, бежавших от Галдана Бошоктухана, и о судьбе халхаских тайджи.

/л. 869/ Да в роспросе ж нерчинской толмач Гришка Куча сказал, которой прислан с отписками с тем же албазинским казаком².

Из Нерчинска де стольник и воевода Иван Власов послал ево, Гришку, с отписками к окольному к Федору Алексеевичю тому де ныне 12 дней. И ехал он из Нерчинска вместе с ал-

базинским казаком с Алешкою Буториным. Да слышал де он, Гришка, будучи в Нерчинску, что до поезду ево за неделю приехали в Нерчинск 10 человек шуленг мунгальских и братских людей и сказывали де про себя те шуленги, что выкочевали они со всеми своими родами в ясачной платеж на имя великих государей к

Нерчинску, а родов де своих, сказывали, с собою тысячи з две. И выкочевали де они к Борзе-реке, [171] а от Нерчинска де доезжают до той реки в четвертой день. А в то де время в Нерчинску стольника и воеводы Ивана Власова не было, а был на Теленбе, а город де был приказан нерчинскому сыну боярскому Микифору Сенотрусову. И он де, Микифор, по тем их вестям послал из Нерчинска для подлинной ведомости о тех выезжих иноземцах брата своего Степана Сенотрусова, да сына своего да с ними толмача. Да с ними же послал ис тех выезжих шуленг 5 человек, а в городе оставил 5 ж человек. А он, Гришка, в то время в Нерчинску не был, а был на Теленбе ж. И как де стольник Иван Власов в Нерчинск приехал, и ево, Гришку, после приезде /л. 870/ своего отпустил на четвертой день. И он де в Нерчинску тех выезжих шуленг видел 3-х человек братцких, одного мунгальского, а пятой де человек какой породы, того он не знает. А наперед де сего сказывают те иноземцы, что были они Далай-контайши³ улусов и кочевали по Кулюруну и по Онону рекам, а ныне де прикочевали они от войны калмыцкого Бушукту-хана, и побоясь з другой стороны приходу на себя великих государей ратных людей для того, что им ратными людьми, которые при послах есть, калмыки всегда на боях угрожают. Да они ж де сказывали, что Далай-контайша от Бушухты-хана побежал с малы-

ми людьми в Китай. Да ево ж де Далаев зайсан Даян от тех же калмык побежал было к Нерчинску ж и ево де на дороге меж Кулюруном и Ононом осадили Бушукту-хановы люди, и ныне де он остался от них в осаде. А от Нерчинска де до того места ездудет дён с шесть.

Да преж де тех шуленг за неделю или больши выкочевали к Нерчинску на ту ж реку Борзу из Мунгальской ж земли 37 юрт тунгусов. И для де досмотру тех тунгусов посланы из Нерчинска казаки Микитка Полетаев с товарищи, 10 человек. И те де обои посыльщики по ево Гришкин поезд еще в Нерчинск не возвратились.

Да он же де, Гришка, слышал от тунгуса, которой выкочевал с теми вышеписанными тунгусами, что будто мунгальской Кутухта от Бушухты-хана взят в полон, а в ево Кутухтене урге живут калмыки. А брат де ево Кутухтин Ачирой-хан на бою убит, а больши де того он, Гришка, ничего не ведает.

/л. 871/ А нерчинских де и албазинских служилых людей з запасы, которые посланы из Удинска, встретил он, Гришка, августа в 10 день вечера и с ними начевал от Удинска к Еравне на половине. А после де ево Гришкина отпуску из Нерчинска стольник и воевода Иван Власов, розведав о всем подлинно, хотел к нему, окольникову⁴, ево де прислать нарочно с отписками посыльщика вскоре.

РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1685 г., д. № 2, ч. 3, лл. 869–871. Список XVII в.

Примечания:

¹ Датируется временем приезда Г.Кучи в Удинск вместе с А.Буториным (РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1685 г., д. № 2, ч. 3, л. 867–868).

² Албазинский казак А.Буторин был прислан к Ф.А.Головину с вестовыми отписками 12 августа 1688 г. (см.: РГАДА, ф. Сношения России с Китаем, оп. 2, 1685 г., д. № 2, ч. 3, лл. 867–868).

³ Возможно, речь идет об одиннадцатом сыне Цецен-хана Шолоя по имени Ананда, который в 1688 г. откочевал в Китай и в следующем году был произведен в цзинуны и дзасаки. Умер в 1696 г. (см.: Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях, с. 99–100).

⁴ В тексте: окольному.

Воспроизводится по:

Русско-монгольские отношения 1685-1691. Сборник документов. Составитель Г.И. Слесарчук. Ответственный редактор Н.Ф.Демидова. издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва 2000 г. № 49. С.170–171.

№ 124

1688 г. августа 29.¹ – Отписка полкового воеводы Ф.А. Головина нерчинскому воеводе Ивану Остафьевичу Власову об отмене китайцами съезда послов в Селенгинске и о подготовке к встрече китайских воевод, идущих к Албазину с войском для посольских переговоров.

/л. 57/ Г(о)с(по)д(и)ну Ивану Остафьевичю Федор Головин челом бьет.

В н(ы)нешнем во 196м году августа в 12 де(нь) писал ты ко мне с нерчинким толмачем Гришкою Кучою о приходе под Албазин китайских воинских людей бусами и что идут бусами бут то для посольских договоров под Нерчинской. И те мне вести ведомы.

И по указу великих г(о)с(у)д(а)рей и по тем вестям послать бы тебе от себя х китатайским полковым воеводам под Албазин кого пригож. И велеть им говорить, что в н(ы)нешнем во 196 м году августа в первых числах были у нас в приезде от китайских их послов гонцы. А в листу своем они послы ко мне писали также и присланные их гонцы в розговорах будучи у нас объявили, что за будущю войною от калмыков с мунгалами на съезд для посольских договоров с нами по объявлению ближних хана их людей Степану Коровину, которой посылан был от меня для того к ним ближним

людям с листами быть им к Селенгинску невозможно и чтоб тот посольской съезд отложить до весны и учинить бы о том мне с ними между собою обсылку в котором месте посольскому съезду быть пристойно. А про приход их китайских воевод под Албазин и под Нерчинск для посольских договоров ничего в листех своих и в розговорах посланцы их нам не объявили. /л. 58/ А н(ы)не они полковые воеводы противу того поступают и пришли со многими войски своими под Албазин, и идут² к Нерчинску. А сказывает будто идут для посольских договоров, чего ни в которых окрестных г(о)с(у)д(а)рствах бытии обыкло чтоб чрез посольские обсылки неправо в чем поступали. И н(ы)не б они полковые воеводы войскам своим от границы ц(а)рского пресветлого величества отступить приказали, и обид никаких воинским своим людям подданным ц(а)рского пресветлого величества живущим в Албазине чинить не велели. И о том бы учинили приказ крепкой чтоб с стороны их ки-

тайской в том не дошло до большие ссоры. А буде они полковые воеводы хотят с нами учинить съезд посольской о всяких мирных договорах и съезжаться с ними и договорчинить я буду. И о том учинили б они воеводы со мною обсылку по посолскому обыкновению и съезжаться б и отезжати с ними полковыми воеводы мне в ровенственном числе людей. А достальным бы своим ратным людям велели они полковые воеводы уступить в свой край. А для тех посольских договоров буду я в Нерчинской и под Албазин вскоре. А буде они полковые воеводы пришед в ближние места к Нерчинску или стоя у Албазина и станут поступать воинским поведением и тебе г(о)с(по)д(и)не /л. 59/ чинить над ними промысел прося у всемогущаго б(о)га м(и)л(о)сти и о том ко мне писать с нарочными посыльщики наскоро.

А ратные люди з запасы к тебе от меня посланы наперед сего. А и со всеми великих гос(уда)рей ратными людьми по н(ы)нешним твоим вестовым ко мне отпискам пойду в Нерчинской не замотчав ни малого времени.

А в Олбазин к голове Афонасью Байдону по прежним моим к тебе и н(ы)нешним отпискам писать и велеть ему в Албазине жить со всяким остерегательством, чтоб обольстя китайские полковые воеводы над городом и над людьми какова дурна не учинили. А зсор и задоров Албазинские б жители с ними китайцы естли утеснения и обид никаких им от них китайских людей до приходу моего не будет чтоб отнюдь не велел. А что у тебя впредь каких вестей уведано будет и о том ко мне писать с нарочными посыльщики.

РГАДА, ф.1142, оп. 1, д. 43, л.57–59.

Текст отписки, незначительно отличающийся по орфографии и содержанию вошел в «Статейный список Ф. А. Головина» и был опубликован в сборнике «Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы». Т. 2. 1686—1691. М., 1972 С. 350–351.

Примечания:

¹ Датируется на основании «Статейного списка Ф. А. Головина».

² Исправлено. Первоначально было написано: «и будут».

Публикуется впервые.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты в круглых скобках. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами.

Подготовил к публикации – В. Трухин, 2016.

№ 125

1688 г. сентября 9. – Сказка тобольского сына боярского М. Юдина и стрельца полка П. Грабова М. Сумарокова в Сибирском приказе об осаде Селенгинска и Удинска монгольскими войсками и возвращении жильца С.Я. Коровина из Китая.

/л. 115/ 197-го сентября в 9 день явились в Сибирском приказе тобольской сын боярской Матвей Юдин да Павлова полку Грабова стрелец Максимко Сумороков, а в роспросе сказали. – Посланы де они из Удинского острогу ис полку окольничего и воеводы Федора Алексеевича Головина июня 10-е число 196-го году, а при них де в полку все было, дал бог, здорово. А Максимко сказал. – Ходил де окольничей Федор Алексеевич из

Удинского в Селенгинской во 196 году в ноябре месяце и взял с собою служилых людей человек со 100, а полковников Павла Грабова, Антона Фансмалимберха с сибирскими служилыми людьми оставил в Удинском, а Федора Скрипицына с московскими стрельцы в – Ыльинской заимке от Удинского в днище. И из Селенгинского отпустил посланников – в Китай Степана Коровина, а х Кутухте – Ивана Кочанова. И после тою в генваре месяце пришли под

Селенгинской и под Удинской мугальские многие люди с войною, и Селенгинской и Удинской и московских стрельцов осадили, и боями приступали накрепко, и из мелковеружья и из луков стреляли, и в Селенгинской огненные стрелы пускали. А в осаде были окольников Федор Алексеевич в Селенгинском 11 недель. /л. 116/ И как де от Удинского и от Ильинской деревни мугальские люди отступили и полковники де с московскими и з сибирскими стрельцы пошли к Селенгинскому на выручку к окольному к Федору Алексеевичю, и на дороге мугалы на них приходили и бои многие были. И пришед под Селенгинской, полковники с служилыми людьми мугальских людей отбили, а на тех боях и на выласках побито мугал многое число, а русских людей побито Федорова полку Скрипицына человек з 20. И сам он, Федор, ранен. А при них де из Нерчинского и из

Албазинского присыльщики были, а сказывали, что под теми острогами никаких воинских людей нет. А как де они к Москве отпущены, и в то время приехал в полк из мугал от Кутухты посланник, а сказывал про Степана Коровина, которой послан в Китай: ис Китай отпущен. И с ним идет китайской посол, а с ним идут воинских людей немалое число на две дороги – под Селенгинской да под Нерчинской. А для чего воинские люди идут, про то не ведают. И ныне де окольников Федор Алексеевич с сибирскими служилыми людьми в Удинском, а московские стрельцы – в Ыльинской слободе от Удинского в днище, и хлебные запасы есть и из Ыркуцкого возят беспрестани, только по скудно выдают: человеку на месяц по полтора пуда.

На л. 115 об. помета: Великим государем извесно и бояром чтена. Вклеить в столп.

РГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1016, лл. 115–116. Подлинник.

Воспроизводится по:

Русско-Монгольские отношения 1685–1691. Сборник документов. Составитель Г.И. Слесарчук. Ответственный редактор Н.Ф. Демидова. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва 2000г., №50, с. 172.

№ 126

1688 г. в сентябре и октябре. – Отписки воевод Федора Головина и Афанасья Байтона Нерчинскому воеводе Ивану Власову, о набеге Китайцев на Албазин, и о необходимости снабдить Албазинских поселенцев хлебом и скотом и увеличить, для защиты городка, число ратных людей.

И. Господину Ивану Остафьевичу Федор Головин челом бьет. В нынешнем во 197 году Сентября в 4 день писал ты ко мне, с Албазинским казаком с Савкою Степановым, что, по ведомости из Албазина от Афонасья Бейтона, посылал ты, с Албазинским казаком с Алешкою Буториным, вниз по Шилке и по Амуру рекам до тех мест, где встретят на бусах или горою конницу Китайских людей, Нерчинских конных казаков Андрюшку Ларионова да подьячего Андрюшку Брагина с товарищи четырех человек; и Августа в 20 день прошлого 196 году те вышеписанные Нерчинские казаки, Андрюшка Ларионов с товарищи, приехав в Нерчинской, перед тобою в роспросе, сказали: не доезжали де они до Албазина, за половину днища, встретили Албазинских казаков Ганку Фролова с товарищи, а сказали, что неприятельские Китайские люди выше и ниже Албазина засеяной хлеб потолочили, а достальной покосили и пожгли, и пошли от Албазина прочь вниз Амура реки; а в отписке де, какову тебе подал Албазинской казак Савка Степанов, на-

писано: Июля де в ... день прошлого 196 году Китайские воинские люди приходили под Албазин на бусах, и стояли под Албазиным Июля ж до 23 числа, и которой хлеб около Албазина посеян был пудов тысячи две, и тот де [297] хлеб Китайские люди покосили и сожгли ж весь без остатку ж, и пошли от Албазина прочь, а живет де он Афанасей в Албазине ныне со всяким опасением и хлебных де запасов в Албазине скудно, и чтоб прислать в Албазин хлебных запасов и служилых людей. И те вести мне ведомы. – И по указу Великих Государей, послать бы тебе, господине, из Нерчинска в Албазин, взяв на Плодбище у подрядчиков хлебных запасов шесть сот пуд, также и служилых людей шестьдесят человек, которые хлебными запасы довольны, и о том к нему Афонасью в Албазин от себя писать, чтоб он Афанасей в Албазине жил со всякою осторожностью и о Китайских замыслах разведывал накрепко; а о посылке хлебных запасов на Плодбище к прикащику и подрядчиком памяти от меня посланы наперед сего; а что у тебя будет чиниться,

также и что уведано будет каких ведомостей вновь, и о том ко мне для ведома писать; а к Афонасью Байтону о том от меня послана указная память, для обнадеживания служилых людей, что присланы к нему будут в споможение служилые люди с хлебными ж запасы.

Подлинник писан столбцем на двух листках. Быв сложен пакетом и запечатан, имеет на обороте надпись: Господину Ивану Остафьевичу. – 197 Сентября в 15 день подал отписку Албазинской казак Екимко Иванов.

II. Царского Величества столнику и воеводе Ивану Остафьевичу Афонка Байтон челом биет. В нынешнем во 197 году месяца Сентября в 9 день ведомость тебе государю своему столнику и воеводе Ивану Остафьевичу чиню, что по се число в Олбазине от неприятелских людей Бог нас миловал, а пред он же Христос волен с нами; толко у нас в Олбазине житие тяжело, помираем голодную смертью, пить и есть нечего, а всяк приступает о запасе, а житие моё коротко ставает в Олбазине, всяк просится в Нерчинской, а держать неведомо как, кормить нечем; и я отпустил к вам Царского Величества столнику и воеводе Ивану Остафьевичу десять человек, и тем всем под сей отпиской роспись; а что сто пуд было, прислано было от вашей милости, и то роздано и

съедено, а зима вот над головой; а что указ прислан о Алешке Коршунове, что выслать его в Нерчинской, и он Алешка против указу выслан с отцем Федором Кондратьевым, и писма, которые нашли, за печатью, с ним же высланы. Свет государь Иван Остафиевич! не покручинься на мое писмо, писать некому, а сам не смыслю и лежу топере на одре шестая неделя, пить и есть нечего, с нужи и с бедности пропадаю волны Великие Государи и вы, государи наши, со мной, не поверите писму моему в чем, изволте у людей спрашивать про нас, не дайте томной и голодную смертью умереть при конце живота своего, а боле писать не могу, пропадаю, волен Бог и ты, государь Иван Остафиевич, со мной. А лодка, которая болшая из Нерчинского с запасом приплыла, и та лодка назад послана с казаками с нынешними, с Данилком Ощеуловым с товарищи, и сея отписка с ним же. Алешка Коршунов бил челом Великим Государем, 196 году, в Олбазине в братне место в службу, потому что брат его родной в Олбазине помер, а у нас вот малолюдство, час был мятежной, а по се число выслан к вашей честности столнику и воеводе Ивану Остафьевичу. Обо всем как вы, государи, укажите?

Подлинник писан столбцем, на двух листках. Быв сложен пакетом и запечатан, имеет на обороте надпись: Царского Величества столни-

ку и воеводе Ивану Евстафиевичу. – 197 Октября в 30 день подал отписку новоприборной казак Данилко Ащеулов.

[298] III. Господину Ивану Остафьевичу Федор Головин челом бьет. В нынешнем во 197 году Сентября в 4 день писал ко мне из Албазина Афонасей Байтон, с Албазинскими казаки с Савкою Степановым, а в отписке его написано: в прошлом де во 196 году Июля в 11 день приходили под Албазин Китайские воинские люди, на бусах, во многом числе людей, и стояли под Албазиным Июля до 24 числа, и около Албазина выше и ниже посеяной хлеб потолочили и осталой покосили и пожгли весь без остатку, и пошли от Албазина в свой край; и ныне де он Афонасей живет в Албазине с великим опасением, а хлебных де запасов в Албазине нет и впред протриматься им будет нечем, также и служилых людей малое число. И того ж числа писал я к тебе с теми ж вышеписанными казаки, чтоб послать из Нерчинска в Албазин взяв на Плодбище у подрядчиков хлебных запасов шесть сот пуд муки, также и служилых людей шестьдесят человек, которые б хлебными запасы были довольны, и о том к нему Афанасью от себя писать, и чтоб он Афонасей в Албазине жил со всякою осторожностью и о Китайских замыслах разведывал накрепко; а о посыл-

ке хлебных запасов на Плодбище к приказчику и подрядчиком памяти посланы. И в нынешнем же во 197 году Октября в 23 день явился мне в полку Албазинской казак Юшко Обросимов, а в роспросе передо мною сказал: послано де от тебя из Нерчинска в Албазин хлебных запасов сто пуд, да ясачного сбора пятьдесят скотин рогатых, а достальных де хлебных запасов с Плодбища в Албазин за малолюдством и за последним путем не послано. – И по указу Великих Государей, послать тебе, господине, в Олбазин, к прежней посылке ясачного жбору сто скотин рогатых, также и хлебных запасов что возможно взяв с Плодбища, или где в Нерчинску, без замотчанья; а с теми запасы послать кого из детей боярских, а с ним служилых людей, сколько человек пригоже, и велеть в Албазин взять в Нерчинском, естли привезти будет дорогою безопасно, остальное ружье, которое осталось после побитых и умерших казаков, и то ружье велеть держать в казне Великих Государей, переписав в Нерчинску имянно; а которого числа из Нерчинска рогатой скот, также и хлебные запасы, в Албазин отпущены будут, и о том ко мне для ведома писать; а посылной скот Албазинским служилым людям велеть бы, господине, зачесть в хлебные их годовые оклады, на нынешней на 197 год, по чему доведется.

Подлинник писан стдлбцем, на двух листках. Быв сложен пакетом и запечатан, имеет надпись: Господину Ивану Остафьевичу. – 197 году Ноября в 9 день подал отписку конной казак Сенка Булатов.

Из архива Нерчинского Городового Суда.

Воспроизводится по:

Акты Исторические, т. V, Спб 1842г., сс. 296–298, № 169.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 127

***1689 г. – Повесть о чудеси святых благовенных великих князей
Всеволода и Довмонта, во святом крещении нареченных Гавриила
и Тимофея псковских чудотворцев.***

Лета 7198 го октября в 23й день. В Якутской, в приказной избе перед генералом и воеводою пред Матфеем Осиповичем Кровковым Албазинские козаки Ганка Флоров да Митка Тушов с товарищи с семьдесят три человека сказали: ходили де они для ясашогобору и на соболиные промыслы по Амуру кто где, кто иным по сторонним рекам. И отделилось де от них станица двенадцать человек Васка и приехали де от них с стороны два человека на

белых лошадях и в брони, в сайдаках и с копии. И спросали что де вы за люди! И они им сказали: мы де из Албазина служилые и промышленные люди. И они им рекли: что де вы упромышляли соболей, и они им сказали: Еще де нам бог не послал ничего. И они рекли им: Сколку де у вас в промыслу обещание добрых соболей, и они им сказали: обещались де мы псковским чудотворцам Всеволоду и Доманту отдать на церкви с десяти соболей по [...] со-

болю. И те два воина спросили их: давно де вы промышляете, и давно ли обещание ваше псковским чудотворцам и вы образ Псковских чудотворцев знаете? И они им сказали: что де мы вообраз псковских чудотворцев не знаем, только де на них веру держим. И воины рекли им: смотрите де вы на наши, такovy же подобия и псковские чудотворцы что и мы. А как де будете во Албазине и вы скажете соборному белому попу, придут де из них под град китайские люди, и Албазинцы де град здадут. И после де того придут русские люди, и город засядут. И паки придут китайцы, и будут ко граду приступы и бои великие, и на тех боях будем мы в помощь русским людям. А они бы русские люди не торопились, а града китайцы не возьмут. А вы де упромышляете на человека только сороку соболей, а

больши того в промысле у вас не будет. И они промышленные люди тем дву воинам стали бить челом. Будет де вы едете, во Албазин, отвезите де от нас по свещи псковских чудотворцам и на молебен. И они два воина свещи у них приняли, а денег не приняли, а взяли у них хмеля. И они де промышленные люди по их слову упромышляли на человека только по сороку соболей. И приходили под Албазин Китайцы и Албазин град китайцам здаша, и с ними отъехаша в Китай, и Русские де люди после поворотились и город Албазине засели, и быша бои и приступы великие меж себя ножами резались. И помощью псковских чудотворцев Русские люди град отсидели. И тех воинов свещи и имена промышленных людей которые подали свещи и имена тех дву воины положиша пред спасовым образом.

Воспроизводится по:

Артемьев А.Р. Явление албазинским казакам псковских святых. Вестник ДВО РАН №6 1990г.С. 106–110.

№ 128

***1689 г. не ранее января 2. – Донесение казачьяго Головы Поручика
Бейтона Нерчинскому Воеводе Власову.***

Царскаго Величества Стольнику и Воеводе Ив. Остафьевичу Афонька Бейтон челом бьет. В нынешнем во 197(1688¹) году Октября в 6 день прислана ко мне от вашей честности указная память и по той памяти по вашей милости и по рассмотрению Стольника и Воеводы Ивана Остафьевича приняли скот и хлеб присланной и в приход писан и служилым и всяких чинов людям роздано до указа Великих Государей и вашего, потому что люди раззорены от нечестивых до основания, что было Государской милости прислано и свои последние крохи посеяны тут же и к рукам не пришлось, зерна нет и питатца нечем, а служат те всяких чинов люди со служилыми людьми в ряд и кому [181] сколько что дано и учинена имьянная роспись и за их руками послана с челобитчиком с Тимошкой Волковым с товарищи, а в ту указную память не описано, что тот скот и хлеб казакам на 197 год жалованье верстать, а ныне 197 году Енваря 2-е число прислана от Вашей честности указная память – велено принять Государскую милость 54 скотины по оценке Нерчинской и верстать казакам 197 год в хлебное жалованье и в то чис-

ло принимали 30 скотин, а достальной скот зачат бить выше Аргуни у Микишкина зимовья по Шильке и так же ниже Аргуни к Албазину ближе бить же был и к месту положен был и потом скот наимывали и посылали и собрали опричь Микишкина зимовья двух скотин по Шильке и тот скот роздан сту сорока человекам служилых и всяких чинов людям и те люди в росписе по статьям писаны и в том числе в росписе писаны те служилые люди, которых прислал с Атаманом с Иваном Бузуновым и в той памяти не написано, а хлебное жалованье и скот на нынешней 197 год иные брали и тем казакам тот скот так же давал, а об том как ты Господин укажешь, в денежное ли жалованье поверстать или как вы изволите, да ко мне ныне в указной памяти писано о смете служилым людям и сколько на [182] лицо в Албазинском и сколько в разных годах побито и померло и оружие умерших у всякого казака Государское и казачье оружие, ей Создатель Сердовидец милость прошу у Бога, да у вас Государя Стольника человеческое убогое и хворое и безпамятное и несмысленное писать и сметить

некому и отписываюся с нужею, а прежним книгам бывшего Воеводы Алексея Ларионовича Толбузина смотреть не смею и по смерти его Государя нашего на разных боях и в осадное время и сколько кто побиты записать вскоре не кому и некогда было, потому что страшное время было, – друг друга не видали и кто оздоровет раненые и кто умрет не знали, потому что скудость во всем стала такая у нас в Албазине, сколько люду, друг друга доводится непротянут и мирския доуки и челобитья от нужных и бедных людей безпрестанно, чтоб отпустить голодных людей в Нерчинско к вашей честности государя нашего Стольника и Воеводы Ивана Остафьевича доводитца покормитца до Великих Государей и вас милостиваго и праведнаго рассмотренья милости попросить и запасов сюды как мочно прислать на скоре и Государскую казну не покинуть и нам бы было с кем береччи и службу служить Государскую и нам бы томною и голодною смертию не помереть, а для хлебныя нужи и скудости во [183] нынешних числах отпускаются по мирскому челобитью, потому что зело скудно и прокормитца нечем, а кто отпущены будут для подлинной ведомости имяна их написаны будут и с письмом объявятся к вашей честности Ивана Остафьевича, а в том вольны Государи и вы государь наш, ей голодны! что неможно дер-

жать под Государской грозой и вашей милости, а ныне всеконечно туго пришлось. А что оружие Государское прибрано в казну умерших казаков триста тридцать самопалов, сто девяносто гладково оружия целова, в том же оружии много старово, самопалов сорок шесть свалино без приправу, десять пищалей без замков, шестнадцать ломаных пищалей и многим служилым людем кто по осадное время к нам в Албазин не приплывает без оружия и оружие испорчено и тем многим давано и переменено, потому что место здесь украйна, неприятеля нечестиваго зачем не видим и то оружие собрал я бродючи о костылях с казаками вместе будучи в худых душах заставляли сбирать, в целовальники выбран был. Иван Шимилин, неправда наша и казачья то Бог видит буди в чом неправда наша и нерадение, то не попустит Господь нетокмо що на земли и на небеси, ящо сверх тово казна в Албазине Великих Государей соболинная, гра-[184]натки и пушки, порох и свинец и всякие разные припасы за Божией помощью, наших благочестивых Великих Государей ласками и грозою и молитвами, тако же и Вашего Величества Стольника и Воеводы Ивана Остафьевича милосердием своим до воли Божия собрал, но и впредь Божья воля. Не покиньте нас свет Государь Иван Остафьевич Божьей милостью, здешняя

украина у тебя Государя нашего Вы пожалуйте нас своею милостию держите и берегите, только на Бога и на Вас Государя нашего надежа, укажите Государь милостивой как жить? И прикажите Государь буде возможно дать ума и вели к нам писать и свою милость к нам объявить, чтоб ратным людям не унывать, на Бога и на вашу милость уповать, утри кровавые уста своим милосердным словом, ей Господь Сердцеведец! Иново писать не смеем и не умеем на украине и мы бедные беспомощные, от неприятеля мы до основания раззорились, безпрестанно в обидах, сколько Государския милости казакам ни присылается и он милые служивые вместо дару Господня принимают с радостию, только малой час в руках подержут, а в конце и достанетца неприятелю, а на воров живота не напахать, войной до основания раззорены, а что в Указ прислано о умерших, о казачье оружии винтовках и глад-[185]ком оружии, что опричь что было Воеводскова оружия, давно прибрано в казне Государевой сем пищалей, разных карабин да пара пистолей, а иново его живота остатков за Государевою печатью, а тем животам учинена роспись ныне за Государскою печатью, а кто изволит приедет и приметца и будет ему в честь, прибрано все в росписе покойнова и двороваго Родиона Максимова роспись его руки и как им покажется без поклепу.

Пили мы с покойным одну кровавую чашу с Алексеем Ларионовичом и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали и видим себе всегда час гробный, указал нам Господь земному богу служить и правду объявить и памятовать смертной час, а что умерших казачьих оружие у казаков осталось по их сказке иным за долги оставлено, а иных умерших осталось и целовщина, просят казаки милости у Бога и Великих Государей и у Вас Царскаго Величества Стольника и Воеводы Ивана Остафьевича у милосердаго отца, что оружие у них от умерших объявилось до указу Великих Государей и до Вашей милости, оружие у них в казну неимал, потому что тем головы свои кормят, а прибрать в казну оружие портитца и положить некуда, а у ково сколько объявилось в том сказки дали и те сказки и [186] росписи под сею отпискою к Вам Государя Стольника и Воеводе Ивану Остафьевичу посланы и о всем как вы укажете. Не в указ Вашей честности с нынешней отпиской отпущены небольшие люди наскоре, чтоб обо всем обвестить будет весть или указ какой – объяви Государь милость свою и прикажи Государь как мочно к нам Указ послать или весть какая и мы бы с достальными казаками как мочно до водополя протянулись. Опасаюся яз зело иноземцов и к нам иногда придут, а у нас малолюдство страх, не отняли бы

пути в Нерчинско, посылал я в недавнее число перед маслиной подъезд по Камарской дороге до погромные отколь осенесь нечестивые выезжали, Бог миловал по се время нечево не бывало и не объявилось, а впредь будет что объявитца наско-ро к вашей честности отписано будет, и от Вас Государя нашего так же к нам вести ожидаю и ныне что к нам вести долго нет! и ратным людям зело мнительно и печально, летось как над волею Божьей грех ради наших учинилось, неприятели нас до основания раззорили, почали многие нарываться и бити челом в Нерчинско, потому что на тот час не осталось толмачей, Артюшка Мунгал тоже бил челом и яз всячески Божиею милостью и Царской тако же грозой держал и [187]разговаривал, чтобы Государской украины не оставляли на всеконечную погибель. Известно Вам Государю нашему чиню: некоторый казак моего полку имя Митька Ваулин осенесь после Николина дня пришел к казакам к новопроезжим в зимовье – едят в Филипов пост мясо, имена им один новоприборной Яков Зовей бывал в деле при Окольникем и Воюводе Федоре Алексеевиче, а другого зовут Андрюшка Фадеев Грובהа полку, говоря межь собой ту речь: пытали мы Афонасью Бейтону бити челом чтобы нас отпустил на Нерчу, чтоб с ним в Албазине голодную смертью не помереть и он нас не от-

пускает, праздник Господень придет Рождество Христово и мы сгородим что нибудь и он нам скорее указ учинит и в Нерчинско отпустит, в ту пору ничево не сказал и прилучился праздник Рождество Христово, и у Атамана Ивана Бузунова была корчага квасу и собравшись в четвером моего полку Артюшка толмачь, Грובהа полку Сенька Киселев да Андрюшка Фадеев, да новоприезжей казак Яков Зовей и учинили между собой у Атамана драку и квас выпустили и посуду приломали и сверх той драки Артюшка толмачь Атамана ножом дернул не до смерти, ожил, и яз за то разобрал дело, довелось по Государеву Указу бити кнутом нещад-[188]но и яже вместо кнута снял рубашки, нагих приказал бити батоги нещадно и поруки по них собрал крепкия и сверх тово, что Вы Государь укажете, яз воистину тому толмачу Артюшке не рад, а переменилца нечем; прошу милости прикажи Государь переменить, а без толмача быть нельзя, нынешней Артюшка толмачь нечестивых лукавство знает сполна и сам тако же лукав и о нашей нужи во Албазине и бедности везде знают сполна, не ведаю как быть? Вы Государь наш вольны, на Федьку Никана нечево надеятся, всякому в Албазине жить на скучило зело, ожидаю от Бога и Великих Государей милости и от Вас Государя нашего призренья, тако же чтобы нам тамной и голодной смер-

тию у казны Государския не уме-
реть, вырываются служилые и па-
шенные голоду ради в Нерчинско и
яз уже иных отпускаю, иным отка-
зываю и разговариваю как мочно и
кто отпущен будет к вашей честно-
сти понадеючись на Бога и на Вас

Государя нашего и на милосердаго
отца, дам им письма за своею рукою
до водополя покормитца в Нер-
чинском, а как лед скроется, поми-
луй свет Иван Остафьевичь, изво-
лишь Государь их выслать назад в
Албазинской острог.

Примечания:

¹ В тексте книги 6 октября 197 года отнсено к 1689 году. Правильно к 1688, так как 7197 год по современному летоисчислению длился с 1 сентября 1688 года по 31 августа 1689 года. Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Алба-
зина. Приложение № 25, с. 180–188. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского
алфавита заменены современными.

№ 129

**1689 г. не ранее января 15. - Отношение окольничего
и Посла Ф.А. Головина к Нерчинскому Воеводе Власову».**

Государю моему Ивану Остафьевичу Федор Головин челом бьет. В нынешнем в 197 году Генваря в 15 день писал ко мне из Албазина казачей Голова Афонасей Бейтон с Албазинским казаком Ивашком Шемилиным, что в 197 г. Декабря в 7 число приезжали из Китая 4 чел. сотников Холтай Хундалды с товарищи и спрашивали у него о приходе на-[193]шем, в которых местах и скоро ли прибудем для посольских переговоров и сездов своих с Китайскими Послы и на которое место, и чтобы он Афонасей в том дал им отповедь, а их де Китайские Послы будут немедленно, да они же Сотники говорили ему Афонасью: в прошлом де в 196 году посланы были к ним от Китайских их Послов посланцы, которые выступили было из Китая для Посольских договоров к Селенгинску и будто остановились при границах своих за Мунгальскою и Калмыцкою войною, а тех посланцов посылали к ним с обещанием к нам о выступлении их Китайских Послов, будто тем их Послам за будущую Мунгальскою войною на сезд с нами к Селенгинску прибыть не-

возможно и чтоб того лета не быть, а отложить до предбудущаго лета, а в которых быть местех сезду и в которое время и о том их ближним людям учинить обявку. И по той ево отписи учинена мной ему Афонасью память, буде из Китая, или пограничных городов кто прислан будет и ему велено объявить, что посланной от меня, который назначен к Бугдыхановым ближним людям, отпущен ныне чрез Нерчинск для взятия подлинныя ведомости о прибытии на границу Послов их, и о назначении сезжаго от них [194] места. А в нынешнем 197 году в Генваре месяце замешкание учинилось той посылке по объявлении нашим посланцам, за будущую у их Мунгальскою войною и за наступлением их к Албазину и об отезде посольском, где быть для Посольских договоров с Китайскими их Послы; писано от меня к их ближним людям и обозначить им велено тому посланному нашему, и как он Ивашко к тебе Господин в Нерчинск приедет, дать ему подводы до Албазина без задержания и котораго числа он Ивашко отпущен будет, ко мне для ведома писать.

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 27, с. 192–194. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 130

**1689г. не ранее мая 21. – Донесение Нерчинскаго Воеводы Власова
Окольничему и Послу Ф.А. Головину.**

Господину Федору Алексеевичу Иван Власов челом бьет. В нынешнем во 197 году Маия 21 дня писал ко мне из Албазина казачий Голова Афонасей Бейтон, что он Бейтон из Албазина к Китайским крайним юртам посылал казаков Микишку Уварова, толмача Артюшку Першова с товарищи с отповедью о посланном от тебя в Китай и были де они Микишка да Артюшка на Науне в Чичигарском селе и на Науне де Воеводы ево Микишку спрашивали о посланном от тебя, Господине, в Китай и через которое место и сколь скоро будет и он Микишка им сказал, что де посланной в Китай идет через Нерчинской и Аргуньской остроги и о твоём, Господине, в Нерчинск бытии, да сказал же он

Микишка Уваров с товарищи, что на Науне сделан городок деревянной и с засыпью, а поверх того городка сделаны зубцы, а живут де в том городке одни только караульщики и всяких воинских и хлебных припасов у них много, да у них же множество возят запасов в нижней городок на усть Зею реку, а в том [180] городке живут бояре, которые приходили под Албазин с войском, а войско де у них все в собрание и ни куда нераспущено и бусы де готовятца, да слышал де он Микишка от Китайских простых людей, а простые люди от воинских, чтоб не дать под Албазиным Русским людям хлеб снять, для того что де Албазин город крепок и боем доступить ево долго, а мочно мором выморить.

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край ч. 2: История города Албазина. Приложение № 24, с. 179–180. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 131

1689 г. августа 27. – Нерчинский мирный договор между Россией и Китаем о границах и условиях торговли.

Список с договору, каков по-становил боярин Федор Алексеевич Головин китайского хана с послы Самгута советником с товарищи на съезде на рубеже близ Нерчинска 7197-го году.

Божиею милостию великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцев и многих государств и земель восточных и западных и северных отчицей и дедичей и наследников и государей и обладателей, их царского величества великие и полномочные послы ближней окольничей и наместник брянской Федор Алексеевич Головин, стольник и наместник ела-

томской Иван Остафьевич Власов, дияк Семен Корницкой, будучи на посольских съездах близ Нерчинска великих азиацких стран повелителя, монарха самовластнейшего меж премудрейшими вельможи богдойскими, закона управителя, дел общества народа китайского хранителя и славы, настоящего богдойского и китайского бугдыханова высочества с великими послы Самгута, надворных войск с начальником и внутренняя полаты с воеводою, царства советником, да с Тумке-Камом, внутренняя ж полаты с воеводою, первого чину князем и ханского знамени с господином и ханским дядею Иламтом, одного ж знамени господином и протчими, постановили и сими договорными

статьями утвердили:

1-я

Река, имянем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку, с левые стороны, близ реки Черной, рубеж между обоими государствами постановить.

Такожде от вершины той реки Каменными горами, которые начинаются от той вершины реки и по самым тех гор вершинам, даже до моря протягненными, обоим государствам державу тако разделить, яко всем рекам малым или великим, которые с полудневные стороны с их гор впадают в реку Амур, быти под владением Хинского государства.

Такожде всем рекам, которые с другие стороны тех гор идут, тем быти под державою царского величества Российского государства. Прочие ж реки, которые лежат в середине меж рекою Удью под Российского государства владением и меж ограниченными горами, которые содержатца близ Амура, владения Хинского государства, и впадают в море и веяния земли посреди сущие, меж тою вышепомянутою рекою Удью и меж горами, которые до границы надлежат не ограничены, ныне да пребывают, понеже на оные земли заграничение великие и полномочные послы, не имеющие указу царского величества, отлагают не ограничены до иного благополучного времени, в котором при

возвращении с обоих сторон послов царское величество изволит и бугдыханово высочество похочет о том обослатися послы или посланники любительными пересылки, и тогда или через грамоты или чрез пословные назначенные неограниченные земли покойными и пристойными случаи успокоити и разграничить могут.

2-я

Такожде река, реченная Аргун, которая в реку Амур впадает, границу постановить тако, яко всем землям, которые суть стороны левые, идучи тою рекою до самых вершин под владением Хинского хана да содержитца, правая сторона: такожде все земли да содержитца в стороне царского величества Российского государства и все строение с полудневные стороны той реки Аргуни снести на другую сторону той же реки.

3-я

Город Албазин, которой построен был с стороны царского величества, разорить до основания и тамо пребывающие люди со всеми при них будущими воинскими и иными припасы да изведены будут в сторону царского величества и ни малого убытку или каких малых вещей от них тамо оставлено будет.

4-я

Беглецы, которые до сего мир-

ного постановления как с стороны царского величества, так и с стороны бугдыханова высочества были, и тем перебещикам быть в обоих сторонах безрозменно, а которые после сего постановленного миру перебежати будут и таких беглецов без всякого умедления отсылати с обоих сторон без замедления к пограничным воеводам.

5-я

Каким-либо ни есть людем с проезжими грамотами из обоих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обоих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повелено будет.

6-я

Прежде будущие какие ни есть ссоры меж порубежными жителями до сего постановленного миру были, для каких промыслов обоих государств промышленные люди преходити будут и разбои или убивство учинят, и таких людей поймав присылати в те стороны, из которых они будут, в порубежные города к воеводам, а им за то чинить казнь

жестокую; будет же соединясь многолюдством и учинят такое вышеписанное воровство, и таких своевольников, переловя, отсылать к порубежным воеводам, а им за то чинить смертная казнь. А войны и кровопролития с обоих сторон для таких притчин и за самые пограничных людей преступки не всчинать, а о таких ссорах писать, из которые стороны то воровство будет, обоих сторон к государем и розрывать те ссоры любительными посольскими пересылки.

Против усих постановленных о границе посольскими договоры статей, естли похочет бугдыханово высочество поставить от себя при границах для памяти какие признаки, и подписать на них сии статьи, и то отдаем мы на волю бугдыханова высочества.

Дан при границах царского величества в Даурской земле, лета 7197-го августа 27-го дня.

Таково ж письмо руки Андрея Белобоцкого написано и на латинском языке.

Скрепа по листам секретаря Федора Протопова.

С подлинною копиею читал переводчик Фома Розанов.

Воспроизводится по:

АВПР, ф. Трактаты, 1689, д. 22, лл. 6–7 об. Копия. Опубл.: ПСЗ, т. III, № 1346, стр. 31–32; «Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг.», СПб., изд. МИД, 1889, стр. 1–6.

Нерчинский договор 28 августа 1689 года. Перевод с латинского

(Дата подписания договора, стоящая в латинском и маньчжурском текстах Нерчинского договора, расходится с датировкой русского текста (27 августа). Разнобой в датировке связан, по-видимому, с самой процедурой изготовления и подписания текстов: 27 августа был написан русский текст, 28 августа – два экземпляра договора на латинском и один на маньчжурском языках, 29 августа латинские экземпляры были подписаны обеими сторонами.)

Высланные указом святого китайского императора для определения границ сановники–Сомготу, начальник войск императорского дворца, советник империи и проч.; Тумкекам, вельможа внутреннего дворца, военачальник первого разряда, господин императорского знамени, дядя императора и проч.; Ламтан, одного знамени господин; Памтарха, также одного знамени господин; Сапсо, генеральный начальник земель вокруг Сагалиен-ула и других земель; Мала, начальник одного знамени; Вента, второй начальник Внешнего суда, и прочие вместе с послами божиею милостью великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия, Малыя

и Белыя России монархов и многих государств и земель Восточных, Западных и Северных отчичей и дедичей, наследников и обладателей, их царского величества, с великими и полномочными послами, ближним окольничим и наместником брянским Фёдором Алексеевичем Головиным, стольником и наместником елатомским Иоанном Евстафьевичем Власовым и дьяком Семионом Корницким в год Камхи 28-й, названный годом Золотистого змея, 7 луны 24 дня (28 августа 1689 г.) собрались близ города Нерчинска (Здесь и далее в договоре: Нипчоу (Nirchou).) для обуздания и подавления дерзости охотничьих людей низкого положения, которые, переходя границы, или убивают друг друга, или грабят, или совершают всякие беспорядки и возмущения, также и для ясного и точного определения и установления границ между Китайской и Российской империями, а также, наконец, для установления постоянного мира и заключения вечного союза, с обоюдного согласия постановляем и определяем следующие статьи:

1-я

Река, называемая Горбица (Кербичи (Kerbichi).), которая расположена близ реки Черной, по-татарски называемой Урум, и впадает в реку Сагалиен-ула, составляет рубеж между обеими империями. Также

от вершины скалы или каменной горы, на которой находится исток и начало вышеназванной реки Горбицы, и через вершины той горы до моря, владение империй так разделить, чтобы все земли и реки, малые или большие, которые от южной части той горы впадают в реку Сагалиен-ула, были бы под властью Китайской империи, все же земли и все реки, которые с другой стороны горы простираются к северной стороне, остаются под властью Российской империи, таким образом, чтобы реки, впадающие в море, и земли, находящиеся в промежутке между рекой Удью и вершиной горы, указанной в качестве рубежа, оставались бы до времени не определенными. Вопрос о них после [646] возвращения к себе послов обеих империй тщательно рассмотреть и точно исследовать и через послов или грамоты после определить.

Также река, называемая Аргунь (Здесь в договоре: Ергон (Ergon).), которая впадает в вышеназванную реку Сагалиен-ула, определяет границы так, что все земли, которые с южной стороны, принадлежат Китайской, а те, которые с северной стороны, – Российской империи, И все строения, которые находятся с южной стороны указанной реки до устья реки, называемой Мейрелке, должны быть перенесены на северный берег.

2-я

Крепость Албазин (Здесь в договоре: Ягса (Jagsa).) или твердыня в месте, называемом Ягса, выстроенная русскими, должна быть до основания скрыта и разрушена. И все ее жители, подданные Российской империи, со всем своим какого бы то ни было рода имуществом, должны быть выведены в земли Русской империи.

И определенные эти рубежи охотники обеих империй никоим образом да не переходят. Если же один или двое людей низкого положения или перебежчики или воры перейдут эти установленные границы, немедленно, заключив в оковы, препроводить их к начальникам обеих империй, которые, рассмотрев их вину, наложат должное наказание. Если же соберутся 10 или 15 вооруженных [людей] и перейдут [границу], или убьют человека другой империи, или ограбят, о том доносить императорам каждой империи, чтобы наложено было наказание за все эти преступления, как за уголовное преступление, дабы не возникла война из-за бесчинства отдельных частных людей и было бы предотвращено кровопролитие.

3-я

И все, что прежде было содеяно, какого бы рода ни было, предается вечному забвению.

С того же дня, в какой между обеими империями этот вечный мир был заключен, никому не дозволяется принимать перебежчиков из одной империи в другую, но закованных в кандалы немедленно возвращать.

4-я

Те же подданные Русской империи, которые находятся в Китае, и Китайской империи – в России, пусть останутся в том же состоянии.

5-я

Вследствие ныне заключенной дружбы и установленного вечного союза люди какого бы то ни было положения, имеющие охранные грамоты для проезда, могут свободно следовать в земли обеих держав и повсюду продавать и покупать, как им будет необходимо для обоюдной торговли.

6-я

[В результате] торжественного совета послов обеих империй, прекратившего спор о границах обоих государств и заключившего мир и клятвенно установившего вечную дружбу, не остается места для беспорядков, если только эти определенные условия надлежащим образом будут соблюдаться.

Условия этого союза письменно утверждаются обеими сторонами, и вторые экземпляры, скрепленные установленными печатями, великие послы обеих империй передают друг другу.

Именно и только в соответствии с этим экземпляром эти условия на китайском, русском и латинском языках следует вырезать на камнях, каковые камни воздвигнуть на рубежах обеих империй как постоянный и вечный знак памяти.

Дано при Нерчинске в год Камхи 28-й 7 луны день 24 (28 августа 1689 г.).

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. М., 1972. С. 645–646.

Нерчинский договор 28 августа 1689 года. Перевод с маньчжурского.

(Дата подписания договора, стоящая в латинском и маньчжурском текстах Нерчинского договора, расходится с датировкой русского текста (27 августа). Разнобой в датировке связан, по-видимому, с самой процедурой изготовления и подписания текстов: 27 августа был написан русский текст, 28 августа – два экземпляра договора на латинском и один на маньчжурском языках, 29 августа латинские экземпляры были подписаны обеими сторонами.)

Посланные по указу премудрого китайского императора для установления границ вельможи – главноначальствующий над императорскими телохранителями, первого старшего класса свитский генерал Сонготу; первого старшего класса свитский генерал и корпусный командир, чиновник первого класса, дядя императора со стороны матери Тунгуве-ган; корпусной командир Лантань; корпусной командир Баньдарша; охраняющий Сахальянь-ула и другие места, командующий войсками Сабсу; начальник знамени Мала; советник Трибунала внешних сношений Уньда и посланный по указу Белого царя Русского государства для установления границ великий посол, окольный и наместник

брянский Федор Алексеевич Головин и другие при личной встрече в 28 год Элхэ-тайфинь, год Желтой змеи, в 24 день 7 луны (28 августа 1689 г.), собравшись в местности, называемой Нерчинск (Здесь и далее в договоре: Нибчу.), для того, чтобы обуздать тех, занимающихся охотой подлых людей обоих государств, которые самовольно переходят границу, охотятся, убивают друг друга, совершают насилия, занимаясь гнусными делами; чтобы точно установить границу Китайского и Российского государств, а также, чтобы, законы соединив, осуществить вечный мир, в результате соещения постановили:

Одна статья (В подлинном тексте нет порядковой нумерации статей.)

Сделать границей реку Горбицу (Здесь в договоре: Гербичи.), находящуюся близ реки Чорной, именуемой Урум, и впадающей с севера в Сахальянь-улу. Следуя все время по склонам достигающего моря каменистого Большого Хингана, на котором истоки этой реки, все реки и речушки, впадающие в Сахальянь-улу с южных склонов хребта, сделать подвластными Срединному государству, все другие реки и речушки на северной стороне хребта сделать подвластными Русскому государству; только земли, реки и речушки,

находящиеся к югу от реки Уди и к северу от установленного [в качестве границы] Хинганского хребта, временно сделать промежуточными.

После того, как послы вернутся в свои государства, точно изучив земли, будут посланы послы для переговоров или грамоты и неутвержденные земли затем снова утвердятся.

Одна статья

Установить границей реку Аргунь, впадающую в Сахалян-улу. Южный берег сделать подвластным Срединному государству, северный берег утвердить владением Русского государства. Находящиеся в настоящее время на южном берегу близ устья реки Мэйрелкэ русские строения построить на северном берегу.

[650] Одна статья

Город, построенный в настоящее время Русским государством в теперешней местности Якса, полностью разрушить, сравнив с землей. Русских людей, живущих в местах Яксы, и все их имущество перевести обратно во владения Белого царя.

Одна статья

Решительно воспретить охотникам обоих государств переходить границы, установленные настоящим [договором]. Если один-два беспут-

ных человека, самовольно перейдя границу, будут охотиться и разбойничать, то, схватив их, препроводить к чиновникам, управляющим теми местами, а местные чиновники, быстро разобравшись в тяжести проступка, совершенного этими пришедшими людьми, подвергнут [их] строгому наказанию. Если, кроме того, свыше 10–15 [человек], соединившись в шайку и взяв воинское оружие, будут охотиться, убивать людей, заниматься насилием и грабежом, то, непременно представив доклады государям, тотчас предать смертной казни. Хотя один или несколько человек совершат что-либо по ошибке, желательно, чтобы оба государства, по-прежнему живя в мире, не начинали войну.

Одна статья

Не подвергать обсуждению прежде имевшие место различные старые дела. Живущих ныне в Срединном государстве русских людей и китайских подданных, находящихся в Русском государстве, оставить там же на жительство.

Одна статья

Оба государства, следуя вечному миру, постановили, что отныне и впредь каждый человек, приезжающий в ту или другую страну, если у него есть проезжая грамота, может

вести торговлю.

Одна статья

Со дня клятвы на посольском съезде взаимно не принимать скрывающихся беглецов, схватывать их и выдавать обратно.

Одна статья

Вельможи двух государств встретились и прекратили пограничные ссоры и войны, установили согласие и вечный мир, который впредь не должен нарушаться. Вслед за этим, написав каждому по доку-

менту и приложив к ним казенные печати, обменяться ими. Затем, написав на письменности Срединного государства, на письменности Российского государства и на письменности Латинского государства, высечь на камне и поставить на границе двух государств как знак на вечные времена.

Правления Элхэ-тайфинь 28 год, 7 луна 24-е (28 августа 1689 г.).

Подписи: Сонготу, Дунгуве-ган, Лантань, Бандарша, Сабсу, Унда, Мала.

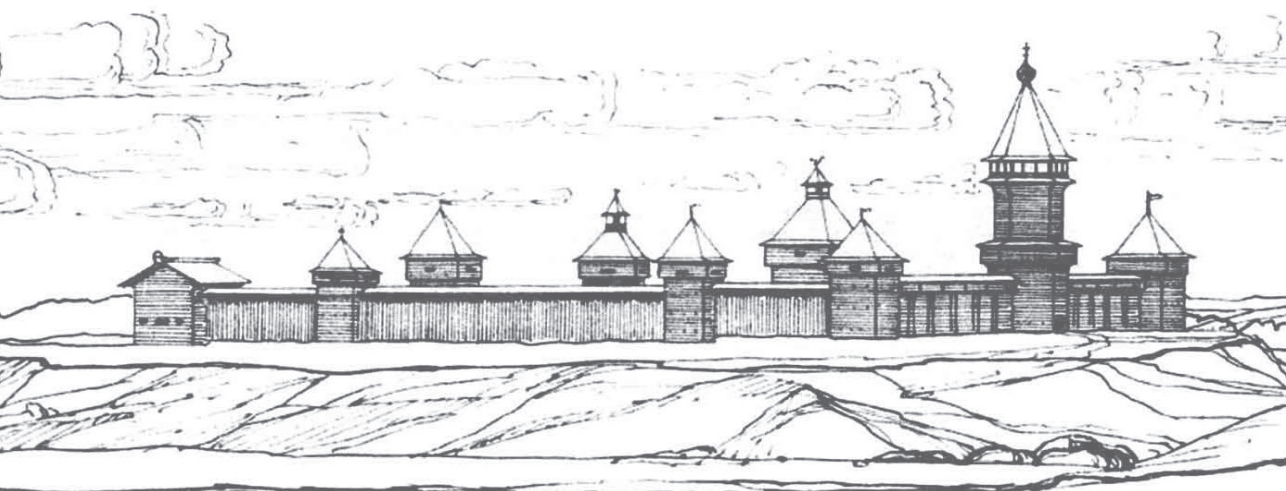
Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2. 1686-1691. М., 1972. С. 649-650.

Раздел V.

**Албазинский острог в документах составленных
после заключения Нерчинского мирного договора**

№ 132

**1689 г. – 1690 г. – Свидетельство Даурского полковника Офонася
Иванова сына Байдона¹**

/л. 147об./ А по верхней Ангаре живут с устья лодошные тунгусы а в вершине оленные ясашные.

А по Арбузе реке живут конные, а к вершине в степе оленные тунгусы.

Из Нерчинска до Албазина плыть на низ наскоро день ночь на гребях 6 ры судки², а конем___.

А_из_Албазина_до_Нерчинского_итти_вверх_на_оленех_3_н(е)д(е)ли_а_конем___. А вниз по Амуру из Албазина до устья Зии реки наскоро плыть 6 дней, а конем___.

А от Зии до быстрой плыть 4 дни, а конем___.

А от Быстрой до Шингальского устья плыть 6 дней а конем___. А от Шингалу до Хамунского устья вниз по амур у плыть 10 дней, а конем___.

А к морю живут иноземцы по назвищу гиялки.

А по Зие реке живут оленные тунгусы а по Быстрой реке живут лодошные тунгусы а кормятца рыбю а у Быстрой с Хамуном вершины сошлись вместо. А переход с вершины на вершину в 3 дни. А вниз по Хамуну живут мелких родов тунгусы а ясаку никому не платят.

А Горынь река течет из Шамагорского озера а пала в Амур против Шингальского устья. А над озером живут многие тунгусы розных родов а ясаку никому не платят.

Всего в низ плавежу 42 дни числом шесть недель.

А в верх от Амуру до Нерчинска ходу 21 неделя.

Примечания:

¹ Данный текст размещен на обороте картографического рисунка «Свидетельство Даурского полковника Офонася Иванова сына Байдона» (л. 147) из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова начала XVIII в.

² Так в тексте. Надо «сутки».

Воспроизводится по:

Remezov, Semën Ul'ianovich, 1642-ca. 1720. *Khorograficheskayakniga [cartographical sketch-book of Siberia]*. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

Текст документа передан буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими те же звуки. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрыты. Выносные буквы внесены в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знак употреблены согласно современному правописанию. Мягкий и твердый знак не употреблялись, если они отсутствовали в слове без выносных букв. Буквенная цифирь, обозначающая числа в документах, передана арабскими цифрами. Разбивка текста на абзацы и расстановка знаков препинания произведены по смыслу документа.

Подготовил к публикации – В. Трухин, 2016.

№ 133

1690 г. апрель.¹ – Показания разных лиц о церковном имуществе г. Албазина и уезда его.

1-е.

Албазинского уезда, Покровской слободы староста Василий Фалеев сказал, что с ним пришло Никольской казны в Нерчинск:

[203] Образ Николы Чудотворца оклад серебряной, Псалтирь, Часовник, житие Николая Чудотворца, сорок рублей денег, коробья окованная, чашка медная, 5 дестей бумаги

писчей, шестеры ральники держанные, 20 серпов держаных, 10 топоров держаных, пицаль винтовочная, сабля и та казна в Нерчинском налицо.

2-е.

199 году Апреля 27 дня Сергушка Михайлов показал: был я Сергушка в Албазине на заимке на Лап-

каевском лугу в старостах у часовни Николая Чудотворца и в прошлом 193 году Июня в 15-е приходили не-приятельские Богдойские люди на Албазин и взяли и раззорили и я Сергушка ушел на Лену реку, икону Николая Чудотворца брал с собою, а иные иконы и чудеса Николая Чудо-творца остались в часовне и Богдой сожгли часовню, а книги остались в казне Воскресенской (т. е. Алба-зинской, где была церковь во имя Воскресения Христова), Псалтирь со возследованием, Пролог полуто-довой, Апостол, Часовник; а денег было у меня Никольских 28 рублей с полтиною и те деньги я издержал по реке Лене шол в Иркутско, и за море на Селеньгу и в Нерчинско, пил и ел и платье носил и Николаю Чудотворцу образ ево обло-[204] жил серебряным венцом с гривной и то я позолотил и свечи покупал и по се число покупаю, а ныне денег Никольских у меня в остатке пол-третья рубля.

3-е.

Апреля 15 дня 196² года Алба-

зинской монастырской вкладчик Алешка Иванов сын Притыкин ска-зал: в прошлом 1982 году шел из мо-настыря в Нерчинск водяным путем в лодке с монастырскими вкладчики с Пашкой да с Федькой Сухановы-ми и не дошед де они до Нерчинска на Шильке реке замерзли на чер-ной речке, а монастырской казны было на руках у Пашки Суханова образ Спасов нерукотворенной да образ Богородицы, два безмена (т. е. 5 фунт.) свечь, два безмена ладану, полуфунта серебра, мединик, котел, пищаль винтовка, пищаль гладкая прикладная, с черной де тое казну по дороге тянули они на нартах до заимки Григорья Лонцакова, да с ними де была монастырская лошадь и они Пашка с братом и Григорья Лонцакова остались и он Пашка умер, а где та казна осталась, того он Алешка не знает, а что в Албазине в осаде монастырской казны былоль или нет, он не знает же, для того что он Алешка приплыл в монастырь после раззорения, а только де было в монастырских лавченках вышепи-санное, а иных никоно не было.

Примечания:

¹ Датируется на основании упоминания в тексте.

² Так в книге. Дата написания показаний указана ранее даты событий. Вероятно опечатка либо описка.

Примечания подготовил **В. Трухин** для публикации документа на сай-те «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край: ч. 1; ч. 2: История города Албазина. Приложение № 34, с. 202–204. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 134

1690 г. не ранее мая 19–не позднее июля 20¹. – Из челобитной бывшего Албазинского подьячего Петра Хмелева, поданной в Пекине русскому посланнику Григорию Лоншакову.

... И в прошлом, государи, во 190 [1682] году², июня в ... день, пришед воинским пособом многие неприятельские богдойские воинские люди со всяким приступом, и Албазинской острог взяли.

И богдойских неприятельских воинских людей полковые бояре и воеводы воеводу Алексея Ларионовича Толбузина и меня, холопа вашего, взяли пред себя.

А в то время богдойские воинские люди стали церковь Божию разорять и Божиею милостью поругатьца.

И я, холоп ваш, памятуя Бога и ваших великих государей крестное целование, ушедчи от тех богдойских бояр в острог, и ис Приказ-

ные избы вашу великих государей печать и Соборное Уложение, и денежную казну взял и принес на берег, и отдал воеводе Алексею Ларионовичю Толбузину я, холоп ваш, своими руками имянно при многих русских людех, перед боярами богдойскими. И он, виде такой страх, тое ваших великих государей печать и Соборное Уложение, и денежную [казну], и страха ради такова запаматовал.

И как я, холоп ваш, то все отнесши и назад пришед в острог, хотя взяти всяких приказных дел книги и всякия дела, и богдойские люди все тотчас разорили.

И от воеводы я, холоп ваш, остался и в струги не попал, и но-

чевал я у них, неприятельских людей, в табарах. А наутря бил челом богдойских неприятельских людей бояром, чтоб меня, холопа вашего, отпустили. Перевотчик и изменник Любишка выезжей отказал, бутто бояре не отпускают. И велел де посадить за караул.

И в том я, холоп ваш, перед вами, великими государи, виноват, что грех ради моих такое замедление стало и попал в бусорманскую такую богдойскую неисповедимую адову треклятую челюсть.

И ныне я, холоп ваш, будучи в такой треклятой челюсти, молю

всещедраго Бога и вашего государевского жалованья я, холоп ваш, к себе, чтоб освобождену быти ис такие мне, холопу вашему, погибели. <...>

Пожалуйте меня, прежнего холопа своего, для ради Спаса и пречистые Богоматери и для московских чюдотворцев и для свое-[264]го многолетнего здоровья в той моей забвенной страдничьей вине простить, чтоб мне, холопу вашему, будя в таком бусорманстве, не обу-сорманитьца и душевно не погинуть

РГАДА Ф. 214, ст. 544, л. 284–286.

Примечания:

¹ Документ датирован на основании сроков пребывания посольства Г. Лоншакова в Пекине РГАДА, ф. 214. Сибирский приказ, стб. 544, ч. II, л. 299–300, 347–350 Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

² Надо: в 193. (примечание Г. Красноштанова).

Воспроизводится по:

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. С. 263–264.

№ 135

**1690 г. не ранее июня 28¹. – Вестовое письмо в Сибирский приказ,
составленное в Удинской приказной избе, о войне Галдана
Бошокту-хана с монгольскими тайджи и о приезде в Нерчинск
цинского посланца**

/л. 105/ Ведомость из Нерчинска. Посланных в Китай Григорья Лоншакова² со всем корованом с Науна взяли в царство апреля в 19 день на подводах и на кормех против прежнего, как в прошлом году была честь Ивану Логинову. А на Науне их держали 5 недель, в села не пускали и кормов не давали, а стояли на степи, по которых мест описывались в царство, и по описи приезд-[271]жал из царства заргучей и принял их и повел с собою. На Науне оставлено русских людей у скота 10 человек.

В Нерчинск присылал из царства заргучей же, а с ним от хановых ближних людей лист, в листу писано и на словах он, заргучей, сказывал.–Будут де богдойские воеводы, которые и в прошлом году были в Нерчинску на посольских договорах, со многою силою на бусах и степью конницы больша прошлогоднего до тех мест, где по договором учинен рубеж, чтоб им на тех местех учинить и подписать столпы каменные.

В Нерчинску тому заргучею вопрос был и испытание про степные

вести и о калмыках. Заргучей сказывал.–По ханову де указу стоит у них караул близ прежние мугальские границы. И при нем де, заргучее, послано было на перемену того караула 500 человек. И многие де сроки минули, а с того караулу никакие отповеди не бывало, и о том де они домышляютца, чают их побита.

В Нерчинск же от калмытцко-го Бушукту-кана были посланцы–зайсан с товарищи /л. 106/ в то ж время, как был заргучей. А стоит Бушукту-кан со всеми своими силами вверх по Онону, от Нерчинска легкою ездою 5 дней. А перебираетца на Кулюрун к Далаю и тут хочет стоять, а доискиваетца Очироя-кана и Кутухты. И писано от него, Бушукту-кана, в Нерчинск в листу все доброе.–По многие де времена он послов своих в Нерчинск и через Теленбу посылавал, а отвороту тем людям не бывало, и просит к себе для способу на мугальских людей войны русских людей, и как начал воевать Мугальскую землю, и о том у него в листу писано ж. И с тое де войны Кутухта и Очирой-хан ушли

и соединились с китайским богдо-каном.

Против отповеди заргучея калмытских людей про их караул спрашивал и они сказали.—Побили де тех людей их люди всех до единого человека. От Нерчинска до Кулюруна, где хочет стоять Бушукту-кан, ездю со вьюками 2 недели.

Да они ж, калмытские посланцы, в розговоре говорили.—Не ведал де про то Бушукту-кан, что в прошлом году были в Нерчинску китайские послы: только б де про то ведано было, поспешили б де от него великие войски, и не так бы де с ними пословатца.

Подданные царского величества, которые им, великим государем, изменили, от Селенгинска откочевали, Ирки-контаций и Катан-батур все от калмык в степи побиты. /л. 107/ Которые Бушукту-кановы послы нынешние зимы были в-Ыркутску и отпущены и с ними русские Григорей Кибирев с товарищи, и те еще до Бушукту-кана не дошли, а для тех де посланных оставлены у него люди до возврату, чтоб их дождався, итти вместе.

Из Нерчинска о том писано мая в 28 числе, а до Удинска ехано 19 дней.

Бушукту-кановы силы, сказывают, многочисленные, а на Далае де он хочет ставить город. /л. 108/

Июня в 28 день приехал в Удинск из Нерчинска сын боярской Логин

Матвеев, а из Нерчинска ему 20 дней, потому что жил он на Теленбе. Про Ивана Остафьевича сказывает.—Подъем ево из Нерчинска был июня с 15 числа и чаать ево прибытия в Удинск к Про[ко]пьеву дни³ и ранее.

Бушукту-кановы посланцы из Нерчинска отпущены, а с ними отпущено служилых людей 8 человек. На отъезде они, посланцы, говорили.—Только де Бушукту-кану русских людей и снаряду на помочь не будет, и вы де впредь мугальских людей к себе не принимайте, потому что де они обманчивы: когда им бывает тесно, тогда де они и в подданство приходят, а после ди изменяют.

[272] Против войск Бушукту-кановых была де высылка из Китаи 2 воеводы с войским, и калмыки их побили и снаряд и ружье отбили. И ныне де хочет на него быти от богдокана великое собрание войск, а он де того и дожидаетца, и буде ему бог поможет, хочет послать свои великие войски на Наун.

А послано де от него, Бушукту-кана, к богдокану с выговором, чтоб он великим государем Албазинской город построил лутче прежнего, и за разорение заплатил, и реку Амур очистил до моря.

От Демьяна Многорешного убегал его детина новокрещен, а объявился он тамо в Калмыках и ныне ево посланцы вывезли и отдали в Нерчинску.

РГАДА, ф. Сибирский приказ, стб. 1059, лл. 105–108. Подлинник. Список XVII в. : РГАДА, ф. Иркутская приказная изба, оп. 2, д. № 121, лл. 61–65.

Примечания:

¹ Датируется по упоминанию числа в тексте.

² Лоншаков Григорий Иванов – Нерчинский сын боярский, по указу от 12 октября 1689 г. был направлен в Китайское государство с листами и для переговоров о задержке с переносом Аргунского острога, о возвращении бурятских и других ясачных людей, перешедших к маньчжурам после заключения Нерчинского договора, а также добиться возвращения на родину русских пленных.

Цины обещали ему выдать ясачных людей, но вернуть пленных албазинцев отказались.

В свою очередь, маньчжурские чиновники, ссылаясь на дошедшие до них слухи о том, что Галдан просит оказать ему военную помощь, напомнили ту статью Нерчинского договора, в которой говорилось: «чтоб о всяких пограничных ссорных делах с обеих сторон обсылатися послы и посланники», и требовали немедленной посылки гонцов в Нерчинск.

Лоншаков вернулся в Нерчинск 6 сентября 1690 г. (см.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2, с. 794).

³ Прокопьев день – 8 июля.

Воспроизводится по:

Русско-Монгольские отношения 1685-1691. Сборник документов. Составитель Г.И. Слесарчук. Ответственный редактор Н.Ф. Демидова. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва 2000г., № 104, с. 270–272.

№ 136

1690 г. не ранее августа. – Донесение на Высочайшее имя, писанное в Сибирский Приказ Федором Скрыпицыным о разрытии и уничтожении по трактату г. Головина города Албазина, и о том, что из Албазина вынесено казенных и церковных вещей, оружия и проч.

Великим Государем Царем и Великим Князем Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белыя России [197] Самодержцам холоп Ваш Федька Скрыпицын челом бьет. В прошлом Государи во 198 году в Августе месяце явились в Нерчинску в Приказной изб Албазински казаки Пятидесятник Васька Смиренников с товарищи, всего 66 человек, да Албазинской казак Васька Ерофеев, а передо мною холопом Вашим сказали: в прошлом де во 197 году как были в Нерчинску Ваши Великих Государей Великие и Полномочные Послы Окольный и Воевода Федор Алексеевич Головин с товарищи и учинили де они с Китайскими Послы мирные договоры и в то де время по указной памяти от Окольного и Воеводы Федора Алексеевича велено Албазин город казачью Голове Афонасью Бейтону разрыть и Вашу Великих Государей всякую казну и снаряд и ратных и всяких чинов людей вон вывести и Албазин покинуть, пуст и он де Афонасей Бейтон и ратные люди по той

указной памяти Албазин разрыли и покинули пуст, а Вашу Великих Государей всякую казну и снаряд повезли и сами пошли в Нерчинск и за позданием времени до Нерчинска тоя осени дойти не могли, а что с ним Васильем Смиренниковым Вашей Великие Государи всякой казны и с Васильем Ерофеевым с товарищи церковной и всякой казны и книг и [198] Божьяго милосердия (т. е. икон) и ратных Албазинских людей в Нерчинск пришло и тое Вашу, Великие Государи, всякую Албазинскую казну и снаряд у него Василья принял и ратных людей пересмотрел, а сколько Албазинских ратных людей и пашенных крестьян в Нерчинск пришло и кто из них служилых и пашенных по отписке Окольного и Воеводы Федора Алексеевича Головина верстан по Нерчинску в конную службу в выбылые места, а пашенные за осадное сиденье по Нерчинскому острогу в пешую службу и что Албазинския церковныя казны и книг и Божьяго милосердия в Нерчинск с Васью Ерофеевым пришло и тем

церковным казнам до Вашего Великие Государи Указу велел я холоп Ваш быть у него Васьки с товарищи; а у него сколько церковных казны, всякой утвари ныне на лицо и тому я холоп Ваш взял у них старост за руками списки и с тех сказок списав в подлинно списки, и служилым и пашенным людям, которые против

отписки верстаны с пешей в конную службу и Албазинские пашенные крестьяне за осадное сиденье в пешую службу и тому я холоп Ваш учинил роспись и с той росписи к Вам Великие Государи к Москве послал подать в Си-[199]бирском Приказе Боярину Князю Ивану Борисовичу Репнину с товарищи.

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край: ч. 1; ч. 2: История города Албазина. Приложение № 31, с. 196–199. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 137

1690 г. не ранее августа.¹ – Опись церковным вещам, доставленным в Нерчинск из Албазина церковного Воскресенского имущества старостою Васильем Ерофеевым (без указания даты).

Образ Воскресения Христова в середине на оклад.

Образ Владимирския Богородицы в середине на окладе, прикладу три креста серебряных. Образ Спаса нерукотворенного.

Образ Спасов на хоругве.

Образ Благовещения Пресв. Богородицы, Образ Михаила Архангела.

Образ Иоанна Предтечи.

Образ положение во гроб.

Образ Богородицы Одигитрия на оклад с притворами.

Образ Спасов ш' де' Сусе.

Шесть лампад.

Два колокола весу пуд два фунт., три пелены, две китайчатых старых, третья ветхая камчатная.

Евангелие напрестольное.

Книги: Псалтирь следованная, Октоих 4 гласа, Евангелие толковое Воскресное, Апостол, Минея общая, Святцы печатные, Псалтирь учительная, Псалтирь Киевская, Пролог полуугодо-[202]вой, и по се число казны Воскресенския двести рублей денег, на двести рублей мягкия рухляди соболей, на сто рублей кабал и закладов, а дано им по мирскому приговору пришло Китайскаго серебра 5 Фунтов, а издержано того серебра на оклады три Фунта, а в остатке два Фунта, крестов и перстней серебряных старых Фунт, а прикладывали казаки и промыш-

ленные люди, два аршина атласу Краснова, 7½ арш. камки травчатые, рудожелтаго и зеленого атласу полвосьми (7½.) аршина без вершка, один пуд воску, один пуд ладану.

Прикладнова оружия:

7 Винтовок, 8 пищалей гладких.

Бейтонова полку:

Образ Пресв. Богородицы Казанския на окладе. Образ Николая Чудотворца с житием, а с него вышло казны 60 руб. денег, а из тех денег дано в их же полк в кабалу сорок рублей, в остатке 20 рублей, да у ней же Богородицы прикладново ветхово серебра полфунта.

Примечания:

¹ Датируется на основании «Донесение на Высочайшее имя, писанное в Сибирский Приказ Федором Скрыпицыным о разрытии и уничтожении по трактату г. Головина города Албазина, и о том, что из Албазина вынесено казенных и церковных вещей, оружия и проч». Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

Воспроизводится по:

Паришин В.П. Поездка в Забайкальский край: ч. 1; ч. 2: История города Албазина. Приложение № 33, с. 201–202. 1844 г. СПб.

№ 138

1690 г. не ранее августа.¹ – Прощение Албазинских Казаков и крестьян, поданное Окольниковому и Послу Ф.А. Головину.

Государем Царем и Великим Князем Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу и благоверной Государыне Царевне и Великой Княжне Софии Алексеевне всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцам бьют челом бедные разоренные холопи Ваши и сироты Албазинские служилые люди Атаман казачей Ивашко Бузунов, Пятидесятник Васька Смиренников, десятники казачьи Анцыфорко Кондратьев, Мишка Вахрушев, Сенька Венедиктов, Мишка Буритев, Оська Корнилов, церковной староста Васька Ерофеев и все Албазинские служилые люди и пашенные крестьяне и остальцы казачьи детишки. В прошлом Великие Государы 196 году по Вашему Государскому Заказу заводили мы холопи Ваши и сироты в Албазине пашню, и что у нас у холопей Ваших и у сирот было хлебных запасов и то на пашнишках разсяли все без остатку и наш хлб на пашнишках наших родился, и пришли под Албазин-

ской на бусах неприятельские Богдойские многие люди, а иные горою на конях и на тех наших пашниках посеянной наш хлб пожали и подрезали и огнем пожгли все без остатку, ни где не оставили [206] единого колоска и конные табуны отогнали и от тово мы холопи Ваши и сироты в конец погибли и оголодали. Великие Государы пожалуйте на бедных и разоренных холопей своих сирот велите об том свой милостивой Государской указ учинит и нам холопам своим и сиротам чтоб голодную смертью не помереть. Цари Государы смилуйтесь.

Резолюция Окольного Ф.А. Головина на это прошение:

Выдать Атаману Ивану Бузунову десять, Пятидесятнику Ваське Смиренникову шесть рублей, Анцыфорку Кондратьеву с товарищи 48 чел. по пяти рублей человеку.²

Примечания:

¹ Датируется на основании «Донесение на Высочайшее имя, писанное в Сибирский Приказ Федором Скрипицыным о разрытии и уничтожении по

трактату г. Головина города Албазина, и о том, что из Албазина вынесено казенных и церковных вещей, оружия и проч». Примечание подготовил В. Трухин для публикации документа на сайте «Памятники Сибирской истории» (<http://sibrelic.ucoz.ru>).

² За храбрость Албазинские казаки и жители, в числе 84 человек, были награждены по повелению Окольного Ф. А. Головина: пешие казаки записаны в конные, их дети приняты в службу; крестьяне определены в пешие казаки. Это сведение взято с резолюции Г. Головина.

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край: ч. 1; ч. 2: История города Албазина. Приложение № 35, с. 205–206. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 139

1690 г. в ноябре. – Сдаточная опись казенным вещам, вынесенным из Албазина Пятидесятником Васильем Смиренниковым.

199 году Ноября в день пеших казаков Пятидесятник Василий Смиренников отдал в казну Великих Государей в Нерчинском приказной избы казенному целовальнику Григорью Дмит. Солдатову: ружья, пушек, пороху и свинцу и пушечных ядер и гранатных припасов и мелкаго всякаго ружья Албазинскаго	острогу и то писано ниже сего: 1-на пушка верховая, 2-ве пушки большия, 6 пушек полковых, 2 пищали затинных железных, 4-ре ядра духовых, 15 ядер чиненых, 57 гранатов ручных чиненых, 1050 ядер железных больших и малых пушечных и затинных, 50 ядер гранатных ручных нечиненых, 39 пуд пороху пу-
--	---

шечного, в том числе мелко́ва 6 пуд. с деревом, 42 пуд. две чети свинцу и с пулями мелкими; мелко́го ружья: 66 пищалей гладких целых, 27 пищалей без замков, 40 пищалей гладких самопалов с битыми замки, 45 стволин целых, 10 обрывков ствольных, 308 бердышов целых, [200] 57 бердышев ломаных, 2-ва знамени целых камчатных, 7 знамен битых полковых, 7 чахлов старых суконных красных, 1 барабан старой, 10 топоров целых, 10 топоров держаных, 10 тупиц, три топора ломаных, 1 теска целая, 1 ломаная, 2 тесника держаных, двои втулки желзны, 6 крюков прядельных, 6 пар сошников держаных целых, 3 ральника целых, 45 ножей с медными припои, в том числе 7 ножей без припоев, 36 серпов целых, 36 кос горбуш, 4 на-

парьи больших, 1 малая, 30 замков целых пищальных, 2-ве черты железных, 1 котел красной меди гранатной ломаной, по весу 9 Фунтов, 1 крюк ломаной, уполовник да забойник, да прибойник железные, 3 котла зеленой меди без дуг весу 11 фунт., 1 чаша красной меди весом 3 фун., 3 чаши железные, одна диловата, 2 лопатки железных, 5 фунт. конопля, 2 обрывка затинной пищали, 4 вертлиг пушечной, 3 топора, 2-ве тупицы, 2 молота, 2 листа белаго железа, 10 мешков пушечных зарядов с порохом весу 10 Фунт., 2 пуда железа пушечной оковки, 15 замков ломаных пищальных, 13½ аршин сукна краснаго Янбургскаго (Гамбургскаго?) 43 мешка холшевых старых, 3 Фун. фитилю.

Воспроизводится по:

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край: ч. 1; ч. 2: История города Албазина. Приложение № 32, с. 199–200. 1844 г. СПб.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 140

**1691 г. не позднее марта. – Статейный список о приеме посланцев
калмыцкого Бушухту хана иркутским воеводой Леонтием
Кислянским в Ильинской слободе.**

/л. 163/ И марта в 9 день стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский велел в Ыльинской слободе приставу капитану московских стрельцов Осипу Булгакову калмыцкого владельца Бушухту-хановых посланцев поставить перед себя с листы к ответу. А приняв тех посланцев, велено ему Осипу итти с теми посланцы по правую руку до посольские избы.

И того ж числа капитан Осип Булгаков калмыцких посланцев в посольскую избу поставил.

И они калмыцкие посланцы, пришед в посольскую избу, сняв с себя малахаи, спросили о здоровье великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев.

И стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский говорил: /л. 164/ Божиею милостию великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичи и дедичи и наследники и государи и облада-

тели их царское пресветлое величество в царствующем своем граде Москве на своих превысочайших царьских престолех дал бог здравы.

И посланцы подали стольнику и воеводе Леонтию Костянтиновичю Кислянскому от Бушухту хана своего лист.

И стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский приняв лист, говорил им посланцом: тот де их поданной лист велит перевести на русской язык, а отповеть де им против того листа будет, как тот лист переведут на русской язык, и спросил о здоровье калмыцкого их Бушухту хана.

Посланцы говорили: калмыцкой де их Бушухту хан в степи от них остался /л. 165/ с калмыцкими своими людьми в добром здоровье.

Стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский говорил: буде де им что заказано от калмыцкого их Бушухту хана говорить сверх листов на переговорах и они-б говорили как их возьмут к ответу против листа.

И подчивав их посланцов питьями, отпустил в юрты.

И того ж числа тот выше писан-

ной от калмыцкого Бушухту хана лист переведен с калмыцкого на русской язык, а в переводе пишет.

Галдан шаджинъ барыкчи Бушухту хани бичикъ.

Федоръ Алексеевичъ быдунноен. Леонтей Костянтиновичъ Кислянский «хоюрту» екбо, [393] танилчи бичикъ амани уге биликте ириксенду, икы баирлабо. таниилчи улзейту цаган голду ириксинесе. на ороки ямар безе уйле, болоксаги узиксен обрин тани/л. 166/ элчи амаръ келеку. басачи. икы цагани хани менду медэнь икы нургунъ шаджин тэрень. али. бэсе. уйлинъ. тусту. эне бичикте иргечи. ирчиги: борзонду, али. утур борхар ирикути. са'тур. ту салатъ. баса чиги. наани. ямар бээсе уле' керек болхула. кын. кын нургудун тусута' али сайн болху'ги. киче. тани. амани угеин харю тани элчи Григоре' Кибирев мани ирчи. Аиюки дархан хашка хоюрен аманда беликте' ты мер моры ни сараин сайн эдур бичибе».

Перевод вышеписанных калмыцких речей на русской язык, которой лист прислан от калмыцкого Бушухту хана к стольнику и воеводе Леонтью Костянтиновичю Кислянскому в нынешнем во 199¹-ом году марта в 9 день с калмыцким посланцом з Дархан Оеки Кашкою.

/л. 167/ Галдан шаджин барыкчи Бушухту хани бичик.

В листу пишет:

«Федор Алексеевич великой по-

сол, Леонтей Костянтинович Кислянский обоим вам ваш посол письмом и словесной приказ с подарками пришли и я вельми обрадовался. Пришел ваш посол на урочище Улзейту на Белой реке, а как они пришли и после того какое дело делалось ваш посол видел и словесно скажет и что после учинитца о том буду чинить ведомость в русские города. И великие государи белые цари здравы-ли и чтоб о том ведать, а как великое дело на чем и учинитца и договор и после того для того письмо послано с посланцом. А послан он на срок чтоб ему приехать скорым делом и в том бы учинить радение и после того какое учинитца дело к вам бы радение учинить за един сопча мне и себе чтоб учинить все доброе, а словесной де приказ, которой приказан з Григорьем Кибиревым и з Дарханом Аюки Кашкою двум им и подарки. Месяц конной в добром числе писано».

/л. 168/ И марта в 10 день стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский посылал к посланцам пристава капитана московских стрельцов Осипа Булгакова и велел ему тех калмыцких посланцов взять и привести к себе для отповеди поданного от Бушухту хана их листа чрез их посланцов.

[394] А как пристав Осип Булгаков привел их посланцов перед стольника и воеводу Леонтья Костянтиновича Кислянского в учре-

женную избу, где принимать посланцов, и стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский с теми посланцы повитался как ведетца обычей и велел их посадить.

И говорил им посланцам: марта в 9 день от владельца своего калмыцкого Бушухту хана, которой лист ему стольнику и воеводе Леонтью Костянтиновичю Кислянскому подали они посланцы и с вашего де калмыцкого языка тот лист переведен на русской язык и против того листа /л. 169/ буду писать к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем к Москве и лист пошлю также и к вашему калмыцкому владельцу Бушухту хану против ево листа буду ж писать со всякою отповедью.

И против их поданного калмыцкого листа против статей стольника и воеводы у тех посланцов Дархан Аюки Кашки спрашивал, что в листу их писано по указу великих государей посланные от великих и полномочных послов от окольного и наместника брянского Федора Алексеевича Головина с товарищи Григорей Кибирев к Бушухту хану их на урочище Улзейту на Белую реку как они пришли и после того какое дело делалось. И наш посланец видел и словесно скажет.

И посланец говорил: в листу де написано как де Григорей Кибирев

приехал к Бушухту хану их на урочище Улзейту на Белую реку и какое де у Бушухту /л. 170/ хана дело делалось и он де Григорей видел и про то де он Григорей скажет подлинно, то и в листу написано.

И стольник и воевода говорили тем посланцом: от Григорья де Кибирева о том он на письме и на словах слышал, хочу де от вас уведомитца по подлиннее и буду о том вашем разговоре и великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем к Москве писать.

И калмыцкого Бушухту хана посланец, которой прислан с листом в Ыркуцкой Дархан Оюки Кашка говорил:

Ево де Оюки Кашки у Бушухты хана в то время не было и какое дело делалось не видал, а был де послан от Бушухту хана в Нерчинской с листом. А при том де деле в то время был посланец, которой послан с листом к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем к Москве /л. 171/ от Бушухту хана их Очинь Кашка и про то де подлинно скажет он Очин Кашка.

И Очин Кашка говорил: при приезде де Григорья Кибирева вскоре на третей день в урочище на Ирзюте на реке Цаган гол и [395] на

том де месте в ночи на утреней зоре, скрав караул, начали китайского богдо хана воинским поведением на Бушухту хана их и на ургу ево два полковотца Алеханбы, а по ведомости от пойманных богдойских языков, что де с теми Алехамбами было ратных людей дватцать тысяч человек без пушек лехким делом с копьи и с саадаки и исправясь де Бушухту хан с войски своими учинили с теми богдойцы бой, бились с утренней зори до поздого обеда и Бушухту хан де богдойское войско побил все и полководец один Алехамба тут же на бою убил, а другой Алеханбай прибежал в обоз и переменя лошади ушел в малолюдстве человек в пятинатцати или в дватцати. И за тем де Алехамбою гонялся Бушухту ханов брат двоюродной /л. 172/ Данзилай ноен Кашка, в виду, и на томных де конях он Данзилай за ним Алехамбаю не погнался, а обоз де их со всем взял телег больши пятисот.

Стольник и воевода спрашивал посланцов: в листу ж де Бушухту хана вашего написано, что де какое доброе дело зделатца и Бушухту хан де их хотел о том писать в сторону царьского величества в руские города, и какое у него Бушухту хана есть намерение и какое доброе дело делаетца и о чем хотел в руские города писать, чтоб чрез их посланцов ведать.

И посланцы говорили: в листу де Бушухту хан их велел написать,

что де у него Бушухту хана после отпуску их посланцев в руские города, также и которые посланы от него Бушухту хана посланцы х китайскому богдохану и после того отпуску, что у него учинитца з богдойцы и с Очироем ханом и с Кутухтою и о том де Бушухту хан их хотел /л. 173/ подлинно писать к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем к Москве, также и в сторону царского величества во ближние города.

Стольник и воевода посланцом говорил: в листе ж де Бушухту хана вашего написано чтоб де учинить радение за един сопча.

Посланцы говорили: то де Бушухты хан их в листу написал для того, чтоб и с стороны царского величества ему Бушухту хану так же де бы ему Бушухту хану в сторону царьского величества для искоренения мунгальских людей на непрятелей друг другу с обоих сторон подавать помочи.

Стольник и воевода спрашивал посланцов: в листу ж де Бушухту хана вашего написано: как де великое дело на чем учинитца и договор /л. 174/ и для того де послано с посланцом письмо, а послан де он на срок, чтоб ему приехать скорым делом.

И посланцы говорили: то-де Бушухту хан их в листу написал для

того, которой де посланец послан к Москве с листом на срок, чтобы де ево не задержав отпустил к Москве и о том к Бушухту хану учинит из Ыркуцкого ведомость и мугальских людей искоренит за един сопча, а они де мунгалы супостаты и досадники царьского величества крайних городов ратным людем и Бушухту хану их.

[396] Посланцы ж говорили против вышеписанные речи, что написано в листу Бушухту хана их, что делалось при приезде Григорья Кибирева, про то де они в первой речи не договорили сполна. После де первого бою на другой день пошел Бушухту хан их с войски своими, сыскивая в степи Очирой хана и Кутухты, и шел до речки Шандохи недель с пять и нашел на той речке от китайского богдыхана войско. Стоит дядя ево богдо канов Ирги Чиги. Он да сын ево богдоканов и со многими /л. 175/ полковотцы Алахамбами, а войска де по спискам от пойманных богдойских языков было с ними тысяч с полторасти или больше. И те богдойские силы ударились на Бушухту хановы полки и на кочевье безо всякие пересылки. А усмотрили де от Бушухту хана то богдойское войско в вид как глаз окинет, а которого де дня усмотрели Бушухту хан те богдойские войски, чрез подъезды и караулы отнюдь ни от кого не слышал, нашли на них безо всякие ведомости, и исправся,

Бушухту хан их дали бой с раннего обеда и бились до темные вечерные зори, и победил Бушухту хан богдойские многие силы. А в бой де говорил Бушухту хану их от Далай ламы Жирим кутухта, чтоб они битца перестали. И Бушухту хан де ему Жирим кутухте говорил. Он де Бушухту хан шел не на них богдойцев, шел де было он на Очироя хана, и кутухту прислал и выслал против ево Бушухту хана многие силы. И он де Жирим кутухта говорил ему Бушухту хану учнет де он говорить богдо кану от своего Далай ламы, чтоб он ему Бушухту хану выдал Очироя Саин хана и Кутухту, и он де их тебе выдаст или пошлет к Далай ламе, или взяв у него Бушухту хана лутчего зайсана, велит казнить в Китайском /л. 176/ государстве при том ево зайсане. И чрез де те ево кутухтины слова бой быть перестал и ушли те богдойцы ночью бегом. А где стояли богдойцы обозом, покинули своих семнатцать пушек да пороху, а сколько того пороху, того де он сказал не упомнит, и те де пушки Бушухту хан их велел изломать. А как де сошлись битца полки, и богдойцы де полками своими Бушухту ханово войско обошли кругом. А как де ушли з бою богдойцы, и Жирим де кутухта переезжал к богдойцам и к Бушухту хану на обе стороны и говорил Бушухту хану те ж выше писанные речи. А в тыл де за богдойцы Бушухту хан их ратным своим лю-

дем быть и гонятцы не велел.

Он же посланец говорил: после де вышеписанного бою, спустя с месяца, от китайского богдо кана приехал кутухта Илгасон к Бушухту хану. И чрез его кутухту учинилось ему Бушухту хану ведомо, что де хочет отдать китайской их богдо кан за него Бушухту хана дочь свою замуж.

И стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский говорил: какие де у них словесные есть переговоры и чтоб они ныне чинили переговор с ним Леонтием что им приказано от их Бушухту хана.

[397]/л. 177/ И посланцы говорили: есть де у них словесные переговоры, что им приказал Бушухту хан говорить, ему стольнику и воеводе Леонтью Костянтиновичю Кислянскому на письме их.

А написали де они сами для себя, чтоб им чего не запямятовать. А то де письмо запечатал Бушухту хан их своею печатью. А будут де у них на переговорах слова тайные и чтоб де лишних людей выслать вон и своих де они посланцы людей вышлют же также. И Григорей Кибирев как был у Бушухту хана и Бушухту хан де по тому ж высылал из юрты всех до одного человека, только де оставил одного брата своего да Григорья Кибирева, и о том они оговаривались, чтоб стольнику и воеводе Леонтью Костянтиновичю Кислянскому непозазрить, что словесные переговоры будут говорить с письма.

Стольник и воевода говорил: которые де на словах переговоры у вас будут со мною с листа, которой у вас написан для памяти за печатями, а как вершатца переговорные речи, чтоб дали они посланцы тот подлинной лист, или с того листа список на своем калмыцком языке за своими руками и печатями для подлинного /л. 178/ уверения, а тот лист переветчи на руской язык и тот перевод и подлинной лист ваш пошлю к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем к Москве.

И они посланцы, поговоря меж себя, сказали: за лист де стоять нечего, переписав де на своем языке и запечатав подадим.

И говоря их посланцов отпустил.

И марта в 15 день посланцы списав с переговорного своего прежнего листа на калмыцком же языке подали тот список за печатями своими.

И стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский принял список говорил им посланцом: то де их поданное переговорное письмо велит перевести на руской язык и как переведут и против того письма будем с ними говорить.

И марта в 15 день то их переговорное письмо переведено, а в переводе пишет.

/л. 179/ Икэ цаган хан ду ил-

гиксен эне элчиги Цера нара утур ябуолат Федор Алексеевич будун ноень ирет, уду болхуна, Аюки дархан Кашка кулеагат, ерю, нургунь керек икы тельо урит эне нюкурини заптарту шок улю борхор манду утур иргикула дзе Федор Алексеевич ириксен, болхула, Аюки дархан кашкаги кын кыни кырикуту сайн тэльо утур ирикэр болоксон саин мани алибесе ябудали Григорей Кибирев узиксен.

В другом листу словесные переговоры пишут. Федор Алексеевич икы ноен Леонтей Константинович Кислянский коюлаин элчи[398] Григорей Кибирев ирет, Алеха ханбай и онду ириксен бей. Иамар учиртай ириксен бей геджы асо аксаню хароджиб Джин Данба кутухту /л. 180/ Очирой хан и бидан зунджи одоксаги эреджи иреджи баса орос тала дайн бохулги медэбу гуксени харьо мана асо нудак билю болбочиги куменеса медедек ургунь джи серенджите байдак геней. Баса оросасо ириксен кудалдачигий орос тала элчи од гэтеле эсе одоксани унен бугуджи асоаксани харьо таре унен тэрэ кумен одо абдала эрке зайсанга китатту нерени Михаила баса Федор Алексеевич икы ноен Леонтей Константинович Кислянский коюлан манду туса кыджи монголи идыксен учира келексени харьо эртене эсанару неге куменду адали болот элден нэге хамту эль болот даинда хамту неге болосонду икы

баирлабо нургун бичикту табиксон угеин харьо амани угейн харьо-та монголи идыджи ябухуда манду ургунджи кэле бида Церен немери угуя гыксени харьо кен кыни керек негень тэльо серикту керектэйги/л. 181/ келею дзюп икы баирлабо. Баса мани захаку менду шок уйле болхуги заки гыксени харью икы дзюп заха заха нютугийги ними йи газарту ними и ийми неретей кумень ахаладжи содок гыджи никта бичикгледжи угуктун. шокь кекути тамеде монголи танду шидари та де манду шидари бида абуя. Баса Цеценъ ноини оросту шок уле болхуги заки гэксени харьо идэгдеджи биле' бе'гини сайтур закия. Баса Цеценю ноини у анщик соет тухум дарага содзон адон гэксени харьо уанщик бей болхула огуя дзюп баса эдени контазий манду иреджи быле урбаджи одбо. Манду окчи окчи болху боко но чиги иимиги харьо дльжи окула ямар гэксени харьо икы дзюп/л. 182/. Та бида негень тэльо танага ириксе'ги бидоэку манай иимиги тачаги оку баса монголой ямар баса кумень икы цаган ханду ороходу шок урей болхуна ямар гэксени харьо икы дзюп. Та бидо негень тюлюкек кенду ирексеги зюп шо оку баса богдохани ямар баса кырыктеі элчи ирекула мани заха тураду иигыджи иребо гыджи келекула саин гэксени харьо икы дзюп тыигыя эне ку менду келекула болху гыджи нару келекула тэлেকунду келея. икы/л.

183/ дзюп. Баса элде эсе котон чиги отлетчиги ямар баса кудал ду эге селейгер уреги оксень гурби дабак иркороть Тунка тураимдамджиджи орохула саин гексени харьо икы дзюп ургульджи куданду кия саин баса токтума загиксен амани закия икы цаган ханду ильгиксен элчи ин урда шидар керек болхула али али тураин кэкэн гыкши куменду кулю кубеи манду иик та тодо бичигледжи окула саин эне керек басачи ямар/л. 184/ бэн керекту кумен олон ябуху керек болхутэле заха заха куменцу[?]. Мани элчи ирекула шок угей утур ябухуй ги сай тур закилтай, баса Богдоханай нерею[?] уту газар кубаанай гыджи серик урда ирексени тусту эне газар монголи газар муню болот, мунголин хамяту газари бида медеку тельо ямар баса кыриги бидантай келен сокула икы цаган хани нютукту али саин болхуги бидо кэку баса [399] монгол-та бида коюрту адали даин[?] мун тэле бидо монголи буруту кумей ги кама одбочиги некедек бидани эне та бидо негень тэлю та чиги неке кула шойту буруту куменю зальхахуду дзюп гыджи сана».

Перевод с посланцовых листов письма их словесные переговоры на русской язык.

/л. 185/. «Великим белым царем посланы эте послы, чтоб им туды и сюды съездить наскоро. Федор Алексеевич буде не бывал и Оэки дархан кашке дожидатца, а буде какое дело

будет большое и ис товарищев их послать наскоро и над ними б какое дурно не учинилось в дороге, а буде Федор Алексеевич приехал и Аэке дархан кашке для опчих хороших дел быть на скоре, а про какое наше полевое воинское дело Григорей Кибирев видел».

А в другом листу словесные ж переговоры на русской же язык переведены.

«Большей воевода Федор Алексеевич, Леонтей Костянтинович Кислянский от обоих посланец Григорей Кибирев приехал и говорил: Алехан Хамбай для чего приходил и для какова дела ему ответ Джибдан Данбан/л. 186/ кутухта Очирой хан от нас де бежал, а на русских людей как войною пошел и нас де тово таили, а хотя де нас и таили, только де мы от людей слышали и знали и опас[?] де имеем безпрестанно. От русских людей был торговой человек и мы де ево в Русь послом посылали и он де в Русь не поехал, а поехал де в Китай с Абдалаем Эрке зайсаном. А имя де ему Михайло. Большой воевода Федор Алексеевич, Леонтей Костянтинович Кислянский оба мне помощи чинили, мунгал громили. И то де учинили за един доброе и мы тому вельми зрадовались и то де в письме все написано. И то де нам от вашего войска² помощь великая обоим нам то дело надобно за един, а чтоб де крайным моим людям заказ учинить от воровства и вам бы

ясашным своим лутчим людем и в которых живут урочищах давать им для знаку письма и хто их имяны, хто где живет, а мы о том закажем накрепко которое войско³ ходит со мною и крайным своим людем, чтоб от моих подданных людей вашим людем обид никаких не было и не будет, /л. 187/ А которые мунгалы бегают от меня и буде какое будут чинить дурно и вам им не спускать, а буде здуруют да ко мне будут и я им також спускать не буду, а что крайных мунгал Цецен ноена тайшины люди дуруют окол Тункинского и мы де о том закажем накрепко. А что Цецен ноен Уанщик у соецко-го Тохуму дараги взял сто лошадей и буде тот Уанщик есть на старых жилищах и жив и тот табун взяв и отдан будет ему Тохуму дараге. А которой Ирдени контазий изменя бежал, бежал ко мне от вас и ево мне отдать назад и ево де у меня в ведомости нет, а буде впредь от вас или от меня хто какие изменники будут в приходе, и таких людей вам и нам назад отсылать; а буде хто из богдойские[400] будут посланы о каких делех, и мы про то ведомость будем давать в которые города ближе, а вам учинить заказ, чтоб пропускали не мешкав, давали корм и подводы, а торговых своих бухарцов и калмыков буду отпускать через Селенгинскую вершину /л. 188/ по Эге и по Уру рекам, через Гурбитцкой хребет по Иркуту реке в Тункинской, а

ис Тункинского вел[ел] быть в Ыркуцкой. И вам бы крайным своим ясачным людем и в Тункинском за-казать, чтобы тех моих людей пропускали и обид никаких не чинили и для того послали в Тункинской письма. А что де в Нерчинску з богдойцами землю делили, и наперед де было богдойское войское, а та де земля мугальская, а не богдойская, а ныне де Мугальскую землю ведаем мы. И тоб де дело белым царем учинить по совету и с нами, а мунгалы де вам и нам супостаты, а которых остальных мугальских людей чтоб де нам за един поиск над ними чинить без остатку и тоб де добро».

И марта в 19 день стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский велел быть посланцом для переговоров против поданного переговоровного их письма.

И как они посланцы пришли, стольник и воевода говорил: в переговорном /л. 189/ де листу приказал ваш Бушухту хан на переговорах говорить ему стольнику и воеводе, что Григорей де Кибирев как к нему Бушухту хану приехал и говорил: Алехам хамба для чего де приходил и для какова дела.

И посланцы говорили: то де ему Григорью в ответе написано. Алехан ханба де приходил сперва к Бушухту хану послом от Богдо хана, чтоб Кутухту и Очирая ему Бушухту хану не воевать и что на них войною не ходить просил де тот Алехан ханбай

от Богдо хана с упрощением.

И стольник и воевода спрашивал: отчего де у Бушухту хана с Очи-роем и с Кутухтою учинилась ссора.

Посланцы говорили: назад де тому года с три посылали де Очирой хан и Кутухта и тайши и вся Мугальская земля к Далай ламе, которого они называют богом своим, чтоб он к ним приехал в Мугальскую землю. И хотели де они ему поклонитца и для всяких росправ меж Бушухту ханом /л. 190/ и Очироем и Кутухтою и промежь мугальскими тайшами. И он де Далай лама сам к ним не поехал, а послал для высочества своего, да и для того, что де он нарекаетца по их вере в бога и что де они в степи будут говорить и делать, он де Далай лама будучи у себя, где он живет, что промежь ими будет чинитца, хотя и сам де не поехал, обо всем знать будет. А послал де он от себя вместо себя первого своего кутухту Галдан тэбе. И как де приехал от Далай ламы в Мунгальскую землю к Очирою хану и к Джибджин Данбан кутухте и он де мунгальской кутухта ему Галдану тэбе чести не воздал, а довелось де было ему встретить и поклонитца и посадить выше себя, а он де ево не встретил и посадил ниже себя тремя ступени. И кутухта Галдан тэбе, видя себя обесчещена и осердяся на него, кутухту, и Очироя хана и на всю Мунгальскую землю, поехал к своему [401] далай ламе и, приехав, на Очироя хана и

Кутухту перед ним Далай ламою жаловался, /л. 191/ что де ево Далай ламу, а по нем и ево, Галдана тэбе кутухту, обезчестил и места против ево чести не дали. А с тем де кутухтою Галдан тэбем посланы были от калмыцкого Бушухту хана для проведыванья, что будет чинитца у Очироя и Кутухты на совете дворян ево Бушухту хановых три брата: Гунзел, Дугар, Араптан, чтоб об их совете ему, Бушухту хану, ве-дать. И оне де, Бушухту хановы братья, тут же в Мунгальской земле на месте гегеня кутухты и Очироя хана осудили и говорили, для чего де вы от Далай ламы Галдан тэбе кутухту обезчестили и не почтили, места ему по достоинству не дали. Знато де, что вы нечто думаете злое, или кроволитие. Вы, де, красные мунгалы живите де в красне, а мы желтые калмыки будем де желто и жить. И приехав де в свою Калмыцкую землю, сказал брату своему, Бушухту хану, от Далай ламы при кутухтине приезде и что они ево обезчестили и Бушухту хан де их осудил же и говорил: знато де, что есть у них некое злое намерение /л. 192/.

И после де того приезде в третей месяц Очирой хан поднялся с Толы з жилища своего Ханула воинским поведением на Бушухту хана, разсердясь за осудные речи братьей ево Бушухту хановых. А Бушухту хан де их стоял ургою в то время на Иртыше, а брат де ево, Бушухту ханов,

родной Дорзизаб стоял на урочище Хобду, от Бушухту хана в пятинатцати днях. А улусами де стояли не в собрание, порознь. А от Очироя де воинского наступления на себя не чаяли, и он де Очирой хан пришел к ним в Колмыцкую землю войною тайным обычаем, и нашли на них, на сонных, и того Бушухту ханова брата убили досмерти. И того де Дорзи Заба улусные люди побежали от него, Очироя, к Бушухту хану и шли отводом. И он де, Очирой хан, за теми калмыки гонялся в погоню да подданного Бушухту ханова мунгальского тайши Дэгдека мерген ахая и ево де, Дэгдека, убили, а улусных ево людей тысяч з десять и больши розделили войско по себе. А в то де время Дорьдзий Заба улусные люди ушли к Бушухту хану. И по ведомости от Дорзиевых/л. 193/ людей Бушухту хан скочевались все вместе.

И после того собрания спустя дней з десять Очирой хан с войски своими наступил не доезжая Бушухту хановы урги в половине кочевного днища, или меньши. А с ним де, Очироем ханом, было войска тысяста с три, или больши. И как де увидел Бушухту хан наступающее неприятельское на себя войско, и он де Бушухту хан убрався своими войски и Очирой де хан увидел Бушухту хановы силы, не дал бою, дал тыл и он де, Бушухту хан, за ним, Очироем, шел лехким делом тысяч в дватцати

назором до ево, Очироевы урги, до Ханулая, не напущая и не чиня на него ратного дела з боем. И Бушухту хан де доехав, напав на ургу Очироя хана и кутухты не застал, а застал де в урге только старых да малых да осталой живот и скот и то де все разорил. А которые тайши и стояли близь урги и тех тайшей тако ж разорил всех без остатку.

[402]/л. 194/ А слых де был Бушухту хану их, что брат де ево, Очироев, Сирисирей батур контазий разделясь, в тож время пошел с войною в сторону царьского величества со многими войски под Селенгинской и под иные остроги и слободы и против окольничего и воеводы Федора Алексеевича Головина с товарищи.

И услыша де Сирисирей батур контазий в степи Бушухту хана их, ис под Селенгинского и ис под ыных острогов отшел прочь и сошелся он Сирисирей з братом своим Очироем и собрався с войски своими из урочищ своих бежали в крепкие места [к] Колгою озеру. И Бушухту хан де их с урочища с Ханула пошел за ним Очироем сакмою их и достиг ево Колгое - [?]е озере и дали меж собою бой, и дрались меж себя трои сутки, денно и ночью безпрестанно. А на Бушухту ханову де сторону не пало войска ничег[o], только де убили у них Шарабу батурса да Юл Кашку, а мунгальские де силы подронили на том бою многие множество,

не мочно де было около того озера конем ездить, а около де озера был у них Очиroyа зделан земляной вал и копан ров. И они де калмыки пешотою из за их /л. 195/ мугальского валу били их, мунгал, из огненно-го ружья к озеру. А конной де их, калмыцкой караул кругом озера, а иные де стояли неподалеку на конях во всякой воинской готовности. И в четвертую де ночь Очиroyа хан з братом своим собрався, с своими небольшими лутчими людьми ночью ушел сквозь войско. И хто де из них попал, тех де побивали, а иные уходили вместе за ним же Очиroyем для того, что де ночь была осенняя темна и на завтра де Бушухту хан их на свету пошел за ними в погоню. И в том де походе в тыл их нагоняя, беспрестанно человек по дватцати и по тритцати побивали до Кеку хото города. А шел де он, Бушухту хан, за ним, Очиroyем, месяц и от того урочища поворотился в калмыцкую же свою землю, на старую ургу. И от того де у них за Далай ламу безчестье и кутухты ево и за убийства брата своего и за задор и наступления с войною на Бушухту хана их без причины о том и ныне война стоит. 3 Бушухту ханом де силы [?] боица с огненным ружьем было больши дватцати тысяч.

/л. 196/ Стольник и воевода спрашивал их посланцов про Далай ламу, далеко-ль он живет и близ которых государств и как ево урочище

словет и у которого моря и есть ли у него города.

Посланцы говорили:

Далай-де лама живет в полуденной стороне, а около де ево живут тангуты, служебники ево, а где де Далай лама живет и на том де месте построен город, а связи деревянные, а кладено меж тех связей кирпич всякой бут, а кругом связей кирпич же, а в городе мольбище, куды приходит Далай лама их, а по их то мольбище называют дзю. А в том де мольбище бурханы их разные, стоячие и сидячие, золотые и серебряные и на бумаге писанные разными обличьи. А верх де того мольбища весь позолочен. А на которой де земле далай ламы стоит город и в городе как проб... [?] земли малое число, и под землею де вода колыблетца и кажитца разными цветы. А тангутами розправую владеет тангуцкого же роду [403] выбран ис простово чину Диба. А посторонных улусных мунгальских людей розправую/л. 197/ владеет Далай хан. А ни с кем они не воюютца. А царьств никаких нет блиско, кроме Китайского государства да Бушухту хана да Далай хана.

Стольник и воевода говорил, что де в переговорном в листу вашем написано русского человека про Михаила Остафьева, которой был у Бушухту хана их, что де хотел ево послать посланцом за каким делом и в которой город.

Посланцы говорили: за каким делом ево, Михаила, Бушухту хан их посылал, того де они не ведают. И он де не поехал, а силою де ево Бушухту хан не послал, а посылал де ево с своими людьми посланцом в Ыркуцкой. А после де он от Бушухту хана отпущен для торгу своего в Китай.

Стольник и воевода говорил: для чего давать ясачным людям для знаку письма?

/л. 198/ Посланцы говорили: для того де как достальных мунгальцов Бушухту хан велит выискивать и чтоб де в неведании калмыком тех царского величества ясачных и подданных мунгальских людей не разорить и ссоры не учинить, чтоб де им по письмом знать, что они люди царского величества.

Стольник и воевода спрашивал против разговорного листа, что у них написано, что де делили землю з богдойцами и та земля мугальская, а не богдойская.

/л. 199/ Посланцы говорили: написано де то в листу для того, чтоб де учинить по совету и то де написал Бушухту хан их для того, что де преж сего была земля, на которой земле был построен Албазин, — мунгальская, а не богдойская. И мунгалами де и землею завладел он, Бушухту хан и тою землею Бушухту хан их великим /л. 200/ государем поступитца есть ли будет их царскому величеству угодно строить по

прежнему города, а богдохану де до той земли дела нет.

Стольник и воевода говорил, на которой де земле был поставлен Албазин и на той де земле великих и полномочных послов окольного и наместника брянского Федора Алексеевича Головина с товарищи при посольстве в съездных размовах поставлено, что на том месте великим государем и богдохану с обоих сторон городов не строить и о том учинены крепкие договоры, что тот Албазин снести и впредь ни с которые стороны городов не ставить.

Посланцы говорили: тою де землею поступитца великим государем Бушухту хан их, а богдохану до того дела нет, потому что Бушухту хан их мунгальскими головами и всею землею завладел, а богдохан де в тое землю вклепался напрасно, а искони де век, в прежние времени учинили рубеж богдойцы с мунгалы на низ, по правую сторону Амура реки до окяна моря по хребту Кунгани Копчи, а другой де конец по хребту близ их Калмыцкие земли до урочища, до Кыку пора озера, с полудня под запад, а по левую де сторону ниже Албазина, от хребта вниз по Амуру, никаких городов и слобод китайских не было и ныне нет, а город де Наун [404] слободами стоит на Китайской земле за порубежным вышеписанных хребтом, а от вышеписанного де порубежного

хребта ехать до Амура реки поперек, на скоро, дней пятнадцать и полдня до /л. 201/ сторону Амура реки, ниж Нерчинска и Албазина, жили тунгусы и якагиры и иные многие роды, мунгальские ж ясашные люди, а не китайские, вклепался де богдохан в тое землю напрасно.

Стольник и воевода спрашивал о вышеписанной же земле ниже Нерчинска и Албазина по обе стороны Амура по рубежи были-ль переговоры о той земле у Бушухту хана с китайскими посланцы.

Посланцы говорили: Бушухту хан де их китайским посланцом о той земле говорил, что де та земля мунгальская, а не их китайская и в ту де землю вклепывается богдокан напрасно.

Стольник и воевода спрашивал: какая де Бушухту хану от китайских посланцов была о той земле отповедь.

Посланцы говорили: против де той речи китайские посланцы Бушухту хану говорили, что де та земля подлинно была мунгальская, а не их, китайская. А иной де отповеди о той земле от посланцов не было.

/л. 202/ Стольник спросивал: в Нерчинской де от Бушухту хана вашего листы были-ль и в ыные города есть-ли?

Посланцы говорили: в Нерчинской де к воеводе и в ыные города листа и на словах ничево от Бушухту хана не приказано, потому, что де

преж сего в Нерчинску был он, посланец Дархан Оюки Кашка, дважды и от стольника и воеводы Федора Скрыпицына ему никакова ответу и письма к Бушухту хану их не было.

Стольник спрашивал: в службе де Бушухту хан ратных людей, зайсанов своих и иных меньших чинов чем жалует: серебром, или улусными людьми, или иным чем за их службу?

/л. 203/ Посланцы говорили: в службе Бушухту хан ратных своих чиновных людей жалует смотря по службе чинами и серебром и скотом, а в урге де своих чиновных людей и зайсанов жалует улусными людьми юрт по сту и по двести и велит им меж теми людьми ведать росправою, а служивых своих людей меньшаго чину в службе ничем не жалует, для того, что де они служилые люди, ходят на службу кочевьем и с своими табуны, а годового жалованья и месячных кормов никому нет.

/л. 204/ И после тех словесных переговоров стольник и воевода Леонтий Костянтинович Кислянский с посланцы говорил:

В прошлом де во 197-м году был в Ыркуцку при нем от калмыцкого Бушухту хана посланец Цохто Хашка, а с ним посланцы от кутухты Очир Дара–Соктолбу, от тайши Далай Цецен ноена–Сербе зайсан, от тайши Мерген тайчи–Илзету, от тайши Дайчин контазия–Цаган батур, от тайши Обога Мергеня–

Сокту табунан, от тайши Манш[и] ка–Лашки. И тот де калмыцкой посланец Цохто Хашка говорил, что де заказано ему от Бушухту хана говорить и в переговорах на словах сверх листов, что - де учинились [405] в подданстве Бушухту хану их вышепомянутые Очир Дар кутухта и тайши с улусными своими людьми, и чтоб де по прежнему с крайними великих государей людьми калмыцко[му] [?] их Бушухту хану также и которые учинились ему в подданстве мунгальские тайши и с ними жить бы в миру-ж.

И против того ему посланцу стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский говорил, чтоб де калмыцкие и мунгальские люди жили с крайними великих государей людьми безсорно, а крайних великих государей городов острогов русские люди калмыцкого Бушухту хана и с мунгальскими людьми ссор и задоров не чинят и впредь чинить не будут. И после того посольства в прошлом во 198-м⁴ и в нынешнем во 199-м⁵ годах те тайши /л. 205/ отгоняли ис под Тункинского острогу многие конные и рогатые табуны и чтоб Бушухту хан их тем своим подданным Очир дару кутухте и тайшам велел учинить заказ крепкой, чтоб они совершенно отгонять конные и рогатые табуны престали и никаких бы ссор и задоров с крайними великих государей людьми не чинили, а которые кон-

ные и рогатые табуны те подданные тайши отгоняли и чтоб Бушухту хан приказал те отгонные табуны сыскать и прислать в Тункинской.

И посланцы говорили: которые де крайные Бушухту хановы тайши и зайсаны или улусные их люди отогнали ис под Тункинского скот и кони воровски и о том де они Бушухту хану своему учинят извесно в доезде своем. А Бушухту хан де их тех тайшей про отгоны их велит сыскать подлинно и сыскав, скот велит прислать, а тайшей с людьми за вины их и за отгоны велит отдать головою их царского величества в теж города ис под которых они скот и кони отгоняли.

Посланцы-ж говорили: так же де бы и крайних великих государей городов ратные люди их, калмыцких людей и подданных мунгальских тайшей, не разоряли и чтоб о том учинить им приказ.

/л. 206/ Стольник и воевода тем посланцом говорил: русские де люди никогда с калмыцкими их и с подданными мунгальскими людьми никаких ссор и задоров не чинят и впредь чинить никогда не будут.

Стольник и воевода говорил: в нынешнем де во 199-м⁶ году в феврале месяце отогнали ис под Селенгинска воровские неприятельские люди великих государей конные и рогатые табуны также и жителей кони и скот весь без остатку. А по ведомостям отгону коней и ско-

та человек с тысячу, а половина де была калмыков, а другая половина мунгальских людей. И нет ли у калмыцкого их Бушухту хана беглецов калмыков, или подданных мунгальских тайшей.

[406] И посланцы говорили: у калмыцкого их Бушухту хана беглецов калмыков ныне не было, также де и подданных мунгальских тайшей никого нет же, разве де ходя ворует Чуван Ирдени Ахай которого разбил немирной тайша Катан батур.

Стольник и воевода говорил: в нынешнем же де во 199-м году по ведомостям красноярского присуду из Удинского острогу, что де воюет калмыцкой тайша Мунчук и около Канского острогу царского величества ясачных иноземцов многих побил и скотцкие/л. 207/ табуны многие отгонил. И хвалитца де тот Мунчук, собрався со многими своими прибранными воровскими людьми, итти воинским поведением царского величества на остроги, на Брацкой, и на Балаганской и под Иркутской и хочет розорять царского величества ясачных иноземцов и скотцкие табуны отгонять.

И посланцы говорили: у Бушухту хана де их такова тайши не бывало, а есть де особливой тайша Мунчук под Астраханью и чтоб де о таком пролыжном воровском тайше послать ныне к Бушухту хану их русского посланца, а от Бушухту хана на их о том пролыжном воров-

ском тайше тому посланцу отповедь будет подлинная.

Они-ж посланцы говорили: был де их калмыцкого Бушухту хана подданной кыргиской Ереняк, и того де Ереняка мунгальской тайша, которой де был в подданстве царского величества под Селенгинским изменяя, бежал в степь Эрдени контазий убил назад года с три. А хотел де тот Ереняк итти на службу вместе з Бушухту ханом.

Стольник и воевода говорил им посланцам: в нынешнем де во 199-м16 году февраля в 17 день по ведомости чрез отписки ис Тункинского острогу прикащика иркуцких конных казаков пятидесятника /л. 208/ Ерофея Могилева и по роспро[с]ным речам мунгальского выходца Тертейка, что калмыцкого Бушухту хана подданные мунгальские тайши Гунгы да с ним⁸ ... Мерген да Ахай Кунделен да Иши Учи зайсан собрався с мунгальскими людьми хотят итти войною под Тункинской острог и разорять около Тункинского и на Торской степи великих государей ясачных брацких мужиков, а конные и рогатые табуны отгонять, а подлинно они под владеньем калмыцкого Бушухту хана, или пролыгаютца, того не ведомо.

И против того посланцы говорили: те де люди новые, потому что де поддался мунгальской тайша Далай Цецен ноен Бушухту хану их не в давне, разве де те тайши под ним

Далаем, или остальные беглые, которые бегают от Бушухту хана. А Далай Цецен ноен у Бушухту хана их в полку умре, а на том де ево Далаеве месте, где он преж сего стоял ургою, ныне стоит на том месте от Бушухту хана их Ирким зайсан с калмыцкими людьми, а калмыков де с ним пять сот человек.

[407] Посланцы ж говорили: как де отпустил их посланцов Бушухту хан в русские города, также и посланцов своих в Китай к богдокану. И Бушухту хан де их где хотел кочевать /л. 209/ и зимовать, того де он Оюки Кашка от Бушухту хана своего не слыхал, а велел де ему Бушухту хан из Ыркуцкого на Селенгинские вершины, а тут ли де будет кочевать, или где инде, того не ведает, а по намерению де чаёт он посланец, что де ныне Бушухту хан их прошел Архон и тому стоит в урочище на породной своей земле Алтае.

Они ж посланцы говорили: Очирой де Саин хан и Джиб Дзин Данбан кутухта и с тайшами своими и с улусными людьми чают они, что в Китаех у богдо хана.

А нынешнего де 199-го⁹ году по весне Бушухту хан их под Китайскую стену войною пойдёт ли, или нет, того де они от Бушухту хана своего не слыхали.

Стольник и воевода спрашивал: слышно де у нас, что де у Бушухту хана вашего есть в полону особый владелец, а которой земли, про

то де не ведомо.

И посланцы говорили: в полону де у Бушухту хана бухарейской иркенской Абдуршту [?] хан и з женою своею. И взят де он войною, приступом к городом, назад тому лет з десять, а к тому де Иркеню [?] взято бухарейских городов с сорок. Владеет де ими Бушухту хан и с тех де городов емлет Бушухту хан их дань на себя, а иное де посылает то-е-ж дани к Далай ламе, в которого он Бушухту хан /л. 210/ верует. А в Ыркенском де посажен от Бушухту хана ханом Мамандимин хан и велено ему владеть и росправа чинить Иркенским и иными городами. А города де те все каменные. А тот де Маман Димин хан ханова ж колена иркенского Абдуршту хана брат. И на корм де от Бушухту хана идет тому полоненому Абдершту хану на год по тысяче лан серебра, так же и иные корм и скот. А из Ыркенского де к нему Обдуршту хану преж[н]ие ево бояра и бухарцы приезжают по-вольно.

Стольник и воевода спрашивал, по причине допросных речей тобольских казаков Кост.... Ключова [?] с товарищи, калмыцких посланцов о казачьей орде: какие они веры и за что учинилась з Бушухту ханом ссора и давно-ль.

Посланцы говорили: назад тому лет з десять верами де они, калмыцкой Бушухту хан и Казачья орда разные. Бушухту хан де их с калмыки и

с ыными орды верует в Далай ламу, а Казачья де орда верует особливо, по крымски в Махмета, обрезываютца по бусурменски. И посылал де Бушухту хан в Казачью орду, чтоб они съединачинились и веровали с ним, калмыцким Бушухту ханом и с ыными орды в одного Далай их ламу. От того де с ними учинилась и ссора, потому что они не похотели по калмыцки в Далай ламу веровать, /л. 211/ из за това у них были бои великие и многие де их города Бушухту хан их розорил. И на тех де боях взяли Казачьи орды владельца ханова сына, имя де ему Солтон. И [408] взяв де ево Солтона, отослали к своему Далай ламе. И тот де Солтон и до днесь у Далай ламы, а живет де он по воле и дают де ему честь достойную.

Стольник спрашивал: хто де в Казачье[й] орде владелец и как ево зовут и есть-ли у них города, или они кочевные люди.

Посланцы говорили: в Казачье де орде владелец Теуке хан, а жили де они городками, а городки де у них: в середине дерево, а промеж кладен кирпич, а толшина де тем городкам в аршин без чаз....¹⁰, а дворы де деланы так-же, как городки ис кирпичей же, а городов де у них одинатцать, а где де владелец Теуке хан живет и тот де город словоет Ясу, а величиною де тот город средней, а посады де кругом городков великие.

Стольник спрашивал: иным де

городам в Казачье орде как назвище?

И посланцы говорили: кроме де Ясу другой город Сайрам, третей Манкет, четвертой Хара Сман, пятой Чимыгэт/л. 212/, шестой Текесу, седьмой Бабан Елган, осьмой Хара Мурот, девятой Ташкент, десятой Чинас, а одинацатому де городу зов забыли, а стоит де на реке Цырцекте, а река де Цырцек шириною средняя, глубока вельми и быстра. Меж теми де городками езды город до города по половине дни и больши и по дню и по суткам. А кругом де городков посаду, а в городках де пушек нет, а мелково де ружья и лучного бою много, а копейного де люду малое число, а из луков де стрелять горазды. А в городках де поставлены мечети великие, где збираютца на мольбище и судебные де избы в городех построены и сидят для росправы воеводы, а называютца де они беки и беи.

Стольник спрашивал: в Казачье де орде по городом и по селам есть ли хлебные пашни и какой скот, также растут ли у них какие овощи?

Посланцы говорили: в Казачье де орде хлеба всякого пашут в близи у городков и отъезжая по селам много, а скота де всякого многое ж число, а скот де у них верблюды и кони и ишаки и всякой рогатой скот, так же де в городех и в селех многие сады, а в садах всякие овощи, яблока и виноград и вишни и черносливы и шебуга и орехи большие волоские,

также и иные многие овощи есть же.

/л. 213/ Стольник спрашивал: из вышеписанных де городов в Казачье орде Бушухту хан много ль городов воинским наступлением разорил.

Посланики говорили: в Казачье в орде только остался адин¹¹ Ясун город где живет владелец Теукэ хан, а те де вышеписанные девять городов, и в городех дворы, разбиты все и люди развоеваны от Бушухту хана их. А ис тех де десятой городок Ташкент [409] остался в целости для того, что де учинились они того городка люди Бушухту хану их в подданство и дали с себя ясак.

Стольник спрашивал: Казачьи де орды с ханом на поле поскольку тысяч силы выезжает.

Посланцы говорили: с ханом де Казачьи орды силы на поле выезжает тысяч по десяти и больши.

Стольник спрашивал: у калмыцкого их у Бухушта хана, где в урочище прямое породное жилище.

Посланцы говорили: калмыцкого де их Бушухту хана прямое породное жилище вверх по Иртышу, а урочище де тому породному месту Алтай, где он кочует и воюет, а всегда приходит на ту свою породную землю, а их де Казачьи орды жилище /л. 214/ по другую сторону Иртыша реки от полудня под запад. А как де переправясь Иртыш реку с породные калмыцкие земли от Алтая до Ямышева озера средним кочевьем итти без мелкова скота дней

з дватцать, а с Олтая де до Казачьи орды воинским поведением месяц, а от Ямышева де озера Казачьи орды до Ясу города, где живет Теукэ хан недалеко-итти воинским поведением дней дватцать, или меньши, а наскоро де гнать гонцом дней десять.

Стольник спрашивал: от Ямышева де озера до Ясу города живут ли какие кочевные иноземцы и буде живут под чьим они владением?

Посланцы говорили: от Ямышева де озера до Ясу города живут кочевные иноземцы; называют де их хара халбаки, а ясаку де не платят никому, живут в захребетье, а называют они будто платят ясак казачью владельцу Теука хану. А едучи де от Ямышева озера до Ясу города, рек и гор великих нет, а водою нужда не возмет, а Ямышево де озеро и около озера степи были искони вечно Бушухту хана их, а ныне де то озеро великих государей. А от Ямышева де озера вниз по Иртышу реке во кочевных ево Бушухту хановых телеутцких Кукан батура езду десять дней, ево-ж де Бушухту ханова степь и доньне, /л. 215/ А от урочища де породные калмыцкие земли от Алтая на низ по Иртышу до Ямышева озера кочуют де калмыки ево ж Бушухту хановы.

Стольник спрашивал: за Казачью де ордою есть ли иные какие люди и у них владельцы.

Посланцы говорили: от Ясун де города кочевьем итти десять дней

живут бухарцы особливые, а владеет де теми бухарцы Энюша хан, а города де у них каменные, а пушек нет, а бой де у них мелкова ружья ручной да лучной.

Стольник спрашивал: много ль де у них из Бухарей в степь войска против наступления неприятелей выходит.

Посланцы говорили: калмыцкому де Бушухту хану с ними бухарцы боев чинить не случилось, а живут де в миру; присылают де к Бушухту хану с подарками, а походы де живут у них воинским поведением малые с Казачьею ордою; год де живут смирно и торгуют, а иным де годом дерутца.

[410] Стольник спрашивал: за Бухарею де есть ли какие иные владельцы?

Посланцы говорили: за Бухарею де есть меж полудня и запада Хачинской владелец Дзон лен декелбу и тому /л. 216/ де прошло назад тринадцать лет, приходил де он Дзон лен декелбу к Далай их ламе на поклон. А сказывают де, что у них города каменные и людей многолюдство.

/л. 217/ И говоря отпустил их посланцов в юрты их.

Того ж числа стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский велел тем посланцом учинить поденной корм против прежнего, каковы кормы даваны наперед сего в Ыркуцку калмыцким же посланцом.

И по приказу стольника и во-

еводы Леонтя Костянтиновича Кислянского давано тем калмыцким посланцам на поденной корм в Удинску и в Ыльинской слободе и на Кабанье заимке так же и в Ыркуцку с зборным с ясачных людей рогатым скотом.

А на корм тем калмыцким посланцам вышло марта з 7-го числа майя по 29 день 42 скотины, 36 баранов, 6 пуд 3 чети щук казенных, которые збираны на великих государей в десятую, 20 пуд муки ржаной, полтора пуда соли.

Иноземские речи при посольстве толмачили иркуцкие конные казаки—десятник Григорей Кибирев, Мишка Епифанов; селенгинские служилые люди—десятник Гурка Уразов, рядовые Петрушка Кыргыз, Ивашко Белогубов.

И майя в 25 день стольник и воевода Леонтей Костянтинович Кислянский призвал тех посланцов, велел сказать Очин Кашхе об отпуске к великим государем, к Москве, с листом, а Дархан Оюки Кашке от отпуску х калмыцкому их Бушухту хану с листом же и статьями и приказал калмыцкому посланцу Очин Кашке, людем и кошеваром ево дать в дорогу корму ему Кашке на день по два алтына, по две деньги; людем ево пяти человеком по алтыну, по четыре деньги; кошеваром, четверем человеком, по алтыну по две деньги.

Всего дано ему на месяц 14 рублей 13 алтын 2 деньги отпущены майя в ... день.

ЦГАДА, ф. 214–Сибирский приказ, столб. 544, лл. 163–217. Подлинник.

Примечания:

¹ 1691 год.

² В рукописи: «войского».

³ В рукописи: «войское».

⁵ 1690/91 год.

⁶ 1691 год.

⁷ 1691 год.

⁸ Далее собственное имя, разобрать невозможно.

⁹ 1691 год.

¹⁰ В подлиннике оборвано.

¹¹ В рукописи это слово повторено дважды.

Воспроизводится по:

Сборник документов по истории Бурятии XVII век, Улан-Удэ, Выпуск 1. 1960г. С. 392–410.

№ 141

1695 г. июня 6. – Грамота, данная плененному из Албазина, в Пекин Православному Священнику Максиму Леонтиеву на освящение данного Китайским Богдыханом храма и на отправление в нем священнослужения¹.

Божиею милостию великий господин Преосвященный Игнатий, Архиепископ Тобольский и всея Сибири митрополит.

О святем Дусе сыну и сослужите-

лю нашего смирения, проповеднику Святаго Евангелия в Китайском царствии, благоговейному Иерею Максиму Леонтиеву и всем православным христианам, обитающим в

Китайском царствии, Архипастырское благословение.

Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа и Святаго Животворящаго Духа.

Благодарю Бога моего всегда о вас, о благодати Божии, данной вам о Христе Иисусе: яко во всем обогати-[67]стеся, аще и в пленении суще, о нем во всяком слове и всяком разуме, якоже свидетельство Христово известися в вас, якоже вам не лишиться ни во едином даровании, чающим откровение Господа нашего Иисуса Христа, иже и утвердить вас даже до конца неповинных в день Господа нашего Иисуса Христа; верен Бог, им же звани бывше в общение, еже есть во святое крещение Сына Его Иисуса Христа Господа нашего.

Молю же вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде мудрствуете вси в православии Христианской вере, еже веровати вам во Отца и Сына и Святаго Духа, в триех ипостасех прославляемого, во единстве же. Божества песнословимаго. Слышахом бо от благочестивых купцов, ходивших к вам в Китай; яко по Божии воли Китайский владелец Богдыханово Высочество подал вам свободно имети святую православную христианскую веру, и своя веры Бурханские храм отдаде Богу, в Троице святей нами прославляемому, в жилище, прежде предпочистив от сво-

их бурханов, всех их вон износив; вы же яко благочестивые, и наших пресветлых Монархов Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России Самодержцев и многих царств и княжений обладателей, бывшие верныя Богомольцы..... из Албазина.....² христианскою святынею, поставлеением Животворящаго Креста на церкви, призыванием во церковь, сиречь колоколами, а в нем Чудотворными иконами Святыя Единосущные и Животворящая и Неразделимыя Троицы, и воплощения Сына Божия единого от Святыя Троицы, потом же и Пресвятыя Славныя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии и Божественных Ангелов и Святаго Предтечи Великаго Иоанна Крестителя, и святых славных Верховных Апостол Петра и Павла, и всех Святых Апостолов и всех святых. И в прошлом 7202 году бил челом нам [68] великому господину гостей Василья и Алексея Филатьевых, прикащик их Василий Лобанов с товарищи всего коровану, которые пошли в Китайское царство, чтоб нам великому господину в том храме совершенную Христианскую Святыню исполнить и послать святой антиминс и миро и масло к тебе Священноиерею Максиму Леонтиеву, и ту церковь освятить, и святыя Литургии в нем служить. И в нынешнем 203-м

году повелением Великих Государей наших Пресветлых Царей и Великих Князей Ионна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России Самодержцев, благословением же великаго господина и Государя отца нашего Божиею милостию Всесвятейшаго Кир Адриана, Архиепископа Царствующаго великаго града Москвы и всея великия и малыя и белыя России и северных стран Патриарха, вкупе ж и нашим Архиерейским благословением же и священнодейством послахом к нам в Китайское царство в той святыи храм, от Государя Вашего данный вам, святыи антиминс м миро и масло, во еже его освятити, и престол Божественный поставив и совершив, служити тебе Иерею Максиму благословляем святыи Литургии, а тот святыи антиминс и всякия церковныя потребы посланы со священником Григорьем Верхотурским, да Сибирския Соборныя великия церкви Святыи неизреченныя Софии премудрости Слова Божия с дьяконом Лаврентием Ивановым, с ними же от нас великаго господина послано к вам и церковныя потребы: первое, святое Евангелие напрестольное, обложено в бархат черной, Евангелисты серебряныя басманные, по обрезау золото, служебники и служебныя сосуды серебряныя, крест святыи серебряной, обложенный чеканной благославлящей, Апостол, Псалтирь

большая следованная, шестидневной октоих, миния общая с господскими праздники, потребник, всего семь книг; и вам бы у них принять с роспискою, и в церкви святой по них исполнять.

А святую ту церковь построить и в ней олтари перегородить, а буде возможно испросити, чтоб олтарь той, яко бы попом нашим для молитвы построить; а буде невозможно, и того не просити, но в той церкви олтарь отделить тое церкви треть, а две доли пустити в церковь.

А святити ту церковь: прежде молитвы прочитати основания на церковь креста поставлении, а потом по требнику [69] чин освящения, вечерня в всенощное, и после утрени молебен и водосвятие, и облачение святаго престола, его же должна сделать всем караваном, и потом хождение круг церкви со святым антиминсом направо к полудни, а не по арменску к полуночи, еже они творят по солнцу; и потом, положив антиминс на святой престол и соверша все по чиновнику, которой к вам послал с теми же книгами, служити святая литургия, и молити Господа Бога в Троице святей славимаго о вселенском устроении и о благостоянии святых Божиих церквей и о многолетнем здравии Великих Государей наших Пресветлых Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия и малые

и белыя России Самодержцев и о их Государских благоверных Царицах и Великих Княгинях Параскеве Феодоровне, Евдокии Федоровне и о их Государской Невестке супруги блаженныя памяти брата их Великих Государей Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича, всяя великия и малыя и белыя России Самодержца, благоверной Царице и Великой Княгине Марфе Матфеевне, и о Благородном Государе нашем Царевиче, и Великом Князе Алексее Петровиче, всяя великия и малыя и белыя России, и о их Государской Тетке, благоверной Царевне и Великой Княжне Татiane Михайловне, и о их Государских Сестрах Благоверных Царевнах и Великих Княжнах Евдокии Алексеевне, Марфе Алексеевне, Софии Алексеевне, Екатерине Алексеевне, Марии Алексеевне, Феодосии Алексеевне, Наталии Алексеевне, и Великаго Государя Царя и Великаго Князя Иоанна Алексеевича, всяя великия и малыя и белыя России Самодержца, о Дщерех Благородных Царевнах и Великих Княжнах Екатерине Иоанновне, Анне Иоанновне, Параскеве Иоанновне, и о Великом Господине и Государе отце нашем Всесвятейшем Кир Адриане Архиепископе Московском и всяя России и всех северных стран Патриархе и о Святейших четверопрестольных Вселенских Патриарсах: Каллинике Константинопольском, Герасиме

Александрийском, Афанасии Антиохийском, Досифее Иерусалимском, и о всех Архiereех Греческих и Российских Преосвященных Митрополитех, Архиепископех и Епископех, купно ж и о нашем смиреннии и о всем освященном соборе. Во ектение же, по Евангелии, еже есть; [70] рцем вси, приложити бы вам Ектению, еже есть прошение и о вашем Китайском Богдыханове Высочестве, хотя он и не христианской веры, и за Боляр его, да вручена от Бога ему Китайская страна, и сего ради и за него молитися подобает по Апостола Павла гласу, яко глаголет в послании к Тимофею первом, во главе второй, зачала 282: молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за вся, иже во власти суть, да тихо и безмолвно житие проживем во всяком благоверии и чистоте; се бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, иже всем человеком хочет спастися и в разум истинный приити. Молитися же сице, после Государских ектений и «еще молимся Господу Богу нашему помиловати раба своего имярек Богдыханова Высочества, как его в титулах пишут, умножити лет живота его и даровати ему благородная чада в наследие рода их, и избавити его и Боляр его от всякия скорби, гнева и нужды и от всякия болезни душевныя и телесныя, и открыти им свет Евангельскаго просвещения, и

простити ему всякое согрешение вольное и невольное, и соедини-ти его святей его соборней и апостольской церкви, яко да получит и царствие небесное». Лик же поют: Господи помилуй трижды. И потом прочии Ектении о плодоносящих; а сию б Ектению тебе иерею Максиму учинити периевод Китайским языком, а Русским языком буде и говоришь, и оне того не знают.

А как сия вся по вышеписанному о освящении святого храма Святыя Софии премудрости Божия исполнится, и тебе б о том нам на письме объявить; а тебя Максима благословляю аз смиренный в той святой церкви служить до кончины жития твоего невозбранно. Аще ли имеши у себя сына, могущаго имети диаконства час, да припшлещи его к нам, и мы посвятим его в диаконское служение и к тебе отпустим со всякою честию. Радуюся убо аз о твоём исправлении, аще и в

плене пребываеши, но сам с Божиею помощию пленяеши человеки, неведущия в познание Евангельския правды: и сего ради, возлюбленне, да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всех плененных с тобою о вашем таковом случае, понеже Божии воли кто противитися может? а пленение ваше не без пользы Китайским жителем, яко Христовы право-[71]славныя веры свет им вами открывается, и вам спасение душевное и небесная мзда умножается, по святому апостолу Иакову, еже пишет в конце своего послания, глаголя: братие, аще кто в вас заблудит от пути истины и обратит кто его, да весть, яко обративый грешника от заблуждения пути его, и спасет душу его от смерти и покрывает множество грехов. Писан царства Сибирскаго в первопрестольном и Богоспасаемом граде Тобольске и в нашем архиерейском дому лета 7203, июня в 6 день ³.

Примечания:

¹ Грамота эта открыта бывшим в Пекине Архимандритом Софронием Грибовским в архиве тамошняго Сретенскаго монастыря и представлена Святейшему Синоду в 1809 году, по возвращении из Пекина в С.-Петербург. Она помещена в истории Россииской Иерархии. М. 1810. Часть 2. Стр. 491–500.

² В подлиннике на згибе столбца слова стерты, так что разобрать было невозможно; но по смыслу речи должно разуместь, что Албазинцы, бывшие верными сынами Св. православной церкви, пленниками взятые в Пекин, – явились в Китайском Государстве провозвестниками Св. православной

веры с принесенною ими из Албазина христианскою Святынею и проч.

³ Священник Григорий и диакон Лаврентий, при караване купцов Филатьевых, приехали в Китай чрез Забайкалье в следующем 1696 году. В этом удостоверяет нас собственноручная росписка диакона Лаврентия в получении денег на путевое содержание от заказчика Даурской десятины. Вот она: «204-го (1696 г.) месяца февраля в 5-й день, по указу великаго господина, преосвященнаго Игнатия митрополита. Сибирскаго и Тобольскаго и по, грамоте, принял Софейскаго собора диакон Лаврентей Иванов с Селенгинскаго Троицкаго монастыря игумена Мисаила десять рублей сборных казенных денег, в том ему игумену Мисаилу и сию росписку дал и росписку писал он диакон Лаврентей Иванов своею рукою» (Архив Троиц, Селенгин. мон.).

Воспроизводится по:

Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653 - 1726) и сведения о Даурской миссии. Собранные миссионером архим. Мелетием. Казань, 1875. С. 66 - 71.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 142

1697 г. – Из дела о «бунте заморских казаков» против иркуцкого воеводы Афанасья Савелова 1696г.

О бунте заморских казаков

/стр. 98/ В 1697 г. октября в 18 день к Москве в Афонасьеовой отписке Савелова написано: в 1696 г. в феврале месяце селенгинский сын

боярский Петрушка Арсеньев да новоприсланные в Удинск полковые стрельцы забунтовали, подговоря к себе прежних селенгинских, Ильинского и Кабанского острога служилых людей, а иных взяв по неволе и

промеж себя написав письменные крепости; проезжих людей и тутошних жителей грабят и присланных людей, кои посланы при нем, Афонасье, переменяют и указных памятей ни в каких делах не слушают. И для уговору де их в Удинск и в Селенгинск посылал он протопопа и детей боярских, Ивана Перфильева и служилых людей, чтобы их от тех злых дел уговорить. И они де уговору учинились [423] ослушны и от такого злого начинания не престают и похваляются идти во множестве в Иркутск и грозят многих иркуцких жителей побить и грабить. А Удинской де и Селенгинской и Кабанской остроги в самой близости от мунгальских людей и от иных родов немирных иноземцев. И чтоб де слыша их такую шатость, от иноземцев государевым городам какой порухи не учинилось и ему, Афонасью от великого государя в опале не быть. Да в челобитной удинского прикащика Андрея Бейтона, какову прислал из Иркутска к Москве Афанасий Савелов с вышеписанною своею отпискою, написано: удинские де казаки взбунтовались и пограбили животы Василья Арсеньева и впредь грабить хвалятся, а унять их невозможно и государеву указу чинятся непослушны, /стр. 99/ А которые де старые казаки не хотят к такому,у бунту пристать, и тех бьют на смерть и хотят бросить в воду, и чтоб челобитье его в Ир-

куцкой записать. В 1697 г. декабря 8 писал к великому государю к Москве из Иркутска он же, Афанасий: в 1696 г. мая 19 воровски приплыли в Иркутской из-за Байкала моря в 2 пойма на дощанике да на каюке человек в двухстех и больши с ружьем и с знамены и с барабаны и во всякой готовности, будто к воинскому делу, не по прежней обычности, удинские, селенгинские и кабанские и ильинские служилые люди, конные и пешие казаки и полковые стрельцы: Антошка Березовский, Миска Борисов, Ивашка Алемасов, Емелька Паникадильщик, Куземка Кудреватый, Данилка Фык с товарищи и пришед бунтом к городу и к воеводскому двору в многолюдстве и просили государева денежного, хлебного и соляного жалованья впредь на 1697 г. и дощаников. А на 1696 г. государевым и хлебным и соляным жалованьем все они полными оклады и на прошлый 1695 г. пожалованы, только де на 1696 г. не додано селенгинским полковым конным и пешим казакам денег 97 р. 17 алт. 2 д. И он, Афонасий, им селенгинским государево хлебное жалованье в додачу на 1696 и впредь на 1697 годы оклады их хлебные и соляные выдал сполна, а о денежном де жалованье он, Афонасий, им сказал, что выдано им будет из иркуцких доходов на 1697 г., как казна в сборе будет, и дощаники и всякие припасы отвезть им велел. И мая же

в 20 числе Антошка Березовский с товарищи во многолюдстве, человек в 200 и больши, пришли к городу и к воеводскому двору в другой ряд с дубьем и кричали в кругу градским жителям, чтобы ему, Афонасью от воеводства отказать и в приказную избу не пустить и посадить своего воровского приказного и над государевою казною поруку учинить, и сказывали на него, Афонасья, государево дело и измену, а какое дело и измена, того де они, воры, Антошка Березовский с товарищи, всяких чинов градским людям не сказали, а он, Афонасий, за собою великого государя дела и измены никакой не знает, а как де они, вышеписанные служилые люди, /стр. 100/ к городу и к воеводскому двору бунтом приходили и какие непристойные речи говорили, и о том де ему, Афонасью, всяких чинов градские жители и Софейского дому сын боярский [424] Иван Толстоухов да Сибирского приказа подьячий Яков Чернигов подали за руками скаски. И поплыв де из Иркутка на низ Ангары реки в Идинском и Вельском острогах и по заимкам всяких чинов жителей разоряли и животы их пограбили без остатку и они де, удинские и селенгинские и полковые служилые люди, прибрав к себе на дощаники беглых полковых стрельцов и беглых холопей и ясырей с женами и с детьми и с животы, пришед в Иркуткой с государевым хлебным жалованьем,

которое хлебное жалованье они, удинские и селенгинские служилые люди, брали в Вельском остроге, приваля к городу бунтом, умысля воровски в третье порядным делом с ружьем к городу и к воеводскому двору к нему Афонасью, приступили и из пищалей к стрельбе на него, Афонасья, и на градских всяких чинов жителей прикладывались и хотели иркуцких всяких чинов жителей из ружья побить и город и дворы [со] стороны хотели зажечь, и он де, Афонасий, с градскими всяких чинов людьми сидели в городе от их воровского бунту и приступу 7 дней. И видя де он, Афонасий, такой их воровской вымысл и бунт и к городу приступ и к разоренью и к пожегу похвальныя их слова, что хотят над государевым городом и над казною такое разоренье учинить, посылал он, Афонасий, к ним на дощаники не по одно время детей боярских, Ивана Перфильева с товарищи, и служилых и посадских людей, и пашенных крестьян для уговору их, заморских служилых людей, и они де в разговор не дались и от города не пошли и говорили, что они под Иркуткой зимою будут человек в пяти или шти стах и над ним, Афонасьем, и над градскими людьми всякое разоренье учинят. И подали они, посыльщики, сын боярский Иван Перфильев с товарищи, за руками скаски. Да в 1696 г. июля 18 били челом великому государю

и ему, Афонасью, подали за руками челобитную всего городу и присуду слобод и заимок церковные причетники и казачий голова и дети /стр. 101/ боярские и казаки и стрельцы и посадские люди и пашенные крестьяне и всяких чинов жители. И он де, Афонасий тое их челобитную и списки сына боярского Ивана Перфильева с товарищи и подьячего Якова Чернцова и Софейского дома сына боярского и красноярского сына боярского Василья Саламатова под отпискою своею послал к Москве. Да в 1695 г. писал из Енисейска в Иркутск к воеводе князю Ивану Гагарину воевода Степан Коробьин, а в отписке его написано: писали де к нему, Степану, из Тобольска воеводы Андрей Федорович, Нарышкин с товарищи, что писал де к ним в Тобольск из Нарыма воевода Алексей Биркин: в 1693 г. посланы из Тобольска на государеву службу тобольские и тюменские казачьи дети в даурские остроги, и как де они пришли в Нарым и из тобольских казачьих детей Петрушка Сорокин с товарищи 100 человек в Нарыме к острогу приступали с великим шумом и боем, с канатами и с баграми, и на острог канаты наметывали и острог хотели выломить и государеву казну пограбить и торговых людей из острогу прошали, [425] из животов их хотели мучить. Да они ж де в Томском и в Кецком и в Енисейском уездах по заимкам

и по деревням у многих жилецких и у торговых людей животы и скот грабили, и о том де их воровстве и грабеже из Тобольска и из Енисейска в Иркутской воеводы писали. И про то де их воровство и грабеж в Иркутску при князь Иване Гагарине разыскивано и те де вышеписанные воры в воровствах своих и в грабежах многие винулись, а иные посланы были из Иркутска на государеву службу в Удинской да в Селенгинской до воеводских отписок, а за то де их воровство и за грабеж, и что они приступали в Нарыме к острогу и хотели Нарымской острог разорить и государеву казну пограбить, тем ворах по государеву указу и по новым статьям указу никакого не учинено. Да они ж де ведомые воры и бунтовщики Кабанского острога служилые люди, Куземка Кудреватый с товарищи, били челом великому государю, а в Иркутску подали ему, Афонасью, челобитную о хлебном жалованье, и в той де челобитной написали они, Куземка с товарищи /стр. 102/ целыми именами, и о той де их удинских и селенгинских, кабанских и ильинских острогов служилых людей воровском умысле и о приступе, что они учинили бунт, и градским людям разорение и грабеж и в похвальных их словах и против челобитья всех градских людей великого государя указ бы ему учинить.

Антошка Березовский сказал: в

прошлом де в 1696 г. по отпуску селенгинского прикащика Остафья Перфильева и по выбору селенгинских всех служилых людей ездил селенгинский казак Сенка Краснояр в Иркутской битъ челом великому государю о государственном денежном жалованье селенгинским служилым людям на 1696 г. при бытности в Иркутском на воеводстве Афонасья Савелова. А он де, Антошка, в то время был в своей деревне и в то время воевода Афонасий Савелов послал знакомя своего Гаврила Коноплева через Селенгинск к калмыцкому Бутухту хану в улусы с товары своими для торгу и селенгинские де служилые люди, по письму челобитчика своего Сенки Краснояра с товары остановили и товары у него взяли для того, что в письме Сенки Краснояра к ним писано, что Афонасий Савелов в даче государева жалованья им отказал, а Гаврила Коноплева отпустили в Иркутской. А в то де время он, Антошка, в Селенгинску не был же, а был в Иркутском для государева денежного жалованья. А от выдачи де жалованья взял с него Афонасий Савелов от 4 р. от 29 алт. рубль. И как де он, Антошка, приехал из Иркутка в деревню свою, из Селенгинска де прикащик Остафий Перфильев прислал к нему память, чтоб собрать по деревням селенгинских детей боярских и пятидесятников и десятников и рядовых служилых людей низовых жителей и взяв

их с собою приехал бы в Селенгинск для государева дела. И в той же памяти приехал в Селенгинск сын боярский Петр Арсеньев да пятидесятники Митка Таракановский, Левка Чужанин, десятники Стенка Харитонов, Степка Бурдуковский и рядовые Ивашко[426] Брянской с товарищи, а сколько числом, того, сказал, не упомнит. И в то же время в Ильинской де острог приехал из Иркутка челобитчик их Сенка/стр. 103/ Краснояр, а с собою привез государственной казны на дачу селенгинским служилым людям денег 100 р. и из Иркутского острогу он, Антошка, и с ним вышеписанные служилые люди Петрушка Арсеньев с товарищи, и Сенка Краснояр с тою государственною казною поехали в Селенгинск. И поехав де он, Антошка, из Ильинского, взял с собою знамя свое небольшое китайчатое белой да черной китайки мерою в аршин и больше для проезду и бережи государственной казны от неприятельских иноземцев. А из Ильинского де острогу приехав Антошка и Петрушка Арсеньев с товарищи и Сенка Краснояр с вышеписанною казною государственною, знамени с орлом, от приказных избы он, Антошка, и Петрушка Арсеньев и Митка Таракановский с товарищи не имывали и в город к угловой башне не принашивали и под то государево знамя его, Антошку, служилые люди не саживали. И Петрушка де Арсеньев с

товарищи с ним, Антошкою, по донскому извычаю около его, Антошки, не сидели. И ссыльного вора Ганку Безрукого из-за караула они, Антошка с товарищи, ни под какое знамя не важивали и под знаменем не пытали. Тем де он, Ганка, его, Антошку, поклепал воровски, напрасно. А после де его Антошкина с товарищи в Селенгинск приезде на третий день били челом селенгинские служилые люди, Петрушка Арсеньев с товарищи, селенгинскому прикащику Остафью Перфильеву, чтобы его, Ганку, распросил и бил батоги, для чего у него, Ганки, с товарищи взятые животы Афонасья Савелова не все в целости, которые взяты у человека его, Афонасья, у Ганки Матвеева на Посольском мысу без их, служилых людей, совету, и те животы были в суммах, и те сумы явились порезаны. И прикащик де Остафий Перфильев по тому их словесному челобитью для допросу того Ганку Безрукого в приказную избу перед себя взять не велел, а велел его распросить ему, Антошке. А Антошка де Березовский, распрося, бил его батоги при многих людях для того, что у товарища его Ганкина у Зойки Новокрещена по осмотру явились тех соболей товаров в рухлядишке их пупок соболей. И тот де Ганка Безрукой в том воровстве не винулся, а Ганка де /стр. 104/ Безрукой ведомой вор и казнен за то, что, будучи в Тоболь-

ску, стоял на карауле у бухарских посланцев и товарищев своих, двух служилых людей, зарезал ножом и у бухарцев покрал многие животы и за то был приговорен к смерти. И вместо смертной казни сослан в ссылку в Албазин и после Албазинского разоренья приверстан в службу в Селенгинский. А взятые же товары Афонасья Савелова, которые взяты у знакомого его, селенгинские и ильинские и кабанские служилые люди разделили по жеребьям за то, что он им на 1696 г. денежного и хлебного жалованья не выдал и чинил им многие убытки и разоренье. А ему де, Антошке, достались по разделу рысь, 19 корсаков, 22 белки, сукна вершок шапочный, четверть кожи яловочной. И те де товары променил[427] он иноземцам на китайки. А сколько де у него, Афонасья, послано было каких товаров с Гаврилом Коноплевым и тем де товарам служилые люди взяли у него, Гаврила, переписную тетрадь за Афонасьевою рукою, и та де тетрадь в Селенгинску у выборных их челобитчиков. И в 1696 же году взяли его, Антошку, селенгинские служилые люди в неволю, чтоб он с ними ехал в Иркутск для взятья государева хлебного жалованья. И как де они ехали Байкалом морем, и к ним приезжали из деревни 3 человека и говорили, чтобы они дощаником шли бережно для того, что хочет их в Иркутской хватать и мучить воевода

Афонасий Савелов за взятые свои товары, что взяты у знакомого его. А как де он, Антошка, и селенгинские и ильинские и кабанские и удинские служилые люди шли к Иркутску по Ангаре и не доходя Иркутска за полверсты знамя развешивали и из мелкого ружья по выстрелу стреляли пыжами и в барабаны били и, приплыв к берегу, ко кресту пристали и, пристав, знамя на дощаниках свернули и ружье положили в дощаник, а ниже де города на прежнее пристанище дощаников идти они за Афонасьевыми угрозами Савелова не смели. И на дощаник приходил к ним иркуцкий сын боярский Федор Черниговский с служилыми людьми сам третей и звали их, Антошку, не со многими людьми к Афонасью Савелову. И он де, Антошка, за устрашением к /стр. 105/ нему не пошли для того, что слышали они, Антошка с товарищи, идучи в Иркутской у сторонних людей, о которых у него в распросе сказано выше сего, что хочет он, Афонасий, за взятые свои товары хватать их в Иркутской и мучить. И после де того вскоре приходил к ним на дощаник Афонасья ж Савелова иркуцкой же сын боярский Иван Перфильев да верхоленской служилой человек Афонасий Шеметов, чтоб они к Афонасью Савелову шли с отписками в скольких человеках они похотят. И они де, Антошка с товарищи, всего 30 человек, к нему, Афонасью,

пошли с отписки: он, Антошка, с отписки из Селенгинска от Остафья Перфильева, а Ивашка Алемасов да Миска Борисов с отписками ж от Андрея Бейтона. И пришли к городской стене, которая на берегу реки Ангары. И Афонасий Савелов в то время стоял на городской стене с иркуцкими жителями всяких чинов людьми. И их, Антошку с товарищи, звал он, Афонасий Савелов, с отписки на городовую стену. И они де, Антошка с товарищи, с отписки к нему, Афонасью, на городовую стену идти не смели, и говорили ему, Афонасью, он, Антошка с товарищи, чтоб он, Афонасий, принял от них отписки в приказе. И он де им сказал, что в город их не пустят. И они де, Антошка и Миска Борисов и Ивашка Пинегин, пришел де к нему, Афонасью, на городовую стену отписки ему, Афонасью, подали и били челом ему, Афонасью, чтоб селенгинским, и ильинским и кабанским служилым людям под их хлебные запасы дал дощаники с припасы против прежнего, и он, Афонасий, дал им прежний старый дощаник, и как де тот дощаник и в целости был, и в то де время поднимал он хлебных запасов самое малое число. И они де, [428] служилые люди, починя тот дощаник, били челом ему, Афонасью, о даче хлебного жалованья и о судовых припасах. И он де, Афонасий манил им в том 2 дни. И на третий день вышел он, Афона-

сий, на городовую стену, где у них принял отписки, и он де, Антошка с товарищи, о хлебном жалованье и о судах бил челом, и он де, Афонасий, в том им отказал и всех их на дощаниках велел /стр. 106/ от берега отбить иркуцким детям боярским Евдокиму Курдюкову, Федору Черниговскому, Максиму Поршенникову с служилыми людьми. И те де дощаники от берегу прочь отбили бревнами и дощаничными парусными райнами. И на том де отбою от дощаников их две лодки завозни изломали. И дощаники де с ними служилыми людьми после отбою поплыли на низ Ангараю рекою. А к берегу они, Антошка, с товарищи, дощаниками своими пристали против Знаменского девичья монастыря с великою нуждою. И к тем де их дощаникам по их прошенью иркуцкой квасной откупщик гостя Ивана Ушакова Игнашка Ерофеев якорь и парусы и дощаничные всякие припасы им дал. А он же, Игнашка, им же служилым людям, ему, Антошке с товарищи, Иркуцкого уезду в деревне Олонской дал 500 пуд ржи взаймы в кабалы. Да иркуцкой сын боярской Федор Черниговский дал им взаймы 500 пуд ржи. И взяв де тот хлеб, пошли они, служилые люди, для хлебной покупки в прибавку к тому заемному хлебу Иркуцкого уезду в Каменской и в Бельской острожки. И приходили де к ним, Антошке с товарищи, Бельско-

го острога служилые люди и пашенные крестьяне и извещали словами, что иркуцкой сын боярской Евдоким Курдюков курил на себя в деревне своей вино многое. И винокуренную его медную посуду, котлы и куб и трубы и два тчана, у него взяли. Да у него же взяли в дому его хлебных запасов пуд с 30 да 2 коровы да две свиньи. И винокуренную посуду и хлеб привезли они, Миска с товарищи, в село Вельское. Да с ним же де, Мискою, пришли люди его, Евдокимовы, 3 человека с женами и живучи де при них в том селе Вельском они, Миска с товарищи, все служилые люди тот Евдокимов запас и коровы и свиньи съели. А из Вельского де селенгинские и ильинские и кабанские и удинские служилые люди и он, Антошка, пошли вверх по Ангаре реке к Иркуцкому. И пришед к Иркуцкому стали на прежнем пристанище, от которого их по Афонасьеву веленью Савелова иркуцкие дети боярские Евдоким Курдюков с товарищи от берегу отбили. И стояли на том пристанище для хлебного себе печенье в дорогу /стр. 107/ 3 дня. И пошли мимо города Иркуцка вверх Ангары реки. И знамена де и барабаны на дощаниках у них были. И у верхнего креста, который на берегу Ангары, выше города Иркуцка, к берегу пристали, для того, что де забыли они у иркуцкого посадского человека у Епишки государеву хлебную осминную

бельскую меру. И пошли по тое осьмину к Епишке с дощаника служилые люди; Ганка Безрукой с товарищи, 6 человек. И не допусти де их до двора, иркуцкие служилые люди, прозвище Кобыла с товарищи, хотели их хватать и отвезть в город к Афонасью Савелову неведомо за что. И они де хватать себя не дали и ушли к себе на [429] дощаник 5 человек, а шестого человека, Ивашка Новикова, ухватя, привели в город и отдали в тюрьму по приказу Афонасья Савелова. И они де, Антошка с товарищи, на тех иркуцких служилых людей в бое и взятъе в город Ивашка Новикова шли бить челом Афонасью Савелову. И он де, Афонасий, увидя их из хором своих, что они идут к городу, прислал к ним дворянина Афонасья Бейтона, для чего де они идут, и они сказали: идут бить челом на иркуцких служилых людей Афонасью Савелову, и Афонасий Бейтон им говорил, чтобы они от города шли прочь, а если не пойдут, и на них де в городе затравлена пушка. И они де, Антошка и товарищи, видя иркуцких служилых людей в собрании с ружьем, и иных в пансырях, пошли от города прочь к дощаникам своим. А пансыря де в то время на нем, Антошке, не было, и из ружья у них никто по городу не стрелял. И приходил де к ним к дощаникам духовных дел десятник Иван Толстоухов и с ним многие служилые люди и говорили, чтоб

они пошли от города прочь. И они де, Антошка с товарищи им сказали, что им того числа и вскоре с пристанища за ночью порою идти дощаниками никоими делы невозможно. А на другой день с того пристанища рекою Ангарою они пошли.. А Миска де Борисов и Данилко Фык с товарищи пошли с дощаником наперед вверх реки Ангары берегом. А идучи они, Миска и Данилка с товарищи, сухим путем в деревне Иркуцкого уезду у иркуцкого сына боярского у Юрья Крыжановского/стр. 108/ взяли грабежом ржи и пшеницы и рогатый скот и свиней они убили. А сколько ржи и пшеницы и скота и свиней сколько побили, того он, Антошка, не ведает, а иное что грабежом взяли, того не ведает же. И грабежную де Юрьеву пшеницу в двух мешках холщевых на дощаниках он, Антошка, видел. Да они же де, Миска и Данилка с товарищи, идучи сухим же путем наперед их же, Антошки с товарищи, у зимовья на Бурдугузе прибили иркуцкого казака Ивашка Исакова да пашенного крестьянина Ганку Познякова, и грабежом взяли два постова камок лауданов да тулуп, да суму с табаком. А пришед де они, Антошка с товарищи, на дощаник с хлебными запасы Иркуцкого уезду в Кабанской острог, разошлись все по своим острогам.

Да в Иркуцку ж и в Сибирском приказе краснойрский сын бояр-

ский Василий Саламатов сказал: в прошлом де в 1696 г. июля в 9 удинские и селенгинские служилые люди стояли в дощаниках на Ангаре реке и с дощаников послали от себя шти человек служилых людей гостя Ивана Ушакова к прикащику Игнатью Ерофееву на квасную для хлебной осмины, чем хлеб мерять. И шли де те 6 человек мимо воеводского двора, потому что де тут путь надлежит, и от Афонасья Савелова из малого города выскочили ссыльные Гараска Исленьев с сыном, всего человек с 10, и начали их, удинских и селенгинских людей, бить и хватать и вестъ в малый город к Афонасью Савелову. И они [430] де, удинские и селенгинские служилые люди, выхватили у себя ножи для обороны от них, ссыльных людей, и говорили: «на начинающего бог!» и стали от тех ссыльных людей ножами бороться. И удинские и селенгинские и ильинские и кабанские служилые люди, увидя то, что их братью 6 человек ссыльные бьют и хватают в малый город к Афонасью Савелову, с дощаников сошли и пришли многолюдством с ружьем и к городу с ружьем приступили. И Афонасий де Савелов и иркуцкие всяких чинов жители, такой воровской неприятельный приступ видя, посоветовав, его, Василья, из города к ним, удинским и селенгинским служилым людям, Софейского дома с сыном /стр. 109/ боярским с

Иванов Толстоуховым для разговору посылали, чтобы они к городу с ружьем не приступали и с градскими людьми убийств и ссор и никакого разоренья не чинили и шли б за море безссорно. И они де, Удинского и Селенгинского и Кабанского и Ильинского острогов служилые люди, в разговор не дались и говорили: «уноси де и ты от нас свои ноги! А будет де из города хотя один человек вышел и в нас выстрелит, и мы де учиним то: со стороны де город зажжем, а с другой станем рубить». И в то де время из малого городка от Афонасья Савелова наведены были на них, служилых людей вышеписанных острогов, 2 пушки и мелкое ружье. А стрельбы ни у кого не было. И в том де малом городе были люди пьяные. А стоял де в том городе с вином государевым кружечного двора целовальник ссыльный человек, а как его зовут, того он не ведает.

О убийстве

По розыску иркуцкого воеводы Ивана Николева явилось: тех иркуцких казаков били и стреляли по ним из ружья все провожалыщики, человек 40, и убили из ружья Прохорка Караваева Данилко Домашнев Орел, Митку Безрукого Ивашка Мягкой, Фомку Кузнецова деревом убил Ивашка Тарханов, а кафтан и рубаху с него снял и в воду его спих-

нул селенгинского попа дворовой детина. И в том убийцы в распросе винулись, а убили де они иркуцких казаков для того, что де они посланы были от Афонася Савелова челобитчиков их побить и пожитки их по себе разделить и письмо у них взять и Афонасью отдать и о том де они дорогою едучи похвалялись и им, заморским казакам, дали они, иркуцкие, о том скаску.

И брацкие жители сказали, что те иркуцкие казаки были ниже Брацкого острога и беглых людей сыскав повратились, и выше де Брацкого под Кежемскою деревнею заморские казаки учинили им бой и убийство и битых шесть человек привезли /стр. 110/ в Брацкой и на приезде учинили из ружья стрельбу по одному выстрелу и после убитых платье и обувь, раскликая, продавали и по себе делили, а раненых иркуцких поставили на дворы и приходя угрожали смертью, чтобы они дали им скаску, что они посланы от Афонася челобитчиков их побить и ограбить [431] и письма обрать, и они де, боясь смерти, такая скаски дали, и они де, брацкие жители, их заморских казаков разговаривали, и чтоб тех шти человек не побили, взяли их на поруки с записью, чтоб им впредь их поставить, как они, казаки, спросят. Из тех шти человек взяв, они, казаки, Сенку Щетинку привезли в Бельской острог к до-
стальным заморским казакам и с

дощаника де для думы сносили знамя и барабаны и кричали многие, чтоб его, Сенку, в воду посадить, а иные кричали и разговаривали чтоб его не убили. И удинские де Данилко Фык, Петрушка Капнов, Алешка Уваров, поклав ему каменья в пазуху, бросили его в воду, и те убоицы сидят в Иркутску в тюрьме за караулом до указа великого государя.

О измене

В Афонасьеве отписке и в челобитье иркутчан 61 человек и в списке Сибирского приказа подьячего Якова Чернцова да софейского сына боярского Ивана Толстоухова написано: заморские де казаки, пришед к Иркутскому городу, оказывали на него, Афонася, измену, а на него, Афонася, измену а на сыску явились: в начале на него, Афонася, измену сказал Сенка Краснояр, а по его де словам все казаки измену сказывали, а какая измена, о том де выборные челобитчики подали в Иркутскую уличную роспись, а в росписи написано: в Селенгинску де казаки взяли у его Афонасьевых людей с посыльными его к Бутухтану товары 5 пищалей да пороху пуда с полтора и по себе разделили и продали, а в тетради де за его, Афонасьевою, рукою посыльные его товары на продажу и на подарки написаны, а ружье не написано, а в сыску опричь той росписи измены на

Афонасья не сказано, а про ружье и порох селенгинцы сказали против вышеписанной росписи, а Афонасий сказал, что он ружья и порох полпуда не имывал, а к Бутухтухану посылал служилых людей с листом / стр. 111/ против его Бутухтуханова любительного листа и для проведения о всяких ведомостях, а с теми служилыми людьми, посылал к Бутухтухану с людьми своими подарков малое число за тот любительный лист. А по наказу ему, Афонасью, в иные земли с товары продавать и покупать от себя знакомцев и людей своих и никого посылать не велено, а к калмыцкому Бутухтухану о всяких делах посылать служилых людей. А на него жь, Афонасья, в Сибири сыщику, думному дьяку Данилу Полянскому с товарищи, подали челобитную заморских казаков выборные челобитчики, а Афонасий де Савелов отпускал с людьми своими в Китай товары и огненное ружье и порох продавать китайским людям, и они де сказали: тот порох и ружье взяли для того, что чинится его воеводская явная великому государю измена.

О государеве деле

Заморские казаки в челобитье своем написали и Гараска Лысковец сказал на Афонасья Савелова государево дело, что он отпускал от себя на соболиные и на слюдяные и

на рыбные промыслы, а дощаники и припасы давал государевы. А в сыску в Иркутску сказали: Афонасий де Савелов на соболиные и на слюдяные промыслы посылал на государевых дощаниках и припасы и ломы даны были государевы казны, а [432] промыслу было слюды коробов с 10, да соболей с 20, да лисица черная руб. в 40. И промышленные де соболи и слюду делили с ним пополам, а лисицу завладел он, Афонасий, один. А по наказу ему, Афонасью, в ясачные волости на промыслы никого отпускать и над государевою казною хитрости чинить не велено. А буде учинит противно, а ему быть в опале и разоренье.

А за вышеписанным изветом Гараска Лысковец прислан был к Москве, и ему, Гараске, и присланному за ним провожатому на дачу вышло государевы казны 20 р. 31 алт. 2 д. и те деньги велено доправить в Иркутску на Афонасье Савелове или на нем, Гараске, кто из них по розыску виноват будет, а Афонасий Савелов к Москве писал: был де он, Гараска, в Иркутску в казенных целовальниках в 1695 г. /стр. 112/ и не дав в государеве казне отчету, из Иркутска бежал, а жену его и детей увезли заморские казаки.

Да в той же челобитне и в Гараскине известье написано: по его де Афонасьеву, приказу за морем прикащики вино курят и продают и много хлеба на вино пережгли, и

в 1695 и 96 гг. они, служилые люди и ясачные иноземцы, подавали ему, Афонасью, на тех прикащиков челобитные и вино и винную посуду у них вынимали не по одное время и он, Афонасий, норовя им и потока на воровство из своих пожитков больших, о винном куренье никакого указу не чинит и челобитья их не принимает и винокуренную посуду винокурам отдает и пенных денег не правит.

А по отписке из Иркутца Николая Полтева в Енисейск к сыщику написано: при Афонасье де Савелове посланы иркуцкие служилые люди в Кабанской и Ильинской остроги для винокурения и выимки при прикащиках при Григорье Турчанинове да Иване Новикове и винокуров де и посуды не застали, потому что де до их, служилых людей, приезду Григорья Турчанинова человек его Ивашка Васильев подал приказным людям ведомость, только де они нашли у одного человека ильинского казака котел медный да в Кабанску у вдовы котел медный ушата в два, да куб да две трубы, и ту де посуду да раки ведра с два взял прикащик Григорий Турчанинов и положил к ней же, вдове, и отдана иркуцкому казенному целовальнику, и у прикащиков де Григорья Турчанинова, Григорья Новикова, винокуров явилось 25 человек, а в распросех и в винном куренье винились и по помете де Афонасья Са-

велова велено на тех винокурах полные деньги по указу править и тех пенных денег в 1696 г. на винокурах не доправлено и за винное куренье указу никакого им не учинено, для того, что в 1696 г. от заморских казаков учинилось смутное время, и заморские казаки учинились ему, Афонасью, не послушны, а те де винокуры живут в заморских острогах и в 1696 г. по его Афонасьеву приказу винокуренная взятая посуда из приказной избы 2 котла да меденик, 2 трубы, котел железный по оценке иркуцких посадских /стр. 113/ людей проданы и деньги взяты в государеву казну и в приход записаны.

[433] О верстанье в неуказные чины. В сем году послана великого государя грамота в Иркутской к воеводе Семену Полтеву против очной ставки, что иркуцкий казак Федька Челюскин в Сибирском приказе с удинскими служилыми людьми, с Анисимкой Падериным сказали: будучи де в Иркутску воеводою Афонасий Савелов, презря великого государя указ и наказ, каков ему дан из Сибирского приказа, без указа великого государя и без грамоты верстал многих людей в дети боярские, а иных в атаманы, и не против наличного числа людей в пятидесятники и в десятники, а иным к прежним окладам чинил придачи многие. И тех людей велено от чинов отставить, а что им по тому воеводскому верстанью дано

из казны денег и хлеба и соли сверх против окладов и ссыльным людям, которых верстать в службу не велено, и то взять в государеву казну из воеводских пожитков, для того что и в иных сибирских городех воеводское верстанье и придачи, что они без указу великого государя чинили, велено отставить, чтоб впредь иным воеводам без указу великого государя и без грамоты, соединясь с челобитчики для больших своих взятков, делать того было неповадно. А по черному списку, каков прислал из Иркутского к Москве воевода Иван Николаев за своею рукою в прошлом 1700 г. написано: за неказное верстанье начтено на него, Афонасья, денег 614 р. 2 алт. пол 6 денег, да хлеба и соли по цене на 316 р. 8 алт. 2 д., всего денег и хлеба и соли 932 р. 2 алт. пол 6 д.

О взятках

Заморские казаки били челом на Афонасья Савелова в обидах и во многих взятках и в тех взятках подавали в Сибири под челобитными росписи. Да он же де, Афонасий, на денежные их на целые, а у иных на половины окладов, нападками имал себе отписи подьяческие имена и по тем де отписям имал деньги из их окладов себе. Афонасий сказал: взятков и отписей нападками ни с кого не имал, а обид никому не чинил, а которые де отписи/стр. 114/ и

были, и те де отписи давали казаки торговым людям, меж себя поговоря, на чьи имена похотят, и по тем де отписям деньги выдавать он велел. А в иркуцкой перечневой выписке из иркуцких розыскных дел написано: о тех же взятках подавали они в Иркутской другие записи, а против прежнего челобитья написали иное с прибавкою, а иное с убавкою и в сыску де о тех взятках опричь их челобитчиков никого не сказали, а та выписка Ивановою рукою не закреплена, розыскные дела присланы к Москве с Иркутску не вершены, и по указу великого государя буде в каких из тех посторонних свидетелей не будет, велено давать вера, и декабря в 21 на 1700 г. селенгпнцы привезли к Москве из Иркутска отписку Ивана Николаева, что он по розыскному вершенному делу иски заморских казаков 3055 р. 11 алт. велел на Афонасье править, а пошлину де с того иска 305 р. 24 алт. не взято и о тех де пошлинах указ ему учинить. У той отписки Ивана Николаева руки нет, а у иных отписок рука его есть. И февраля 11 по указу великого государя против [434] заручного челобитья заморских казаков и против Ивановой отписки Ивана Николаева велено: буде он, Афонасий, обвинен по делу и государеву указу и уложению не в противность и те пошлины, а потому исцовы иски на нем править. И о том правеже грамоты в Иркутской

за челобитьем Афонасья Савелова не послано. На него ж Афонасья, ильинские и кабанские посадские люди и пашенные крестьяне и ясачные иноземцы били челом, что он под посланные свои к Бутухтухану для продажи товаров велел у них брать людям своим подводы. А Афонасий сказал: людям своим под товары подвод имать он не велевал, для того, что дал им свои купленные лошади. А в Сибирском приказе челобитчик Дмитрий Таракановский подал за иркуцкою печатью и за его, Афонасья, рукою подорожную, а в ней написано: посадским людям и пашенным крестьянам и ясачным иноземцам давать Гаврилу Коноплеву со товарищи 7 человекам 9 подвод, посланы де они к Бутухтухану для государева дела наскоро.

Да заморские жители на него, Афонасья, били челом, что /стр. 115/ он приезжал к ним за море для своих взятков на дощанике и имал с собою для всяких угроз заплочного мастера, а в подводы пашенных крестьян в деловую пору. А Афонасий сказал: за море он ездил и заплочного мастера с собою имал для государевых дел, а на дощанике работали у него гулящие и его люди.

Да он же, Афонасий, против челобитья торгового человека Ивана Курбатова во взятках с него насильством, в которых он не запирался, во 100 р., в Сибирском приказе обвинен. Пошлин с того иска довелось

взять за насильство вдвое—20 р. 7 алт. 2 д. и тех пошлин и иску на нем не взято.

Да на него ж, Афонасья, в 1696 г. бьют челом гости Василий да Алексей Филатьевы по взяткам с лавочного их сидельца с Ивашки Маслова 150 р. И по тому делу в Сибирском приказе указа не учинено, для того что по тому челобитью об розыску велено сыщику думному дьяку Данилу Полянскому и о допросе его, Афонасья, писать к воеводе в Иркутской. И сыщик к воеводе в Иркутской писал о допросе его, Афонасья, и об розыску про взятки гостей Василья да Алексея Филатьевых с прикащика их, с Петрушки Худякова. И Афонасий сказал, что он с Петрушки взятков не имал и в Иркутском Петрушка при нем не бывал, а про взятки с Ивашки Маслова он, Афонасий, не допрашиван. Да они ж, гости Василий и Алексей Филатьевы, бьют челом на него, Афонасья, в насильных взятках с прикащиков их по цене на 1350 р. с полтиною, да о тех взятках в убытках в 1822 р.

А на нем, Афонасье, довелось взять в государеву казну за отпуск через челобитье и грамоту в Китай Сидорка Шестакова, да на приказ Гришки Турчанинова пени 200 р. да начетных денег и за хлеб и за соль 932 р. 2 алт. пол 6 д., да что дано на Москве изветчику Гараске Лысковцу и с ним провожатому 20 р. 32 алт. 5 д., да с искового дела Ивашки

Курбатова пошлин 20 р. 7 алт. 2 д., да сыску заморских казаков, буде он повинен по делу и [435] уложению не в противность, /стр. 116/ 305 р. 24 алт. Всего на нем, Афонасье, в государеву казну довелось взять 1279 р. 2 алт. и в Иркутску у него, Афонасья, пожитков его взяты на великого государя и присланы к Москве в Сибирский приказ, а из Сибирского приказа проданы. Взято за них 836 р. 30 алт. И в вышеписанную доимку не достанет пожитков его 441 р. 20 алт. пол 5 д.

Афонасий Савелов бьет челом, что он в Иркутску задержан на многие года в конечной нищете с женою и с детьми скитается меж дворы и питается Христовым именем и чтоб его к Москве отпустить, а буде кому до него есть дело, и он во всем станет отвечать на Москве.

На него ж, Афонасья, били челом торговые люди, что он взял у них в Иркутску, одобренную челобитную, что ему, Афонасью, и впредь быть в Иркутску воеводою, чинил им, торговым людям, обиды и разоренье и задержки и нападками имал с них многие взятки и давал им ярлыки за печатями, что их нигде не осматривать, а после того прислал память к прикащику, к Григорью Турчанинову, что у них, торговых людей, товары и все разбивать и пересматривать. И Григорий Турчанинов имал с них оттого многие взятки. Да в росписи под челобитною селенгинских

казаков написано: посылал он, Афонасий, сына боярского Петра Арсеньева с человеком своим с Игнатием Ханыковым и служилыми людьми вверх по Уде реке на встречу каравану, который шел из Китая, для осмотра и переписки, и велел перстнем своим у торговых людей товары печатать. А Афонасий сказал: обид и разоренья торговым людям он не чинивал и нападками взятков с них не имывал. А из тех де торговых людей Савва Бушков подал челобитную ему, Афонасью, что он к вышеписанной челобитной руку приложил из-за угроз заморских казаков, а обид де и задержек к нему не бывало. А на встречу де китайского каравана с перстнем своим для переписки и печатанья товаров Петра Арсеньева он посылал к Григорью Турчанинову, товары пересматривать у них велел, для того чтоб они, торговые люди, товаров своих не таили, а ему де, Афонасью, в таможенном сборе велено смотреть, а /стр. 117/ Игнатий де Ханыков ездил гулять, а не для досмотра и печатанья товаров. В наказе Афонасью Савелову написано: за таможенным головою смотреть, чтобы он против таможенных статей 202 г. пошлин никому не поступался, и он, Афонасий, прислал к таможенному голове, к Дмитрию Каменщикову, память по челобитью торговых людей, буде с товаров их взята десятая пошлина и на те товарные деньги покупную

рухлядь откладывать им против иных городов безпошлинно, а поанбарную пошлину, которые будут торговать, имать по 8 денег на неделю. И то он, Афонасий, таможенным статьям 202 г.учинил противно.

1701 г. апреля 11 по указу великого государя и великого князя Петра Алексеевича и пр. думный дьяк Андрей Андреевич Виниус с товарищи, слушав сей выписки, приказали послать великого государя грамоту в Иркутской к воеводе к Юрию Шишкину, велеть [436] ему прежнего воеводу Афонасья Савелова в государевых делах которые по сей выписке до него, Афонасья, есть, выслать к Москве, взяв у него скаску с подкреплением, что ему, проехав к Москве, не заезжая никуда, явиться в Сибирском приказе. А в Иркутску и в приписных иркуцкого присуду острожках всяких чинов людям сказать великого государя указ, буде руским людям и иноземцам кому в особых своих делех или всем городом или где в острожках служилым людям или уездным до него, Афонасья, какое есть дело, и они б, выбрав у себя челобитчиков за выборами, человек 5 или 6 людей добрых и не пьяниц, послали к великому государю на него, Афонасья, бить челом к Москве. И тем челобитчикам великого государя указ учинен и оборонь на него, Афонасья дана будет на Москве. А в Иркутску исков на нем, Афонасье, править подавать им

невозможно, для того что за начет его великого государя казны взяты у него, Афонасья, в Иркутску животы его на великого государя. И теми его животами начетные деньги во взятые с него, Афонасья, в государеву казну не исполнились, а доведется еще к тем его животам в государеву казну с него, Афонасья, донять и тое доимку взять /стр. 118/ на нем, Афонасье, на Москве в Сибирском приказе. И по его великого государя указу велено иски править после доимки государевы казны и о пропуске его, Афонасья, и людей его к Москве дать ему из Сибирского приказа¹ великого государя проезжую грамоту. А как он на Верхотурье приедет и у него все пожитки его переписать и отдать ему с роспискою. и в той росписке написать ему, Афонасью, что те пожитки объявить ему в Сибирском приказе в целости, а буде не объявит, и на нем взять великого государя пеню большую. А в Иркутской к воеводе, к Юрию Шишкину, написать, чтоб он, будучи в Иркутску воеводою, жил праведно и безпорочно и никаких обид и тягостей тамошним жителям и приезжим людям и иноземцам отнюдь не чинил и таких дел и на себя челобитья, как на Афонасья Савелова было, не наводил, и воров от всякого воровства и пьянства унимал, а про грабеж якуцкого и его, Афонасьевых, животов в Удинску совершенно розыскал и заводчиков из того места

вывел и прислал к Москве или велел до указа великого государя держать в тюрьме или как по тамочному делу смотря и по правому своему разсуждению удобнее, и во всем чинил по наказу и по статьям и по прежним грамотам великого государя. А буде он, Юрья, учнет наказу и грамотам великого государя делать противно и ему за противность истязание и написанное в наказе прещение учинено будет. А убойцам, заморским казакам, которые убили до смерти иркуцких казаков, по розыску правому учинить ему, Юрью, в Иркуцку великого государя указ по уложению и по наказу своему и по новоуказным статьям, а что учинено будет, о том о всем писать к Москве в Сибирский приказ. А о винах Гришки [437] Турчанинова выписать особо, и каков он породы

человек и кто был отец его и о том приезжих селенгинцев допросить (подписал Иван Чепелев).

И против указа великого государя селенгинские служилые люди, пятидесятник Дмитрий Таракановский, казаки Матвей Домашев, Иван Брянской, Иван Данилов, в Сибирском приказе в допросе сказали: Григорий Турчанинов ссыльного /стр. 119/ отца сын. Отец де его Иван Турчанинов прислан с Москвы в Енисейск. А он де, Григорий, в котором году в Енисейск пришел или с Москвы с отцом своим сослан и как в Иркуцкой явился – того де он не ведает. К сей скаске вместо Ивана Данилова по его веленью Митка Таракановский и за себя руку приложил, к сей скаске вместо Ивана Арсеньева по его веленью и за себя Матюшка Домашев руку приложил.

Печатается по тексту, опубликованному в сб. «Первое столетие Иркутска», стр. 98–119.

Примечания:

¹ В издании В. П. Сукачева, очевидно опечатка: «указа».

Воспроизводится по:

Сборник документов по истории Бурятии XVII век, Улан-Удэ, Выпуск 1. 1960г.

№ 143

**1699 г. декабря 20. – Отписка Нерчинского воеводы Ивана
Николева, о подмытии в Нерчинске водою городской башни и о
ветхости других казенных строений.**

Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержцу, холопи твои, Ивашко Николев, Лучка Кочмаров, челом бьют. В прошлых, Великий Государь, и в 207 годех, подмыло весною в половодье а летом от дождей и водою, западную сторону от Нерчи реки угловую городовую башню на полсажени, и впредь, Великий Государь, та башня непрочна и городу в том месте стоять нелзя, потому что тое башню укрепить от воды никоими мерами не возможно; а город в Нерчинску деревянной и не покрыт, и от того во многих местах зачал от дождей гнить, також таможенная изба гораздо ветха и анбар, в котором [537] твоя Великого Государя казна соболина и таможенная и оружейная лежит, и приказ

деревянной, и для того от случаев пожарных зело опасно; також и гостиного двора нет, а становятся торговые люди и с товары па подвожьях; а каменной город ценою, естли строить, дорого станет, и естли земляной против Албазина строить, и таких мастеров в Нерчинску нет: и впредь о том что ты, Великий Государь, укажеш? А сию отписку послали мы, холопи твои, к тебе Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя, и Белья Росии Самодержцу, к Москве, в Сибирской Приказ, нынешняго 208 году Декабря 20 день, чрез почту, наскоро, до Удинского с Нерчинскими служилыми людьми с Епишкою Обуховым с товарищи, и велели подать в Сибирском Приказе думному дьяку Андрею Андреевичу Виниюсу с товарищи.

Черновой отпуск писан столбцем, на одном листке. – Из архива Нерчинского Городового Управления.

Воспроизводится по:

Акты Исторические, т. V, Спб 1842г., сс. 536–537, № 294.

Стиль, пунктуация и орфография сохранены, буквы старого русского алфавита заменены современными.

№ 144

***1711 г. не ранее. – Отписка сибирского служилого человека
Перфирьева о службах его предков в Сибири с 1600 по 1697 г.***

Во 108 году по государеву указу посланы в Мангазею из Тобольска письменной голова князь Мирон Шаховской да Данило Хрипунов с служилыми людьми, с ними прадед мой Максим Перфирьев атаманом. А велено им в Мангазее поставить острог, а в Енисейску самоедь привести к вере, а на их место из Тобольска велено послать Федору Ивановичу Шереметьеву воеводу князь Василья Михайлова Масальского, да Луку Пушкина.

Во 126-м году при боярине и воеводах при князе Иване Семеновиче Куракине посланы из Тобольска пелымского города сын боярской Петр Албычев да тобольской сотник стрелецкой Черкас Рукин, а велено им на Енисее поставить новой

острог. И ис Тобольска посланы в Енисейской дети боярские Максим Трубчанинов, Михайло Ушаков, Михайло Байкашин, Павел Хмелевской.

Первой воевода в Енисейску Яков Игнатьев сын Хрипунов во 130-м году.

И из Енисейска проведаль Байкал море прадед мой Максим Перфирьев и служил по Енисейску в детех боярских многие годы.

Деда моево Ивана Перфирьева службы: во 161-м году на великой реке Шилке призвал князя Гантимура с родом и иных родов в ясашной платеж и взял с них ясаку 7 сороков 5 соболей.

Во 1660-м году изменили от Брацкого и Балаганского острогов

бращские люди в мунгалы, а во 168-м году всех призвал по прежнему в ясашной платеж.

Во 171-м и во 172-м годах призвал под Иркутской в ясашной платеж Тунгусского князя Заяктая с родом [140] и в Иркутску первую пашню завел и пашенных поселил. А во 175-м и во 176-м годах призвал из мунгал прежних изменников и вновь брацких людей Тертеивского и Коннодворовского родов в ясашной платеж.

И во 175-м же и во 183-м годах посылан з государевыми грамотами и з жалованьем к мунгальскому Калхе хану и Очирею Саину хану и к Батуру тайше для договору всякого мирного состоятельства и для проезду через их землю посланником и торговым людем в Китайское государство. И того ж 183-го году пропущен был через договор торговой человек Гаврило Романов.

А во 187-м году погромили мунгальские люди под Тункимским брацких людей, а иных многих побии. И по договору Цецен ноен отдал назад юрт з девяносто.

А в 205-м году по указу великого государя и по грамоте был в Иркутску с Николаем Полтевым судьей в товарищах.

Служба Остафья Перфирьева. Во 188-м году был на службе из Енисейска в киргизах, на той службе изранен. В 196-м году в Тункинском прибрал с немирных сосецких людей вновь соболей сорок. В Верхотенску во 197-м и во 198-м и в 201-м и в 203-м годах собирал вновь с подростков ясаку соболей со сто. И во 200-м году послан был за море в Нерчинск и в Албазин с казною оружейною и с порохом и свинцом и с служилыми людми. Во 204-м и 5-м году был в Ылимску на перемену стольнику Богдану Челищеву по государеве грамоте и по московскому наказу. В 711-м году в Верзнеангарском и в Нижнем Подкаменном зимовьях побии тунгусы иркутских служилых людей пятидесятника Андрея Штинникова с товарищи да баргузинских служилых людей Алексея Пономарева с товарищи, а побив их изменили, отшатились по сторонным рекам. И я тех тунгусов сыскал и призвал по прежнему в ясашной платеж и аманатов с них взял, а пущих воров убойцов 4 человек поймав привез в Иркутск. И ныне с тех тунгусов ясак збирается по-прежнему.

Воспроизводится по:

Бродников А.А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. Красноярск, 1994. Приложения С. 139–140.

№ 145

1726 г. января 21. – Сказка Нерчинских служилых людей Л. Кочмарева с товарищами агенту Л. Лангу в Селенгинске о положении в пограничных районах.

/л. 39 / 1726 году, генваря 21 дня в Селенгинску ея величества государыни императрицы пред агентом Нерчинские старики, дворянин Лука Кочмарев восьмидесят одного году, сын боярской Григорей Беломестной семидесяти лет, отставные служилые Федор Власьевских восьмидесяти девяти лет, Максим Воронов девяноста, Филип Лапщиков восьмидесяти пяти лет, обще сказали:

Река, реченная Горбица, которая вышла из сиверной стороны из хрепта и течет на восток меж каменными горами 1 от вершины и до устья и пала в реку Шилку, расстоянием от вершины тоя реки и до устья например полтараста верст.

Онон-река вышла из Стольско-го хрепта из полуденной стороны, а течет на восток. Да Ингода-река вы-

шла из западной стороны из хрептов же и сообщилась с помянутою рекою Ононом и стало быть одна река, нарицаемая Шилка.

Аргуня-река вышла из озера Далая ис полуденной стороны и течет на скверную сторону, а пала в помянутую реку Шилку, расстоянием от вершины реки Аргуни до устья например около 500 верст и больше. А от помянутого озера Далая до Селенгинска границы нигде не учинены, а лежит оное /л. 39 об./озеро от Селенгинска например в 1000 верст и больше меж востока и полудни.

От вышеписанной реки Аргуни с устья и от Шилки-реки имянуется река Амур, которая течет на восток и пала в море-окиян. Расстоянием от вершины реки Амура до моря сколько верст будет, того они не знают.

И по оным рекам, а именно по Онону, по Ингоде, по Аргуне и по Шилке, пребывают ныне поселениями ея величества государыни императрицы подданные русские люди, також и степные ясашные тунгусы. И пахотных мест по оным рекам есть, токмо не довольно. И ежели несколько людей к поселению там прибавить, то будет не бес скудости пахотам. А сенных покосов зело довольно.

А которые реки и земли неограниченные содержатца меж ограниченными горами и близ реки Амура вниз на восток даже до моря, и меж рекою Удью в середине, о тех они подлинно неизвестны, но токмо знают, что оная река Удя пала в море-окиян своим устьем. Також па тем рекам и местам пахотных мест и сенных покосов довольно, есть и лесу, а именно березник, сосняг, листвинишного, пихтовник, кедр, липняг, ельник и вишенья також родитца, и орехи, а винограды, помарайсы да лимоны там не родятца, також дубового, кипарисного и сандалного/л. 40/деревья нет, и красок никаких не знают, и камня дорогих, сказывают, что нет. А птиц диких, которые употребляются на кушенья, довольно есть.

И оные неограниченные места при заключение вечного мира * неограниченным быть отложены до иного времени. А для соболиных и протчих звериных промыслов ис стороны ея величества государыни

императрицы подданные люди из Якуцка на помянутые неограниченные места бывают, понеже то позволено при заключении вечного мира. А до заключения состоявшего мира изстарию российское владение было по вышеписанной реке по обе стороны от вершины даже и до моря. Над которой рекой построен был от русских людей острог, нарицаемой Албазин, до мирного заключения лет за 40 и больше, також по оной реке Амуру были построены маленькие зимовья. И в те поры из помянутого острогу збирали русские люди в казну блаженные и вечнодостойныя памяти его императорскому величеству с степных оленных тунгусов, которые кочевали по Амур-реке и до окияна-моря, соболями довольно, а по сколько соболей на год збиралось /л. 40 об./и со сколько человек, того они, Кочмарев с товарищи, не ведают. А по договором полномочного посла и окольничего Федора Алексеевича Головина с китайскими послами помянутой острог Албазин разорен до основания, и река Амур, и те тунгусы, которые до заключения вечного мира платили ясак в сторону Российского государства в Албазинской острог, остались под державою Китайского государства. И ныне от Албазина вблизиности вниз над Амуром-рекою есть построенной город, названием Айгун, на западной стороне Амура-реки, владения китайского хана. А пахот-

ных мест по оной реке Амуру по обе стороны и сенных покосов, також и звериных промыслов, а имянно соболиных, рысьих, лисичьих и протчих всяких зело много и гораздо довольно было, такожде барсов и бобров было ж, токмо не гораздо довольно. А рудяные промыслы, а имянно серебряные и протчие всякие, к тому подобные, были или нет, того они не знают. Китайского владения до заключения вечного мира помянутой реке Амуру и изстариини по которой стороне не было, но токмо кочевные иноземцы приез-

жали с Науну да с Дим Шилгалу для звериных промыслов и для продажи товаров к руским людям не на долгое время и паки назад отъезжали в китайскую сторону.

К той скаске Лука Кочмаров за себя и за товарыщей своих их веле-нием руку приложил.

По листам и под текстом скрепа: Козьма Баженов. С подлинною скаскою чол подканцелярист Иван Семионов.

АВПР, ф. Сношения России с Китаем, 1726 г., д. № 2, л. 39–40 об. Копия.

Другая копия. – Там же, д. № 10, л. 24 об.–26.

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVIII веке т. 2 Москва «Наука» 1990г.

№ 146

1726 г. апреля не ранее 21 (Датируется на основании упоминания числа в тексте.). – Выписка из дел Нерчинской воеводской канцелярии о неразграниченных землях между Российской и Цинской империями.

/л. 130/ В нынешнем 726 году, апреля 21 дня в письме из Селенгинска указом ея императорского величества в промемории от агента в Нерчинск к Семену Луговскому с товарищем показано, чтоб надлежит в Нерчинску учинить всякие обстоятельные и ясные ведомости земле, которая при заключении вечного мира не межевана и осталась, також и Удь-реки, где ее вершины и где она в море пала, и можно ли на судах по ней плыть, и сколько между Удьей и Амуром-рекой расстояния земли поперег и вдоль, и какие по ней и по Амуру земли и места, и от реки Горбицы вниз до моря. И чтобы о том о всем учинить обстоятельную резолюцию со всяким изъяснением и прислать в Селенгинск вскорости.

И по вышепоказанному присланному ея императорского величества указу, по справке в Нерчинску в канцелярии з делами прошлых годов, и как было и в Нерчинску послование о китайской границе при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине с то-

варыщи, о такой реке Уде в тех договорных статьях не показано. А по скаскам в Нерчинску в канцелярии Нерчинских престарелых людей, которые в Нерчинску прибыло в прежних годах, сына боярского Григорья Беломесного да отставного служилого человека Макара Леонтьева, да служилого ж Алексея Федорова:

Прибыли де они в Нерчинск в прошлых годах в бытность в Нерчинску воеводы Ивана Власова и были де в Албазине, а дале де Албазина вниз по Амуру не бывали и тако реки Уди не знают, /л. 130 об./ и ис каких хрептов та река Удь выпала и куда устьем пала; того они не знают же. Только слыхали де они от престарелых людей, что де та Удь-река выпала из хрептов и пала устьем с Ленских покатей своим устьем в море-якиян, а в каких местах, про то сказать они не знают же. А меж Амуром и тою Удь-рекою сколько земли расстоянием, того они подлинно сами не знают и от других ни от кого не слыхали, а подлинно о той реке знатно или нет в Якуцком городе.

А вниз по Шилке от Горбицы-реки до устья Аргуни-реки места хрептовые, а с устья Аргуни до Албазина места луговые и еланные. А как послование в Нерчинску было при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине с китайскими послами и запословано де было от Нерчинска вниз по Шилке-реке до Горбицы-реки, а ниже той Горбицы-реки вниз по Амуру что размежевано или чего не размежевано, про то они подлинно не знают. А в прежних годах при прежних управителях, которые были в Албазине, тобольской дворянин Алексей Толбозин да Афонасей Бейтон, и тот де Албазин в ту бытность и от Горбицы-реки до Албазина были в подданстве под его блаженные и вечнодостойные памяти его императорского величества. А в бытность полномочного посла в Нерчинску боярина Федора Алексеевича Головина на посольстве тот Албазин и вверх до Горбицы-реки отмежевано правая сторона и отдано в китайскую границу, а левая сторона от Албазина вверх до устья Аргуни отмежевано ж к той же китайской границе.

К сей скаске вместо Нерчинских отставных сына боярского Григорья Беломесного да служилых отставных Алексея Федорова, Макара Баженова их велением Нерчинской канцелярии подъячей Иван Ладыгин руку приложил.

/л. 131/ Да в скаске ж Нерчинских отставных служилых людей Федора Власьевских, Максима Кулгавого о той Уди-реки, что де про такую Удь-реку они, Федор и Максим, не знают, только де они от Нерчинска вниз по Шилке-реке бывали до Албазина, а дале де того Албазина не бывали, и то когда тот Албазин был под державою нашего императора. А от Нерчинска вниз по Шилке-реке от Горбицы-реки до устья Аргуни места хрептовые и утесные, а ниже той Горбицы до Аргунского устья и от Аргуни до Албазина места луговые и еланные. А как де при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине было в Нерчинску послование с китайскими послами, и что чего не размежевано и по какой границе, про то де они, Федор и Максим, подлинно сказать не знают же.

К сей скаске вместо Федора Власьевских, Максима Кулгавого их велением Ефрем Снигирев руку приложил.

Да в скаске ж промышленных людей, которые прибыли в Нерчинск в прежних годах при прежних в Нерчинску воеводах и ходили из Нерчинска по отпускам на соболиные промыслы по разным рекам на Ленские покати, Козьмы Балакшина, Гаврила Черепанова, показано, что де вышеозначенной Уди-реки

они, Козьма и Гаврила, не знают и на тех покатых не бывали, и с каких хребтов та река выпала и куда устьем пала, в какую реку или в море, только де слышали они, Гаврило Черепанов, от якуцких иноземцов, вышепомянутая де Удь-река выпала будто с хребта от озера Алатырь и пала своим устьем в море, в которое де море выпал Амур-река. А что земли расстоянием поперег и вдоль от Амура и до Уди-реки, и судами мочно ль по ней плыть, и какие по ней места, того он, Гаврило Черепанов, от иноземцов и от других престарелых людей не слышал и сам не знает. А вниз по Шилке от Горбицы /л. 131 об./ до Амуру места хребтовые и утесные. А подлинно де о той Уди-реки знатно или нет в Якуцком городе. А вниз по Амуру до Албазина и ниже Албазина они, Козьма Балакшин и Гаврило Черепанов, не знают, понеже де они тамо не бывали, также которая земля при заключении вечного мира не межевана осталась, того они, Гаврило и Балакшин, не знают же.

К сей скаске вместо промышленных людей Козьмы Балакшина, Гаврила Черепанова их прошением итанцынской служилой человек Кирило Батуринов приложил.

Да в скаске ж Нерчинского Успенского монастыря монаха Анатолия показано:

В прошлых де давных годех при прежних в Нерчинску воеводах, при управителе Андрее Строганове был де он, Анатолий, в Нерчинск бельцом назад де тому будет с 50 лет. И в Албазин по Амуру вниз, и из Албазина к Ленским покатым на соболиных промыслах по отпускам по многие времена бывал, а наниз далее Албазина по Амуру не бывал и вышепомянутой Уди-реки не знает, потому что та Удь-река не на Амурских покатых, а от других де старинных людей (Слово людей ошибочно написано дважды, но лишнее зачеркнуто.) слышал он, будто де та Удь-река пала в море своим устьем с Ленских покатей, в которое море выпал Амур-река, а какие де по той Уди-реке места и сколько расстоянием земли от Амуру и до Уди, и судами мочно ль по ней плыть, того он не знает же и от других ни от кого не слышал. А подлинного де о той Уди-реки знатно или нет в Якуцком городе. А вниз де по Шилке от Горбицы-реки до Усть-Аргуни места хребтовые и утесы, а с Усть-Аргуни до Албазина места луговые и еланые, пахотные. А от Горбицы вниз до Албазина по Шилке и по Амуру в прежние годы было под Российским государством. А при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине с китайскими послами за-пославано де было от вышепомянутой Горбицы вниз по левую сторону по Шилке и по Амуру до Албазина,

а от Албазина вверх по Амуру до /л. 132/ Усть-Аргуни по левую сторону отмежевано//в китайскую границу, а от Албазина вниз по Амуру что за-межевано или чего не отмежевано, про сто де он, монах, не знает, так-же и о других немежевых землях не знает же.

К сей скаске вместо монаха На-толея его велением Нерчинской слу-жилой человек (Фамилия не указа-на). руку приложил.

Да в скаске же Нерчинского жи-теля Ивана Кожевникова показано:

В прежних де давных годах при прежних в Нерчинску разных управ-вителях бывал де он, Кожевников, из Нерчинска до Албазина, а ниже Ал-базина нигде он не бывал, и то когда тот Албазин был под державою на-шего императорского величества. И про такую Удь-реку, где ее вершины и где она в море пала, и можно ль на судах по ней плыть, и сколько между Удьей и Амуром-рекою расстояния земли поперек и вдоль, и какие по ней земли и места, сказать не знает и ни от кого от русских престарелых людей и от иноземцов не слыхал. А от Нерчинска вниз по Шилке-реке, от Горбицы-реки до Усть-Аргуни места хрептовые и утесные, а ниже Аргуни вниз по Амуру до Албазина места еланые и луговые, и пахот-ные. А как при полномочном после

боярине Федоре Алексеевиче Голо-вине было в Нерчинску послование с китайскими послами, и что чего отмежевано и по какой границе, про то де он, Кожевников, подлинно сказать не знает.

К сей скаске вместо Ивана Ко-жевникова ево прошением Нерчин-ской служилой Иван Гудков руку приложил.

/132 об./ Да в скаске ж отстав-ного служилого человека Максима Фоминых показано:

В прошлых де давных годах при прежних воеводах бывал де он из Нерчинска до Албазина, и то когда тот Албазин был под державою его императорского величества, а из Ал-базина по указу его императорского величества и по определению ал-базинского управителя Андрея Во-ейкова посылан был он, Фоминых, со служилыми людьми на годовую службу вниз по Амуру на Зею-ре-ку за ясным его императорского величества збором. Ростоянием от Албазина до помянутой Зеи-реки плавежю пятеры сутки. А по Аму-ру и по Зее-рекам места еланые и луговые, пахотные. А оная Зея-ре-ка пала из левой стороны в Амур тремя устьями, а с усть Зеи-реки по Амуру до усть-моря ростояния коликое число и какие места, про то сказать не знает. А про такую

Удь-реку, где ее вершины и где она в море пала, и можно ль на судах по ней плыть, и сколько меж Удьей и Амуром ростояния земли поперек и вдоль, и какие по ней земли и места, сказать не знает же. Токмо, будучи на той Зее-реке, слышал от тамошних ясачных иноземцов, которые (В тексте ошибочно: которое.) платили в казну его императорского величества ясак на той Зее-реке, что такая Удь-река есть, а откуль вершина выпала, того он сказать не знает же. А устьем де та Удь-река пала в то ж море, в которое море усьем пал Амур-река, и на ту де Удь-реку приходят для ясачного збору из Якуцка якуцкие служилые люди. А от Горбицы де реки до Усть-Аргуни места хрептовые и утесные, а ниже Аргуни вниз по Амуру до Албазина места еланые и луговые, пахотные. А как де при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине было в Нерчинску послование с китайскими послами, и что чего размежевано и по какой границе, про то де он, Фоминых, сказать не знает для того, что де в то время был он, Фоминых, послан из Нерчинска за его императорского величества денежною казною к Москве.

К сей скаске вместо Максима Фоминых ево прошением итанцынской служилой Кирило Батуриин руку приложил.

/л 133/ Да в скаске ж отставного служилого человека Володимера Щербакова показано:

В прошлых де давных годах при прежних в Нерчинску управителях до Албазина и ниже Албазина он, Щербаков, ни за каким делом не бывал и про такую Удь-реку, где ее вершины и где она в море пала, и можно ль на судах по ней плыть, и сколько между Удьей и Амуром-рекою ростояния земли поперек и вдоль, и какие по ней земли и места, сказать не знает и ни от кого от русских престарелых людей и от иноземцов не слышал. А от Горбицы до Олдеконю и до Усть-Аргуни по левую сторону места хрептовые и утесные, а по правую сторону заимка Астрахань да и места луговые неширокие, а ниже Аргуни вниз по Амуру до Албазина какие места, про то он, также и при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине было в Нерчинску послование с китайскими послами, и что чего размежевано и по какой границе, про то он, Щербаков, подлинно сказать не знает.

К сей скаске вместо Володимера Щербакова его прошением Алексей Пихалов руку приложил.

Да в скаске ж отставных сына боярского Матфея Шемелиных да служилого человека Осипа Корнилова показано:

В прошлых де давных годах по указу его императорского величества посланы де были они, Шемелиных и Корнилов, ис Тобольска с полковником Афонасием Ивановичем Байдоном на его императорского величества службу в Даурские (Так в тексте.), город в Албазин, во штистах человеках. И прибудучи де с помянутым полковником и со служилыми людьми в Албазин-город, и сидели де в том Албазине-городе в осаде от богдойских людей з год или больше. А по посольству де в Нерчинску с китайскими послами помянутой Албазин-город отдан китайскому хану, а отдав тот Албазин-город, пришли де оне /л. 133 об./ с помянутым полковником и служилыми людьми с его императорского величества остаточною всякою казною и с артиллериею в Нерчинск. А про такую де Удь-реку, где ее вершины и где она в море пала, и можно ль на судах по ней плыть, и сколько между Удьею и Амуром-рекою расстояния по перек и вдоль, и какие по ней земли и места, сказать не знают. А в прошлых де давных годах слышали де про такую Удь в Нерчинску и в Якуцку от русских престарелых людей, что такая Удь-река есть, и посылаютца де на ту Удь-реку за ясачным збором из Якуцкова города, и знатно де про такую Удь-реку в Якуцком городе. А та Удь-река отколь вершиною выпала и куды усьем пала, сказать не знают же и ни

от кого от русских престарелых людей и от иноземцов не слышали. А от Горбицы де реки до Усть-Аргуни места хрептовые и утесные, а ниже Аргуни вниз по Амуру до Албазина места луговые и еланные, пахотные. А ниже Албазина до моря расстояния коликое число и какие места, сказать не знают же. А как де при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине было в Нерчинску послование с китайскими послами, и что чего замежевано и по какой границе, про то оне; Шемелиных и Корнилов, подлинно сказать не знают для того, что в то время были оне, Семелиных с товарищем, в Албазине-городе в осаде.

К сей скаске вместо Матвея Шемелина, Осипа Медянского их велением Нерчинской конной казак Андрей Снигирев руку приложил.

Да в скаске ж отставного служилого человека Ивана Бохтовского показано:

В прошлых де давных годах при прежних в Нерчинску управителях был де он, Бохтовской, в Албазине-городе, когда тот Албазин-город был под державою его императорского величества, с присланным ис Тобольска полковником и со служилыми людьми, и сидели де в осаде год или больше. И по посольстви в Нерчинску с китайскими послами помянутой Албазин-город от-

дан китайскому хану, а отдав тот Ал базин-город, пришли де они с помянутым полковником /л. 134/ и со служилыми людьми с его императорского величества остаточною всякою казною и с артиллериею в Нерчинск. А ниже де Албазина он не бывал и про такую Удь-реку, где ее вершины и где она в море пала, и можно ли на судах по ней плыти, и сколько между Удьей и Амуром-рекою ростояни[я] земли поперек и вдоль, и какие по ней земли и места, сказать не знает и ни от кого от русских людей и от иноземцов не слышал. А от Горбицы де реки до Аргуни места хрептовые и утесные, а ниже Аргуни вниз по Амуру до Албазина места луговые и еланные, пахотные. А как де при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине было в Нерчинску послование с китайскими послами, и что чего замежевано и по какой границе, про то де он, Бохтовского, подлинно сказать не знает для того, что в то время был он с помянутым полковником и со служилыми людьми в Албазине-городе в осаде.

К сей скаске вместо Ивана Бохтовского ево велением Илья Мальцов руку приложил.

Да в скаске ж Нерчинского жителя промышленного человека Афонасья Фунтосова показано:

Прибыл де он, Афонасей, в Нерчинск в прошлом 703 году в корован купчины Ивана Саватеева, а в бытность в Нерчинску воеводы стольника Михаила Шишкина и в прошлых же де годах по отпуску из Нерчинской канцелярии был он, Афонасей, на соболиных промыслах и з другими промышленными же людьми на Ленских покатых, на Алданских вершинах, на Учурах-реках, которые реки устьем пали в Алдан-реку, а та Алдан-река пала устьем в Лену-реку. А где Удь-река и где ее вершина, и ис которых хрептов выпала, того де он, Афонасей, не знает и на тех Удьских покатых не бывал. А как де на соболином промыслу он, Афонасей, был и сходились де они с якуцкими ясачными иноземцы, и от них де, иноземцов, про ту Удь-реку он, Афонасей, /л. 134 об./ слышал, и они де, иноземцы, ему, Афонасью, сказывали, что де Удь-река выпала ис хрепта, ис которого хрепта выпала Зия-река, а пала де та Удь-река устьем в море, в которое море устьем пал Амур-река, и на той де Уде-реке есть зимовье, и на ту де Удь-реку в то зимовье посылаютца из Якуцка служилые люди для збору с ясачных иноземцов ясачной казны, и ведомо де о той Уди-реке подлинно в Якуцком городе. А места де по той Уде-реке хрептовые, а судами де по той Уде-реке с вершины плыть нельзя, потому что де места хрептовые и каменистые, а дале де к устью, про

то он, Афонасей, не знает. А Зия де река выпала ис того ж хребта из Алатыря-озера на другую сторону хребта в Амурские покати и пала де устьем в Амур-реку, а та де Зия-река судовая, и судами де по той Зие-реке и до Амура плыть мощно свободно и без труда, и с устья де той Зи-реки чрез хребет на Удь-реку на средина расстояния земли немного, а ходу будет дней 10 и попасть де мощно промышленным ходом, и в том де месте та Удь-река будет свободна и пространна, и места де по ней будут луговые, и судами де по той Уде-реке ис тех мест и до устья плыти мощно свободно. А как при полномочном после боярине Федоре Алексеевиче Головине было в Нерчинску послование с китайскими послами, и он де, Афонасей, в то время в Нерчинску не был, и что чего земли и рек размежевано и по какой границе, про то он, Афонасей, подлинно сказать не знает.

К сей скаске вместо Афонасья Фунтасова ево велением Леонтей Детилов руку приложил.

/л. 135/ А по справке в Нерчинску с Нерчинскими обыватели,

которые б про вышеозначенную Удь-реку, где ея вершины и где она в море устьем пала, подлинно б знали, и таких обывателей в Нерчинску не обыскалось, также и о земле, которая при заключении вечного мира не межевана осталась, и такого из следствия Нерчинская канцелярия неизвесна, а ежели послать из Нерчинска вышеозначенные места осмотреть, которая при заключении вечного мира не межевана осталась (Так в тексте.), и Удь-реку проведывать, где ея вершины и где в море устьем пала, и это б продолжитца долговременно, а на такую немежеванную землю, где она есть, и кто про нее знает, итти невозможно, потому стало быть за границу, и о том Нерчинские обыватели, престарелые люди, в скасках своих выше сего показали именно.

Ево (Имеется в виду С. С. Луговской.) велением подписал итанцынской служилой Кирило Батурин.

На л. 135 под текстом: В Селенгинску получено июня 9 дня 1726 году чрез Селенгинского служилого Михаила Попова.

АВПР, ф. Сношения России с Китаем, 1726 г., д. № 6, л. 130–135. Подлинник.

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVIII веке т.2 Москва «Наука» 1990г.

№ 147

***1727 г. июля 11. – Сказка бывшего албазинского казака
А. Власьевского в Походной посольской канцелярии о пограничных
местах.***

/л. 22/ 1727 году, июля 11 дня в Походной посольской канцелярии китайской экспедиции присланной из Якуцка албазинской житель, бывшей казак Андрей Власьевской сказал:

Жил он в остроге Албазинском, которой построен был прежде ево прибытия лет за 15 от русских казаков по течению Амура вниз на левой стороне, немного пониже устья речки Албазихи, которая з другой стороны впадает в Амур.

Река Амур шириною против Албазина, как Ангара против Иркутка, течением не очень быстра, берега песчаные, утесов каменных нет, по обоим сторонам луга. Глубины подлинной не знает, токмо дощаниками ходить можно без нужды.

И когда богдойцы приходили к

Албазину¹, шли бусами, которые подобны дощаникам. А те бусы строе- ны в Науне, а из Науна Науном-ре- кою шли в Шингал, а из Шингалу Амуром вверх к Албазину. Перед приходом богдойцов послано было их из Албазина вниз по Амуру, ниже Зеи-реки, до реки Амгуна для со- брания ясаку. И близ Зейского устья встретились з богдойскими судами и тут от богдойцов ис тех казаков призваны обманом на обед и задер- жаны, в том числе старик Дмитрий Нестеров, которой ныне в Пекине. А достальные казаки, в том числе и он, Андрей, оставя дощаник, ушли чрез хребет, которой между Амуром и Удью, и вышли на реку Шавлей, а на Шавлее зделав плот, выплыли в двои судки на Удь-реку, а Удью при- плыли в Уцкой острог² от которого

до моря три дни ездю на плоту ж. По хрепту места каменистые и лесные, лес небольшой, сосняг и лисвяг. От Амура шли подле реки Зеи до хрепта недели с четыре, а чрез хребет, с которого покати в Амур, и на другую сторону перешли они до Шавлии в сутки. А сколь далеко тот хребет протягаетца, не знает.

От Албазина по Амуру до Аргунского устья вверх ходу дней десять, а вниз от Аргунского устья шесть

дней, а от Албазина вниз до Зейского устья ходу /л. 22об./ две недели. От Зейского устья вниз далее не бывал и не знает. От Нерчинска и до Зейского устья лесу по Амуру-реке довольно, великого соснового, лисвянишного. А на богдойской стороне и дубяк есть, только невеликой. Городов по Амуру при них не было, а слышал, что построен после их ниже устья Зейского, а в котором месте, не знает³.

АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. 1727г. Д. 11. Л. 22–22 об. Запись в журнале.

Примечания:

¹ Албазинский острог–русская крепость, основанная Е. П. Хабаровым в 1651 г. на левом берегу Амура. Вместе с тем, существует мнение и о том, что это был прежний городок даурского князя Албазы, захваченный и перестроенный казаками (Адоратский (Николай). История Пекинской духовной миссии. Т. 1. Казань, 1887. С. 22; Боднарский М. С. Очерки по истории русского землевладения. Ч. 1. М., 1947. С. 53). Население Албазина пополнилось главным образом за счет беглых крестьян. В середине 80-х годов их насчитывалось здесь более 300 человек. Богатый пушной промысел в этих местах привлекал торговцев и промышленников. Гарнизон Албазина увеличивался за счет русских «гулящих» людей и крещеных «инородцев». Из Албазина казаки продолжали объясачивать туземцев по среднему течению Амура и построили несколько новых острожков по реке Зее и ее притоке Селинбе.

Официально Албазин подчинялся Нерчинску, но отдаленность от него способствовала развитию казацкой вольницы. Во главе албазинских казаков находился Никифор Черниговский. Он появился в Албазине зимой 1665/1666 г., скрываясь от властей за убийство илимского воеводы Лаврентия Обухова. В 1670 г. Никифор Черниговский отправил царю ясак с под-

писанной 101 албазинцем повинной челобитной. Однако в ответ на это вышел царский указ, по которому Черниговский был приговорен к смертной казни, а остальные – к жестоким наказаниям. Через некоторое время этот приказ был заменен другим, в соответствии с которым Черниговский стал приказчиком Албазина, а его сподвижники – русским царским воинством, призванным охранять границы государства (Ермаков А. Албазин – первая столица Приамурья // Дальний Восток. 1969. № 5. С. 124). Одновременно с приказом албазинцам было послано из Москвы 2 тыс. руб. и печать города Албазина (Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII – середина XIX в. М., 1983. С. 30–31). Описание печати гласит: «...печать серебряная, сделанная на подобие медальона с ушком. По разорении китайцами Албазина, вывезена она была с прочими вещьми в город Нерчинск, где в бывшей канцелярии и хранилась до 1781 года, и в том году взята была в Иркутскую губернскую канцелярию; по открытии же Наместничества, хранится она, яко редкость в тамошнем губернском правлении. Вокруг одноглавого орла, увенчанного короною и держащего в одной лапе лук, а в другой стрелу, начертано: печать великих государей Сибирские земли Албазинского острогу» (Исторический, статистический и географический журнал, 1830. Ч. 1. Кн. 3. С. 229. Здесь же опубликована и сама печать). Увеличенный оттиск печати и матрица в натуральную величину напечатаны в 1969 г. (см.: РКО в XVII в. Т. 1. С. 331).

Албазинский острог отправлял в Москву ясак: «до приходу китайских людей по пятидесяти и по сороку сороков соболей, по московской цене по девяти, по осьми и по семи тысяч Рублев на год» (РГАДА. Ф. Сенат. Оп. 113. Док. № 485а. Л. 151).

В 1682 г. было учреждено Албазинское воеводство. Первым воеводой в Албазин был назначен А. Л. Толбузин.

Маньчжуры подходили к Албазину в 1671, 1684, 1685 и 1686 гг. В 1671 г. Албазинский острог был осажден «богдойскими людьми»: под острогом стояли «многие бусы с людьми», а после пришли «конные многие ж люди» (РКО в XVII в. Т. 1. Док. № 139. С. 281). Кроме того, разведывательная экспедиция цинских чиновников Лантаря и Пэнчуня, в декабре 1682 г. побывавшая у Албазина «под предлогом испросить о выдаче двух перебежчиков», подошла к крепости по суше вдоль берега Амура, а возвратилась обратно водным путем. Ее результатом явилось составление описания «местности от Албазина до устья Сунгари и расчет движения на судах и по суше» (Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980. С. 167–168; РКО в XVII в. Т. 2. С. 690).

В 1684 г. китайские войска отправились вверх по Амуру с приказом разорить все крепости, построенные русскими, и овладеть Албазином. 7 июля китайцы подошли к Албазину на бусах и увезли с собой 31 человека российских подданных в Пекин (Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел. С. 38).

В июне 1685 г. Албазин вновь был осажден маньчжурами. В этот раз они приплыли на 100 бусах, на каждом из которых было, по словам захваченного в плен китайца, человек по 40–50, «с луками и с сулемами, в том числе работных без всякого ружья 1200 человек, а с пищалями де было... человек со 100», по берегу реки пришло 1000 кавалеристов; у противника было 30 пушек больших и 15 малых (Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. С. 40–41). После неудачной попытки взять город штурмом, он был подожжен. Защитники Албазина были отпущены в Нерчинск, небольшая их группа ушла в Якутск, 40 человек перешли на сторону Цинов. Однако вскоре на старом месте Албазинский острог был построен вновь. В июле 1686 г. «неприятельские китайские люди» пришли под Ново-Албазин «на бусах с огненным городовым приступным боем и горою коньми многими дорогами...» (РКО в XVII в. Т. 2. С. 83). С 7 июля 1686 г. по 6 мая 1687 г. Албазин находился в осаде маньчжурской армией в 5 тысяч человек при 40 пушках. В Албазине находилось около 800 защитников во главе с А.И. Бейтоном, из них 500 человек умерли от цинги. Войско же маньчжуров увеличилось вдвое. Однако им так и не удалось взять Албазин ни штурмом, ни измором. Понеся огромные потери, маньчжурское войско сняло осаду. Героическая оборона защитников Албазина сорвала захватнические замыслы маньчжуров и вынудила их вступить в переговоры с представителями Русского государства, закончившиеся заключением Нерчинского договора. Албазин был разрушен в 1689 г., согласно этому договору (Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство. С. 184, 252; Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. С. 41–42, 55; Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990. С. 44–45).

С. В. Бахрушин, изучивший столбцы Сибирского приказа и дела Якутского правления бывшего Архива Министерства юстиции, обратил внимание на два похода албазинских казаков 1682 и 1683 гг. и дал краткое их описание. Маршрут и цель похода летом 1682 г. у С. В. Бахрушина полностью соответствуют описанию албазинского казака А. Власьевского: «вниз по Амуру, ниже Зеи-реки, до реки Амгуна для собрания ясаку». Однако остальные факты этого похода, приведенные С. В. Бахрушиным, не совпадают с информацией Власьевского, отражающей в значительной мере события,

имевшие место, по данным С. В. Бахрушина, во время похода летом 1683 г. на р. Быструю в составе 20 служилых и 47 промышленных людей, организованного для промыслов и помощи казакам. Экспедицию возглавлял казак Григорий Мыльник. 11 дней казаки плыли вниз по Амуру на 6 судах, пока на повороте реки не столкнулись неожиданно с китайцами. Присланные с китайской стороны два офицера пригласили на обед для переговоров Григория Мыльника. Он отправился вместе с попом Максимом и десятью казаками. Ни Мыльник, ни его спутники не вернулись к своим товарищам. Казак Афанасий Байташников, который «за караулом китайских людей» пришел к казакам, тайком передал распоряжение Мыльника, «чтобы они сами о себе позаботились, кому куда ближе, а он, Гришка, задержан китайцами, и они его не выпустят». Затем, по данным С. В. Бахрушина, человек 40 казаков, не пожелавших сдаться китайцам, перебрались с судов на берег и побежали в лес; человек 20 остались на судах у своего добра «и биться с китайцами не захотели, и на берег не сошли». С.В. Бахрушин приводит также сведения о том, что 10 человек из этой неудачной экспедиции благополучно и сразу добрались до Албазина. Самая же большая группа, из 23 человек, с Фирском Яковлевым во главе побежала по направлению к Селенбинскому острогу, где находились недолго, дней 6, после чего вместе с селенбинскими казаками беглецы пошли в Удской острог, забрав с собою аманатов. Эта группа подверглась нападению эвенков, которые перебили 15 человек и высвободили своих аманатов. Оставшиеся в живых казаки добрались до Удского острога.

Часть казаков, в их числе Михаил Иванов Яшиных, Ивашка Захаров, Евфим Алексеев и Павел Дмитриев, отбившись от остальных, как сообщает С.В. Бахрушин, попала в руки китайцев. Известно также, что Михаил и Иван 7 недель провели в китайской тюрьме, пока не были освобождены и отправлены в Албазин с «листом богдыхановым», призывавшим албазинских казаков к сдаче. Михаил и Иван вручили этот лист приказчику Ивану Войлошникову (Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. С. 76–80; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (втор. пол. XVII в.). М., 1969. С. 109–115).

Таким образом, не исключено, что бывший албазинский казак Власьевский в 1727 г., рассказывая о событиях давно минувших дней, мог сбиться в хронологию, отождествив в своих воспоминаниях два летних похода 1682 и 1683 гг. Этим обстоятельством и объясняются, по всей видимости, расхождения в повествовании казака Власьевского и в исследовании С. В. Бахрушина.

Следует отметить, что в 1729 г. был еще жив «старейший полонен-

ный» Дмитрий Нестеров, находившийся в Пекине и выполнявший функции церковного старосты при Успенской церкви. Об этом свидетельствуют бывший член Пекинской духовной миссии певчий Андрей Попов (Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 10. С. 159), а также переводчик И. К. Россохин, который располагал информацией и о том, что Нестеров «женат был на китайке» (РГАДА. Ф. Портфели Миллера. Оп. 2. П. 391. Док. № 3. Л. 20). Кроме того известно, что Дмитрий Нестеров относился к тому числу приведенных в Пекин албазинцев, которые «были усерднее к христианской вере». Во время пребывания в Пекине русского посланника Л.В. Измайлова Дмитрий Нестеров и некоторые албазинцы обратились к нему с просьбой взять их в Россию. Однако бывшие албазинцы получили далеко не утешительный ответ: «Вас для того де рады взять в Россию, чтоб выведши на границу яко изменников перевешать» (Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. Вып. 1. СПб., 1905. С. 11. Сноска 1).

² Удское зимовье было построено летом 1680 г. на правом низком берегу реки Уды в трех днях пути от ее устья. Не позднее мая 1681 г. Удское зимовье было превращено в острог, а в 1682 г. острог был перенесен на более удобное место несколько выше, в расстоянии в один день пути от старого места, на левый более высокий берег. После основания Удского зимовья поступление ясака с местного населения принимает регулярный характер, о чем свидетельствуют сохранившиеся ежегодные книги ясачного сбора, скрепленные подписями удских приказчиков (Демидова Н. Ф. Эволюция понятия «Удское неразграниченное пространство» в ходе становления русско-китайской границы в XVII–XIX веках // ИБ ИДВ АН СССР. М., 1976. № 73. Ч. I. С. 60–191).

³ Трудно сказать о каком «городе» на Амуре ниже устья Зеи идет речь. В 1681 г. нерчинский сын боярский построил новое ясачное Зейское зимовье на р. Зее, выше Долонского острога, а в 1682 г. прислал в Нерчинск «чертеж» и описание зейских острогов (Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. Вторая половина XVII в. Хабаровск, 1984. С. 48).

Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы, Том 3. 1727–1729. М. Памятники исторической мысли. 2006, № 31,

№ 148

1755 г. не ранее. – Выписка о реке Амур и Камчатской экспедиции

/л. 85/ В указе Ея императорского величества из Правительствующего сената от 9 июля 1753 году в Коллегию иностранных дел писано.

В минувшем июне месяце призыван был в Правительствующий сенат генерал-порутчик и Сибирской губернии губернатор Мятлев. И по силе учиненного определения между прочим объявлено ему, что для возобновления Камчатской экспедиции¹, которая остановлена по большей части за неспособностью к поставке припасов и прочих потребностей, надлежит ему, губернатору, стараться о способнейших пред прежним провозах и прочих потребностях к той экспедиции, дабы чрез оное к безсмертной Ея императорского величества славе и пользе империи действо произвести и более о неизвестных сторонах открытость получить, а от обретенных пользоваться.

И для того от него, губернатора, требуется, сколько он в состоянии о том ныне знать дать, чтоб представил. И в силе того Правительствующего сената приказания в поданном от него, губернатора, представлении написано, что он за неимением обстоятельного о находящихся тамо

местах и недостатках известия /л. 85 об./ представить не может, кроме что из специальных Сибирской губернии карт² довольно видно описание текущей из Нерчинского уезду реки Ингоды, которая, соединясь устьями с рекою Аргуном, впала в реку Амур, [86] по которой реке граничит тот уезд с иновладельцами³. Токмо описания о глубокости тех рек и не имеет ли в себе порогов, в помянутых картах не показано. А по великости их для плаванья плоскодонных судов, кажется, что б довольно воды иметься могло, а рекою Амуром на судах легко довольствоваться можно будет все гарнизоны по крепостям и острогам, лежащим по северо-восточным берегам, и всех по тем берегам живущих промышленников и обывателей не такую высокою ценою, в какой ныне в Охоцком и Удском острогах и в прочих восточных к морю местах состоит, что ниже полутора рубли пуд ржаной муки в продаже не бывает, а случалось и то, что выше пяти рублей за неспособностью из отдаленных мест сухим путем для пропитания съестных припасов провозу, которой такою дорогою ценою поставкою становится, покупать принуждены.

Что же Амур-река течение свое чрез иностранное владение имеет и устьем своим в Восточное море не под область Российской империи впадает, в том неуповательно, чтоб тот соседственной владелец так нужной путь воспрепятствовать причину /л. 86/ имел. От которых судов и от посланных на тех судах служителей никакой подданным ево обиды показано быть не может. И по обязательству соседственной дружбы, ежели только о свободном плавании судов рекою Амуром учинены будут надлежащие требования, то такие необходимо нужные требования без удовольствия оставлены быть не могут.

И ежели за мелкостию воды реками Ингодою, Аргуном и Амуром мореходным судам проходить будет не можно, то и позволение дать могут на устье реки Амура для строения морских судов, обыскав удобное место, верфь учредить и для прикрытия оной крепость построить, которую от тамошних народов небольшим числом гарнизону в безопасности содержать без большова убытку можно и оттуда все по берегу Восточного моря места и от Камчатского мысу лежащая к югу острова всеми потребностями довольствовать можно. И от них ко умножению высоких Ея императорского величества интересов пользы ожидать с распространением Всероссийской империи в высокославную память

Ея императорского величества всемилостивейшей нашей государыни высочайшего имени. И ежели де сие ево, генерал порутчика, представление Правительствующим сенатом /л. 86 об./ за полезное апробовано быть удостоится, то надлежит ему быть для лутчаго надсмотрения поблизости к Нерчинскому уезду в Ыркуцке. А ис Тобольска за таким дальним разстоянием надлежащаго надсмотрения и поспешнаго в делах исправления производить будет невозможно. Ему ж из Иркутска надобно быть в Нерчинску и на реке Ингоде, где она соединилась с рекою Аргуном, и название получили обе те реки рекою Амуром.

Осмотреть и обыскать удобное место для строения судов и необходимо надобно получить достоверное известие о глубокости реки Амура. И ежели во оной реке довольно глубины имеется, то можно тут будет морские суда строить, а ежели мелководна, то, как вышепоказано, для строения морских судов верфь учредить на устье реки Амура. Что же надлежит до обыскания вновь неизвестных восточных, северо-восточных и южно-восточных мест и для известнейшаго описания земли, которая от устья Амура-реки к западноюжной стороне склонение иметь начинает, также и для получения обстоятельного известия о найденной Берингам от Камчатки к востоку лежащей земли, о том

Правительствующему сенату мнение свое представляет. В-первых, на устье /л. 87/ Амура-реки необходимо надобно в разсуждении тамошнего народа, хотя не весьма убыточную крепость сделать, верфь для строения регулярных морских военных судов учредить и по малой мере три [87] фрегата от дватцати шести до тритцати четырех пушек построить и вооружить во всем по регламенту с надлежащими или еще и превосходными тех фрегатов как наружными, так и внутренними украшениями. Для того что при первом случае между неизвестными, а, может быть, и дикими народами, что наряднее увидится, то больше почитается, и при них три или четыре брегантина или другая какая морския суда, которыя бы мелководнее ходили, что при новообисканных землях могли по мелким водам способнее проходить и в устья впадающих в море рек входить. Да и те бы так исправно вооружены были, чтоб по малой мере, где неприятно примут, могли себя с надлежащим дефенсом ретировать к своим фрегатам, а где возможно, тут позволить те народы под высочайшую Ея императорскаго величества самодержавную власть в подданство склонять и обнадеживать, и уверять всемилостивейшим так великой в свете государыни императрицы содержанием. /л. 87 об./ А где к тому склонить будет не можно,

а понудить силы не достанет, то требовать, чтоб с ними о произвождении комерции договоры заключить.

Ежели же по Амуру-реке свободного проходу получить и на устье пристани сделать и верфи для строения кораблей учредить не допустят, то он, генерал-порутчик, ныне для обыскания вновь неизвестных земель и для лутчего удовольствия в отдаленных местах обывателей и ином способе Правительствующему сенату представить не может. Разве другая какая к тому до ныне неизвестная способности со временем впредь сыщутся. И по указу Ея императорскаго величества Правительствующий сенат приказали в Коллегию иностранных дел с прописанием из оног ево, генерал-порутчика и губернатора, представления о касающемся до Амур-реки, имеющей течение свое чрез иностранное владение, и о показанных оною к пользе Российской империи предприятых послать указ, в котором написать, понеже в производившуюся от 724 года по высочайшему блаженные и вечной славы достойная памяти государя императора Петра Великого указу Камчатскую экспедицию капитан командор Беринг с командою до американских берегов доходил, а капитан Шпанберг⁴ у японских берегов был, где тамошние жители, а особливо на неизвестных островах множественные народы, с российскими людьми

к торгу /л. 88/ и к производству комерции склонными оказались. О чем обстоятельно описании и ландкарты от них получены.

Но за неспособностью к поставке в ту экспедицию припасов и протчих потребностей по высочайшему Ея императорского величества сентября 24 дня 1743 году на докладе от Сената собственной Ея императорского величества рукою подписанию та экспедиция до воследования об отставке оной экспедиции или о дальнейшем производстве Ея императорского величества указа остановлена.

А потом з Берингова острова, на которой он от дальняго морского пути и от неимения провизии пришел в безсилие, яко на неизвестную землю попал, и тамо умре, а оставшая ево команда нужду претерпела, великой капитал в одних бобрах российскими людьми получен. А ныне он, генерал-порутчик и губернатор, к наилутчему довольствованию всех гарнизонов по крепостям и острогам, лежащим по северовосточным берегам, и всех по тем берегам живущих промыслеников и обывателей представляет за весьма способное из Нерчинского уезду впадающими реками Ингодою и Аргуном в реку Амур и тою рекою Амуром, которая де Амур-река, хотя течение свое чрез иностранное владение имеет и устьем своим в Восточное море не под областю

Российской империи впадает, не по обязательству соседственной дружбы, ежели только о свободном плавании судов рекою Амуром учинены будут надлежащая требования, то такая необходимо нужные требования без удовольствия оставлены быть не могут. И ежели за мелкостию воды /л. 88 об./ реками Ингодою, [88] Аргуном и Амуром мореходным судам проходить будет не можно, то и позволение дать могут на устье реки Амура для строения морских судов. Обыскав удобное место, верфь учредить, и для прикрытия оной крепость построить, которую от тамошних народов небольшим числом гварнизону в безопасности содержать без большова убытку можно. Откуда де надлежит и обыскание вновь неизвестных восточных, северовосточных и южновосточных мест и описания земли, которая от устья реки к западно-южной стороне склонение иметь начинает и получения известия о найденной Берингом от Камчатки к востоку лежащей земли, производить. И где можно, тут позволить те народы под высочайшую Ея императорского величества в подданство склонять, а где к тому склонить будет не можно, а понудить силы не достанет, то требовать, чтоб с ними о производстве комерции договоры заключить.

Того ради Коллегии иностранных дел по вышепредписанному ево,

генерал-порутчика и губернатора, представлению, справясь с заключенным с Китайским государством трактатом, рассмотреть с каким основанием она Амур-река ис-под области Российской империи в иностранное владение отграничена и о свободном ею плавании российских судов, и о учреждении на устье оной для строения морских судов верфи и крепости с гарнизоном, как он, генерал-порутчик, представляет, возможно ли надлежащая и требования учинить и по изисканию⁵ чрез ту экспедицию неизвестных мест в склонении тамошних народов, где возможно под высочайшую Ея императорского величества власть, в поданство позволить. О том о всем той Коллегии представить Правительствующему сенату сомнением, /л. 89/ а потом другим указом от 30 октября того же году о том же подтверждено. И на оное в доношении из Коллегии в Сенат от 16 ноября 1753 году представлено.

Между Российским и Китайским государствами трактат о вечном мире и о границах к восточной стороне (по которому Амур-река в Китайское владение отграничена) заключен при Нерчинску в 1719-м⁶ году августа 27 дня чрез отправленного из Москвы полномочного посла окольничего и наместника брянскаго Федора Алексеевича Головина⁷ с товарищи, а до того времени некоторые места на реке Амуре, хотя

и заняты были российскими людьми, построены были Албазинской и другие остроги⁸, но каким образом и кем, и когда, то усмотрено быть может из приложенного при сем известия, которое во время отправления помянутого посольства из Сибирского приказа в тогдашней Посольской приказ дано было.

А к отправлению того посольства причина была такая, что в 1714-м году⁹ получена в Москве чрез присланных из Енисейска от воеводы князь Константина Щербатова албазинских казаков Якима Иванова с товарищи ведомость, что китайцы, приходя под Албазин¹⁰, их, казаков, в полон /л. 89 об./ к себе взяли и у себя с два года держали, и потом китайской хан отпустил их к Москве с листами, а в 1713-м году¹¹ китайские воинские люди Албазинской острог взяли и жителей тамошних побили, а иных в полон взяли. А в присланных с ними, казаками, от китайского хана листах к их величеству государю царю и великому князю Иоанну Алексеевичу¹² и государю императору Петру Великому писано: что подданные российские, живущие при рубежах, его хановым подданным многую обиду и насилие, и крамолы чинили и беглецов к себе принимали. И хотя о том от него, хана, как к их величеству, так и к порубежным российским воеводам посланы многия листы, однако никакого ответа на то не получено.

Но от поданных российских его хановым подданным, но и паче всякия обиды непрестанно показываются, чего ради, не стерпя тех обид он, хан, войска свои послал и желает от их величеств, дабы они, великия государи, указа-[89]ли подданным своим из его хановых земель выступить в свой край, чтоб больше того войны не чинилось и жили б на обе стороны в мире и согласии.

И потому вышеозначенное посольство из Москвы отправлено в том же 7194-м году. А между тем наперед посланы были /л. 90/ с грамотою их величества к китайскому болдыхану в Пекин нарочныя гонцы Посольского приказу два подъячия¹³, в которой грамоте писано было, что их величество для успокоения и прекращения с подданными его ссор указали послать на границу своих великих послов, которыхя вскоре и отправятся, и чтоб для того он, китайской хан, до прибытия на границы оных послов своим воинским людем от Албазина отступить приказал и разорять онаго не велел, но выслал бы и от своей стороны начальных людей для договорения и заключения мирнаго постановления о всем. И помянутыя подъячия из Пекина писали, что им сказано тамо от ближних китайского болдыхана людей, что хан их, не желая кровопролития и войны, на обе стороны воинским своим людем от Албазинскаго острогу отступить

велел, и чтоб по заказу российских послов, покамест совершенной мир учинится, албазинския казаки задору не чинили и на Амур в судах не выходили, и ясачных их людей не побивали, и ясаку с них не брали.

А при отправлении помянутого посольства в данном из Посольского приказу окольничему Головину с товарищи наказе между иным написано было.

/л. 90 об./ Буде ханов полковой воевода, которой на съезде будет, учнет им, послам, говорить, что Даурская земля вся належит издавна к стороне Китайского государства, и ясачные люди ясак платили в сторону ханова высочества, а которыхя люди на той их земле с российской стороны построили Нерчинской, Албазинской остроги и иныя острошки, и те российские подданныя многую обиду и насилие подданным ханским чинили и беглецов к себе принимали. Чего ради, как не терпя тех многих обид, войска свои на тех людей послал и желает, чтоб указали их величества тем своим подданным из земель богдыханских уступить и послам на то говорить, что те места, на которых российских подданныя построили Нерчинск и Албазинской остроги и иныя острошки, никогда во владении ханова высочества не бывали, а жили на той земле ясачные люди и платили ясак в российскую сторону. А есть ли когда в

древних летах те даурския жители и в сторону ханскую ясак платили, и то чинили они поневоле, что те места с российских городов были тогда в дальнем разстоянии, а когда российские подданные построили в тех местах Нерчинск и Албазинской остроги и иные острошки, тогда те даурские /л. 91/ жители по-прежнему ясак платить учили в российскую ж сторону, и в том никакия обиды ханским подданным не учинено и войны всчинать было за то не для чего, потому что построены вышепомянутые острошки с российской стороны из давних лет и подданные российские ясачные люди имеют рубеж по реку Амур. А Китайского государства границы за рекою Амуром, что к стороне ханова высочества от наунских сел и ханово б высочество, что по сю сторону реки Амура в те места, которыми из древних лет российские подданные владели, и ныне вступаться не велел.

И буде китайского хана полковой воевода по реку Амур не уступит, а учнет говорить против прежнего своего предложения, чтоб с российской стороны уступить в сторону ханову все те места, которые нынешним воинским наступлением они полками своими завоевали и послали говорить на то пространными разговорами. Да и о том ему объявить, что их величества российские государи соседския дружбы и любви с хановым высочеством и границею

реки Амуру быть и впредь желают потому, что та река Амур имеет разширение немалое и граничит между Российским /л. 91 об./ и Хановым государством из древних лет. Да не только по реку Амур подданные российские до сего времени владели, но и за реку Амур переходили почасту, потому что мирного постанов-[90]ления между российским государи и богдыханом не имелось и стоять им, послам, накрепко, чтоб, конечно, границею учинить реку Амур и разоренные острошки построить, и людьми населить, паче прежнего.

А буде китайского хана полковой воевода границею реки Амура учинить не похочет, а учнет говорить, что границею быть той реке Амуру невозможно, потому что та река Амур впадает в самое море и близ городов имеет Китайского государства. И послам по самой последней мере домогаться, чтоб учинить границу рекою Амуром по реку Быстру или Зию, которая в Амур впадают.

А буде и того учинить будет невозможно, то по самому последнему договору стараться, чтоб Албазину быть границею, а промыслы иметь по реке Амуру и по те вышеписанные реки Быстру или Зию. /л. 92/ Да в 7195-м году¹⁴ в грамоте из Посольскаго приказа к помянутому послу Головину с товарищи писано: чтоб они о миру с хановыми людьми говорили по прежнему наказу и

по приложенным при той грамоте статьях. А в них написано буде по самой конечной мере и того китайския послы или воеводы учинить не похотят, чтоб быть границею Албазину. То им, российским послам, говорить, что их величества российския государи изволяют для крепчайшия с хановым высочеством дружбы и любви и по желанию его учинить, чтоб в Албазине острогу и поселению и в том месте ратным людем с обеих сторон ныне и впредь не быть, только б промыслы российским промышленным и служилым, и ясачным людем иметь в албазинских и вышеписанных местах безборонно и безсорно. И о том стоять крепко и домогаться всякими мерами, чтоб однолично учинить по самой нужде и по последней мере по сей статье.

Буде и того по самой нужде учинить будет не можно договариваться и записьми крепиться, чтоб то дело отложить до иного благополучнаго времени, когда их величества изволят и ханово высочество похочет о том обослаться на обе стороны послами с любительными /л. 92 об./ грамотами, которыя послы врученной им полной мочи, будучи в обеих сторонах или из них в которой ни есть одной, то дело потребными и пристойными способы договорятся и постановят, а подданным бы обеих сторон в тех местах до того времени и совершения подлинных

договоров промыслы свои иметь невозбранно и безсорно, а войны и не дружбы ни за какия тамошния ссоры до того же времени и совершения договоров не всчинать никакими мерами. И того с обеих сторон остерегать накрепко.

А напоследи в грамоте из Сибирского приказу к помянутому ж послу окольничему Головину с товарищи от 5 генваря 7197 года¹⁵ писано.

Буде у них с китайцы договору против даннаго наказа не учинится и Албазина китайцы в российскую сторону не уступят, и ево разорить, а ему, окольничему, по учинении потребнаго разпоряжения для надлежащей предосторожности пограничных городов Нерчинска и Удинска с границы выступить и с московскими начальниками и служилыми людьми итти к Москве. /л. 93/

По получении той грамоты и по прибытии в Нерчинск августа 9 дня 7197 года посол Головин с товарищем своим нерчинским воеводою Власовым¹⁶ вступили в пересылки и в договоры на съездах с китайскими послы, кои тогда на границе неподалеку от Нерчинска лагером стояли. И как из присланного потом от них, российских послов, в Посольской приказ статейного списка видеть можно, то хотя они при договорах с китайцами о установлении границею Амура-реки, а по неуступке китайцов, чтоб оной по реку Быстру

или Зию или же по последней мере при Албазине быть по силе данных им наказов многое старание и домогательство имели, однако ж ничего в том одержать не могли. И потому что китайския послы войною угрожали, а земли и [91] ясачных людей, даже до Байкала моря, издревле принадлежащим хану их, предъявляли.

Напоследи согласились и в 27-день помянутого ж августа заключили с обеих сторон вечной трактат, из которого, что надлежит до границы, при сем экстракт прилагается, и из которого усмотрено будет, что по содержанию сего трактата не токмо Амур-река вся и купно с северным берегом оной в Китайское владение отошла, и бывшей на том берегу российской город Албазин разорен, но и граница между обоих государств выше начала Амура, от вершины впадающей в Ингоду или Шилку реки Горбицы по Каменным горам до Комчатского моря, /л. 93 об./ установлена будучи, однако ж лежащая в середине между теми горами и рекою Удью земли и реки еще не ограничены оставлены до будущего соглашения, причем оное и донныне осталось. И из вышеписанного всего Правительствующий сенат изволит усмотреть, с каким основанием частопомянутая река Амур из-под области Российской империи отграничена, и что ко удержанию оной в российском владении только жела-

ние, а надежды весьма мало было, когда в наказах о сем деле послу Головину данных заблаговременных уступки предписаны были.

А что надлежит до требования, возможно ль ныне оное при китайском дворе учинить о свободном тою рекою плавании российских судов и о учреждении на устье оной для строения морских судов верфи и крепости с гарнизонами, на то Коллегия иностранных дел свое мнение представляет. Что хотя сие требование у Китайского двора учинить ныне и можно, но чаятельно оное совсем бесплодно быть имеет, и токмо безвременное откровение оному о здешнем к тому намерении подано будет, ибо китайской двор, услышав токмо, что на устье Амура для морских судов российскую верфь и крепость строить хотят, легко позволить на то не может, но паче из того явное подозрение возимеет, /л. 94/ будто с российской стороны таким образом намерены рекою Амуром завладеть и морскими судами противу областей китайских действовать. И для того за удобнее признается то, как генерал-порутчик и губернатор Мятлев в представлении своем упоминает, чтоб наперед быть ему в Нерчинску и на реке Ингоде, где она соединилась с рекою Аргуном, и, осмотря, обыскать удобное место для строения судов и получить достоверное известие о глубокости¹⁷ реки Амура и,

ежели в той реке глубины довольно, то б тут и морския суда строить, а домогательства у Китайскаго двора о строении верфи и крепости на морском устье Амура миновать, и только о свободном плавании Амуром российских судов у онаго двора требовать, в чем уповательно может позволено быть, когда оному китайскому двору предъявится, что сей проход российских судов Амуром за неимением другаго пути необходимо для того нужен, чтоб на тех судах хлеб и другия припасы возить и оными все российские гарнизоны, по крепостям и острогам, лежащим по северо-восточным берегам, и всех по тем берегам живущих промышленников и обывателей довольствовать можно было, и что от оных российских судов и будущих /л. 94 об./ на них людей подданным китайским никогда никакой обиды показано отнюдь не будет.

А ежели по подлинному освещению явится, что Амур-река мелководна и, следовательно, при начале оной, где Ингода и Аргунь реки соединились, морских судов строить неудобно будет, то разве тогда уже о позволении на устье Амура верфь учредить и при том небольшую¹⁸ крепость построить у Китайскаго двора домогательство учинить с вероятными предъявлениями о настоящей в том для упомянутых российских гарнизонов и обывателей нужде и с [92] обнаде-

живанием о соседственной и вечной дружбе, да и то в запас. Ежели токмо противу чаяния возможно будет к такому позволению оной китайской двор преклонить, а когда б сие намерение одним или другим образом исполнилось и тем бы остановленная поныне Камчатская экспедиция паки возобновилась, то по изыскании чрез оную неизвестных мест и народов склонять оных под высочайшую Ея императорскаго величества власть и подданство, без сумнения, будет можно токмо таких, которыя никакой другой державе еще не подданными найдутся, еще все в разсуждение Правительствующаго сената предается. /л. 95/

Известие, присланное во 194-м году из Сибирскаго приказу в Посольской приказ о Нерчинску и Албазине и протчих острогах, кем и когда оные построены?

В 159-м году¹⁹ с Лены из Якуцка воевода Дмитрий Франбеков²⁰ посылал в Даурскую землю казака Ярка Хабарова²¹ для разведания, какия люди там живут и кому ясак платят?

И Ярко Хабаров, будучи в Даурской земле, проведал, что по Амуре-реке жили тангусы, и гиляки, и жучеры, а платили ясак даурскому владельцу Ламкаю и Шемшахану²², царю богдойскому, и с тех людей он, Ярко, ясак собрал.

А во 163-м году²³ во время государя царя Алексея Михайловича по

отправленному к енисейскому воеводе Афонасию Пашкову²⁴ указу, велено ему итти в Даурскую землю и построить там остроги. И оной Пашков в тое Даурскую землю ходил и на Шилке-реке Нерчинской острог построил.

Да во 173-м году²⁵ собрався в Илимском пятидесятник Никифорко Черниговской с товарищи, человек со ста, из Илимского ушли в Даурскую землю и на Амуре-реке построили острог Албазинской и завели пашню.

И из Албазинского острогу присылалось к Москве ясаку до приходу китайских людей /95 об./ по пятидесяти и по сороку сороков соболей по московской цене по девяти по осьми и по семи тысяч рублей на год.

И по посылке из Албазинского для ясачного збору поставлено острогов вновь на Зие-реке Зийской острог да на реке Силинбе–Силинбинской острог, да на Амуре-реке, где переходили китайские люди для збору ясаков на сю сторону Амура, поставлено зимовье. И то зимовье в 190-м году²⁶ воевода Федор Воейков²⁷ отдал китайским людям, а по отпискам из даур, китайские де люди под Зиской острог приступали, а взяли ль или нет, того неведомо.

А в присланной из Якуцкаго в Москву к албазинским казакам грамотке /кою к ним послал из Китайскаго государства поп Максим/ написано, что Силинбинской

острожек тунгусы выжгли, а людей побили.

А по роспросом сибирцов, из Нерчинского до китайских наунских сел ходу три недели, а из Албазинского–две недели.

Экстракт

В заключенном 7197-м года августа в 27 де[нь] между российскими и китайскими послы при Нерчинску трактате о границе постановлено следующее. Река, имянем Горбица, которая впадает, /л. 96/ идучи вниз, в реку Шилку, с левыя стороны близ реки Черной–рубеж между обоими государствами. Постановить такожде от вершины тое реки Каменными горами, которые начинаются от той вершины реки и по самым тех гор вершинам, даже до моря протяженным. Обоих государств державу тако разделить, яко всем рекам малым или великим, которые с полуденные стороны с сих гор впадают в реку Амур, быти под владением Хинского государства. Такожде всем рекам, которые с другие стороны тех гор идут, тем быти под державою царского величества Российского государства. Протчие же реки, которые лежат в средине меж рекою Удью под Российского государства владением и меж ограниченными горами, которые содержатся близ Амура,–владения Хинского государства и впа-[93]дают в море.

И всякие земли, посреди сущие межею вышепомянутою рекою Удью и меж горами, которые до границы належае неограниченны.

Ныне да пребывают понеже на оные земли разграничения великие.

И полномочные послы, не имеющие указу царского величества, отлагают не ограничены до иного благополучного времени, в котором, при возвращении с обеих сторон послов, царское величество изволит о том обослаться послы или посланники любительными пересылки.

И тогда или чрез грамоты, или чрез послов те назначенные неограниченным /96 об./ земли покойными и пристойными случаи успокоить и разграничить могут. л.

Також де река, реченная Аргунь, которая в реку Амур впадает, границу постановить тако: яко всем землям, которые суть с стороны левые, идучи тою рекою до самых вершин, под владением хинского хана да содержится.

Правая сторона також де все земли да содержатся в стороне царского величества Российского государства. И все строение с полудневных стороны той реки Аргуни снести на другую сторону тое ж реки.

Город Албазин, которой построен был с стороны царского величества, разорить до основания. И тамо пребывающие люди со всеми при них будущими воинскими и

иными припасы да изведены будут в сторону царского величества и нимаго убытку или каких малых вещей от них тамо оставлено будет.

Экстракт

По заключенному в 1728-м году графом Владиславичем трактату о разграничении с китайцы Мунгальской земли постановлено.

Границу вести междо Российскаго владения и мунгальских караулов.

А имянно: от сопки Бургутейской, что при речке Кяхте, до берегу реки Аргуни./л. 97/

Причитая в близости лежащая сопки, (то есть горы) хрепты и реки за границу с постановлением на оных пограничных знаков.

Так что по оному разграничению, северная сторона—Российскому государству, а полуденная—Китайскому да будет. По которому трактату посланной для того разграничения комисаром секретарь Глазунов²⁸ с китайским комисаром же стольником Хубиту границу разделили и между собою разменились письмами.

В коих написано:

Что они, начав от Бургутейской крайней сопки до вершины реки Аргуни, все земли и реки разделили и 63 мояка по горам и хрептам поставили.

Между которыми последней пограничной 63 маяк поставлен Аргуни-реки на правом /то есть за-подном/ берегу против Хайларского среднего устья на верху стрелошном сопки Абагайту, где заключается новая граница с старою, утвержденною в Нерчинску.

По всему тому разграничению и постановленным пограничным маякам от Бургутейской сопки до вершины реки Аргуни, северная сторона вся—Российской империи, а полуденная—Китайской.

О землях же, между рекою Удью и Каменными горами лежащих, постановлен им же, графом Владиславичем, в главном с китайцы трактате 7 пункт следующего содержания. /л. 97 об./

Что касается до реки Уди и тамошних мест, понеже российской посол Федор Алексеевич Китайского империя внутренняя полаты с вельможею Самгуту, согласая вкупе, говорили, сей пункт да останется ныне не окончен, а впредь или чрез письма, или чрез послов окончится. И так писано в протоколах, того ради Китайского империя вельможи говорили российскому послу Саве Владиславичу графу Иллирийскому, понеже ты прислан от императрицы с полною мочью окончить все дела, то и о сем пункте имеем трактовать, [94] ибо ваши люди безпрестанно переходят границы в наше место, имянуемое

Химкон Тугурик. Ежели сей пункт ныне не окончим, зело опасно, дабы обоих империй подданные, которые живут при границах, между собою ссоры и несогласия не возбудили. И понеже сие весьма противно миру и соединению, ныне уже надлежит окончить.

Российской посол Сава Владиславич иллирийской граф отвечал: «Сия земля восточная не токмо мне от императрицы не приказана, но еще я о той земле подлинно известия не имею, да останется еще, как прежде постановлено, а ежели кто из наших перейдет чрез границу, унимать и запрещать буду». /л. 98/ На сие китайские вельможи говорили: «Когда императрица не приказала тебе о восточной стороне трактовать, мы не будем более принуждать и между тем так принуждены оставить, но по твоём возвращении накрепко закажи вашим, ибо, ежели какие из ваших перейдут за границу и пойманы будут, без сомнения, от нас наказаны быть имеют. И не можете тогда говорить, что мы нарушили мир. А ежели из наших за вашу границу, кто перейдет, вы также их накажите. Того ради понеже ныне не трактуется о реке Уде, ниже о прочих тамошних реках. Да останутся по-прежнему, но ваши люди не имеют более завладеть на поселение. Российской посол Иллирийской граф Сава Владиславич, когда возвратится, вся сия ясно донес бы,

императрице изъяснил, каким образом надлежит туда послать вкупе известных людей о тамошних землях, которые б вкупе могли рассмотреть и что-нибудь решить. И сие бы изрядно было, а ежели оставится сие малое дело худо, гласится будет с миром обоих государств, о сем пункте писано к российскому Сенату».

По заключении онаго трактата оной же граф Владиславич в реляции своей от 22 апреля 1728 году между прочим доносил. /л. 98 об./ В три года моей бытности в Сибири по многим письмам и пересылкам не мог я получить подлинного известия о состоянии Уди-реки и протчих земель и рек, которые, по трактату графа Федора Алексеевича, до разграниченья впредь оставлены, и потому, мню, что оные земли и реки суть в предальном разстоянии. И сказывают, что три месяца ходу от Якуцка пустыми местами проходят зимнею дорогою. Вашего величества подданные иноземцы за звериными промыслами, и там никакого жилья нет, кроме что близ моря на реке Уди есть острожек, сиречь маленькое деревянное строение, где 12 человек казаков живут на карауле для прикрытия промышленников и кормятся будто рыбою сухою, а иного запаса и провианту в тех местах не имеется. Еще сказывают, что между рекою Удью и Каменными горами, сиречь ²⁹ Химкон Тугуриком²⁹, превеликое разстояние, не-

сколько недель ходу-места пустые и непроходимые. И сие по скаскам промышленников-иноземцов, а от Якуцкаго воеводы Полуехтова и ни от кого из русских не мог получить совершенной информации их. Кому ни писал, то всяк отвечает, что о тех землях неизвестны за дальным разстоянием и великою пустотою. Прошлого году нарочно посылал двух геодезистов, из которых один занемог на дороге, а другой, прозванием Свистунов, возвратился почти ни с чем³⁰ и объявил, что без провианту не мог оных мест обстоятельно осмотреть, а девять недель ехал от Якуцка до реки Уди и на том острожке жил три дни и потом возвратился. И будто по ту сторону Уди и никакого жилья нет до самых Каменных гор. И прежде де не бывало, токмо некоторые народы, именуемые дауры, промышляют по времени звериные ловли на медведях, а ясаку не платят никому. И более суть сии дауры, манзуры, от котораго рода нынешнее китайское владение. /л. 99/ В указе из Правительствующаго сената от 28 декабря 1753 году Коллегии иностранных дел дано знать.

[95] По указу Ея императорскаго величества Правительствующий сенат, слушав поданного от оной коллегии доношения от 16-го ноября сего 1753-го года и прописанного во оном на посланной из Сената от 9 июля сего ж году указ для воз-

обновления остановленной поныне Камчатской экспедиции по учиненному от генерала-лейтенанта³¹ и сибирского губернатора Мятлева представлению, с каким основанием по трактату с Китайским государством Амур-река ис-под области Российской империи в иностранное владение отграничена и о свободном оною плавании российских судов, и о учреждении на устье оной для строения морских судов верфи и крепости з гарнизоном.

Возможно ль надлежащая требовании учинить и по изыскании чрез ту экспедицию неизвестных мест в склонении тамошних народов под высочайшую Ея императорского величества власть и в подданство позволить оной Коллегии мнения и приложенного при том экстракта приказали ему, генералу-лейтенанту и губернатору Мятлеву, по силе прежде данного Ея императорского величества из Правительствующаго сената указа ехать отсюда /л. 99 об./ в Сибирь, и в губернское правление вступить без замедления. А по вышеписанному ево, генерала-лейтенанта, представлению и Коллегии иностранных дел мнению чинить следующее: 1-е, о возобновлении Камчатской экспедиции и изыскании чрез оную неизвестных мест и народов и о склонении оных под высочайшую Ея императорского величества власть и в подданство ему, генералу-лейтенанту. Во всем

по вышеозначенному ево представлению и Коллегии иностранных дел мнению производить со всевозможным прилежанием и старанием и изыскиванием и лутчей высоких Ея императорского величества интересов пользе, содержа все то в крайнейшем секрете особою комисиею не мешая з губернскими делами.

И для того Коллегии иностранных дел по предписанному своему мнению чрез кого надлежит у китайского двора о свободном плавании Амуром российских судов домогательство и требование с предписанными ж о настоящей в том для довольствия российских гарнизонов и обывателей нужде представлениями и со обнадеживанием о ненарушении соседственной и вечной дружбы, как в том оной Коллегии мнению изображено, действительно производить без умедления, показав притом, что для показанных ко удовольствию /л. 100/ находящихся по северовосточным берегам российских гарнизонов и обывателей хлеба и других припасов провозов ныне в российских границах, то есть в Нерчинском уезде по рекам, кои в Амур течение имеют, действительно удобные два судна и сколько к тому впредь необходимо потребно будет строить, определено.

И то все ему, генералу-лейтенанту и сибирскому губернатору, поручено, которому и о том, чтоб от оных российских судов и будущих

на них людей подданным китайским никогда ни малейших обид чинено не было, но токмо б единственно свободной Амуром на тех судах проход имел. От Ея императорского величества накрепко подтверждено и по исходатайствовании и получении от Китайского двора подданным оного по Амур-реке состоящим местам послушных указов, те указы по близости в Сибири прямо к означенному генералу-лейтенанту³² и губернатору Мятлеву отослать, с которыми б он, во-первых, свободно тою Амур-рекою проход совершенно апробовать и потом в действительное оных строение и произвождение вступить мог. А в Правительствующий сенат той Коллегии, что по оному у Китайского двора домогательству окажется, обстоятельно репортовать. /л. 100 об./

2-е, между тем ему, генералу-лейтенанту, ныне же в Нерчинском уезде осмотр и обыскание на реке Ингоде, где она соединилась с рекою Аргуном, [96] удобного для строения и сплаву судов места чинить определенным к нему для того геодезии офицерами четырьмя человеками, а к тому бывших в Камчатской экспедиции морских афицеров и служителей, которые ныне в Сибири имеютца, (ибо по высочайшему Ея императорского величества сентября 24-го дня 1743 году именному указу Камчатская экспедиция до дальнейшего об ней раз-

смотрения остановлена, а морским афицерам к служителям велено до указу быть в сибирских городех, где б оные способнее провиантом довольствованы быть могли) Адмиралтейской коллегии отдать в ведомство ево, генерала-лейтенанта.

3-е, по учинении ж осмотру и обыскании на реке Ингоде, где она соединилась с рекою Аргуном, удобного для строения судов места ныне ж заблаговременно построить два судна такие, которые б, по осведомлению от тамошних старожилов и по употреблении³³ в строении их умеренной глубины, как Амуром-рекою с провиантом и с потребными припасами пройти, так и от устья оного морем близ берегов по Хоцкому и Удскому острогам и в протчие нужнейшие российские по северо-восточному морю места, /л. 101/ в кои провоз тех провианта и припасов с великою трудностью и дороговизною производитца, безпрепятственно дойти могли. И по постройке оных для того отправления провиант и потребные припасы, и морских, и протчих на те суда подлежащих служителей заблаговременно приготовить, чтоб совсем к тому походу в готовности были. А когда по истребованию Коллегии иностранных дел от Китайского двора подданным оного по Амур-реке состоящим местам послушные указы о свободном российских судов Амуром проходе к

нему, генералу-лейтенанту, присланы будут, тогда те суда с достойными на них из морских служителей по рассмотрению ево, генерала-лейтенанта, командиры действительно и отправить, и о всем потребном основательное им наставление дать, и велеть во время того их проходу по всей Амур-реке глубину достоверно измерять, дабы каким морским судам оною проходить совершенно было можно знать. А притом им примечать и, сколько можно, описывать, где в каком разстоянии по берегам какие леса и другие угодные места, також жительства и строения, имеютца, и на устье того Амура какие ж места находятца и, усматривая способностей /л. 101 об./ к строению судов и всех потребных к тому удовольствиям, и по прибытии их с теми судами во определенное место все тому их проходу описанию и примечанию к нему, генералу-лейтенанту, прислать.

Почему ему, рассматривая к действительному и основательному того намеренного дела производству по благоизобретению и рассуждению своему учреждению и определению чинить. И по оным как в строение настоящих морских судов, так и во отправление и снабжение оных всеми потребностями, каковыми из имеющихся в Сибири как морскими и прочими служителями, так и всякими материалами, тамо сысканными и сделанными, без

присылки отсюда по крайней нужде исправитьца можно в самое действо вступать, ибо о снабдении посылаемых на таких судах в неизвестные места и народы командиров и ис прежних³⁴ по Комчатской экспедиции указов и инструкцией довольные наставления им, генералом-лейтенантом, усмотрены будут. А о чем потребно будет и в Правительствующий сенат со мнением ему, генералу-лейтенанту, представлять.

4-е, по близости ж в Нерчинску /л. 102/ всю ту экспедицию буде ему, генералу-лейтенанту, заблагодаря под ведомством своим поручить генералу-майору и Иркутскому вице-губернатору Вульффу³⁵, которому во всем для той экспедиции потребном по ордерам и наставлениям ево, генерала-лейтенанта, ис-[97] правлять секретно особою ж комисиею, не мешая з губернскими делами, и что чинитьца будет о всем ево, генерала-лейтенанта, репортовать. Буде же ему, генералу-лейтенанту, занеобходимо рассудитца самому быть в Иркутке и в Нерчинску и на помянутых реках для наилутчаго всего осмотра и учреждения, тогда ему, генералу-лейтенанту, поруча в Тобольске губернское правление оставшим губернаторским товарищам, и самому туда ехать и потребные ко основательному того порученного дела производству о всем, что к пользе государственной и высочайшим Ея императорска-

го величества интересам изыскано будет по благоизобретению своему учреждении и определени³⁶ чинить для наилутчаго ж во всем надсмотрения.

По близости к Нерчинскому уезду по представлению своему быть ему, генералу-лейтнанту и губернатору, в Иркутске, где ему обще с вице-губернатором, /л. 102 об./ присудствуя по вышеозначенному своему представлению, как во умножении в помянутом Нерчинском уезде, яко в наилутчем к хлебородию климате земледелия старание иметь, так и ко отвращению донныне происходящих в отдаленные крепости, остроги и гарнизоны тяжких и трудных провозов.

И оттого народной тягости и о приведении всего по той губернии в порядок все удобовозможные способы изыскивать. Еже все на ево, генерала-лейтнанта и губернатора, благоизобретение полагаетца и для той ево, губернатора, в Иркутске бытности во всех судебных местах в посылаемых указах и протчих корешпонденциях именовать одною Сибирскою губерниею и о принадлежащих до котораго места делах писать в Сибирскую губернию в город Тобольск или в город Иркутск. Для означенной же порученной ему, генералу-лейтенанту, комиссии как Тобольской, так и Иркутской, губернским канцеляриям по определениям и требованием ево, гене-

рала-лейтнанта, в даче потребных к тому всякаго звания служилых мастеровых и работных людей и подвод, всяких же припасов, какие где сыскатьца и зделаны быть могут, також правианта и денежной казны чинить неотменное исполнение, и деньги на всю ту коммисию держат из неположенных в стат доходов, имеющихся как в Сибирской, так и в Иркутской губерниях. /л. 103/

А в указе Ея императорскаго величества в Коллегию иностранных дел ис Правительствующаго сената от 28 июня 1755 писано, на каком основании генерал-лейтенанту ковалеру и Сибирской губернии губернатору Мятлеву о возобновлении Камчатской экспедиции Ея императорскаго величества из Правительствующаго сената указ дан. О том ис посланного во оную Коллегию от 28 декабря прошедшаго 1753 году указу ж известно для чего и Коллегии иностранных дел у китайского двора о свободном плавании рекою Амуром российских судов домогательство и требование учинить велено.

А в 754 году он, генерал-лейтнант, Правительствующему сенату между прочим доносил, что данного в команду ево бывшего в морской службе Федора Соймонова³⁷ и при нем геодезистов в Нерчинск ис Тобольска он отправил, и что тамо им делать велено дана инструкция, во исполнение которой, каковы от

него, Соймонова, о осмотре им з геодезистами от Иркутска до Нерчинска сухаго и водяного пути и обыскании к строению судов удобных мест и лесов Нерчинского уезду по рекам Анону и Ингоде, а к заведению завода железных руд, и что по разведанию о Амуре-реке и о живущих около оной народах оказалось, экстракты и планы /л. 103 об./ с представлением, каким образом осмотр и опись той Амур-реки учинить, он, губернатор, получил. Со оных в генваре месяце нынешняго 1755 году для рассмотрения Правительствующему сенату прислал копии, а от 23 прошедшаго марта он же, губернатор Мятлев, чрез нарочно присланного доносил, что требовал он от генерал-майора и ир-[98] куцкого вице-губернатора Вульфа и от помянутого Соймонова мнений в случае недачи от китайского двора свободного к плаванью российским судам Амуром-рекою позволения и послушных указов, какой способ ко открытию оного пути возможно сыскать и с какою предосторожностью продолжать.

И потому, каковы от них, Вульфа и Соймонова, к нему, губернатору, мнения (ис которых Соймонов для одного осмотра форватера Амура-реки способ объявлял, дабы, не ожидая от китайского двора известия, отправить команду под видом провианского судна на одном небольшем с осьмью пушками пра-

ме, да на возвратной путь три или четыре романовок с провиантом и при них дватцать гребных лодок, считая на каждую воинских людей по семнатцати человек. И когда от тамошних народов спрашиваны будут, то чинить им ответ, что сие учинено не к нарушению /л. 104/ дружбы, но для способу провозу провианта во удовольствие по северо-восточным берегам гарнизонов, а когда явятся к пропуску не склонны и вооруженною рукою удержать осмелятся, в таком случае и от нашей стороны оборону употреблять) и от него ж, Соймонова, особой репорт с чертежами разным судам присланы. Со оных копии ж приложил, представляя при том о разных к предприятию сего дела, не имея от китайского двора позволения невозможностях согласное с Вульфом разсуждение и мнение, каким образом в случае того, ежели, конечно, китайской двор от позволения отречется, свободное плавание рекою Амуром получить и предосторожность употребить. И как на те, так и на протчие, присланные свои по той же порученной ему комиссии представлении, требовал указу, объявляя, что до апробации тех представлений никаких судов строить им неопределено, а только Соймонову впредь на ластовые суда и лотки лес готовить велено. И по указу Ея императорскаго величества Правительствующий сенат приказали:

1-е, представляемое от одного Соймонова об отправлении для осмотра /л. 104 об./ форватера Амура-реки, не ожидая на требование Коллегии иностранных дел от китайского двора известия, команды и судов мнение для представленных в разсуждении генерал-лейтнанта и губернатора Мятлева тако ж и генерал- майора и вице-губернатора Вульфа резонов и опасностей оставить и обождать на требование Коллегии иностранных дел о свободном плавании российским судам Амуром-рекою от китайского двора точного позволения или к недаче онаго, какого ни есть, уведомления. А между тем в приготовлении на суда лесу и протчаго поступать по определению ево, генерал-лейтнанта.

2-е, Коллегии иностранных дел подать в Сенат репорт о учинении попрежнему Правительствующаго сената определению о свободном проходе российских судов рекою Амуром у китайского двора домогательства. На что и от той Коллегии в доношении от 17 августа прошлаго 754 году объявлено, что при случае вознамеренной посылки в Пекин нарочного человека, которая по высочайшему Ея императорскаго величества повелению, той Коллегии /л. 105/ данному, учинена быть имеет, то домогательство произведено будет.

Действительное отправление учинено ль и когда, и в какой силе

оное домогательство тою Коллегию чинить определено, и есть ли на то в получении какое известие? А при том в указе в ту Коллегию написать, что во отправлении по Амуру-реке без позволения судов и людей он, генерал-лейтнант, представлял опасность по таким обстоятельствам:

1-е, что командующия теми местами, мимо которых Амуром отправленным итти надлежит, каких объявляемых им резонов, не имея у себя от китайского Трибунала указа, весьма неуповательно, чтоб пропустили;

2-е, выступившая до позволения для описи Амура команда от тамошних народов в проходе, каким-либо случаем, будет одержана или по оказанному препятствию, а больше помешательством стрешной воды и быть возможных [99] ветров в ходу, какая-либо и времяная остановки чинить будут, и не дав /л. 105 об./ назад поворотитьца, продержать до глубокой осени то льдом и главную опасность наведут.

3-е, паче всего, когда у той команды в правянте и других съестных припасех недостаток приключится, так же из людей при супротивлении иных побиты и другия и больны будут, то могут такие причины оставших в робость и к беспорядочному спасению или и вовсе ко отдаче на дискрецию привести.

И тако вместо ожидаемой пользы верноподданным народам одно

только будет повреждение, а интересу Ея императорского величества последует немалой ущерб, да и в приведении ко окончанию намерившагося дела не без остановки /л. 106/ и наивящей опасности быть может. Напротиву ж того за неимением по Амуру-реке прохода о происходящих в сибирских местах трудностях, показано, а имянно, по сообщению к нему, генералу-лейтнанту, от Иркутского вице-губернатора Вульфа, а к нему по репорту из Большерецка от капитана Лебедева, что в Камчатке, хотя де в партикулярных руках провиант и имеется, но за отдаленностию пути весьма дорогою ценою покупают в Большерецку.

Ржена мука зимою в пять, а весною и в десять рублей пуд и более, и то малое число к продаже для народного удовольствия отыскивается, а в верхнем и нижнем острогах /л. 106 об./ покупают в пятнатцать рублей пуд и более ж. По которому обстоятельству он, генерал-лейтнант, рассуждает, когда б в Нерчинску, яко против протчих мест, отменном к хлебородию климате размножилось хлебопашество, а по требованию Коллегии иностранных дел от китайского двора позволительным случаем Амуром-рекою свободной проход российским судам /л. 107/ открылся. То из того в Нерчинску урожайного, а иногда к большему удовольствию из других мест привозного к Охоцкому и Уд-

скому острогам и протчим отдаленным за Камчаткою по северо-восточному морю лежащим местам тою Амуром-рекою и от оной впадающим морем в перевозе на судах правиянта и съестных припасов. Против нужного и отдаленного от Якуцка сухова почти непроходимо-го пути как государственному интересу излишней убыток, так и неудобносная народная от следования сухим трактом трудность, а притом и чрезвычайное хлебу в цене возвышение. Конечно, миновать и вовсе прекращено быть могло, где б яко на довольно заготовленной с облечительным против прежняго перевозом, провиант ко умножению на поселение людей возможно конечную надежду иметь. Буде же от китайского двора от того отказано будет, то нимало /л. 107 об./ уповательно, чтоб в тех местах против нынешняго в покупке и в продаже хлеба могла цена уменьшиться и от перевозу народная тягость прекратиться. Но все то может остаться на прежнем обстоятельстве, для чего в тамошния места и населением людей обнадеется весьма сумнительно, ибо как из Иркутца репортом к нему объявлено, что отправленной для успокоения немирных и бунтующих изменников чюкч и коряк майор Шмалев с командою, хотя из Иркутца да Якуцка 7-го февраля 754 году и отправился. Но не без известно, что он еще там имеется и

на всю анадырскую партию намерен с собою взять правианта 5000 четвертей, в коих весом имеет быть 36 250 пуд и на поклажу оного потребно сум сыромятных 7 250 пар, на увяску их ремней по пяти сажен на пару. /л. 108/ 35 256 сажен в то число искуплено в Якуцку, готовых сум только 1000 пар по одному рублю по тридцати копеек пара. В них положится муки, в каждую по два с половиною пуда, 5000 пудов. Да прежде заготовлено Якуцкою канцеляриею в сумах же 3 375 пуд, а более в подряд к поставке сум и ремней никого не обыскано и зделать некому и не из чего. Да кроме того под отвоз, до Анадырска одного провианта (исключая, что под команду Шмалева и тягости потребно) понадобится в собрание вдруг от поданных ясашных и от обывателей 7 250 лошадей, а Якуцкая канцелярия представляет, что от отвозу во отдаленныя от Якуцка [100] места провианта до половины лошадей и не возвращается и несколько тысяч может от того и ныне пасть. И тако от перевозу /л. 108 об./ сухим путем провианта, кроме употребления казенного верноподданных народов, а паче ясашных, от упадку лошадей поднимают себе несносно преогорчительное отягощение и бедственное разорение, за которым в тамошния отдаленныя места населением людей не только чтоб надежду полагать было можно, но и те с ыздавню

живущия от таковых бываемых им разореней мало-помалу могут притти в конечное содержанием себя отчаяние и, отстав, последних своих домиков принудятся иногда странствовать по неизвестным местам, что наивящше и нынешняго к немалому интересу Ея императорскаго величества убытку почитаться может. А когда б по открытии позволительным образом Амуром-рекою свободного прохода, то и майор Шмалев, миновав все трудности, /л. 109/ давно б к надобному месту прибыть мог, о чем он, генерал-лейтнант, принося в рассмотрение, на представлении свои (о Амур-реке) требует указа. В представлении же ево, генерал-лейтнанта, между прочим объявлено буде, конечно, на требование Иностранной коллегии китайской двор от позволения отречется в таком случае. По мнению ево, генерал-лейтнанта, объявля то оному китайскому двору за противной к Российской империи поступок и реке Амуру на первой осмотр и опись, а потом и свободное по ней судам плавание ко отвращению чрезвычайной от провозу сухим путем в лежащия по северо-восточному морю под области российскою места провианта, дороговизны и весьма несносного отягощения обретающимся там верноподданным народам и к збережению в произвождении двойного жалованья и других казенных расходов иначе

учинить никак ненадежно, кроме что построя шесть военных дватцати пушечных прамов и вооружа аммуницією и людьми. Да при том /л. 109 об./ месте, где для строения судов верфь учредится, полныя четыре баталиона салдат содержать, и таким учреждением, во-первых, за помощью божиею в славу высочайшаго всеавгустейшей нашей монархини имени в вечную пользу и прибавлению на восток Всероссийской империи можно уповать к плаванию по реке Амуру нашим судам получить желанную безопасность. А кроме онаго, других мер предвосприятъ изабрести он, генерал-лейтенант, безнадежным остается. И из вышеписанного обстоятельства Коллегия иностранных дел имеет усмотреть, какая во изходатайствовании у китайского двора о свободном Амуром проходе предписанного позволения Ея императорскаго величества высочайший интерес необходимо нужно требует. И того ради Коллегии иностранных дел в разсуждении предписанных народных тягостей и многой траты Ея императорскаго величества интереса вышеупоминаемое /л. 110/ от китайского двора о проходе российских судов Амуром домогательство наисильнейшим образом произвести, представляя настояция в том нужды, и со обнадеживанием, как и прежде определено, о ненарушении соседственной и вечной дружбы и

протчее.

Как Коллегия иностранных дел по благоизобретению своему и знаемости заграничных обстоятельств изыскать может, и что от китайского двора сообщено будет оной Коллегии, разсмотря вышеписанныя обстоятельства с разсуждением и мнением своим, представить тогда Правительствующему сенату.

3-е, при обысканных Федором Соймоновым рудных местах, где наилутче усмотрено будет для литья пушек и делания якорей и протчих потребностей, в разсуждении представляемой надобности, чтоб впредь в нужных вещах дального провозу и чрез то казенного убытку миновать было можно, о зделании водяного западу, не больше как токмо /л. 110 об./ для тех на тамошние нужды потребностей ему, генерал-лейтенанту и губернатору, определение учинить. По сношению с канцеляриею главного сибирских и казанских заводов правления и на оной мастеровых людей потребное число без излишества отправить из [101]той канцелярии с казенных заводов и тем мастеровым, також и будущим при оном работным людем жалованье и заработные деньги производить против казенных заводов из тамошних сибирских доходов под усмотрению ево, губернатора.

4-е, с пойманным из бегов за китайскую границу катаржным Михайлою Шульгиным, которой, прой-

дя воровски в город Ангунт, умысля собою, ложныя разглашении чинил, поступать по указом. А в Коллегию иностранных дел с роспросу ево, Шульгина, для известия послать при указе копию (которая при сем и приложена)³⁸. /л. 111/ И на оное в доношении от Коллегии от 16 июля того ж году представлено следующее.

Правительствующему сенату сим во известие представляет, что хотя в доношении Коллегии иностранных дел от 17 августа прошлого 1754 году между прочим и объявлено, что при случае вознамеренной посылки в Пекин нарочного человека, которая по высочайшему Ея императорскаго величества указу, Коллегии иностранных дел данному, учинена быть имеет о помянутом свободном рекою Амуром проходе, у китайского двора надлежащее домогательство произведено будет. Однакож оная посылка в Пекин доныне учинена быть не могла за тем, что удобная к тому персона еще не назначена, о чем однакож старание прилагается. И сколь ско-

ро с высочайшей Ея императорскаго величества апробации такая посылка воспоследует, то Коллегия /л. 111 об./ иностранных дел нимало не умедлит при сем случае о исходатайствовании у китайского двора касательно того свободного прохода рекою Амуром точного позволения всевозможные домогательства употребить, так как сего высочайшей Ея императорскаго величества интерес требует. А в какой силе тогда именем Правительствующаго сената к китайскому Трибуналу лист с такими домогательствами из Коллегии иностранных дел отправлен будет. Со оного точная копия Правительствующему сенату во известие представится.

По листам на полях справа и под текстом скрепы:

Протоколист Василей Обезьянинов.

Канцелярист Василей: Дедекин.

На л. 85 в левом верхнем углу: Выписка о реке Амуре и Камчатской экспедиции № 9.

АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 6211. 1756 г. Д. 8. Л. 85–111 об. Копия.

Другая копия // Там же. 1756–1759 гг. Д. 13. Л. 33–78 об.³⁹.

Комментарии:

¹ В документе речь идет о Второй Камчатской экспедиции, возглавленной Берингом (1681–1741 гг.). Выходец из Дании Беринг Витус Ионас-

сен стал известным русским мореплавателем, нередко именовавшимся в русских документах Иваном Ивановичем. Целью возглавленной им Первой Камчатской экспедиции (1725 - 1730 гг.) было решение вопроса о наличии перешейка или пролива между Азией и Америкой. Однако экспедиция, собрав ценные сведения о востоке Сибири, не решила вопроса о проливе.

Вторая Камчатская экспедиция кроме окончательного решения вопроса о проливе, должна была обследовать побережья Ледовитого океана, изучить малоосвоенные Сибирь и Дальний Восток, исследовать север Тихого океана и изыскать морской путь к Японии. Для выполнения всех этих задач было организовано несколько отрядов—морских и сухопутных, действовавших после выхода из баз почти самостоятельно. Так, в 1739 г. по приказу Беринга геодезисты Петр Скобельцын и Василий Шатилов предприняли несколько попыток исследовать Приамурский край и Удское пространство. Однако эти исследования успеха не имели из-за «множества непроходимых мест, гор каменных и болот топких» (Русско-китайские отношения [далее—РКО] в XVIII в. Документы и материалы. 1727 - 1729. М., 2006. Т. 3. С. 465. Комментар. 2 к док. № 37). В июле 1741 г. В. Беринг достиг побережья Аляски, открыл о. Каяк, на обратном пути о-ва Шумагинские и часть Алеутских. Однако, преодолевая трудности обратного пути, экипаж В. Беринга вынужден был встать на зимовку на острове (ныне о. Беринга), не достигнув Камчатки. На этом острове тяжелобольной Беринг скончался (Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.-М., 1940; Пасецкий В.М. Витус Беринг. М., 1982).

² Вопрос о состоянии картографии в России, и картографии Сибири в частности, в первой половине XVIII в. подробно изложен в 3-м томе документальной серии «РКО в XVIII в.» в связи с историей посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского (РКО в XVIII в. Т. 3. Комментар. 1 к док. 12. 454; Мясников В.С. Старинная русская карта в Пекинском архиве // Там же. Т. 3. С. 429–433).

³ Против слова иновладельцами на полях слева: китайцами.

⁴ Шпанберг Мартын Петрович (?–1761)—российский мореплаватель, капитан 1 ранга. Выходец из Дании, участник Первой (1725–1730) и Второй (1733–1743) Камчатской экспедиции. В 1738–1739 гг. М.П. Шпанберг открыл морской путь от Камчатки к Японии, исследовал Курильскую гряду, включая Малые Курильские острова.

⁵ Так в тексте.

⁶ Имеется в виду Нерчинский договор от 27 августа 1689 г.

⁷ Головин Федор Алексеевич (1650–1706)—дипломат, государственный

и военный деятель, генерал-адмирал, генерал-фельдмаршал, ближайший сподвижник Петра I, глава русской делегации на Нерчинской конференции. В 1689 г. подписал первый русско-китайский договор (подробнее см.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. 1686–1691. М., 1972. Т. 2; Русско-китайские договорно-правовые акты... Комментар. 1, 3 к док. № 1. С. 583).

⁸ «Албазинский острог–русская крепость, основанная Е.П. Хабаровым в 1651 г. на левом берегу Амура. Вместе с тем существует мнение и о том, что это был прежний городок даурского князя Албазы, захваченный и перестроенный казаками... Из Албазина казаки продолжали объясачивать туземцев по среднему течению Амура и построили несколько новых острожков по реке Зее и ее притоке Селинбе» (РКО в XVIII в. Т. 3. Комментар. 1 к док. № 31. С. 459. См. также: Русско-китайские договорно-правовые акты... Комментар. 16 к док. № 1. С. 586).

⁹ 1686 г.

¹⁰ Цинские войска подходили к Албазину в 1671 и 1684, в 1685 и 1686 гг. подвергли осаде и подожгли (подробнее об этом см.: Мясников В.С. Вторжение маньчжуров в Приамурье и Нерчинский договор 1689 г. // РКО в XVIII в. Т. 2. С. 5–54; РКО в XVIII в. Т. 3. Комментар. 1 к док. № 31. С. 460–461).

¹¹ 1685 г.

¹² Иоанн V Алексеевич (1666–1696)–царь и великий князь, сын царя Алексея Михайловича и первой жены его М.И. Милославской. Петр I Алексеевич (1672–1725) младший брат Иоанна V, сын царя Алексея Михайловича и его второй жены Н.К. Нарышкиной. После смерти царя Федора Алексеевича (1682) началась борьба за власть семей Нарышкиных и Милославских и их сторонников. Ее завершением стало объявление 26 мая Иоанна Алексеевича–первым царем, а Петра–вторым царем. Через месяц оба торжественно венчались на царство. До 1689 г. царствование их было номинальным, фактически власть осуществлялась их сестрой царевной Софьей Алексеевной. В 1689 г. реальная власть перешла к клану Нарышкиных. После смерти Иоанна Алексеевича в 1696 г. Петр I стал единовластным правителем, а с 1721 г.–императором России.

¹³ Речь идет о подъячих Посольского приказа Никифоре Венюкове и Иване Фаворове, отправленных в Пекин в декабре 1685 г. для уведомления маньчжурского правительства о направлении в Приамурье «великого и полномочного» посольства для заключения договора о мире, открытии торговли и установлении границы между Русским государством и Цинской империей (Мясников В.С. Договорными статьями утвердили... С. 98).

¹⁴ 1687 г.

¹⁵ 1689г.

¹⁶ Власов Иван Евстафьевич (1628–1710) был назначен в посольство Ф.А. Головина как человек, хорошо знавший местные условия и знакомый с посольскими делами (подробнее см.: Русско-китайские договорно-правовые акты... Коммент. 4 к док. № 1. С. 583).

¹⁷ В тексте: глупокости.

¹⁸ В тексте ошибочно: небульшую.

¹⁹ 1651 г.

²⁰ Францбеков Дмитрий Андреевич (до принятия православия–Фаренсбах)–немец, поступивший на русскую службу в 1613 г. и принявший православную веру. Назначен якутским воеводой в конце 1648 г., но вследствие злоупотреблений властью на своем посту в 1651 г. был отстранен от должности.

²¹ Хабаров Ерофей (Ярофей) Павлович (по прозвищу Святитский) (между 1605 и 1607–1671)–русский землепроходец и предприниматель, исследователь Восточной Сибири.

²² По заключению В.С. Мясникова, богдойским царем Шамшаханом (Шемшаханом) был первый цинский император Шицзу (девиз годов правления Шуньчжи, 1644–1661). «При первом знакомстве с русскими некоторые даурские племена, обитавшие по среднему течению Амура, чтобы избежать обложения ясаком со стороны казаков, заявляли, что они уже являются ясачными людьми маньчжурских ханов» (Мясников В.С. Договорными статьями утвердили... С. 69).

²³ 1655 г.

²⁴ Пашков Афанасий Филиппович (?–1664), воевода в Енисейске в 1650–1655 гг.

²⁵ 1665 г.

²⁶ 1682 г.

²⁷ Воейков Федор Деменьтьевич (1628–1710)–стольник, Нерчинский воевода (1681–1683).

²⁸ Глазунов Иван Иванович, титулярный советник, секретарь посольства Л.В. Измайлова (1719–1722) и С.Л. Владиславича-Рагузинского (1725–1728) (подробно о нем см.: РКО в XVIII в. Материалы и документы. 1700–1725. М., 1978. Т. 1; М., 1990. Т. 2. Коммент. 5 к док. № 2. С. 530; М., 2006. Т. 3. Коммент. 15 к док. № 3. С. 439–440. Русско-китайские договорно-правовые акты... Коммент. 2 к док. № 3. С. 589).

^{29–29} Подчеркнуто в тексте.

³⁰ Об этом эпизоде подробнее см.: РКО в XVIII в. Т. 3. Комментар. 2 к док. № 37. С. 465.

³¹ В тексте ошибочно: генерала-лейтенанта.

³² Так в тексте.

³³ В тексте ошибочно: употреблении.

³⁴ В тексте: пежных.

³⁵ Вульф Иван Иванович – генерал-майор и иркутский вице-губернатор (1753–1765), с 1762 г. – кавалер ордена Святой Анны (подробнее о нем см. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI, док. № 126 «Журнал миссии каиштан-иоручика И.И. Кропотова, отправленного в Пекин курьером»).

³⁶ Так в тексте.

³⁷ Соймонов Федор Иванович (1682 (по другим сведениям, 1692)–1780) – исследователь и в дальнейшем губернатор Сибири, гидрограф, картограф. Ф.И. Соймонов происходил из российского дворянского рода, упоминание о котором встречается с XV в. В 1713 г. он окончил Московскую математико-навигационную школу, а затем три года жил в Голландии для практического изучения морского дела, выучил голландский, немецкий, латинский языки и вернулся в Россию хорошо подготовленным к морской службе. Еще при Петре I Ф.И. Соймонов обратил на себя внимание ревностным служением Отечеству. Им была составлена карта Белого моря, дано описание Каспийского берега. При императрице Анне Иоанновне Ф.И. Соймонов был вице-президентом Адмиралтейской коллегии, но «в 1740 г. за участие в дворянской группе, боровшейся против немецкого засилья во времена бироновщины, Соймонов был отдан под суд. Его били кнутом и сослали в каторжную работу на Охотский солеваренный завод (История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 312). Вступившей на престол императрицей Елизаветой Петровной Ф.И. Соймонов был освобожден от ссылки без возвращения чинов.

В 1753 г. кандидатура Ф.И. Соймонова, предложенная сибирским губернатором В.А. Мятлевым для практического руководства Нерчинской секретной экспедицией, была одобрена Сенатом. В 1754 г. Ф.И. Соймонов организовал навигацкие школы первоначально в Иркутске, а затем в Нерчинске. В Нерчинской навигацкой школе Соймонов преподавал до августа 1756 г. С 1757 по 1763 г. Ф.И. Соймонов был сибирским губернатором, «отличаясь от других сибирских управителей образованностью, честностью, вниманием к нуждам края» (Там же). Ф.И. Соймонов добился постройки маяка и гавани на Байкале, укрепления Омской пограничной линии, прокладки

главного сибирского тракта через Барабинскую степь, измерил фарватер р. Шилки, разведывал пути по Амуру, опубликовал несколько статей о Сибири (Там же). В 1762 г. Ф.И. Соймонов был награжден орденом Святого Александра Невского. В 1766 г. вышел в отставку в чине действительного тайного советника (см. о нем также Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI, док. № 126 «Журнал миссии каиштан-иоручика И.И. Кропотова, отправленного в Пекин курьером»).

³⁸ См. «Допрос в Нерчинской воеводской канцелярии каторжного М.И. Шульгина».

³⁹ Текст написан на правой половине листов.

На л. 62 об. от слова «5-е» до л. 65 текст очерчен простым карандашом (вертикально) и на л. 64 об. с левой стороны по середине листа помета простым карандашом: Очерченное для г. Братищева не писать.

На л. 65 в левом нижнем углу: от ... неразборчиво «16 июня 1755 всей от доношением.

На л. 67 на полях пометы красным карандашом и написано: NB.

На л. 67 об.–68, 76, 76 об., 77 об. пометы красным карандашом.

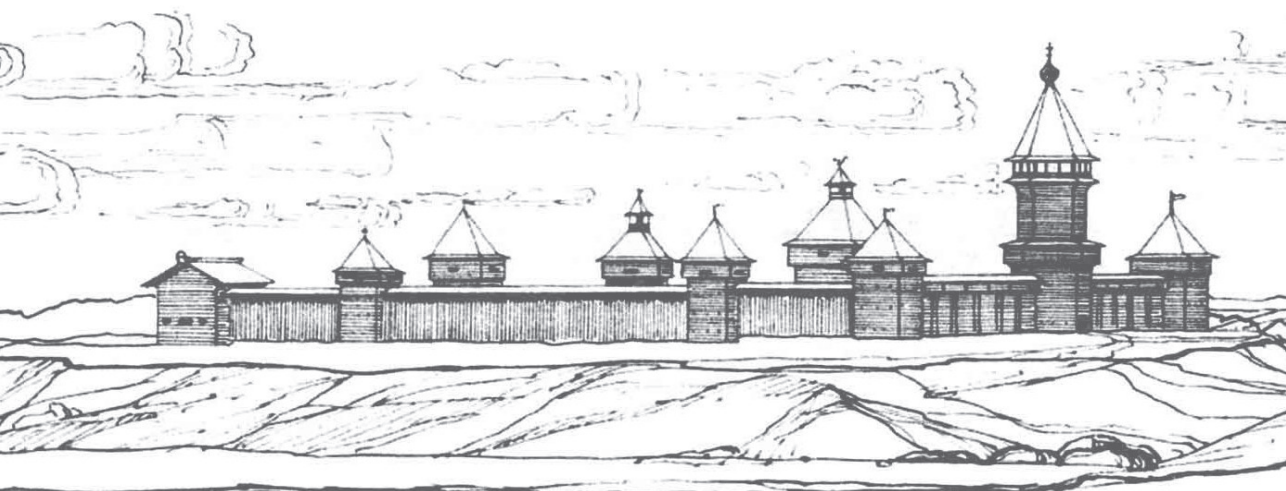
Текст без подписи.

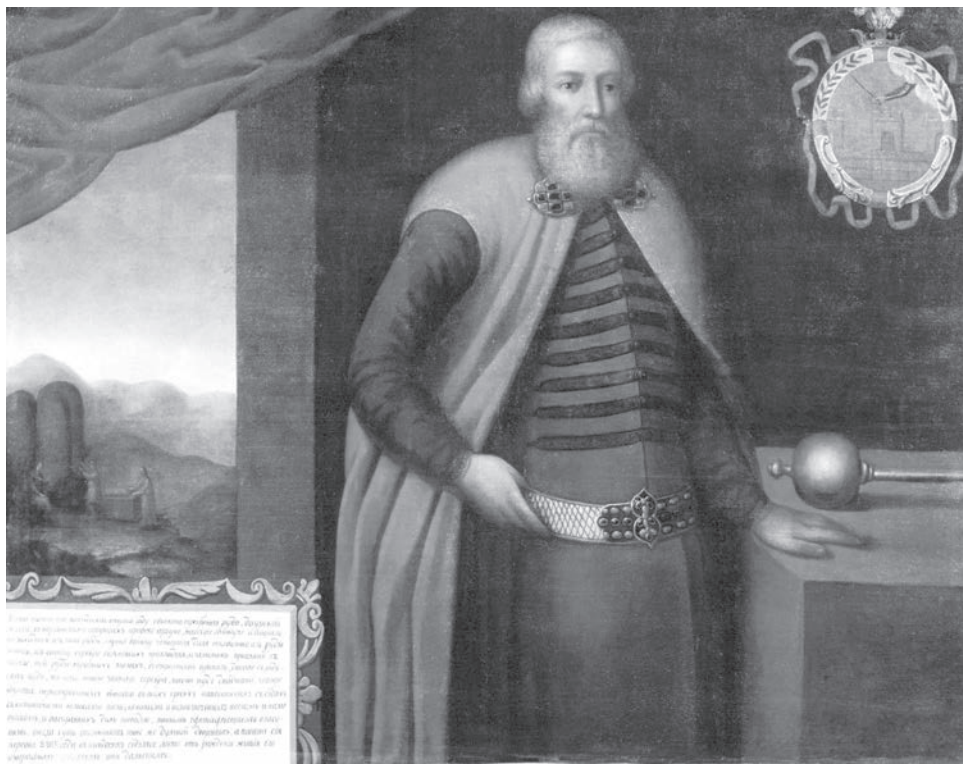
Воспроизводится по:

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI: Русско-китайские отношения. 1752–1765 М. № 27, С. 85–101.

Графические материалы

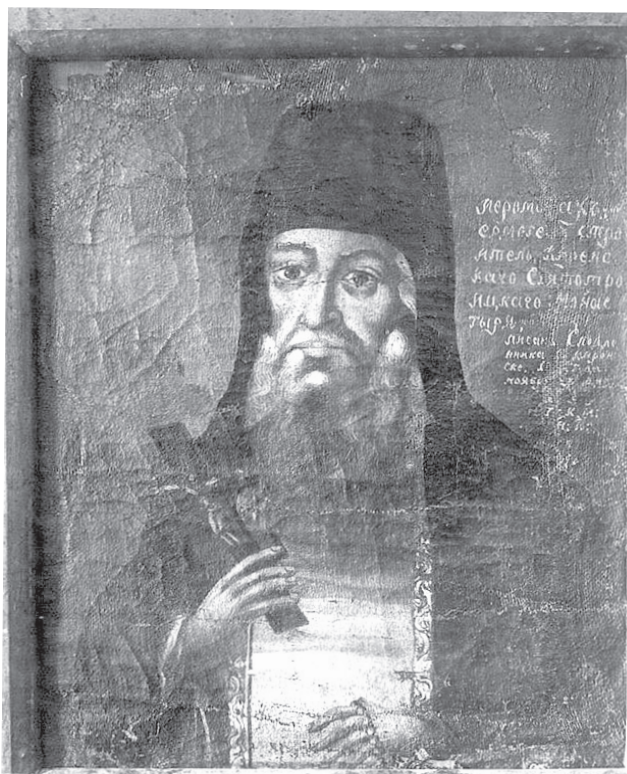

**Парсуна Г.Н. Адольского (Одольского).
Портрет воеводы И.Е. Власова. 1695 г.**

Знамя Албазинское

Икона «Преподобный Гермоген»

Печать Албазинского острога

*Албазинская икона
Божией Матери*

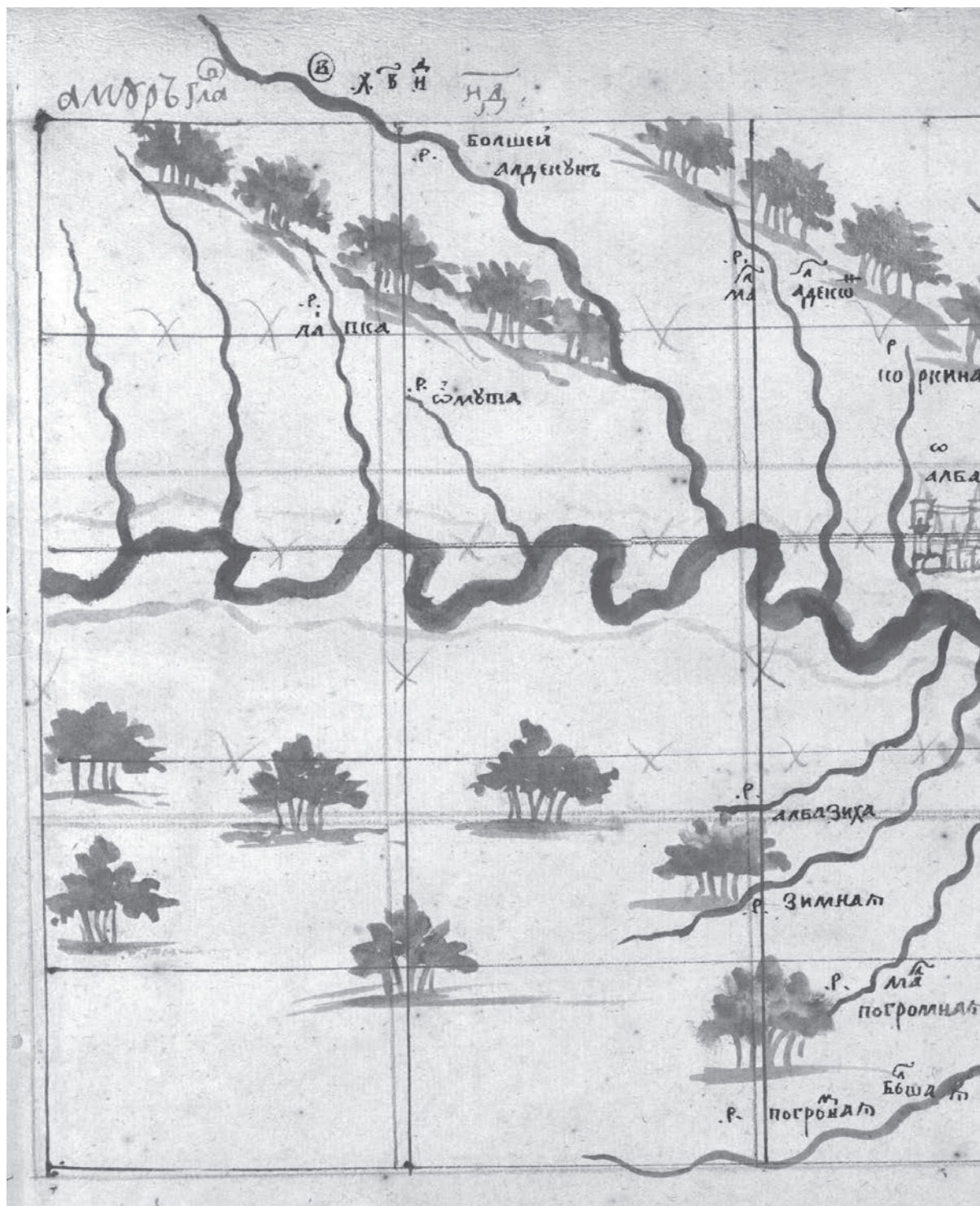
Свидетельство Даурского полковника Афонасья Иванова сына Байдона из
«Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. Лист 147.

Глава 52. Река Амур с урочищи из «Хорографической чертежной книги»
С.У. Ремезова. Лист 148.

Глава 52. Река Амур с урочищи из «Хорографической чертежной книги»
С.У. Ремезова. Лист 149.

Глава 52. Река Амур с урочищи из «Хорографической чертежной книги»
С.У. Ремезова. Лист 150.

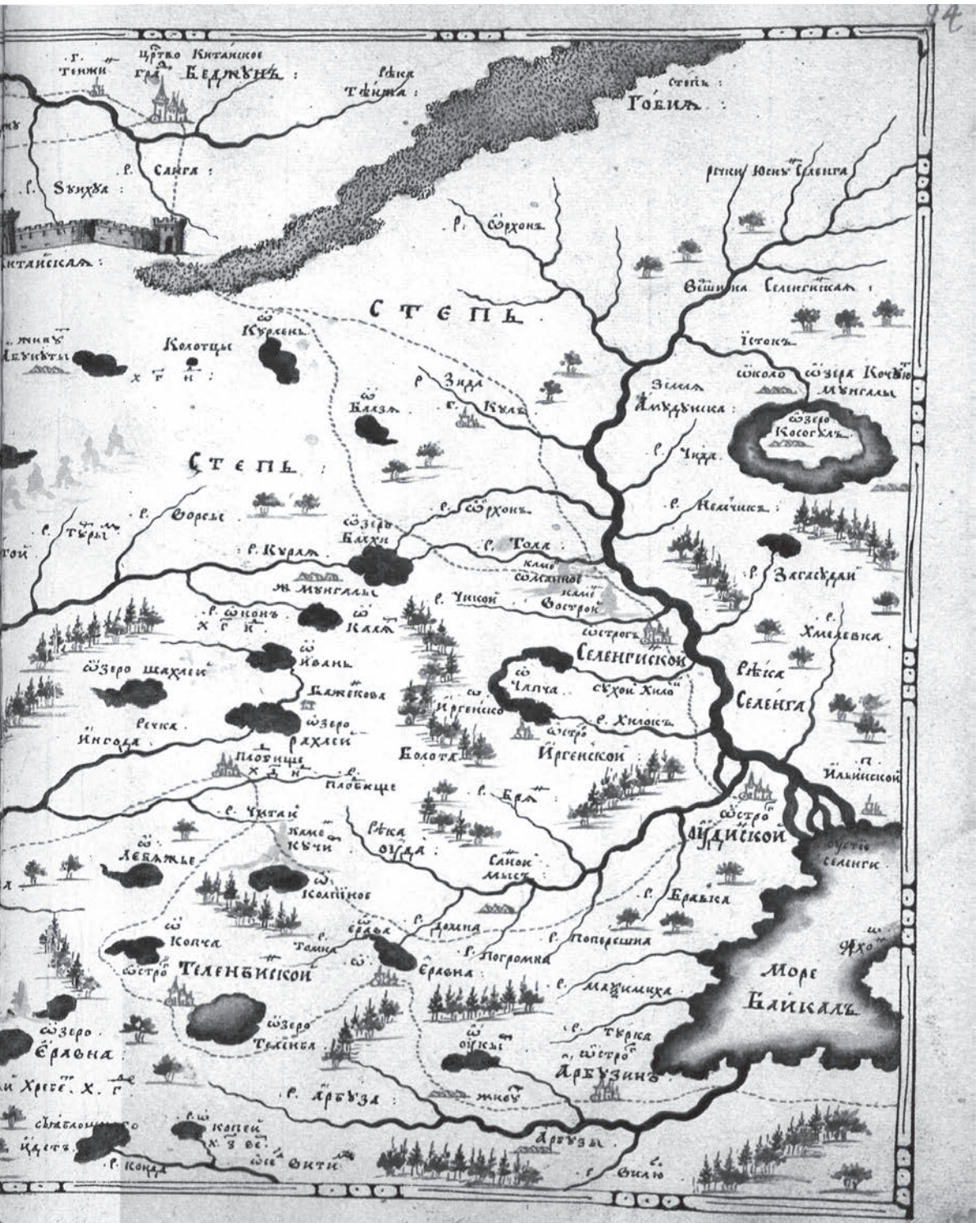
150.

PM 97

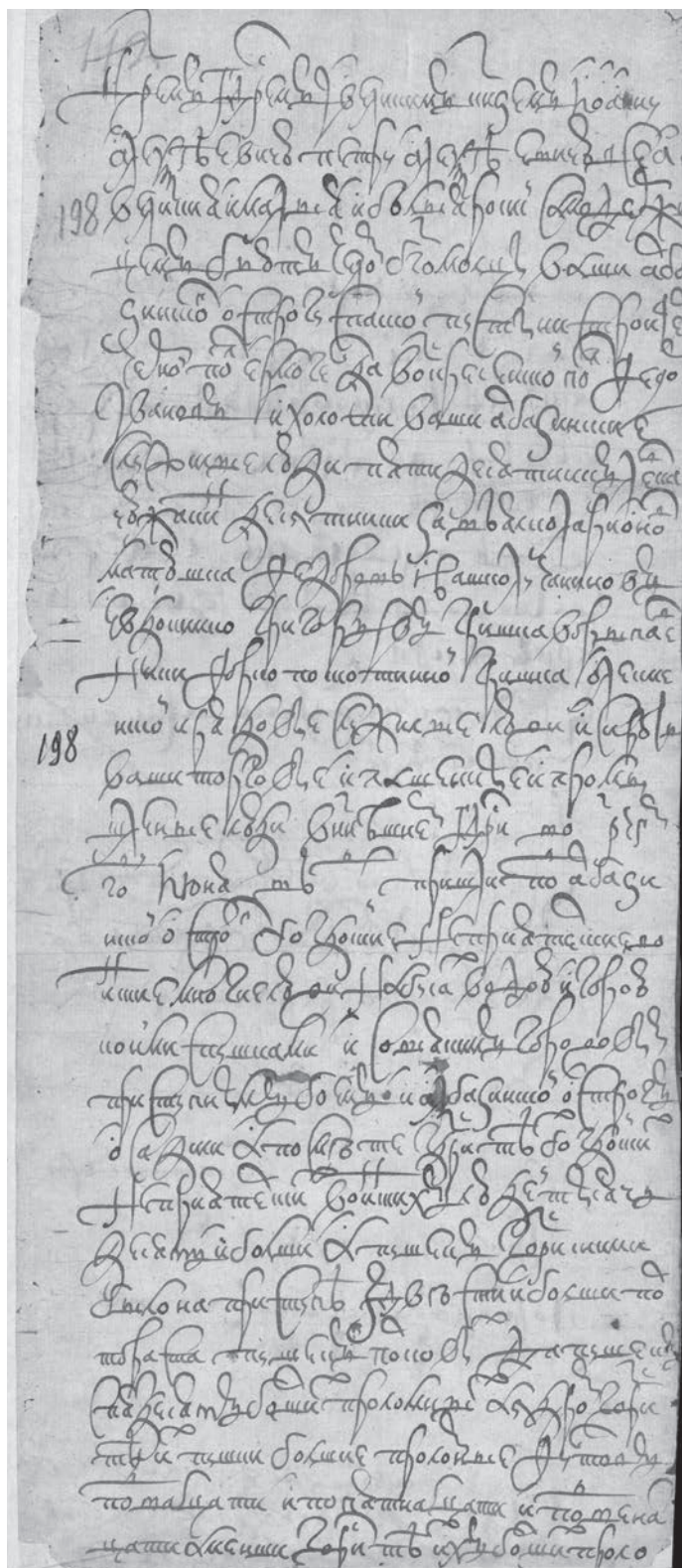

Чертеж земли Нерчинского города из «Служебной чертежной книги» С.У. ремезова. Лист 65.

Картографический рисунок «Luosha» из рукописного атласа 17 века библиотеки Конгресса США «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu» (艾渾, 羅利, 台灣, 蒙古圖).

1685г. не ранее июня 22 – раннее июля 10 – Челобитная поданная черным попом Ермогеном от имени всех жителей и служилых людей Албазинского острога о том, что Китайцы взяли и сожгли Албазин, забрали все имущество, приглашали их в подданство Китайскому богдыхану, но потом, по просьбе их, отпустили в другие Сибирские города, и что они терпят в дороге крайнюю нужду. (в книге документ № 85)

Содержание

Предисловие ко второму изданию.....	3
Предисловие к первому изданию.....	5
<i>Раздел I. Городок Албазин во время похода на Амур Е. Хабарова</i>	13
1. 1651 г. – Донос дьяка Петра Стеншина на Е. П. Хабарова и воеводу Д. А. Францбекова.	14
2. 1651 г. март – Допросы, сделанные Хабаровым Даурцам, взятым в плен в 1651 г. (драгоценный географический материал для познания Амура и тамошних отношений Китая, в половине XVII-го века).	19
3. 1651 г. – Донесение Царю А.М. из Якутска, о подвигах, Хабарова на Амуре, в 1651 г.	21
4. 1652 г. мая 22. – Роспросные речи служивых людей Постника Володимерова, Петра Герасимова и Тунгузской женщины Даманзи, о пребывании приказного человека Ерофея Хабарова на реке Амуре и о проч.	26
5. 1652 г. июня 30. – Наказная память Якутского воеводы Ивана Акинфова служивому человеку Никите Прокофьеву, об отправлении его на реку Амур, принятии от приказного человека Ерофея Хабарова собранного им ясака и о взятии по нем поручных записей в долговом иске.	29
6. 1652 г. в августе. – Отписка Якутскому воеводе Димитрию Францбекову служиваго человека Ерофея Хабарова; о военных действиях его на реке Амуре и о проч.	31
7. 1652 г. сентября 24. – Распросные речи служиваго человека Сергея Андреева и его товарищей, о Даурской земле и о вестях про Богдойского царя.....	48
8. 1653 г. сентября 6. – Челобитная С. В. Полякова и его	

спутников о поведении Я. П. Хабарова на Амуре в 1650-1653 гг.	51
9. 1657 г. после 17 мая. – Челобитная служиваго человека Федора Максимова о службе его на реке Амуре.	71
10. 1659 г. октября 3. – Расспросные речи в Енисейской приказной избе даурского войскового атамана А. Ф. Петриловского с товарищами о столкновении маньчжурских войск с русским отрядом на Амуре.	74
11. 1661 г. в декабре. – Отписка Афанасья Пашкова Енисейскому воеводе Ивану Ржевскому, о разбитии Китайцами Русскаго отряда на реке Шилке, и о произведенных служивыми людьми грабежах под Нелюцким острогом, и проч.	77
<i>Раздел II. Албазинский острог Никифора Черниговского</i>	81
12. 1667–1668 гг. – Из отписки Нерчинского воеводы Илариона Толбузина в Сибирский приказ.	82
13. 1670 г. – Отписка Царю сына боярскаго Данила Аршинскаго, о нападении Тунгусов на Албазинский острог, и о посольстве из Китая, с жалобою на Албазинских служилых людей за набеги их на Даурскую землю.	83
14. 1670 г. апреля 13. – Наказная память нерчинского воеводы Д. Д. Аршинского нерчинским служилым людям И. Милованову с товарищами о поездке в Цинскую империю.	84
15. 1670 г. июня не ранее 28. – Грамота цинского императора Шэнцзу, посланная из Лифаньюаня, царю Алексею Михайловичу о приезде в Пекин И. Милованова.	88
16. 1670 г. ранее декабря 15. – Челобитная Царю Албазинских служилых людей.	91
17. 1671 г. не ранее февраля 13. – Отписка якутского воеводы И. П. Барятинского в Сибирский приказ об осаде маньчжурскими	

войсками Албазинского острога..... 93

18. 1672 г. ранее мая 10. – Отписка в Сибирский приказ приказного человека Нерчинских острогов Д. Аршинского об отправке соболиной казны, отписок и челобитных и приложенные к ней: челобитная албазинских казаков о поверстании в службу, челобитная Д. Аршинского о его перемене с должности приказного человека Нерчинских острогов..... 96

19. 1673 г. не ранее. – Грамота митрополита Сибирского и Тобольского Корнилия о разрешении строительства церкви в Албазинском остроге..... 100

Раздел III. Государев Албазинский острог 101

20. 1674 г. Февраля 10 – «Росписной список» людей, казны, хлеба, имущества и книг Албазинского острога, составленный приказным человеком Семеном Михайловым при приеме этого острога от приказного человека Албазинского острога Никифора Черниговского..... 102

21. 1674 г. не ранее июля 17. – Выписка, составленная в Посольском приказе, о путях в Цинскую империю..... 105

22. 1674 г. после 24 ноября – Отписка Нерчинского воеводы Павла Шульгина Енисейскому воеводе Михаилу Приклонскому, о бунте баунтовских тунгусов. 109

23. 1675 г. – Отписка Царю, из Нерчинска, сына боярского Павла Шульгина о усмирении Баунтовских Тунгузов..... 111

24. 1675 г. января 23. – Наказная память приказного человека Даурских острогов от Павла Шульгина приказчику Албазинского острога Н. Черниговскому о высылке ссыльных пашенных крестьян на Лавкаев луг и о посылке к ним приказчика из Нерчинского острога. 112

25. 1675 г. не ранее июля 19. – Отписка енисейского воеводы

М. В. Приклонского в Посольский приказ о походе албазинских служилых людей Н. Черниговского с товарищами по р. Ган против маньчжурских войск..... 115

26. 1675 г. июля 20. – Сказка в Енисейской приказной избе албазинских служилых людей Тимофея Иванова с товарищами о просьбе даурских людей принять их в русское подданство и о походе албазинских служилых людей против маньчжурских войск. 117

27. 1675 г. не ранее июля. – Черновая наказная память нерчинского воеводы приказчику Албазинского острога об устройении десятинной пашни, сборе торговых пошлин с промышленных людей и о суде казаков..... 118

28. 1675 г. июля 28. – Память в Албазинский острог служилому человеку Федору Евсевьеву о назначении на его место приказчиком Василия Милованова..... 123

29. 1675 г. сентября 7 – Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ о пути до Иркутского острога. 124

30. 1675 г. сентября 28 . – Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ о переправе через Байкал..... 127

31. 1675 г. ноября 9. – Наказная память нерчинскому сыну боярскому И. Милованову с товарищами, данная из Нерчинской приказной избы о поездке в пограничные города Цинской империи для предупреждения о посольстве Н. Г. Спафария. 129

32. 1675 г. декабря 19 – Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ о пути посольства из Селенгинской заимки в Нерчинск. 131

33. 1676 г. – Рапорт Албазинского Прикащика Федора Евсевьева Начальнику Нерчинского острога Павлу Шульгину. 136

34. 1676 г. не ранее апреля 8 . – Донесение албазинского приказчика Федора Евсевьева нерчинскому воеводе

П. Я. Шульгину прекращении экспедиций по рекам Амуру и Зее до возвращения посольства Н. Г. Спафария из Цинской империи.	138
35. 1676 г. сентября 1–1677 г. августа 31. – Челобитная (прошение) Албазинских жителей к Царю Феодору Алексеевичу.	140
36. 1676 г. сентября 1–1677 г. августа 31. – Челобитная служилых людей Нерчинских острогов на Нерчинского приказного человека Павла Шульгина.	142
37. 1677 г. не ранее марта 29. – Донесение Нерчинскому Воеводе Шульгину Албазинского Управляющего Гаврилы Флорова.	146
38. 1677 г. августа 24. – Память от енисейского дьяка Василия Телицына в Нерчинский острог П. Шульгину о назначении приказным человеком Албазинского острога сына боярского Г. Лоншакова.	147
39. 1677г. августа 9–1677 г. августа 11. – Из актов, относящиеся до путешествия чрез Сибирь в Китай посланника Николая Спафария.	148
40. 1678 г. июня 26. – Отписка Енисейского воеводы Ивана Барятинского в Тобольск, о присылке в Енисейск пороха и свинцу, и выписка о военных орудиях и припасах, высланных в Даурские остроги.	151
41. 1680 г. – Челобитная настоятеля Спасской Албазинской пустыни «черного попа» Гермогена царю Федору Алексеевичу с указанием ее места расположения.	153
42. 1680 г. апреля 19. – Грамота Красноярскому воеводе Дмитрию Корсакову, о принятии в пешую стрелецкую службу детей Никифора Черниговского.	155

43. 1681 г. – Челобитная воеводы Приклонского царю Федору Алексеевичу о разгромлении тунгусов в Албазинском остроге по наущению пятидесятника Данила Михайлова. 157
44. 1681 г. не ранее апреля 26. — Наказная память Нерчинскому сыну боярскому И. Милованову о назначении его приказным человеком Зейского и Селенбинского острогов. 159
45. 1681 г. июля 17 не ранее. — Отписка нерчинского воеводы Ф. Воейкова приказчику Албазинского острога своему сыну А. Воейкову о посылке в Зейский острог на перемену Нерчинскому сыну боярскому И. Милованову Албазинского казачьего десятника Г. Самойлова. 164
46. 1681 г. после 6 сентября. – Отписка Нерчинского воеводы Федора Воейкова, о построении острога на реке Аргуни и сборе ясака с тамошних инородцев. 166
47. 1681 г. после 29 сентября–1682 г. – Отписка Нерчинского воеводы Федора Воейкова о сношениях с Китайцами. 168
48. 1681 г. не ранее ноября 27. – Рапорт Стольнику и Нерчинскому Воеводе Воейкову Албазинского острога управляющего Андрея Воейкова. 171
49. 1681 после 23 декабря–1682. – Отписка Нерчинского воеводы Федора Воейкова, о раздаче жалованья и сукон Даурским служилым людям. 172
50. 1682 г. не ранее января 8 — Черновая отписка Нерчинскому воеводе Ф. Воейкову от приказного человека Зейского и Селенбинского острогов И. Милованова. 176
51. 1682 г. не ранее марта 5. – Донесение Стольнику и Воеводе Воейкову из Албазина от сына его Андрея Воейкова. 179
52. 1682 г. – Акты о походе на Зею и на Селинбу сына

боярского Игнатъя Милованова. 180

53. 1682 г. после 16 марта. – Отписка царю Нерчинского воеводы Федора Воейкова: о разрешении ему принять в русское подданство нескольких инородцев, желающих переселиться с реки Науна под Нерчинск; о приготовлениях Китайцев к походу под Нерчинск и Албазин и о неимении в Нерчинске средств для защиты. 184

54. 1682 г. марта 22. – Отписка царю нерчинского воеводы Федора Воейкова о походе на Зею и на Селинбу сына боярского Игнатъя Милованова..... 188

55. 1682 г. май. – Память Нерчинскому сыну Боярскому Григорью Лоншакову, да Албазинскому Волостному Пашенному крестьянину Михаилу Немирову..... 193

56. 1682 г. не ранее мая 11 – Отписка пятидесятника Федорова иркутскому воеводе Власову с именной росписью людей, сосланных в албазинскую пашню..... 194

57. 1682 г. после 17 июля.¹ – Отписка царю нерчинского воеводы Федора Воейкова, о строении острога на реке Селенбе и о положении острогов в других местах; о сборе ясачной и десятинной соболиной казны; о самовольстве албазинских казаков и о намерении их идти на реку Быструю против Китайцев и проч..... 196

58. 1682 г. после ноября 26. – Челобитная царю Феодору Алексеевичу поселенных около Албазинского острога крестьян об оказании им вспомошествования по случаю бедственного их положения. 200

59. 1683 г. января 3. – Отписка Нерчинского воеводы Федора Воейкова к Енисейскому воеводе Александру Салтыкову о вестях про Китайцев, о приходе их в Албазин и об опасном положении как этого и других Даурских острогов..... 203

60. 1683 г. не ранее февраля 6. – Отписка Нерчинского

воеводы Федора Воейкова к Енисейскому воеводе
Александру Салтыкову о приходе в Нерчинск Албазинских
пашенных крестьян с жалобою на Албазинских казаков;
о неприязненных действиях казаков против Китайцев;
об ожидаемом приходе Китайцев под Нерчинск и под
другие остроги и о недостатке средств для защиты..... 208

61. 1683 г. не ранее августа 21. – Отписка царям Нерчинского
воеводы Федора Воейкова о вышедших из Китайского плена
Албазинских казаках, сообщивших известия о Китайцах,
которых они видели на реке Быстрой в 300 бусах. 213

62. 1683 г. не ранее августа 21. – Из отписки иркутскому
воеводе И.Е. Власову нерчинского воеводы Ф.Д. Воейкова
о вышедших из Китайского плена Албазинских казаках,
сообщивших известия о Китайцах, которых они видели на
реке Быстрой в 300 бусах. 216

63. 1683 г. ранее августа 23. – Отписка Якутскому воеводе
Приклонскому о неприязненных действиях китайцев. 218

64. 1683 г. не ранее сентября 16. – Бумага Ли-Фанъ-юан'я
о русских перебежчиках-переводчиках..... 220

65. 1683 г. не ранее сентября 23. – Отписка царям Якутского
воеводы Ивана Приклонского об успешных походах Якутских
и Албазинских казаков против неясачных Тунгусов, об измене
некоторых из означенных казаков и о взятии ими Тугирского
острожка..... 221

66. 1683 г. ранее октября 3. – Грамота из Ли-Фан-юаня
начальникам русских живущих в Албазине..... 225

67. 1683 г. не ранее октября 28. – Отписка царям Якутского
воеводы Ивана Приклонского с известиями о Китайцах,
полученными им от прикащика Силимбинского ясачного
зимовья Андрея Мокрошубова. 228

Раздел IV. Албазинское Воеводство	231
68. 1684 г. – Роспись Албазинского острога.	232
69. 1684 г. не ранее января 14. – Отписка Иркутского воеводы Ивана Власова к Якутскому воеводе Матвею Кровкову, с приложением копий с грамоты Китайского богдыхана к Русским и с письма одного перебежчика к своим товарищам.....	234
70. 1684 г. с 14 января по 20 октября. – Отписки Тобольского воеводы князя Алексея Голицына и грамота Верхотурским воеводам Михаилу Толстово и Григорью Нарышкину, о сборе и высылке ратных людей, в Енисейск, для защиты Байкальских и Даурских острогов.....	239
71. 1684 г. ранее марта 5. – Отписка Верхотурского воеводы Михаила Толстого к Тобольскому воеводе князю Алексею Голицыну о произведенном в Верхотурье наборе 130 человек служилых людей для посылки в Енисейск.	244
72. 1684 г. марта–20 апреля. – Распросные речи в Енисейской приказной избе промышленных людей, из коих двое были в плену у Китайцев.	246
73. 1684 г. мая 29–1685 июня 22. – Розыск о злоупотреблениях Нерчинского воеводы Федора Воейкова.....	252
74. 1684 г. июля 2. – Известия о положении Нерчинского и Албазинского острогов, сообщенные в Енисейске прикащиком гостя Евстафья Филатьева.....	262
75. 1684 г. ранее августа 1. – Отписка казачьяго пятидесятника Герасима Цыпандина Якутскому воеводе Ивану Приклонскому, о посылке им на р. Амгунь служилых людей для приема от боярского сына Гаврила Фролова соболиной казны и аманатов, о числе сих последних в Удском острожке, о затруднительном положении Удскаго и Тугурского острожков по неимению средств защиты от неясачных инородцев и о проч.....	263

76. 1684 г. около августа. – Челобитная ясачных Тунгусов, приписанных к Удскому острожку, о том, чтобы Тунгусы Майского зимовья помогали им в подводной повинности во время походов Русских на неясачных инородцев и по другим случаям.....	267
77. 1684 г. после 17 сентября–октября 21 – I. Отписка Иркутского воеводы Леонтия Кислянского Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову, о убийстве Тунгусами, на речке Усикане, Албазинских казаков, посланных в Селенгинской острожек для сбора ясака, и о задержании Китайцами Албазинских же казаков, посланных для сбора ясака с инородцев, живших по рекам Быстрой и Амгуне.–II. Распросная речи в Енисейской приказной избе двух Албазинских казаков о том же.	269
78. 1684–1685 гг. – Дела из Албазинского архива.....	276
79. 1685 г. января 7 – Царская грамота Якутскому воеводе Матвею Кровкову о том, чтобы он, собрав к приказной избе всех служилых людей, прочел им сию грамоту и увещевал их служить царям верно и усердно.....	284
80. 1685 г. апреля 10. – Распросная речи Албазинских казаков, о походе их на неясачных Тунгусов, живущих по рекам Быстрой и Хамуну.	286
81. 1685 г., июня 4–августа. – Акты об осаде и взятии Албазина Китайцами.	293
82. 1685 г. июня 11. – Отписка из Селенгинска Енисейского боярского сына Ивана Поршенникова Енисейскому воеводе князю Щербатову о затруднительном положении Селенгинска, вследствие грабежей и убийств, совершаемых Монголами.	304
83. 1685 г. не ранее июня 11. – Донесение Нерчинскому Воеводе Власову Албазинского Правителя Алексея Толбузина.....	305

- 84.** 1685 г. не ранее июня 11. – Предписание Нерчинского Воеводы Власова Телембинского острога Прикащику Григорью Лоншакову..... 306
- 85.** 1685г. не ранее июня 22–ранее июля 10 – Челобитная поданная черным попом Ермогеном от имени всех жителей и служилых людей Албазинского острога о том, что Китайцы взяли и сожгли Албазин, забрали все имущество, приглашали их в подданство Китайскому богдыхану, но потом, по просьбе их, отпустили в другие Сибирские города, и что они терпят в дороге крайнюю нужду..... 307
- 86.** 1685 г. июня 26. – Донесение А. Толбузина Нерчинскому Воеводе Власову..... 311
- 87.** 1685 г. не ранее июня 26–ранее июля 10 – Отрывок из отписки Албазинскаго воеводы Алексея Толбузина в Сибирский приказ о том, что Китайцы взяли и сожгли Албазин, у жителей и у служилых людей забрали все имущество, приглашали их в подданство Китайскому богдыхану, но потом, по их просьбе, отпустили в другие Сибирские города, и что они терпят в дороге крайнюю нужду..... 313
- 88.** 1685г. после июля 10. – Краткое известие о взятии Албазина Китайцами. 315
- 89.** 1685 г. не ранее июля 10. – Отрывок из сказки служилых людей, которые пошли в Нерчинск с Алексеем Толбузиным. 316
- 90.** 1685 г. июля 27. – Расспросные речи Албазинских пашенных крестьян Василия Никифорова с товарищи перед Якутским воеводой Матвеем Кровковым о взятии Албазина..... 318
- 91.** 1685 г., в августе. – Отписка царю Енисейскаго воеводы князя Константина Щербатова, о неприязненных действиях Китайцев и Монголов, о недостатке в Енисейске ратных людей и военных запасов и о невозможности по этому оказать помощь Даурским острогам, и пр..... 323

- 92.** 1685 г. в августе. – Предписание Нерчинского Воеводы Власова Поручику и Казачьему Голове Афонасью Бейтону. 327
- 93.** 1685 г. августа 6. – Выписка из журнала по прошению Албазинского казака Мартынова..... 328
- 94.** 1685 г. не ранее августа 6. – Донесение Телембинского Прикащика Григорья Лоншакова Нерчинскому Воеводе Власову. 329
- 95.** 1685г. ранее августа 14 . – Челобитная новоприборных казаков Иркутского острога о выдаче им жалованья на 192 год 331
- 96.** 1685 г. не ранее декабря 1. – Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова к Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову о положении дел после взятия Китайцами Албазина и о принятых им мерах к постройке нового города или острога на реке Амуре..... 332
- 97.** 1685 г. декабря 11–1687 г. июля 17. – Статейный список посольства подьячих Н. Д. Венюкова и И. Фаворова в Цинскую империю 335
- 98.** 1686 г. февраля 2. – Запись в Иркутской приказной избе расспросных речей тобольского посадского человека Ф. Иванова с товарищами по поводу их поездки в китайские города и Монгольскую землю без проезжей грамоты 399
- 99.** 1686г. апрель . – Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова Енисейскому воеводе Степану Собакину об удачных действиях Русских против Китайцев на реке Камаре..... 402
- 100.** 1686 г. апрель. – Распросные речи в Нерчинской приказной избе Китайского мужика Говодейка, взятого в плен Русскими на реке Камаре..... 404
- 101.** 1686 г. не ранее июня 6 – Отписка царям Якутского воеводы Матвея Кровкова о возмущении ясачных Тонторских Тунгусов, о нападении их на Тонторское зимовье и убийстве

ими служилых людей. 407

102. 1686 г. июня 10. – Показание сына боярского Леонтия Трифонова, данное в Якутской приказной избе, о принятии им Удского острожка, о сборе ясака и о походе против Билярских Тунгусов. 409

103. 1686 г. июля 12. – Отписка Албазинского воеводы Алексея Толбузина к Нерчинскому воеводе Ивану Власову об осаде Китайцами Албазина и с просьбою о помощи ратными людьми и военными припасами. 411

104. 1686г. позднее июля 19 .– Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова Албазинскому воеводе Алексею Толбузину о том, чтобы он по прежнему заведывал Албазинским острогом, с уведомлением о посылке из Москвы в Даурию Федора Головина с ратными людьми и подьячаго Никифора Венюкова посланцем в Китай..... 413

105. 1686г. не ранее июля 25 .– Письмо Китайских воевод приказному Удского острожка Андрею Амосову по поводу неприязненных действий Русских против Китайцев. 415

106. 1686 г. июля 26. – Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова окольничему и воеводе Федору Головину о происшествиях в Даурии с июня 1685 по 26 июля 1686 года и о возобновлении Албазина, разоренного Китайцами. 417

107. 1686 г. августа 6. – Грамота из Военного министерства Белому царю Русского государства¹. 420

108. 1686 г. октябрь-ноябрь. – Отписки из Удинского острожка Андрея Яковлева, и Емельяна Паникадильникова Селенгинскому приказному человеку, с сообщением известий, полученных ими от разных лиц об осаде Китайцами Албазина и об убиении во время осады воеводы Алексея Толбузина. 424

109. 1686 г. не ранее декабря 13. – Специальный доклад

Сабсу на имя Кан-си о положении Албазина.	427
110. 1686 г. декабря 26. – Допросные речи в Майском зимовье Тунгуса, участвовавшего в нападении на Учюрское зимовье и в убийстве служилых людей.	429
111. 1687 г. не ранее сентября 9. – Отношение Стольника и Нерчинского Воеводы Ивана Власова к Окольниковому и Наместнику Полномочному Послу Ф.А. Головину.....	432
112. 1687 г. не ранее октября 4. – Донесение Нерчинского Воеводы Власова Послу Ф.А. Головину.....	435
113. 1687 г. не ранее октября 12. – Донесение Нерчинского Воеводы Власова Послу Ф.А. Головину.....	436
114. 1688 г. – Наказ Нерчинского воеводы Ивана Власова об исправлении, во время его отсутствия, воеводской должности.	437
115. 1688 г. – Челобитная пушкаря Елизара Ларионова и казака Василия Кузьмина, находящихся на службе в Албазине, о выдаче им денежного жалованья за 1686–1688 гг.....	440
116. 1688 г. не ранее июня 9. – Отписка полкового воеводы Ф. Головина Нерчинскому воеводе И. Власову о ремонте албазинской городской стены, разведывании сведений о неприятеле, о посылке в Албазин служилых людей и хлебных припасов.	441
117. 1688 г. июня 16. – Отписка Албазинского казачьего головы А. Бейтона Нерчинскому воеводе И. Власову об отгоне неприятелем лошадей из-под Албазина.	444
118. 1688 г. не ранее июля 12. – Отписка полкового воеводы Ф. Головина Нерчинскому воеводе И. Власову о челобитной казака Филиппа Лагунова и выдаче ему жалованья за осадное сиденье и службу в Албазине.....	446

- 119.** 1688 г. 30 июля. – Отписка Албазинского казачьего головы А. Бейтона Нерчинскому воеводе И. Власову об уничтожении посева хлеба, о тяжелом положении сидящих в осаде Албазинских служилых людей. 448
- 120.** 1688 г. июля 31. – Показание Албазинских нарочных казаков Буторина и Уварова, сделанное ими воеводе Нерчинскому Власову. 451
- 121.** 1688 г. не ранее июля–не позднее августа 19. – Отписка полкового воеводы Ф.А. Головина нерчинскому воеводе И.О. Власову о высылке в Альбазин служилых людей. Роспись подавших челобитье на вечное житье в Албазин. 452
- 122.** 1688г. августа 11 — Отписка полкового воеводы Ф.А. Головина Нерчинскому воеводе Ивану Остафьевичу Власову о высылке в Албазин служилых людей и хлебных запасов. 454
- 123.** 1688 г. августа 12. – Расспросные речи нерчинского толмача Г.Х. Кучи в разрядном шатре Ф.А. Головина о приходе в Нерчинск монгольских и братских людей, бежавших от Галдана Бошокту-хана, и о судьбе халхаских тайджи. 456
- 124.** 1688 г. августа 29. – Отписка полкового воеводы Ф.А. Головина нерчинскому воеводе Ивану Остафьевичу Власову об отмене китайцами съезда послов в Селенгинске и о подготовке к встрече китайских воевод, идущих к Албазину с войском для посольских переговоров. 459
- 125.** 1688 г. сентября 9. – Сказка тобольского сына боярского М. Юдина и стрельца полка П. Грабова М. Сумарокова в Сибирском приказе об осаде Селенгинска и Удинска монгольскими войсками и возвращении жилья С.Я. Коровина из Китая. 461
- 126.** 1688 г. в сентябре и октябре. – Отписки воевод Федора Головина и Афанасья Байтона Нерчинскому воеводе Ивану Власову, о набеге Китайцев на Албазин, и о необходимости

снабдить Албазинских поселенцев хлебом и скотом и увеличить,
для защиты городка, число ратных людей..... 463

127. 1689 г. – Повесть о чудеси святых благовенных великих
князей Всеволода и Довмонта, во святом крещении нареченных
Гавриила и Тимофея псковских чудотворцев. 466

128. 1689 г. не ранее января 2. – Донесение казачьяго Головы
Поручика Бейтона Нерчинскому Воеводе Власову..... 468

129. 1689 г. не ранее января 15. - Отношение Окольного
и Посла Ф.А. Головина к Нерчинскому Воеводе Власову..... 473

130. 1689г. не ранее мая 21. – Донесение Нерчинского
Воеводы Власова Окольному и Послу Ф.А. Головину..... 474

131. 1689 г. августа 27. – Нерчинский мирный договор
между Россией и Китаем о границах и условиях торговли. 475

***Раздел V. Албазинский острог в документах составленных
после заключения Нерчинского мирного договора*** 484

132. 1689 г. – 1690 г. – Свидетельство Даурского полковника
Офонася Иванова сына Байдона 485

133. 1690 г. апрель. – Показания разных лиц о церковном
имуществе г. Албазина и уезда его..... 486

134. 1690 г. не ранее мая 19–не позднее июля 20. –
Из челобитной бывшего Албазинского подьячего
Петра Хмелева, поданной в Пекине русскому посланнику
Григорию Лоншакову..... 488

135. 1690 г. не ранее июня 28. – Вестовое письмо в Сибирский
приказ, составленное в Удинской приказной избе, о войне
Галдана Бошокту-хана с монгольскими тайджи и о приезде
в Нерчинск цинского посланца 490

136. 1690 г. не ранее августа. – Донесение на Высочайшее имя,

писанное в Сибирский Приказ Федором Скрипицыным о разрытии и уничтожении по трактату г. Головина города Албазина, и о том, что из Албазина вынесено казенных и церковных вещей, оружия и проч.	493
137. 1690г. не ранее августа. – Опись церковным вещам, доставленным в Нерчинск из Албазина церковного Воскресенского имущества старостою Васильем Ерофеевым (без указания даты).	494
138. 1690 г. не ранее августа. – Прошение Албазинских Казаков и крестьян, поданное Окольникову и Послу Ф.А. Головину.....	496
139. 1690 г. в ноябре. – Сдаточная опись казенным вещам, вынесенным из Албазина Пятидесятником Васильем Смиренниковым.....	497
140. 1691 г. не позднее марта. – Статейный список о приеме посланцев калмыцкого Бушухту хана иркутским воеводой Леонтием Кислянским в Ильинской слободе.....	499
141. 1695 г. июня 6. – Грамота, данная плененному из Албазина, в Пекин Православному Священнику Максиму Леонтиеву на освящение данного Китайским Богдыханом храма и на отправление в нем священнослужения.	519
142. 1697 г. – Из дела о «бунте заморских казаков» против иркуцкого воеводы Афанасья Савелова 1696г.....	524
143. 1699 г. декабря 20. – Отписка Нерчинского воеводы Ивана Николева, о подмытии в Нерчинске водою городской башни и о ветхости других казенных строений.	542
144. 1711 г. не ранее. – Отписка сибирского служилого человека Перфирьева о службах его предков в Сибири с 1600 по 1697 г.	543
145. 1726 г. января 21. – Сказка Нерчинских служилых людей Л. Кочмарева с товарищами агенту Л. Лангу в Селенгинске	

о положении в пограничных районах.....	545
146. 1726 г. апреля не ранее 2. – Выписка из дел Нерчинской воеводской канцелярии о неразграниченных землях между Российской и Цинской империями.	548
147. 1727 г. июля 11. – Сказка бывшего албазинского казака А. Власьевского в Походной посольской канцелярии о пограничных местах.....	556
148. 1755 г. не ранее. – Выписка о реке Амур и Камчатской экспедиции.....	562
<i>Графические материалы.....</i>	591

[The page contains dense handwritten Cyrillic script, likely a liturgical or historical document.]